

УДК 821.0:398

ББК 82

ИЗ2

Из истории русской фольклористики. Вып. 7 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: Наука, 2007. — 000 с.

ISBN 978-5-02-026515-8

Выпуск содержит материалы и публикации по теории и практике отечественной науки о фольклоре XIX—XX вв.

Для филологов-фольклористов и интересующихся историей русской культуры.

Редколлегия:

А. А. ГОРЕЛОВ, В. И. ЕРЕМИНА, В. И. ЖЕКУЛИНА,
А. Ю. КАСТРОВ, А. Н. РОЗОВ (ответственный редактор)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-04-16213д*

© Коллектив авторов, 2007

© Российская академия наук и издательство
«Наука», серия «Из истории русской фольклористики» (разработка оформления),
1978 (год основания), 2007

ТП-2006-II-254

ISBN 978-5-02-026515-8

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередной 7-й выпуск серийного издания «Из истории русской фольклористики» посвящен фактографическому исследованию отечественной науки о народном творчестве XIX—XX вв. Сборник состоит из четырех разделов. В первом помещены статьи и публикации, посвященные разным аспектам изучения и собирания памятников народно-поэтической культуры.

А. Н. Розов обращается к предыстории создания сборника А. И. Соболевского «Великорусские народные песни».

Т. Г. Иванова рассказывает о большой собирательской и исследовательской деятельности Российской академии истории материальной культуры, осуществляемой в 1920—1930-х гг. фольклористами и этнографами в стенах данного учреждения.

Е. А. Костюхин дает характеристику всем направлениям, школам, сложившимся в советском сказковедении в 1920-е гг.

В. И. Жекулина публикует работу Н. Е. Ончукова, посвященную фольклору предоктябрьских и послеоктябрьских лет. Н. Е. Ончуков был убежден, что для изучения народной психологии и идеологии того времени все жанры фольклора, как просоветского, так и антисоветского, станут ценнейшим материалом.

С. П. Сорокина раскрывает неизвестную страницу деятельности П. Г. Богатырева в 1930-х гг., который, живя в Праге, пытался вернуть на родину собрание севернорусских былин, записанных А. Д. Григорьевым.

Письма известной сказительницы М. С. Крюковой собирателю Э. Г. Бородиной, опубликованные Н. Г. Комелиной, позволяют лучше понять характер, психологию севернорусской крестьянки, неожиданно для себя ставшей знаменитой в 1930—1940-е гг.

О. В. Никитин в своей работе использует материалы из архива известного лингвиста А. А. Реформатского, свидетельствующие об интересе ученого к народной песне, языку фольклора.

Статьи Д. М. Балашова и А. Н. Розова объединяет общая тема — важность создания Свода русского фольклора. Фольклорист

и писатель Д. М. Балашов одним из первых поддержал идею подобного издания, а Д. С. Лихачев, войдя в редколлегия Свода русских былин, всячески помогал этому труду воплотиться в жизнь.

Завершается первый раздел воспоминаниями музыковеда и фольклориста Ф. В. Соколова, в течение ряда лет руководившего Фонограммархивом ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. Это рассказ одного из представителей того поколения, которое появилось на свет в первые годы советской власти, перенесло невзгоды и испытания предвоенного, военного и послевоенного времени.

Второй раздел состоит из архивных материалов, расположенных в зависимости от времени записи. Здесь и мезенский рукописный сборник 1834 г. с нотами (публикация А. Ю. Кастрова); два духовных стиха из коллекции А. А. Шахматова (публикация В. И. Ереминой); народная проза из архива костромского собирателя В. И. Смирнова (публикация С. В. Гаврилиной); тексты севернорусских заговоров, записанные в 1928 г. А. М. Астаховой (публикация Л. И. Петровой); песни Печоры в записи 1929 г. (публикация Ю. И. Марченко). Е. И. Якубовская продолжает знакомить читателей с песенным собранием М. Н. Мякушина.

Г. Н. Щупак рассказывает о ленинградском ученом, собирателе и пропагандисте фольклора И. В. Ефремове. Она же публикует лирические песни, записанные Ефремовым в Пермской области в конце 1960—начале 1970-х гг.

Впервые в серийном издании появляется раздел «Историческая жизнь фольклорных жанров», состоящий из статьи М. Н. Власовой, рассматривающей ряд петербургских «демонических» сюжетов, образов, поверий, созданных по известным полуфольклорно-полулитературным клише.

В разделе «Архивы. Библиография» Р. Б. Заборова знакомит читателей с архивом известного фольклориста и литературоведа Н. П. Андреева, хранящимся в Российской национальной библиотеке. Данная публикация перекликается со статьями из первого раздела сборника, посвященными истории отечественной фольклористики 1920—1930-х гг.

В последнее время внимание зарубежных специалистов в области фольклористики привлекла необычайно богатая коллекция Фонограммархива ИРЛИ, включающая в себя не только записи русского народного творчества, но и фольклора народов СССР и других стран. Поэтому в сборнике помещен обзор иноэтнических материалов из Фонограммархива, сделанный Н. Д. Светозаровой.

Завершает раздел библиография М. В. Рейли по основным исследованиям и публикациям русской загадки в XIX—XX вв.

РАЗДЕЛ I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

А. Н. РОЗОВ

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО СВОДА РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

28 января 1887 г. в Отделении этнографии Императорского Русского географического общества (далее РГО) состоялось заседание под председательством действительного члена В. И. Ламанского. На этом заседании председательствующий обратился к присутствующим с краткой речью, в которой сформулировал четыре главнейшие задачи, стоящие перед Отделением. Особенно интересна для нас одна из них, а именно последняя, четвертая. В. И. Ламанский считал настоятельной необходимостью немедленно приступить к составлению и изданию *«полного собрания великорусской народной лирики»* (выделено В. И. Ламанским), куда вошли бы разбросанные по разным изданиям песни, записанные со времени Новиковского сборника по сей день. Выполнив эту задачу, Отделение сделало по отношению к народной лирике то же самое, что сделано Московским обществом любителей российской словесности по отношению к народному эпосу. Осуществление этой задачи председательствующий признавал настолько важным и своевременным, что просил Отделение, не откладывая этого дела на будущее, приступить к более подробному обсуждению его в ближайшем заседании». ¹ Далее в журнале заседаний отмечено, что «речь председательствующего прослушана была с глубоким вниманием и живейшим интересом». ²

Следующий доклад об издании Полного собрания великорусских бытовых и лирических песен В. И. Ламанский сделал на заседании Отделения этнографии спустя почти месяц (27 февраля).

¹ Журнал заседания Отделения этнографии. 28 января 1887 г. // Известия Имп. РГО. 1887. Т. 23. Вып. 1. С. 97.

² Там же.

Приведем текст доклада в том виде, в котором он был опубликован в Известиях Имп. РГО.³ «Относительно заявленного мною в прошлом заседании как от меня, так и от нашего почтенного сочлена А. Н. Пыпина предложения о приготовлении и издании в свет полного собрания великорусских народных, лирических и вообще бытовых песен честь имею сообщить Отделению, что, по ходатайству моему, для вознаграждения писцам за списывание песен из печатных и рукописных сборников Совет Общества нашел возможным отделить в нынешнем году 250 рублей, что для выработки общих предварительных правил, коих следует держаться при ведении этого дела, мы, т. е. председательствующий и секретарь Отделения,⁴ совещались с действительными членами Л. Н. Майковым и А. Н. Пыпиным.

Покорнейше прошу позволения у Отделения повергнуть на его благоусмотрение и одобрение следующие решения нашей, так сказать, частной комиссии.

1) Для начала достаточно ныне же приступить к составлению указателя печатных изданий и рукописей (имеющихся в богатом архиве Отделения), из коих имеют быть извлечены все нужные песни; 2) не дожидаясь окончания такого указателя, начать немедленно извлечения всех народных песен, помещенных в вышедших с половины XVIII века до „Сказаний русского народа“ Сахарова сборниках и песенниках; 3) отмечать в особой тетради и в указателе те сборники, которые будут таким образом исчерпаны; 4) списывание этих песен должно быть единообразное, непременно на листках одного формата, причем каждая песня записывается на одной странице, продолжение ее идет не на обороте того же листа, но на другом листке; в начале каждого листка с левой стороны пишется заглавие печатного или рукописного сборника, обозначаются год и место издания или написания, страницы или листы; с правой же стороны, также наверху листка, обозначается отдел, к которому относится песнь по своему содержанию (колыбельная, свадебная и проч.) и местность, где песня записана. 5) Относительно порядка и системы издания теперь еще преждевременно говорить, но во всяком случае признано желательным иметь при издании в виду распределение песен как по их содержанию и характеру, так и по краям и местностям, где песни записаны. Песни же, неизвестно где записанные, должны быть сведены вместе и изданы отдельно. При свадебных и других обрядовых песнях помещать описание обрядов.

Обширность, можно сказать громадность печатного и рукописного материала, потребует, в особенности для скорейшего и

³ Журнал заседания Отделения этнографии. 27 февраля 1887 г. // Известия Имп. РГО. 1887. Т. 23. Вып. 2. С. 217—219.

⁴ Член-корреспондент Ф. М. Истомина.

более энергического ведения предварительных работ, довольно значительных затрат. Такое полное собрание великорусских народных песен (не былин, не исторических песен и не духовных стихов, изданных уже в особых сборниках Московским обществом любителей словесности) является в настоящее время крайнею необходимостью. Издано их с половины XVIII в. великое множество, масса же содержится и в рукописях. Все это требует внимательного пересмотра, собрания воедино и систематического издания. Такое предприятие есть дело столь же патриотическое и национальное, сколько, например, составление и издание Русского словаря. Подобные национальные предприятия возбуждают к себе во всех просвещенных странах всеобщее участие, привлекают сочувственное внимание и поддержку всех классов общества и народа. Без такого издания невозможно даже слегка обозреть или даже окинуть беглым взором все содержание превосходнейшей лирической и бытовой поэзии самого крупного, единого, сильного и наибогатейшего, особенно лирическою, песенностью народа в целом певучем и поэтическом племени славянском. Такое издание необходимо для дальнейших успехов русской и славянской филологии и этнографии, вообще русской науки, русского самосознания. Без него нельзя в желанной полноте познать ни русского народного быта с его разнообразием, ни русского народного духа и его творчества, ни русской народной души и ее идеалов, ни русской народной речи, во всей ее силе и роскоши, красоте и меткости. Такое полное собрание великорусских песен имеет представить драгоценный запас данных для разнообразных наблюдений и изучений археологических, исторических, филологических, этнографических, будет живым неисчерпаемым родником для русского литературного слова, для нашей художественной поэзии. Эти книги (их будет несколько томов) станут одними из самых любимых, занятых и воспитательных книг в каждой русской семье. Они не менее, а может даже и более творений Пушкина и других наших лучших писателей, должны послужить распространению русского языка у всех народов славянских.

Ввиду такой важности этого предприятия Этнографическое Отделение вправе рассчитывать на сочувствие и поддержку русской повременной печати, ежемесячной и ежедневной, столичной и провинциальной. Она может оказать великую услугу Отделению Этнографии, а вместе с тем и русской науке, разъяснив перед всею читающею Россиею пользу и важность предприняемого Отделением полного собрания великорусских лирических, обрядовых и бытовых песен.

Сочувствие и участие русского Общества и всей грамотной России к этому предприятию Отделения, можно надеяться, выскажется со всех концов России в денежных пожертвованиях на приготовления к изданию и на самое издание, в присылке

в Императорское Русское Географическое Общество от знатоков и любителей нашей народной словесности различных библиографических указаний на некоторые малоизвестные печатные источники, в предоставлении Отделению в собственность или во временное пользование разных старинных и новых, рукописных или редких печатных, сборников. Обо всех этих пожертвованиях Этнографическое Отделение извещало бы своевременно в ведомостях и в „Известиях Императорского Географического общества“. Наконец, список жертвователей и сотрудников следовало бы печатать при каждом томе предприняемого Отделением полного собрания великорусских песен».

Далее в журнале заседаний Отделения этнографии с протокольной лаконичностью зафиксировано следующее: «Отделение, одобрив предположения председательствующего, возложило дальнейшую деятельность по этому вопросу на особую комиссию, в состав которой вошли: председательствующий в Отделении В. И. Ламанский, действительный член Л. Н. Майков, член-сотрудник А. Н. Пыпин и секретарь Отделения член-сотрудник Ф. М. Истомина; при этом со стороны членов Общества были сделаны некоторые указания; действительный член Т. И. Филиппов указал на необходимость строгого выбора из старых сборников только таких песен, которые носят на себе несомненные признаки чисто народного творчества, что, по замечанию председательствующего, входило уже и в планы дальнейшего выполнения изложенных им предложений; другое указание Т. И. Филиппова было высказано им по поводу предполагаемых отметок при каждой песне тех местностей, в которых эти песни записаны; Т. И. Филиппов не придавал особо важного значения таким отметкам ввиду того, что они не решают с точностью вопроса, где данная песня поется. Признавая полную справедливость такого взгляда, председательствующий считал все-таки полезным при переписке песен из сборников воспроизводить такие отметки, если они имеются в этих сборниках; разумеется, не делать этих отметок лишь по предположению, в тех случаях, когда местность не указана; притом же все такие отметки будут лежать на обязанности переписчиков, работы которых будут впоследствии подвергнуты строгой проверке и обсуждению со стороны членов комиссии».

Текст выступления В. И. Ламанского полностью или в пересказе был опубликован во многих светских и церковных периодических изданиях, при этом публикация нередко сопровождалась комментариями в пользу подобного предприятия.⁵

На предварительные работы для издания Отделением были выделены определенные денежные средства, и созданная комиссия по

⁵ Русский филологический вестник. 1887. Т. 17. № 1. С. 225—226 (раздел: «Разные известия, библиографические заметки и указатели новых книг»); Церковный вестник. 1887. № 13—14. С. 251 и сл.

Своду народных песен получила возможность сразу же приступить к исполнению задуманного дела. Так, А. Н. Пыпиным был составлен «Предварительный список песенников, вышедших до издания Сахарова в 1838 г.». В нем насчитывалось 75 печатных сборников. Началась переписка печатных и рукописных песенников, которые либо обнаруживались членами комиссии, либо присылались в Отделение этнографии частными лицами. В книге, напечатанной к юбилею РГО,⁶ сказано, что «несколько сборников в том же году (т. е. в 1887. — *А. Р.*) было переписано в Импер. Публичной Библиотеке, но еще более их было предоставлено в распоряжение комиссии почтенным библиографом П. А. Ефимовым». Далее отмечается, что из разных уголков России стали поступать тексты песен (перечислены фамилии некоторых дарителей, в частности А. Х. Еленева, приславшего из Казани рукописный песенник XVIII в.). Некоторые корреспонденты предлагали свою помощь в работе (например, знаменитый филолог И. А. Шляпкин, известная собирательница фольклора О. П. Семенова и др.). Члены комиссии продолжали искать наиболее древние песенники, изучали их и отдавали в переписку. Всего из разных печатных и рукописных источников к 1893 г. в Отделении хранилось «около 5000 отдельных полулистов, заменяющих собою как бы отдельные карточки, которые при издании можно было бы распределять по соответствующим отделам».⁷

По неизвестным пока причинам (их, очевидно, можно отыскать в архиве РГО, что будет сделано в ходе дальнейших разысканий) песенный Свод так и не вышел в свет. Все собранные и переписанные материалы были переданы «для рассмотрения, разбора и редактирования действ. чл., проф. А. И. Соболевскому», который на этой основе выпустил в свет свою знаменитую семитомную антологию «Великорусские народные песни». Известно, что архив А. И. Соболевского сильно пострадал в свое время от пожара, поэтому в нем не сохранились материалы,⁸ относящиеся к истории создания ученым своей антологии.⁹ Однако обнаруженные сведения о работе Отделения этнографии РГО позволяют эту историю в какой-то степени воссоздать. Кроме того, на наш взгляд, речь и доклад В. И. Ламанского чрезвычайно актуальны, так как рано или поздно фольклористы вернуться к идее создания Свода русских народных песен или хотя бы переиздадут антологию А. И. Соболевского.

⁶ История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845—1895. Составил по поручению совета ИРГО вице-председатель Общества П. П. Семенов при содействии действ. чл. А. А. Достоевского. СПб., 1896. Т. 3. С. 1289.

⁷ Там же.

⁸ В свое время нами были просмотрены фонды А. И. Соболевского, хранящиеся в архиве АН и в ЦГАЛИ.

⁹ *Розов А. Н.* А. И. Соболевский — редактор печатных песенников XVIII в. // Из истории русской фольклористики. СПб., 1904. Вып. 6. С. 29—38.

Т. Г. ИВАНОВА

РУССКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА В СТЕНАХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

До революции 1917 г. фольклористика в организационном плане развивалась в основном внутри научных обществ (Русское географическое общество; Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете; Московское археологическое общество; Харьковское историко-филологическое общество; Уральское общество любителей естествознания, и др.). Общества получали финансовую поддержку из различных источников, но коллектив ученых складывался «по интересам», зачастую не имеющим ничего общего с основной сферой профессиональной деятельности каждого из участников. Структур наподобие современных научно-исследовательских институтов в дореволюционной России не существовало. Одним из положительных изменений в научной сфере в послеоктябрьские годы стало создание целой сети научно-исследовательских учреждений, финансировавшихся государством и объединявших ученых в коллективы по профессиональному признаку.

Одним из учреждений подобного рода стала Российская академия истории материальной культуры (РАИМК; Петроград). Имя РАИМК, в отличие от Государственного института истории искусств (Петроград/Ленинград) или Государственной академии художественных наук (Москва), у современных фольклористов не «на слуху». Мало кто из ученых начала XXI столетия сможет сказать, какие фольклористические события связаны с этим учреждением. Тем не менее Академия играла заметную роль в фольклористике 1920-х гг.

Российская академия истории материальной культуры была создана 18 апреля 1919 г. на базе Археологической комиссии, существовавшей, в свою очередь, с 1859 г. С середины 1920 г.

располагалась РАИМК на Дворцовой набережной в Мраморном дворце, принадлежавшем до революции семье президента императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича. В 1926 г. Академия была переименована в государственную (ГАИМК). В это время ГАИМК подчинялась Научному отделу Народного комиссариата по просвещению.¹ В 1937 г. ГАИМК вошла в систему учреждений АН СССР и получила новое название — Институт истории материальной культуры. С 1959 г. это учреждение называлось Институтом археологии АН СССР, а в эпоху «перестройки», в 1992 г., подобно другим научным учреждениям с богатой историей, вернулось к старому названию. Сейчас это Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

Первым директором Академии истории материальной культуры, работавшим как раз в те годы, которые интересуют нас, был Николай Яковлевич Марр (1864—1934), известный языковед, археолог, академик Петербургской Академии наук с 1909 г. Научные взгляды Н. Я. Марра, увязывавшего развитие языка с хозяйственной (материальной) деятельностью человека, и определили то, что в Академии, помимо изучения материальной культуры, весьма значимой составляющей стала духовная культура народа.

В 1920-е гг. в РАИМК имелось три отделения: археологическое, художественно-историческое и этнологическое. Судя по списку экспедиций, проведенных этим учреждением, этнологические изыскания не стояли на первом месте в его работе. Основное внимание уделялось археологическим раскопкам; затем следовали поездки, связанные с изучением и реставрацией памятников архитектуры; и только на третьем месте — этнографические экспедиции.² В свою очередь фольклористический аспект для РАИМК был всего лишь частью в некоторой сумме этнографических сторон народной культуры.

Развитие фольклористики в стенах РАИМК определялось несколькими факторами. Во-первых, главной формой фольклористической деятельности Академии были этнологические экспедиции. Ни в научных заседаниях с обсуждением докладов, ни в издательской деятельности фольклорные интересы сколько-нибудь заметного места в этом учреждении не заняли. Во-вторых, следует сказать, что, несмотря на то что полевые результаты работ сотрудников РАИМК были очень весомыми, в настоящее время, к сожалению, эти экспедиции, в отличие от подобных же поездок

¹ Устав Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1926; *Платонова Н. И.* Российская академия истории материальной культуры. Этап становления (1918—1919 гг.) // Советская археология. 1989. № 4. С. 5—16.

² Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919—1956 гг. Указатель. М., 1962.

Государственного института истории искусств, оказались абсолютно забытыми фольклористикой. Дело в том, что фольклорные материалы РАИМК вовремя опубликованы не были, а местонахождение записей к сегодняшнему дню неизвестно. Казалось бы, данный факт — почти полная потеря фольклорных материалов для науки — должен стать определяющим в вопросе о степени вклада Академии в российскую фольклористику. Утрата записей устно-поэтического творчества вроде бы позволяет не считать РАИМК фольклористическим учреждением. Однако, как мы постараемся показать, Академия истории материальной культуры занимала достойное место в ленинградской фольклористике 1920-х гг.

Весьма значимой чертой в работе РАИМК были ее тесные связи с местными краеведческими организациями. Выбор региона для обследования нередко определялся при помощи местных краеведов, которые принимали участие в подготовке экспедиций, а летом выезжали непосредственно в деревни для сбора фольклорно-этнографического материала. Такого рода тесных связей с местными краеведами у фольклористов ГИИИ, кстати, не было. Вероятно, это объясняется тем, что ученые РАИМК работали в центральных районах России, где краеведение в 1920-е гг. получило широкое развитие, сотрудники же Государственного института истории искусств выезжали в отдаленные северные регионы, не охваченные краеведческим движением.

И наконец, укажем на главное качество фольклористики в стенах РАИМК. Развитие фольклористики здесь было подчинено принципиально комплексным подходам к явлениям духовной и материальной культуры. В ходе этнологических экспедиций сотрудники Академии нащупывали новые методы в изучении народного быта — методы, наиболее яркое воплощение которых связано с именем Д. К. Зеленина, активно работавшего в те же двадцатые и тридцатые годы. Фольклорный текст учеными РАИМК не сводился к его вербальной (литературной) составляющей. Интересы исследователей были сосредоточены на историческом, бытовом, языковом, обрядовом контекстах фольклорного текста. Как известно, начиная с 1930-х гг. фольклористика все жестче смыкалась с литературоведением, теряя этнографическую сущность фольклорной культуры. Отражая эту тенденцию науки, и РАИМК к началу 1930-х гг. перестает быть фольклористическим учреждением. В ходе структурной перестройки этого учреждения, проходившей на рубеже 1920—1930-х гг., Этнологическое отделение РАИМК, где и развивалась фольклористическая мысль, было упразднено, а Академия полностью сосредоточилась на археологических и историко-архитектурных проблемах.

Деятельность Этнологического отделения первоначально была сосредоточена исключительно в Москве. Здесь находились В. В. Богданов (глава отделения), А. Н. Максимов, В. А. Горд-

левский, Б. А. Куфтин, М. В. Сергиевский, Б. В. Миллер, Б. С. Жуков. Все перечисленные лица входили в Московскую секцию РАИМК. Членом разряда Этнологии был также проживавший в то время в Харькове Д. К. Зеленин (см. его отчет по линии РАИМК — Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2, оп. 2, 1920, № 11, л. 35—36; далее: Архив ИИМК). Московская секция Этнологического отделения ставила себе задачей этнографические наблюдения в Центральной и Северной России, фиксирование изменений в народном быте, произошедших под влиянием социальных перемен. В 1920 г. было проведено несколько экспедиций — в Касимовский и Спасский уезды Рязанской губернии и в Дмитровский уезд Московской губернии.³ Во время полевых выездов изучались материальная культура и ремесла крестьян, в частности — гончарство. Результатом этих поездок стала статья Б. А. Куфтина и А. М. Россовой о гончарном искусстве Подмоскovie.⁴

Активно проходили заседания московской секции Этнологического отделения, на которых поднимались важные проблемы развития археолого-этнографических исследований. Так, 2 ноября 1920 г. А. Н. Максимов сделал доклад, в котором обсуждались принципы преподавания данных наук в высших учебных заведениях. Напомним, что в предреволюционной России регулярного преподавания археологии и этнографии (то есть отдельных кафедр для этих научных дисциплин) не существовало. «В некоторых слоях общества, — говорилось в докладе А. Н. Максимова, — а отчасти и в академических кругах, существует предубеждение против этнологии и археологии и отношение к ним не как к строго научным дисциплинам, а как к простому любительству или коллекционерству» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 7). Докладчик предлагал преподавание названных дисциплин сосредоточить на исторических факультетах университетов. Сейчас логика такого решения нам представляется безусловной. Однако напомним, что подобное решение было отнюдь не единственным в тот период. В Петрограде, например, преподавание этнографии было сосредоточено в Географическом институте, а чуть позже — на географическом факультете университета.

³ См.: Отчет по разряду Этнологии (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 29—31). В середине 1920-х гг. в Московской секции ГАИМК работали В. В. Богданов, Б. А. Куфтин, Б. М. Соколов, Н. И. Лебедева, Е. Н. Елеонская и др. Основная деятельность секции заключалась в докладах ее участников. См. один из отчетов Московской секции ГАИМК: *П-в*. Комиссия по этнологии Московской секции Государственной академии истории материальной культуры // Этнография. 1926. № 1/2. С. 265—267.

⁴ Куфтин Б. А., Россова А. М. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. М., 1928. Вып. 5. С. 9—30.

18 ноября 1920 г. В. В. Богданов сделал доклад «Общие принципы археолого-этнографических институтов в России». В стране, только что вышедшей из хаоса Гражданской войны, предполагалось развернуть целую сеть научно-исследовательских учреждений для изучения археологии и этнологии, причем в этнологии выделялось три разряда: палеоэтнология, этнология или этнография (материальная культура, верования, язык, социальный быт, устное творчество), этническая антропология (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 8 об.—10). Эта структура и была реализована в работе Этнологического отделения РАИМК.

Петроградская секция Этнологического отделения поначалу состояла только из одного человека — Давида Алексеевича Золотарева (1885—1935), антрополога. Но уже в мае—декабре 1920 г. здесь появились молодые специалисты по материальной культуре З. П. Малиновская, О. А. Олиференко и Л. И. Песселеп (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 40. Отчет петроградской секции разряда этнологии). В ходе становления РАИМК Этнологическое отделение получило несколько разрядов: палеоэтнологии, этнографии (этнологии) и этнической антропологии. На 1 октября 1925 г. в разряд этнографии, наиболее актуальный для нашей темы, помимо Д. А. Золотарева, входили Надежда Павловна Гринкова (диалектолог, фольклорист, специалист по народной одежде), Степан Антонович Еремин (диалектолог), Александр Лукич Колобаев (специалист по крестьянским постройкам), Леонтина Ивановна Песселеп (также специалист по крестьянским постройкам).⁵

Основной движущей силой по Этнологическому отделению в Петрограде был Д. А. Золотарев. В 1919—1920 гг. он разработал анкету по этнологическому изучению крестьянства. Анкета была отпечатана тиражом в 10 000 экземпляров и разослана местным краеведам. На протяжении 1920 г. Д. А. Золотарев совершил несколько разведочных выездов в Тверскую, Ярославскую, Олонецкую и Саратовскую губернии с целью знакомства с работой местных краеведческих организаций (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 39. Отчет Д. А. Золотарева за 1920 г.). Ознакомившись, например, с деятельностью Саратовского общества истории, археологии и этнографии, Д. А. Золотарев поставил вопрос о целесообразности создания на базе Общества научно-исследовательского археолого-этнологического института (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 104). Участие в работе рыбинского съезда по краеведению, где он встретил сочувствие и горячую заинтересованность со стороны бежецких любителей родного края, определило дальнейший регион его научных поисков.

⁵ Личный состав Академии на 1 октября 1925 года // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1926. Т. 1. С. 25.

Для истории фольклористики важными оказались верхневолжские экспедиции РАИМК (1921—1925) в Тверскую, Рыбинскую, Ярославскую, Костромскую губернии.

На протяжении первых месяцев 1921 г. Д. А. Золотарев вел напряженную работу по материальному обеспечению экспедиции и подбору ее участников. Регионом обследования был избран Бежецкий край Тверской губернии. В результате в подготовке экспедиции в той или иной форме принимали участие, помимо РАИМК, Этнографический отдел Русского музея, Комиссия по изучению племенного состава России, Отделение этнографии Русского географического общества и Бежецкое научное общество. Основная проблематика этнологической экспедиции была связана с изучением материальной культуры крестьянства — жилища, орудий труда, сельскохозяйственного производства, одежды и т. д. Однако проблемы духовной культуры также находились в сфере внимания научных сотрудников РАИМК уже с самого начала их экспедиционной деятельности. С. А. Еремину было поручено составить программу по собиранию особенностей русских говоров Тверской губернии. Программа была создана и напечатана.⁶ Помимо традиционно лингвистических аспектов фонетики, грамматических форм и лексики здесь акцентировалось внимание и на вопросах отражения языком разных сфер обрядово-мифологической жизни русского крестьянина. Так, в пункте 107 предлагалось собрать сведения о названиях различных годовых точек (цортова неделя, пестрая неделя и т. д.), явно окрашенных мифологическим сознанием. Программа ориентировала на собирание названий обрядовых праздников, кушаний, чинов свадебного действа, мифологических персонажей и др.

Летом 1921 г. возглавляемая Д. А. Золотаревым группа петроградских ученых выехала в Бежецкий край. Научные интересы распределялись следующим образом: С. А. Еремин изучал язык и говор; О. А. Олиференко — народный быт, в основном одежду; Л. И. Песселеп — крестьянские постройки; сам Д. А. Золотарев и З. П. Малиновская занимались антропологическими измерениями. В экспедиции участвовали также бежецкие краеведы, в частности председатель местного научного общества А. И. Михайлов. Основной район работы — станция Подобино, село Теблещи и Трестенская волость. В результате этнографических исследований удалось уточнить границы расселения карел в здешнем крае,⁷ на основании антропологических данных выделить особую группу

⁶ См. второе издание: Программа для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям Тверской и Рыбинской губерний. Изд. 2-е, испр. [Петроград, 1922].

⁷ Золотарев Д. А. Этнографический состав населения Бежецкого уезда (по материалам этнологической экспедиции и Комиссии по изучению племенного состава населения России при Академии наук) // Бежецкий край: Первый вы-

русских — теблешан, при этом отвергнув звучавшую в науке мысль об их карельском происхождении.

Чисто фольклористические результаты экспедиции 1921 г., если отвлечься от количества собранных частушек, были очень скромными. Д. А. Золотарев в отчете писал: «По фольклору собрано около 600 частушек, не считая поступивших из Краснохолмского уезда через С. П. Сулова (местный краевед. — *Т. И.*) десяти тысяч частушек, больше 20 сказок, 60 длинных песен, 5 духовных стихов».⁸ Проблемы духовной культуры находились в сфере внимания С. А. Еремина. По-видимому, именно ему принадлежат названные фольклорные записи. В отчете С. А. Еремина за 1921 г., помеченном 5 декабря, говорится, что 8 декабря он собирается читать доклад о языке, песне и сказке Бежецкого уезда (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1921, № 10, л. 2). К сожалению, сейчас местонахождение этих материалов неизвестно.

В 1922 г. РАИМК организовал вторую поездку в регион верхней Волги. На этот раз район обследования был значительно расширен: Бежецкий, Весьегонский, Краснохолмский, Мологский уезды. В экспедиции участвовали 17 человек, не считая местных краеведов. Было сформировано четыре отряда. Бежецкий отряд — С. А. Еремин (руководитель), А. Л. Колобаев, З. П. Малиновская, Р. П. Митусова, М. М. Серова, И. Д. Старынкевич. Краснохолмский отряд — М. Б. Едемский (руководитель), М. И. Артамонова, М. П. Грязнов. Весьегонский отряд — А. И. Михайлов (руководитель), Л. И. Песселеп, А. Е. Кудряшова, Е. Д. Герке, С. Д. Сеницын. Мологский отряд — Д. А. Золотарев (руководитель), Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова, В. П. Шibaев и на некоторое время присоединившаяся к ним М. М. Серова. Экспедицией были определены несколько опорных пунктов для работы. Это станция Максатиха в Бежецком уезде; регион Пушкинщина в Весьегонском уезде, жители которого, пушкари, имели некоторые этнографические особенности, выделявшие их среди основного населения; д. Огибалово в Краснохолмском уезде, славившаяся своим гончарным промыслом; Леонтьевская и Покровско-Ситская волости Мологского уезда, где проживали так называемые сицкари (по названию реки Сити).

Уже сам перечень участников экспедиции 1922 г. (фольклористические имена: М. Б. Едемский, М. М. Серова, Н. П. Гринкова) говорит о том, что на этот раз проблемы духовной культуры и фольклора получили равное внимание наряду с материальной культурой.

пуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Бежецк, 1921. С. 64—74.

⁸ Золотарев Д. А. Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях // Изв. Российской академии истории материальной культуры. Л., 1924. Т. 3. С. 7.

Д. А. Золотарев в своем отчете отмечал, что А. Е. Кудряшова, работавшая в Бежецком крае, «занимаясь по преимуществу живой стариной, записала 36 сказок, десятки песен, причитаний, обрядов, представляющих очень большой интерес».⁹ М. М. Серова и И. Д. Старынкевич записали среди пушкарей 8 сказок, 130 частушек, десятки свадебных песен, описания обрядов, загадки. В Краснохолмском уезде фольклор записывал М. Б. Едемский — 50 сказок, свадебный обряд, песни. Фольклор сицкарей заинтересовал Н. П. Гринкову, занимавшуюся в основном изучением народных говоров; ею было записано 3 сказки, 40 песен, свадебный обряд. Подводя фольклористические итоги поездки 1922 г., Д. А. Золотарев писал: «Записано более 100 сказок, 700 частушек, несколько десятков длинных песен, свадебный и другие обряды в различных местах, 210 загадок, игры, обычаи и пр.».¹⁰ Фольклористический аспект играл заметную роль и в просветительской деятельности экспедиции. М. М. Серова и А. Е. Кудряшова провели в Рыбинске, Бежецке, Мологе, Весьегонске, Максатихе и с. Чамерова вечера сказок.

Успехи в изучении материальной культуры региона у участников экспедиции 1922 г. были столь же весомыми, что и в области фольклора. 20 декабря 1922 г. научно-исследовательское бюро Северной железной дороги — одна из организаций, финансировавших экспедицию, — заслушало доклад Д. А. Золотарева и результатами работы осталось довольно: «Бюро Северной ж(елезной) д(ороги) настоящим считает необходимым выразить свою глубокую признательность и восхищение проф. Золотареву и всем его сотрудникам, в исключительно трудных и по моменту времени, и по территории изучения условиях их работ выявившим столь огромную энергию, любовь к делу, трудоспособность и самопожертвование, обогатившим этнографическую науку оригинальными и образцовыми по замыслу, плану и его выполнению результатами, отложенными в массу художественных, графических, цифровых и коллекционных материалов» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1922, № 97, л. 1). Ученым начала XXI в. остается только присоединиться к процитированным словам. Ведь экспедиции проходили в исключительно сложных условиях — в стране, только выходящей из ада Гражданской войны, в регионах, где противостояние разных лагерей принимало наиболее острые формы.

Летом 1923 г. полевые работы были продолжены, а в декабре сотрудники Этнологического отделения смогли устроить в Мраморном дворце выставку, посвященную результатам Верхневолжской экспедиции (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 7, л. 9). Верхневолжские экспедиции РАИМК имели широкий обществен-

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 22.

ный резонанс. Так, на Первой Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в Ярославле в конце 1923 г., Д. А. Золотареву был присужден диплом I степени за соби́рание предметов великорусского быта Тверской и Рыбинской губерний (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 104, л. 8). В марте 1924 г. Вологодский государственный объединенный музей, прослышавший об успешной работе РАИМК в Тверском крае, обратился к Д. А. Золотареву с просьбой расширить границы Верхневолжской экспедиции и начать сотрудничество по изучению Вологодского региона. РАИМК пошел навстречу и летом 1924 г. профинансировал работу в Вологодской губернии известного фольклориста М. Б. Едемского, нештатно сотрудничавшего с Академией. Н. П. Гринкова в 1924 г. продолжила работы в Тверском крае.

Основным же районом Верхневолжской экспедиции в 1924 г. стали Даниловский и Ростовский уезды Ярославской губернии (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 104, л. 56—57. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в Ярославскую губернию летом 1924 г.).

З. П. Малиновская, работая в деревнях по железнодорожной линии Любим—Буй, сумела от местных знахарок собрать большой материал по народной медицине. Фиксировались сведения по свадьбе, поверьям, обычаям. Экспедиционеры интересовали обряды засева и уборки урожая; правила переезда в новый дом; суеверия, связанные с покупкой скота; ритуалы предохранения от мух и тараканов, и т. д. Словом, внимание было приковано к тем сторонам традиционной культуры, которые наименее связаны с вербальным кодом фольклора и которые в тридцатые годы начнут исчезать из поля зрения фольклористов, все более и более смыкающих устную поэзию с литературой.

Е. Э. Бломквист и А. К. Демидов совместно с ростовскими краеведами обследовали Ростовский уезд. Как следует из отчета, они также собирали фольклорный материал: свадебный обряд, погребальные обычаи, частушки, песни, гадания, детские колыбельные песни и т. д.¹¹ К сожалению, фольклорный материал, собранный в 1924 г., также опубликован не был, а местонахождение записей в настоящее время неизвестно.

За годы работы в Верхне-Волжском крае Академия истории материальной культуры сумела собрать богатейший материал по материальной и духовной культуре местного населения. Результаты наблюдений были обнародованы в ряде статей, перечень которых дан в отчете С. А. Еремина.¹²

¹¹ См. также краткий отчет об экспедиции 1924 г.: Отчет Ростовского научного общества по изучению местного края за 1924 г. (Первый год). Ростов, 1924. С. 6.

¹² *Еремин С.* Разряд этнографии Государственной академии истории материальной культуры // Человек. 1928. № 1. С. 86.

Говоря современным языком, мы можем сказать, что Верхневолжская экспедиция была комплексной по своему характеру. Однако важно осознать, что представляет из себя комплексность как таковая. Комплексность должна заключаться не только в том, что в экспедициях участвуют специалисты разных научных дисциплин. Принципиально важно, чтобы ученые работали не просто параллельно друг с другом, а стремились к решению единой задачи. Задача Верхневолжской экспедиции Д. А. Золотаревым была сформулирована следующим образом: «Что представляет собою в этнологическом отношении Ярославско-Тверской край, каковы особенности населения и чем они объясняются — вот общая задача, поставленная нами. История, история колонизации края, археологические данные были для нас источниками, а коллективная работа по собиранию и разработке этнографических, лингвистических, антропологических, археологических, архитектурных и статистических материалов мыслилась как средство для разрешения поставленной задачи».¹³

Следует сказать, что отнюдь не во всех трудах сотрудников РАИМК эта задача находила успешное разрешение. Порой наблюдения в разных областях народной культуры оставались параллельными и не приводились к некой единой идее. Так, С. А. Еремину принадлежит этнографический очерк о теблешанах — компактной группе населения Бежецкого уезда с центром в селе Теблеша. Соседи называли их «индейцы», «картоусы», «Картоусово царство» и отмечали их дикость, неотесанность, непопрятность. Начав с историко-географической справки о регионе, исследователь дает полновесное описание жилища теблешан, их одежды, пищи, занятий и промыслов. Далее он переходит к духовной культуре населения. В свадебном обряде отмечается редкий обычай «набиванья» — сватовства, исходящего со стороны невестинной родни; указываются венчание в «кручинном» (белый траур) платье и некоторые другие любопытные элементы. Дается исследователем и характеристика песен, частушек, сказок и других жанров фольклора. Однако при описании всего названного выше материала, порой очень интересного, в исследовании не чувствуется некой сверхзадачи. Только в анализе теблешанского говора эта задача появляется: исследователь делает вывод, что теблешане — довольно позднее население здешнего края и связаны по своему происхождению с западно-русским, скорее всего белорусским, элементом. Вывод этот делается, повторяем еще раз, только на основании языка. Белорусских черт

¹³ Золотарев Д. А. Изучение крестьянских построек в работах Верхневолжской этнологической экспедиции // Верхневолжская этнологическая экспедиция: Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. V.

в материальной культуре теблешан и их фольклоре исследователь не отмечает.¹⁴

Более удачными с точки зрения понятия «комплексное исследование», на наш взгляд, были работы Н. П. Гринковой. Позволим себе сказать несколько слов об этой исследовательнице, оставившей значимый след в истории русской фольклористики. Надежда Павловна Гринкова родилась 4 сентября 1895 г. в Петербурге, где закончила в 1913 г. гимназию, после чего училась на словесном отделении Высшего женского педагогического института (1913—1918). В 1918—1925 гг. Н. П. Гринкова являлась ассистентом кафедры русского языка в Первом Петроградском педагогическом институте. Здесь она вела курсы по древнецерковнославянскому языку и по диалектологии. Одновременно Н. П. Гринкова стала слушательницей Петроградского университета, углубляя свои знания в области языкознания. В 1920 г. она была избрана преподавателем русской диалектологии в Географическом институте, где в то время существовало Этнографическое отделение, собравшее такие научные силы, как В. Г. Богораз-Тан, Л. Я. Штернберг, Д. К. Зеленин, Е. Г. Кагаров. Летом 1920 г. Н. П. Гринкова совершила свою первую экспедицию, носившую этнографический и диалектологический характер, — в Гдовский уезд Петроградской губернии. В том же году молодая исследовательница была избрана научным сотрудником Российской академии истории материальной культуры. Здесь Н. П. Гринкова первоначально работала в Комиссии древних карт и путей. В личном деле Н. П. Гринковой, хранящемся в Институте истории материальной культуры, находится недатированная, относимая нами к 1921 г., характеристика молодой исследовательницы, подписанная С. Ф. Ольденбургом. В документе говорится следующее: «К работам в Комиссии Н. П. Гринкова привлечена покойным А. А. Шахматовым, весной текущего года ей поручена была выборка материала из Списков населенных мест в связи с историко-географическими задачами Комиссии, работа выполнена была весьма успешно» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 3, № 164, л. 1). В 1921 г. Н. П. Гринкова была также избрана научным сотрудником первого разряда в Русском музее по Этнографическому отделу. В дальнейшем, не оставляя преподавательской деятельности в педагогическом институте (впоследствии — имени А. И. Герцена), она также являлась сотрудником Музея этнографии народов СССР (бывший Этнографический отдел Русского музея) и позднее — старшим научным сотрудником сектора диалектологии Института русского языка АН СССР (1945—1950).¹⁵

¹⁴ *Еремин С. А.* О теблешанах // Изв. Государственного русского географического общества. 1926. Т. 108. Вып. 2. С. 111—125; Т. 109. Вып. 1. С. 3—39.

¹⁵ См. о ней: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. Минск, 1977. Т. 2 (А—К). С. 159—163; *Чагшиева В. И.* Творческий

Сфера основных научных интересов Н. П. Гринковой была связана с изучением русских народных говоров. Воронежским диалектам была посвящена ее докторская диссертация, написанная в предвоенные годы и защищенная в 1947 г. В этой работе ярко проявились две важные черты: последовательное изучение языка в тесной связи с историей заселения края и осмысление диалектов в связи с языковыми особенностями местных памятников письменности XVII в. Таким образом, Н. П. Гринковой одной из первых в нашем языкознании при изучении народных говоров был акцентирован аспект исторической диалектологии.

Диалектология была не единственной гуманитарной наукой, в которой Н. П. Гринкова оставила заметный след. Участие в полевых экспедициях РАИМК, в которых молодой исследовательнице довелось работать бок о бок с учеными разных специальностей, позволило ей обрести обширные знания в разных сферах народной культуры. В частности, ее перу принадлежат серьезные исследования по русской народной одежде.¹⁶ В трудах Н. П. Гринковой, как мы уже говорили, весомо и полнокровно смогла воплотиться идея комплексности в изучении крестьянского быта.

Летом 1924 г. Н. П. Гринкова работала в Молодотудской волости Тверской губернии, население которой, «тудовляне», значительно отличалось от своего окружения. Село Молодой Туд, носившее до XVII в. название Спасское, было известно в письменных памятниках с 1477 г. В 1689 г. волость была пожалована Б. П. Шереметеву («графские» крестьяне) и князю В. Д. Долгорукову («княжие»), позднее наследники продали часть деревень графине Паниной («панские»). В дореволюционной науке неоднократно высказывалось мнение, что «тудовляне» являются потомками русифицированных белорусов. Н. П. Гринкова в своих работах, оперируя материалом разных сфер народной культуры, подтверждает эту гипотезу. Так, всесторонне и многогранно описывая крестьянские постройки, исследовательница выделяет один тип — с открытым двором, который зафиксирован также в Белоруссии.¹⁷

путь Н. П. Гринковой // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1963. Т. 248: Вопросы языкознания. С. 3—18 (здесь дан список трудов Н. П. Гринковой). См. также явно тенденциозную, идеологически заданную статью: Орлова В. Г. Работы диалектологов марковского направления («Воронежские диалекты» Н. П. Гринковой) // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. М., 1951. Ч. 1. С. 310—330.

¹⁶ См.: Гринкова Н. П. 1) Очерки по истории развития русской одежды (поясные украшения) // Сов. этнография. 1934. № 1/2. С. 66—94; 2) Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике // Сов. этнография. 1935. № 1. С. 60—90; 3) Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды) // Сов. этнография. 1936. № 2. С. 21—55.

¹⁷ Гринкова Н. П. Постройки юго-западной части Ржевского уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция: Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. 147—168.

Белорусские черты Н. П. Гринкова находит также и в одежде «тудовлян» (например, так называемые «касталаны» — сарафаны особого покроя).¹⁸ Проанализировав собранные данные о говоре «тудовлян», Н. П. Гринкова отмечает там ряд несомненных белорусизмов: уходящее дзеканье, *ў* на месте *л*, *ў* на месте *в* и т. д. Вывод звучит следующим образом: «Тудовлян, живущих по р. Туду от верховьев до села Молодого Туда, следует считать белорусами по происхождению, подвергшимися сильному влиянию со стороны великорусского населения востока Ржевского уезда».¹⁹

К этому же выводу приводит Н. П. Гринкову и фольклорный материал — свадебный обряд Молодотудской волости. Описав свадьбу, сыгранную по сокращенному обряду, за один день, которую ей довелось самой наблюдать, далее фольклористка демонстрирует собранный ею от знатоков обряда материал. Принципиально важным в методике сбора сведений о молодотудской свадьбе было то, что исследовательница обратилась не только к женщинам, носительницам традиции, но и к мужчине — признанному дружке округи. Благодаря этому Н. П. Гринковой удалось представить в полном объеме ту часть обряда, которую современным языком называют «мужским текстом». Именно в мужском тексте местной свадьбы фольклористка обнаружила ряд белорусских черт.

Первый белорусский элемент связан с ритуалом «посада» жениха. В день венчания в доме жениха поддружье просит у отца шубу, трижды ударяет ею по лавке, выгоняя якобы блох и клопов (древняя семантика этого действия — изгнание злых духов); затем дружка и поддружье садятся на шубу под образами и спрашивают у отца, велит ли он посадить сына (жениха); дружка уступает место жениху на овчине и начинает ритуал выкликания; каждый из участников свадебного поезда по очереди выкликается, наделяется чарой, за что должен положить на поднос деньги. Этот ритуал в доме жениха на русской почве других регионов не отмечен, в белорусской же свадьбе он зафиксирован как широко распространенный.

Второй элемент молодотудской свадьбы, на который обращает внимание Н. П. Гринкова, также связан с мужским текстом обряда. В доме жениха перед отъездом к венцу дружка спрашивает, есть ли в высоком терему молодцы — песенку сыграть; мужчины-певцы в ответ вопрошают, какую песню желает дружка; тот называет песню «Бослабоженьку», после чего, выторговав себе по стакану вина и по куску пирога, мужчины поют песню, в которой испрашивается у Бога благословение сыграть свадьбу; в тексте заручаются

¹⁸ Гринкова Н. П. Одежда «тудовлян» Ржевского уезда // Этнография. 1926. № 1/2. С. 83—96.

¹⁹ Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. IV. Говор тудовлян Ржевского уезда // Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1926. Т.31. С. 322.

поддержкой Кузьмы и Демьяна, святого Луки. После окончания песни запевала ударяет двумя пирогами друг о друга, один пирог бросает о порог, а второй делит вместе с другими участниками хора. Н. П. Гринкова прочитывает семантику этого ритуала следующим образом: запевала — древний жрец; он исполняет песню чаще всего у печного столба, то есть у очага, священного избяного локуса; сама песня — древняя молитва, обращенная к языческому божеству брака, которого в христианские времена заменил Бог, Кузьма и Демьян и другие святые; пирог — это жертва, приносимая при бросании о порог предкам или родовым божкам. Этот ритуал зафиксирован также в Витебской, Смоленской и Псковской губерниях, то есть на западе России, что позволяет исследовательнице признать его белорусским по своему происхождению.²⁰

Анализ работы Верхневолжской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры позволяет сделать вывод о серьезных методологических поисках и находках в изучении народной культуры, которыми руководствовались ученые 1920-х гг. Так, идея комплексности в подходе к разным сферам крестьянской культуры нашла всестороннее воплощение в работах сотрудников ГАИМК. Фольклорная традиция того или иного края изучалась в тесной взаимосвязи с вопросом об истории заселения данной местности. Само понятие «фольклор» не сводилось к понятию «вербальный текст»; обрядовые тексты в обязательном порядке записывались в комплексе с описанием обряда. Источником сведения об обряде (например, о свадьбе) для собирателей были не только женщины, но и мужчины, что позволяло всесторонне осветить данное обрядовое действие.

Тем не менее, несмотря на целый ряд безусловно выдающихся черт, Верхневолжская экспедиция не стала значимым явлением в истории отечественной фольклористики. Причина этому, как говорилось выше, проста и банальна. Фольклорные записи, сделанные участниками этих поездок, в свое время не были опубликованы отдельным изданием. Более того, они, по-видимому, хранились у каждого экспедиционера в его личной коллекции (в Архиве ИИМК фольклорных материалов мы не обнаружили) и впоследствии затерялись.

В середине 1920-х гг. Этнологическое отделение РАИМК имело обширные и глубоко продуманные планы по изучению этнографии русского и соседних с ним народов. Так, перспективный план, созданный в 1924 г., по разряду этнологии (этнографии) предполагал следующие экспедиции: 1) Верхневолжская этнологическая экспедиция в Тверскую, Ярославскую, Костромскую губернии — 1924—1926 гг.; 2) Южнорусская экспедиция — 1924—

²⁰ Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии // Ржевский край. Ржев, 1926. Сб.1. С. 98—142.

1928 г.; 3) Выделение отряда для начала работ в Вологодской губернии в 1924 г.; 4) Продолжение этнологических исследований северных губерний (Вологодская, Архангельская, Северо-Двинская, Мурманская губернии — русские, зыряне, корелы) — 1925—1928 гг.; 5) Участие в работах Северо-Кавказской экспедиции (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 7, л. 1).

Существовал отдельный издательский план Верхневолжской этнологической экспедиции РАИМК (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 104, л. 10). Предполагалось издать серию сборников по материалам этнографических исследований: по постройкам Ярославско-Тверского края; по отдельным группам населения (сицкарям, теблешанам и т. д.). Отдельно выделялось и такое издательское направление, как публикация собранных записей сказок, песен, загадок и прочего текстового материала.

Время и исторические обстоятельства распорядились по-своему. Отнюдь не всё из намеченных планов было осуществлено. По материалам Верхневолжской экспедиции был издан единственный сборник — «Верхневолжская этнологическая экспедиция: Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края» (Л., 1926). Записи фольклорного материала публикации так и не дождалась. Этнологические работы в Верхневолжском регионе были прерваны в 1925 и 1926 гг., но фольклористическая составляющая в них в это время практически исчезает. От северных экспедиций РАИМК пришлось отказаться: не хватало ни финансовых средств, ни подготовленных кадров. Северокавказская экспедиция, принесящая весомые результаты в области археологических раскопок, сугубо этнографических и фольклористических задач не решала. И только южнорусские экспедиции стали заметным явлением в русской фольклористике.

Юго-Восточная этнологическая экспедиция Российской академии истории материальной культуры проходила на протяжении трех лет (1925—1927 гг.); работы велись на территории Воронежской губернии. Участники экспедиции — руководитель Д. А. Золотарев, а также уже обогащенные опытом верхневолжских поездок Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова, С. А. Еремин, Л. И. Песселеп, Н. И. Троицкий. В 1925 г. экспедиционерами были обследованы бывшие Задонский и Землянский уезды. Как и в случае с Верхневолжской экспедицией, работа строилась в тесном контакте с местными краеведческими организациями, проявлявшими живую заинтересованность в деятельности РАИМК. В архиве Института истории материальной культуры сохранилось, например, следующее письмо за подписью Н. Я. Марра, написанное в ответ на письмо Воронежского губернского музея: «Выражая благодарность за осведомление о предположениях Музея на работы в 1926 году, Академия уведомляет, что Государственная академия истории материальной культуры продолжит начатые

в 1925 г. работы Юго-Восточной экспедиции в Воронежской губернии, намечая в 1926 г. для обследования Коротоаякский и Нижнедевицкий уу., главным образом великорусские районы этих губерний, соприкасающиеся с украинскими. Экспедиция, в составе 3-х человек, предполагает выехать 10 июля. Кроме того, в целях завершения начатой работы в 1925 г. в б. Задонском у. предполагается командировка 1-го сотрудника в северную часть Задонского у.» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1926, № 100, л. 1).

В 1926 г. работа действительно проходила в бывшем Коротоаякском уезде и в районе рек Девица и Потудань; в 1927 г. — в Нижнедевицком уезде.²¹ В 1928 г. работы были перенесены в Пензенскую и Тамбовскую губернии, причем предметом интереса стали мордовское и мещерякское население края. Александр Александрович Миллер (1875—1935), глава Этнологического отделения, в пятилетнем плане Отделения писал: «Юго-Восточная экспедиция в продолжение и развитие начатых в крае работ будет изучать материальную культуру юго-восточного района европейской части РСФСР, ставя задачей выяснение постепенного и последовательного движения колонизационных потоков, взаимоотношение славянского и финского миров в прошлом, а также и по данным современной материальной культуры» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1928, № 11, л. 16). Для нашей темы — развитие отечественной фольклористики — важны юго-восточные экспедиции 1925—1927 гг.; в дальнейшем фольклористическая составляющая в экспедиционных отчетах исчезает.

Юго-Восточная экспедиция, как и Верхневолжская, носила все тот же комплексный характер: изучались постройки, одежда, промыслы, язык, фольклор местного населения. Воронежская губерния заинтересовала исследователей двумя своими особенностями: наличием разных типов крестьян — бывшие крепостные (помещичьи) и однодворцы (с XIX в. — государственные) — и соседством русского населения с украинским.

Подводя фольклористические итоги поездки 1925 г., Н. П. Гринкова и Е. Э. Бломквист писали: «По духовной культуре собран диалектологический материал, представляющий большой интерес при сравнительном изучении бывших однодворцев и б(ывших) барских крестьян. Собран также материал по свадьбе, записаны варианты как самого обряда, так и песен в

²¹ *Еремин С.* Юго-Восточная экспедиция // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1926. Т. 1. С. 316—318; *Н. Г.* Юго-Восточная экспедиция Государственной академии истории материальной культуры // Этнография. 1927. № 1. С. 215. — Авт. Н. П. Гринкова; *Гринкова Н. П.* Юго-Восточная этнологическая экспедиция Государственной академии истории материальной культуры // Человек. 1928. № 1. С. 87. См. также Отчет I Отделения (Этнологического) за 1927 г. (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1927, № 10, л. 63—63 об.).

Карачуне, Донской Негочевке, Б. Верейке и Архангельском; приобретены обрядовые свадебные печенья. В с. Б. Верейке сотрудникам посчастливилось попасть на самую свадьбу и наблюдать непосредственно часть свадебного чина. Кроме того, собран разнообразный материал по обрядам, связанным с праздниками, и по верованиям.²²

Фольклорный материал Юго-Восточной экспедиции был использован Н. П. Гринковой в ее монографии «Воронежские диалекты», опубликованной в 1947 г. Там, говоря о собственных фольклорных записях, послуживших для изучения местного говора, собирательница приводила следующие цифры.

1925 г. «В с. Карачун записано 13 песен, 200 частушек, в с. Донская Негочевка — 3 песни, 500 частушек, в с. Большая Верейка — 56 сказок от А. К. Барышниковой, 37 песен, 6 заговоров и 500 частушек. Свадебные песни записаны по ходу исполнения свадебного обряда, описание которого дословно, и таким образом самое описание является для нас материалом не только этнографическим и фольклорным, но и диалектологическим».

1926 г. «В с. Мастюгино записано 36 сказок от сказочника Д. И. Трухачева, 20 песен и 200 частушек. В с. Рассошки — 23 песни и 250 частушек. В с. Прилепы — 35 песен, 100 частушек. Кроме песенного материала записаны свадебные, весенние (семицкие) обряды, ряд способов лечения и т.п. — все в дословной записи».

1927 г. «В с. Шаталовка записано 15 сказок и легенд от К. Д. Зубкова и А. В. Анисимова и 12 песен. В с. Роговатое — 2 песни и 50 частушек, кроме того — записи обрядов и способов лечения».²³

Собранный в Воронежской губернии предметный материал в конце концов осел в Музее этнографии народов СССР (ныне: Российский этнографический музей) в Ленинграде. Через десять лет Н. П. Гринкова как сотрудник музея решила продолжить обследование данного региона и в 1936 г. повторно посетила Воронежский край. Здесь в селе Большая Верейка были сделаны дополнительные записи по обряду «вождение русалки», а также приобретены для музея кукла «русалки» и предметы, сопровождающие обряд.²⁴ Материал по названному обряду, собранный в 1925 и 1936 гг. благодаря встрече Н. П. Гринковой со знаменитой

²² Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Этнографические экскурсии в бывший Задонский и Землянский уу. // Изв. Воронежского краеведческого общества. 1925. № 2. С. 22.

²³ Гринкова Н. П. Воронежские диалекты // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1947. Т. 54. С. 20.

²⁴ Гринкова Н. П. Экспедиция Гос. музея этнографии в Воронежскую область (1936 г.) // Сов. этнография. 1937. № 6. С. 122.

сказочницей А. К. Барышниковой, был обобщен исследовательницей в одной из ее статей много позже, уже после войны.²⁵

Укажем, что и в 1940-е гг., когда этнографическое начало исчезло из понимания фольклорного текста, Н. П. Гринкова не впала в литературоведческую крайность анализа фольклорно-обрядового материала: этнографическое начало в ее исследовании явно доминирует над всем остальным. Статья о «вождении русалки» является одним из немногих в 40-е гг. примеров этнографического подхода к фольклорным явлениям. Исследовательница подробно описывает предметный (саму куклу «русалку», ее одежду, носилки, на которые она укладывалась, одежду участников обряда) и акциональный (действия и передвижения женщин, осуществляющих обряд) планы обряда. Здесь же дается и вербальный текст песни, исполняемой участницами. В истолковании обряда Н. П. Гринкова вступает в полемику с Д. К. Зелениным, который считал, что смысл обрядового действия заключался в выпроваживании русалок (заложных покойников) как нежелательного элемента в иной мир. Н. П. Гринкова же полагала, что зерном обряда являлся образ умирающего и воскрешающего божества, на который наложился образ русалки. В воронежской версии обряда на момент его фиксации сохранилась лишь только та его часть, которая отражает похороны божества; в калужском же материале, собранном Е. Н. Елеонской, считала Н. П. Гринкова, сохранилась и идея воскрешения божества.

Мы сейчас не будем вдаваться в суть дискуссии Д. К. Зеленина и Н. П. Гринковой. Для нас важнее, повторяем еще раз, подчеркнуть, что и в 20-е гг., когда в полевых условиях исследовательница собирала материал по названному обряду, и в 40-е гг., когда писала о нем свою статью, она оставалась верна лучшим традициям отечественной фольклористики, рассматривавшей фольклорные явления в сопряжении с этнографией, а не с литературой.

Воронежские экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в истории фольклористики значимы не только тем, что в них реализовывались важные идеи комплексности в подходе к явлениям народной культуры.²⁶ Самым ярким

²⁵ Гринкова Н. П. Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области // Сов. этнография. 1947. № 1. С. 178—184.

²⁶ См. работы по материальной культуре, основанные на материалах Юго-Восточной экспедиции: Бломквист Е. Э. Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области (жилище феодальной эпохи) // Сов. этнография. 1934. № 5. С. 48—71; Гринкова Н. П. Однодворческая одежда Коротояжского уезда Воронежской губернии (из материалов Юго-Восточной экспедиции Государственной академии истории материальной культуры) // Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1928. Вып. 1. С. 148—174. См. также труды о воронежских диалектах Н. П. Гринковой: 1) Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 76—116; 2) VI.

фольклористическим событием экспедиции 1925 г. стало открытие в с. Б. Верейка названной выше выдающейся сказочницы Анны Куприяновны Барышниковой (Куприянихи), вскоре ставшей культовой фигурой отечественной фольклористики. Честь этого открытия принадлежит Н. П. Гринковой, которая записала от исполнительницы 56 первоклассных текстов, в которых соблюдалась вся сказочная обрядность. Монографический портрет Куприянихи исследовательница представила в одной из своих статей, где дан список сказок А. К. Барышниковой со ссылками на опубликованные варианты и на номера по указателю Аарне, который еще только вводился в научное сознание русских фольклористов.²⁷ В своей монографии «Воронежские диалекты» Н. П. Гринкова в разделе «Речь сказителей» сделала полновесный анализ языка сказительницы.²⁸

Записи Н. П. Гринковой от Куприянихи, к сожалению, в полном объеме опубликованы не были. В 1929 г. Н. П. Гринкова в своем исследовании о говорах бывших Задонского и Землянского уездов в качестве иллюстрации опубликовала запись одной из сказок Куприянихи — «Трусливый Ваня».²⁹ В сборник М. К. Азадовского «Русская сказка: Избранные мастера» (1932) собирательница передала еще три текста А. К. Барышниковой: «Два брата» (на сюжет «Шемякина суда»; СУС 1660);³⁰ «Старуха» (СУС 1641); «Поп-Скука» (СУС 1730). Остальные записи Н. П. Гринковой, к сожалению, так и не увидели свет. В настоящее время местонахождение их неизвестно. Как видим, фольклорные записи Юго-Восточной экспедиции РАИМК повторили судьбу верхневолжских материалов: они так и не были достойно изданы и во многом оказались потерянными для науки.

Тем не менее открытие А. К. Барышниковой стало знаковым событием для отечественной фольклористики. Очень скоро, уже после статьи Н. П. Гринковой 1926 г., творчество этой сказочницы оказалось в центре внимания исследователей и собирателей. Для Б. М. Соколова, увлеченного в 1930 г. идеей изучения классовой природы сказочных стилей, Куприяниха стала примером «примиренного эстетизма». Стиль этой исполнительницы, основанный на сказочной обрядности, по мнению ученого, выражал

К вопросу о влиянии великорусских говоров на пограничные украинские // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 1. С. 205—224; 3) VII. О русских говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губернии // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 557—580.

²⁷ Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 81—98.

²⁸ Гринкова Н. П. Воронежские диалекты. С. 127—136.

²⁹ Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии. С. 115—116.

³⁰ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

«мелкобуржуазную природу тех середняцких групп крестьянства, какие тянут больше к зажиточному кулацкому слою, чем к бедняцкому».³¹ Подобная оценка, будь она принята наукой, могла бы в эпоху окрепшего тоталитарного режима вычеркнуть творчество этой талантливой сказочницы из отечественной фольклористики. К счастью, уже через два года М. К. Азадовский во вступительной заметке к сказкам А. К. Барышниковой полемизирует с Б. М. Соколовым: «Куприяниха (...) одна из последних представительниц того стиля в русской сказке, который, в нашем представлении, теснее всего связан со средой скоморохов и специалистов потешников-бахарей. Этот стиль позже культивировался главным образом в кругах крестьянской богемы (...) тесно связанной, само собой, с крестьянской беднотой».³² Как видим, тот же социальный аспект — «зажиточный кулацкий слой» или «крестьянская беднота» — звучит и в характеристике М. К. Азадовского. Причисление Куприянихи к последнему классу позволило впоследствии сделать из нее, как мы сказали выше, культовую фигуру в русском сказковедении.

В сентябре 1935 г. с А. К. Барышниковой встретились московская фольклористка С. И. Семенова (Минц) и тогдашние студенты Воронежского педагогического института, будущие видные фольклористы А. М. Новикова и И. А. Оссовецкий. Тогда от сказочницы было записано 6 сказок. В октябре работа с исполнительницей была продолжена уже в Воронеже, куда Куприяниха была вызвана для выступлений перед слушателями. В эту встречу со сказительницей был зафиксирован, по-видимому, почти весь ее сказочный репертуар — 116 текстов. Записи эти (частично) были опубликованы в сборнике «Сказки Куприянихи». В соответствии с идеологическими требованиями времени собирателям было важно доказать «правильную» классовую ориентацию исполнительницы. «По идейному содержанию своего творчества, — писали они, — она является представительницей трудового крестьянства. За последние годы Куприяниха обнаруживает эволюцию в сторону большего социального заострения своего репертуара».³³ Переходя в область исследования поэтического стиля сказочницы, исследователи также оставались в плену идеологической заданности: высшей оценкой для определения стиля сказок для них было понятие «реалистический», в связи с чем в творчестве А. К. Барышниковой они отмечали «процесс перерождения фантастической сказки в сказку реалистическую».³⁴

³¹ Соколов Б. М. Русский фольклор. М., 1930. Вып. 2: Сказки. С. 44.

³² Русская сказка: Избранные мастера / Ред. и коммент. М. К. Азадовского. Л., 1932. Т. 2. С. 136.

³³ Сказки Куприянихи / Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого. Воронеж, 1937. С. 265.

³⁴ Там же. С. 266.

В дальнейшем творческая судьба А. К. Барышниковой складывалась по канонам, заданным официозной наукой. В марте 1936 г., как это бывало и с другими мастерами устного слова, попавшими в сферу внимания фольклористов, А. К. Барышникова была приглашена в Москву. Здесь она выступала в Московском институте философии и литературы, в Государственном литературном музее, Союзе советских писателей, Доме самодеятельного искусства, в Малом и в Государственном театрах. В феврале 1938 г. она была принята в Союз советских писателей; в 1939 г. награждена орденом Трудового Красного Знамени; в мае того же года участвовала во Всекарельском совещании сказителей в Петрозаводске.³⁵ В 1939 г. со сказочницей опять работали собиратели — на этот раз В. А. Тонков, записавший несколько текстов и выпустивший сборник «Сказки Анны Куприяновны Барышниковой».³⁶ Сказки Куприянихи (записи В. А. Тонкова, А. М. Новиковой, И. А. Оссовецкого) публиковались также в сборнике «Песни и сказки Воронежской области».³⁷ В послевоенное время с исполнительницей много работал М. Сергеенко.³⁸

Встреча Н. П. Гринковой с Куприянихой оказала одинаково большое влияние и на судьбу воронежской сказочницы, и на научные взгляды собирательницы. Данный эпизод в экспедиционной деятельности сформировал у Н. П. Гринковой как фольклориста определенные представления о методике работы со сказкой в полевых условиях. Следует сказать, что эти представления полностью укладывались в общий ход развития сказковедения того времени. Исследовательница считала, что необходимо сосредоточиваться на поисках выдающихся мастеров сказки. Общение с ними должно быть длительным и доверительным, что позволит исчерпать весь репертуар сказочника. Запись сказок от случайных исполнителей Н. П. Гринкова рассматривала как значимый элемент только в качестве «фона» для исследования творчества настоящего мастера.³⁹

³⁵ См. о сказочнице: Большая Советская Энциклопедия. М., 1950. Т. 4. С. 279; Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 463.

³⁶ Сказки Анны Куприяновны Барышниковой / [Вступ. статья В. А. Тонкова]. Воронеж, 1939.

³⁷ Песни и сказки Воронежской области / Сб. составили А. М. Новикова, И. А. Оссовецкий, Ф. И. Мухин, В. А. Тонков. Воронеж, 1940.

³⁸ См.: *Сергеенко М.* Бабушка Куприяниха (к 85-летию со дня рождения) // Литературный Воронеж: Альманах. Воронеж, 1954. № 33. С. 289—311; Сказки А. К. Барышниковой (Куприянихи) / Лит. ред. М. М. Сергеенко. Воронеж, 1955; Сказки бабушки Куприянихи (А. К. Барышниковой) / Сост. и обраб. М. М. Сергеенко. М., 1957; Сказки А. К. Барышниковой (Куприянихи) / Лит. обраб. М. М. Сергеенко. М., 1961, и др.

³⁹ *Гринкова Н. П.* Вопрос о сказочнике в русской фольклористике // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934. С. 171—180.

В 1926 г., во время второй Юго-Восточной экспедиции, собирательница попыталась применить выработанный ею метод в полевых условиях. В с. Мастюгино Нижнедевицкого уезда она обнаружила неграмотного «швеца» (портного) Давыда Ивановича Трухачева, знатока сказок, от которого записала 35 текстов. В отличие от Куприянихи сказки Трухачева были короткими, без развитой сказочной обрядности. Любопытной деталью было то, что Трухачева специально приглашали на свадьбы для исполнения балагурных и часто «скромных» сказок. О Д. И. Трухачеве Н. П. Гринкова сделала сообщение в одном из обзоров Сказочной комиссии Русского географического общества.⁴⁰

В творчестве Д. И. Трухачева было развито индивидуальное начало. Сам сказочник в своем репертуаре ценил прежде всего свои собственные сочинения на злободневные темы. Так, в рифмованной форме он рассказывал о столкновении крестьянина с помещиком и о суде, который решал их вопрос; об отражении под руководством Ленина наступления Белой армии; о голоде, охватившем родные места в 1920 г., и об уходе населения на Кубань. Один из текстов такого рода — о Гражданской войне — был опубликован и проанализирован собирательницей. Приведем начало этого произведения: «В васимнадцатом гаду начинал белый вайну на матушку на Маскву. Всю Рассеюшку пройду и Ленина забяру. Ленин думать и гадать, красну армию набрать, усех белых патапать. Красны дружна сагласились, на дагон за ним пустились, стали спабивать». Этот текст, как справедливо указывает исследовательница, создан во многом с ориентацией на исторические песни о кавказских войнах, которые широко бытовали в устной традиции Воронежского края. Для нас он сейчас любопытен как образец новаторства в фольклоре, порожденный новой идеологией.⁴¹

Несмотря на разноаспектную важность устно-поэтических материалов, собранных Н. П. Гринковой и ее коллегами в Юго-Восточной экспедиции, судьба их оказалась столь же неэффективной, что и материалов, собранных в регионе Верхней Волги. Эти фольклорные записи вовремя не были опубликованы отдельным изданием и поэтому не сыграли сколько-нибудь значительной роли в развитии отечественной фольклористики. Рукописи, по видимому, хранились в личном архиве Н. П. Гринковой и в настоящее время их местонахождение неизвестно. Скорее всего, эти материалы надо считать потерянными для науки.

На протяжении 1920—1930-х гг. в отечественной науке шли поиски организационных структур, внутри которых фольклористика могла бы полнокровно развиваться. В конечном счете

⁴⁰ Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. // Сказочная комиссия в 1926 г.: Обзор работ. Л., 1927. С. 5—6.

⁴¹ Гринкова Н. П. Воронежская сказка о Ленине // Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1936. Т. 2. Вып. 1. С. 319—324.

наука о «живой старине» должна была прийти к следующей формуле, которая определяла успешность того или иного научного учреждения: полевая экспедиционная работа; фольклорный архив (рукописный и фонограммархив); коллектив специалистов, работающий над общими большими темами и одновременно имеющий индивидуальные разносторонние научные интересы; издательская деятельность по публикации текстов и исследований. В стенах РАИМК не смогли реализоваться две составляющие этой формулы: архив и полнокровная издательская деятельность. Поэтому-то Российская академия истории материальной культуры в конечном счете и не стала фольклористическим учреждением.

Е. А. КОСТЮХИН

1920-е ГОДЫ: СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СКАЗКОВЕДЕНИЯ

Название статьи способно вызвать недоумение у многих фольклористов, так как сказки находились в поле зрения корифеев нашей науки: Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. А. Котляревского, А. Н. Пыпина. Работы о сказке составили целый том собрания сочинений А. Н. Веселовского. В области собирания и изучения сказки в России было сделано очень много; так, например, историографическая работа С. В. Савченко насчитывала более 500 страниц.¹ Русское сказковедение прошло славный путь. Почему же автор статьи отнес его формирование к 1920-м гг.? Отнюдь не по тем причинам, которые сформулировал В. Я. Пропп, давая оценку научного наследия А. И. Никифорова: «Его деятельность падает в основном на двадцатые и тридцатые годы, когда основы дореволюционной методологии рушились, а новая методология еще не была найдена».² Здесь все неточно: и не было никаких «основ дореволюционной методологии» в изучении сказок, и не было никаких перспектив единой методологии (которой, разумеется, должен был стать «подлинный» марксизм). Точно другое — это и в самом деле была эпоха формирования, происходившего в напряженных поисках.

Говоря о формировании сказковедения в 1920-е гг., мы далеки от пренебрежительного отношения к классическому наследию. Было высказано немало плодотворных идей и смелых гипотез: то П. Бессонов объявлял сказку «аллегорией отношений русского народа в кочевую пору жизни», то мифологическая школа увидела в сказках осколки древнейших мифических сказаний, то компаративисты предложили искать источники наших сказок в Индии. Даже

¹ Савченко С. В. Русская народная сказка. (История собирания и изучения). Киев, 1914.

² Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л., 1961. С. 5.

глава исторической школы В. Ф. Миллер, скептически оценивавший компаративистские изыскания («ловить ветер в поле»), создал изящный этюд об истории сказочного сюжета — «Всемирная сказка в культурно-историческом отношении».³

И все же XIX в. не создал ни одной школы в деле изучения сказок. Перед нами некая совокупность работ, которые мы выстраиваем в определенный ряд, подчиняя так или иначе сконструированной логике научного развития. В самом деле эту логику можно конструировать по-разному (вплоть до пресловутого представления сталинских времен о «революционно-демократической» фольклористике, отцом которой был объявлен В. Г. Белинский, и «буржуазных школах», зашедших, разумеется, в тупик), но в сказковедении XIX в. не было именно школы. Все сказковедческие исследования стоят особняком; нет учителей и учеников, потому что не складывается методика исследования. И в этом отношении изучение сказок явно уступает исследованию былин: там сложились школы и направления, там есть признанные учителя и авторитеты.

Положение изменилось в начале XX в. Пора универсальных гениев прошла, но в целом наука о фольклоре 1910-х гг. находилась на более высоком уровне, представляя, по словам Т. Г. Ивановой, «развитую, многонаправленную систему»: «...сформировались различные течения и направления, придавшие фольклористике ту многозвучность и разноликость, которой ей явно не хватало в предшествующие эпохи».⁴ Были заложены основания различных школ: этнографической, которая скажет свое слово через четверть века (Е. Н. Елеонская),⁵ историко-географической.⁶

И не только основания. Сказковедческие исследования приобрели, так сказать, «инерцию плюрализма»: появляются не только новые идеи, но и новые школы, новые направления. Расцвет отечественного сказковедения пришелся именно на 1920-е гг. Ни одна из фольклористических школ не претендовала на звание «единственно верной». «Борьба» за усвоение марксистского метода уже началась, но фольклористики в 1920-е гг. она еще серьезно не коснулась, за исключением, пожалуй, только былин. Пора идеологических погромов еще не наступила. Речь идет не только о школах, но и о направлениях. Иные концепции собирали под свои знамена немало сторонников, другие ждали своей реализации несколько десятилетий, когда их «востребовала» уже новая эпоха. Главное — ни одна

³ Русская мысль. 1893. № XI.

⁴ *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 6.

⁵ См. современное переиздание ее работ начала века: *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994.

⁶ Первый классический труд этого направления в России: *Андерсон В. Н.* Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914.

из них не была бесплодной. Вовсе не идеализируя 1920-е гг. (как это часто бывает, особенно по контрасту с последующим десятилетием), отметим главную особенность нашего сказковедения тех лет: оно свободно от идеологического диктата.

Тем не менее влияние марксизма на общественные науки сказалось и в сказковедении. Актуально направление, которое можно назвать социологическим. Оно не было новым в русской фольклористике. Еще Николай Добролюбов упрекал А. Н. Афанасьева в том, что тот не уделил достаточного внимания роли сказки в народной жизни. Собиратели начала XX в. (Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин, братья Б. и Ю. Соколовы) снабжали свои собрания обширными вступительными статьями, отвечавшими на самые разнообразные вопросы, касающиеся социальной роли сказок. 1920-е гг. свободны от капитальных собраний с развернутыми вступительными статьями. Нет и крупных исследований в этой области. Но важность проблемы осознается многими сказковедами, в первую очередь А. И. Никифоровым. Разносторонность интересов этого ученого выделяет его среди современников, и нам еще не раз придется называть его имя среди сторонников разных направлений в изучении сказок.⁷

А. И. Никифоров был выдающимся собирателем: его экспедиции в Заонежье, на Пинегу и Мезень в 1926—1928 гг. принесли более 500 сказок.⁸ В экспедицию на Русский Север молодой ученый ехал с твердым убеждением: «Сказка существует не для записей или чтения, а для живого устного произнесения в кругу слушателей».⁹ У Никифорова, стало быть, сложилась определенная программа не только собирательской, но и исследовательской работы. Собранная коллекция поставила перед ученым несколько проблем, в первую очередь — какую социологическую информацию должен содержать сказочный сборник. И пусть Никифорову не довелось увидеть свое собрание напечатанным, упомянутые проблемы были обсуждены в ряде статей: «К вопросу о картографировании сказки»,¹⁰ «К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной словесности»¹¹ и особенно «Современная пинежская сказка».¹² Не просто собирать сказки, но внести в собиранье определенные принципы, так, чтобы перед читателем предстала русская сказка в ее живом бытовании, — вот

⁷ Общую оценку научной деятельности А. И. Никифорова см. в статье: *Костюхин Е. А.* Жизнь и идеи Александра Никифорова // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 5. С. 140—153.

⁸ Частично его собрание было издано много лет спустя В. Я. Проппом (*Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова*. М.; Л., 1961).

⁹ *Никифоров А. И.* Сказка, ее бытование и носители // *Русские народные сказки* / Сост. О. И. Капица. М.; Л., 1930. С. 51.

¹⁰ Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ. Л., 1927. С. 60—66.

¹¹ Изв. РГО. Л., 1928. Т. XL. Вып. 1. С. 79—107.

¹² *Етнографічний вісник*. Київ, 1929. Кн. 8. С. 52—96.

чем озабочен Никифоров. Поэтому все классические собрания русских сказок получают у него невысокую оценку: «Все русские сборники сказок дают материал случайный, с точки зрения репертуара или записанного текста».¹³

Главный принцип собирательской работы А. И. Никифорова — поголовное записывание сказок от всех встречаемых без разбора. Он формулирует пять правил, которым неукоснительно следует: 1) записывать от каждого, не выбирая исполнителей; 2) записывать то, что дают, — и тогда первыми оказываются тексты наиболее популярные; 3) запись должна быть фонетически точной; 4) регистрация всего материала, в том числе и не записанного из-за недостатка времени; 5) регистрация и запись всех вариантов.¹⁴ Вопреки всеобщему увлечению «мастерами» (о чем речь впереди), Никифоров заявляет: «...громдный интерес приобретает вопрос о *рядовом, будничном, обычном* исполнителе былины, песни, сказки и т. п.».¹⁵

Казалось бы, изложенная программа должна дать исчерпывающее представление о том, как живет сказка в том или ином регионе. На самом деле собранная Никифоровым огромная коллекция отвечала совсем на другой вопрос — какие сказки известны в определенном регионе. Маленькие девочки и старушки, люди бывалы и люди, никогда не выезжавшие из своей деревни, — всем нашлось место в Никифоровском собрании. Но жила сказка совершенно иначе. Маленькая девочка могла и не быть сказочницей, то есть никогда и никому, кроме собирателя, выпытавшего у нее две-три сказки, ничего не рассказывала. Никифоров старательно регистрировал «дефектные» варианты, поскольку был убежден: «Все без исключения варианты имеют „особенный“ интерес, даже дефектные и разрушенные». Но в реальной жизни «дефектных» сказок никто не рассказывал. Не было «рядовых» исполнителей, а были действительно мастера, на сказки которых был спрос, и в репертуаре у них были «коронные» номера. Зная иногда до нескольких десятков сказок, рассказывали они значительно меньше. Именно мастера, а не случайные рассказчики определяют подлинную жизнь народной сказки. Это, разумеется, не отменяет справедливости другого тезиса Никифорова: «Для фольклориста каждый вариант бесконечно ценен, и чем больше вариантов одного и того же сюжета, тем шире раскрывается исследовательская проблематика и тем прочнее возможные выводы».¹⁶

Пусть не все безусловно в собирательской программе А. И. Никифорова, но она свидетельствовала о том, что наступал новый

¹³ К вопросу о задачах и методах... С. 80.

¹⁴ Сьогочасна пінезька казка. С. 54.

¹⁵ К вопросу о задачах и методах... С. 94.

¹⁶ Проблема сказочного сборника // Советский фольклор. М.; Л., 1936.

этап в истории собирания и изучения фольклорных материалов. Вставал неизбежный вопрос: что мы должны знать о локальной сказочной традиции? Фольклористам прежних лет этот вопрос показался бы странным. Разве мало данных содержит знаменитый очерк Н. Е. Ончукова «Сказки и сказочники на Севере», открывающий сборник 1909 г. «Северные сказки»? Живая сказочная традиция обрисована Ончуковым очень красочно. Однако перед нами талантливый очерк — произведение словесности, но не научное исследование. А в том, что этот замечательный сборник объективно отражает северную сказочную традицию, Никифоров, как мы видели, сомневался.

По мнению Никифорова, назрела необходимость в ревизии принципов издания собранных материалов. Не просто публикация записанных сказок, но тщательный анализ репертуара, картографирование сюжетов, полный свод данных об информантах, включая их половозрастную классификацию, — вот что должно содержать научное издание сказок.

Выступления А. И. Никифорова по проблемам собирательской работы были замечены, но остались невостребованными тогдашней фольклористикой. Социально-политическая обстановка в стране не благоприятствовала фольклористике. После тягот революции и Гражданской войны было не до судеб традиционного фольклора. Собирательская работа продолжалась: братья Б. и Ю. Соколовы с экспедицией Московского университета отправились в поисках былин по следам П. Рыбникова и А. Гильфердинга, А. М. Астахова обследовала многие «эпические заповедники» русского Севера, за сказками поехали на Север А. И. Никифоров и И. Н. Карнаухова. Но собранные ими материалы увидели свет много позже: в 1930-е и даже 1960-е гг. Из всех собирателей лишь Никифоров попытался подвести под практическую работу надежный теоретический фундамент. Увы, говорить о его «школе» не приходится: в 1920-е гг. в своих попытках перестроить всю собирательскую работу он был одинок. Прокламируемые им принципы не нашли последователей и в дальнейшем. Сборники, представляющие локальную традицию, стали появляться в 1930-е гг., но это были по существу антологии, содержавшие лучшие образцы, и на большее они и не претендовали. И впоследствии предложенная Никифоровым программа оказалась слишком громоздкой и трудновыполнимой. Никифоров ратовал за то, чтобы привычным для фольклориста рабочим инструментом стал арифмометр. Но вести скучные подсчеты, возиться с картами никому не хотелось, и сборники локального фольклора продолжали и продолжают печататься по облегченной программе — с характеристикой репертуаров, но без социологических схем и выкладок. И сегодняшняя фольклористика не готова издавать фольклорные материалы по «никифоровской» программе.

Социологический аспект жизни сказки проявляется не только во внимании к специфике репертуара определенного региона и принципах его репрезентации в научных изданиях. Интерес к личности исполнителя является давней традицией русской фольклористики, берущей начало в классических былинных собраниях П. Рыбникова и А. Гильфердинга. Новый поворот старой темы дают работы М. К. Азадовского. Хотя его программная статья о русских сказочниках вышла в свет в 1932 г.,¹⁷ основные ее идеи стали достоянием общественности еще в 1920-е гг.: очерк Азадовского о сибирской сказочнице Винокуровой появился не только на русском, но и на немецком языке. Суть нового подхода к фигуре информанта — в стирании грани между сказочником и писателем. Это давало возможность говорить об индивидуальных стилях сказочников и позволяло анализировать художественное своеобразие сказок на более высоком уровне, чем это делалось прежде. Правда, возникала опасность приписать общие законы сказочного стиля индивидуальной манере того или иного сказочника. Но несмотря на эту опасность, именно такой подход способствовал лингвостилистическому направлению в изучении сказок, о котором скажем чуть позже.

«Школа» ленинградского фольклориста М. К. Азадовского нашла горячих сторонников повсюду, в том числе и в Москве. Даже преданные ученицы Ю. М. Соколова Э. В. Гофман (Померанцева) и С. И. Минц выступили в своих первых работах как явные последовательницы Азадовского (а много позже Э. В. Померанцева признавалась автору этой статьи в том, как идеи Азадовского определили смысл ее многолетней деятельности).¹⁸

Мы отметили опасную тенденцию Азадовского отождествить характерные черты стилистической манеры сказочника и его личность. Пути преодоления этой тенденции настойчиво искал А. И. Никифоров. Он упорно стремился создать типологию сказочников. Никифоров был равнодушен к индивидуальному мастерству, поскольку был убежден, что сказочник всецело принадлежит среде и «творит только волю массы, его породившей». Поэтому нет смысла в изучении стилей отдельных сказочников — перед исследователем стоит задача «установления стилевых типов сказочного текста вообще безотносительно к исполнителю».¹⁹ Никифоров намечает типические стилевые манеры в уверенности: «...возможна попытка характеристики стиля через голову

¹⁷ Русская сказка. Избранные мастера / Сост. М. К. Азадовский. М., 1932.

¹⁸ Гофман Э. В. К вопросу об индивидуальном стиле сказочника // Художественный фольклор. 1929. № 4—5. С. 113—119. Минц С. И. Черты индивидуального и традиционного творчества в сказках о царе Соломоне // Там же. С. 107—112.

¹⁹ Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители. С. 52.

сказочника, отпрavляясь только от текста самих сказок».²⁰ Это и позволило ученому выделить четыре типа сказочников: эпик, забавник, мемуарист и смешанного типа. Недостаточность такой классификации ощущал и сам Никифоров (не говоря уже о том, что последний ее пункт — «смешанный тип» — лазейка, которой можно воспользоваться в любом удобном случае). Поэтому выделенные типы сопровождалась у Никифорова дополнительными характеристиками: «эпик со скупыми проблемскими артистизма», «забавница с элементами артистической театрализованности».

Итак, интерес к индивидуальному мастерству сказочников был обращен к двум сторонам сказковедческой проблематики: социологической, поскольку проливал свет на конкретное проявление трансмиссии сказок, и поэтическое своеобразие жанра. Изучение художественных законов сказки распространилось как на ее стилистику, так и на композицию (выражаясь языком формалистов, фольклористика интересуется тем, как «сделана» сказка). В науке 1920-х гг. эти два аспекта изучения поэтики сказки выступают порознь. Лингвостилистическое изучение сказки открывается статьей Н. П. Гринковой «Сказки Куприянхи».²¹ Авторитет исследовательницы был велик, тем более что она играла видную роль в Сказочной комиссии и выступала с отчетами о ее работе. Исследования по фольклорной лингвостилистике еще только начинались, и Н. П. Гринкова стояла у их истоков. Они наберут силу в последующее десятилетие (А. П. Евгеньева, Р. Р. Гельгардт). О том, что проблема «назрела», свидетельствует и статья А. М. Смирнова-Кутачевского,²² хотя основные ее положения принадлежат не профессиональному лингвисту, а фольклористу-любителю.

Значительно активнее заявили о себе исследователи сюжетосложения сказок. Первое исследование в этом направлении — книга Р. М. Волкова «Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки. 1. Сказка великорусская, украинская и белорусская» (Одесса, 1924). Отдав предпочтение сказкам о невинно гонимых, автор раздробил сказки на множество мельчайших мотивов, дал им алгебраические обозначения (что стало обязательным в работах последующих морфологов) и показал, что они соединяются совершенно прихотливо — словно стеклышки в калейдоскопе. Не обнаружив в этих сочетаниях никаких закономерностей, Волков создал нечто вроде фольклористической игры в бисер. Поэтому критика была единодушна в признании волковской работы творческой неудачей. Так, А. И. Никифоров считал недопустимым разрушение типологии сказочных сюжетов. Главный порок книги Волкова он усмотрел в смешении разных сюжетов. С его точки

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 81—98.

²² Смирнов-Кутачевский А. М. Творчество слова в народной сказке // Художественный фольклор. 1927. № 2—3. С. 71—79.

зрения, сюжеты «отличаются как разные типы специфическими комплексами мотивов для каждого типа, и в этом смысле каждый самостоятелен».²³

Однако и опыт самого А. И. Никифорова нельзя признать удачным. Его небольшая статья «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки»²⁴ вышла одновременно с монографией В. Я. Проппа «Морфология сказки» (Л., 1928). Не имеет смысла рассуждать о приоритете Проппа или Никифорова: одна работа осталась небольшой заметкой, занявшей скромное место в истории фольклористики, другая стала классическим исследованием, переведенным на десятки языков. Проблема не в том, кто произнес первым слово «морфология» (первым был Гете), а в методологии морфологического изучения сказки.²⁵ Скажем кратко: Проппу удалось вывести универсальную формулу волшебной сказки, создать некий единый метасюжет народной сказки. Для Никифорова представление о единой волшебной сказке было глубоко чуждым: сказочный массив явно распадается на множество типов, и у каждого складывается характерный для него комплекс мотивов. Морфологические закономерности при таком подходе явно не вырисовывались, с определением константных типов тоже ничего не получалось, и большая монография Никифорова о морфологии сказки так и не состоялась. Пропп искал в волшебных сказках величины постоянные и нашел их в функциях — типовых поступках действующих лиц. Функция оказалась ключом к пропповской морфологии сказки. Никифоров же как будто все делал для того, чтобы отрезать пути к обнаружению морфологических закономерностей. По его разумению, в сказке есть величины постоянные и переменные. При этом величины переменные «есть просто факт жизни сказки», величины же постоянные — «факт сказочного искусства».²⁶ Выше всего Никифоров ценил живое исполнение сказки, то есть, по его терминологии, величину переменную. Для Проппа система функций составляет арматуру сказки. Никифоров же, бегло отметив постоянство функций персонажа, неизменно отдает предпочтение переменному: «Группировка частных функций главного персонажа и вторичных персонажей в некоторое количество комбинаций по принципу весьма (но не абсолютно) свободных сочетаний и составляет основную пружину сказочного сюжетосложения».²⁷

²³ Изв. ОРЯС АН СССР. Л., 1926. Т. XXXI. С. 367.

²⁴ Сборник ОРЯС АН СССР. Л., 1928. Т. CI. № 3. С. 173—178.

²⁵ См. статью: *Костюхин Е. А.* Две морфологии сказки: В. Я. Пропп и А. И. Никифоров // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. XXX. С. 302—307.

²⁶ Опубликованная в 1934 г. статья была написана одновременно с этюдом о морфологическом изучении сказок: *Никифоров А. И.* Важнейшие стилиевые линии в тексте северной русской сказки // *Slavia*. 1934. Т. XIII. № 1. S. 57.

²⁷ *Никифоров А. И.* К вопросу о морфологическом изучении...

Создается впечатление, будто универсальная морфологическая формула волшебной сказки и не была Никифорову особенно нужна. Любовь к переменному вела к тому, что Никифоров любит тончайшими смысловыми оттенками в вариантах одного и того же сюжета. Там, где сказка развлекала, откровенно смешила и забавляла, Никифоров был исчерпывающе точен и подробен. Такова его большая работа о русских докучных сказках.²⁸

Это стало возможным, потому что в 1920-е гг. резко сместились акценты в изучении сказок. Выдвижение на первый план фигуры исполнителя заставляло смотреть на сказку не как на словесный текст, а текст, специфически исполненный. Манера исполнения определяет и стилистику сказки, конкретное воплощение «текстуры» (хотя термин этот еще не был тогда в ходу).

Такое отношение к сказке во многом проясняет и судьбу историко-географического метода в России. При всем том, что сложился он в Финляндии и получил название «финской школы», начальные его судьбы тесно связаны с русской наукой (хотя бы уже потому, что Финляндия до Октябрьской революции входила в состав Российской империи): А. Аарне печатался не только по-немецки, но и по-русски; в России работал и публиковался крупнейший теоретик историко-географической школы В. Н. Андерсон. Казалось бы, для этого направления в нашей стране был заложен прочный фундамент еще в 1910-е гг.

Однако историко-географический метод, ставший в первой половине XX столетия наиболее авторитетным ответвлением компаративизма, в русской науке 1920-х гг. развития не получил. Единственным верным его адептом остался ученик Андерсона Н. П. Андреев. В развернутой рецензии на «учебник» А. Аарне по сказковедению он популярно изложил основные положения «финской школы».²⁹ В 1929 г. Андреев издал «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», прочно вошедший в обиход не только отечественной, но и мировой науки. И все же при несомненных достижениях финской школы в России, ее признании в Европе³⁰ Н. П. Андреев в 1920-е гг. является одиноком приверженцем этой школы. И не случайно: отношение к тексту как литературному документу, полное отторжение его от особенностей бытования резко противостоят тенденциям, характерным для отечественной фольклористики 1920-х гг. Как мы убедились, едва ли не самым чутким ее барометром был А. И. Никифоров, в деятельности которого отмеченные тенденции нашли едва ли не наиболее полное

²⁸ Опубликовано в украинском переводе // *Етнографічний вісник*. Київ, 1932. Кн. 10. С. 49—105.

²⁹ *Андреев Н. П.* К методологии и технике изучения народной словесности // Новое дело. Казань, 1922. Кн. III. С. 17—45.

³⁰ Классическими стали работы: *Andrejev N. P.* Die Legende von den zwei Erzsündern; Die Legende von Räuber Madej: FFC LIY, LXIX.

воплощение. У Никифорова нет ни одной работы, выполненной по принципам «финской школы» (как нет таких работ в тогдашней нашей фольклористике, за исключением Андреева). Свое отношение к «финской школе» он, однако, высказывал неоднократно, прежде всего в рецензиях. Если поначалу Никифоров отзывался о работах ученых историко-географического направления весьма уважительно: «учебник по сказковедению» К. Крона отличается тщательностью методики, основанной на солидной источниковедческой базе, монография В. Н. Андерсона «Император и аббат» — «крупное научное событие», а автора характеризуют изумительная эрудиция, смелость ориентировки в колоссальном материале,³¹ то с годами нарастает критицизм в отношении к методологии «финской школы», убеждение в ее бесплодности (история сюжета — пустопорожний исследовательский жанр, поскольку сюжеты «живут» не по отдельности, а гнездами, а потому прокламируемая «финской школой» методика ведет в тупик: «недостижима постановка вопроса об изучении сказки в мировом масштабе»). Главным же образом школа отвергнута из-за пренебрежения к вопросам живой жизни сказки. А без представления о живой сказочной традиции даже две тысячи монографий об истории сюжетов, выполненных по методике «финской школы», не приоткроют истинной истории сказок.

1920-е гг. демонстрируют, таким образом, как рождение новых школ и направлений в сказковедении, так и появление гипотез и единичных исследовательских опытов, оставшихся интересными заявками на будущие изыскания. Некоторые из них не осуществлены до сих пор и, стало быть, остаются актуальными. Так, в работе, увидевшей свет в 1934 г., но написанной еще в 20-е гг.,³² предпринята попытка описания номенклатуры сказок волшебных и о животных. До сих пор таких работ в отечественной фольклористике нет, так что мы не в состоянии ответить, скажем, на такой элементарный вопрос, как, например, описание жилища в русской народной сказке.

Вообще, многое в изучении русских сказок так и осталось с 1920-х гг. нереализованным. Следующее десятилетие — время сужения исследовательских горизонтов. Новое время — новые песни, новая проблематика. Но рассмотрение сказковедения 1930-х гг. — особая тема, выходящая за рамки нашей статьи.

³¹ Етнографічний вісник. Киев, 1928. № 7. С. 88; Изв. ОРЯС АН СССР. Л., 1926. Т. XXXI. С. 354.

³² Никифоров А. И. Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 годов // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934. С. 377—397.

Н. Е. ОНЧУКОВ

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ¹

Публикация В. И. Жекулиной

Статья «Устная словесность нашего времени» написана Н. Е. Ончуковым, уже имевшим на своем творческом счету три сборника: «Печорские былины», награжденные малой золотой медалью Русского географического общества (далее: РГО) (1904 г.), «Северные сказки», отмеченные большой золотой медалью РГО (1908 г.), и «Северные народные драмы» (1911 г.). Дореволюционный период творчества собирателя был очень плодотворен: кроме названных крупных изданий в журналах «Живая старина», «Сын Отечества», «Северный курьер», «Новое время» публикуются статьи и очерки Н. Е. Ончукова по материалам, собранным им во время фольклорных экспедиций на Низовую Печору, Мезень, в Олонецкую губернию (Петрозаводский, Пудожский, Каргопольский, Повенецкий уезды), Поморье и Архангельскую губернию.

Статья «Устная словесность нашего времени» написана уже после прихода большевиков к власти и отражает состояние общества и настроение народа, оказавшегося свидетелем и участником событий, перевернувших всю привычную российскую действительность. Работа написана на 22-х ветхих узких полосках-бланках чернилами, иногда поверх типографского текста с правками более позднего времени и без даты. На обороте листа 5 другими чернилами сделана вставка с указанием на то, что «первоначально статья была написана в Перми в 1922 г.»²

Летом этого года Н. Е. Ончуков по заданию Восточносибирского отдела РГО побывал в этнографической экспедиции в Забайкалье. В пре-

¹ РГАЛИ. Ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 55. Автограф. Черновик с правками.

² Вставка другими чернилами на обороте 5-го листа: «Первоначально статья была написана в Перми в 1922 г. Тогда я совершенно не имел под руками печатных материалов, и я хотел ограничиться своими собственными записями совр(еменного) фольклора. По переезде в Петерб(ург) оказалось, что кое-что уже напечатано, и для полноты картины я позволю делать извлечения из уже написанного, главн(ым) обр(азом) приводить примеры из своего собрания. Само собой разумеется, что и свои записи не могу печатать целиком: для этого еще в пределах России не наступило время.

дисловии к дневнику путешествия по Ангаре и Забайкалью он сообщил, что «записи чисто фольклорного материала были <...> ничтожны, но общие наблюдения быта и жизни новы <...> и ярки».³

С осени 1922 г. Н. Е. Ончуков живет в Перми⁴ и работает преподавателем на кафедре русского языка педагогического факультета Пермского университета.

Летом 1923 г. он побывал в экспедиции в Чердынском крае с конкретным заданием — приобрести предметы народного быта для Московской сельскохозяйственной выставки. Отчет о поездке был опубликован в «Пермском краеведческом сборнике» в 1924 г. Материалы экспедиционных поездок 1922 и 1923 гг. и были использованы ученым в статье «Устная словесность нашего времени».

Окончательный ее вариант, публикуемый ниже, предположительно относится к 1925—1926 гг., периоду, когда Н. Е. Ончуков, переехавший в декабре 1924 г. в Петроград, сначала становится внештатным сотрудником в научно-исследовательском Институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, а затем преподавателем фольклора на факультете языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета, выполняя одновременно обязанности секретаря в фольклорной секции «Живая старина». В эти годы одна за другой выходят его статьи, заметки и рецензии по фольклору в журналах «Краеведение», «Сибирская живая старина», «Уральское краеведение»: «Что и как записывать по народному творчеству» («Краеведение». 1925. № 3—4. С. 269—284); «Заметка об изучении народного ораторского искусства» (Там же. 1925. № 1—2. С. 166—176); рецензии на III—IV выпуски «Сибирской живой старины» (Там же); рецензия на «Руководство для собирания произведений устной словесности» Б. М. и Ю. М. Соколовых, и другие.⁵

Петербургский период, когда была окончательно оформлена публикуемая статья, являлся наиболее интенсивным и счастливым в творческой судьбе Н. Е. Ончукова. В фольклорной секции «Живая старина» при Институте сравнительного изучения литератур и языков объединились этнографы, фольклористы, лингвисты, востоковеды, историки: В. М. Жирмунский, Л. В. Щерба, Л. Я. Штернберг, Е. Ф. Карский, П. К. Симони, В. И. Чернышов, А. И. Никифоров и многие другие ученые. Общение с ними, участие в заседаниях секции, сотрудничество со Сказочной комиссией РГО — все это происходило регулярно. Как пишет Н. Е. Ончуков в заметке «Изучение фольклора», «интереснейшие заседания Сказочной комиссии проходят через две недели в кабинете неприменного секретаря Академии Наук С. Ф. Ольденбурга, и на них кроме

Материал расположен у меня не по форме, а хронологически, начиная со времени войны. Получается впечатление некоторой беспорядочности, зато видно, как отр<ажается> изв<естное> время в фольклоре и всяких формах».

³ РГАЛИ. Ф. 449, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1.

⁴ Подробную биографию ученого см.: Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова // Изд. подг. В. И. Еремина и В. И. Жекулина. М., 1996. С. 5—41.

⁵ Подробнее см. раздел «Приложение 4» — «Основные даты жизни и творчества Н. Е. Ончукова» в сборнике: Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Сост. В. И. Еремина, В. И. Жекулина. СПб., 2000. С. 473—476.

петербургских ученых непременно бывают и все приезжие ученые».⁶ На этих заседаниях обсуждались издательские программы, разрабатывались планы экспедиций, изучались процессы, происходящие в устном народном творчестве в новых послереволюционных условиях жизни в России. Н. Е. Ончуков был непременным активным участником всех заседаний.

Интерес к современному творчеству проявился и в преподавательской деятельности Н. Е. Ончукова. В 1929-м—1930-х гг. Ончуков проводил семинары и практические занятия после лекций профессора В. А. Келтуялы. Сохранились темы зачетных семинаров для студентов III—IV курсов Ленинградского государственного университета. Общая тема семинара — «Советская современность в русском фольклоре»: 1. Современность в сказках; 2. Современность и народная драма; 3. Следы современности в обрядах; 4. Современность и причитания; 5. Опыты собирательства фольклора в Ленинграде; 6. Городской фольклор: модные песни, куплеты, блатная поэзия, «Ванька» (ГБЛ. Ф. 369, картон 399, ед. хр. 13, л. 5).

В программе семинаров для III—IV курсов Ончуков пишет: «Ленинград изобилует современным фольклором. Здесь распеваются частушки, современ(енные) песни, куплеты, показ(ывается) на рынках новый Петрушка — „Ванька“, создаются и живут легенды, без сомнения рассказыв(ваются) с блатным налетом современные сказки. Т(аким) обр(азом) вторая часть семинара будет частью практической, а весь семинар будет иметь краеведческий уклон» (Там же. Л. 12).

Особенное удовлетворение как преподаватель Ончуков получал от занятий с III курсом, и в отчете заведующему кафедрой устной словесности и древней письменности В. А. Келтуяле он пишет: «Так, студент Ершов доклад, сделанный по моему указанию — „Песни Сытного рынка“, сделал по живому материалу, т. е. по песням, собранным им самим на Сытном рынке в Ленинграде. Доклад настолько нов по своему материалу и интересен по существу, что его следовало бы напечатать, по крайней мере в газете, тем более что область городского фольклора, „фольклора улицы“, совершенно не разработана, а она привлекает к себе все большее и большее внимание» (Там же. Л. 6).

Результаты наблюдения Н. Е. Ончукова за состоянием современного фольклора и были изложены им в публикуемой статье.

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Пережитая Россией Европейская и Гражданская война, конечно, не могла не отобразиться в устной народной словесности. Это отображение получилось очень разнообразным, захватывая решительно все сферы происходящего, по-своему откликаясь на все события, по-своему их характеризую. К одним событиям народ отнесся положительно, к другим отрицательно, но спокойно, даже эпически спокойно, просто «констатируя факт», запечатляя

⁶ РГАЛИ. Ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 14, л. 3.

их злой остротой или хлесткой шуткой и остроумным анекдотом, а иные события — мистической легендой.

Приводимые ниже образцы народной словесности характерны и важны: они рисуют психологию самых широких кругов страны во время войны и революции и как бы фотографируют понимание и отношение к ним этих широких кругов. Но надо условиться. До сих пор термин «устная словесность» был неразрывен с термином «народная». Теперь не то. Термин «народ» в данном случае я расширяю. В творчестве устной словесности нашего времени участвуют, творят нынче устную словесность решительно все и, по-видимому, главн(ым)-то образом не крестьяне, а в большинстве именно жители городов, всех состояний и социальных положений. Да и представители всех этих многообразных прежде социальных подразделений не превратились ли действительно нынче в просто — «народ»? После Октябрьской революции рушилась сословная перегородка, и хотя у множества людей и остались старая психология и чувства, но условия жизни их в огромн(ом) большинстве совершенно изменились. Уже с первых месяцев Европейской войны и для дворян, и для купцов, и для богатых и бедных — сначала общая однообразная жизнь на позициях. Затем после революции — конфискация имущества, беженство в Сибирь, имущественные потери и всеобщее обеднение и пр(очее). Все это нивелировало множество людей, прежде так резко различавшихся друг от друга своим экономическим положением, а в зависимости от этого и своим бытом, психологией и идеологией. На положении народа, т. е. крестьян, и даже часто в деревенской обстановке оказались дворяне, офицеры, купцы, городская служилая интеллигенция. Все они фактически превратились в «народ» и отчасти сами в некоторой степени, иногда значительной, невольно проникались народной психологией, отчасти довозвышали до себя ту деревенскую народную среду, от которой еще недавно они так резко отличались и в которую совсем неожиданно для себя попали. В результате получился какой-то социальный сплав, которому, м(ожет) б(ыть), еще рано делать строго очерченное определение, ибо ведь всколыхнувшийся революцией народный океан все еще не вошел в свои берега и теперь происходит как бы мертвая зыбь. И какова будет нормальная спокойная поверхность этого народа-океана предсказать (*зачеркнуто два слова*) преждевременно и пока рискованно. Теперь пока только можно выявить занимавшие это народное море мысли, взгляды, определения и отношение к происходящим событиям.

Великую революцию вызвала великая Европейская война. Война с первых же моментов своих поразила народное воображение и сейчас же стала отображаться в устной словесности. Образцы устной словесности я приведу сначала о войне, причем вперед должен оговориться, что в свое время я не задавался со-

бирательскими целями в этой области и мои записи носят лишь случайный характер и уж, конечно, ни в какой мере не исчерпывают всего многообразия отображений русской словесности на происходившие чрезвычайные события.

Первоначально статья была написана в Перми в 1922 г. Тогда я совершенно не имел под руками печатных материалов, и я хотел ограничиться своими собственными записями советского фольклора. По переезде в Петербург оказалось, что кое-что уже было напечатано, и для полноты картины я позволю делать извлечения из уже написанного, главным образом приводить примеры из моего собрания. Само собой разумеется, что и свои записи не могу печатать целиком: для этого еще в пределах России не наступило время.

Материал расположен у меня не по форме, а хронологически, начиная со времени войны. Получается впечатление некоторой беспорядочности, зато видно, как отражается извечное время в фольклоре и всяких формах.

Частушки — это всего чаще встречающееся проявление народного творчества. Частушки уже не раз появлялись в печати и царского времени, а затем и в красной печати. Были напечатаны и заплачки на проходы новобранцев (И. И. Ульянов в «Н(овом) Вр(емени)» за 1915 и 1916 гг.).⁷

Но народ выявил себя во время войны еще и в песнях, легендах, анекдотах, загадках, пословицах, поговорках, остротах и пр. Образцы, какие у меня есть, я предлагаю ниже.

Как воевали англичане

В начале войны у англичан почти не было солдат, и они очень долго решительно ничем не проявляли себя в сухопутной войне. В русской армии сейчас же решили, что это очень тонкий народ, — хочет победить немцев чужими руками, руками русских. Появилась острота, будто бы англичане говорили: «Мы в этой войне будем бороться до последней капли крови ... русского солдата».

О дворе, Николае Николаевиче и Распутине

С первых же месяцев войны стали ходить упорные легенды о сношении супруги Николая 2-го Александры Федоровны с германским двором с целью продать Россию немцам. Николай рисовался

⁷ Обряд(овые) причитания при проходах солдат на войну. Петроград, 1915.

в легендах как патриот, во что бы то ни стало решившийся довести войну до победного конца.

Наследник Алексей рисовался в положении между двух стульев, и на этот счет ходило немало острот. Вот одна из них:

«Не знаю, как мне и быть, — будто бы говорил Алексей-наследник, — когда русские немцев бьют, — мама плачет. Когда немцы русских бьют, — папа плачет».

Распутин, его отношение ко двору и особенная близость к царице и сильное влияние на нее особенно охотно трактовались. Дело доходило до мистики. Напр⟨имер⟩ писали столбиком:

Романова
Александра
Своим
Поведением
Уронила
Трон
[Императора]
Николая
2-го.

Читали первые буквы каждого слова, выходило — «Распутин». Перевертывали 2-го, выходил и твердый знак — эффект был полный. В этой шутке досужего ума усматривали уже нечто мистическое. Если Распутина представляли ярым сторонником и даже вдохновителем Александры Федоровны, германофилом, имевшим сношение с германским двором и даже получавшим оттуда темные деньги, зато дядя государя Николай Николаевич рисовался как неподкупный горячий патриот.

На этой почве между Ник⟨олаем⟩ Ник⟨олаевичем⟩ и Распутиным происходили столкновения.

Напр⟨имер⟩, Гр⟨игорий⟩ Распутин возымел желание «съездить в армию благословить народ», но не решался сделать это без разрешения Верховного Главнокомандующего Н⟨иколая⟩ Н⟨иколаевича⟩. Посылает Н⟨икола⟩ю Ник⟨олаевичу⟩ телеграмму: «Ваше императорское величество, разрешите приехать в армию, благословить народ». И сейчас же получает по телеграфу ответ: «Приезжай. Выпорю. Николай».

Есть варианты этой легенды. За неимением места ограничиваюсь приводимым, хотя даже в моих чисто случайных записях (на фронте и даже близко к нему я не был) легенды касаются царя и царицы, царя и Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩, интендантов и Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩, Мясоедова, Вильгельма, дочерей царя и пр⟨очее⟩.

Солдаты в это же время на позициях слагали свои солдатские песни, частушки и пр⟨очее⟩.

Частушки же во множестве слагались в деревнях девицами, оставшимися без своих миленков — женихов. В частушках этих

не только лирически изливались сердечные чувства к «миленочкам», но и наводилась критика на все и вся, не исключая самых высоких материй.

Но вот революция. Она еще больше поразила народное сознание, и в результате — самое разнообразное отображение ее с различных точек зрения в устной словесности.

Уже война выбила народ из привычной колеи, обывденной жизни с ее мелкими интересами и дешевым довольством, разлучила с родными, милыми, дорогими сердцу; затем пошла дороговизна, всевозможные лишения, неуверенность в завтрашнем дне. И отношение народа к революции в это время совершенно отрицательное, резко гневное, больше — ироническое.

Напр(имер), слово «товарищ» — начали шутливо уверять происхождение от «товар ищи»; слово «республика» — от «резать публику»; «РСФСР» расшифровывали как — «распустили солдат фронта, собрали разбойников» — это относилось ко времени бытности еще Красной гвардии, в составе которой действительно не в редкость были преступные элементы, нередко своими эксцессами раздражавшие народ.

Были шуточные расшифровки этой же формулы и мягче: «РСФСР — ржаные сухари — фунт сто рублей». Это когда пошла дороговизна. Дороговизна, все возрастающая, конечно, задевала народ, была объектом постоянных разговоров и обсуждений и в большей степени вместе с другими причинами влияла не только на народную психологию, но и на политическую идеологию, заставляя с умилением вспоминать самые времена, которые еще так недавно озлобленно ругали.

Напр(имер): «Как царил Николашка-дурак (дурачок), белый хлеб был пятак (пяточок), а теперь социальная республика — белый хлеб стал три рублика». (Записано вскоре после октябрьского переворота).

Или: «При дураке Николашке были белые калабашки, а теперь новый режим — голодные лежим». Вариантов подобного существует много.

Вначале от революции многие совершенно растерялись. Вот настроение деревенских девиц, ждавших с войны с «германом» своих миленочков:

Я сидела на заборе
С революцией во взоре,
Прокламацию читала,
Ничего не понимала.

Но частушки отмечают и другое отношение к ходу вещей:

Раз, два — мимо нас
Пролетела птичка.

Мой миленок — большевик,
А я большевичка.

Гражданская война расслоила народ. Вот чаяния стороны с «белым» настроением:

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка,
Если белые придут,
Коммунистам крышка.

Любопытно, что этот сюжет бытовал на огромном пространстве. Приводимую частушку я записал в Сарапуле. Можно было услышать ее и в Пермской губ(ернии). То же самое почти записано мною в Иркутске и в виде частушки, и уже в такой форме: «Ангара встанет — большевиков не станет». На Байкале: «Байкал встанет — большевиков не станет».

Как и в солдатских песнях старого и нового времени фигурировали персонажи (Скобелев, Чернядев, Гурко и пр(очие), Колчак, Деникин, Семенов и пр(очие)), так и новая частушка революционного времени не бедна персонажами.

Например:

Троцкий лыка нам нарежет,
Ленин лапти наплетет,
Красну армию обует,
На Деникина пошлет.

Или:

Я на бочке сижу,
А под бочкой каша,
Ленин Троцкому сказал:
«Вся Россия наша».

А вот частушка, записанная в Иркутске:

Большевики, большевики,
Что вы натворили:
Школу юнкеров сожгли,
Второва разбили.

Или:

Ты разлейся, Ангара,
Вы раздайтесь, лодочки, —
За Байкалом-то свистят
Семеновские плеточки.

Или:

Бела армия в тайге
Орехи добывает.

Гражданская война, военный коммунизм, всеобщая разруха, тиф, голод, разверстка и пр(очие) великие тяжести революционного времени остались неоправданными в глазах рядового обывателя. Обыватель думал, что всего этого могло бы и не быть, что тяжести жизни исходят едва ли не исключительно от злоупотреблений, взяточничества, фактического неравенства и проч(его). Так как евреи играли крупную роль в революции, то многие обывательские беды обывательской мыслью, не отрешившейся еще от старых предубеждений, стали приписываться исключительно евреям. Возрождался антисемитизм, совсем было исчезнувший во времена Керенского и в начале Октябрьской революции. На почве антисемитизма создавалось и ходило множество легенд, анекдотов, острот, пословиц, поговорок и пр(очего). Напр(имер).

Моисей и Илья

Русские, чтобы навести порядки в своей земле и испробовав все средства, обратились в конце концов на небо, к святым. Представители, снабженные мандатами, явились на небо и сначала обратились к Илье-пророку. Пожаловались. «Вполне вам сочувствую, — ответил Илья, — и помог бы. Но посудите сами, — как я к вам поеду, ведь у вас моих коней реквизируют, хотя они у меня красные. Нет, не поеду, боюсь».

Тогда обратились к Моисею. Тот внимательно выслушал и ответил: «Понимаю вас, но почему вы ко мне обратились — не понимаю. Ведь вы же сами говорите, что мой-то народ живет в России хорошо, в довольствии! Обратитесь к своему Николе что ли ...».

Когда кончилась война с Польшей и появились слухи о контрибуции с России, сейчас же пошли гулять и остроты, что Польша согласна мириться с нами, если мы согласны дать ей в виде контрибуции «комиссара не еврея, коммуниста, но честного и русского не дурака».

Обвиняя других, вновь испеченный русский гражданин, а в сущности все еще российский обыватель, не щадил и себя. Так, он острил: «Чем держится советская власть?» И отвечал: «Советская власть держится еврейскими мозгами, мадьярскими штыками и русскими дураками».

Чрезвычайные события повели к сильному развитию мистики в обществе, каковой и прежде было довольно. Усиленно читалась Библия и в особенности некоторые пророчества. Напр(имер), про-

рока Даниила, где мечтавшие о возврате монархии смаковали место о царе Михаиле, уверяя, что тут говорится именно о Михаиле Романове. Любопытно, что на почве чаяния скорого возврата монархизма появилось, так сказать отпрыгнулось, старое русское явление — самозванщина: кажется, в Бийске (на Алтае) почтовый чиновник 20 лет вздумал выдать себя за наследника Алексея Романова. Его скоро арестовали (дело было еще при Колчаке), но монархические чаяния пошли гулять по всей Сибири, разумеется в известн(ой) среде.

Чаяния близости конца мира и скорого наступления царства Антихриста, жившие у нас до этого только среди наших старообрядцев и только лишь в крайних беспоповщинских сектах, теперь эти чаяния вспыхнули с новой силой уже среди самых широких кругов общества. Как в свое время в Петре I, а потом в Наполеоне мистики «угадывали» Антихриста, так теперь целых двух антихристов сразу некоторые любители усматривали в Ленине и Троцком. Это положение мистики старались даже доказать. В 20—21-е гг. в Иркутске, а м(ожет) б(ыть) и в других городах, носились со следующим: из 15 спичек, сложенных соответств(ующим) образом, выходит пятиконечная звезда. Из этих же 15 спичек выходит число 666. В имени и фамилии «Владимирь Ленинъ» также 15 букв. Вывод: пятиконечная звезда — «число зверино»: 666 и «Владимирь Ленинъ» содержат одно и то же количество знаков. Ясно, что Вл(адимир) Ленин — Антихрист.

В Иркутске и вообще в городах и селах около этого города можно было наблюдать особый расцвет мистики. Не проходило ни одного более или менее значительного общественного явления, чтобы оно не преломилось в обывательском мозгу в своеобразном мистическом освещении. Напр(имер), в Иркутске был арестован епископ Зосима. В тюрьме он, смалодушествовав, заявил, что выходит из монашества, а когда был освобожден, действительно снял сан и женился.

И вот среди публики появились рассказы двух священников одного из близких к Иркутску уездов о своих снах, а в снах этих еще задолго до снятия Зосимой сана предвещалось об этом событии. В свое время священники «не поняли» своих вещей снов и только теперь уразумели в чем дело.

Особенно расцвету мистицизма в Иркутске способствовало крупное местное событие — вскрытие мощей местного угодника святителя Иннокентия, давно и усиленно чтимого в Восточной Сибири. Вскрытие мощей раскололо общество на два лагеря: одни после вскрытия, не видя полной нетленности мощей, разуверились и в святости еп(ископа) Иннокентия, и в мощах вообще; другие, наоборот, — еще больше укрепились в вере и еще более нафантазировались. Целую неделю почти огромная волна народа непрерывной лентой тянулась из Иркутска в монастырь, в 4-х верстах

от города, чтобы посмотреть на вскрытые мощи. Целую неделю обывательская мысль была занята исключительно этим событием. В результате немало рассказов о чудесах у мощей, об обращении к вере коммунистов и пр⟨очее⟩ и пр⟨очее⟩. Напр⟨имер⟩, уверяли, что бывший во главе комиссии по вскрытию мощей коммунист, небрежно постучавший пальцем по черепу мощей, сошел с ума и отправлен в Омск. Рассказывали о красноармейце, посмеявшемся над мощами в монастыре: когда он возвращался в Иркутск, попал в полынью, стал тонуть, взмолился к св⟨ятителю⟩ Иннокентию, спасся и обратился к вере.

Очень красочно и с большими подробностями рассказывали о студентке, которая была в монастыре и посмеялась над мощами. Ночью к ней явился Иннокентий и погрозил пальцем. От испугу студентка закричала, а когда зажгли огонь, чтобы ее разбудить, то увидели, что огромная крыса чуть не откусила студентке нос. В результате опять обращение к вере. Мистически настроенный обыватель в деревне ли, в городе стал чрезвычайно легковверен и за сущую правду признавал что угодно. В Иркутске я лично встречался с одним стариком-плотником, по-видимому иоанитом. Он уверял меня, что во время смерти Иоанна Кронштадтского «своими глазами» видел, как душа И⟨оанна⟩ Кронштадтского вознеслась на небо, а также, что он частенько разговаривает с местными святыми — св⟨ятителем⟩ Иннокентием и св⟨ятителем⟩ Сафронием.⁸

Народом вспоминались старые, забытые, было, рассказы, которым теперь придавали новое освещение и глубокий смысл. Напр⟨имер⟩, в гор⟨оде⟩ Лисовске⁹ на Байкале от старика, уроженца Симбирской губ⟨ернии⟩, из ссыльных, я слышал такой рассказ: «Время это было предсказано старцем, который жил у нас в барском Ознобишенском лесу. Старец говорил, что царя в 17 году стряхнут с престола, будет великая война, будут драться не только на земле, но и в воде, и в воздухе. „Ты, парень, — говорил мне старец, — доживешь (а мне было тогда 12 лет). Будет великая война, и пойдет брат на брата, будет великий голод и мор. Церковь будет унижена и верных останется мало, всего 2 тысячи человек, но ты, парень, никакую веру ни хуль — один Бог знает, какая вера лучше. По прошествии 3½ лет неверных будут истреблять отовсюду“. Барин Ознобишин был фармазон (франк-массон) и деревянную церковь разломал и сжег в кирпичном сарае. Старцу было тогда 130 лет. До 70 лет он работал в деревне как обыкновенный крестьянин, а затем спасался в лесу, но барин Ознобишин под конец его из лесу выгнал».

⁸ Зачеркнутый Н. Е. Ончуковым абзац: «И я до сих пор не решил — мистик ли этот старик и его действительно посещали видения, т. е. он галлюцинирует, или он просто плут, не без выгоды для себя дурачит посещавшую его публику».

⁹ Трудно читаемое слово.

В Иркутске рассказывали о каком-то старце-прорицателе в Чите, который «уже совершенно и точно» предсказывает события, которые должны свершиться в самом недавнем будущем.

«Святые» появились не только среди русских, но и среди бурят. Вот что я вычитал уже в сибирских газетах еще при Колчаке. В одном из бурятских улусов Копсальской (*нрзб.*) вол⟨ости⟩ Верхоленск⟨ого⟩ уезда появилась святая бурятка и творила чудеса: напр⟨имер⟩, ситцевые материи, надетые на нее, превращались в шелковые и т. д. Так как к этой бурятке потянулись из окрестностей паломники и повезли ей деньги, и гл⟨авным⟩ обр⟨азом⟩ золото и серебро, то начальник милиции 2 уч⟨астка⟩ выехал в улус для «проверки случая». По выяснению оказалось, что отец девицы-бурятки известн⟨ый⟩ аферист и ловко морочил доверчивую публику — инородцев.

Таковы в главных чертах и очень немногих примерах отображения устного народного творчества за последние годы. Памятники этого творчества следует тщательно собирать, записывая решительно все. Потом эти записи будут неоценимым материалом для изучения народной психологии и идеологии нашего замечательного времени.

С. П. СОРОКИНА

ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕУДАВШЕГОСЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ

Петр Григорьевич Богатырев хорошо известен как фольклорист, этнограф, славист. Оказавшись в первые послереволюционные годы в Чехословакии,¹ где он прожил почти 20 лет, Богатырев создал уникальный исследовательский метод, впитавший лучшие достижения отечественной и чешской научных школ. Однако не менее значима его подвижническая деятельность, направленная на возобновление культурных связей между Россией и Чехословакией, прерванных в 1917 г. революцией. Масштабна также работа Богатырева по возвращению из-за границы вывезенных первой волной эмиграции рукописей, писем и других материалов по русскому искусству и истории, которой он занимался по заданию директора Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича.² В настоящей статье я коснусь лишь одного эпизода этой недостаточно освещенной стороны жизни ученого в Чехословакии.

Как известно, в 1922 г. Советскую Россию покинул талантливый исследователь и собиратель памятников древнерусской книжности и фольклора Александр Дмитриевич Григорьев. С собой он увез подготовленный к печати, но так и не изданный вто-

¹ Об этом периоде жизни П. Г. Богатырева см.: *Досталь М. Ю.* П. Г. Богатырев в Чехословакии в 1920—1930-е годы // *Славяноведение.* 1998. № 4. С. 31—42; *Мукаржовский Я.* О Богатыреве // *Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи.* СПб., 2002. С. 14—16; *Гавацци М.* Воспоминания // Там же. С. 17—20; *Солнцева Л. П.* Петр Григорьевич Богатырев и чешская театральная культура // Там же. С. 73—106.

² Материалы, собранные Богатыревым, хранятся в РГАЛИ. Ф. 47, оп. 2, ед. хр. 1—444. История их собирания отражена в переписке П. Г. Богатырева с В. Д. Бонч-Бруевичем: НИУ РГБ. Ф. 369, к. 130, ед. хр. 25, 26, 27; к. 240, ед. хр. 44. Об этой переписке см. также: *Сорокина С. П.* Переписка П. Г. Богатырева // *Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи.* С. 121—124.

рой том «Архангельских былин и исторических песен»,³ а также подлинные записи текстов, сделанные во время экспедиции. Об уникальности коллекции А. Д. Григорьева говорилось не раз. Так, Т. Г. Иванова отмечала, что три тома «Архангельских былин и исторических песен» — это «четверть всех эпических песен, зафиксированных наукой к началу XX столетия».⁴

Оказавшись в 1923 г. в Чехословакии, ученый через некоторое время обустроился в Пряшеве и возвратился к идее издать второй том «Архангельских былин и исторических песен». Осенью 1925 г. он предлагает Чешской академии наук опубликовать книгу. Предложение исследователя было принято, но печатание тома началось только в 1938 г., в 1939-м книга увидела свет, а в 1945 г. умер ее создатель.

Долгое время оставался открытым вопрос о том, были ли приняты российской стороной, российскими учеными какие-либо усилия, чтобы вернуть ценнейшую коллекцию на родину. Отмечу, что сам Григорьев считал именно кулойскую и мезенскую былинные традиции наиболее живыми, хорошо сохранившимися и в связи с этим представляющими особый интерес для исследователей.⁵ Переписка П. Г. Богатырева, обнаруженная в архивах Российской академии наук и Российской государственной библиотеки, свидетельствует о том, что такая работа велась. Письма откровенно драматическую историю, связанную с попыткой Богатырева выкупить для России у Григорьева его коллекцию и подготовленный к изданию том.

Можно предположить, что идея покупки у Григорьева второго тома былин, а также текстов, записанных в экспедиции, принадлежала самому Богатыреву. Так чаще всего и бывало: находя какие-либо ценные материалы по русской культуре, П. Г. Богатырев сообщал о них В. Д. Бонч-Бруевичу и тот находил деньги на их приобретение. Богатырев, без сомнения, знал о том, что Григорьев в Чехословакии и что второй том и записи к нему не погибли во время многочисленных переездов собирателя. Активное сотрудничество с чехословацкими коллегами и научными организациями, а также прочные связи в кругу научной эмиграции из России позволяли Богатыреву быть хорошо осведомленным во всех важ-

³ Первый и третий тома собрания Григорьева, как известно, были напечатаны еще в России, а второй уже в Чехословакии (Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1. Ч. 1: Поморье. Ч. 2: Пинега; СПб., 1910. Т. 3: Мезень; Прага, 1939. Т. 2: Кулой).

⁴ *Иванова Т. Г.* А. Д. Григорьев и его собрание «Архангельские былины и исторические песни» // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. С. 43. В этой же статье см. подробнее об истории собрания и публикации былин А. Д. Григорьевым. См. также об издании второго тома: Письма А. Д. Григорьева в архивах Праги // Из истории русской фольклористики / Публ. А. Н. Мартыновой. СПб., 1998. С. 5—8.

⁵ Архангельские былины и исторические песни. Т. 1. С. XIV.

ных событиях научной жизни страны. Возможно, инициировал поиски Богатырева и Ю. М. Соколов, имя которого упоминается в одном из писем (см. далее). Кроме того, о сохранности тома и экспедиционных записей к нему сообщил сам собиратель в статье, опубликованной в журнале «Slavia» в 1928 г.⁶ Фольклорист Богатырев, конечно, прекрасно понимал значимость для отечественного эпосоведения коллекции Григорьева и активно включился в переговоры.

Первое из обнаруженных письмо, в котором речь идет о Григорьеве и его собрании, написано Богатыревым к Бонч-Бруевичу и датировано 22 сентября 1936 г. Вместе с тем из его текста следует, что речь не впервые заходит о приобретении рукописей. «...Был в Пряшеве для покупки II-го тома „Архангельских былин“ у проф[ессора] Григорьева, но, к сожалению, его там не застал, он уехал на десять дней в Польшу. Придется писать ему из Праги».⁷

Следующим по хронологии является письмо А. Д. Григорьева к П. Г. Богатыреву от 14 октября 1936 г., по-видимому написанное в ответ на обращение последнего или Ю. М. Соколова. Привожу его целиком.

Многоуважаемый Петр Григорьевич!

Я принципиально согласен на предложение Ю. М. Соколова. Но я не знаю, насколько оно солидно и осуществимо при нынешних условиях. За беловик второго тома «Архангельских былин и исторических песен» с правом напечатать его в первом издании в 1200 экземплярах, вместе с напевами, статьей о кулойском и мезенском краях и о моем собирании там старин я хочу получить наличными пятьдесят тысяч теперешних чешских крон, считая пониженную теперешнюю чешскую крону равной почти 4 копейкам довоенного времени. Второй том будет заключать в себе около 40 печатных листов формата изданных уже 1 и 3 томов этих былин.

Тексты былин придется печатать по беловику, переписанному на машинке, проверенному мною в свое время по оригиналу и снабженному знаками препинания, биографиями певцов, оглавлением, напевами, указателями и т. п. Но этот беловик — по старому правописанию. Печатать теперь в России захотят, наверно, по новому правописанию. Поэтому беловик придется переписать по новому правописанию, опуская *ъ* в конце слов, ставя *и* вм[есто] *і* и т. д. На переписку понадобится 2—3 месяца непрерывной ра-

⁶ Григорьев А. Д. Мои воспоминания о записи кулойских былин // Slavia. Praha, 1928. Roč. VII. № 4. S. 980—985.

⁷ НИО РГБ. Ф. 369, к. 240, ед. хр. 44.

боты. Затем беловик по новому правописанию надо проверить по черновику.

Черновик второго тома, писанный мною в Архангельской губ[ернии], я тоже сохранил, несмотря на превратности войны; но в нем не хватает 5 (далее неразборчиво. — С. С.). Итак, я предлагаю за 50 000 кр[он] беловик уже по новому правописанию с правом и обязательством издать его в точности, без пропусков или сокращений.

Если понадобится моя помощь при корректуре, то я готов помочь в чтении одной корректуры за добавочную плату, которую в крайности можно оставить в России, хотя я пока не имею там лица, которому можно бы доверить эту сумму.

Прошу передать эти условия Ю. М. Соколову и сообщить мне ответ.

Несколько лет тому назад по поводу 2 тома «Архангельских былин» ко мне обращались немцы, но я отказал им.

Просимую мною сумму я и раньше получал от Академии наук за каждый том.

Пряшев.

Уважающий Вас А. Григорьев.⁸

По-видимому, понимая, что требуемая Григорьевым сумма очень велика, Богатырев адресует письмо Бонч-Бруевичу, имевшему значительные связи в правительстве СССР. 9 ноября 1936 г. В. Д. Бонч-Бруевич пишет П. Г. Богатыреву:

⟨...⟩ Письмо Григорьева я получил и очень удивлен его требованием: за 1200 экземпляров желает получить 50 тысяч крон денег, т. е. другими словами почти 50 крон золотом за экземпляр. Скажите, пожалуйста, за сколько же эту книгу надо продавать. Наверное, в Праге пришлось бы продавать за 200 крон, так надо сделать 50 % скидки книгопродавцам, да самое печатание сколько будет стоить. Тогда ответьте мне: кто же в Чехословакии купит хотя бы один экземпляр этой книги? Если же эти 200 крон придется переводить на наши советские деньги, то получится 12 руб[лей] золотом, т. е. рублей 60 советскими. Наверное, можно сказать, что таких чудаков в СССР, которые покупали бы эту книгу за 60 руб[лей], найдется раз, два и обчелся. Это не серьезный подход научного деятеля к своему труду. Это желание сорвать и обогатиться. Так что об этом серьезно и говорить не приходится.

Но так как, конечно, эти фольклорные записи в высшей степени нужны для нас, то нужно всемерно хлопотать, чтобы отбить, так сказать, завоевать этот фонд, находящийся далеко от Родины. Вот почему прошу Вас поддерживать с ним отношения

⁸ Архив РАН. Ф. 1651, оп. 1, ед. хр. 296.

и, может быть, нам удастся до чего-нибудь договориться с этим Григорьевым.

Кстати, я справлялся в Академии, и мне категорически заявили, что они никогда Григорьеву по 50 тысяч крон за том не платили. Что-то здесь не то. Мы ему оплатим гонорар по установленной норме гонораров.⁹ <...>

Фраза Бонч-Бруевича — «может быть, нам удастся до чего-нибудь договориться с этим Григорьевым» — на деле означала, что все усилия должны исходить от Богатырева. Во всяком случае выдержки из последующих его писем к Богатыреву свидетельствуют именно об этом.

29 ноября 1936.

Многоуважаемый Петр Григорьевич,

Ваше письмо от 17-го ноября с[его] г[ода] я получил. Оно меня очень обрадовало целым рядом сообщений.

То, что Вы написали Григорьеву по поводу Архангельских былин — все правильно, пускай хоть на таких условиях¹⁰ все передаст нам. Вы знаете, что у нас в СССР отношение к былинам и всему прочему народному, старинному в высшей степени хорошее, что вы можете видеть по критике Демьяна Бедного, его неудачной и неправильной вещи «Богатыри».¹¹ <...>

3 декабря 1936.

<...> Пожалуйста, уведоьте меня, удалось ли Вам уломать неприступного Григорьева и получить от него записи былин. Ужасный чудак — думает, что если былины будут лежать у него в портфеле, то из этого выйдет какой-то толк.¹² <...>

11 января 1937.

<...> Теперь вот не знаю, как быть нам с этим Григорьевым. Очень бы хотелось получить от него его фольклорные записи. Конечно, было бы самое лучшее их у него приобрести совершенно, чтобы мы могли их тут же напечатать, так как я ведь недостаточно нахожусь в курсе цен, которые сейчас существуют в Чехословакии за подобные покупки. Я очень хотел бы, чтобы именно Вы мне их подсказали. Удивляюсь на этого Григорьева, ведь он, наверное, может знать, что его труд пропадет даром, а тут

⁹ НИО РГБ. Ф. 396, к. 130, ед. хр. 25.

¹⁰ Видимо, П.Г. Богатырев предложил купить коллекцию у Григорьева без права публикации, только для научной работы. См. об этом далее в письме Григорьева.

¹¹ НИО РГБ. Ф. 396, к. 130, ед. хр. 25.

¹² Там же.

такой случай, чтобы его работа появилась в свет, а он еще всячески кочевряжится.

Если бы дело шло о расплате в советских рублях, то мы ему уплатили бы тот гонорар, который установлен за подобные работы. За запись текстов обыкновенно платят рублей 200 с печатного листа, за комментирование и предисловие — 460 руб[лей] с листа. Другое дело, конечно, когда вопрос касается валюты. Здесь я не могу идти на те громадные платежи, которые он требует.¹³ {...}

Последнее из обнаруженных писем, связанное с «делом Григорьева», принадлежит ему самому, оно написано 5 февраля 1937 г. и адресовано Богатыреву.

Многоуважаемый Петр Григорьевич!

Ваше последнее сообщение о том, что Гос[ударственный] лит[ературный] музей располагает за границей только небольшими суммами в иностранной валюте, ставит весь вопрос о покупке черновика II тома собранных мною былин под большое сомнение. Но, может быть, может Гос[ударственный] лит[ературный] музей произвести уплату, кроме иностранной валюты, также международными почтовыми купонами, которые пересылаются из страны в страну для ответов, если они в Советской России существуют. Тогда я мог бы обменять их здесь по почтовому курсу на чешские почтовые марки. Если это возможно, я готов продолжать переговоры.

Так как советские рубли не имеют хождения за границей, то я не могу судить о высоте гонорара за былины в советских рублях. Я могу судить о высоте этого гонорара только в чешской валюте.

Соглашаясь продать Гос[ударственному] лит[ературному] музею черновую рукопись II тома Архангельских былин с правом предоставлять ее исследователям для работы и с правом извлекать из нее цитаты, но без права напечатать II том целиком, я вполне сознавал, что это может равняться полной продаже в случае недобросовестного отношения покупателя из Советской России к своим обязательствам. Следовательно, цена черновой рукописи II тома Архангельских былин в моих глазах близка к цене продажи с правом напечатать первое издание II тома. В предыдущем письме я и спрашивал, сколько музей хочет или может дать, но не получил на этот вопрос ответа. Вместо этого Вы меня спрашиваете, сколько я хочу. Я отвечаю, что хочу сумму, возможно близкую к заявленной уже мною (50 000 кр[он]), и прошу сообщить, сколько дает музей в чешских кронах и в международных почтовых купонах, если они существуют в Советской России, и их можно обменять здесь на почтовые марки.

Уважающий Вас А. Григорьев.¹⁴

¹³ Там же.

¹⁴ Архив РАН. Ф. 1651, оп. 1, ед. хр. 296.

Очевидно, стороны все же не смогли договориться о стоимости рукописи. В 1939 г., вопреки представлениям Бонч-Бруевича о ненужности труда Григорьева в Чехословакии, второй том «Архангельских былин и исторических песен» был издан при поддержке Чешской академии наук, которой российская наука и культура, безусловно, глубоко признательны за сохранение бесценного наследия. К сожалению, до сих пор не обнаружены экспедиционные записи А. Д. Григорьева,¹⁵ представляющие огромный интерес для современного эпосоведения.

¹⁵ В частности, А. В. Флоровский, обследовавший фонд А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге, не обнаружил там записей былин и исторических песен. См.: *Флоровский А. В.* Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1960. Т. 16. С. 573—582.

Н. Г. КОМЕЛИНА

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Э. Г. БОРОДИНОЙ-МОРОЗОВОЙ И М. С. КРЮКОВОЙ

«Капитализм душил народные таланты. Под яркими лучами Сталинской конституции в стране победившего социализма пышным цветом расцвело народное творчество».

*К. Н. Юбилей Марфы Семеновны
Крюковой // Литературная газета.
1940, 5/IV, № 19.*

«Бабушка Марфа Семеновна, Вас, конечно, научила писать и записывать свои чудесные строчки Советская власть».

*Из письма Ю. И. Янковской. УССР,
Винницкой обл., Улановского
района, с. Вишенки от 11 апреля
1940 г.¹*

В советское время фольклор рассматривался как художественное творчество,² поэтому было изменено отношение к личности сказителя. В связи с этим исполнитель фольклорного произведения рассматривался как писатель-творец: «Лучшие мастера народной поэзии выступают как талантливые народные художники, своеобразные выразители народной идеологии».³ В 1930—1940-е гг. существовало стремление записать весь репертуар но-

¹ РО ИРЛИ. Колл. 146. Здесь и далее конкретные шифры единиц хранения не указываются, так как фонд находится в работе.

² «Фольклор — особый отдел литературы» (*Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 6.*)

³ Русское народное поэтическое творчество. Том II. Кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века. М.; Л., 1956. С. 7.

сителя фольклора,⁴ выходили сборники текстов, записанных от одного исполнителя.⁵

Т. Г. Иванова связывает личностное начало в фольклористике советского времени с созданием советского эпоса и сотрудничеством сказителя и собирателя. «Особое место в сознании науки того времени заняла фигура сказителя (былинщика, сказочника, плачеи). Только в индивидуальной работе с отдельными исполнителями можно было надеяться создать на основе классических жанров русского фольклора (былины, сказки, причитания) произведения новой тематики и новых жанровых модификаций. К сказителю стали прикладываться законы индивидуального творчества. Его фигура была приравнена к личности автора в профессиональном литературном процессе. Сказитель вольно или невольно рассматривался как начинающий, неопытный литератор, которому необходима помощь со стороны интеллигентного редактора. Таким образом, в 1930-е годы под руководством собирателей носители фольклорной традиции создали десятки эпических и лиро-эпических произведений, воспевавших советскую действительность».⁶

Сотрудничество Э. Г. Бородиной-Морозовой и М. С. Крюковой имело много граней: совместное написание новин только одна из его сторон. Важнее, на мой взгляд, полная зависимость сказительницы от собирателя. И это связано с тем, что «сказительница-орденоноска» стало профессией М. С. Крюковой.⁷ Будучи членом Союза советских писателей, ей приходилось выполнять творческий план работы. И это было невозможно сделать без посторонней помощи. Публикуемые письма сказительницы позволяют показать индивидуальность носителя фольклора, взаимоотношения собирателя и исполнителя вообще и в советское время в частности.

На протяжении долгих лет Эрна Георгиевна Бородина-Морозова вела работу со сказительницей М. С. Крюковой. Ученица Ю. М. Соколова и участница известной Заонежской экспедиции

⁴ М. С. Крюковой, А. М. Пашковой, И. Т. Фофанова.

⁵ Былины М. С. Крюковой. М., 1939. Т. I; М., 1941. Т. II; Былины П. И. Рябина-Андреева, Петрозаводск, 1940; Былины Ивана Герасимовича Рябина-Андреева, Петрозаводск, 1948. Аналогичная тенденция прослеживается и в публикации сказок (Ф. П. Господарева, И. Ф. Ковалева).

⁶ *Иванова Т. Г.* О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лагтева, Е. Е. Левкиевская. М., 2002. С. 409.

⁷ В книге «Фольклор России в документах Советского периода 1933—1941 гг.» (М., 1994) помещены анкеты сказителей-участников слета во Всесоюзном доме народного творчества (20—29 июля 1939 г.). Только в анкете М. С. Крюковой в графе «профессия» указано «сказительница-орденоноска». Другие участники слета — «колхозницы» и «пенсионерки».

Государственной Академии художественных наук («По следам Рыбникова и Гильфердинга»), она в 1937 г. в Нижней Зимней Золотице и в 1938 г. в Москве записывала совместно с Р. С. Липец⁸ былины от М. С. Крюковой. В 1939 г. Э. Г. Бородина-Морозова совершила индивидуальную экспедицию в Нижнюю Зимнюю Золотицу к сказительнице.⁹

Э. Г. Бородина-Морозова приезжала к Марфе Семеновне практически каждый год, иногда на пару недель, иногда на пару месяцев. Просьбы прислать Эрну Георгиевну для творческой работы поступали в Союз советских писателей от М. С. Крюковой до 1951 г.

В автобиографии фольклорист так описывает свою работу со сказительницей:

«С 1937 года регулярно работаю по записи всего репертуара народной сказительницы Марфы Крюковой. Два тома ее былин опубликованы Гослитмузеем. В Архангельске в 1940 году издана книга „На Зимнем берегу у моря Белого“ — поэтическая автобиография сказительницы в моей записи.

В сентябре 1942 года по предложению Архангельского обкома ВКП(Б) и Союза советских писателей выехала в Архангельск, где работала с М. С. Крюковой в деревне Нижняя Зимняя Золотица на Белом море.

В период Великой Отечественной войны занималась организацией фольклорных вечеров с участием М. С. Крюковой у краснофлотцев и в воинских частях, за что мне объявлена благодарность в приказе № 183 по 4-му Архангельскому погранотряду.

Мои записи сказов Крюковой, посвященные Отечественной войне, печатались свыше 20 раз в местной и центральной печати (журналы «Звезда», «Краснофлотец», «Пограничник», газеты

⁸ Липец Рахиль Соломоновна (р. 1910—?) — фольклорист.

⁹ О характере работы фольклориста со сказительницей говорит полевой дневник Э.Г. Бородиной-Морозовой 1939 г. (РО ИРЛИ. Колл. 146). Приведем небольшую выдержку из него.

13/VIII

Изредка сижу в избе, а тетрадь в другой комнате или уйдем к морю без тетради. М(арфа) С(еменовна) всегда что-нибудь рассказывает о людях, живших в Золотице в 3—4-х поколениях. Обо всем подробно. Или начнет сказывать сказку, или: «Эрна Егорьевна, а Вы слышали такую песню?», и запоет что-нибудь неожиданное и новое. Иногда заслушаешься и не сходишь за тетрадь, а другой раз скажешь: «Погоди ты, М(арфа) С(еменовна), я принесу тетрадь? — Нет не нать. Ты так послушай. Не все петь для работы, ты так послушай для удовольствия отдохну».

Она ни минуты не сидит молча, за чаем ли, за столом. Все рассказывает — темы бытовые и фольклорные (вставка карандашом: в ее рассказах — быт, этнография и фольклор).

23/VIII

Утром пришла Павла Семеновна и заявила, что больше петь старин не будет, потому что над ней грают, что она поет нескладно. (Установили, что грает Серафима Семеновна). Серафима Семеновна сказала, что Павла Семеновна брала зимой книги у Марфы Семеновны и по ним сидела зимой у лампы и пела.

«Правда», «Правда Севера», «Северная вахта», «Пограничник Севера»), в сборниках московского и архангельского домов народного творчества и других и передавались по радио.

По поручению архангельского Облсполкома в 1945 году я производила перезапись некоторых наиболее интересных былинных сюжетов для изучения процесса становления былин. В Архангельске выходит книга Марфы Крюковой „Сказания о богатырях старопрежних и нынешних“¹⁰ по моим записям. В альманахе „Север“ (г. Архангельск) печатается мой большой очерк о сказительнице XIX века Аграфене Крюковой — матери М. С. Крюковой».¹⁰

Следовательно, переписка началась сразу после знакомства собирателя и сказителя в 1937 г. и продолжалась на протяжении 16 лет, до 1953 г. В годы Великой Отечественной войны Э. Г. Бородин-Морозова жила в Золотице, и М. С. Крюкова писала письма ее мужу А. А. Морозову, который также сотрудничал с М. С. Крюковой.¹¹

Настоящая публикация в большой степени основывается на архивных материалах РО ИРЛИ — необработанной коллекции Э. Г. Бородиной-Морозовой. Основную часть архива составляют полевые записи. Документы и письма находятся в двух папках. Это письма Э. Г. Бородиной-Морозовой к М. С. Крюковой, ее родственникам, письма от солдат, учеников и почитателей творчества сказительницы. В коллекции более 200 писем, адресованных Э. Г. и А. А. Морозовым. Кроме необработанной коллекции привлекалась также переписка А. М. Астаховой¹² (РО ИРЛИ) и А. Н. Лбовского¹³ (РО ГПБ).¹⁴

С. Я. Половниковым опубликованы письма из архивов Архангельска, касающиеся жизни и творчества М. С. Крюковой.¹⁵ В предложенной им подборке два письма и одна телеграмма, написанные М. С. Крюковой.

В настоящей публикации представлено восемь писем, имеющих, на наш взгляд, интерес для истории фольклористики и являющихся иллюстрацией стиля письма сказительницы. При

¹⁰ РО ИРЛИ. Колл. 146.

¹¹ Например: *Морозов А. А.* Тридцать три морских богатыря // Красный флот. 1943. № 175. 27 июля. Им написано предисловие к книге: *Крюкова М. С.* Беломорские былины / Запись Э. Г. Бородиной-Морозовой. Архангельск, 1953.

¹² В колл. 146 есть письма А. М. Астаховой к Э. Г. Бородиной-Морозовой и М. С. Крюковой (РО ИРЛИ. Ф. 724. Письмо А. А. Морозова к А. М. Астаховой, переписка с Р. С. Липец).

¹³ Лбовский (Кожухов) Ангелий Николаевич. Ему принадлежат краеведческие статьи о Ленинградской области. Кроме того, им составлен архив о писателях и деятелях культуры (писателях, поэтах, артистах). РО ГПБ. Ф. 423, № 725.

¹⁴ В личном архиве Ю. И. Комболина хранится дневник А. А. Морозова и несколько писем М. С. Крюковой.

¹⁵ Судьба Марфы Крюковой в письмах и документах / Публ. С. Я. Половникова // Нелаева Е. М. Здравствуй, морюшко Белое! Архангельск, 2001. С. 169—229.

цитировании сохраняются особенности орфографии и пунктуации автора.

В письмах конца 30-х гг. Эрна Георгиевна интересуется кругом чтения М. С. Крюковой, рассказывает то, что узнала о семье А. В. Маркова.¹⁶ Например, в письме ориентировочно 1939 г.: *«В Москве узнала, что Алексей Владимирович был женат на девушке из города Бронницы (бывший московский уезд), она была [не очень грамотная] слишком умная. Жива ли его вдова, не знаю»*.¹⁷

В письмах сказительницы часто звучат просьбы прислать продукты, одежду, деньги. Обиды, упреки и сообщения о болезнях часто сочетаются с извинениями, просьбами и благодарностями.

М. С. Крюкова выстраивает отношения с собирателем по модели «мать—дочь». В письме от 3 марта 1941 г. она пишет, что некому о ней позаботиться, *«нет батюшки, матушки, брата Артемия — некому подарочки купить»*. В письме от 26 марта 1941 г. просит быть ей *«за мать»*. Это станет общим местом многих писем и оправданием постоянных просьб. В письме без даты: *«Челую тебе Ерочка. Дорогая тыжэ до нас была вторая мать!»*¹⁸ Э. Г. Бородина-Морозова присылала М. С. Крюковой рис, изюм, лекарства и пр. После смерти сказительницы она помогала оставшимся родственникам Марфы Семеновны.

Выдержка из письма от 2 июня 1942 г. свидетельствует о невозможности работать без «секретаря»: *«Много времени прошло не получая от вас писем неским мне было роботать небыло у меня Асаула не Асаулочки»*¹⁹ без нимания пропустила много времени хорошого без занятия хотелось скорого стобою все свиданыца поговорить стобою навечно стобою распроститсе приежайте в гости Эрна свет Георьевна Александром все же Антоновичем».²⁰

Если А. М. Крюкова, мать Марфы Семеновны, считала грехом брать деньги за пропевание, то ее дочь воспринимала гонорары как профессиональный литератор. Это становится ясно из письма от 12 февраля 1949 г.: *«Не можеш ли чего небудь взять в газету моего что бы мне на содержание для питания я тебя считаю быть то вторая моя матушка родная»*.²¹

Марфа Семеновна интересуется публикацией своих произведений, тем, как их принимают, нравятся ли они начальству. Интересно, что качество книги для Марфы Семеновны часто за-

¹⁶ Алексей Владимирович Марков (1877—1917) — фольклорист, открыл былинную традицию на Зимнем берегу Белого моря. В «Беломорских былинах...» (М., 1901) он впервые публикует тексты, записанные от семьи сказителей Крюковых. Ему принадлежат и первые записи от Марфы Крюковой.

¹⁷ РО ИРЛИ. Колл. 146.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Так М. С. Крюкова называла фольклористов.

²⁰ РО ИРЛИ. Колл. 146.

²¹ Там же.

висело от ее объема: чем толще книга, тем лучше. О ревностном отношении Крюковой к записи от других жителей Золотицы говорится во вступительной статье к «Былинам Печоры и Зимнего берега»: «Хорошо бы все старины Павлы Семеновны,²² Анны Васильевны²³ и Поли (П. В. Негадовой²⁴) скласть в одно место и вышла бы тоненька как книжка».²⁵ Заметим, что былины М. С. Крюковой отличаются большим объемом. Часто запись одного текста растягивалась на несколько дней.²⁶ Газеты утверждали, что у нее самый большой сказительский репертуар. Она была вне конкуренции, и достаточно законно считала себя на вершине сказительского олимпа,²⁷ поэтому успехи других сказителей вызывали у нее беспокойство и ревность.

Практически во всех письмах встречается имя М. Р. Голубковой,²⁸ главной соперницы Марфы Семеновны. В письме от Э. Г. Бородиной-Морозовой, датированном ориентировочно 1939 г.: «Маревьяна Романовна собиралась написать вам? Вы получили ее

²² Павла Семеновна Пахолова (1879—1946) — младшая сестра М. С. Крюковой. От нее Э. Г. Бородиной-Морозовой были записаны 33 текста былин, баллад, духовных стихов и исторических песен.

²³ Анна Васильевна Стрелкова — сказительница, пропевала для Э. Г. Бородиной-Морозовой.

²⁴ Пелагея Васильевна Негадова (1905—?) — сказительница из рода Крюковых, дочь П. С. Пахоловой.

²⁵ Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л., 1961. С. 41.

²⁶ См. полевой дневник Э. Г. Бородиной-Морозовой. РО ИРЛИ. Колл. 146.

²⁷ Вручение ордена Ленина, торжественное празднование юбилея, специальные статьи в газетах, многочисленные письма от школьников, солдат и пр. почитателей ее таланта убедили ее в этом. С ее превосходством соглашались и сами сказители. Из стенограммы обсуждения доклада фольклориста А. В. Гуревича во Всесоюзном доме народного творчества о путях развития советского фольклора от 11 марта 1941 г.: «Интересно, что Екатерина Ионовна [Чичаева] ставит перед собой задачу показать М. С. Крюковой (записи). В качестве идеала она ставит перед собой Крюкову» (Фольклор России в документах Советского периода 1933—1941 гг. М., 1994. С. 178).

Из письма Параскевы Степановны Губиной, сказительницы из Сольвычегорска, М. С. Крюковой от 2 октября 1940 г.:

«Посылаю тебе былину „Арзы“, которую я написала в Ялте. В Ленинграде очень довольны, что мы с тобой подружились. Весной поедем-ко мы с тобой на курорт в Крым. Посмотрим Крыма, поглядим его и напишем прекрасную былину, как красные воины очистили Крым от белых (...)

Поедем мимо Москвы и побываем на сельскохозяйственной выставке, ты там увидишь свою бронзовую статую, что стоит в главном павильоне. Ты героиня не только при жизни, но ты героиня будешь и после смерти» (РО ИРЛИ. Колл. 146).

²⁸ Маревьяна Романовна Голубкова (1933—1959) — сказительница, воппеница. Сотрудничала с Н. П. Леонтьевым. С 1946 — член Союза советских писателей. Публиковалась в газетах «Нарьян Вындер», «Правда Севера», альманахе «Север». Основные произведения: «Про выборы всенародные», «Среди тундры город вымахал», «Мать Печора — всем рекам река», повести: «Два века в полвека», «Оленьи края», «Мать Печора».

письмо? Она очень ценит Вас, Ваши книги, работу. А сама она работает очень, очень медленно».²⁹ Марфа Семеновна следила за деятельностью М. Р. Голубковой, просила Э. Г. Бородину-Морозову прислать ее «мудрые суждения». В письмах часто имя М. Р. Голубковой связано с именем В. А. Попова; Марфа Семеновна противопоставляла «верного» Н. П. Леонтьева³⁰ и «брошившего» ее В. А. Попова. В письме М. С. Крюковой Э. Г. Бородине-Морозовой от 15 января 1949 г.: «В Архангельск я писала Коничеву³¹ письмо и ответ не получила. Забыли живую, а мертвую и неспомянут а вот Леонтьев верной своей Маревьяни Романовны небросает, у меня в газете есть, как они выступают в Архангельске с ней приехал она посажена на правой руки Попову. Я писала письмо он на мое письмо нечего не ответил».³²

По письмам можно проследить отношения ее с другими собирателями.

Упомянутый В. А. Попов долгое время работал с М. С. Крюковой, сопровождал ее в поездках по стране.³³ Именно совместно с ним были созданы многие новины. В письме М. С. Крюковой сестре П. С. Пахоловой от 2 мая 1937 г.: «Я сейчас занимаюсь с писателем Виктуриномъ Аркадьевичем Поповым пишем новые сказы писать тежолыё и очунь мудры».³⁴ Он выступал литзаписчиком, соавтором и редактором ее книг.³⁵ Существует несколько точек зрения на то, как осуществлялось сотворчество писателя и сказительницы.³⁶ Архивные документы свидетельству-

²⁹ РО ИРЛИ. Колл. 146.

³⁰ Леонтьев Николай Павлович (1910—1984) — фольклорист, поэт, прозаик. В 1937 г. познакомился в Нижнепечорье со сказительницей М. Р. Голубковой, с которой сотрудничал в течение многих лет.

³¹ Коничев Константин Иванович (1904—1971) — писатель. В 1934 г. приехал в Архангельск, где работал редактором областного книжного издательства; возглавлял Архангельское областное отделение союза писателей, редактировал литературно-художественный и общественно-политический альманах «Север».

³² РО ИРЛИ. Колл. 146.

³³ Попов В. Поездка М. С. Крюковой на Кавказ // Советский Север. 1938. № 5. С. 88—105.

³⁴ Письмо М. С. Крюковой сестре П. С. Пахоловой от 2 мая 1937 г. РО ИРЛИ. Колл. 146.

³⁵ Сказания-поэмы М. С. Крюковой / Записал и обработал В. Попов. Архангельск, 1937; Сказания Марфы Семеновны Крюковой. Сказание о Ленине. Чапай. Поколен-борода и ясные соколы / Запись, обработка и послесловие В. Попова. М., 1937; Крюкова М. С. Сказки / Запись и ред. В. Попова. Архангельск, 1940.

³⁶ Приведем основные:

1) В. А. Попов писал за М. С. Крюкову (см.: Из доклада Ю. М. Соколова на совещании по подготовке слета сказителей во Всесоюзном доме народного творчества об использовании опыта конференции мастеров фольклора Карелии от 10 июня 1939 г. // Фольклор России в документах Советского периода 1933—1941 гг. М., 1994. С. 97); Из докладной записки А. Я. Колотиловой в Культпроп обкома партии (б) от 18.01.1938 г.: «...Крюкова же была отправлена обратно в Золотицу, где и находится сейчас без всякого наблюдения и ничего

ют в пользу первой точки зрения. В необработанной коллекции содержатся литературные попытки М. С. Крюковой (самозапись ее новин). При разборе архива мужем Э. Г. Бородиной-Морозовой А. А. Морозовым был приложен следующий листок:

«Это удивительная попытка М. С. Крюковой самой создать „новину“. Вот что у нее получилось без Колотиловой и Викторина Попова. На меня она порой обижалась:

Заставляешь меня, стару, стару драть! А Викторин Аркадьевич, премудрый писатель, мне говорил: „Ты, Марфа, пойди погуляй, а я напишу!!!“

А. Морозов

Рукой Морозова: подпись, дата 1976, при разборе архива.

Составляя предварительно некоторый очень короткий план сказов М(арфы) С(еменовны) (опорные факты, предварительный рассказ об исторических событиях), а потом она включалась и даже распевалась на основе традиционных мотивов и образов».³⁷ А. А. Морозов предоставлял М. С. Крюковой предварительный план сказа, и она импровизировала на заданную тему. Таким образом, степень участия писателя в создании произведения советского эпоса могла варьироваться: от полного удаления сказителя от написания новины до сотрудничества, что происходило в рамках работы с одним исполнителем.

Заказы написание новин на современные темы поступали к М. С. Крюковой, она переадресовывала эти просьбы к фольклористам.

Выдержка из письма М. С. Крюковой Э. Г. Бородиной-Морозовой от 24 мая 1941 г.: «...*Вы наверно писали Эрна Григорьевна. Они <из Крупской>*³⁸ *просят тебя и меня чтобы мы сочинили сказаньицы про писателя, про его брата про Михаила Михайловича можешь ли взяться за такую работу или нет отпиши мне Я еще не очень здорова за могу ли работать*».³⁹

не пишет. А Попов, по сие время сидя в Москве, издает свои сочинения (<...> за фамилией Крюковой. Я считаю, что вам надлежит пресечь спекуляцию вокруг действительно талантливой сказительницы» (Судьба Марфы Крюковой в письмах и документах / Публ. С. Я. Половникова // Нелаева Е. М. Здравствуй, морюшко Белое! Архангельск, 2001. С. 177). 2) Сказитель приносил (или присылал) собирателю написанный им вариант (варианты) новин, а собиратель редактировал его согласно своим вкусам, привнося, если считал необходимым, в сказительский текст свои собственные фрагменты. Это мнение Т. Г. Ивановой (*Иванова Т. Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было... С. 411*); см. также стенограмму совещания во Всесоюзном доме народного творчества «Методы работы со сказителями» (Фольклор России в документах Советского периода 1933—1941 гг. М., 1994. С. 83, 85).

³⁷ РО ИРЛИ. Колл. 146.

³⁸ Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской в Москве.

³⁹ РО ИРЛИ. Колл. 146.

Долгие промежутки в работе и неудачные попытки самой записать свои произведения заставляли М. С. Крюкову обращаться за помощью к знакомым литераторам. Переписка отражает поиски такого помощника. Например, в письме от 9 августа 1937 г., от Ивана Зыкова,⁴⁰ ранее посетившего Золотицу и написавшего ряд очерков о Беломорье, автор отклонил предложение М. С. Крюковой работать с ней: «В отношении Вас я считаю неуместным обычный метод записывания, где если не авторство, то доблесть находки и собирания совершенно неоправданно присваивается записывателем. Вы — слишком известная величина, чтобы Вас находить. И Вы сами достаточно грамотны, чтобы записать Ваш багаж. Вы с успехом можете пригласить стенографистку».⁴¹

В письмах упоминаются имена Р. С. Липец, А. М. Астаховой,⁴² А. Я. Колотиловой.⁴³ Особое место М. С. Крюкова отводит знакомству с Ю. М. Соколовым. В его лице она видит своего покровителя и заступника, поэтому его смерть она воспринимает как личную трагедию. Когда она получила известие о его смерти, то в письме Э. Г. Бородиной-Морозовой от 21 января 1941 г. она пишет: *«Я получила тилграмму печальную из Москвы 15 января что скончался Юрий Матвеевич Соколов помер он в Киви прочитала я тилграмму и заплакала лежала хворала три дня жалею я Юрья Матвеевича Соколова что он для меня очунь добрый был когда на Юбелей мой приехал на моем когда он Архангельске был заболел в гостинице вызвал меня потелефону когда я зашла к нему он скочил меня стречать сам и говорит почему к мне долго не заходила я захворал отебе скучилсе: хучу тебя видеть с тобою поговорить скинул сам у меня польте и повесил к себе кокровати не дам польте и неуйдеш от меня стал спрашивать когда приедеш к нам в гости в Москву не бывать? Мне у вас Москве в гостях! Что я хвораю он тогда избидилсе стал жальце врачам — что я его обижаю речми слышило его сердечушко что последно мое свидание с ним стал когда со мною — он прощаце схватил меня в оханку чуть я могла ослобонице».*⁴⁴ В более поздних письмах сказительница еще неоднократно упоминала о том, что со смертью Ю. М. Соколова внимание к ней значительно уменьшилось: *«... сечас Эрн Георгьевна нам работать плохо будет! Без Юрья Матвевича все нас будут унистаживать наши сказаньщица за-*

⁴⁰ Автор очерка «Зимний берег», помещенного в альманахе «Север» за 1938 г., № 5.

⁴¹ РО ИРЛИ. Колл. 146.

⁴² Астахова Анна Михайловна (1886—1971) — фольклорист.

⁴³ Колотилова Антонина Яковлевна (1890—1962) — собирательница и исполнительница русских народных песен.

⁴⁴ Ю. М. Соколов был научным консультантом Э. Г. Бородиной в ее экспедициях в Нижнюю Зимнюю Золотицу. Он оказывал помощь Эрне Георгиевне в получении командировок и денег от Гослитмузея. Ниже приводим письмо Ю. М. Соколова, адресованное М. С. Крюковой. Тоже из РО ИРЛИ, колл. 146.

браковывать? <...> Юрья Матвевича Соколова не столо и нет вживых не кому обомне хлопотать?»⁴⁵

Описывая свои действия, Марфа Семеновна часто прибегает к этикетным формулам. Выражение горя, обиды и болезни носят клишированный характер: «...прочитала я тилграму и заплакала лежала хворала три дня».⁴⁶ Этот аспект писем М. С. Крюковой связан с отражением народного сознания и позволяет ввести переписку М. С. Крюковой в контекст крестьянского эпистолярного наследия.⁴⁷ Из народного этикета можно также отметить то, как сказительница передает приветы: «...привет вам шлют Серафима Семеновна и Павла Семеновна Василей Яковлевич бабушка илеиха Авдотья Васильевна Плакквский девечки Валя и Нина Мама ихна Зина Приседатель Гаврило Александровичь и Гушихин жалают вам всего хорошего чуднаго и вашного писать нечего <...> привет Лениграду Неве реки реки васильескому орову счесливо жалаю вам оставаце и жит хорошо». Выстраивается ряд из всех родственников и знакомых, домашних животных, жителей деревни, а в итоге привет передается от «Белого моря» — «Неве-реке», или, если Э. Г. Бородина-Морозова находится в Архангельске, — Двине. Этикетным является и «самоуничужение» сказительницы: «Я стала стара и ум розум не мудрой мой стал», «Извините мое пропеванье, не по Вашей может мудрости, не по старческой премудрости. Извините меня что я без образованьяца. Пишу плохо, и к тому же моя грамота очень малая. Годы прожиты и ум прошел». Знания истории, почерпнутые из былин и исторических песен, влияют на впечатление от посещения сказителем крупного города. В первом из публикуемых писем Киев воспринимается как родина богатырей.

Другим примером традиционности сознания сказительницы является вера в сны, приметы, сверхъестественное. Например, в письме описывается фантастический слух, в подлинности которого М. С. Крюкова сомневается, но тем не менее спрашивает у Э. Г. Морозовой: «Вы Эрна Георгьевна знаете нет что есть в

31/III 1939

Дорогая Марфа Семеновна!

Очень благодарю Вас за прекрасное пропеванье, которое Вы мне прислали в письме, поздравляя меня с новым моим званием академика.

Жажду Вас увидеть у себя. Как только получите орден на свою грудь, приезжайте ко мне с Викторином Аркадьевичем. Я сейчас болен, у меня грипп, следовательно я дома. Если Вы не боитесь заразиться гриппом, приезжайте.

Любящий Вас Ю. М. Соколов

⁴⁵ РО ИРЛИ. Колл. 146.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Мальшев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 442—457. Возможно, подобные тексты можно рассмотреть в рамках «наивной литературы» («Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001).

*Москв завезли дикарская богатырица если знаете то опишите мне. У нас говорят что она есть Нашли ее в горах в Карпатск».*⁴⁸

Одним из элементов письма становятся сны, которые толкует сама сказительница. Они могут предвещать скорую встречу или расставание. Подобное суеверное отношение к сновидениям говорит о принадлежности сказительницы к народной культуре. Она не сторонний наблюдатель, а носитель традиции. Приведем в качестве примера два сна М. С. Крюковой:

1) В письме Э. Г. Бородиной-Морозовой от 18 апреля 1949 г.: *«Три дня неставала лежала Во снех видела Калинина Михаила Ивановича!⁴⁹ Юрья Матвевича Соколова Алексея Владимировича Маркова все меня жалеют что я так живу Калинин много говорил что почему некто непомогает вделах твоих Соколов Марков смотрет на меня весело нечего неговорет».*⁵⁰

2) В письме от 19 ноября 1949 г. *«Вижу вас воснех нечасто будто хожу свамй Москве около гор ворбьевских неблизко вы у меня крычала вас звала платечком махала вы комне непришил две девушки молодых комне прибежалй зовут к себе в гостй я заплакала что вас потеряла пробудилась: так подумала что больше свамй будет невидате».*⁵¹

Соединение традиционного народного сознания с реалиями советской эпохи вызывают к жизни сон №1 и выражение типа *«Господь! Бог нас не оставит и великий полководец премдрый Сталин».*⁵²

Интерес представляет и то, как написаны письма. Формульность — одна из особенностей эпистолярного наследия сказительницы. Особо стоит отметить начальные и конечные формулы.

1) Начало и конец письма А. Н. Лбовскому, знакомому по переписке, лично которого она не знала. Письмо отличается орнаментальностью: *«Белое морюшко, мое родное, шлет Вам привет, а также и моя родная деревенька Золотица. Добрый день! Счастливый час! Здравствуйте многоуважаемый дорогой мой невидимый знакомый Ангелис Николаевич. Шлю Вам мой горячий сердечный привет от желания полного. Сердечно Вас благодарю за вашу чудную грамотку и за Ваше рукописаньице. Великое Вам благодареньице, за Ваше проздравленьице за счастливый великий мой юбилей».*

⁴⁸ Письмо М. С. Крюковой к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 24 мая 1948 г. (РО ИРЛИ. Колл. 146).

⁴⁹ Калинин Михаил Иванович (1878—1946) — советский государственный, политический деятель. Из рук Калинина М. С. Крюкова получила орден.

⁵⁰ РО ИРЛИ. Колл. 146.

⁵¹ Там же.

⁵² Письмо М. С. Крюковой к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 1947 г. (РО ИРЛИ. Колл. 146).

Концовка этого же письма: *«Извините мое пропеваньице, не по Вашей может мудрости, не по старческой премудрости. Извините меня что я без образованьица. Пишу плохо, и к тому же моя грамота очень малая. Годы прожиты и ум прошел.*

Ну пока до свиданья. Счастливо желаю Вам оставаться.

*С приветом к Вам Крюкова Марфа Семеновна».*⁵³

2) В письмах к Э. Г. Бородиной-Морозовой чувствуется более доверительный тон: *«Белое морюшко шлетъ вамъ приветъ и родная моя дереня золотица мои домикъ здравстуйте много уважаемая моя дорогая подруга Эрна Егорьевна шлю вомъ сердечной свои приветъ отъ жаланія чувства полного жалаю вомъ блестящии успехъ вделахъ вашихъ и добраго здоровья какъ тебе Эрна Егорьевна также супругу Вашему Александру Антоновичу».*

Конец письма: *«Счливо оставаце быть вамъ здоровымъ сприветом вамъ Марфа Семеновна Крюкова челую тебя жму твои ручки скупилась я отебе Эрна Егорьевна жду скорого ответу отъ васъ».*⁵⁴

3) Приведем вариант позднего письма (1950 г.) М. С. Крюковой к Э. Г. Бородиной-Морозовой. В нем присутствует графическое выделение зачина. Он помещен в правый верхний угол и обведен рамкой: *«Белоё наше морюшко! Шлет вам свой морской привет моя родная деревенька!»* Далее следует: *«Доброй день или вечер Здравствуй много уважаемая моя дорогая Асаулочка Эрна дочь Георгьевна. Александр сын свет Антонович!»*

Окончание письма: *«Передай привет ленграду Невой рекой совасильским славным остроровм всем студентам и студеночкам сердечному привету всем со старшего и до младшего попривету! Прошу тебя сердечно Эрна дочь! свет георгьевна приезайте вгости кнам милости просим наетом кончею челую вас жму крепко сердечушку своему сердечным приветом к вам*

*Крюкова Марфа Семеновна
Прощайте прощайте мой
Дорогие друзья Александр Антонович
Эрна Георгьевна не поминатё
Меня неприетным словом спомените меня
мудрым словом сердечным
приветом квам Крюкова Марфа
Семеновна Жду от вас скорого ответа»*⁵⁵

⁵³ Письмо от 10 июня 1940 г. (ГПБ. Ф. 423, № 725, л. 1).

⁵⁴ Письмо от 7 декабря 1939 г. (РО ИРЛИ. Колл. 146).

⁵⁵ Письмо М. С. Крюковой к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 6 июня 1950 г. (РО ИРЛИ. Колл. 146).

1949 года 24-Марта { Где же Морозик! шлет
вам свой Морозик привет

Доброй день; или вечер здравствуйте дорогая ма-
 Асаулочка Ерма доб! Свет Коробова Александр свет
 Ем Антонович! шло я вам передал Сердечному! =
 Привет от маманя своего Сердечного Мамама вам
 Здоровья долголетия счастливой Коробовой Машки
 Спокойной привети шлет вам Арафима Смирнова =
 Пошик дур Коробушка замасушка ед маманья =
~~дочка~~ Миловабушка Борисен Ваня ело смерти меня
 Акинья привети вам маманя Маша Дуне шуря так =
 Машенька петровна! передал привети вам шлет =
 маманя Васильевна пошл пишна Сердечно благодарю
 вас Ерма Коробова дорогая маманя пишно которая =
 получила от вас 25- Марта маманя Маслопостов
 Советуиша мне одраишиша попросиш! похлопотав
 Ерма Александровичу Маданьку. Котешеду =
 Костешину Ивановичу не смело их в безпакойт =
 потому что я их 40 году невидала так думала что =
 они меня забыли мне их неким подмалодарит так
 все у вас некое пришло маманя как невидала =
 Машенька у вас мука Крупа овеска перловак не могу
 ест не приемит конфетам всеело пишу писем шлет
 что некое маманя Гаврило Александрович! дал =
 у него сына пишу баби шлехи тома маманя Ерма =
 маманя Машенька маманя растриваюся! ешто
 маманя Ермамама я што емея буди растриваюся
 маманя Машенька маманя привети до вас маманя баби маманя

Письмо М. С. Крюковой к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 24 марта 1949 г.

1950 года 17 февраля.

Здравствуйте много-
много уважаемая. Дорогая моя Ася дочка вторая
мать! радная Эрна сестр. Георгийна Александр-
овна сын Антимонович! шлю я вам горячему серд-
ечному приветию! желаю вам здоровья долгодетель
счастливей короной спокойной жизнию привет вам
шлю сестра Сарасима Сивковна Коровакина замону
ника дочка Миловазвучива Боралих Ваня жена Анна
руф Кошкин привет вам шлю от меня его жена Дуна-
Венчик Петрович! шлю от меня тоже Вера привет вам
шлю от мамы! шлю от мамы Тамара Васильевна все дерев-
някони вам шлю от мамы приветию без чего я выез-
благодарю Эрна Георгийна Завалин деревне писмо я по-
сестра получила вчераша вам пишу письмо я к маме
не получила про которую тоже писала не пришла
49 году не получила: 50 году. Елена Михайловна Уракова
два письма послала читай! одна книга Север в дале
кост прошил в вторая перу первый Маленькую резвону
поднесла местую шест давай как я хотела
накупить коровы Эрна все что будет брати! как
хотелась так дошла трелогий сестра Сарасима
недала мне приятной спокойной жизнию пошлю
почему Эрна Георгийна не написала что пошлю писатель
номер я его неслало что от хорошей был для меня
шлю от сестры Эрна Эрна, солонного в вухея дорогах
не ужасивал замкну как в радной Мамери = писел
последнем письме: что хочу жаркого свидания это до-
был Сокола пошлю! онею он молодой так же го-
рой был себе яму 47 лет какой до лонти пошлю
мной времени хвалит какого члена пошлю Корали
или шлю от меня не написала Сарасима мне маму. шлю
шлю от мамы шлю от мамы шлю от мамы шлю от мамы
шлю от мамы шлю от мамы шлю от мамы шлю от мамы
шлю от мамы шлю от мамы шлю от мамы шлю от мамы

Письмо М. С. Кроковой к Э. Г. Бородине-Морозовой от 17 февраля 1950 г.

Зачины и концовки могут варьироваться: приветы, помещаемые обычно в начале письма, могут быть отнесены к концу: *«Добрый день Здравствуйте дорогая Эрна Георгиевна. Шлю вам свой горячий сердечный привет и привет шлю горячий Александру Антоновичу...»*. В середине текста письма: *«Белое морюшко вам тоже шлет привет и моя родная деревня и мои домики...»*.⁵⁶

Используемые М. С. Крюковой формулы с течением лет меняются. Заметна тенденция к упрощению, уменьшается объем общих мест. Раньше (в 30-е гг.) в письмах не встречалось слов *«Добрый вечер или день»*.⁵⁷ Наиболее употребительный зачин *«Белое морюшко шлет Вам свой морской привет!»* перемещается в правый верхний угол и выделяется рамочкой (см. иллюстрации). *«От желания чувства полного»*, *«с челобитыщем»* и другие расширительные места устойчивых формул отсутствуют. Как и в финале — привета Васильевскому острову со Невой-рекой уже нет (на примере письма от 24 марта 1949 г.⁵⁸).

Также для писем М. С. Крюковой характерны устойчивые характеристики: народное творчество в Архангельске — *«спит и некто его не пробудит»*, *«живую забыли и мертвую не вспомнят»*. Иногда она включала в письма отрывки из своих новин (в письме А. Н. Лбовскому она помещает пропевание, исполненное сказительницей на юбилее). Это может быть лирическое отступление в тексте письма: *«Наше Морюшко Белое наше все студеное оно стоит вльдах возмних все оно заморожено снегами белыми занесло его ходили ледоколки пароходи все Совеские будто ясные соколки летали Советские Самолетики небушку кружилисе видно было как ходили ледоколки слышно было стрелели тюленей зверей морскихих видела я как ходили нашиколхозники поморушки ходили они в морюшко волочили на себе зимные лодочки они плавают налединочках селяют промушляют тюленей зверей морских хорошо и жарко жарит сонце тепло стало унас я кашлею и болит горло провожала гостей и неодетая была и простудилась»*.⁵⁹

В письмах могут встречаться фрагменты или целые фольклорные тексты. В киевском письме перечисляются герои русского эпоса в топонимическом прикреплении: *«...видела то место где <...> жить князь Владимирь столной киевские пироваль сидель своими кискими богатыреми споленицами приудалими сомлади-ми сорцарями где жила его племеница любимая Душчка Марфа Митревна другая племяница Забава дочь путьячнсня где жили его две дочери любимые Людмила и Светлана»*. Один раз в переписке

⁵⁶ Письмо М. С. Крюковой к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 10 января 1950 г. Написано чужой рукой (РО ИРЛИ. Колл. 146).

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

встречается заговор (в случае болезни А. А. Морозова, но заговор несет скорее не магическую, но эстетическую функцию), поговорка: *«Богат да не Христу брат»*.

Стиль писем М. С. Крюковой отличается эклектичностью. Ориентация на разговорную речь соединяется с использованием слов, плохо знакомых сказительнице и явно взятых из литературы: *«блещущий успех»*, *«секлетарь»* и пр. Часто письмам свойственно нагнетание эпитетов и употребление рядом синонимичных слов: *«много уважаемая моя дорогая прилюбезная сердечная премудрая моя Асаулочка»*, *«я обжась огрубляюсь»*. Стихия письменного слова переплетается с устной традицией.

М. С. Крюкова сердилась, когда А. А. Морозов печатал письма на машинке. Она выражала просьбу: *«Напиши своей рукой, а то я скучилась»*. Не все письма написаны самой М. С. Крюковой. Некоторые записаны школьной учительницей или на почте. *«Письма пишет с почты Аля, сама не вижу писать»*.

Для упрощения чтения текста были устранены некоторые особенности письма:

1) «ѣ» заменен во всех случаях на «е».

2) Написав слово с ее точки зрения неправильно, она редко подчеркивала его. Чаще — писала подряд несколько вариантов одного слова (например, *«пеле, поле»*). Мы оставляли одно слово.

М. С. Крюкова училась в школе два года. О ее любви к образованию и тоске по тому, что осталась она неученой, можно прочитать в художественной автобиографии *«На Зимнем берегу у моря Белого»*.

По текстам писем можно проследить следующие особенности ее письма:

1) Полное отсутствие знаков препинания или их неправильное использование:

— «!» она ставит после личных имен, он может стоять и в середине предложения.

— «?» иногда выражает вопросительную интонацию, но часто используется вместо «!».

— = знак переноса для М. С. Крюковой.

2) Тенденция в употреблении буквы «й». Она ставит ее, когда в конце слова встречается буква «и». Например, *«онй все»* вместо «они все».

3) У сказительницы вызывает трудности членение текста на слова. Она путает приставки и предлоги; также сложные слова она часто пишет как наречие с существительным (например: много уважаемая).

4) Нерегулярное употребление заглавной буквы. Многие личные имена она пишет с маленькой буквы (*архангельске, Забава дочь путячнсня*).

5) Пишет так, как слышит. Это касается окончаний глаголов (вместо «-тся» — «це»), часто использует «ь» на конце отчеств («Антонович»).

6) В письмах встречаются буквы «і» и «ъ». Но старая орфография у М. С. Крюковой не носит регулярного характера. Интересно, что «і» встречается наиболее часто в письме из Киева, и, на мой взгляд, это отражение не старой орфографии, а влияние украинского языка; «ъ» встречается на конце существительных и предлогов (*приветъ, вамъ*).

7) Отражение севернорусского диалекта («страдать» о полевых работах, «граить / грать» в смысле распространять слухи, смеяться, «челую» — целую и пр.). Последний пример интересен в том плане, что Э. Г. Бородина-Морозова стала использовать форму «челую» в своих письмах к сказительнице.

Письма М. С. Крюковой представляют интерес для истории фольклористики, так как отражают ситуацию в науке Советского периода, изменение статуса «сказителя» и связанную с этим зависимость его от собирателя; взаимоотношения с фольклористами и сказителями демонстрируют взгляд на науку о фольклоре с точки зрения носителя фольклора.

*Прощайте прощайте мой
Дорогие друзья ...не поминайтё
Меня неприятным словом спомените меня мудрым словом
сердечным*

1

Киев 39 года. 12 Апреля.

Добрый день счливои час дорогая моя Ерна Егоревна.⁶⁰ Шлю тебе свой горячий приветъ. Жалаю вамъ добраго здоровья. Приветъ Люсе,⁶¹ приветъ Лизы Муравлевой ее мамы.⁶² Мы приехоли скоро и хорошо поехали изъ Москвы 9 часовъ вечера 8 прхали 9 апреля 6 часовъ вечера Кіевъ хорошой день былъ сонце светело горячо мы остановились вгостиницы сразу насъ поместили насъ хорошо принели писатели Кивскіе и творчество писатели суели пирь начлства много было танцевали украинки. Красивый Город Кіев большой дома высокіе улицы чистые

⁶⁰ «Георгиевна» Марфа Семеновна коверкает на «Егорьевна» или «Григорьевна».

⁶¹ Люся — возможно, Р. С. Липец, фольклорист, которая работала вместе с Э. Г. Бородиной-Морозовой над записью былин для тома «Былины М. С. Крюковой».

⁶² Лиза Муравьева — московская школьница, почитательница таланта М. С. Крюковой. Письма ее к сказительнице опубликованы С. Я. Полонским в книге: *Нелавва Е. М.* Здравствуй, морюшко Белое! Архангельск, 2001.

широкіе. Днепръ река широкая состровами прекрасными видами. Я выступа два раза. Разъ у Писателеи другои разъ в Трачсты. Видела я золотые ворота, видела пометникъ князя Владимира какъ онъ стоит кресъ доржить вркахъ видела могилы кнезеи Аскалода и Дира видела то место где стояль высокои его теремъ, где жиль князь Владимиръ столнои киевские пироваль сидель своими кискими богатыреми споленицеми приудалими сомлади-ми сорцареми где жила его племеница любимая Душчка Марфа Митревна другая племяница Забава дочь путячнсня где жили его две дочери любимые Людмила и Светлана. Город Кіев холмахъ стоить. Видела улицу Егнатъескую переулки маринкины,⁶³ видела богатыря или писателя украинского Тараса Шевченко какъ онъ стоить на пометники. Что видела все тебе описала. Видела я леса брынскіе, где сидел семи дубахъ Соловеи Сидел сынъ рохматьевичъ своимъ свистомъ стршнымъ людеи рускихъ сильныхъ мугучихъ богатыреи ограбляль людеи прожихъ и прохожихъ много он награвил золотой казны много награвилъ чиста серебра каменя драгоченного дорого скатна жемчугу опчиспилъ доршку прямоежую Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ сечасъ ездять народъ люди добрые ходять бегаютъ поезда машины скорые видела те пашни широкие ралились как моря глубокиа. Видела тея местности где жиль богатырь Микула Селениновичъ где пахаль самъ пашни широкие кнему подь ехаль Волга светславичъ свои дружиншкою сослною богатрскою где ездиль Волга Микулой Селениновичемъ первый город ездили Кръстьян<нрзб> вдругой городъ ездили Иррецевъ третей городъ Ореховецовъ видела я ту же хижину Днепромъ рекой где жила красавица девушка невеста князя Аскалода Зоя прекрасный городъ Кіев совсем своей прелсю непропеть мне пропеванице непосказать вросказаньице — ежели чего я еще посмотрю запримечу тогда все тебе опишу пошлю письмо

Сприветомъ Квамъ Крюкова Марфа
Семеновна челую тебя жму крепку
ваши ручки счсливо жить
жалаю здоровой быть.
Юреи Матвевич⁶⁴ на ехаль въ Кіевъ
онъ онъ былъ у меня живеть живеть
недалеко потомуже коледору гостинцы⁶⁵

⁶³ Впечатления от поездки М. С. Крюковой в Киев отражены в статьях, касающихся восприятия Марфой Семеновной истории (*Понов В. Живая история // Литературная газета. 1939. № 7. 5 февр.*), а также разговор («сплетни» по определению Э. Г. Морозовой) о богатырях в киевском контексте между сестрами Крюковыми воспроизведен в полевом дневнике, цитированном выше.

⁶⁴ Ю. М. Соколов — академик, учитель Э. Г. Бородиной и ее научный консультант. Был знаком и вел переписку с М. С. Крюковой.

⁶⁵ РО ИРЛИ. Колл. 146. Письмо из поездки М. С. Крюковой в Киев.

1939 года 30 ноября

Золотица Белое наше море родное шлет вам привет! Добрый день веселый час мое письмо идет от нас почему идет нескоро потому идет нескоро что жим мы далеко на Севери надальном на Севрной Стране у Белого Моря тут родина моя где я всю жизнь младую прожила много горя видела избавил горести моей меня на радость произвел ето Вождь мой Великий премудрый славный Сталин счелливой жизнью наградил много уважаемая многа ученая дорогая моя прилубезная моя милая подруженька Ерна свет Горьевна присылаю я тебе niskой поклон тебе счелобитицем жалаю вам всего хорошего главнее всего жалаю вам доброго здоровья многие годы жить безстарости привет шлю Александру Антовичу ему жалаю всех лучших успехов зравия и долголетия ему жалаю блешаших счелливых дияний лучшей жизни сечас уведомляю вас просибя просвое здоровье что я стала поправляце хварала 2 месяца тяжело лежала думала что не поправице скучно было лежит овас скучалас и плакала что больше невидат вас а приводице помират я овас скучилась Ерна Горьевна часто вас споминаю вы меня скоро так позабыли уже живую забыли мертвую непомяните Викторин Аркадьевич Попов был архангельске Ноябре месеце сомною потилифону поговорил и письма не писал когда стал уежать из Архангельска тогда прислал тилграму что буду зимоу Золотиу у нас Морюшко Блое стоит тихое все летному реки столи лдем прикрылись почта ходит пешая привет вам шлют Серафима Семеновна⁶⁶ и Павла Семеновна Василей Яковлевич бабушка илеиха Авдотья Васильевна Плакквскийи девечки Валя и Нина Мама ихна Зина Приседатель Гаврило Александровичь и Гушихин жалают вам всего хорошего чуднаго и вашного писать нечего еще вас спрошу я Ерна Горьевна как наши сказы принели пандравилисли и нет непондравились опиши я хочу знать я хочу васпопросит не сбольшой прозбою непошлители чернилиных порошков чернила у меня плохие не могу хорошо писать привет Лениграду Неве реки реки васильеekomу осрову счелливо жалаю вам оставаце и жит хорошо

Сприветом квам крюкова Марфа Семеновна челую
тебя Ерна Георьевна жму крепко сердцу своему
жду скорого ответу
отвас мне
без вас жить
скучно.⁶⁷

⁶⁶ Серафима Семеновна — младшая сестра М. С. Крюковой.

⁶⁷ РО ИРЛИ. Колл. 146.

Сегдне утром получила письмо твое писано 26 марта 1941 год 4 апреля. Зраствуйте много уважаемые Дорогие мой знакомые Александр Антонович⁶⁸ и милая прелюбезная милая Сердечная много премудрая много ученая дорогая моя Асаулочка вот вторая моя матушка родная Александр Антонович за ботюшка будь отца моего родителя докормите и допойте меня старую некто не позаботице обмне кроме вас о моем содержаньице и питанице и моем здоровьице не стало у меня теперь заботницка Юрья свет Матьвевича не пишет он мне скорой грамотки скоропистой его в живых нестало все в Москве позабыли скоро Крюкову Архангельск пишет все Голубкову Марвьяну Романовну что она много мудрого сученила есть книги из народного Творчества и Архангельские писатели и художники некто не пишут мне писем все меня забыли неочунь сечас дорога не спросят промое здоровье промое содержанье как вы от меня уехали не кто Творчества мне неписывал писем Попов тожа не пишет писем Куда он уехал или что пишет чего работает кого выбрали на должность? На Юрья Матьвича Соколова Когого избрали на пиштите мне жалею я все Юрья Матвевича зглену накарточку его где я сним сижу он меня гледит тогда я сама заплачу и ростроюсь и захвараю спомню его прощанье Архангеске в гостинице как он смною навечно роспрощалсе сердечную ласкоту оставил догробу незабуду некогда сечас Ерна Георьевна нам работать плохо будет! Без Юрья Матьвича все нас будут унистаживать наши сказаньица забраковывать? Наше Морюшко Белое наше все студеное оно стоит вльдях возмних все оно заморожено снегами белыми занесло его ходили ледоколики пароходи все Совеские буюто ясные соколики летали Советские Самолетики небушку кружилисе видно было как ходили ледоколики слышно было стрелели тюленей зверей морскихих видела я как ходили нашиколхозники поморушки ходили они в морюшко волочили на себе зимные лодочки они плавают налединочках среляют промушляют тюленей зверей морских хорошо и жарко жарит сонце тепло стало унас я кашлею и болит горло провожала гостей и неодетая была и простудилась

13 мая 1941 г.

Белое наше морюшко и моя деревнка родная шлют вам привет. Добрый день дорогая моя Ерна Егорьевна премудрая моя Асаулочка присылаю Вам свой ниской поклон и да счелобитьицем шлю ни-

⁶⁸ А. А. Морозов, муж Э. Г. Бородиной-Морозовой, писатель.

жающие почтение и кланеюсь! Александру Антоновичу жолаю Вам счеливых приятных успехов всего хорошего дброго здоровья Вам. Благодарю тебя сердечно дорогая моя и милая асаулочка Ерна Егорьевна за ваше письмо я получила 13 мая. Вы пишете мне, что я должна получит за скаску заворнушка 100 рублей. Где наша сказка с тобой Ногай птица или она непринета? Опиши мне. Вы пронеи вы мне писали Ерна Георьевна что я должна получить? Денги лениграда зажурнал 400 рублей их я не получила. Куда ты сдавала сказку заворнушка? 100 рублей не получиват. Сестра Павла Семеновна не получила 100 рублей. Токже я неполучу ежели Архангельск они мне некто не чего непишут. Нордное наше творчество все они заснули и не пробужающе. Ежели не хороши мой сказки для детей, побрось их, не одовай впечатку. Мой сучененья для вас неочунь мудры. Я не обижаюсь на его. Я стала стара и ум розум не мудрой мой стал. можите с мною не роботать больше забросте как Архангельск так и вы меня работайте вы Поповым Викторином Аркадьевичем и Голубковой Маревьяной Романовной я сечас еще сечас неочунь здорова здоровьем можбыть мне попровице будет ежелибы я попровилась есть много смною жалоют работать? Юрья Матвевича Соколова не столо и нет вживых не кому обомне хлопотать? И заботице мойх кник на купили все мой планы взяли док я не куму не нужна пусь? Ток я небуду не с кем больше роботать задешево и ток работала как на глупую на домною посмеялись? Не бось Викторин Попов задешево нероботает такие толстые и большие книги три тысеци только сколько вы получили Ерна Георьевна опишите мне все старайтесь купить книги премудрые мудрою сученья Голубковой она грамотная мне порна у ней склонось и мудрость очунь мудрая ум разум премудрый привет вам шлет мой сестры Серафима и Павла Семеновны и Василей Яковлевич и маленькая Тамара привет шлет мой племяник Петя и Дуня ихная маленькая дочка Шунечка привет шлют вам плокские бабы Илеиха и боба Катя Николай Федоровичь и его жена П.В. привет Вам шлют Иван Егоровичь его жена Ольга Филиповна приежайте летом в гости кнам не все нам же работать? Нужно отхнут погулят вам походить? Ерна Георьевна полесом и погором нашим золотицким Белому конашему к морюшку Извините и простите мене Ерна Георьевна что я вас огрубилa я сегдне очунь растройна я сижу и пишу письмо Янисья Яковлевна пренесла мне перевод денег 96 рублей 100 рублей заскаску заворнушка 4 рубля взяли за перевод время у нас стоит когда снег идет и дождь снегу много в деревне.

Морюшко Белое бушует ветром силнит река наша золотица позимному почту возят на конях челу горячо жму крепко дорогую свою Асаулочку Ерну Георьевну скучилась о тебе когда я тебя могу увидеть и поговорить? Счеливо жолаю оставце и быть долголетным С дружным приветом квам Ваша знакомая Крюкова Марфа. Семеновна Жду отвас скорого ответу.

Письмо Э. Г. Бородиной-Морозовой к М. С. Крюковой от 25 июня 1940 года.

Здравствуйте, дорогая Марфа Семеновна!

Давно, давно не было от Вас вестей, забыли Вы свою асаулку. Может быть, Вы уехали из Золотицы? Как поживаете? Как Ваше здоровье? Кто приехал к Вам в гости? Как себя чувствует Павла Семеновна и Серафима Семеновна? Был ли кто с первым парходом из Архангельска? Где Вы сейчас живете, в старом или новом доме? Как обставили новый дом?

Фаня Крюкова⁶⁹ так и не приехала ко мне, только позвонила по телефону; верно, ее задержали экзамены. Жаль, нам очень хотелось познакомиться с племянницей Марфы Семеновны.

Прислали ли Вам 5 номер журнала «Ленинград», выпущенный в первой половине марта к Женскому дню? На обратной стороне обложки напечатан Ваш портрет и «Слово при получении орденна»? Деньги за это — 200 рублей. Я проверяла.

В другом толстом ленинградском журнале «Звезда» будет напечатано Ваше пропевание «Про брата Ивана». Прежде чем отправить рукопись в типографию, ее показали профессору Андрееву Николаю Петровичу.⁷⁰ Он написал одобрительный отзыв. Может быть, я уже писала Вам об этом?

Юрий Матвеевич не так давно прислал мне письмо. Он пишет: «Я вашу поездку на два месяца к М. С. Крюковой включил в заявку на фольклорные поездки, пересылаемую мною А. А. Фадееву.⁷¹ Какой будет результат сказать трудно, так как в Союзе писателей совсем нет денег. Я сам болен, уезжаю на полтора месяца в санаторий. Когда будете в Зимней Золотице, передайте привет сердечный Марфе Семеновне». Вот я все время хлопочу о поездке в Золотицу, но нынче это нелегко.

Александр Антонович шлет Вам большой привет и наилучшие пожелания. Привет Павле Семеновне, Серафиме Семеновне, Василию Яковлевичу, Авдотье Васильевне, Пономаревым, Плакуевым, Онуфриевым и бабе Кате Власихе.

Крепко телею Вас и хочу поскорее встретиться.

Ленинград. 25 июня 1940 года.

Ваша асаулка

⁶⁹ Племянница М. С. Крюковой.

⁷⁰ Андреев Николай Петрович (1892—1942) — фольклорист, член Союза советских писателей (фольклорная секция Ленинградского отделения Союза), преподавал на кафедре русской литературы ЛГПИ. Автор Указателя сказочных сюжетов (по системе Аарне). Л., 1929.

⁷¹ Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — русский советский писатель, в 1940 г., когда было написано письмо, секретарь Союза советских писателей.

Дорогая, любимая Марфа Семеновна!

Только что я запечатала конверт и собралась на почту, как в дверях столкнулась с почталионом. Принесла Ваше письмо. Большое Вам спасибо! Ваши письма всегда большая радость! Только зря Вы меня обижаете — разве я стану работать с другими сказителями? Еще много, много надо записать у Марфы Семеновны Крюковой, а против Крюковой других сказителей нет. Разве я изменю Вам? Я записываю старины только у Марфы Семеновны и у Павлы Семеновны (с деньгами Павлы Семеновны произошла заминка, но это мы приведем в порядок, пусть она на меня не обижается).

Я всей душой рвусь в Золотицу и приеду, как только приведу в ясность все дела. Этим летом уехать труднее, чем в прошлые годы. Об этом пишет и Юрий Матвеевич.

Я ни с кем кроме Вас не работаю и хочу работать только с Крюковой. Лучшей сказительницы мне не найти. Я ведь в каждом письме не зря спрашиваю, не уехали ли Вы куда-нибудь из Золотицы, чтобы не приехать к пустым домикам.

Еще раз крепко целую Вас. Жду письма.

6

3 марта 45 года.

Много уважаемый дорогой мой знакомой же Александр свет сын Антонович! Шлю вам свой сердечной привет с лучими пожеланиями сосчеливыми успехами счесливой хорошей спокойной жизни здоровья и долгого веку попривету вам шлют мой сестры Серафима и Павла Семеновны жалоют тебе всего хорошего сердечно Вас благодарю Александр свет Антонович! заваше задущеное и дорогое ваше письмо которое я сегодня я получила очунь обродовалась? без чету раз вас благодарю что вы меня не забываете живую не забудьте меня когда я помру спомяните меня мудрым словом ежели вы писатели премудрые совеские забудьте меня как забыл меня Викторин Попов сам собой возносице гордиче что он много денег нажил Средней Азый⁷² нечего чтоон богат да не Христу брат Он работает не своем умом розом а наkozонном отомногих взял стариков и старух пусь; получит златые горы медовые реки соды прекрасные совфр<нрзб>тами свиногородами сразными ягодами не хочу я Архангельске задешево работать? Не хочу говорил он мне я уеду в Азию потвоей работе и науки хорошо и Архангельске тебе работать Попов собой хвастает будто он изосвех писателей он один произошел все мудрости писательски опиши

⁷² Например, под редакцией В. Попова вышла книга «Туркменское народное творчество» (Ашхабад, 1945).

мне какие он на писал книги много ли здал он книг в Москве опишите как называице много будет Попов знать много не станет ночи спать вы меня спрашивайте Александр Антонович! про мою родимую матушку Аграфену дочь Матвеевну⁷³ я вам так пишу когда я с ней сидела вечереньку позднем вечером мама пропевала мне старину Кострюка Небрюковича женибу грозного царя Ивана Васильевича сына грозного царя Фодора Ивановича просмерть Настасью Романовну мама старин много знала и сказок несколько исторей и побывалшени пропевала мне и песни утешала забавляла свою дочь любимую недумоли умом розум что приведеце мне роботать творчестве вводили меня на работу.

Приписано сбоку листа: Сердечным Квам С приветом Крюкова Марфа Семеновна Пиши письма буду ожидат передай привет Александру Григорьевичу Чуркову извини что плохо пишу.

В центре листа ближе к левому краю в рамочке, нарисованной красным карандашом: Привет вам шлет кот Руф⁷⁴ и Заманушка.⁷⁵

7

Нижняя деревня Золотица.

1946 года 11 ноября

Доброй день, или вечер Здравствуйте много уважаемый дорогой мой знокемой премудрой совеский писатель! Александр свет сын Антонович! Шлю я вам свой сердечной привет жа-люю Вам всего хорошего доброго здоровья счеливых радосных успехов долгого веку прошу вас передайте привет дорогой своей жене моей дорогой Асаулочкй Эрне Георьевне Шлю я ей здо-ровья жолаю поскорее оздороветь! Я тоскую и печалуюсь! что задалекийм ростаянницей невижу вас былабы блиско пришлабы квам посмотрела тебя Александр Антонович! Эрну Георьевну празники я вас споминала сослезамй я сидела без мяса без рыбы мяско купить! Денг нету а рыбы семги мне недали не летом сечас недают всю семгу отправили Мурманск некакой рыбы нету для меня я воспитана была нарыбе почему я дивуюсь! Что не роре-шают мне рыбы я похудела буз рыбы Сердечно Вас благодарю затилграму бечту раз вас благодарю за дорогое ваше письмо вы были ученикй Соколова Юрья Матвеевича Соколов меня любил и

⁷³ Крюкова Аграфена Матвевна (1855—1921) — русская народная сказительница. В эпическом репертуаре А. М. Крюковой отражены две местные эпические традиции — терская и зимензолотицкая. Обширный эпический репертуар Крюковой (64 текста) был записан в 1900-е гг. А. В. Марковым.

⁷⁴ Руф — кот М. С. Крюковой, любимец Э. Г. Бородиной-Морозовой.

⁷⁵ Заманушка — корова М. С. Крюковой и С. С. Крюковой.

жалел как свою родную не мог сомною ноилотице и на говорице был бы живой не забылбы меня кроме вас все знакомые забыли меня живую некто кроме тебя непроздравили прозником Крсная Армея приходили проздравили Летинт Павел Михайлович! Сам приходил увел в гости ксебе уего были гости военные книгй я получила пять! Кнйжечек очунь! Маленькие. Почему много выкйнуто Я етим недововна Ету роль такие маленькйе книжечкй все выброшено ету роль играет все писатель Конучев зачто нас он гневайце петсот рублей я получила незнаю от кого неужели за книгй только я обижаюсь! Что избиделй меня и вас прошу я вас Александр Антонович! некупйтели пожалуста мне гребень не пошлителй писме Толе дочь Федора Трофимовича и Марфы Ивановне вышла замуж сына Кузьмы Флиповича! Андрея он служйт начельником Маякй зимнегорском = Привет вам шлют Саруса и котик руф Петя и Дуня Шушя Таня Маленький брат Венцьян сын Петрович! Все знакомые вашй шлют вам попривету пожалуста неоставте моей прозьбе пошли мне канвертов я без каныертов неумею писем клась! Время стоит не зима и неосень! Рекй не стоят почта ходит пешая народ покуда = все живы и здоровы только помер Иван Яковлевич деверь! Павлы нашей сестры счесливо жалою тебе я оставаце быть! Здоровым долголетным Сердечным приветом Квам Крюкова Марфа Семеновна.

Жду отвас скорого ответу.

Извините и простйте что я так плохо писала вечером согнем очкй мой приломались! Некто нейдет написать песем вам.

Прощайте мой дорогйе знакомые неспоминайт меня лехом спомените меня мудрым словом.

8

1953 года 21=Юля

Доброй день, или вер Здравствуйте мой дорогйе Ерна Георьевна и Александр Антонович. Шлю вам сердечному горячему привету жолаю всего хорошего главнее всего доброго здоровья привет вам шлют Серафима сестра Петя семьей. Тепер пишу про свою жизнь. Я захворала января месяца увезена была на самолети Архангельск лежала больницы четыре месеца полклиник была больница болезнь грип⁷⁶ маймесеца увезла жена брата Зосима

⁷⁶ Из письма брата М. С. Крюковой Зосимы Семеновича Крюкова к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 26 июля 1953 г.: «М. С. болела очень тяжело, был гнойный приврит и двухстороннее воспаление легких, и лежала в Архангельске в спецбольнице. Как оправилас мы и взяли из больницы и привезли в Мурману для полного выздоровления. 13/VII она выехала в Архангельск а от туда уехала в Нижнюю Золотицу».

Семеновича Мурманск гостила у них два месяца была гостех Ивана Ивановича он все шло вам = попривету. Сечась дома приехала 19= Юля здоровое моё непосторому хорошо врачй лечилй годы мой сторые поетому нешто помогло = приежайте Милости просим комнё на свиданьице соскучилась = я овас хочу вас видет на вечно роспростице извините что я = плохо пишу. Деревне народ все живы здоровы зеленй много корова зоманушка белушка дочка руф котик шлют вам привет = семга рыбакам попадает. У Пети родйлсе сын зовут Иваном = клхоз ночей страдать.⁷⁷ Сары⁷⁸ одной нечего ненастрадать. = я могу пособлеть. Не споминейте меня лихим словом спомените меня мудрым словом. Простите меня чем я вас огневила — на етом кончею челую тебя Ерна Георьевна жму крепко = своему Жаламу Сердечшку. Сердечным приветом квам Крюкова Марфа Семеновна. Жду от вас скорого ответу как сокол полету =

Прощайте прощайте Ерна Георьевна. А.А.⁷⁹

⁷⁷ Страдать — от страда; время полевых летних работ по уборке сена и хлеба, равно и самые работы эти (*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885. С. 164).

⁷⁸ Сара — Серафима Семеновна Крюкова.

⁷⁹ Это последнее письмо М. С. Крюковой. В январе 1954 г. она умрет. Письмо очень небольшое. Нет обычных жалоб.

О. В. НИКИТИН

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ — СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Имя Александра Александровича Реформатского широко известно исследователям филологической науки, прежде всего — лингвистам-теоретикам. В его научной деятельности удачно совмещались яркие авторские идеи и практические методики изучения языка. В то время когда одни направления не были «популярны» в науке, а другие считались ошибочными, А. А. Реформатский уверенно следовал собственному alter ego и удивительно тонкому общефилологическому чутью подлинного исследователя языка, сформировавшемуся в нем в результате длительных внутренних исканий и большого труда. В поле его зрения постоянно находились совершенно разные новаторские и глубокие лингвистические полюса: от исследований знаковых теорий языка и методов структурной лингвистики в фонологии до типологического языкознания, лексикологии, работ междисциплинарного характера (морфонология и др.), ставших столь актуальными в последние годы. Интересовали его и сугубо практические вопросы применения научных идей в обучении — такие, как пунктуация и законы грамматики. О чем бы ни писал А. А. Реформатский, *традиция* и *импровизация* сливались воедино в его научном творчестве.

О Реформатском-фольклористе, ценителе народной речи почти ничего неизвестно. Сохранились лишь отрывочные воспоминания его близких учеников и коллег, в какой-то мере обративших внимание и на эту грань неординарного таланта А. А. Реформатского. Нам известно, например, что он вместе с С. И. Ожеговым не раз «обрабатывал» живой язык, играя его полутонами, и был большим знатоком «красного словца»; они оба даже составляли картотеку русского мата — по сути это тот же фольклор, особенно под пером таких искусных мастеров русского слова. Но в отличие от нынешнего поколения филологов они каждому слову знали

место. Им не приходило в голову «щеголять» словесной бранью и нелитературной речью в публичном мире. С другой стороны, в житейской практике им было совершенно чуждо ханжеское отношение к сочному русскому слову и русской культуре. Пристально вглядываясь и вслушиваясь в местный речевой колорит, они старались найти и выделить то по-настоящему оригинальное и выразительное, что всегда характеризовало народный язык. А если и занимались они «щегольством», то совсем другого свойства. Вот один показательный эпизод. Издательство «Academia» в 1934 г. в лице А. А. Реформатского, работавшего в то время там редактором, обращается к С. И. Ожегову с просьбой просмотреть вслед за В. В. Виноградовым и подготовить к печати книгу этнографа Е. П. Иванова, где как раз даются историко-культурные и лингвистические «сюжеты» из жизни и быта представителей различных ремесел, профессий и сословий старой России. Вот те проблемы, с которыми столкнулись редакторы при работе с рукописью: «Действительно, — пишет А. А. Реформатский, — наряду с законной регистрацией некоторых диалектных черт (напр., яё, жана и т. п.) — другие черты этого же говора в тех же примерах не отмечены. Кроме того, богато искажена русская орфография такими написаниями, как: ево, самово, севодня, што, щастье, трескаетца и т. п. — т. е. случайные фонетические записи орфоэпической литературной речи — диалектность этих написаний явно мнимая».¹ Из такого примера можно понять, в чем состоял *подлинный* интерес ученого в фольклорных раскопках, насколько глубоко и внимательно он относился к отеческому слову.

Работая с архивными материалами отечественных ученых, мы натолкнулись на фольклорную заметку, которую и предлагаем с небольшими комментариями читателям. Полагаем, что в ней немало интересного с разных точек зрения, и прежде всего она характеризует А. А. Реформатского не как узкого лингвиста, а Человека Большой Науки, способного даже в неприметном, казалось бы, на первый взгляд, отрывке народной песни найти и выделить свои, только им ощущаемые, интонации народного искусства. Речь идет о песне «Полосонька», где получили отчетливое выражение и отголоски общественной жизни тех лет (предположительно время создания песни можно отнести к началу XX в.): «В это время из похода / Шел солдат, дитя народа, / Из Китая...», и реалистические картины изображения нелегкой повседневной жизни крестьян (см. далее начало песни). Основной ее фон — напевно-романтический, а финал — традиционно оптимистичен. В «Полосоньке» присутствует вполне ощутимый юмористический рисунок с тонкой иронией, недосказанностью. Как можно заметить, именно это

¹ Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001. С. 473.

художественно-образительное свойство песни и привлекло особое внимание А. А. Реформатского, ценившего выразительность народного слога, которая достигается, порой, значимым пропуском, отсутствием нужного компонента, особым «недоговором». И А. А. Реформатский как тонкий знаток народного искусства сразу же подметил и выделил это качество со свойственной ему интонацией: «И все-таки, — пишет он, — чего-то в конце не хватает: ведь последняя строфа осталась непарной!» Композиция и слог песни, ее образы, выраженные прежде всего в характерных для традиционного народного искусства словесной орнаментике и ритмических полутонах, сближают «Полосоньку» с лучшими образцами фольклорных произведений прошлых времен, имевших сказовое, художественно обработанное содержание. Слова типа *дружочек, водица, сестрица* и др. постоянно присутствуют в русском фольклоре, наполняя ткань произведения образами и сюжетами возвышенно-мифологического по форме, но внутренне глубоко реалистического искусства славянских народов. Характерные повторы в песне также имеют немалый смысловой акцент, придавая музыкальному строю «Полосоньки» вполне определенную ритмическую и эмоциональную выразительность.

Публикуемая песня была обнаружена нами при изучении личного фонда П. Г. Богатырева, хранящегося в Архиве РАН (ф. 1651, оп. 1, ед. хр. № 139, л. 1—3). В сборник, из которого мы извлекли данную запись, помещены и другие весьма оригинальные и колоритные отрывки из народных песен, сказок, цыганских баллад, присланных П. Г. Богатыреву. «Полосонька», вероятнее всего, была передана (или прислана) А. А. Реформатским П. Г. Богатыреву, известному собирателю и исследователю фольклора славянских народов, в 1960-е гг. После печатного варианта песни А. А. Реформатский поместил собственноручное «примечание», раскрывающее историю знакомства ученого с ярким образцом народного песенного искусства. В начале же авторизированной машинописи, чуть ниже названия песни *Полосонька*, припечатана следующая запись: «Народная песня, знаю с 1913 года». Вот ее полный текст:

Полосонька

Раз полосу Маша жала,
Золоты снопы вязала,
Молодая (2 раза и так везде)
Истомилась, изомлела,
То-то наше бабье дело —
Доля злая.
В это время из похода
Шел солдат, дитя народа,
Из Китая.
От пути он притомился,

Возле бабы опустился:
«Дай напиток».
«Я б дала тебе напиток,
Да тепла моя водица, —
Не годится».

«Нет ли хлеба, хоть кусочек?»
«Нету, миленький дружочек,
Одни крошки...
Я полоску жать спешила
И с собою захватила
Лишь немножки...»

«Эко, правда, незадача, —
Молвил воин, чуть не плача, —
Наказанье!
Делать нечего, сестрица,
Нет ни хлеба, ни водицы...
До свиданья!»

Девке парня стало жалко:
Сух и строен, словно палка,
Черноокий.

Муж припомнился постылый,
Старый, немощный и хилый,
Недалекий.

«Ты постой, постой, служивый,
Сядем лучше в тень под ивой, —
Солнце жжется.
Безо всяких изумлений
Может, что для угощений
И найдется.
Воин видит — баба пышет,
Рубашонка грудь колышет...
Молодая!
Он подумал: нет преграды,
Ущипнул, где было надо,
Приседая.

«Не испортить бы обычья», —
Баба только для приличья
Пропищала.

«Чорт паршивый! Не щипайся!
Чорт сопливый, убирайся!»
И упала.
Рожь высокая их скрыла,
А что там происходило —
Это тайна.

Только слышны были вздохи,
Словно их кусали блохи
Чрезвычайно.
Наклонясь над этой парой,
Сыч облизывался старый,
Сверху глядя.
И объят в пустыне скрытной,
Ну, и парень ненасытный!
Этот дядя.

Поздно вечером бабенка,
 Словно с поля коровенка,
 Страсть устала.
 Муж с свекровкой долго ждали,
 Меж собою рассуждали:
 Выжнет Маша?
 А над Машей ночь темнела,
 То-то наше бабье дело —
 Глупость наша!
 Через год у Маши морда
 Смотрит весело и гордо:
 Сын родился!
 «Посмотри-ка, моя женка,
 Весь растет в меня мальчонка!»
 Муж хвалился.
 Про то знают лишь солдаты,
 Чьи растут у нас ребята —
 Молодые!

Примечание: Я эту песню слышал у тети Паши (Прасковьи Антоновны Дергуновой, урожденной Костомаровой) летом в селе Покровском на озере, Тверской губернии, Корчевского уезда. Но запомнил лишь в отрывках. Охотясь в Ярославской области (совхоз «Красный Октябрь» Борисоглебского района), я познакомился с Николаем Федоровичем Кузьминым (тогда был он бригадир, а ныне — председатель сельсовета). Николай Федорович помнил весь текст «Полосоньки», но прошло несколько лет, пока я не поймал его в бане и не обязал зайти ко мне и записать песню. Он зашел, сам записал, за что ему великая благодарность! Но я при перепечатке воспользовался некоторыми строчками, которые я сохранил в памяти с 1913 года, и ими улучшил текст. И все-таки чего-то в конце не хватает: ведь последняя строфа осталась непарной!

Соединил и перепечатал А. А. Реформатский.

4 октября 1963 года

Представленная народная песня — лишь небольшой фрагмент «позитической лингвистики» А. А. Реформатского. Он обладал особенным художественным артистизмом и языковым чутьем, помогавшими ему верно понимать и чувствовать гармонию певческого слога, те оттенки и «асимметрии», которые и создают сюжетную композицию. И гармония звука здесь едва ли не основной критерий для произведения народного творчества. «Любой певец должен понимать тот текст, который он исполняет, и ту форму, в которой этот текст дан. При этом никак нельзя путать язык и письмо и „исполнять буквы“».² Не теоретические формулы и модели, столь понятные строгому научному уму ученого, выступают здесь на первый план, а «созерцание мысли». Не лингвистические парадигмы, а яркий «стиховой костюм», словно одевающий своей особой формой мелодию слога. Отсюда становятся понятными и рассуждения ученого, порой кажущиеся нам парадоксальными.

² *Реформатский А. А.* Речь и музыка в пении // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1. С. 199.

«Поэтому, — пишет он, — так хорошо стоять на тяге: тихо, никого нет, ждешь только хорканья, а, дождавшись, в него включаешься и либо мажешь, либо держишь в руках этого „чудака леса“ (кулик явный, а попал в лес!) и думаешь о том глазе вальдшнепа, о котором писал Чехов, а от этого мысли идут далеко в разные стороны, пусть это в начале только презренные ассоциации, но скоро они превращаются уже из механических сцеплений в ряды, имеющие свою „умственную“ закономерность и радующую человека тем, что ему должно быть свойственно».³

Какая бы область ни интересовала А. А. Реформатского, везде он прислушивался к звукам, оценивал их экспрессию, редкий, искусный «житейский тембр» голоса и музыки вообще — будь то знаменитые композиторы (М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков) или артисты (Качалов, Ермолова, Раневская) и — с другой стороны — только ему знакомый народный сказитель, который не был просто «информантом», а приятным собеседником, со товарищем. Именно из речевого общения и поведения он выстраивал парадигмы и «асимметрии» фонологии и, как он сам говорил, «болел»...⁴ Ибо его полностью захватывало существо предмета — не нормативно-литературное, а «житейское», но не рисованное или манерное, а *самобытное, живое*. И здесь он старался подчеркнуть, выделить основное, запоминающееся. «Я помню одного сказителя, — замечает А. А. Реформатский, — который пел, „сказывал“ басом, а говорил „из вежливости“ тенором».⁵

Примечательны и характеристики певческих признаков голоса в изображении А. А. Реформатского. Здесь яркая авторская метафора соединяется с морфологией языка, сцепляясь с ней в единое целое, а сама фраза образует сюжет, забыть который, прочитав однажды, невозможно. Вот некоторые его определения: «Без тембра речь скупа и скушна, как непосоленный суп или подсахаренное пиво».⁶ Или: «Вот два варианта: „скользящий“ и „склизкий“». Говорят, что *склизкий* экспрессивнее по звукам. Ерунда. И *скользящий*, и *склизкий* имеют примерно те же звуки, и не они сами по себе экспрессивны, а то, что *скользящий* — нормативно-литературное, а *склизкий* — из другого лексического пласта. Все дело в *социальном* (здесь курсив наш. — О. Н.), а не в символическом звуков. Поэтому так труден перевод синонимов, имеющих разную стилистическую окраску по принадлежности к разным лексическим пластам. Какая тут „символика“ звуков!»⁷

³ *Реформатский А. А.* Из дневниковых записей 1969—1976 гг. // *Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 262.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ *Реформатский А. А.* О тембре голоса человека // *Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 260.

⁶ Там же. С. 261.

⁷ *Реформатский А. А.* Из дневниковых записей 1969—1976 гг. С. 261.

Есть еще одна деталь, сближающая строгие законы теоретической лингвистики и фольклор. (Хотя, по-видимому, при внимательном изучении творческого наследия А. А. Реформатского найдется еще немало сопоставлений.) Их объединяет *символика образов*. Любопытна в этом отношении статья «О культуре языка в пении», где ученый исследует произносительные особенности «певческого организма» — не только акцентуацию исполнителя и «пение слов», но и выявляет причины неправильного произношения.⁸ И тут он остается верен нормам старомосковского произношения. Для себя А. А. Реформатский определил этот, быть может, один из основных законов исполнительского жанра так: «Может ли певец-исполнитель в угоду „правилам вокала“ исказить произносительные нормы речи? Нет, не может. Следует особенно помнить, что стиль певческого произношения чаще всего „средний“ и тем самым нормальный. Иногда может быть отступление в „высокий стиль“, который, однако, ничего общего с „манерничеством“ (Мазэпа, сир-р-эни и т. п.) не имеет. Прибегать к „низким“ произносительным стилям можно только в „характерных“ партиях и произведениях».⁹

Можно предположить, что именно русский песенный фольклор для А. А. Реформатского и представлял собой символику звуков, где есть и языковые погрешности (с точки зрения нормативности), и недопустимые в литературной речи отступления. Все словесно-языковое строение традиционного произведения русского фольклора подчинено особой ритмике музыкальных отрезков. Не исключено, что в архиве А. А. Реформатского могли сохраниться и другие записи народных песен. Но оценивая логику мысли Реформатского-ученого и Реформатского-собиранителя и слушателя замечаем одну закономерность: и в народном искусстве, и в речевых стилях, и собственно в звуковой структуре языка он искал и находил общие принципы, единые законы движения *филологического* времени. А звук, в его представлении, не механическое колебание, но образ ... *образ* этого времени.

⁸ *Реформатский А. А.* О культуре языка в пении // Русское сценическое произношение. М., 1986. С. 211—218.

⁹ *Реформатский А. А.* Речь и музыка в пении. С. 199.

А. Н. РОЗОВ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ТРУДАХ Д. С. ЛИХАЧЕВА

(Из доклада к столетию выдающегося ученого)

На протяжении всей своей долгой и плодотворной научной деятельности Дмитрий Сергеевич Лихачев многократно обращался к русскому устному народному творчеству. Он автор двух фундаментальных разделов в коллективном труде ученых Института русской литературы (Пушкинский Дом) (далее ИРЛИ) «Русское народно-поэтическое творчество» (М.; Л., 1953. Т. I). Им написаны главы: «Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства X—XI вв.» и «Народное поэтическое творчество времени расцвета в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII—начало XIII в.)». В другом, более раннем, коллективном издании «История русской литературы» (М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2) Дмитрию Сергеевичу принадлежит работа, посвященная историческим песням второй половины XVII в. Он же редактор ряда сборников фольклорных текстов,¹ монографий,² и, кроме того, среди его самых ранних публикаций имеются рецензии на капитальные фоль-

¹ Былины / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Б. И. Богомолова. Л., 1954; Русское народно-поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 1: Очерки по истории русского народно-поэтического творчества сер. XVIII—первой половины XIX в. М.; Л., 1955; Русское народно-поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 2: Очерки по истории русского народно-поэтического творчества второй половины XIX—начала XX в. М.; Л., 1956; Былины / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Изд. 2-е. Л., 1957; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958; Илья Муромец / Подг. текстов, статья и примеч. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958.

² Коллакова Н. П. Песни и люди: О русской народной песне. Л., 1977; Померанцева Э. В. О русском фольклоре. М., 1977; Еремينا В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.

клорные сборники.³ Дмитрий Сергеевич принял участие в острой полемике В. Я. Проппа и Б. А. Рыбакова в 1960-х гг. по поводу характера историзма русских былин, выступая против крайностей взглядов обоих ученых. Д. С. Лихачев дружил или поддерживал самые теплые отношения со многими крупными фольклористами: А. М. Астаховой,⁴ Н. П. Колпаковой, П. Г. Богатыревым, Э. В. Померанцевой, Б. Н. Путиловым, патронировал публикации трудов более молодых ученых — Д. М. Балашова, А. А. Горелова, В. И. Ереминой, а также исследователей, нередко работавших на стыке литературоведческой медиэвистики и фольклористики: А. М. Панченко, Н. В. Поньрко.

Будучи крупнейшим специалистом в области древнерусской литературы, Лихачев во многих своих трудах исследует проблемы взаимоотношения фольклора и литературы, фактографически неоднократно подтверждая и подчеркивая, что «фольклор не только „породил“ литературу, сделал возможным самое ее появление, но он и помогал литературе в ее развитии во все последующее время».⁵ Вообще же, появление литературы в Древней Руси, по мнению исследователя, было «вызвано тем, что определенную часть общества восточных славян перестало удовлетворять устное народное творчество».⁶

Огромный вклад Дмитрия Сергеевича в отечественную фольклористику получил красноречивое признание: основные положения его работ по устному народному творчеству домонгольского периода, по проблемам взаимоотношения фольклора и литературы стали достоянием всех вузовских учебников. На 70-летие ученого сотрудница Отдела фольклора ИРЛИ М. Я. Мельц откликнулась специальной статьей «Д. С. Лихачев как фольклорист».⁷ В ней с достаточной полнотой отражена чрезвычайно широкая проблематика народной поэзии, входившая в круг научных интересов академика. Ныне, в юбилейные дни, нельзя хотя бы коротко не напомнить об основных направлениях его результативных изысканий в области фольклористики.

³ Былины Севера [Т. 1. Зап., вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938] // Книжные новости. 1938. № 19—20. С. 35—36; Онежские былины [Зап. А. Ф. Гильфердингом. М.; Л., 1938] // Там же. С. 37; Советский фольклор. № 6 // Там же. № 21. С. 25—27. Работы фольклористов рецензировались Д. С. Лихачевым и в более позднее время, например книга П. Г. Богатырева «Вопросы теории народного искусства» (М., 1971).

⁴ Слово об А. М. Астаховой // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 466—469. Он же тепло выступил на заседании, посвященном 100-летию Н. П. Колпаковой.

⁵ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 25.

⁶ Там же.

⁷ Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. Т. XVI. С. 292—297.

Во многих своих работах Дмитрий Сергеевич, используя материалы, почерпнутые из памятников древнерусской литературы, главным образом из летописей, а также записи народной поэзии Нового времени реконструирует фольклор X—начала XIII в., дает характеристику основным его жанрам. Вслед за В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой, соавторами вступительной статьи в книге об академике,⁸ хотелось бы по достоинству оценить особую осторожность, так сказать деликатность, Дмитрия Сергеевича при проведении этой реконструкции фольклорных текстов, записанных в основном в XIX—XX вв. Эта осторожность должна стать примером, образцом для всех, кто занимается реконструкцией архаических форм искусства. Поскольку в последнее время в научно-популярной и научной литературе появилось множество авантюрных, ничем не аргументированных «реконструкций» в области духовной культуры, уместно обратить в данном случае внимание на отличительную особенность научного стиля Дмитрия Сергеевича: как правило, даже предлагая существенные выводы, большой ученый предварял их словами «возможно», «можно предположить», «вероятно» и т. д. Иными словами, Д. С. Лихачев был далек от намерений жестко навязывать читателям свою точку зрения, он постоянно демонстрировал личную готовность к обсуждению любых вопросов как кардинального, так и частного научного значения.

Начиная с ранних работ Дмитрия Сергеевича неизменно интересовала проблема эволюционных сдвигов, перемен, происходящих в фольклоре, акты взаимодействия его с литературой в процессе смены одного социального строя другим. По мнению ученого, в условиях возникновения и развития феодального государства происходит нарушение единства фольклора как средства культурного обслуживания всего народа, что было характерным для фазиса родового строя. «Грамотные верхи феодального общества, — пишет Дмитрий Сергеевич, — имели в своем распоряжении и книжные, и устные жанры. Неграмотные народные массы удовлетворяли свои потребности в художественном слове с помощью более универсальной, чем книжная, устной системы жанров. Книжность была только отчасти доступна народным массам через богослужение, а во всем остальном они были и исполнителями, и слушателями фольклора».⁹ Под влиянием новых социальных ситуаций, констатирует ученый, появлялись особые фольклорные жанры, предназначенные специально для удовлетворения запросов и интересов феодальной знати. Творцы и исполнители этих жанров — профессиональные певцы и скоморохи.

⁸ Дмитрий Сергеевич Лихачев. Изд. 3-е, дополн. / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой. Библиография составлена М. А. Салминой и Г. Н. Фишиной. М., 1989.

⁹ Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989. С. 138.

В новое же время фольклор для господствующих слоев общества является «лишь дополнительным и в известной мере чужеродным явлением: особым по своим идеям, особым по языку, образной системе, художественным средствам».¹⁰ В данную историческую эпоху, считал Лихачев, «фольклор и литература в некоторой степени противостоят друг другу — даже тогда, когда литература использует фольклор. (...) Иное в средние века: здесь фольклор не только по-другому противостоит литературе, но и дополняет ее».¹¹

Много внимания уделял академик проблемам отражения в фольклоре язычества и христианства, а также смешению в нем этих двух форм религии. Дмитрия Сергеевича интересовали процессы, которые происходили в разных фольклорных жанрах по мере постепенного, растянувшегося на века освоения народом христианства и такого же постепенного и длительного отхода от язычества.

Из разновидностей фольклора наиболее привлекал исследовательское внимание Дмитрия Сергеевича как историка художественной словесности эпос и, прежде всего, — былины.¹² С одной стороны, ученый обнаруживал в русских летописях следы воздействия на них древнего эпоса, с другой — выделял архаические компоненты в былинных текстах, записанных в XIX—XX вв. Та и другая материя подвергались достаточно пристальной его оценке и нередко — детальному рассмотрению.

Начиная с 1960-х гг. Д. С. Лихачев занимается вопросами поэтики древнерусской литературы и фольклора. В своей знаменитой монографии «Поэтика древнерусской литературы» он исследует форму выражения художественного времени не только в произведениях древнерусской литературы, но и в разных фольклорных жанрах: в народной песне, сказках, былинах, притчаниях.

Разрабатывая в целом круге других работ теорию реализма, Дмитрий Сергеевич на основании анализа литературных и фольклорных текстов приходил к убедительному выводу, что средневековый фольклор представляет собой «систему изобразительных канонов»,¹³ которую реализм не признавал. Ученый развертывал доказательства того, что реализм «борется» с канонами, «как с любой устойчивостью стиля».¹⁴

¹⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 44.

¹¹ Там же. С. 45.

¹² Былинноведческим концепциям Д. С. Лихачева пока что посвящен лишь один историко-фольклористический этюд (Аникин В. П. Теоретические проблемы историзма былин в науке советского времени. М., 1980. Вып. 3. С. 34—48).

¹³ Лихачев Д. С. Об одной особенности реализма // Вопросы литературы. 1960. № 3. С. 67.

¹⁴ Мельц М. Я. Д. С. Лихачев как фольклорист (к 70-летию со дня рождения). С. 295.

Как уже отмечалось, одним из любимых тематических устремлений Д. С. Лихачева было отслеживание исторически изменяющихся взаимосвязей устного и письменного словесного искусства. Академик многократно отмечал большое влияние фольклора — прежде всего, эпического — не только на летописи, но и усматривал мотивные и предметно-стилистические контакты народной поэзии с такими произведениями, как «Моление» Даниила Заточкина, «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели Русской земли» и др. Он выявил генетические связи древнерусской литературы с фольклором, активно проявившиеся на протяжении столетий. Оба вида словесного творчества, согласно разысканиям Дмитрия Сергеевича, обладают сходными поэтическими и тканеобразующими стилистическими элементами, общностью топики — сравнений, метафор, символов, прибегают к однотипному и даже солидарному использованию художественных приемов.

Трудно переоценить вклад Д. С. Лихачева в необычайно сложную, наукоемкую работу, предпринятую Сектором фольклора ИРЛИ в 1970-х гг.: в подготовку серии «Русские былины», формировавшейся в рамках реализации идеи «Свода русского фольклора». Напомним, что это явилось уже третьей попыткой совокупного издания всех жанровых материалов русского фольклора — как уже опубликованных, так и архивных. Первая попытка была предпринята в конце 1930-х гг. благодаря призывам и реальным организаторским усилиям М. Горького и А. Толстого, но начавшаяся Вторая мировая война помешала осуществлению подобного замысла. В середине 1950-х гг. Сектор народнопоэтического творчества ИРЛИ вернулся к разработке программы «Свода»; была даже издана пробная редакция проспекта предстоящего издания, включавшая разделы по шести избранным жанрам фольклора. Началась подготовка томов. Но и эта попытка не принесла ожидаемой удачи. Вместо Свода Сектор стал выпускать серию «Памятники русского фольклора».

Наконец, третья попытка увенчалась осязательным успехом: к сегодняшнему дню издано «пятикнижие»: два тома былин Печоры и три тома былин Мезени.

Выпуску в свет названных томов предшествовала большая, многолетняя предварительная работа, закреплявшая труд предшествовавших поколений собирателей и исследователей народной поэзии. Особенно острые споры возникли вокруг принципов сводного издания былинных текстов.

Как известно, в науке уже давно существует три способа распределения сюжетных эпических материалов: 1) по собирателям и составителям сборников,¹⁵ 2) по сюжетам, 3) по месту

¹⁵ Именно по этому принципу предполагалось издание Свода былин в проспекте 1956 г.

географии бытования, т. е. практически по месту записи эпоса. Единодушно отвергнув первый способ, фольклористы не только ИРЛИ, но Москвы и других городов разделились на сторонников приоритетности второго и третьего способов комплектования и публикации томов.¹⁶ При этом сотрудники Сектора фольклора ИРЛИ (все, за исключением С. Н. Азбелева) отдавали предпочтение второму пути, считая наиболее целесообразным распределение текстов записей по территориям фактического существования традиций, с сюжетной группировкой вариантов данных записей.

Д. С. Лихачев еще в 1973 г. на заседании ученого совета ИРЛИ отозвался о возрождавшемся проекте издания Свода русского фольклора как о работе, достойной Академии наук. Несмотря на то что Дмитрий Сергеевич отказался от выдвижения на пост главного редактора Свода, что предлагалось Сектором народнопоэтического творчества, академик Лихачев, войдя в состав редакционной коллегии издания, внимательно следил за всеми этапами долгой предварительной работы, помогал советами фольклористам, и прежде всего инициатору данного предприятия — А. А. Горелову. В 1981 г. академик опубликовал тезисы-размышления по поводу предстоящего издания: «Несколько замечаний о составлении Свода русского фольклора».¹⁷ В своих тезисах Дмитрий Сергеевич четко выступил сторонником «зонального расположения» былинной серии, при этом указав, что подобное расположение материала непременно «должно сочетаться с учетом» роли «собирателей и исполнителей». Данная публикация способствовала окончательному закреплению выбранного способа распределения материала в томах былинной серии, за который выступали также такие крупные специалисты, как М. П. Алексеев, А. П. Евгеньева, Н. И. Толстой. Несмотря на то что Д. С. Лихачеву не удалось увидеть первый том издания, вышедший в 2001 г., он в начале 1996 г., ознакомившись с версткой томов «Былины Печоры», сказал А. А. Горелову: «Прежде я не верил в реальность осуществления Свода. Теперь — верю».¹⁸

В начале XXI столетия очевидна необходимость подведения итогов развития различных гуманитарных наук за десятилетия ушедшего века, чтобы вернее наметить новые русла исследований. Одной из важнейших работ для фольклористов явится осмысление многосложной истории отечественной фольклори-

¹⁶ Подробно об этом говорится в статье: *Горелов А. А.* «А город строится...» // Русская литература. 2003. № 4. (Перепечатка: *Русский фольклор: Материалы и исследования.* СПб., 2004. Т. XXXII. С. 522—527).

¹⁷ *Русский фольклор: Материалы и исследования.* Л., 1981. Т. 21. С. 115—116.

¹⁸ *Горелов А. А.* Памяти фольклористов — коллег, наставников, товарищей // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* СПб., 2004. Т. 31. С. 445.

стики XX в., и объективная характеристика научного наследия всех крупных фольклористов во всем его объеме. Среди деятелей науки, которым в этой грядущей истории будет отведено принадлежащее по праву видное место, никогда не будет забыт вклад, сделанный филологом широчайшего научного диапазона академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Д. М. БАЛАШОВ

УСТАРЕЛ ЛИ ГОМЕР?

(По поводу статьи А. Горелова «Соединяя времена»)

Публикация А. А. Горелова

Статью А. А. Горелова¹ прочел с отрадным чувством. Показалось: наконец-то заговорили всерьез! Очень будет жаль, ежели журнал не подымет эту тему как следует, не развернет в дискуссию, ограничившись одной проходной статьёй. Ибо уже наболело. И не напишешь «еще не поздно». Поздно! Почти уже и совсем поздно! А говорить и писать все-таки надо, кричать надо! Ибо это о том речь, будет ли жить и как жить, и что знать, что помнить о себе будет русский народ, это вопрос о нашем государственном существовании. Это вопрос глубинный, вековой и, вместе с тем, остро политический. Ибо уже и наши враги поняли (давно поняли!), что забвение национальной культуры, гибель памятников старины (тех самых, которые мы и теперь еще бережем едва ли не для одних иностранных туристов) — все это гораздо более

¹ Автору настоящей публикации представляется, что статья Д. М. Балашова имеет и историко-фольклористический, и литературный интерес.

В 1973 г. внимание научной и культурной общественности было вновь привлечено к необходимости создания национальной библиотеки фондовых народнопоэтических источников — «Свода русского фольклора» (Горелов А. Соединяя времена // Звезда. 1973. № 11. С. 191—206). Д. М. Балашов прислал в редакцию ленинградского журнала «Звезда» отклик на статью, однако журнал посчитал достаточным однократное выступление по поднятой теме. Эстафета была подхвачена в научных кругах, что в итоге привело к выпуску начальных томов первой серии «Свода русского фольклора» — «Былины в 25 томах» (Т. 1—5. СПб.; М., 2001—2006). Д. М. Балашов принял участие в их издании как главный соавтор яркой вступительной статьи «Русский былинный эпос» и как собиратель печорских памятников поющего эпоса.

Оригинал статьи, датированный 16 января 1974 г., сохранился в личном архиве А. А. Горелова.

действенное оружие в современной политической борьбе, чем даже прямое вооруженное вмешательство, которое, как показали уроки Вьетнама, зачастую и вовсе бесперспективно в современных условиях.²

В статье Горелова (не буду прицепляться к мелочам стиля и проч.) привлекательно все: и горячая любовь к делу, и этот образ, взятый из жизни, известный всем нам, фольклористам-собираателям, — образ старухи — хранительницы тысячелетних культурных и художественных традиций нации, женщины, которая внешним своим «балагурством» прикрывает свою боль, боль человека, который яснее прочих видит, как уходит бесценная культура. А потом — они же удивительно тактичны, эти старухи,³ они знают, что главное всегда в человеческом-то общении не обидеть человека, и потому затаенное, глубинное, свое, говорится всегда с шуткой, с доброй улыбкой: мол, «ты человек городской, ученый, а мы простые, чего, может, и не поймем, — так не обессудь!» Нам у этих старух всему учиться, даже тому, как сидеть за столом, как держать руки, как слушать, как незаметно помогать гостю освоиться в доме. Нам учиться терпимости в спорах, ненавязчивости, нам гуманизму, любви к человеку учиться у этих старух. Нам и работать у них учиться! Приезжает фольклорист в село — встречают, улыбка — солнечная. Утречком просыпается — пол выметен, самовар шумит, молоко на столе, хозяйка вот-вот справится, просила извинить, скоро будет: косить ушла. На часах девять. Хозяйка встала в четыре. Покос ведь сейчас! Знаем ли мы, что такое пора покоса? Можем и не узнать, не понять, ибо вечером приходят, старые, изработавшиеся, с коричневыми, в набухших венах, руками, приходят прямо с покоса и — поют. До десяти, до двенадцати вечера. Как же: человек за делом приехал — вишь, наши песни пишет, интересуется! А в четыре утра — вставать, и день — косить. И пятьдесят-шестьдесят лет уже за плечами. И не спросят, не подумают даже, зачем это ты в самый покос, в самую страду деревенскую угодил. Не потому ли, что время летнее, отпусковое, солнышко приветное и так хорошо в деревне в эту пору «мять цветы, валяться на траве?»⁴

Ох, многому еще должны мы выучиться у этих «малограмотных» старух. И бесценная изустная культура веков, которая

² Эта мысль Д. М. Балашова оказалась в высокой степени созвучной той борьбе за влияние национального русского культурного наследия на поколения «детей» и «внуков», которая в особенности остро развернулась в России накануне и после распада СССР.

³ В статье «Соединяя времена» были очерчены портреты талантливейших носительниц нижегородского фольклора Пелагеи Ивановны Ершовой и Александры Семеновны Трусовой.

⁴ Перефразировка слов 5-й строфы стихотворения Сергея Есенина «Мы теперь уходим понемногу» (1924).

поддается записи с помощью наших карандашей и магнитофонов, — лишь малая часть того, чему мы должны, обязаны выучиться у них, пока они еще не умерли, для того, чтобы, как говорили встарь, «свеча не погасла», для того, чтобы был жив народ и не закоснел во мраке невежества с компьютерами-то и прочей техникой двадцатого века, которая, как на поверку оказывается, очень даже легко уживается с пещерным уровнем развития личности, фашизмом и прочими «благами» в таком же роде.

Однако я отвлекся. В статье Горелова очень хорошо то, что автор постарался осветить роль фольклора в творчестве наших великих с той стороны, с какой об этом менее всего говорят. Дело же не в том, чтобы цитировать фольклор! Дело в другом — в том, что гений фокусирует, пропускает через свое сознание тысячелетние морально-нравственные традиции нации, запечатленные в народном творчестве, и тут пример с Пушкинским решением образа Татьяны знаменателен. Ал. Горелов здесь угадал главное. Ведь все мы помним, что решение Татьяны — «Я другому отдана и буду век ему верна» — оказалось неожиданным для самого Пушкина!⁵ Литературоведы писали по этому поводу о логике развития характера, неподвластной авторскому произволу, — все так! Но сами-то характеры, с их логикой поступков, откуда? Сам-то тип русской женщины и мера поступков ее? И ведь нельзя сказать, что любая, скажем, женщина наша поступала именно так. Идеал поведения, созданный народом и запечатленный в фольклоре, есть всегда идеал, есть то, к чему стремятся, что выставляется как высокий пример для сильного подражания. В этом смысле народное искусство всегда идеально и, как таковое, — выше своих носителей (чего никак нельзя сказать о «массовой культуре» наших дней, которая, наоборот, в погоне за потребителем опускается порой так низко, что уже и перестает быть культурой). Могут сказать: «Но почему же тогда фольклор исчезает? Ежели он так нужен и важен, как пишете вы, ⟨его⟩ защитники и ценители, то почему же он не живет?» И тут (Горелов также касается этой проблемы) мы подходим к элементарному, но почему-то неясному для многих вопросу, который можно озаглавить так: «Устарел ли Гомер?»

Гомеровский эпос был устным, и как устный эпос его перестали петь задолго до нашей эры. Ежели бы при Писистрат(е) Гомеровский эпос не был записан,⁶ он бы дошел до нас самое большее — в поздне-греческих прозаических пересказах, то есть

⁵ Статья «Соединя времена» показывала, что А. С. Пушкин в решительных словах Татьяны Лариной из романа «Евгений Онегин» («...Но я другому отдана; // Я буду век ему верна...») и аналогичном высказывании Маши Троекуровой (Верейской) из повести «Дубровский» следовал за народной песней, напечатанной в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова.

⁶ Писистрат, сын Гиппократ из рода Нелея, — знаменитый афинский тиран (561/560—528/527 гг. до н. э.), распорядившийся собрать воедино и записать пес-

исчез. Записанный, он вот уже два с половиной тысячелетия живет, переводится на все языки, изучается и, похоже, не собирается «умирать» и впредь. То же самое произошло с эпосом древнего Вавилона,⁷ то же самое — с индусским эпосом,⁸ то же самое — эпосом ирландским,⁹ французским,¹⁰ скандинавским...¹¹ Сборник «Шицзин»¹² донес до нас лирические песни древнего Китая через три тысячелетия после того, как их перестали петь! Когда мы говорим об искусстве, надо очень строго различать два периода: творческий, когда тот или иной вид (форма, жанр, направление, стиль) искусства создается, и последующие века (или тысячелетия) — когда уже созданное и законченное в своем творческом периоде искусство продолжает оказывать свое эстетическое воздействие, продолжает нравиться,¹³ продолжает активно служить человечеству. Мы, к примеру, наблюдаем массовый, охвативший миллионы людей интерес к утонченной и бесконечно далекой от нас эпохе Тель-Амарны.¹⁴ В толпах людей, непрерывной чередой проходящих по залам музеев, звучат имена Эхнатона, Нефертити и Тутанхамона, имена египетских царей, отдаленных от нас космическим расстоянием в три с половиною тысячи лет. И люди, совсем простые и очень далекие от искусствоведения или истории, со знанием дела судят об отношениях внутри семьи фараона-реформатора,¹⁵ особенностях заупокойного культа египтян, о нагрудных украшениях, мумиях и саркофагах. Искусство (настоящее большое искусство), войдя в культурный обиход человечества, не стареет, однако для этого оно именно должно быть включено в этот культурный обиход. Ведь только по величайшему счастью могила Тутанхамона не оказалась разграбленной, а бесценные украшения не разбиты и не переплавлены в «звонкий металл», вполне безраз-

ни «Илиады» и «Одиссеи» Гомера для исполнения на панафинейском празднестве отредактированного их текста.

⁷ Имеется в виду эпическая поэма о Гильгамеше, созданная, по всей вероятности, между XXIII и XXI вв. до н. э., а записанная в начале XX в. до н. э.

⁸ Подразумевается «Махабхарата» — древний эпос, складывавшийся на протяжении веков — от II тысячелетия до н. э. по середине I тысячелетия н. э. и отредактированный, в частности, письменностью IV в. до н. э.

⁹ Ирландские саги — кельтский эпос первых веков н. э. — были записаны уже в VIII—IX вв., но преимущественно фиксировались с XII в.

¹⁰ Французский эпос раннего Средневековья (жесты) записывался в ранних редакциях с XI—XII в.

¹¹ Исландские саги сохранились как явление письменности с XII в.

¹² Сборник «Шицзин» — памятник фольклора и китайской литературы XI—VI вв. до н. э.

¹³ Здесь имеются в виду слова К. Маркса, высказанные во введении к его труду «К критике политической экономии» (1859), о художественном наслаждении, доставляемом искусством древних греков даже спустя тысячелетие.

¹⁴ Тель-эль-Амарна — городище на восточном берегу Нила, где находилась в XV в. до н. э. одна из столиц Древнего Египта.

¹⁵ «Фараон-реформатор» — Аменхотеп IV (Эхнатон) правил в 1419—около 1400 гг. до н. э.

личный к истории и культуре. Потребовался героизм Картера,¹⁶ кропотливая работа ученых, наконец, своевременное внимание со стороны правительства Египта, поместившего сокровища в музей под охрану государственной власти. Фиксация Гомеровского эпоса, кстати, тоже явилась делом государственным. Писистрат, тогдашний правитель Афин, искал опоры для своей власти среди крестьян, того самого «простого народа», и запись Гомеровских сказаний была одним из предприятий по идеологическому упрочению правительства. (Нечего прибавлять, что предприятие это оказалось в миллионы раз долговечнее тирании Писистрат(ид)ов в Афинах). Наш фольклор сейчас находится в том состоянии, когда для того чтобы нам не лишиться навсегда тысячелетних культурных сокровищ, его необходимо зафиксировать в печатных изданиях. Причем песни должны быть с нотами, а не без них, как мы частенько еще издаем и по сю пору.

А. А. Горелов выдвигает идею издания общерусского свода фольклора.¹⁷ Идея сама по себе настолько безусловная, что вряд ли ее нужно еще чем-то обосновывать. Замечу только одно. Русский фольклор издают у нас сейчас с величайшей неохотой и чрезвычайно малыми тиражами. Однако достать, скажем, у букиниста любое из классических русских фольклорных изданий совершенно невозможно. Два тома «Былин Севера» А. М. Астаховой (вышедших в советское время, до и после войны!¹⁸) я, фольклорист и ученик Анны Михайловны, разыскивал пятнадцать лет и купил сперва один том, а другой нашел только через восемь лет. «Северные сказки» Ончукова¹⁹ (растрепанная горка листов без обложки) обошлась мне в двадцать с чем-то рублей, и я был чрезвычайно благодарен своей удаче. Достать, скажем, Григорьева,²⁰ Маркова,²¹ Рыбникова²² совершенно невозможно. Раскупленные издания при этом уже не попадают к букинистам. Мне самому с величайшим трудом (несколько лет усилий, просьб, ходатайств — все это мерзко и тяжело вспоминать) удалось издать два сборника северного

¹⁶ Говард Картер (1873—1939) — английский археолог, открывший на территории Долины царей Древнего Египта гробницу фараона Тутанхамона (1922).

¹⁷ А. А. Горелов и сотрудники Отдела народнопоэтического творчества ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН лишь продолжили дело создания «Свода русского фольклора», начатое поколением фольклористов 1930-х гг., но имевшее солидную предысторию еще в XVIII—XIX вв.

¹⁸ Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938, 1951. Т. 1, 2.

¹⁹ Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1909.

²⁰ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М.; Прага; СПб., 1904, 1910, 1939. Т. I—III.

²¹ Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием В. Ф. Миллера. М., 1901. (Дополненное, но неисправленное переиздание: Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. СПб., 2002).

²² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Т. 1; М., 1862. Т. 2; Петрозаводск, 1864. Т. 3; СПб., 1867. Т. 4. (То же: изд. 2-е. М., 1909. Т. 1; М., 1910. Т. 2, 3. Изд. 3-е. Петрозаводск, 1989, 1990, 1991. Т. 1—3).

фольклора.²³ И что же? Появившись, книги разошлись буквально в полчаса, и теперь их совершенно невозможно достать. Иными словами — интерес (и огромный!) к изданиям нашего фольклора есть. «Рынок» для подобных изданий безмерен. Единственной преградой является какое-то странное, капризное, я бы сказал, нежелание издательских органов заниматься фольклором.

Всемерно поддерживая идею «Свода», я бы поставил вопрос даже и еще шире. Почему, например, издательство «Наука» так чурается фольклорных изданий с нотами? (Полиграфическая база для подобных изданий там имеется). Мне удалось издать в «Науке» сборник северных сказок. Но описание свадебного обряда, того же района, подробное, со всеми этнографическими деталями, со всеми песнями свадебного цикла, и, естественно, с нотами к ним пришлось «пробивать» через музыкальное издательство,²⁴ и книга осталась поэтому недоступной многим и многим специалистам, кому она очень нужна (музыкальные издательства свою продукцию распределяют только через специализированные магазины нот или нотные отделы магазинов).

Мне кажется, что одновременно с подготовкой и изданием «Свода» и, наверное, во взаимосвязи с этим изданием нужно торопиться собирать и издавать то, что еще возможно, что еще не умерло, что еще помнят, ожидая нас, ученых-собирателей, замечательные старые женщины-крестьянки, последние хранительницы великой устной культуры наших предков.²⁵

²³ *Балашов Д.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970; *Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.

²⁴ Сборник свадебных песен был опубликован в изд-ве «Музыка».

²⁵ Д. М. Балашовым были также изданы книги — памятники фольклора: Народные баллады. Л., 1963; Русские народные баллады. М., 1983. Он принял участие в изд.: *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба. М., 1985.

Ф. В. СОКОЛОВ

«ВОСПОМИНАНИЯ»*

Публикация и комментарии А. А. Горелова

Этот автобиографический, с неизбежностью исповедальный, очерк Флавия Васильевича Соколова — рассказ многогранного деятеля русской музыкальной культуры, соединившего в себе дарования музыканта-исполнителя, музыковеда-педагога, историка пианизма и народных инструментов, авторитетного фольклориста XX столетия, о своей судьбе — возник «нечаянно».

Визит к Ф. В. Соколову двух фольклористов Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук — заведующего Отделом народнопоэтического творчества А. А. Горелова и заведующего Фонограммархивом Ю. И. Марченко — в 2002 г. был связан с желанием Ф. В. Соколова подарить Отделу и Архиву негативы фотопленок, а также серии фотографий, относившихся к фольклорным экспедициям Отдела 1950-х гг. на Русский Север. Участником или руководителем тогдашних полевых исследований был наш старший коллега, чья реальная роль собирателя и организатора научной работы еще до сих пор не вполне точно освещена и закреплена в публикациях ИРЛИ: Ф. В. Соколов не любил подчеркивать свои заслуги.

И фотографии, и негативы оказались своевременным и замечательным пополнением иллюстративного приложения к томам Свода русского фольклора (серии «Былины в 25 томах») — своего рода собирательной эпической поэмы о русском народе и глубоко простершейся в века отечественной истории.

Богато одаренный художественным восприятием мира Флавий Васильевич Соколов проникновенно запечатлел в своих снимках образ Северной России: природу, человеческие типы, праздничные и повседневно-бытовые картины, культово-храмовые и жилые, хозяйственные постройки, предметы крестьянского обихода.

Люди уходят. Традиции угасают либо меняются. Из архитектурного наследия северного края многое безвозвратно утрачено. Между тем фотобъектив Ф. В. Соколова спас от забвения важные приметы мира,

* Источник хранения: Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Кол. 495. МФ. 3367.

служившего оправой эпической народной классики. В снимках остались жить мелькнувшие мгновения неповторимого бытия. Но сам их автор — свидетель встреч архаики с новизной — оставался отлученным от общения со своей фотолетописью в течение четверти века: старая фронтовая контузия «достала» бойца Великой Отечественной войны, лишив зрения. Словно предошущая грядущую личную трагедию, выдающийся музыкант поспешил в далекие экспедиционные дни вместить в путевую фотохронику именно зримые знаковые черты мощного и великолепного Севера.

Одновременно с рассказом о былых экспедициях гости услышали от хозяина дома взволнованные воспоминания о личном. Естественно-непритязательная речь Флавия Васильевича была одухотворена подлинной силой и правдой переживаний отодвинувшихся эпох, насыщена уникальными подробностями, воскрешала эпизоды и персонажей вчерашних событий.

Большой человек всегда — индивидуальность. Даже фрагментарно поведанные «главы» жизнеописания Ф. В. Соколова рождали потребность узнать более того, что открыла короткая встреча. По просьбе А. А. Горелова и Ю. И. Марченко Флавий Васильевич согласился записать под диктовку своей памяти предстоящие ниже мемуары.

Исполненное бесценных сведений о действительной истории повествование музыканта-фольклориста было с неослабевающим интересом и благодарностью прослушано в его квартире 5 ноября 2002 г.

Незабываемы минуты, когда этот крупный человек, музыкант-виртуоз, высоко подняв голову, воодушевленный воспоминаниями прошлого, внимал своему голосу, звучащему извне. Он был воистину прекрасен, когда с краской смущения вслушивался в поток проносящейся мимо него собственной жизни.

Тогда же оригинал фонозаписи поступил в Фонограммархив Пушкинского Дома.

Автобиография Ф. В. Соколова значительна не только органической искренностью чувства и художественностью самого хода мысли ученого, но и реально общезначима: в ней предстают живые моменты самостроительства и самоутверждения масштабной творческой природы, особенности ее самоощущения и приобщения к сокровищам мировой культуры.

Публикация сопровождается минимумом фактографических примечаний.

А. А. Горелов.

Не без труда и как бы нехотя, даже порой с каким-то внутренним сопротивлением разворачивается передо мной свиток воспоминаний пятидесятилетней давности. Разворачивается неровно, рывками: то застрянет на каком-то витке, и не повернешь его, то вдруг свободно раскручиваются несколько витков, и ты, захлебываясь, считаешь информацию, не зная, что же взять? Да и сама информация записана крайне неровно: то вдруг большое белое пятно, лакуна... Что это? Самоцензура? Нет, просто пробел памяти. То вдруг мелким, торопливым почерком написано что-то

не очень разборчивое: строчки налезают одна на другую, и с трудом разбираешь — что же там было?

По-видимому, мемуаристика отнюдь не сильная моя сторона. Да и смешно говорить о каких-то сильных сторонах, когда человек застрял где-то между 82-м и 83-м годами жизни.

А ведь были эти сильные стороны когда-то. Неплохо играл на рояле, даже очень неплохо. Несколько хуже в бильярд, но тоже — достаточно хорошо. Катался на велосипеде, на лыжах, даже с гор. Пробовал свои силы и в литературе. И ведь тоже получалось.

Знающие люди сравнивали меня — страшно даже сказать — с молодым Паустовским. Во всяком случае в пятидесятые годы отбоя не было от ленинградского радио на так называемые «музыкальные рассказы», — тогда еще новый жанр, который, кстати сказать, с моей легкой руки впоследствии там прижился.

К тому времени я уже глубоко окунулся в музыкальную фольклористику, и рассказы эти посвящались истории оркестра имени Андреева и различным русским народным музыкальным инструментам: балалайке, гуслиам, гитаре.

Почти каждый месяц они шли в эфир — и не только по ленинградскому, но и по московскому радио. Некоторые из них вошли тогда в так называемый «золотой фонд».

Вот я и подошел вплотную к тому относительно непродолжительному, но чрезвычайно яркому и плодотворному периоду моей жизни и деятельности, эпицентром которого был русский музыкальный фольклор.

Этот период был связан с учебой в аспирантуре Института театра и музыки и главное — с работой в Пушкинском Доме в должности заведующего Фонограммархивом.

Уступая настоятельной просьбе двух известных фольклористов этого прославленного академического учреждения, я пустился в рискованное предприятие — написание мемуаров. Но прежде чем остановиться подробно на фольклорном периоде моей жизни, начавшемся в 1948 году и практически закончившемся в 1958-м, несколько слов о том, что было «до того» — в первые двадцать восемь лет моей несколько затянувшейся жизни.

Родился я 5 апреля 1920 г. в самом центре России — на Новгородчине, в селе Высоково Медведской волости Новгородского уезда. Родился в семье сельского священника и сельской учительницы. Казалось бы, что может быть более русского в моем происхождении? И, однако, при крещении назвали меня римским именем Флавий. Почему? Да потому, что мое крещение состоялось некоторое время спустя дня Сорока мучеников Севастийских; а там, в этом списке, под номером двадцатым стояло имя Флавий.

Кроме того, умерший незадолго перед тем папин брат-музыкант тоже носил имя Флавий. Мученики и музыка, столь

тесно сопряженные с моим именем в момент крещения, — не было ли здесь чего-то фатального? Во всяком случае в отношении музыки это бесспорно. С четырех с половиной лет и до сегодняшнего дня она неотступно сопровождает меня во всех моих радостях и горестях.

Недолго продолжалась моя жизнь на Новгородчине. Мне не было еще и двух лет, когда папа неожиданно получил направление в столицу на должность настоятеля скромной церкви в Лесном, на Большой Объездной улице.¹ Таким образом, с 1922 года вся семья живет в Петрограде. Папа — по-прежнему священник, мама — по-прежнему учительница, но только не сельской, а так называемой «трудовой школы» на Удельной.

Этот переезд в Петроград создал одну пикантную подробность в моей биографии. Сейчас, вероятно, в нашем городе не так много осталось людей, которые, подобно мне, жили в городе трех наименований, никуда при этом не выезжая. Два года я был юным петроградцем, затем жил в Ленинграде и в 1941 году пошел добровольцем защищать именно Ленинград. А вот относительно недавно вдруг оказался в Санкт-Петербурге. Таким образом, я как бы прошел сквозь все три исторических имени этого города. Не берусь судить, что менялось в нем в связи с переименованиями.

Священнический сан главы семейства и его ревностное служение Святой Церкви не могли, разумеется, не наложить своего отпечатка на дальнейшие судьбы каждого из нас. Во второй половине 20-х годов и в самом начале 30-х мы с братом, который был старше меня на четыре года, каждый день прислуживали в церкви. Не могу сказать, что это укрепляло заряд религиозности и веру во Всевышнего. Но сама аура, как теперь говорят, превосходное пение, слова молитв и Священного Писания (отнюдь не всегда понятные мне), лики святых, освещаемые колеблющимся пламенем свечей, — все это создавало определенный настрой. Повторяясь изо дня в день, этот настрой, совместно с прекрасной лесновской природой, а также музыкой, которой я в то время уже усердно занимался, формировал личность наивную, доверчивую и восторженную, что, строго говоря, впоследствии, в зрелые годы, приводило порой к ненужным осложнениям.

Лесное — оно и есть Лесное, и можно утверждать, что все детские и юношеские годы мои прошли в многочисленных парках и лесопарках, которыми так богата была поистине благословенная окраина Петрограда-Ленинграда.

Но время шло, и обстановка в стране начала круто меняться. На нас с братом стали косо поглядывать товарищи и, в особенности, преподаватели. Процедура приема в пионеры, запрограммированная в верхах как самое светлое и радостное событие в жизни ребенка,

¹ С 1965 г. носит название «ул. Орбели».

вызывала мучительные переживания. И в самом деле, как можно ребенку ответить на вопрос: «Какой же ты пионер, если служишь в церкви?» Я уже не говорю о тех трудностях, которые, по-видимому, в значительно большей степени испытывали наши родители.

Между тем положение в стране все более осложнилось. Чтобы избежать репрессий, папа официально, через газету, снял сан, — не по доброй воле. Его лишили избирательных прав, и он стал так называемым «лишенцем», а мы с братом соответственно детьми «лишенца».

Чтобы дать возможность своим детям нормально продолжать образование (а я к этому времени уже поступил в особую детскую школу при Консерватории), родители официально разошлись, и отец уехал в Шувалово, сняв там комнатку. И это не помогло. Наступил 34-й, затем 37-й годы. Отца выслали «за 101-й километр». Именно на этом расстоянии вокруг крупных городов было создано соответствующими органами некое виртуальное «кольцо», якобы охраняющее эти города от всякого рода нежелательных элементов. Чтобы как-то существовать, папа устроился чернорабочим на Лесотарный завод и таскал там ящики, доски, бревна. А было ему к тому времени далеко за 50...

Вероятно, и это бы нам не помогло, если бы «вождю народов» не пришло вдруг в голову изречь историческую фразу: «Сын за отца не отвечает». И уж после этого ни один чиновник не посмел и пальцем тронуть ни меня, ни моего старшего брата. Это позволило мне блестяще, с отличием закончить музыкальную школу-десятилетку при Консерватории, в 38-м поступить в вуз, а на следующий год, на 2-м курсе, получить — одним из первых — стипендию «имени товарища Сталина». Путь от «лишенца» до сталинского стипендиата был длинный, но менее тернистый, чем это можно было ожидать. И это только благодаря самоотверженной деятельности моих родителей.

Небезынтересна одна любопытная подробность, связанная с присуждением мне Сталинской стипендии. Дело в том, что по академическим показателям и по творческим достижениям в области пианизма невозможно мне было не дать Сталинской стипендии. Но выяснилось, что я, увлекаясь учебными делами и творчеством, совершенно не веду никакой общественной работы! Это было ужасно! Это было непреодолимое препятствие. И тут — сообразили. В это время как раз появился МОПР — Международное общество помощи борцам революции. Меня срочно сделали «сборщиком МОПРа». Я ходил и собирал деньги на марки, а потом марочки расклеивал в книжечки. Общественная работа закипела, путь к Сталинской стипендии был открыт.

Успешная учеба и плодотворная творческая деятельность продолжались до самой войны. Много играл на концертах, участвовал в конкурсах. Обо мне писали газеты. Странно! Никто ни разу не

упомянул о том, что я — сын священника. Все точно сговорились забыть об этом. А я не напоминал...

Война одним ударом все опрокинула и перевернула. То есть, строго говоря, она могла бы для меня ничего не изменять, потому что, будучи сталинским стипендиатом, я имел, как говорят, «железную броню» — отсрочку от призыва на фронт. И многие мои товарищи спокойно вместе с Консерваторией эвакуировались в город Ташкент, где и продолжили свое образование. А я 3 июля вместе с семьюдесятью пятью сотрудниками и студентами Консерватории пошел в Октябрьский военкомат и записался добровольцем.

После нескольких дней ползанья по-пластунски в Юсуповском садике я двинулся пешим порядком на Лужский рубеж. Но это был уже не подающий надежды пианист, не сталинский стипендиат, а рядовой боец 265-го Особого пулеметно-артиллерийского батальона (ОПАБ).

Так закончился первый, наиболее светлый и относительно безмятежный, период моей жизни, продолжительностью в 21 год. В нем еще не было места для музыкального фольклора, если не считать того, что мама очень хорошо пела, любила русские народные песни и частенько певала нам с братом, когда мы были еще совсем маленькими. Потом же ей стало совсем не до песен.

Но не исключено, что какие-то зернышки глубоко запали мне в душу и потом, впоследствии, дали плодотворные всходы.

Вообще, вся моя жизнь довольно четко делится на периоды.

Первый период — до Отечественной войны, до 1941 года.

Второй период — война и окончание Консерватории: 1941-й и 1947-й годы.

Третий, наиболее плодотворный и наиболее продолжительный, период — с 1947 по 1975 годы.

И *четвертый* период — период полной потери зрения — с 1975-го по сие время, хотя активная деятельность продолжалась и в какой-то мере она продолжается и сегодня, о чем свидетельствуют хотя бы эти воспоминания.

О войне до сих пор вспоминать страшно. Это было чудовищно, непонятно, необъяснимо и бессмысленно, хотя я был не в пехоте, а в артиллерии. Но сначала на Лужском рубеже, потом на Ораниенбаумском пятачке, и в конце концов на Пулковских высотах, точнее под ними. Это был, бесспорно, самый тяжелый, а главное — какой-то беспросветный период моей жизни. И хотя все официальные источники информации в один голос твердили, что все, до последнего солдата твердо верят в неизбежную и скорую победу над врагом, на самом деле это было далеко не так. Свидетельством чему является специальный приказ Верховного Главнокомандующего и Политуправления Красной Армии о создании агитбригад и агитансамблей для поднятия боевого духа личного состава армии. Для исполнения этого приказа при штабе

85-й дивизии, к которой принадлежал артиллерийский полк, в котором я служил, также был создан такой ансамбль. Там были: очень хороший певец — тенор; балерина, также очень неплохая; несколько чтецов. Был даже скрипач. И был аккордеон. Но никто не умел на нем играть. И вот однажды, где-то в штабе, какой-то чиновник, просматривая личный состав бойцов 42-й армии, вдруг обнаружил, что в артиллерийском полку служит бывший студент Консерватории. Меня откомандировали в состав ансамбля 85-й дивизии. Это была середина 42-го года. Так что воевал я недолго, но, как теперь принято говорить, «круто». Да, собственно, и дальнейшую жизнь нельзя было назвать спокойной. Очень часто приходилось ползком, с аккордеоном, пробираться на передовую и там, в землянках и блиндажах, давать концерты. Опасно? Да, безусловно. Но все-таки это было не то, что, скажем, в артиллерийской разведке. Появилась надежда.

Музыкальные данные и бывшее мастерство пианиста помогли мне в короткий срок в совершенстве овладеть аккордеоном. Так что можно смело сказать, что в Великую Отечественную войну жизнь мою спас аккордеон. Солдаты и офицеры 85-й дивизии любили мой аккордеон. Эта любовь еще более усилилась, когда я сочинил «Песню 85-й дивизии» и разучил ее в некоторых под-

разделениях. Текст этой песни я позаимствовал из фронтовой газеты. Песня настолько понравилась, что, не могу умолчать об этом, — до сих пор ветераны 85-й дивизии, собираясь вместе по случаю Дня Победы, поют ее... Мало их осталось уже, но они все еще помнят и любят ее. Растущая популярность на дивизионном уровне помогла мне повысить свой служебный ранг. Нет, я имею в виду не воинское звание, я как был солдат, так и остался солдатом до конца войны! Я имею в виду «ранг» ансамблей, в которые меня переводили. Из дивизионного — в ансамбль 42-й Армии, а из армейского — в ансамбль Ленинградского фронта, который в мае 43-го года был демобилизован полностью и переведен в разряд гражданского художественного творческого коллектива. Это был Ленинградский цирк на сцене, где я был аккордеонистом и помощником музыкального руководителя.

Но вот вернулась из Ташкента Консерватория. Я, не задумываясь, сменил аккордеон на рояль, продолжив учебу в ней. Снова получил Сталинскую стипендию и столкнулся лицом к лицу с решением грандиозной задачи, которая на первый взгляд показалась мне неразрешимой. Целых четыре года я не прикасался к клавишам рояля, и от бывшего пианистического мастерства, казалось, не осталось и следа. Но ведь я же был по-прежнему сталинский стипендиат. Надо было творческими делами подтвердить этот высокий статус, иными словами, в кратчайший срок восстановить бывшее мастерство. Задача казалась, действительно, неразрешимой. Но помог приказ Министерства высшего образования о восстановлении демобилизованных из армии студентов на курс ниже. До войны я как раз перешел на четвертый курс и должен был бы учиться на нем, но меня зачислили на третий. Год был выигран. И это спасло дело.

Через год я уже участвовал во Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, правда безрезультатно. Достаточно сказать, что моим конкурентом был Святослав Рихтер. А еще через год, в 47-м, блестяще окончил Консерваторию, по утверждению Председателя Государственной комиссии, первым из выпуска. Играл на торжественном Акте в Большом зале имени Рубинштейна.

Так кончился второй период моей жизни и начался самый плодотворный и, пожалуй, самый интересный. О нем более подробно, ибо в него вписывается «фольклорная» глава, оказавшая огромное влияние на всю последующую жизнь и деятельность.

С нее и начнем наше дальнейшее повествование. Должен сказать, что Его Величество Случай не раз вставал передо мной на моем жизненном пути, причем на самых ответственных перекрестках, властно требуя следовать по пути, указанному его перстом. Так было с выбором специальности «солист-аккордеонист» во время Отечественной войны. Так было и с выбором специальности «русский музыкальный фольклор» в 1948 году.

А дело было так. По окончании Консерватории я получил направление в только что открывшееся в Ленинграде Училище имени Мусоргского. И одновременно руководитель Консерватории Павел Алексеевич Серебряков клятвенно заверил меня, что осенью я буду в аспирантуре по специальности «фортепиано». «Поезжайте спокойно отдыхать, Флавий Васильевич, осенью приедете, и Вы будете в аспирантуре, причем без всяких экзаменов, потому что Ваше выступление на Акте — лучший экзамен для поступления в аспирантуру».

К этому времени я женился и поехал с женой отдыхать «диким способом» в Эстонию, в Вильянди.

Вернувшись осенью, я первым делом пошел в Консерваторию и тут с удивлением узнал, что место в аспирантуре, обещанное министерством, не было предоставлено Ленинградской консерватории. Таким образом, я остался, как говорится, «при пиковом интересе». Правда, у меня было надежное место преподавателя специального фортепиано в Училище имени Мусоргского, но этого мне было мало, хотелось чего-то большего. И в это время я узнал, что Институт театра и музыки объявляет прием в аспирантуру по специальности «русский музыкальный фольклор». Я очень заинтересовался этим, но, во-первых, было уже поздно, а, во-вторых, — и, пожалуй, это даже важнее, — что я знал тогда о русском музыкальном фольклоре? Ничего, кроме «сакраментальной» фразы Глинки: «Создаем музыку не мы! Создает музыку народ, а мы, художники, только записываем и аранжируем». Но я чувствовал, что этого явно недостаточно для поступления в аспирантуру! И решил готовиться, и готовиться серьезно.

Естественнее всего было начать с изучения самого музыкального творчества как такового. Все свободное время я проводил в музыкальном отделе «Публички», вслушиваясь в народные мелодии, записанные Балакиревым, Римским-Корсаковым, Чайковским, Лядовым, Ляпуновым и многими другими. Конечно, я оценивал эти мелодии, как музыкант оценивает гениальные художественные произведения. Ни о каком научном подходе, по понятным причинам, не могло быть и речи. Но это был единственно верный путь, потому что он вел прямо к цели.

Через некоторое время выбор был сделан и решение принято. А ведь сдержки осенью 47-го года Серебряков свое обещание — зачислить меня в аспирантуру, я бы поступил в нее, три года проучился, и фольклорная глава моей биографии так и осталась бы ненаписанной. Опять-таки случай!

В Москве какой-то министерский чиновник перебрал одно пресловутое аспирантское место из одной консерватории в другую. А в Ленинграде подающий надежды пианист стал фольклористом.

Изучение фольклорных сборников вызвало вполне естественное желание услышать этот материал в живом звучании, непосредственно из уст самого народа. Особенно сильное впечатление на меня произвели мелодии, записанные в различных губерниях Поволжья: Самарской, Саратовской, Нижегородской. Постепенно вызревала мысль: «А что если поехать туда самому — и не только послушать, но и записать! Ведь у меня же абсолютнейший слух, я смогу это сделать». За советом я обратился к знакомому еще по Консерватории композитору и фольклористу Феодосию Антоновичу Рубцову. Он горячо одобрил это намерение, назвал его вполне реальным, но посоветовал обратиться в Отдел устного народного творчества Пушкинского Дома Академии наук СССР. Он сказал, что там заинтересованы в подобного рода материалах Поволжья, и они могут оказать всяческое содействие.

Не без трепета вошел я в вестибюль всемирно известного Пушкинского Дома. Но мог ли я тогда подумать, что через непродолжительное время я сам буду сотрудником этого прославленного академического учреждения!

Первое, с чем я столкнулся в вестибюле Пушкинского Дома, была скульптура из белого мрамора — человек, сидящий в кресле. Кто это? Но я усмотрел в этом доброе предзнаменование, ведь и в Консерватории в фойе Большого зала тоже была скульптура из белого мрамора — человека, сидящего в кресле. То был Чайковский. А это кто? Позже я узнал, что это был известнейший ученый Веселовский. Но узнал я это уже тогда, когда стал работать в Институте русской литературы в должности заведующего Фонограммархивом. И в эти годы с этой скульптурой происходили загадочные вещи. Ее то окутывали простыней, то открывали; и сотрудники Пушкинского Дома, идя каждое утро на работу в институт, задавались вопросом: «Интересно, Веселовский сегодня закрыт или открыт?» Метаморфозы объяснялись очень просто. Дело в том, что в эти годы «вождь народов» разразился очередным гениальным трудом: «Марксизм и вопросы языкознания».² В данной, казалось бы безобидной, отрасли научного знания начались суматоха, суета и паника. Низвержение неоспоримых истин, развенчание кумиров и возведение на трон новых, ранее никому еще не известных. Но в то утро, когда я впервые переступил порог Пушкинского Дома, Веселовский был еще открыт. Мне любезно указали, как пройти в Отдел устного народного творчества, и там меня встретил заведующий Отделом Марк Константинович Азадовский и сотрудница Отдела Пелагея Григорьевна Ширяева. (Первый из них, кстати, очень и очень пострадал в этой суматохе,

² Статьи, составившие цикл сталинских работ по вопросам языкознания, появились на страницах газеты «Правда» в 1950 г. (20.VI, 4.VII, 2.VIII). Позже была издана брошюра: *Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания*. М., 1950.

связанной с языкознанием.) В нескольких словах я изложил им суть дела и получил полное одобрение идеи предстоящей экспедиции в Поволжье. Но возник серьезный вопрос о словеснике. С записью напевов сомнений не было. Но кто будет записывать тексты? На что я сказал, что моя супруга — достаточно грамотный человек, чтобы справиться с этой задачей. В особенности, если сотрудники Отдела фольклора не откажут ей в нескольких предварительных консультациях. Договоренность по всем вопросам была достигнута, нас снабдили соответствующими документами на солидных академических бланках и даже, кажется, пообещали в случае успеха оплатить проезд в одну сторону.

Выбор мой пал с самого начала на Куйбышевскую область, и в один прекрасный день мы с женой поехали поездом через Москву в «Самару-городок».³ Это была первая в моей жизни фольклорная экспедиция. Лето 1948-го года. И здесь в свитке воспоминаний начинаются те самые «белые пятна», о которых я уже с сожалением вспоминал вначале. Помню только, что от Куйбышевской пристани мы поехали вниз по Волге-матушке не на пароходе, а почему-то на самоходной барже, в обществе местных женщин. По-видимому, в этой обстановке мы с женой были явлением не совсем обычным! Нас стали расспрашивать: что и почему? И когда узнали, за чем мы едем, интерес к нам возрос еще больше. Женщины, в особенности пожилые, наперебой стали называть различные деревни, где много поют, ведь «каждый кулик свое болото хвалит». Но чаще всего среди названий населенных пунктов упоминалось село Хрящевка. Несколько женщин было родом оттуда, и они взялись нас проводить. Это и решило исход дела. В конце концов, какая нам разница? Хрящевка так Хрящевка!..

Высадились на каком-то небольшом дебаркадере и пошли в село. По дороге женщины называли нам и имена исполнителей. Их было много, но первое место в этом списке занимал Иван Афанасьевич Британцев (кажется, так его звали), но за давностью лет я мог и позабыть. К нему мы в первую очередь и направились. Да, не случайно был он первым в списке сельских песенников. Позже в многочисленных фольклорных экспедициях в самых различных уголках России я встречал много хороших народных певцов, но такое больше не повторялось. Это был поистине вдохновенный музыкант. Музыкант до мозга костей, обладатель огромнейшего репертуара — главным образом, лирических протяжных песен. И к тому же обаятельнейший, скромнейший человек.⁴

³ «Самара-городок» — слова из популярной песни, исполнявшейся певицей Розой Баглановой.

⁴ Шесть текстов из репертуара И. А. Британцева см. в сборнике: Русские народные песни Поволжья. Вып. I: Песни, записанные в Куйбышевской области. М.; Л., 1959.

Много лет спустя, обрабатывая некоторые напевы Британцева для фортепиано, я пришел к выводу, что он, по-видимому, обладал композиторским даром и не просто повторял слышанное и заученное, а творчески создавал целые фрагменты напевов или во всяком случае отдельные оригинальные интонации. Одна из его песен и до сих пор звучит в моей памяти и моем сердце:

*Неспособ(ы)ное было времечко,
жаркий у нас сенокос.*

♩ = 48 *Rubato*

Не-спо - со-б(ы)-на - е бы - ла вре...

бы - ла вре - ме - чка,

бы - ла вре - мя - чка -

жа - рок у нас се - но - кос.

Много подобного рода песен записал я у Ивана Афанасьевича. И мне хочется, пользуясь случаем, почтить светлую память этого замечательного певца и замечательного человека и поблагодарить судьбу за то, что мне довелось с ним встретиться.

В этом же селе Хрящевке оказался еще один дивный народный музыкант — певица Мамаева (к стыду своему, забыл ее имя-отчество). Она специализировалась главным образом по хороводным, свадебным и плясовым песням. Знала она их бесконечное множество и пела поистине замечательно. От нее тоже было записано очень много хороших песен.⁵

А далее в свитке воспоминаний большое «белое пятно». Какие еще деревни и села Куйбышевской области мы посетили, с какими исполнителями встречались, что записывали — ничего не помню. По-видимому, ярчайшие впечатления и сильные эмоциональные

⁵ Три песни из репертуара Анны Михайловны Мамаевой из сел. Хрящевки см. в вышеуказанном сборнике.

переживания, полученные в селе Хрящевка, стерли все последующие! Ясно только одно: экспедиция прошла вполне успешно, и Пушкинский Дом получил богатый и интересный материал. Если мне память не изменяет, что-то около сотни напевов с текстами. Надеюсь, эти материалы до сих пор хранятся в архиве Отдела народного творчества Института.

По возвращении из экспедиции я стал готовиться к поступлению в аспирантуру Института театра и музыки — по специальности «русский музыкальный фольклор». Надо было написать автореферат и сдать соответствующие экзамены. Для реферата я выбрал тему «Русская песня в русской классической музыке»: не очень оригинальная тема. Сейчас, вспоминая о реферате, я с ужасом думаю: «Боже мой! Какая это была наивная и беспомощная писанина!» Все крутилось вокруг нескольких имен и нескольких произведений: «Увертюра на три русские песни» Балакирева, «Фантазия» на темы Рябининских былин Аренского, «Северная звезда» Глинки, симфония Чайковского, его *Andante cantabile* из Струнного квартета и что-то еще. Но к реферату были приложены материалы моей фольклорной экспедиции в Куйбышевскую область.

Как это ни странно, я очень хорошо сдал вступительные экзамены. И реферат, что еще более странно, понравился. Я был зачислен аспирантом Института театра и музыки по специальности «русский музыкальный фольклор». Сектор музыки Института в то время состоял из нескольких человек. Кажется, менее десяти. Причем в основном это были инструментоведы, что было связано с функционированием Музея музыкальных инструментов при Институте. В аспирантуре Института в 1948 году училось человек семь, не более того, причем в основном аспиранты из сектора театра. Я был единственный аспирант сектора музыки, в структуру которого входила небольшая секция фольклора, состоявшая всего из двух человек: Натальи Ивановны Жемчужиной (музыковед) и Натальи Павловны Колпаковой (словесник). Признаюсь, с аспирантурой мне не повезло. То есть, что значит «не повезло»? Институт мне очень нравился, и люди были чудесные, и обстановка очень приятная, отношение ко мне было исключительное. Но... некому было руководить мной. Не было фольклористов, а я так нуждался в руководстве.

Я по-прежнему никак не мог переступить порог эмоционально-восторженного отношения к музыкальному фольклору. Более того, я даже не представлял себе, где тут может быть вообще место для какой бы то ни было науки! Народная песня как основа музыкального творчества — это да, но как объект изучения — это мне было не только непонятно, но и чуждо, чтобы не сказать — враждебно...

Сначала за научное руководство взялась Наталья Ивановна Жемчужина, но она сама вскоре поняла, что решение этой за-

дачи ей не по плечу, и честно отказалась — спасибо ей за это. Затем руководство перешло к историкам. Сначала к Александру Вячеславовичу Оссовскому. Он, естественно, начал поворачивать меня в сторону исторических аспектов проблемы музыкального фольклора, к таким темам, как, скажем, «История музыкальной фольклористики России по записям и публикациям от Кириши Данилова до наших дней» или «История использования музыкального фольклора в композиторском творчестве: как исторически менялось отношение композиторов к музыкальному фольклору».

Александр Вячеславович был очень крупный ученый, автор многочисленных трудов, и с ним было чрезвычайно интересно, но... проработав некоторое время, мы так и не выбрали тему. Пришлось расстаться. Тут уж я сам был виноват, потому что Александр Вячеславович привык иметь дело со зрелыми, хотя и молодыми учеными, и им он, конечно же, мог помочь, и основательно. А меня надо было повседневно вести за ручку: я был беспомощен.

Пробовал мною руководить директор Института театра и музыки Юрий Всеволодович Келдыш, но и тут ничего не вышло. Он был очень занят и, кроме того, далек от фольклорной проблематики.

Время шло, а темы диссертации все еще не было. Более того, было все еще неясно, где можно и нужно искать эту тему, в каких закоулках, в каких нишах?

Я не мог себя ни в чем упрекнуть, разве что в том, что получил исполнительское, а не музыковедческое образование. Добросовестнейшим образом выполнял я все задания, посещал все лекции и занятия, сдавал экзамены «кандидатского минимума», неизменно участвовал во всех общественных мероприятиях. Иными словами, активно жил жизнью того института, в котором учился и который несомненно любил, но на душе «скребли кошки».

Между тем секция фольклора планировала на предстоящее лето большую экспедицию в Поволжье. Возникал ряд трудностей: во-первых, состав — уж слишком мало нас было, фольклористов, в секторе музыки, всего три человека; во-вторых, и это главная — проблема технического оснащения экспедиции. Дело в том, что к тому времени слуховые записи мелодий уже не считались научно достоверными, а подходящей звукозаписывающей аппаратуры в стране еще не было. И вот, в лучших традициях начала века, достали из каких-то запасников фонограф, валики, огромную трубу и с этой, с позволения сказать, «техникой» решили ехать; плохо, конечно, но зато документально.

Что же касается состава экспедиции, то откуда ни возьмись взялись так называемые «попутчики» — какие-то супруги Бочарские, студент Консерватории пианист Алик Аронов и, мне кажется, но, может быть, я ошибаюсь, молодой композитор, также студент

Консерватории, Юра Зарицкий. Помню, что решили мы ехать водным путем — прямо от ленинградских пристаней, по Неве, дальше по Мариинской системе до Рыбинска, а оттуда вниз по Волге. Но вот почему-то это путешествие было не на пассажирском комфортабельном теплоходе, а на каком-то грузовом суденышке, и не в каютах, а в трюме... Шлюзы Мариинской системы я еще помню, а дальше — провал памяти. Так, совершенно не помню, в каких районах Поволжья мы работали, какие материалы собирали, с какими хоровыми народными коллективами встречались. Помню только, что труба фонографа вызывала не столько интерес, сколько испуг исполнителей, а шипящее и хрипящее воспроизведение свежей испеченных записей на валиках — недоумение и смех. Полагаю, что я, возможно, последний из оставшихся фольклористов, которые могут похвастаться тем, что производили в экспедициях записи на фонографе. Так или иначе, экспедиция состоялась, материалы были собраны и привезены в Институт театра и музыки. Надеюсь, что они сохранились до сих пор.

После экспедиции руководство сделало еще одну попытку найти мне научного руководителя. Им оказался Вячеслав Викторович Пасхалов — композитор, музыкант, этнограф старой школы времен Пятницкого, ученик Калинникова и очень-очень пожилой человек. Он жил вместе с женой в доме престарелых ученых на улице Халтурина, а я периодически ездил туда на занятия. Это был не только очень старый, но и очень больной человек. Родился он в 1873 году и ко времени наших встреч ему было уже под 80.

Встречи с Вячеславом Викторовичем были удивительно интересны, это были «вечера воспоминаний» о тех действительно замечательных людях, с которыми он общался в конце XIX—начале XX века в Москве и Санкт-Петербурге.

Сейчас я очень жалею, что тогда не записывал его рассказы, но ведь они опять-таки не имели никакого отношения к моей незадавшейся диссертации. Вскоре, в 1951 году, Пасхалов умер. Вячеслав Викторович был последней моей надеждой [определиться и начать] что-то делать. Упования не оправдались, и я подал заявление об уходе из аспирантуры.

Казалось, что с фольклором покончено раз и навсегда, но судьба, однако, решила иначе. Совершенно неожиданно, не помню через кого, я получил предложение занять должность заведующего Фонограммархивом Института русской литературы Академии наук. Это было каким-то чудом.

Но чудеса в моей жизни бывали и раньше, как, впрочем, они бывают и до сих пор.

Я, разумеется, с готовностью согласился. Это был, вероятнее всего, конец 1949 года.

Не уверен в том, что надо подробно перечитывать последующие страницы «фольклорной главы», хотя они, бесспорно,

и наиболее интересны: моя деятельность в Пушкинском Доме, так сказать, материализовалась в обширных материалах многих фольклорных экспедиций, в расшифровках, в некоторых публикациях, а теперь вот и в фотоматериалах северных экспедиций.⁶ Все эти материалы на виду и в любой момент могут быть востребованы.

Рассказывать же о самих экспедициях мне представляется кошунством по отношению к памяти Натальи Павловны Колпаковой, ибо лучше, чем она, об экспедициях все равно не расскажешь. Тем более что Фонограммархив располагает теперь «фотодневниками» этих экспедиций. И таким образом я уже как бы рассказал о них, но не словами, а многочисленными документальными фотоснимками. И слова тут даже как бы излишни, тем более что и в Священном Писании говорится: «Судите о людях не по словам, а по делам их» (ср.: Мф., 16, 27; 1 Пет. 1, 17; Рим. 2, 5—6. — А. Г.).

Вот почему мне так отрадно было услышать, что фольклористы Пушкинского Дома считают, будто я много сделал для Фонограммархива и Отдела фольклора и даже внес некоторый вклад в развитие послевоенной фольклористики.

Что ж, если это действительно так, — это очень и очень приятно. Не мне судить о том, что я сделал для Пушкинского Дома, но я считаю своим долгом сказать о том, что Пушкинский Дом сделал для меня.

Без тени преувеличения могу утверждать, что годы пребывания в стенах Института русской литературы, в научной академической среде, сыграли поистине определяющую роль в моей последующей жизни и деятельности. Тесное повседневное общение с выдающимися фольклористами — Натальей Павловной Колпаковой, которая перешла из Института театра и музыки, Анной Михайловной Астаховой и другими, с сотрудниками Отдела древнерусской литературы — Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, тогда еще молодым, Владимиром Ивановичем Малышевым, и главное покровительство и поистине отеческая забота заместителя директора по научной части Михаила Павловича Алексева постепенно формировали мое научное мышление и приучали вглядываться и вслушиваться в фольклорный материал с совершенно иных позиций. Этому способствовала и сама аура Института, насквозь пронизанная высокой академической наукой.

⁶ Ф. В. Соколов здесь имел, в частности, в виду публикации расшифровок и «слуховых записей» в упомянутом выпуске песен Поволжья, публикации расшифровок-нотогамм для изданий: Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. М.; Л., 1956; Былины Печоры и Зимнего берега. М.; Л., 1961. См. также: 1—5 тт. сер. «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора (СПб., М., 2001—2006), а также «Песенный фольклор Мезени» (изд. подг. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Кургузалов. Л., 1967). Выполненные автором мемуаров в северных экспедициях фотографии украсили почти все перечисленные издания.

Именно в процессе работы в Институте — где-то в середине 50-х годов — сама собой, без всякого руководства, родилась и тема диссертации, которая никак не могла родиться в стенах Института театра и музыки, несмотря на все усилия моих руководителей и мои собственные бесплодные потуги. И ведь опять Его Величество Случай стал передо мной на важнейшем жизненном перекрестке. Именно к этому времени в отечественном музыковедении заметно возрос интерес к истокам русской фортепианной музыки. Одна за другой стали появляться статьи и даже монографии, в хрестоматиях и сборниках публиковались ранее совершенно неизвестные материалы по истории русского фортепианного искусства конца XVIII и начала XIX века. Усилиями ленинградских и московских ученых открылась завеса в неведомый и чрезвычайно интересный мир истоков русского пианизма.

Я, будучи пианистом, естественно, внимательно следил за этими исследованиями и публикациями. И тут внезапно выяснилась интереснейшая вещь. Оказывается, в становлении отечественного пианизма огромную роль сыграла русская народная песня. Даже составители первых фольклорных сборников XVIII века Трутовский и Прач внесли свой вклад, и даже значительный, в становление русского фортепианного искусства! Первый из них, хоть и был «камер-гуслистом», написал фортепианные вариации, а второй, помимо цикла фортепианных вариаций, создал одну из первых, если не первую в России фортепианную школу в 1814 году.

Когда я, в свою очередь, «копнул» эти «залежи» в фортепианной музыке конца XVIII века, на меня буквально обрушилась лавина вариаций на темы русских народных и «российских» песен. Причем писали их не только многочисленные русские композиторы-любители, но и иностранцы, обрусевшие и даже просто гастролировавшие в России. Среди этих вариаций были, конечно, и чисто ремесленные поделки, но были и подлинные художественные шедевры. Так родилась тема будущей диссертации «Фортепианные вариации на темы русских народных песен конца XVIII—начала XIX века». И хронологические ограничения: 1775—1825. Полвека. Рубежные полвека. Доглинкинская эпоха истории отечественной музыкальной культуры. Определилась и основная направленность исследования и концептуальный состав будущей диссертации.

Тема исследования оказалась исключительно удачной, плодотворной и перспективной. Ведь, в самом деле, в ней органически сливались те две специальности, которыми к этому времени я достаточно прилично владел: фортепиано и русский музыкальный фольклор. Кроме того, поле исследования оказалось практически не вспаханным, а сам материал представлял для меня двойной интерес — и как для исследователя, и как для пианиста-исполнителя.

Все эти соображения представлялись в высшей степени обнадеживающими, но писать диссертацию я начал уже за пределами Пушкинского Дома.

В 1958 году alma mater призвала меня к себе, и я был зачислен в порядке перевода преподавателем, но не народного творчества, как этого можно было бы ожидать, а специального фортепиано. Началась новая консерваторская глава моей жизни. Самая продолжительная, но, увы, предпенсионная.

Тяжело мне было расставаться с Пушкинским Домом. Я так был ему обязан! И вот в этот переходный период, хорошо зная, что в фондах Фонограммархива очень мало записей русской народной инструментальной музыки, я предпринял две моноэкспедиции в Псковскую область за гусельными и балалаечными наигрышами. Собранный материал впоследствии, в начале 60-х годов, был расшифрован мною и опубликован в двух сборниках: «Русские гусли» и «Русская народная балалайка», а записи, естественно, хранятся в Фонограммархиве.

Консерваторская глава началась, но фольклорная пока еще не окончилась. Во-первых, в конце 50-х годов я написал диссертацию, которая имела прямое отношение к русскому музыкальному фольклору, хотя, разумеется, не современному. Диссертация была успешно защищена в 1960 году в Консерватории. Во-вторых, в эти годы я сделал довольно много фортепианных обработок и переложений русских песен для различного рода педагогических сборников. В-третьих, я внимательно следил также за работой кабинета народного творчества Консерватории и даже помог составить и выпустить в свет по материалам студенческих фольклорных экспедиций сборник «Сто русских народных песен».

Не знаю, можно ли отнести к «фольклорной главе» создание Народной консерватории — может быть, и нет. Но тут есть любопытная подробность, о которой не могу не вспомнить. Это было в начале 60-х годов. Приближался XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Ну, естественно, все брали торжественные, повышенные обязательства, и Консерватория тоже не отставала. Главным ее обязательством было открыть при Дворце культуры I Пятилетки Народную консерваторию. И вот почему-то выполнение этого торжественного обязательства, по сути дела партийного, поручено было мне, беспартийному человеку. Может быть, в интересах большей надежности? Народная консерватория была открыта точно в установленные сроки и стала успешно функционировать, а я стал ее первым руководителем. Партийное обязательство было выполнено с честью!

Подробно рассказывать о консерватории нет смысла — это никакого интереса для фольклористики и для фольклористов не представляет. Упомяну лишь о наиболее значимых событиях того времени. В 1965 году я стал проректором Ленинградской консер-

ватории по научной работе и первым заместителем, а затем заведующим, профессором кафедры педагогики и методики. Таким образом, менее чем за 10 лет я прошел весь путь от простого преподавателя до профессора. Все-таки Консерватория была моей родной стихией, и я чувствовал себя в ней вполне хорошо. Забавно было вспоминать, что в 1947 году для меня в ней не нашлось простого аспирантского места, а через 20 лет нашлось место проректора и профессора. В 1971 году я вынужден был оставить проректорство, потому что моя беспартийность слишком уж мозолила глаза районному и городскому начальству и оказалась совершенно несовместимой с номенклатурной должностью.

Последнее событие, которое я хочу отметить в этой «консерваторской главе», было печальным. В 1976 году я окончательно потерял зрение. По предположению врачей, это были, по-видимому, далекие последствия тяжелой контузии, которую я получил осенью 1941 года под Петергофом в результате разрыва тяжелой немецкой мины. Я ослеп, но продолжал делать все то, что делал и ранее, то есть заведовал кафедрой, читал лекции, руководил аспирантами, вел практические занятия. Все, конечно, очень осложнилось, но я внушал себе, что, собственно, ничего не изменилось, я просто перестал видеть...

С 1981 года я пенсионер, инвалид первой группы по зрению. Таков итог продолжительной и, в общем, интересной жизни. Мне все говорят: «Еще не вечер, еще не вечер...» Нет, господа, 82 с половиной года — это уже вечер. И вечер поздний. Другое дело, что и поздним вечером люди кое-что делают. Вот и я тоже пытаюсь что-то делать. Очень много читаю говорящих книг. Играю на рояле и даже выучиваю на слух с магнитофонных лент новые произведения, которые я ранее не играл: сонаты Скарлатти, мазурки Шопена, «Времена года» Чайковского. А тут по совету добрых людей пустился даже в рискованное предприятие: записал на магнитофон воспоминания о своем далеком прошлом.

Что получилось — не знаю, не мне судить... Но, работая над ними, я еще раз возблагодарил судьбу за то, что мне довелось работать в двух самых престижных учреждениях нашего города: в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) и в Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории. И не только работать, но и кое-что сделать для них.

Конечно, можно было сделать больше.

Но я утешаю себя, вспоминая древнее изречение: «Я сделал, что смог, кто может — сделает больше».

Октябрь 2002 г.
Санкт-Петербург

РАЗДЕЛ II. ФОЛЬКЛОР. НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МЕЗЕНСКИЙ РУКОПИСНЫЙ ПЕСЕННИК 1834 ГОДА

Публикация и комментарии А. Ю. Кастров

Публикующиеся в настоящем издании материалы собрания музыкально-поэтических образцов игрового, хороводного и плясового фольклора Архангельской губернии находятся в составе архива А. В. Никитенко (ф. 205, ед. хр. 19488), хранящегося в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.¹ Рукопись представляет собой прошитую белыми нитками тетрадь размером 36.5 × 22.7 см, составленную из сложенных вдвое листов грубой, рыхлой бумаги с серо-голубоватым отливом формата 4°. Филигранные («РФ») в нижней части листа дают возможность установить место выработки бумаги (Рольная фабрика Афанасия Гончарова),² а водяные знаки в нижней части листа («1830») указывают дату ее выпуска.

Основу тетради составляют три листа бумаги, сложенные вдвое и скрепленные нитками. Между л. 5 и л. 10 вшита еще одна тетрадь, сформированная из двух двойных листов. Записи произведены на обеих сторонах листов темно-коричневыми чернилами (л. 5 об. — чистый). Типично канцелярский почерк («английского» вида) характеризуется непоследовательностью словоразделов и вольным обращением с правилами орфографии. К числу особенностей правописания следует отнести подвижность употребления букв «ѣ» и «е» («пѣчи» — «печи»), редкое употребление литеры «і», свободу в применении знаков препинания, прописных и строчных букв, а также литер «е» и «ё», как в безударной, так и в ударной позициях (например: «фартучёк», «гусенёкъ», «лебеди», «кладеть»).

¹ Характеристику архива А. В. Никитенко см.: Личные фонды Пушкинского Дома: Аннотированный указатель. СПб., 1999. С. 189.

² См.: *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959. С. 58, № 547. Искренне благодарю В. П. Бударagina за консультации по вопросам палеографии.

Отсутствие существенных поправок и исправлений в рукописи дает основание предположить, что она представляет собой перебеленную копию. Имеющаяся в верхнем правом углу заглавного листа надпись позволяет точно датировать рукопись (20 октября 1834 г.) и локализовать представленную в собрании песни. С помощью подзаголовков выделены два раздела сборника: «Вечерешнія песни, сопровождаемая пляскою» (№ 1—18) и «Вечерешнія песни» (№ 19—27). Образцы напевов к поэтическим текстам, составляющим начальный раздел (отсутствует напев № 5), представляют собой одноголосные (за исключением № 2, 17, 18) нотировки. Сгруппированные на л. 10 и л. 10 об., они, по всей видимости, скопированы с оригинала переписчиком, слабо владевшим нотной грамотой. Поэтому сплошь и рядом оказываются пропущенными или искаженными элементы нотописания (наиболее яркий пример — прочтение в нотациях № 2 и № 3 двух ключевых бемолов как размер 6/6). Каждый из нотных образцов второго раздела сборника помещен непосредственно вслед за соответствующим ему поэтическим текстом. Все эти напевы, за исключением № 26, представлены в простых клавирных обработках, свойственных традиции любительского музицирования городского населения XVIII—начала XIX в. Они выдают знакомство автора обработок как с рукописными, так и с печатными сборниками того времени.³ Копии указанных нотаций принадлежат переписчику, который выполнял и предыдущие. Подтекстовка (без деления на слоги) носит самый приблизительный характер (в напеве № 24 она отсутствует). Множество расхождений между полными поэтическими текстами и подтекстовками напевов (№ 2, 4, 13, 18—20, 22, 23, 26) дает основание отметить наличие слабой координации в процессе записи музыкальных и словесных элементов песенных текстов. Тем не менее отмеченные недостатки не снижают историко-культурной ценности песенника, являющегося наиболее ранним музыкально-поэтическим собранием образцов фольклора, записанных на территории северо-восточных уездов Архангельской губернии.

Необычайно активная, насыщенная и разносторонняя деятельность тайного советника, профессора Санкт-Петербургского университета, ординарного академика Императорской Академии наук, члена Императорского Русского Географического общества Александра Васильевича Никитенко (1804—1877) дает основание для самых невероятных гипотез относительно происхождения рукописи. Следует также учесть, что А. В. Никитенко состоял в должности цензора Санкт-

³ См.: *Музалевский В. И.* Русская фортепианная музыка: Очерки и материалы по истории русской фортепианной культуры (XVIII—второй половины XIX ст.). Л., М., 1949. С. 29—46; *Русская клавирная музыка* / Сост. и ред. Н. А. Копчевский. М., 1981. С. 9—12; *Трутовский В. Ф.* Собрание русских простых песен с нотами / Под ред. и с вступ. ст. В. М. Беляева. М., 1953 (далее: Трутовский); *Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач* / Под ред. и с вступ. ст. В. М. Беляева. М., 1955 (далее: Львов-Прач); *Русские песни XVIII века: Песенник И. Д. Герстенберга и Ф. А. Дитмара* / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Л. Вольмана. М., 1958 (далее: Герстенберг-Дитмар); *Рупин И. А.* Народные русские песни, аранжированные для голоса с аккомпанементом фортепиано и для хора / Под ред. и с предисл. В. М. Беляева и с вводной ст. Т. В. Поповой. М., 1955 (далее: Рупин).

Петербургского цензурного комитета, директора делопроизводства Комитета по делам книгопечатания, в разные годы редактировал журнал «Сын Отечества», «Журнал Министерства Народного Просвещения», газету «Северная Почта». Тем не менее наиболее вероятным представляется предположение, что рукопись была доставлена А. В. Никитенко по почте, с оказией или вручена лично кем-либо из его архангельских знакомых. Занимавший в то время должность секретаря канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа А. В. Никитенко в июле-августе 1834 г. сопровождал в инспекционной поездке по Северу России князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова (1792—1869), попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Цель инспекции составляли учебные заведения Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний.⁴ Возможно, за время пребывания в Архангельске (31 июля—8 августа) в круг знакомых А. В. Никитенко вошел интересующийся фольклором местный преподаватель или просвещенный, музыкально грамотный чиновник. Обратим внимание на те страницы дневника А. В. Никитенко, на которых упоминается «некто Гореглад, по доносу жандармов сосланный в Мезень», но как «человек довольно образованный», принятый на службу архангельским гражданским губернатором Ильею Ивановичем Огаревым в качестве чиновника особых поручений.⁵ А. В. Никитенко упоминает о работе Гореглада над составлением азбуки ненецкого языка.⁶ Можно также допустить, что оригинал рукописи был поднесен кем-либо из архангельских чиновников инспектирующему их начальнику, который «с величайшим рвением заботился о просвещении».⁷ А копия сборника, безусловно, заинтересовавшего А. В. Никитенко, могла быть выполнена позднее как в Архангельске, так и в Санкт-Петербурге.

Следует лишь гадать, почему А. В. Никитенко не были предприняты усилия для издания полученных материалов. Однако стоит принять во внимание факт публикации в 1840 г. сборника песен, записанных «в Архангельской губернии, в течение двадцати с лишком лет»,⁸ а также факт получения в конце 1842 г. П. В. Киреевским из г. Мезени «через В. И. Даля от г-на Портового» обширного собрания поэтических текстов,⁹ близких аналогичным образцам из архива А. В. Никитенко. Невозможно также пройти мимо очерка П. Богославского «Архангельские народные песни», напечатанного на страницах газеты «Архангельские губернские вести» в 1853 году.¹⁰ Вниманию читателей предлагается этнографиче-

⁴ См.: *Никитенко А. В.* Дневник. В трех томах. Т. 1: 1826—1857. Л., 1955. С. 147—159.

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Там же. С. 154.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Песни народные. Собранные из уст простого народа / Изданы М. Сухановым. СПб., 1840. Кн. I. С. 5 (далее: Суханов).

⁹ Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия. СПб., 1911. Вып. I (Песни обрядовые). С. LXIV (далее: Киреевский-I); СПб., 1917. Вып. II. Ч. 1 (далее: Киреевский-II/1).

¹⁰ *Богославский П.* Архангельские народные песни // Архангельские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1853, 2 мая (№ 18). С. 144—148 (далее: Богославский). В современном библиографическом указателе приводится ошибочное написание фамилии: Богословский. См.: Русский фоль-

ские описания местных игр и плясок, исполнявшихся на зимних вечеринках. В состав очерка вошли тексты нескольких игровых и плясовых песен, записанные, судя по контексту, непосредственно в самом городе Архангельске.

Публикуемые ниже поэтические тексты песен сохраняют все особенности орфографии и пунктуации оригинала, а также выставленные собирателем ударения. Все отступления от графики изложения текстов в рукописи оговорены. Реконструируемые элементы поэтического текста заключены в угловые скобки, а нотного текста — в квадратные. Избыточные элементы отмечены круглыми скобками. Специально не оговаривается редакторская правка словоразделений и унификация применения строчных и прописных букв. Добавленные редактором слоговые лиги выделены пунктиром. В комментариях приводится краткая библиография поэтических и музыкально-поэтических текстов песен, записанных на территории северо-восточных уездов бывшей Архангельской губернии,¹¹ а также однотипных напевов, содержащихся в печатных песенниках XVIII—первой трети XIX в.

Музыкальные образцы публикуются как в редакции, соответствующей современным нормам нотации, так и в факсимильном изображении. Их сопоставление делает излишним подробный перечень всех отступлений от нотной рукописи. Редакторская версия напева располагается перед поэтическим текстом. Не оговаривается разбивка на слоги и расстановка знаков препинания. В нотных образцах скорректирована тактировка, за исключением № 1, 3, 8, 12, 19, 21, 22, 23, 26, 27. Раскрыты сокращенные формы нотации согласно имеющимся знакам повтора и пометам в рукописи: «дважды».

клар: Библиографический указатель. 1800—1855 / Сост. Т. Г. Иванова. СПб., 1996. С. 107 (№ 1309); С. 236 (Именной указатель).

¹¹ Кроме указанных выше см.: Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967 (далее: ПФМ); Песни Лешуконья / Собрал М. Н. Мякушин. Музыкальная запись и запись текстов Петра Кольцова. Архангельск, 1940 (далее: Мякушин); Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. В. Добровольский. М.; Л., 1963 (далее: Печора); А в Усть-Цильме поют... Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы: Сборник к 450-летию села. Издательство «ИнКА», 1992 (далее: Усть-Цильма); Мезенские песни весенне-летнего и зимнего циклов в записи М. Н. Мякушина / Подготовка и коммент. Е. И. Якубовской // Наст. изд. С. 267—411.

Песни сіи, собранныя въ Мезени,
поются и по Архангельскому уезду,
кромѣ написанной подъ № 5.—

л. 1

Къ симъ прибавлены Архан<гельск>ія песни 17 и 18я.
20 октября 1834.

Вечершнія песни,
Сопровождаемыя пляскою.—

1

Ки — чи гу — си, до — мой,
< Ки — чи ле — бе — ди, до — мой, >

а) Ки — чи гу — си, до — мой,
< Ки — чи ле — бе — ди, до — мой, >

Кичи гуси(,) домой,
Кичи лебеди(,) домой,
Со ржавчинки,
Со болотинки,
Со свѣжія воды,
Со Дунаю со рѣки.
Это нашъ, это нашъ,
Это нашъ гусенёкъ,
Гусь съренькой,
Гусь веселенькой.

2

За _ юш _ ко по сѣ _ неч _ камъ ды _ бы, ды _ бы, ды _ бы —
Сѣ _ рень _ кой по но _ вень _ кимъ гу _ ляль та _ ки, гу _ ляль —

Сѣ _ рень _ кой по но _ вень _ кимъ гу _ ляль та _ ки, гу _ ляль —
Нѣ _ ку _ да за _ юш _ ку вы _ ско _ чи _ ти —

Заюшка по сѣнечкамъ дыбы, дыбы, дыбы;
 Сѣренькой по сѣнечкамъ дыбы, дыбы, дыбы. (2)
 Нѣкуда заюшку выскочити, (2)
 Нѣкуда сѣрому выпрыгнуть; (2)
 Сѣмеры ворота крѣпко заперты стоятъ. (2)
 А барыня, сударыня во пирь ушла, (2)
 Золоты ключи она съ собой унесла.—

3

По лу - гу, лу - гу раз - ли - ва - ла - ся во - да,

По зе - ле - но - му бы - стра рѣч - ка про - тек - ла;

По лугу, лугу разливалась вода,
 По зелёному быстра рѣчка протекла;
 По этой по рѣченки бѣла лебедь пловеть.
 Красна дѣвица погуливаетъ.
 Гребешкомъ головушка учесанная,
 Лѣнтой коса перевиванная.
 Завтра у батюшка честень пирь,
 Миѣ на пиру¹ не бывати будетъ,
 Пива и вина не пивати будетъ,
 Сладкого меду не кушивати,
 Съ миленькимъ по садику не гуливати.—

¹ В рукописи: «на пружу», литера «и» надписана сверху.

л. 1 об.

4

Сколь_ко на пе_чи лу_чин_ки,
 < Сей часть при_шель у_казъ, >

Сколько на пѣчи лучины,
 Столько на сердцѣ кручины;
 Сколько на морѣ трески,
 Столько на сердцѣ тоски;
 Сколько на грядѣ моркови,
 Столько на сердцѣ любви;
 Сквородникъ на печи,
 Сквородочка въ печи,
 Ты немного хлопочи:

Десяточка два(-)три
 Блинковъ испѣкчи.
 Двое ходить, двое бродить,
 Двое сойдутся,
 Двое обоймутся,
 Поцѣлуются,
 По старому закону
 Четыре на кону; (+)¹
 Сей часъ пришелъ указъ,
 Целоваться по сту разъ.—

¹ В рукописи: «накону». Выставленный в конце строки крест в скобках указывает на сноску внизу страницы: «Четыре раза».

5

Край дорожки (<,) край пути,
 На ракиномъ кусту,
 На малиномъ листу,
 Соловей гнѣздышко свиль.
 Кабы кустышекъ не миль;
 Соловей гнѣзда не виль,
 Малыхъ дѣтокъ не плодилъ.
 Кабы дѣвка не мила,—
 Не любилъ бы я тебя.
 Цѣловала, миловала,
 Колечушкомъ даровала;
 Серебряное колечко —
 Печальное сердечко;
 Съ позолотой перстенёкъ, —
 Сушить, крушить друженёкъ.
 У меня (<,) у молодой (<—)
 Три забавы велики,
 Есть три ленты широки.
 Перва лента алая,
 И съ печали малая;
 Втора лента вишневая,
 Прошла слава лишняя;
 Третья лента со кистми,
 ъдетъ милой со вѣстми.

л. 2

6

ЛѢ _ тить го _ лубь, лѢ _ тить си _ зой

со го _ лу _ буш _ ко _ ю.

Лѣтитъ голубь, лѣтитъ сизой
 Со голубушкою.
 Душа красная дѣвица
 Со удалымъ молодцомъ.
 Позади идутъ товарищы⟨,⟩
 Присматриваютъ,
 Присматриваютъ,
 Приговариваютъ:
 ⟨«⟩Кабы эта красна дѣвица
 У молодца была;
 Тобы эта красна дѣвица
 За молодцомъ жила.
 Взялъ бы золотомъ обсыпаль,
 Жемчугомъ обсадиль.
 Лѣтнею порою
 Во каретѣ бы возил;
 Зимною порою
 На очаговскихъ саняхъ;
 На очаговскихъ саняхъ,
 На ямскихъ лошадахъ.
 Что на кучерѣ сибирка
 Нѣмецкаго сукна,
 Нѣмецкаго сукна –
 Питербургскаго шитья⟨»⟩.
 Кладу голубя на ручку,
 Не тѣшится,
 Переложу на другую⟨,⟩
 Не ворохнется.–
 Ай кышь⟨,⟩ голубь⟨,⟩ домой,
 Полѣтай⟨,⟩ сизой⟨,⟩ домой,
 Полѣтай⟨,⟩ сизой⟨,⟩ домой
 Ко голубушкѣ своей;
 Сизой голубь зворковалъ⟨,⟩
 Голубушку цѣловаль;
 Голубушка сворковала⟨,⟩
 Голубчика целовала.–

л. 2 об.

7

Хо – дить ку – на по бо – ру, да по бо – ру,

Ходить куна по бору⟨,⟩ да по бору,
 Щи⟨п⟩летъ¹ траву лебеду⟨,⟩ да лебеду.
 Она ж⟨н⟩етъ² и берет⟨,⟩ таки беретъ,
 В бѣлый фартучекъ кладет⟨,⟩ таки кладетъ.
 Я кого⟨,⟩ сударь⟨,⟩ люблю, таки люблю,
 За себя его возму, таки возму;
 Кого не люблю, не люблю,
 Того на сторону, на сторону.–

¹ В рукописи описка: «щитлеть».

² В рукописи описка: «жуеть». Как правило, в мезенских текстах встречается «рвет». См.: Песенный фольклор Мезени № 138, Киреевский-II/1, № 1214 (30).

8

Ул — комъ шла, < Да пе — ре —
 ул — комъ шла; Клу — бокъ
 ни — то — чекъ на — шла; Клу — бокъ >

Улкомъ шла; (до)¹
 Да переулкомъ шла;
 Клубокъ ниточекъ нашла;
 Клубокъ катится(>)
 Нитка тянется;
 Клубокъ <-> далъ, далъ, далъ,
 Нитка <-> долъ, долъ, долъ;
 Я за ниточку взялась,
 Моя нитка сорвалась,
 Тутъ и пѣсня извѣлась.—

¹ Вероятно, описка, вызванная несоблюдением переписчиком графики текста.

9

Дѣв_ки ши_ли ко_веръ,

Дѣв_ки ши_ли ко_веръ,

Вы_ши_ва_ли,

Вы_ши_ва_ли.

Дѣвки шили коверъ(>)	(2)
Вышивали.	(2)
Вышиваючи коверъ(>)	(2)
Говорили(>) ¹	(2)

Говорили Соловейку (2)
 Молодому (<:)² (2)
 <«) Ты не вѣй гнѣзда (2)
 При долинѣ (<,)– (2)
 При широкой при долинѣ (<,) (2)
 На осинѣ. (2)
 Ты совѣй гнѣздо (2)
 При бѣсѣдѣ (<,) (2)
 При которой при бѣсѣдѣ (2)
 Дѣвицы сидѣли (<») (2)

¹ В рукописи: «Говорили:».

² В рукописи: «Молодому.».

10

Ѣ _ халь пань,

Ѣ _ халь пань,

Е _ ще Ѣ_ халь пань отъ кня _ зя пьянь,

Е _ ще Ѣ_ халь пань отъ кня _ зя пьянь,

Ѣхаль пань. (2)

Еще Ѣхаль пань отъ князя пьянь. (2)

Сронилъ пань (<,) (2)

Сронилъ пань шабку модную (<,) (2)

Модную (<,) суконную.

<–) Поди, поди (<,) дѣвица,

Поди, поди (<,) красная,

Подними шабку модную,

Черную суконную.

<–) Я жъ пану (<,) я (<,)– (2)

Я жъ пану не слуга,

Молодому не вѣрная.

Служечка, служечка,

Служечка я отцу (<–) матери,

Своему я роду племени.–

На _ па _ да _ ла по _ ро _ ши _ ца,

Нападала порошица,
 Нападала молодинька,
 Что на землю на талую,
 На траву на муравую,
 На цвѣточки лазуревы;
 Что по той по порошицы,
 Что по той по молоденькой(,)
 Не бѣл заюшка скачетъ,
 Не бѣляюшка пляшетъ;
 Еще скокъ(-)поскокъ зайко,
 Скокъ по чистому полю,¹
 По широкому раздолью;
 Еще хльнь(-)похльнюшки,²
 Выбирай семѣюшку,
 Себѣ ростомъ(,) дородствомъ,
 Себѣ нарвень обычемъ(,)
 Красотою дѣвичьей.—

¹ В рукописи: «плю», «о» вставлено над словом.

² В «Новой серии Киреевского»: «Хльнь (Арх.) — мелкая рысца, неторопливый бег лошади» (Вып. II. Ч. 1. С. 388). Согласно Далю, хльнуть: «натечь, набежать, налететь во множестве, потоком, толпой». См.: Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1909. Т. 4. С. 1194.

Коз _ ликъ мой, коз _ ликъ,
 < Бѣ _ лой куд _ ре _ ва _ той, >

Козликъ мой, козликъ,
 Бѣлой кудреватой,
 Холостъ(,) неженатой;
 Отведу я козла(,)
 Во чистуе поле;
 Стой(,) мой козель,
 Стой(,) не качайся,
 Бѣлая береза,
 Стой(,) не шатайся;
 Красная дѣвица,

Ходи⟨,⟩ не ломайся;
 У моего милаго⟨,⟩
 Передь окошком⟨,⟩
 Озеро широко,
 Бѣлой рыбы много;
 Дайте⟨-⟩подайте⟨,⟩
 Шелковъ неводъ,
 Выловлю, выловлю
 Бѣлую рыбу;
 Съ кѣмъ же мнѣ будеть⟨,⟩
 Бѣлу рыбу кушать?
 Кушать ⟨м⟩не⟨,⟩ кушать
 Съ миленькимъ дружечкомъ;
 Кушай⟨,⟩ мой дружечикъ⟨,⟩
 Сахарный кусочикъ.—

13

Вдоль бы_по по рѣч_кѣ, вдоль по Ка_зан_кѣ
 Си_зой се... се_ле_зень пло_веть,
 Си_зой се... се_ле_зень пло_веть.

Вдоль было по рѣчкѣ,
 Вдоль по Казанкѣ
 Сизый селезень пловеть. (2)
 Вдоль по бережку,
 Вдоль по крутому
 Добрый молодець идетъ, (2)
 Чешеть свои кудри,
 Чешеть свои русы
 Частымъ грѣбнемъ⟨,⟩ грѣбешкомъ. (2)
 Самъ со кудрями,
 Самъ со русыми
 Разговариваетъ: (2)
 «Кому⟨,⟩ мои кудри,
 Кому⟨,⟩ мои русые⟨,⟩
 Вы достанитесь чесать, (2)
 Доставались кудри,
 Доставались русые
 Красной дѣвицѣ чесать⟨.⟩— (2)

л. 4

Ай, она умѣтъ,
 Ай, она горазда(,)
 Мои кудри чесать,
 Мои русы убирать!⟨⟩–

14

На у _ ли _ цѣ ди _ во, ва _ риль чер _ нець пи _ во,

Чер _ не _ чикъ ты мой, чер _ нець мо _ ло _ дой.

На улицѣ диво,
 Вариль чернецъ пиво,
 Чернечикъ ты мой⟨,⟩
 Чернецъ молодой.

Я пиво сливала⟨,⟩
 Меня разнимало,
 Чернечикъ ты мой,
 Чернецъ молодой.

Бросилась хмелинка
 Да во ручки⟨,⟩ во ножки,
 Чернечикъ ты мой,
 Чернецъ молодой.

Во ручки⟨,⟩ во ножки,
 Во буйну головку,
 Чернечикъ ты мой⟨,⟩
 Чернецъ молодой.

Не дасть мнѣ встряхнуться,
 Не дасть ворохнуться.–
 Чернечикъ ты мой⟨,⟩
 Чернецъ молодой.

Я пойду⟨,⟩ встряхнуся,
 Пойду⟨,⟩ ворохнуся –
 Чернечикъ ты мой⟨,⟩
 Чернецъ молодой;

Пойду⟨,⟩ ворохнуся⟨,⟩
 Дѣвицы поклонюся⟨,⟩
 Чернечикъ ты мой –
 и прочее.–

15

Ой, ми — лень — кой,
 < Лю — без — нень — кой,
 Кру — тымъ бе — реж — комъ и — дешъ, >

Ой, миленькой,
 Любезненькой,
 Крутымъ бережкомъ идешь,
 Радость⟨,⟩ пѣсенки поешь;
 Что души красной дѣвицы
 Въ теремъ голосъ подаешь:
 Чтобы слышила милая,
 Не дремала⟨,⟩ не спала,
 Дружка въ гости ждала.
 На крыльчко выходила,
 Съ молодцомъ рѣчь говорила (:)¹
 ⟨«⟩Здравствуй⟨,⟩ душечка молодчикъ,
 Удалая голова;
 Про насъ люди говорятъ:
 Всѣ сосѣдушки бранять,
 Любить дружка не велятъ⟨»⟩.

¹ В рукописи: «говорила;».

16

Не спа — си — бо и — гум — ну то — му,

Не бла — го — дар — ствуй без — со — вѣст — но — му,

Не спасибо игумну тому,
 Не благодарствуй безсовѣстному,
 Молодешенька въ чернечки стригутъ,
 Зеленешенька подстригиваютъ;
 Не мое дѣло къ обѣдни ходить,
 Не мое дѣло молебны служить;
 Только мое дѣло игрища собирать,
 Только мое дѣло скакать да плясать.
 Посашенцо на лавку брошу,
 Скину монашенцо⟨,⟩¹ на столъ положу;
 Подарю я, подарю сестрицу свою,
 Подарю я, подарю любезненькую. —

¹ В «Новой серии Киреевского»: «Монашенца (Арх.) — клобук, покрывало» (Вып. II. Ч. I. С. 382).

Во лузяхъ⟨,⟩	(2)
Таки во лузяхъ зеленыхъ во лузяхъ⟨.⟩	(2)
Вырасла,	(2)
Вырастала трава шелковая⟨.⟩	(2)
Росцвѣли,	(2)
Росцвѣли цвѣты лазуревые⟨.⟩	(2)
Той травой,	(2)
Ужъ я той травой выкормлю коня⟨.⟩	(2)
Выкормлю⟨,⟩ ¹	(2)
Ужъ я выкормлю⟨,⟩ выглажу его⟨.⟩	(2)
Снаряжу,	(2)
Снаряжу я коня въ золотой уборъ⟨.⟩	(2)
Подведу⟨,⟩ ²	(2)
Подведу я коня къ батюшку⟨.⟩ ³	(2)
Батюшка⟨,⟩ ⁴	(2)
Ужъ ты, батюшка родной мой⟨.⟩ ⁵	(2)
Ты прими,	(2)
Ты прими слово ласковое⟨,⟩ ⁶	(1)
Полюби слово приветливое⟨.⟩	(1)
Не давай⟨,⟩	(2)
Не давай меня за стараго замужъ⟨.⟩ ⁷	(2)
Стараго,	(2)
Ужъ я стараго насмерть не люблю⟨.⟩	(2)
Со старымъ⟨,⟩	(2)
Я со старинькимъ гулять нейду⟨.⟩	(2)
Воть нейду⟨,⟩	(2)
Воть нейду, нейду, не думаю итти.	(2)
Ты отдай⟨,⟩	(2)
Ты отдай меня за ровнюшку.	(2)
Ровнюшку⟨,⟩	(2)

л. 5.

Ужь я ровнюшку насмерть люблю⟨.⟩ (2)
 Съ ровнюшкой⟨,⟩ (2)
 Я со ровнюшкой гулять пойду. (2)

¹ В рукописи: «Выкормлю.».

² В рукописи: «Подведу—».

³ В рукописи: «къ батюшку».

⁴ Первоначально написано: «Батюшку», затем исправлено.

⁵ В рукописи описка: «мною».

⁶ Выставленная первоначально в рукописи цифра «2» исправлена.

⁷ В рукописи: «замужь».

18

Хо - диль, гу - ляль дон - ской ка - закъ,
 Самъ се - бѣ не - вѣ - сту вы - би - раль.
 Ай лю - ли, ай лю - ли,
 Самъ се - бѣ не - вѣ - сту вы - би - раль.

Ходиль, гуляль донской козакъ,
 Онъ себѣ невѣсту выбираль,
 Ай люли, ай люли⟨,⟩
 Онъ себѣ невѣсту выбираль.—

Хорошая, пригожая⟨,⟩
 Поди замужъ за меня,
 Ай люли, ай люли,
 Поди замужъ за меня.

Не пойдешь: ты вспокаешься⟨,⟩
 Воспомянешь молодца,
 Ай люли,¹ ай люли,
 Воспомянешь молодца.

Пойду, схожу къ сосѣдушкамъ,
 Разспрошу каковъ козакъ.

Ай люли, ай люли,
Разспрошу каковъ козакъ.—

Сосѣдушки, голубушки,
Похвалите мнѣ его,
Ай люли, ай люли,
Похвалите мнѣ его.

Спасибо вамъ (>) сосѣдушки,
Благодарствуй (>) любезеньки,
Что похвалили мнѣ его.
Ай люл(и),² ай люли,
Что похвалили мнѣ его!—

¹ Первоначально записано «люлю», затем исправлено поверх написанного.

² В рукописи описка: «люлю».

Вечершнія песни.

л. 6

19

Воз _ лѣ рѣч _ ку, воз _ лѣ мо _ стикъ,

Воз _ лѣ рѣч _ ку, воз _ лѣ мо _ стикъ,

Воз _ лѣ рѣч _ ку, воз _ лѣ мо _ стикъ тра _ ва рос _ ла,

Воз_ лѣ рѣч_ку, воз_ лѣ мо_стикъ тра_ ва рос_ ла.

- Возлѣ рѣчку, подлѣ мостикъ⟨,⟩ (2)
 Возлѣ рѣчку, подлѣ мостикъ трава росла. (2)
 Трава росла муравая,¹ (2)
 Трава росла муравая, шелковая⟨.⟩ (2)
 Ужъ я въ три косы косила⟨,⟩ (2)
 Ужъ я въ три косы косила ради дружка. (2)
 Ради друга, ради гостя, (2)
 Ради друга, ради гостя дорогова⟨.⟩ (2)
 Какъ задумаль моя радость, (2)
 Какъ задумаль моя радость⟨,⟩ другъ, жениться. (2)
 Не на душеньки на красной⟨,⟩ (2)
 Не на душечки на красной на дѣвицы. (2)
 Что на горькой⟨,⟩ на злощастной, (2)
 Что на горькой, на злощастной на вдовицѣ. (2)
 Какъ поѣдешь, моя радость, (2)
 Какъ поѣдешь⟨,⟩ моя радость, другъ⟨,⟩ жениться⟨.⟩ (2)
 Приворачивай⟨,⟩ надѣжда, приворачивай⟨,⟩ надѣжда⟨,⟩ (2)
 Приворачивай⟨,⟩ надѣжда, другъ⟨,⟩ проститься⟨.⟩ (2)
 Естли ты не приворотишь⟨,⟩ (2)
 Естли ты не приворотишь⟨,⟩ другъ⟨,⟩ проститься⟨.⟩ (2)
 Черезъ рѣченку поѣдешь, (2)
 Черезъ рѣченку поѣ(е)дешь, объвернешься⟨.⟩ (2)
 Черезъ быструю поѣдешь⟨,⟩ (2)
 Черезъ быструю поѣдешь⟨,⟩ другъ⟨,⟩ – потонешь. (2)
 И меня ты⟨,⟩ молоденьку⟨,⟩ (2)
 И меня ты⟨,⟩ молодешеньку⟨,⟩ вспомянешь⟨.⟩ (2)

Возлѣ рѣчку, подлѣ мостикъ трава росла
 муравая, шелковая, ужъ я въ три косы косила ради дружка, ради друга, ради гостя, ради друга, ради гостя дорогова, какъ задумаль моя радость, какъ задумаль моя радость, другъ, жениться, не на душеньки на красной, не на душечки на красной на дѣвицы, что на горькой, на злощастной, что на горькой, на злощастной на вдовицѣ, какъ поѣдешь, моя радость, какъ поѣдешь, моя радость, другъ, жениться, приворачивай, надѣжда, приворачивай, надѣжда, приворачивай, надѣжда, другъ, проститься, естли ты не приворотишь, естли ты не приворотишь, другъ, проститься, черезъ рѣченку поѣдешь, черезъ рѣченку поѣ(е)дешь, объвернешься, черезъ быструю поѣдешь, черезъ быструю поѣдешь, другъ – потонешь, и меня ты, молоденьку, и меня ты, молодешеньку, вспомянешь.

л. 6 об.

20

<-> Ах, гдѣ, же_на, бы_ ла? Гдѣ, су_ да_ры_ня, бы_ ла?

— Я бы_ ла, су_ дарь, бы_ ла у по_ па въ го_ стяхъ,

Я бы_ ла, су_ дарь, бы_ ла у по_ па въ го_ стяхъ,

<— А и > что, же_ на, пи_ ла, что су_ да_ ры_ ня, пи_ ла?

<—>Ахъ, гдѣ(,) жена(,) была?
 Гдѣ(,) сударыня(,) была?
 <—>Я была(,) сударь(,) была] 2
 У попа въ гостяхъ.
 <—>А что же ты пила?] 2
 Что(,) сударыня(,) пила?
 <—>Я пила(,) сударь(,) пила] 2
 Много пива и вина.
 За твое(,) сударь(,) здоровье] 2
 Стоканъ меду выпила.
 <—>Спасибо тѣ(,) жена(,)] 2
 Не забыла ты меня!
 <—>Ахъ(,) какъ тебя забыть,] 2
 У мня сердце болитъ;
 Промѣняла бы тебя] 2
 Я на молоденькаго(,)] 2
 На молоденькаго(,)] 2
 Да чернобровинькаго.—

Ахъ, гдѣ же жена была?
 Гдѣ же сударыня была?
 Я была сударь была
 У попа въ гостяхъ.
 А что же ты пила?
 Я пила сударь пила
 Много пива и вина.
 За твое сударь здоровье
 Стоканъ меду выпила.
 Спасибо тебѣ жена
 Не забыла ты меня!
 Ахъ какъ тебя забыть,
 У мня сердце болитъ;
 Промѣняла бы тебя
 Я на молоденькаго
 На молоденькаго
 Да чернобровинькаго.—

Во по - лѣ бе - ре - за сто - я - ла,

Во по - лѣ куд - ря - ва - я сто - я - ла.

Ай, лю - ли - лю - ли, сто - я - ла.

Ай, лю - ли - лю - ли, сто - я - ла.

* Вероятно, описка. По аналогии с 5-м тактом следует ход в басу: А - а.

Во полѣ береза стояла(,)
 Во полѣ кудрявая стояла;
 Ай(,) люли(-)люли(,)¹ стояла(.) (2)

Нѣкому березы заломати(,)
 Нѣкому кудрявой защипати.
 Ай(,) люли(-)люли(,) защипати(.) (2)

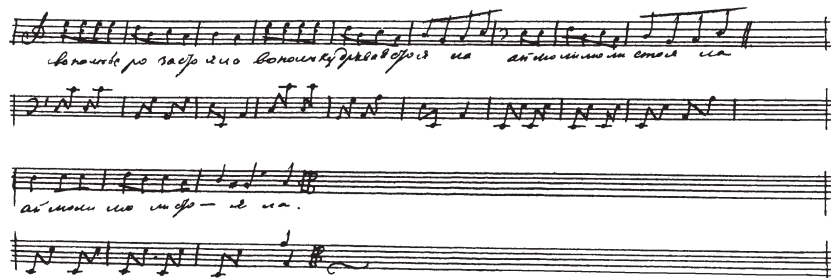
Я(,) молоденька(,) востренька(,) (2)
 Ай(,) люли(-)люли(,) востренька(.) (2)

Я пойду⟨,⟩ заламаю⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ заламаю⟨.⟩	(2)	
Выломлю три пруточка⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ три пруточка⟨.⟩	(2)	
Сдѣлаю ² три гудочка⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли, три гудочка.⟩ ³	(2)	
Третию ⟨-⟩ балалайку⟨.⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ балалайку⟨.⟩	(2)	
Выйду я на новыя сѣни⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ на сѣни⟨.⟩	(2)	
Стану въ балалаечку играти⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ играти⟨.⟩	(2)	
Стану я стара мужа будити,	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ будити⟨.⟩	(2)	л. 7
Старь мой⟨,⟩ стань, пробудися,	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ пробудися⟨.⟩	(2)	
Воть тебѣ помои⟨,⟩ умойся⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ умойся⟨.⟩	(2)	
Воть тебѣ онуча, утрися⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ утрися.	(2)	
Воть тебѣ лопата⟨,⟩ приложися⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ прило⟨жи⟩с⟨я⟩.	(2)	
Воть тебѣ пѣтля⟨,⟩ задавися⟨,⟩	(2)	
Ай⟨,⟩ люли⟨-⟩люли⟨,⟩ задавися⟨.⟩	(2)	

¹ Первоначально записано «ляли», затем исправлено поверх написанного.

² Записано «сдѣлю», литера «а» надписана.

³ В рукописи рефрен выписан в сокращенной форме. В качестве знака повтора используется прочерк.

Кру - гомъ ке - лей - ки хо - жу,

Кру - гомъ но - вы - я хо - жу,

Мла - да ста - ри - ща бу - жу. -

* Вероятно, описка. Следует октавный ход: g - G.

** Вероятно, описка.

По аналогии с предпоследним тактом следует ход в басу: g - G.

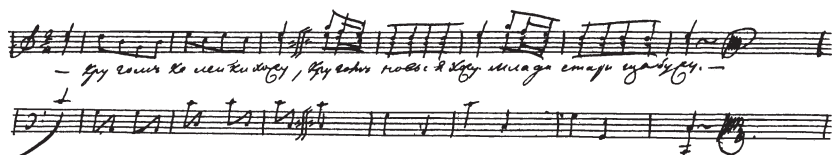
Кругомъ келейки хожу,
 Кругомъ новья хожу,
 Млада старца бужу;
 <->Старець (<,>) стань,
 Молодой (<,>) пробудись:
 Стань (<,>) заутрени звонять,
 На расходъ говорятъ;
 Люди сходятся,
 Да Богу молятся:
 <->Отойди прочь (<,>) подомарь,
 Отойди прочь (<,>) молодой:
 Не могу я стать,
 Головы поднять,
 Голова моя болить (<,>)
 И сердечушко грустить.¹
 Кругомъ горенки хожу,
 Кругомъ новья хожу,
 Младу дѣвицу бужу;
 <->Ай (<,>) дѣвица (<,>) встань,

Молодая(,) пробудись:
 Къ тебѣ миленькой и деть;
 Чаю(-)кофею несётъ:
 Напиться вели(т)ь(,)²
 Позабавиться:
 (-)А встать было мнѣ,
 Поплясать было мнѣ,
 Погулять было мнѣ;
 Поломать костей(,)
 Для любыхъ гостей.

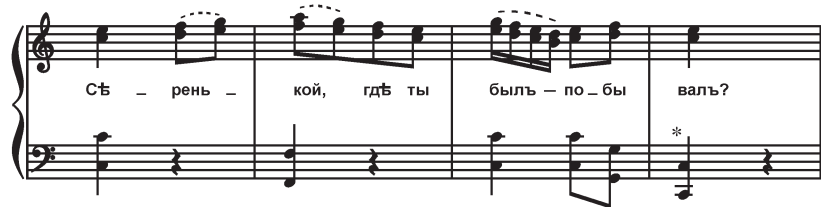
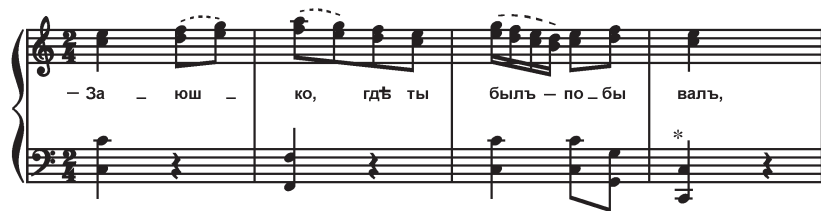
л. 7 об.

¹ Между 15-й и 16-й строками текста имеется прочерк.

² В рукописи описка: «великъ».

23

Быль я, быль я, сердце мой,

Во зе_ле_номъ во са_ду

На пре_крас_номъ на лу<ж>_ку.

* В рукописи — описка: D — с.

<->Заюшко<,> гдѣ ты быль<->побываль,
 Сѣренькой<,> гдѣ ты быль<->побываль?
 <->Быль я<,> быль я<,> пане мой,
 Во зеленомъ во саду.
 <->Заюшко<,> тамъ кого видѣль?
 Сѣренькой<,> тамъ кого видѣль?
 <->Двѣ дѣвицы хороши,
 Красавицы пригожи.
 <->Заюшко<,> тамъ не били ли тебя,
 Сѣренкой<,> не бранили ли тебя?
 <->Били, били, пане мой,
 Били, били, сердце мой;
 <->Заюшка<,> тебя чѣмъ били?
 Серенькой<,> тебя чѣмъ били?
 <->По бокамъ кулаками,
 По плечамъ розгачами.
 <->Заюшко<,> ты не плакаль ли?
 Серенькой<,> ты не плакаль ли?
 <->Плакаль, плакаль, пане мой,
 Плакаль, плакаль, сердце мой.
 <->Заюшко, ужъ ты какъ плакаль?
 Серенькой, ужъ ты какъ плакаль?
 <->Хини, хини, пане мой,

Хини, хини, сердце мой.
 <->Заюшко<,> утѣкати пора,
 Съренькой<,> убѣгати пора,
 Убѣгати, роспрошаться,
 Ниско кланяться. –

Вашо шко едн ми бриво побривашо
 оуден в хан едн ми бриво побривашо? бриво в бриво в мене шко бриво бриво в оуден
 во хане шко во хане шко бриво бриво в оуден

24

< У _ ли _ ца, у _ ли _ ца мо _ я,

Тра _ ва – му _ ра _ ва зе _ ле _ нинь_ка _ я.

Ой, жги, ой, жги, го _ во _ ри:

Тра _ ва – му _ ра _ ва зе _ ле _ нинь_ка _ я. – >

Улица, улица моя,
 Трава<->мурава зеленинькая.

Ой жги, ой жги, говори:
Трава(-)мур(ава) зеленинькая.-

Какъ по улицы молодець идетъ(,))
Вдоль по шірокой (-) удаленькой.
Ой жги, (ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Подъ полою несеть гусельцы,
Подъ другою несеть звончатые.
Ой жги, ой (жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Какъ струна-та загула(,))
А другая выговаривала:
Ой жги(, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Пора молодцу женитися(,))
Холостому время свататься.
Ой жги, (ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Стару бабу за себя ему взять,
Стару бабу на печи въ углу держать.
Ой жги(, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Молокомъ бабу попаивати(,))
Киселёмъ бабу покармливати.
Ой жги(, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Кабы бабы (-) киселя, киселя,
Стала бь баба весела да весела(,))²
Ой жги(, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Какъ бы бабы (-) молока, молока(,))
Стала бь баба молода, молода.
Ой жги(, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Какъ бы бабы (-) сапоги, сапоги,
Ударйла бь въ три ноги, три ноги(,))
Ой жги(, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

Затянула бь баба пѣсенку
Толстымъ, звонкимъ голоскомъ.
Ой жги(, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.-)

⟨«⟩Сынъ на матери снопы возиль,
Молода жена во пристяжки была⟨.⟩³
Ой жги⟨, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.—⟩

Ну, ну, ну же⟨,⟩ моя матушка,
Отдохни⟨,⟩ моя голубушка⟨»⟩.
Ой жги⟨, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.—⟩

Ты⟨,⟩ любима моя пѣсенка,
Я любила тебя дѣвкой пѣть⟨.⟩⁴
Ой жги⟨, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.—⟩

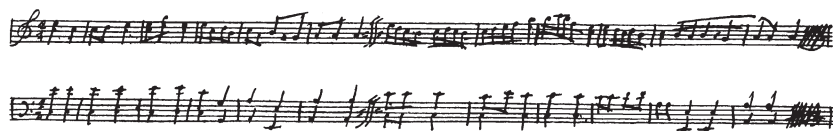
Я любила тебя дѣвкой пѣть,
Пѣть люблю и замужь вышедши.
Ой жги⟨, ой жги, говори:
Трава-мурава зеленинькая.—⟩

¹ Так в рукописи.

² В рукописи: «весела.».

³ В рукописи: «была;».

⁴ В рукописи: «пѣть.».

Какъ у на _ шихъ, какъ у на _ шихъ,
Какъ у на _ шихъ у во _ ротъ.

Ай лю - ли, у во - ротъ,

Ай лю - ли, у во - ротъ.

Какъ у нашихъ, какъ у нашихъ,
 Какъ у нашихъ у воротъ⟨.⟩¹
 Ай люли⟨,⟩ у воротъ,
 Ай люли⟨,⟩ у воротъ.

Стояль дѣвокъ, стояль дѣвокъ,
 Стояль дѣвокъ хараводъ.
 Ай люли⟨,⟩ хараводъ,
 Ай люли⟨,⟩ хараводъ.

Молодушекъ, молодушекъ,
 Молодушекъ табунокъ⟨.⟩²
 Ай люли⟨, табунокъ,
 Ай люли, табунокъ.⟩

Меня дѣвки, меня дѣвки,
 Меня дѣвки кликали.
 Ай люли⟨, кликали,
 Ай люли, кликали.⟩

Молодицы, молодицы,
 Молодицы манили.
 Ай люли⟨, манили,
 Ай люли, манили.⟩

На улицу, на улицу,
 На улицу поиграть.
 Ай люли⟨, поиграть,
 Ай люли, поиграть.⟩

Съ рѣбятми, съ рѣбятми,
 Съ ребятамъ пошутить⟨.⟩³
 Ай люли⟨, пошутить,
 Ай люли, пошутить.⟩

Меня свёкоръ, меня свёкоръ,
Меня свёкоръ не спустиль.
Ай люли⟨, не спустиль,
Ай люли, не спустиль.⟩

Хотя спустиль, хотя спустиль,
Хотя спустиль⟨,⟩ пригрозил.
Ай люли⟨, пригрозиль,
Ай люли, пригрозиль.⟩

Пригрозивши, пригрозивши,
Пригрозивши⟨,⟩ наказаль⟨.⟩⁴
Ай люли⟨, наказаль,
Ай люли, наказаль.⟩

⟨-⟩Гуляй⟨,⟩ сноха, гуляй⟨,⟩ сноха,
Гуляй⟨,⟩ сноха, недолго⟨.⟩⁵
Ай люли⟨, недолго,
Ай люли, недолго.⟩

л. 9

Что недолго, недолго,
Недолго, до поры.
Ай люли⟨, до поры,
Ай люли, до поры.⟩

До вечерней, до вечерней,
До вечерней до зари.
Ай люли⟨, до зари,
Ай люли, до зари.⟩

Какъ зорюшка, зорюшка,
Зорюшка занялась⟨.⟩⁶
Ай люли⟨, занялась,
Ай люли, занялась.⟩

И я⟨,⟩ млада⟨,⟩ и я⟨,⟩ млада,
И я⟨,⟩ млада⟨,⟩ поднялась⟨.⟩⁷
Ай люли⟨, поднялась,
Ай люли, поднялась.⟩

Со бѣсъды, со бѣсъды,
Со бѣсъды собралась⟨.⟩⁸
Ай люли⟨, собралась,
Ай люли, собралась.⟩

Навстрѣчу, навстрѣчу,
Навстрѣчу мнѣ⟨,⟩ младой⟨.⟩⁹
Ай люли⟨, мнѣ, младой,
Ай люли, мнѣ, младой.⟩

Деверѣчикъ, деверѣчикъ,
Деверѣчик молодой⟨.⟩¹⁰

Ай люли⟨, молодой,
Ай люли, молодой.⟩

⟨-⟩Деверёчикъ, деверёчикъ,
Деверёчик, братецъ мой⟨.⟩¹¹
Ай люли⟨, братецъ мой,
Ай люли, братецъ мой.⟩

Спроводи, спроводи,
Спроводи меня домой.
Ай люли⟨, вот домой,
Ай люли, вот домой.⟩

Естьли свекоръ, естьли свекоръ,
Естьли свекоръ станеть бить⟨.⟩¹²
Ай люли⟨, станеть бить,
Ай люли, станеть бить.⟩

Ты приди, ты приди,
Ты приди, отними⟨.⟩¹³
Ай люли⟨, отними,
Ай люли, отними.⟩

Не отнимешь, не отнимешь,
Не отнимешь, прочь поди⟨.⟩¹⁴
Ай люли⟨, прочь поди,
Ай люли, прочь поди.⟩

Не спасибо, не спасибо,
Не спасибо, деверёкъ⟨.⟩¹⁵
Ай люли⟨, деверёкъ,
Ай люли, деверёкъ.⟩

Невѣстѹшки, невѣстѹшки,
Невѣстѹшки не сбѣрѣгъ⟨.⟩¹⁶
Ай люли⟨, не сбѣрѣгъ,
Ай люли, не сбѣрѣгъ.⟩

¹ В рукописи: «у воротъ—».

² В рукописи: «табунокъ,—».

³ В рукописи: «пошутить—».

⁴ В рукописи: «наказаль—».

⁵ В рукописи: «недолго,».

⁶ В рукописи: «занялась—».

⁷ В рукописи: «поднялась—».

⁸ В рукописи: «собралась—».

⁹ В рукописи: «младой—».

¹⁰ В рукописи: «молодой—».

¹¹ В рукописи: «мой,».

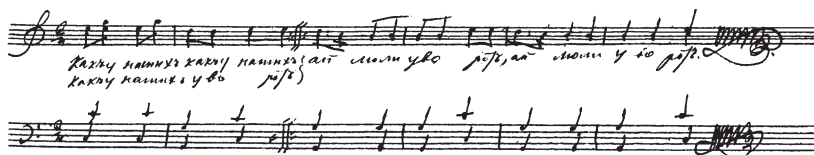
¹² В рукописи: «бить,».

¹³ В рукописи: «отними—».

¹⁴ В рукописи: «поди—».

¹⁵ В рукописи: «деверёкъ—».

¹⁶ В рукописи: «не сбѣрѣгъ—».

По мо-сту-мо - сту, по ка - ли - но-во - му.

Ай лю - ли, ай лю - ли, по ка - ли - но-во - му.

По мосту(-)мосту, да по калиновому.
(Ай люли, ай люли, по калиновому.)

Туть шель(-)прошелъ молодой бурлакъ.
Ай люли, ай люли, молодой бурлакъ.

Молодой бурлакъ, голубой на немъ кафтанъ.
Ай люли(, ай люли, голубой на немъ кафтанъ.)

Изъ семи шолковъ кушакъ(,) опоя(са)нный¹ не такъ(.)²
Ай люли(, ай люли, опоясанный не такъ.)

Со косящатымъ окошечкомъ равняется.
Ай люли(, ай люли, равняется.)

Подъ косящатымъ окномъ дѣвка ткála полотно.
Ай люли(, ай люли, дѣвка ткála полотно.)

Дѣвка ткála и катала, за окошко выпускала.
Ай люли(, ай люли, за окошко выпускала.)

(-)Полъзай(,) милой(,) в окно(,) не сорвется полотно.
Ай люли(, ай люли, не сорвется полотно.)

Какъ сосѣди изъ окна да увидали молодца.
Ай люли(, ай люли, да увидали молодца.)

Еще што за дворянинъ, да по ночамъ ходить одинъ.
Ай люли(, ай люли, да по ночамъ ходить одинъ.)

У него дѣнежекъ немалѣ, одинѣ рубличёкъ въ карманѣ.
Ай люли⟨, ай люли, одинѣ рубличёкъ въ карманѣ.⟩

Рубль денегъ не берутъ, да въ городническу вѣдутъ.
Ай люли⟨, ай люли, да въ городническу вѣдутъ.⟩

Городничій господинѣ, да за столомѣ сидитѣ одинѣ.
Ай люли⟨, ай люли, да за столомѣ сидитѣ одинѣ.⟩

Онѣ не судитѣ и не рядитѣ, только денежки беретѣ.
Ай люли⟨, ай люли, только денежки беретѣ.⟩

Только денежки кладетѣ,³ вину на дѣвицу кладетѣ.
Ай люли, ай люли⟨, вину на дѣвицу кладетѣ.—

¹ В рукописи описка: «опоянный».

² В рукописи: «не такъ».

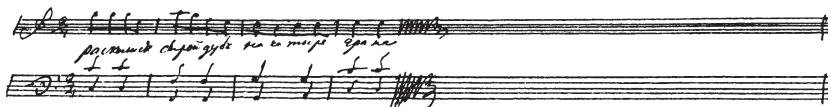
³ Вероятно, описка. Следует: «беретѣ».

27

Расколился⟨, сырой дуб⟨,⟩
На четыре грана;
Ахъ⟨, кто любить чужихъ жёнъ⟨,⟩
Того душа въ адъ;
Ахъ⟨, кто дѣвицу полюбить⟨,⟩
Велико спасенье;
Ахъ⟨, кто красну поцѣлуеть,
Грѣхамъ отпущенье.
Стѣлю, стѣлю подушечку,
Стѣлю пуховую.
Сама знаю⟨, кого люблю,
Того подарю.—

N.1.

рука ты со гонимъ

N.2.

Важко но це неє ханс'я ти, гди до гди - ая пал'ко, но не пал'ко, ая пал'ко та ти
 ох, пенки но не пал'ко ханс'я, ая пал'ко та ти пал'ко - не ти да та пал'ко ая ох

N.3.

руку твою ты рука вачако га - поже не кону - ший, пал'ко, поже не

N.4.

Ох, ая на леем мученик

N.5.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.6.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.7.

руку твою ты рука вачако га - поже не кону - ший, пал'ко, поже не

N.8.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.9.

руку твою ты рука вачако га - поже не кону - ший, пал'ко, поже не

N.10.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.11.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.12.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.13.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.14.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.15.

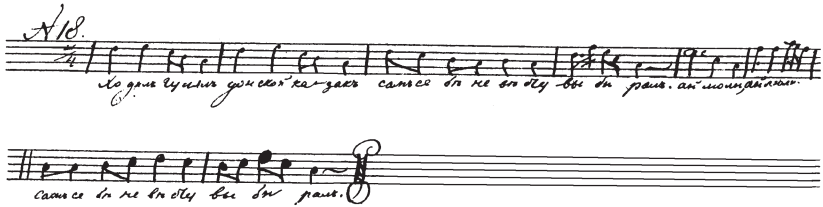
а гди ты на по до жу да по до жу

N.16.

а гди ты на по до жу да по до жу

N.17.

а гди ты на по до жу да по до жу

КОММЕНТАРИИ

1. Обращение к современным записям вызывает сомнение в точности фиксации ритма песни. Редактором предложен вариант нотировки (напев № 1а). Киреевский-II/1 № 1211 (27); Усть-Цильма, № 79.

2. Киреевский-II/1, № 1217 (33).

3. На основе анализа соотношения двустрочного напева с нечетным числом поэтических строк напрашивается вывод о возможности существования концентрической формы музыкально-поэтической строфы. Окончание поэтического текста отмечено прочерком внизу листа. Киреевский-II/1, № 1209 (25); ПФМ № 143; Печора № 109, 125.

4. Пять начальных строчек отмечены слева прямой линией, прочерченной синим карандашом. Возле нее проставлен знак «NB».

Богославский, с. 147, стлб. 2 (с зачином «Сквородочка в печи»); Киреевский-II/1, № 11186 (2); ПФМ, № 143 (с зачином «Сквородочка в печи»); Мякушин, с. 75 (с зачином «Ой да сквородочка в печи»).

5. Киреевский-II/1, № 1294 (18) с зачином «Соловей ты, соловей».

6. Богославский, с. 147, стлб. 1 (с зачином «Летел голубь, летел сизый»); Киреевский-I, № 32 (24); Киреевский-II/1, № 1228 (44); Печора № 81.

7. Киреевский-II/1, № 1214 (30); ПФМ, № 138.

8. Богославский, с. 145, стлб. 1—2 (с зачином «Уж я улком шла»); Киреевский-II/1, № 1212 (28).

9. Киреевский-II/1, № 1199 (15); Печора, № 114, 261.

10. Киреевский-II/1, № 1235 (51)

11. Окончание поэтического текста отмечено прочерком внизу листа. Киреевский-II/1, № 1208 (24).

12. Киреевский-II/1, № 1195 (11).

13. Киреевский-II/1, № 1233 (49).

14. В рукописи текст песни записан столбцом без пробелов. Окончание поэтического текста отмечено прочерком внизу листа. Приписка «и прочее» выделена автором публикации курсивом.

Киреевский-II/1, № 1227 (43); Печора, № 208.

16. Киреевский-II/1, № 1226 (42); Львов-Прач, № 122.

17. В рукописи текст песни записан столбцом. Окончание текста отмечено прочерком.

Суханов, № XXXV (С. 71—73); Печора, № 217.

18. В рукописи текст песни записан столбцом без пробелов. Каждая строфа песни изложена в двустрочной форме. Четные строки объединяют второй стих с рефреном и повтором стиха. Ошибочно выписанная после номера текста цифра «1» зачеркнута. Окончание текста отмечено прочерком внизу листа. Заключительная (6-я) строфа песни в рукописи изложена на трех

строчках. Исполнительская реализация ее возможна либо за счет дробления слогового ритма, либо путем повтора начальной мелостроки. Подобный способ расширения нормативной мелостроки весьма часто встречается при индивидуальном исполнении.

Киреевский-II/1, № 1219 (35).

19. В рукописи текст песни записан столбцом.

Суханов, № XLVIII (С. 99—102); Печора, № 218; Львов-Прач, № 103; Герстенберг-Дитмар, № 2; Рупин, № 16.

20. В рукописи текст песни записан столбцом.

21. В рукописи текст песни записан столбцом без пробелов. Две начальные строфы песни изложены в двустрочной форме: в четных строках объединены второй стих с рефреном. Далее каждая строфа излагается однострочно.

Суханов, № XXXIX (с. 79—81); Львов-Прач, № 62; Герстенберг-Дитмар, № 64.

22. Богославский, с. 146, стлб. 2 (с зачином «Вкруг я келейки хожу»); Киреевский-II/1, № 1229 (45).

23. В рукописи текст песни записан столбцом. Поэтический текст отделен от нотного прочерком.

Богославский, с. 145, стлб. 2—146, стлб. 1 (с зачином «Заюшко! Скажи, где ты был?»); Киреевский-II/1 № 1217 (33); Контаминация с песней «Заюшко по сеничкам дыбки, дыбы, дыбы».

24. В рукописи текст песни записан столбцом без пробелов. Каждая строфа песни изложена в двустрочной форме. Четная строка объединяет второй стих с рефреном, записанным в сокращении.

Львов-Прач, № 79; Герстенберг-Дитмар, № 5.

25. В рукописи текст песни записан столбцом без пробелов. Каждая строфа песни изложена в двустрочной форме. Четная строка объединяет второй стих с рефреном, изложенным начиная с 3-й строфы в сокращении.

Львов-Прач, № 96; Герстенберг-Дитмар, № 21.

26. В рукописи текст песни записан столбцом без пробелов. Начиная со второго стиха присутствует рефрен, изложенный далее в сокращенной форме. Подтекстовка в нотной записи позволяет предположить, что текст рефрена в начале песни был случайно пропущен переписчиком.

Киреевский-II/1, № 1175 (3); Трутовский, № 35; Львов-Прач, № 89.

27. Киреевский-II/1, № 1220 (36).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В ЗАПИСИ А. А. ШАХМАТОВА

Публикация и комментарии В. И. Ереминой

Выдающийся языковед, историк литературы и культуры конца XIX—начала XX в. А. А. Шахматов, не будучи по своим профессиональным интересам ни фольклористом, ни этнографом, сумел образцово записать крупнейшие для своего времени коллекции олонецких сказок, калужских песен и причитаний и подготовить одну из наиболее совершенных этнографических работ начала XX в. — «Мордовский этнографический сборник».

Летом 1884 г. студент первого курса А. Шахматов совершил свою первую экспедицию в Олонецкую губернию с целью изучения местных говоров. На выбор им именно Олонецкого края несомненно повлияли результаты поездки сюда известных собирателей 1860—1970-х гг. П. Н. Рыбникова,¹ А. Ф. Гильфердинга² и историка русского языка М. А. Колосова,³ давших помимо записей памятников народного творчества, захватывающих по новизне и интересу, еще и ценные для лингвиста сведения по диалектологии. М. А. Колосов записал в Олонецкой губернии сказки, свадебные и игровые песни и снабдил свои записи обзором фонетических особенностей, ударений, форм словообразования, синтаксиса.

Узкая цель поездки А. Шахматова заключалась в проверке своих выводов о судьбе букв «е» и «ять» в русском языке, но результаты ее оказались значительно шире.

Свою экспедицию в июле—августе 1884 г. А. Шахматов начал из Петрозаводска, затем он обследовал северо-запад Олонецкой гу-

¹ *Рыбников П.* Об особенностях олонецкого наречия // «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». СПб., 1867. Ч. IV. С. 275—299.

² *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины. СПб., 1873. С. VII—XLVIII.

³ *Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии в области северовеликорусского наречия // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук (далее: ОЯС). СПб., 1977. Т. XVIII. С. 117—207.

бернии по берегу Онежского озера и через Кондопожскую волость Петрозаводского уезда, где он пробыл довольно долго, двинулся дальше на север в Повенецкий уезд.⁴ Он выбрал для экспедиции столь глухой район, так как надеялся «найти там обособленный от влияния городских наречий говор, в котором вместе с тем резко сказывались бы диалектологические особенности».⁵ Путевые заметки А. А. Шахматова отразили его строго научные интересы.⁶ В них совсем нет этнографических описаний, не нашли свое отражение и какие бы то ни было записи, связанные с его личными впечатлениями от увиденного. В экспедиционных заметках Шахматова собраны образцы народного говора (ААН. Ф. 134, оп. 1, ед. хр. 225, л. 1—121, 20 об.—21, 34), выписки из местного архива загадок, пословиц, суеверий и примет (Там же. Л. 13—14. Записи 1848 г.), толкований снов (Там же. Л. 17—18. Записи 1858 г.), выписки из Архангельских губернских ведомостей 1847 г., из Вологодского собрания 1885 г., Пинежского собрания 1850 г. (Архив РГО. I, 10, л. 49), из «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» (Там же. Л. 53—53 об.) и т. д.

Лингвистические наблюдения за местными говорами А. Шахматов отразил в отчете, прочитанном им на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое проходило 3 октября 1884 г. в Политехническом музее. В своем докладе он отметил, что говор в Кондопожской волости Петрозаводского уезда не отличается чистотой, так как в нем заметно смешение наречий, а также сильное влияние петербургского говора. В Заонежье А. Шахматов имел возможность наблюдать «два говора, очень сильно отличающиеся один от другого».⁷ Первый говор был обнаружен им в Великогубской волости Петрозаводского уезда и Шуньгской Повенецкого и был назван Кижешуньским (или ляпающим). Второй говор, отмеченный в Толвуйской волости Петрозаводского уезда, получил название Толвуйского. «Нужно заметить», писал в своем отчете А. Шахматов, что «между этими двумя народностями — Кижешуньской и Толвуйской — лежит очень существенное различие, в особенности, если поставить это замечание {...} в связь с наблюдением покойного Гильфердинга относительно того, что кижские певцы „совершенно иначе поют былины, чем толвуйские“».⁸

Занимаясь диалектологией, исследователь неизбежно становится и этнографом, и фольклористом, так как диалектология сама по себе есть дисциплина вспомогательная, и частью она входит в языкознание, а частью в этнографию. «Это соприкосновение диалектологии и этнографии имело результатом то, что Алексей Александрович [Шахматов] посте-

⁴ Материалы экспедиции А. А. Шахматова см.: ААН. Ф. 134, оп. 1, № 80. См. также: *Шахматова-Каплан С.* Олонецкие фольклорные записи А. А. Шахматова // *Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье.* Петрозаводск, 1948. С. 11.

⁵ *Шахматов А. А.* Отчет об этнографической поездке в Олонецкую губернию // *Тр. этнографического отдела ОЛЕАЭ.* М., 1886. Т. 48. Вып. 1. Кн. 7. С. 53.

⁶ *Шахматов А. А.* Путевые заметки // ААН. Ф. 134, оп. 1. № 225.

⁷ *Шахматов А. А.* Отчет об этнографической экспедиции в Олонецкую губернию. С. 54.

⁸ Там же.

пенно становился и этнографом, не ставя, впрочем, этнографии своей ближайшей специальностью».⁹ В свою первую экспедицию А. Шахматов записал значительное количество фольклорного материала, причем в отношении точности фиксации звука записям Шахматова нет равных в русской фольклористике. М. К. Азадовский, оценивая качество записей А. Шахматова, писал: «Нужно признать, что безукоризненных записей памятников фольклора очень мало, — записи диалектологов бывали часто наименее удачными. Это потому, что они стремились, главным образом, уловить фонетические и морфологические особенности говора, вслушиваясь в „слова“, часто теряли из виду речь в целом, отсюда меньшее сравнительно внимание к целостному строю народной речи, к ее синтаксису. Записи Шахматова в этом отношении действительно безупречны, хотя чисто фольклористические проблемы в ту пору его менее интересовали».¹⁰

И тем не менее фольклористические результаты первой поездки А. Шахматова в Олонецкий край оказались очень значительными: он записал 71 сказку, 10 былин, большое количество свадебных песен и причитаний, 30 загадок и 2 духовных стиха, которые впервые публикуются ниже.

Духовные стихи А. А. Шахматов записал в Кондопожской волости в деревне Верхне-Заднее, расположенной в пяти километрах от села Кондопога от одной из лучших сказительниц этого района Степаниды Юплиновны Тараевой (ААН. Ф. 134, оп. 1, л. 4, с. 2—8; л. 4, с. 4, столб 2; л. 5, с. 1). От С. Ю. Тараевой помимо духовных стихов А. А. Шахматов записал сказки, былины и свадебные причитания.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1. О Егории Храбром и Елисафии

- Перево́й горóд-помóр горóд,
Дру́гой го́род-ца́рьсво Рахлы́нское.
Как помóр — город он сквозь землю шоў,
Херувíм — горóд он огнём пошоў.
- 5 На то́о ца́рьсво Рахлы́нское
Напу́щаў Госпо́дь змей люты́ў.
Она́ нача́ла ходи́ть по го́роду,
Ема́ть (jíмать) се́би голо́ву.
[Первуа]́ голо́вушку се́би ку́рячью,
- 10 А в дру́гих голо́вушку скотíнную.
Те́перь ты́х го́лов мало́ в ца́рьсвии ста́витця,
А те́перь змей да́ надо го́лова
А голо́вушка це́ловецька.
То́гда всё ли ца́рьсво сволно́ва́лося,

⁹ *Истрин В. И.* А.А. Шахматов как ученый // Изв. ОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. 25. С. 24.

¹⁰ *Азадовский М. К.* Предисловие // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск. 1948. С. 7.

- 15 Весь наро́д в одно́ место съежжались,
 Съежжались вси царú-царúци,
 Ай вси корóбли, коралéвици.
 Приежжял к ним в думу
 Тут Огапит-царь.
- 20 И ёны думу́ думáли о гóловах,
 О голо́вушках о целовеце́ьских.
 Ай совет дали да кúдать же́ребей,
 Кúдать же́ребье́ да о голо́вах,
 Что кому́ иттú да ко синю́ морю,
- 25 Ко лютой зме́й на съедёнье,
 Ко проклятой зме́и на прожрэние.
 [Тогда] а пошоу́ домой да е Ога́пит-царь,
 Как стречала ёго да молодá женá,
 Мо́лода царица госуда́рыни,
- 30 Она здрасвова́ла своему́ мужу́:
 «Ох, что здравсвуй, му́ж мой Ога́пит-царь,
 А ты что же царь идёшь кручиноват,
 Ты кручиновя́т да царь печаловя́т,
 К не собаки ль ты да приоблаили,
- 35 И не добры́ люди ты приогба́или,
 Аль ты обчесьтво, да царь, обидило,
 Аль в кумпаньи тибя приубняли».
 А тут есть спорречúт Огапит-царь:
 «Ай же, мо́лода цярица-госуда́рыни,
- 40 Не собаки меня приобла́ели,
 Не добры люди меня огба́или,
 Ме́ня обчество не обидило,
 Ме́ня в кумпаньи царя не обнесли,
 А тут сове́товали кидать жеребёй,
- 45 Кидать жеребей о голо́вушках целовецеских.
 Выпада́л тут жеребеи на царьский двор,
 Да на царьский двор, да на меня́ царя,
 На меня́ царя да на Ога́питá».
 Как спрого́ворит мо́лода жонá,
- 50 Мо́лода царица-госуда́рыни:
 «И не кручинися царь и не печáлуйся,
 У нас есть-то дóчи да едина́я,
 Дочь едина́я, дитё любимо́е,
 Молода ли Адисафия Агапевна;
- 55 Она не нашу веру она верует,
 А не нашим Бо́гам ёна молитця.
 Она веру верует хресья́нскую,
 Ёна Богу молитця роспятому,
 А мы ю даим да ко люто́и зме́й,
- 60 К люто́и зме́и даим на съедение́,
 Ко проклятой даим на прожрэние.
 Ты по́ди-тко, царь, да к сво́ей дочери,
 А во свётлу по́ди свётлицу
 А во нову по́ди к ней во горницу,
- 65 Ты е хрёс полóжи по-писа́ному,
 Ты поклон веди да по-учёному,
 А на́ вси четырё да на сто́роны.

- Ты е здравствуй своей милой дочері. —
«Уж ты здравствуй, моя дочь премилаа,
70 Молода Алисафия Агапевна.
Я тиби, дочі, нынь радóсть скаж́у,
Я те радость скáжу, дочь, вели́кую,
Что с той стóронушки да с Земли Руськоёй,
Зёмли Руською да при́ши сватовá.
75 А при́шли сватовá да дочку свáтати.
Я тебя, дочи, хоч́у зам́уж отдáти
А во тую Зёмлю во Руськую.
Там не нашим Бóгам ёны молотца,
Ёны Бóгу молотца росп́ятому́.
80 Ты ставáй-ко, молодá Лисафия,
Ты ставáй по утрышку ранешенькó,
Умывáйся, дóчи, ты белешенькó,
А снаряжайся, дочька, хорошóхонько,
А тибя, дочі, да тут смотреть будут».
85 Не дос́уг тогда былó Огапиту,
Не дос́уг ёму да тёмной ночки спать,
Ёму вряд ли былó добрых коней искать,
Добрых конюшков да неезженных,
А не ежденных да не дёкченых.
90 Он взыскал курётушку чóрну́ю,
Курёту чорную да ету тёмную,
В туи курётушки да есть детинушка,
Детинушкá ла повáленой.
Прямо едёт он да к Алисафии,
95 Приеидял тут к неи да на белой двóр,
Тóгда вставáла молода Алисафия,
Умывáла личинько белоё,
Утирала лицько своё белоё,
Выходила óна тут на белый двор,
100 На белом двори да томный конь стоит,
У нёго гóлова да повишенá,
А тут стоит курётушка черная.
Подходила к курётушки девушкá,
Молода Алисафия Агапиевнá,
105 Говорила рíчи ёна томны:
«Ай же, молодóй ты дитинушка,
Ты дитинушка да е повáленой,
Подожди меня да ты минутой час,
Погоди девица снарядитися,
110 Я не смёню, бедна, слова родительска,
Я пойду беднá ко синю́ морю́,
А к лютой змеи да на оседени́е,
Ко проклятой на прожрени́е».
Тогда мóлódá Олисафия
115 Цветно платьицё роздеваласи,
А в чорно платьицё снаряжаласи,
А тут бралá в руки́ книгу евангельсќу,
Тут бралá три йконы Божиих,
[Три иконы Божиих]:
120 Первую икóну самому Христу,

- Другую икону причистой Богородици,
Третью икону Ёгорию Храброму.
А ёна Господу помолиласи,
К мать-земли ёна да поклониласи,
125 [На покло] (а во двор ёна тут есть пошла),
А с покою ёна да во двор пошла,
Приходила она к лошадке томнёй,

Ко куретушки да ко черноёй.
Ёна с батюшкóмы попротиласи,
130 В резвы ноженьки паклониласи.
А только видли девушку в курету сядучись,
А не видли девушки поедучись,
Привезиу дитинка да поваленой,
Привезиу тут ён ю ко синю морю.
135 Становиу к кусту ко ракитову.
Тут прощаласи, благословляласи
С молодым детинушкой поваленим:
«Ты прости меня, доброй молодёць,
А на веки мене нерушимую».
140 Тогда молода да Алисафия,
Тогда брала иконы она Божия,
Приставляла к кустышку ракитову,
Ёна стала просить да Господá,
Самого Христа пря небесного,
145 Во в других просить пречисту Богородицю,
В трётых просить Ёгория Храблго.
Стала чítать книгу да Евангеля.
Прóлила слезы да с глаз горячии.
А как зглянула ёна во в чисто полё,
150 Во в чисто полё, во синё морё,
А во чистом поли да ажно конь бежит,
На добром кони дóброй молодёць,
Доброй молодёць и ён усажёнй,
Прямо едет ён да ко кусту ракитову,
155 И прямо едет он да к Алисафии,
К Алисафии к Агапиевной.
Он тут скрыкнул тогда жалким голосом:
«Ай же молодá Алиса́фия,
Алисафия ты Агапиевна,
160 Ты держи у меня да добра коня,
Ты возьми в руки да шолков повод,
Ты свежи коня да к кусту ракитову,
Поищи же ты да Алисафия,
Поищи же у мня буйной голóвы,
165 Уж я так, молодёць, отдохнуть хочю,
Ты головушкó у мня поискивай
И на синё морё ты поглядывай,
А как сколыбнется да синё морюшко,
Как расходитца страшная волна,
170 Тут покажется да змея лютáя,
Ты тогда меня да со снó буди».
Стала молода да Алисафия,

- Стáла головушку јискать у нёго.
 Как зглянула ёна на синё морё,
 175 Синё морюшко скалыбалося,
 Страшнаа волна да росходилася,
 А змёя лютая да оказалосья.
 Тут плувёт змея ухвиляетця.
 И я теперь, змея, да выдь сыта будú,
 180 И есть дви головы мни чоловецёцких,
 [Еще дви] третья голова да лошадиная.
 Тут расплакалась Алисафия,
 Пролила с очей горючй слезы,
 У ней слёзыньки призакапали
 185 К добру молодцю на бело лицё.
 Тут доброй мóлодець он со сну скочиў,
 [Доброй молодець он со сну скочиў],
 Он скакал на своёго добрó коня,
 Ён-то в ручку брал жозло востроё,
 190 Ён тут стал да е по полно разъеждивать,
 Разъеждивать да разгуливать,
 Уж ён стал змею ён ту меать-топтать,
 Меать-топтать и жозлом колоты,
 И ён жозлóm колоў да приговариваў:
 195 «А уж ты быдь, змея, ты кротка, смирна,
 И [уж] ты кротка, смирьна, как скотиника».
 Тут как рыкнул добренькой да молодець:
 «Ай же, молода да Алисафия,
 Алисафия Агапиевна!
 200 Ты возьми-тко свой да шолков пояс,
 Ты свяжи змею на шелков пояс,
 Ты веди змею в царьство Рахлынское,
 Ты веди змею к своему отцю,
 К своему вотцю веди на белый двор».
 205 Тóгда молодá Алисафия
 Подавала ёна как шолков пояс,
 А Егорию свет тугда Храбломú
 Подавала јёна свой шолков пояс.
 Ён связал змею на шолко пояс,
 210 Ён давал змею да Олисафии.
 Алисафия прослезиласй,
 Очи ясныя да помутилися,
 В белом личенькй кров измениласй.
 Ёна Ёгорию свету да скорýласй:
 215 Ёна в ноженьки поклониласй:
 «А Егорей свет и ты мой батюшкó,
 Как свёду змею в царьство Рохлынское,
 Мни куды ю класть к своёму вотцю».
 «Ты веди к отцю да на белый двор,
 220 Станови к стоўбу ко точному,
 А к околечку свяжи золоченому».
 «Дай-ко, батюшка, заповедь великую,
 Чтобы поверовали веру рускую,
 А чтобы строили церкви соборныи,
 225 А три церкви строили соборныя,

- А перву церковь е да самому Христу,
 Дру́гу церкву е пречистой Богородици,
 А третью церковь е Ёгорию Храблому,
 А угоднику ещё Божию,
 230 А помощнику да Алисафину́.
 А ты сведи змию спусти да во синё морё,
 Ты спусти змию на кру́ты бе́регá.
 А тут змия тогда да россыпалася,
 Прироссыплется на змиёныши,
 235 А по земли [бы] жёны да будут плавати».
- Тогда молодá да Олисафий
 А проводила змею в царство е Рахлыньскоје,
 Приводила к батюшку к белу́ двору́.
 Тут как крыкнула́ жалким голосом:
 240 «Ай же, батюшко мой Огапит-царь,
 И отвори́й-ко ты мни свой белый двор,
 Ты пусти змию да на белый двор,
 А во тоё царство да Рахлыньскоё.
 Я спущу змию когда на волюшку,
 245 А приест ёна вас да до единого,
 Не оставит вас ёна вас на си́менá».
- А тут спугался батюшко Огапит-царь,
 Возмолился дочери премилое:
 «Уж ты здравствуй, дочь моя любезная,
 250 Не губи меня, свогó отця́,
 Царя́ Огапита́, и мы поверуём да веру руськую,
 Дам я клятву ту да великую
 И я сострою церкви три соборных:
 Перву церьков е самому Христу,
 255 Другу церьков е пречистой Богородици,
 Третью церьков е Ёгорию Храблому,
 А угоднику ещё Божию,
 А помощнику да Алиса́фину».
- То́гда взяла мо́лода да Алисафий
 260 Ёна взяла змию за шолков пояс,
 Ёна свела змию ко синю́ морю́,
 Ёна то́укала ю да в кру́тый бережок.
 «Ты россыплись-ко, змея лютая,
 На жолты песочки меленьки,
 265 А на маленьки да на змеёныши.
 Пу́щай по́ земли жёны плавают,
 А головушок пушай не трóгают.
 А во веки веков аминь,
 Алисафии славу поим».

2. О страшном суде

- Плачу́ я, рыдаю́, смеёратные час замышляю,
 Душá с телом росставалося.
 На страшен суд зготовляласи умерши,
 От гробов встанут, с небес сойдёт суда праведен,
 5 С небес сойдет Михайла Архангел.

- С престолом сойдет он со Господним,
На гóру сойдёт на Фараоньску,
Во вострубит он да в трубу злату.
Все земля опокетсется,
- 10 Солнышко к мисяцю таются
И звезды все на землю сподуть.
В другой раз вострубит в трубу злату:
«Ставайте-тко, умерши из гробов,
Которы вам праведные души,
- 15 Ставайте полком вы одную
Воротитесь лицами ко востоку —
Отвержены райски вам двери,
Сготовлена райская вам пища,
Ризы нетленны износилися».
- 20 Споречит Михайла Архангел:
«Ставайте вы, грешники и грешници,
Ставайте поўком вси о шую,
Ставайте под западовы лицьями,
Станьте к остоку вы хребтамы,
- 25 Сотвориў Господь вам вечну муку
Отныня вам мука до века.
Там будет вам река огнянная,
Будет люта смóла кипячоная,
Будет вам олово горячее».
- 30 Росплачются грешные души,
Припадут Михайлы на коленка:
«Ай же ты, Михайла, наш архангел,
Что ли ты нас в рай не спущаешь,
Небесного царьствия лишаешь».
- 35 «Ай же вы, грешеные души,
Вы сторожены от Адама и от Иеўвы,
Сосланы были на ту рудную землю
Ради вы душевного спасения.
Вы ведь брат е брата не любили,
- 40 Суседа суседом не нарекали,
Дитей жидовами называли,
Жида у Христа света проклятыё
Именем Господним».
- Тут воструб Михаил как архангел
- 45 В третий раз вострубит трубу злату
Горы и щелья распадутся,
От остока протечет река,
Прольёт река огнянна,
Пожрет река эта огнянна,
- 50 Пожрёт горы и каменя
Со скотищем, пожрет она со звёрямы,
Со всею нечистою тою силою.
Пожрёт рика ёще огнянна,
Грешников пожрёт рика огнянна.
- 55 Во веки веков аминь.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. О Егории Храбром и Елисафии

В русской традиции известны два сюжета духовного стиха о Святом Георгии: мучения Егория и змееборческий о Егории и царевне (так называемые «большой» и «малый» стихи). Различные варианты стиха о Егории и царевне получили распространение преимущественно в районах Русского Севера, Поволжья, в Белоруссии, Смоленской области и среди русских старообрядцев Латгалии и Причудья. Публикуемый текст представляет собой полный вариант духовного стиха «О Егории Храбром и Елисафии (Олисафии)», получивший распространение в севернорусской традиции. Сюжет включает в себя 22 традиционно устойчивых мотива (подробный анализ всех известных вариантов «малого» стиха и схемы развития действия см.: *Хлыбова Т. В.* «Стихи о святом Георгии — Егории» (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории текста. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1994). В письменной традиции стих «О Егории Храбром и Елисафии», как и большинство духовных стихов эпического плана, не получил широкого распространения и дошел до нас в рукописных сборниках духовных стихов в единичных списках.

Литература: *Веселовский А. А.* «Разыскания в области русских духовных стихов». СПб., 1880. Вып. 2; СПб., 1891. Вып. 6; *Киричников А. И.* «Святой Георгий и Егорий Храбрый». Исследования литературной истории христианской легенды. СПб., 1879; *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909; *Соколов Б. М.* «Большой стих о Егории Храбром». М., 1995.

2. О страшном суде

Стихи эсхатологической направленности о конце света и о страшном суде получили широкое, повсеместное распространение, преимущественно в старообрядческой среде. Основа сюжета стиха «Плачу я, рыдаю...» — страшный суд и последующее за ним наказание грешников. По тематике и структуре (центральный эпизод стиха представляет собой диалог между Михаилом-архангелом и душами грешников). Стих «Плачу и рыдаю...» близок к известным духовным стихам о Михаиле-архангеле (см.: *Варенцов В.* «Сборник русских духовных стихов». СПб., 1860) и «Плачу я и ужасаю» (см.: *Бессонов П.* «Калики перехожие». М., 1863. Вып. V). Однако текст стиха оригинален и не является вариантом и компиляцией вышеуказанных текстов.

Многочисленные варианты стиха см.: Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. Н. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2. Терский берег Белого моря // Тр. музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т. 2.

НАРОДНАЯ ПРОЗА ИЗ АРХИВА В. И. СМИРНОВА

Публикация и комментарии С. В. Гавриловой

В. И. Смирнов — известный собиратель русского фольклора, ученый, краевед. Его статьи и публикации в Трудах Костромского научного общества по изучению местного края¹ давно получили широкое признание у фольклористов. Располагая большим фольклорным материалом, В. И. Смирнов не только публиковал его сам, но и предоставлял его для публикаций. Например, в предисловии А. А. Ширского к легендам Ветлужского края есть указание на то, что данные легенды — это извлечение из его записей, сделанное В. И. Смирновым: «Ему же принадлежит и труд по сопоставлению». Сами же записи хранятся в г. Костроме в архиве Костромского научного общества по изучению местного края.² В Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) в архиве В. И. Смирнова также находятся записи А. А. Ширского и многих других собирателей, в том числе и его собственные.

Публикуемые ниже тексты разнородны: это легенды, сказки и былички. Правила орфографии и пунктуации соблюдены в той мере, в какой они соблюдались в рукописи. Основные паспортные данные (собиратель, исполнитель, время и место записи) там, где они присутствуют, пишутся в том порядке, в каком мы их видим в рукописи. Тексты пронумерованы. Архивные шифры и комментарии к текстам приводятся в конце публикации.

¹ См., например: *Смирнов В. И.* 1) Потонувшие колокола. Третий этнографический сборник // Тр. Костромского научного общества по изучению местного края. 1923. Вып. XXIX; 2) Чёрт родился (творимая легенда) // Там же; 3) Отношение деревни к войне. Костромская деревня в первое время войны // Тр. Костромского научного общества. 1916. Вып. V.

² *Ширский А. А.* Из легенд Ветлужского края. Третий этнографический сборник. Кострома, 1923. С. 5.

ПРО СЕМЁНА ИВАНЫЧА

Жили-были муж с женой. Они жили бедно; у них было семь детей. Вот так они бедно жили: день поедят, два погодят, детям дадут по корочке — сами голодные сидят. Был Семен Иваныч и Пелагея Ивановна. Оне уж никак себя не звали, как — Семен Иваныч, а другую — Пелагея Ивановна. И вот оне как обеднели, в большой бедности были. Он все сапожничал, подметки шил. Шил, а деткам, милая, поись нечево. Была у них корова бурая. Пелагея Ивановна и говорит: «Семен Иваныч, давай буренку продадим». Семен Иваныч согласился буренку продай, привел месника. Месник им только 7 рублей дал за корову; корова охудала, оголодала — одним стенам кости. Дал семь рублей; купили мучки. С'ели мучку — опять нет.

Снитца месняку: «што я Семену Иванычу мало дал? дам еще 3 рубля». Семену Иванычу и снитца [тоже]: «Пелагея Ивановна, мне приснилось, што пришол месник, нам прибавил 3 рубля! — Это хорошо. — Купили опять пудик мучки — опять с'ели». Идет старичок седенький и проситца начевать. У них изба была малинькая; два окошка волоковые (?). И проситца начевать: «Пустите меня, пожалуйста, ночевать, — Милый дедушко. Пустили бы тебя ночевать, да прокормить нечем». — Вот: «мне, говорит, — не надо твоей кормешки, я накормлю твоих детей.» Вот пришол старичок, дал всем детьми поесь и их покормил. Вот и говорит: «Семен Иваныч! брось ты это мастерство, иди на большую дорогу и клади камешки в полусажонки.

Пошол, это мастерство бросил, полусажоночки клась, камешки стал рыть Семен Иваныч. И нашол драгоценный камень: «Куди (?) мне эту штуку девать? Деткам отдам играть, хоть ись просить не будут!» Вот принес, дал детьми играть.

У них был мальчик Иванушко. Играли-играли, розбили этот камент. Этот Иванушко взял камешок, пошол на дорогу играть. Вот едет полковник; остановился против мальчика. Мальчик напугалс (?) — побежал домой. Пелагея Ивановна испугалас: «Што ты бежишь?» И у ево камешки из подола сыплютца. Вот приходит полковник в избу и спрашивает: «Как тибя, хозяйюшка, зовут?» «Пелагея Ивановна испугалас, ничево и не говорит — испугалас. — «Пелагея Ивановна — А где у тебя хозяйин?» — «На большой дороге». — Што делает? — «Камни кладёт». — Иди по нево немедленно. — Жена накиннула пальтушонки и побежала к Семёну Иванычу. «Семен Иваныч! (Беги) беги скорей домой — што-то Иванушко наделал на большой дороге.» Ну вот Семён Иваныч побежал домой. Полковник спрашивает; «Скажи, хозяйин, как тебя зовут?» — Полно-ко, не

спрашивай, как меня зовут. — Он уж напугался, дрожит. Потом сказал: «Семён Иваныч.» «Семён Иваныч, што ты не бери, только продай камни»: Семен Иваныч обрадовался; «да вы хоть так-то забирайте, только идите из изба,» Насыпал ему [полковник денег] полную хатину и уехал.

Ну, зделалса Семен Иваныч богатой, зделалса. Сам себе выстроил терём, нанял себе прислуг — хожалок, за Пелагеой Ивановной прислуживать и за собой прислуживать.

Вот зделал он бал-менинник. Созвал тут всех купцов, багачов, всю свою комисию. Вот идёт старичок нищенькой и просит у них пообедать. — «Семен Иваныч, какой-то мужик просит пообедать». — «Ну, ма.. (?) ево тут, не надо!» — «Нет, говорят, — уходи. Опять приходит старичок, отдохнуть проситца — «Семен Иваныч! старик проситца отдохнуть.» — Ну, досуг мне! Такие у меня купцы да бояре сидят. — Опять идет старичок: «Укройте меня от темной ночи». — Семен Иваныч, старик проситца ночевать! — «Ну, ево в жопу коленком, да дайте ему в шею раза!» Так зделали — прислуга распорядилас — в шею дала да в жопу коленком.

Нашол старичок там столб. Старик обмакнул палец в рот и написал слова: «Был Семен Иваныч беден, а топерь богат и сотворил себе ат.»

Вот выходит Семен Иваныч и гледит на слова: «Што такое? — говорит, — што за слова?» Приходит прислуга. И велит: «стешите топором!» Оне тешут, а оне светлее... — «Закрасить их!» Што красят, то они веселее. «Зажгите столб!» Оне зажгли, а усадьба-та вся и пыхнула.

И остался он опять на голи. А старик это был сам Христос истинный.

(Запис. от Агнии Ефимовны (фам. неизв.), кр-ки д. Юрцево, Белореч. в. Костр. у. 14 авг. 1925 г. Л. С. Китицыной).

2

(ИВАНОВ)

Вот набирал восударь войское. Вот, милая, набирал войско. Собрали тучи, посадили их обедать. Был бедный Иванов солдат, бедной, рваной, просто плохой солдатишко. Вот сели обедать. Ест такие богачи солдаты — всяких вить много. Иванов говорит: «Кто богат, у тово разума нет». Другой солдат говорит: «Почему ето разума нет? Государь богат, неужели у него нет разума?» Иванов: «Именно, — говорит, — нет».

Пошел такой солдат к восударю: «Иванов говорит, што у вас разуму нет». Вот! — «Призвать ево, сукина сына, сюда, Иванова!» Вот Иванов приходит: «Зачем, ваше величество, миня требовали?» — «Почему ты говоришь, што кто богат, у того разуму нету, а кто беден — есть?» — «Именно так.» — «Расстрелять ево, сукина сына, как ворону!» — Он говорит: «Положено, так расстреляйте, а не положено — нельзя». Восударь говорит: «Ну, Иванов, если у тебя разума много, то происсортуй ты их, произведи».

Вот взял мешок денег Иванов, пошел на базар. По базару ходит прынец с королёвой дочкой. Вот привёл в гостиницу, заказал напиток про королёву дочку. Оне надо рублѣф, а Иванов на 100 рублѣф. Ну, вот прынец спрашивает королёвой дочки: «Как бы, душечка, нам с тобой повидаться?» — «Вот отвори окно, спушшу полотно, тебя приму в окно», — это она говорит. Прынец свое уши развешал, а Иванов послушивает. Прынец полное своё брюхо набивает, Иванов подходит к окну, она отворяет окно, протенула полотно и принела. Запечалился Иванов, королёва дочка и спрашивает: «Што ты, душечка, не весел?» — Я, — говорит, — пооптерялся, кольцо я, — говорит, — именное потерял». — «Ладно, — говорит, — я сичас тебе кольцо папашино дам. Вот ушол.

Опять приходит к государю. Государь спрашивает: «Ну што, Иванов?» — «Рассортивал, ваше величество, ещё не хватило». — «На тебе два мешка денег сортовать, коли ты умён, а я глуп».

Пошел опять на базар, купил всё на себя. Прынец ходит по базару, клюшечкой повёртывает, с королёвой дочкой под ручку. Пошел в гостиницу. Прынец заказывает напиток на 200, а Иванов на 300. Вот опять прынец, опять: «Душечка, как мне с тобой повидатца?» А она опять также: «Спушшу полотно, приму в окно». А Иванов опять уходит, крепко натвёрживает. Опять подходит к окну. Королёва дочка ево принела. Опять почесновалис, посидели. Опять запечалился Иванов. — «Што ты, милой, не весёлой?» — «Я пооптерялся: немецкие часы папашины потерял». Она ему обратила часы. Опять ушол.

Идёт к царю. «Ну што, Иванов, издержал деньги?» — «Ещё не хватило». — «А всё в рубашки ходишь! На тебе три мешка, произведи в дело!»

Вот пошел Иванов опять на базар. Вот прынец опять ходит по базару, клюшечкой повётывает, со своей мамзелей. Опять повёл в гостиницу, заказал ещё выше, а Иванов опять ещё выше тово. Прынец спрашивает: «Как, душечка, нам с тобой повидатца?» — «А опять так: через полотно да в окно». Ну, вот пришел, спустила полотно. Иванов опять загоревал. Ну, оне тут почесновалис, посидели. — «Што ты, милый, больно не весел?» — «Ну, да

не очень смею сказать». — «Ничего, говори!» — «Да мне хочетца немного помаратца, вот». — «Ничего, ничего, не стоит, я, — говорит, — тебе чичас папашину тарелочку подам». Подала тарелочку, ну, тут он сходил, поправилса — «Куды мне девать?» — «Да погоди, выхлесну в окошко». — А там прынец строчит под окошком, слушает, как она с Ивановым-то чеснуетца. Она и хлоп ему на плеша: покрыла, как лепёшку посадила. Так оне тут почесновалис. Она подарила потрет с себе.

Прынц говорит: «Ах, душечка, как ты мне вчера лепёшку посадила, подштуила». Королёва дочка только за роток.

Проходит к государю. — «Ну што, Иванов, истратил?» — «Всё израсходовал, ваше величество». — «Ну, ты теперь, Иванов, коли эдакой умной, да дотошной, дак принеси, — говорит, — с королёвой дочки патрет» — «Да я её на лицо приведу самою». Государь обиделса: «да раза она за тибя пойдёт?»

Ладно — так делу быть. Собралса дамой, чесь честно нарядилса, отца мать взял и поехал по королёву дочку. И приехал к царю с королёвой дочкой. Вот оставил её в кибите, своё именье взял, коло неё положил, опять своё плохое надел.

Приходит к царю. Восударь спрашивает: «Што, Иванов, принёс ли портрет?» — «Да я, государь, не только патрет, а самоё». А царь и рот разинул и жопу раздвинул, дыру насквозную. Вот дак Иванов.

(Запис. со слов Агнии Ефимовны (фамилия неизвестна), кр-ки д. Юрцево Белореч. вол., Костр. у. 14 авг. 1925 г. Л. С. Китицыной).

3

ПРО МЕДВЕДЯ

Жили-были старик со старухой, у них была дочка Машенька. Поехали они однажды в гости, а Машеньку дома покинули. Сидит она дома и слышит: наверху что-то заухало. Пошла она посмотреть, что там ухаёт, а там сидит медведь. — «Красная девица, я есть хочу! Красная девица, я есть хочу!» Накормила его Машенька. Он два каравая съел. Пошла она вниз, а он и закричал: «Упаду, ушибусь! Упаду, ушибусь!» А она отвечает ему: «Падай, Господь с тобой! Падай, Христос с тобой!» Он вдруг как шмякнется, и сделался перед ней сундук с золотом да со всякими нарядами. Приехали батько с маткой, а она вся в шелках ходит.

(д. Соткино Варнав. у. запис. Е. Каллистова, 1913, расск. В. Веселова, 14 л.).

ВАНЯ ДУРАЧЁК

У одного мужика было три сына, младшим был Ваня дурачёк. Мать не любила Ваню. Вот отец послал их дрова рубить. Мать напекла двум сыновьям белых лепёшек, а Ване — пополам с золой. Идёт мимо их лесом мужичёк и говорит старшему: «Дай мне поесть!» А старший сказал: «Пойди к чёрту, мне самому не хватит». Тогда он подошёл к другому, и тот ему не дал. Подошёл к Ване дурачку, а Ваня сказал: «Дам я тебе, да оне у меня с золой». Сели вместе на пенёк, дурак вынял лепёшку и подал старику. Вдруг перед ними показался пирог, какого Ваня и во сне не видал. Пошёл потом лес рубить, а топор так и ходит. Пока братья нарубили сажень, дурачёк нарубил десять.

(с. Сунчурово, Пушкинск. вол. Костром. губ. и у. запис. учит. В. А. Воскресенская).

СКАЗКА

Жил был старик, а у него было два сына и дочь. У старика было много денег, да и скуп он был очень. Чует, что смерть приходит. Вот он деньги и зашил в подушку. Видела это десятилетняя его внучка. Пришли дети с поля, старик и говорит: «Эту подушку положите со мной в гроб». Когда он умер, эту подушку положили ему в голову. Стали искать после него денег — нигде нет.

Один говорит: «Ты украл». А другой говорит: «Ты украл». Долго они ссорились. Девочка и говорит: «Деда в подушку деньги зашил». Взяли лопаты и пошли разрывать могилу. Раскрыли гроб, стали вытаскивать, а у него вокруг шеи змея. Они его так назад и бросили и никогда о деньгах не вспоминали.

(с. Сунчурово, Пушкинск. вол. Костромск. губ. и у., запис. учит. В. А. Воскресенской).

Какой-то старик, вишь, больно любил деньги и как стал помирать, то зашил тихонько от семьи свои деньги в подушку, а подушку велел положить с собой в гроб, так и сделали. Хватилась семья, как схоронили его, денег, а их нет нигде. Загоревали. Как быть, денег нет, надо подати платить: все знают, что они не бедно

жили — куда же деньги девались. Вот маленькая старикова внучка: «Тягька, я видела, как дедушко деньги-то в подушку прятал». Потолковали меж собой. Решили позвать священника. Раскопали могилу — глядь, а на покойнике-то сидит, обнявши его страшная лягуха. Плюнули и отступились. Видно, дьявол-то уж пришёл к нему — нельзя уж брать деньги-то.

(Ветл. у., А.А. Ширский).

7

ПРО СТАРОВЕРОВ

Жили были старик со старухой и была у них одна дочка, да и та замуж вышла. Вот и пришла она смотреть своих батьку с маткой. Пришла она к вечеру, устала, да и легла на печку. Стали батька с маткой ужинать. Батька и говорит матке: «Буди дочку ужинать». А матка говорит: «Ну, пусть поспит». А дочка не спит, а всё слышит. Поужинали старики и спать легли; а спать-то они легли в другой горнице. А на столе так всякую еду оставили. А были они староверы. Не спит дочка и видит: вылезла из голбца³ пугало, поело всё, что на столе было, и насыпало полное блюдо золота, а само опять в голбец улезло. Лежит дочка ни жива, ни мертва, лежит —дохнуть боится.

На другой день стала она домой собираться. Старик говорит бабе: «Проводи, матка, дочку на лошади». Матка с дочкой едут, а матка и говорит: «Переходите и вы в нашу ту веру, ведь мы теперь не знаем, что пить да есть». А дочка говорит: «Вот погодьте, я мужа спрошу». Доехали они до половины пути, и вылезла дочка из телеги. Отошла с сажень да и говорит: «Не пойду я в вашу ту веру, я ведь видела, как к вам вылезал да денег им клал». Рассердилась старуха: «Кабы сказала ты это мне в телеге, я бы тебя всю в кусочки изрезала». И поехала она домой.

(д. Соткино, Варнав. у. запис. Е. Каллистова, 1913 г. рассказ. Я. Веселов, 14 лет).

8

СКАЗКА

У старика была мельница, а за мельницей росла рябина. Пришёл к нему нечистый и говорит: «Продай, что у тебя за мельницей». Старик и думает: «Что у меня за мельницей? Одна ряби-

³ Голбец — приступка на печке, крышка погреба.

на?» Продал чёрту, а за мельницей стояла его дочь. Жалко стало старику свою дочь, да делать нечего. Взял нечистый девушку и хотел её сделать своей женой, да она не согласилась, отрубил ей руки и пустил её по миру. Шла она, шла, и дошла до царского сада. В саду было много яблоков и свешивались через забор. Рвать ей было нечем, и она прямо кусала. Царь стал замечать обкусанные яблоки и велел стеречь вора. Поймали царские слуги девочку-безручку и привели её к царю. Красоты она была неописанной. Взял царь её к себе в жёны, а руки сделал золотые. В это время случилась война и царь уехал. Без него у жены родился ребёнок. Она послала царю письмоце, а нечистый подписал, что уродец. Царь ответил: «Храните до меня». А чертенок подал другую записку: «Убирайся куда хочешь». Взяла царица ребёночка и пошла с ним по миру. Вернулся царь с войны и спрашивает: «Где же моя ненаглядная царица с уродцем?» Ему говорят, что сам царь велел ей убираться, куда она хочет, и она ушла по миру, а что наследник такой же красивый, как и она. Царь горько заплакал и велел молиться по всем церквам, а сам дал обет ничего не есть, пока не найдёт царицу. Народ напугался, что царь умрёт с голода, все стали искать и скоро нашли её. Все стали счастливы.

(с. Сунчурово Пушкин. в. Костр. у., В. А Воскресенская)

9

ПРО ПРАВДУ И КРИВДУ

Встречаютца Правда с Кривдой. Идёт Кривда по улице, понимаешь, в калошах, при чесах, в цилиндре, што шёл, што голова — слилос, брюхо как у бабы беременной. А правда идёт оборванная, голая, в лаптишках. Вот встречает Кривда Правду: «Здрастуй, Правда! Што ш больно худа?» — «Да разе можно нонче жить? Вот я третий день голодная, холодная». — «Пойдём я тебя напою, накормлю и одену. Только што буду делать, молчи».

Приходят в чайную. Кривда говорит: «Подавай нам обед за 45 рублей с винами да одёжу этому человеку на 30 рублей». Вот стучает: «Сколько с меня?» — «Сорок пять да тридцать — семьдесят пять рублей». Потом опять стучает. Мальчишко приходит: «Што?» — говорит. — «Да как што? Я веть тебе 100 рублей дал, де здачи-то?» Мальчик говорит: «Што с вам, право? Вы говорите правду или врёте?» — «Ах, сукин сын! Позвать хозяина!»

Хозяин приходит: «В чём дело?» — «А вы будите хозяин или заведующий?» — «Хозяин». — «Што вы таких негодяев держите?! Я ему сто рублей дал, а он украл».

Хозяин гледит: такой господин не соврёт и начал мальчишка рвать. Рвал, рвал да за двери и выкинул. Мальчик и заревел: «Правда, Правда, где ты?» А правда-то из-под стола и шепчёт: «Здесь я, да говорить-то мне нельзя».

(Запись от М. Т. Круглова из д. Юрьевца (Юрцево — прим. Гаврилиной), М. С. Китицыной 28/VI 25 г.).

10

ПРО КОЗОНЬКУ

- Козонька, коза, лубеные твои глаза,
где ты, козонька была?
- Я коней пасла.
— Што ты выпасла?
- Жеребёночка.
— Де жеребёночек?
- Микулка увёл.
— Де Микулка?
- В клетку ушол.
— Де клетка?
- Водой её снесло.
— Де вода?
- Бычки вышили.
— Де бычки?
- В ялошняк ушли.
— Де ялошняк?
- Девки выломали.
— Де девки?
- Замуж та ушли.
— Де мужевья?
- Все примёрли.
— Де гроба?
- Все пригнили.

(Запись Л. С. Китицыной от Марфы Яковл. Алексеевой, кр-ки с. Кузнецово, Бычисг. вол. Костр. у. 2 июля 1925 г.).

11

Была у матки неродная дочка, да две родные были дочки. Вот родные были линивые, а неродная была ловкая. Вот и ходили по ягоды. Родные линиво берут, а неродная много наберёт. Они ходили в болотине, в роде как по клюкву. Родные и придумали — давай её убьем и под корш.

Вот убили и схоронили под коршик её, эту девочку. Вот и уродилос три листочка на её могилке. Вот пришли домой, нет неродной дочки. «Де Прасковья?» — «Не знаем де». Пошли искать. Пошла и matka — три листочка шевелятся и брякают: «три сестры ходили, одну уходили, под корш схоронили, не за большую винушку — ягод набирушку». Вот и батькё пошел, и опять листочки зашевелилис: «Три сестры ходили. Одну уходили, под корш схоронили, не за большую винушку, — ягод набирушку».

(Зап. от Марф. Як. Алексеевой, кр-ки с. Кузнецова, Бычих. вол. Костр. у. Л. С. Кितिцной 1 июля 1925 г.).

12

БАБА И ЧЁРТ

Один раз баба пекла блины и вот выскочил к ей из потполья бес и говорит: «Чево ты ето делаешь?» — «А вот блины пеку!» — «А как тебя зовут?» Баба говорит ему, что — «Сама». — «Дайко мне блинок!» — «Погоди я маслица постоплю!» — «Ну ладно!» И он улез опять в подполье. Потом баба взяла и растопила олова; бес вылес опять к ней по блины: баба взяла ето олово и вылила ему на голову, и потом он и замуравкал, и побежал опять в потполье, а там ищо было 9 штук (чертей); те и спрашивают: «Кто тебя?» — а он и говорит: «Сама».

(д. Соткино, Варнав, у. Костром. губ. запис. К. Завойко, 1915 г.).

13

РУССКИЙ И ЕВРЕЙ

Русский и еврей согласились сказывать друг другу праздники, а у обоих были большие бороды. Если русский скажет праздник, то у еврея вытащит волосов, а если еврей скажет, то у русского вытащит.

Еврей и говорит: «У меня праздник Троица» и вытащил у русского 3 волоска; потом и говорит: «У меня праздник Седмица» и вытащил семь волосков из бороды у русского. Русский сказал: «У меня самый большой праздник: высокосный год» и схватил еврея за бороду и вытащил всю.

(с. Сунчурово, Пушкинск. вол. Костромск. губ. запис. учит. В. А. Воскресенской).

КОММЕНТАРИИ

№ 1. Про Семёна Ивановича. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 14. Сюжет «В богатстве правды нет» по СУС № 751 С* = АА* 796 I (2-р., 4-у., 1- б.). Ср.; СУС № 751 А* = АА* 751 II (Бог в гостях). Некоторые мотивы легенды встречаются в сюжете «Чудесные черепки» — СУС № 736*.

№ 2. (Иванов). ИРЛИ, п. 168, к. 1, № 13. В архиве В. И. Смирнова в одной из папок обнаружен материал к биографиям сказителей. Среди множества имен есть и Агния Ефимовна. Вот что там написано: «Агния Ефимовна — к-ка д. Юрцево, Белоречинской в. Костр. у. Она слепая старуха. Ослепла давно. Сказку про солдата „Иванова“ рассказывала на лужке среди большой беседы, гл. обр., баб в праздник. Долго упрасивали. Боялась всего: греха, невестки, тюрьмы. Публика убеждала на разные лады. Глотки у всех устали, а отступитца не хотели: „я с тобой в тюрьму пойду“; — неистовствовала одна баба.

Фамилии Агния Ефимовна так и не сказала. 14 янв. 1925 г. Л. Китицына» (ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 159).

Контаминация сюжетов СУС № 855* ~ АА* 855 (Солдат и царевна), р.-20, у.-4 и СУС № 854 (Золотой козёл, «С деньгами всё возможно»). Ср.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трёх томах. Т. III. М., 1985. С. 328—329, № 30 (Солдат и часы). Подобные сказки встречаются и в сборниках фольклора восточных народов. Возможно, что этот сюжет проник с востока.

№ 3. Про медведя. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 79.

№ 4. Вая-дурачек. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 88. Сюжеты, в которых Бог или святая награждает доброго и щедрого человека, часто встречаются в легендах. Ср.: 750 В (Чудесный странник), 751 А* = АА 51 П.

№ 5. Сказка. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 89.

№ 6. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 68. По СУС № 760 А *** приведен только один белорусский вариант. Ср.: СУС № 760 А**** (р.-1). Сюжет о смерти скупого встречается и в сказках А. Н. Афанасьева: там скупой глотает золотые монеты, а черти затем вытряхивают из него деньги (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трёх томах. М., 1985. Т. 3. С. 82, № 370).

№ 7. Про староверов. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 76. Легенда, явно претерпевшая различные влияния. Сюжет о нечисти, поедающей пищу, необработанную нерадивыми хозяевами со стола, встречается в древнерусской поучительной литературе. В близком значении этот мотив используется и в некоторых легендах, например: *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды. Новосибирск, 1990. № 17. Ср.: СУС № 840 — АА840А. Известно, что, по народным представлениям, посуду не следует оставлять открытой, так как нечистая сила легко может туда проникнуть, иногда достаточно перекрестить ее или положить сверху две перекрещенные лучины. Пищу же положено благословлять, так как неблагословленное кушанье тотчас поедается чертями. В данной легенде «пугало» явно ассоциируется с нечистью, чертом, которое за что-то расплавляется со староверами. Таким образом, легенда отражает взгляды, направленные против старообрядцев. С другой стороны, она напоминает сюжеты детских страшилок о «страшной» матери, что неудивительно, так как легенда была записана у ребенка 14 лет.

№ 8. Сказка. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 146. Сбоку рукописи приписка: Ср. А. М. Смирнов. Сборн. великор. ск. Вып. II, Петроград, 1917, с. 653—656, № 242, с. 842—843 № 330. Контаминация нескольких сюжетов. Начало сказки напоминает сюжет «Отдай, чего дома не оставил» (СУС № 811*), мотив преследования девушки чертом является трансформацией эпизода преследования героини отцом (дядей), который хочет на ней жениться, в сюжете «Оклеветанная девушка» — СУС № 883А = АА 883, там же присутствует и мотив отрубания рук. Наиболее близко к данному тексту сюжет «Безручка» — СУС № 706 (мотивы отрубания рук, ложного письма, навета). История сюжета связана с текстом «Тысячи и одной ночи» (ночи 347—348 — «Рассказ о женщине с отрубленными руками»), с западными средневековыми легендами о Деве Марии, с русской рукописной «Повестью о царевне Персике» XVIII в. Мотив оклеветанной матери встречается и в сюжете о чудесных детях (СУС № 707), там же в некоторых сказках присутствует мотив рождения сына, у которого «по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех

томах. М., 1985. Т. III. № 284. С. 300). В нашей сказке царь делает девушке вместо отрубленных рук — золотые.

№ 9. Правда и Кривда. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 28. Отдаленно напоминает известный сюжет «Правда и Кривда» — СУС № 613. Для данного текста в первую очередь характерно то, что поступок Кривды остается безнаказанным, тогда как в традиционном сюжете обязательно следует наказание. См., например: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трёх томах. М., 1984. Т. I. № 115—122.

№ 10. Про козеньку. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 14. Кумулятивная сказка. См.: СУС № 2016*, 2018 + АА *2015 I.

№ 11. ИРЛИ, к. 168, п.1, № 17. В основе мотива о поющих или говорящих растениях на месте убийства или захоронения лежат тотемические представления. Ср., например, со сказкой «Крошечка-хаврошечка» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трёх томах. М., 1984. Т. I. № 100) — СУС № 511. Похожие мотивы встречаются в балладах (см.: *Смирнов Ю. И.* Восточно-славянские баллады и близкие им формы. М., 1988. № 39, 40, 63), а также в похоронных и свадебных причитаниях.

№ 12. Баба и чёрт. ИРЛИ, к. 168, п. 1, № 72. СУС № 1135 (1-р., 1-у.). Ср.: СУС № 1136 (2-р., 2-б.).

№ 13. Русский и еврей. ИРЛИ, к. 168, п.1, № 87.

ИЗ ПОЛЕВЫХ ЗАПИСЕЙ А. М. АСТАХОВОЙ 1928 ГОДА (Заговоры на Мезени)

Публикация и комментарии Л. И. Петровой

В задачу А. М. Астаховой как филолога-собирателя в составе Комплексной северной экспедиции 1928 г. на Мезень¹ не входило (да и не могло входить в эти годы, по крайней мере официально) обследование заговорной традиции региона. Не способствовала этому и запланированная ориентация на исследование эпического репертуара, поскольку былинные и знахарь редко «уживались» в одном лице. Заметим, что среди мезенских исполнителей, указанных в «Былинах Севера»,² нет ни одного, от которого А. М. Астаховой были бы записаны заговоры. Полевые материалы собирательницы свидетельствуют о том, что в «репертуар» знахарей мог входить только похоронный обряд (описание), иногда — духовные стихи письменной традиции (устной — как исключение: см. примеч. к записям от Т. Н. Грязной, № 84).

Тем не менее результат собирательской работы Анны Михайловны и в этой области оказался весьма внушительным: более 200 заговорных текстов вместе с описанием (хотя и кратким) производимых «ритуальных» действий.³ Учитывая специфику жанра, это свидетельствовало не только об опытности фольклориста-собирателя, но и об умении А. М. Астаховой войти в доверие к деревенским жителям.

¹ Экспедиция была предпринята Секцией крестьянского искусства Государственного института истории искусств, объединявшей в 20-е гг. специалистов разного профиля.

² Былины Севера. Том 1. Мезень и Печора / Записи, вст. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.: Л., 1938.

³ Полевые тетради А. М. Астаховой, а также машинописные копии материалов хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в разряде V, коллекции 5. Далее мы не будем повторять общие сведения о местонахождении конкретной записи, указывая лишь номер папки, единицы хранения и соответствующих листов. Не сообщается также в примечаниях к текстам имя собирательницы (все публикуемые тексты были записаны А. М. Астаховой) и указанный ею регион: Архангельская губ., Мезенский уезд.

В основном, конечно, информацию можно было получить «из вторых рук», то есть от тех, кто знал «словьяця», «словьяця», «эти шептанья» (именно так называли в деревнях заговорные тексты), но сам не знахарствовал. «У нас таких знатливых нет»,⁴ — утверждала одна из женщин, от которой тем не менее записано несколько заговоров. «Таких, кто заговаривает охоту, здесь сейчас нет»,⁵ — говорил знаток охотничьих заговоров и примет.

Впрочем, А. М. Астаховой удавалось делать записи и у тех, кто сам мог «править» (см. примечания к текстам). В этих случаях собирательница едва успевала фиксировать услышанное, полевые тетради оказывались испещренными поправками, почерк становился неразборчивым. «Про себя шепчет быстро. Записывать трудно»,⁶ — констатировала А. М. Астахова.

Весьма ощутимая в ряде случаев неполнота информации об «исполнителях» — не результат недоработки собирателя, а вполне объяснимая осторожность самих «информантов». Думается, что и единичность записей так называемых «черных» заговоров неадекватно отражала их реальную частотность на Мезени в 20-е гг. Судя по пометам в полевых тетрадях, деревенские жители относили к «плохим словам» и «присухи»: «Присуха — худые, я ведь не знаю; присушить — ведь не долго проживешь!»;⁷ «Присухи — это уж <...> нужно чертей просить, тут уж нужно просить дьяволов!»⁸ Весьма четким было деление: «Кто портит — „икотники“». „Икотницы“ — так ругают. Кто пользу приносит — знахарь».⁹ Вера в силу заговора оказывалась идентичной вере в силу молитвы, обращенной к Господу. Так, довольно быстро согласившись дать заговор, одна из женщин сразу спросила собирательницу: «На что? Ведь у меня божественные слова, а ведь теперь не варуют!» Однако «слова на икоту и присуху» она считала «особенными, плохими».¹⁰ Устойчивыми были и свидетельства о том, что способный навести порчу не в состоянии находиться в церкви, так как водится с чертями.¹¹ Таким образом, стоит удивляться не малому количеству зафиксированных на Мезени «черных» заговоров, а тому, что их вообще удалось записать молодому фольклористу, каким была тогда А. М. Астахова.

Не имея возможности опубликовать весь материал по заговору, собранный во время мезенской экспедиции 1928 г., мы стремились представить разнообразие его тематики, обусловленной первостепенными потребностями крестьянского быта, народной иерархией ценностей, в соответствии с которой кормилицу-корову можно назвать, как и хозяйку, «рабой Божьей» и произнести общие для себя и скотины «словьяця» (см., например, № 86, 88, 40).

К сожалению, не обнаружены беловые копии полевых записей заговоров на Мезени. В том, что тексты из черновых тетрадей были переписаны А. М. Астаховой, сомневаться не приходится: в таких случаях Анна Михайловна перечеркивала полевую запись. Имеющаяся же в

⁴ П. 14, ед. хр. 4, л. 26 об.

⁵ П. 14, ед. хр. 1, л. 36.

⁶ П. 14, ед. хр. 1, л. 11.

⁷ П. 14, ед. хр. 1, л. 53.

⁸ П. 14, ед. хр. 5, л. 31.

⁹ П. 14, ед. хр. 1, л. 41.

¹⁰ П. 14, ед. хр. 4, л. 123 об.

¹¹ П. 14, ед. хр. 1, л. 35 об.

нашем распоряжении машинопись грешит не только опечатками, но и искажениями, вызванными неверным или невнимательным прочтением рукописи (к примеру, в заговоре № 95 вместо «катышка» из хлеба фигурировал «костышок»); в машинописном экземпляре № 74 было пропущено целое предложение и т. п.).

В настоящем издании тексты публикуются нами по полевой записи (при ее отсутствии — по машинописной копии). Разного рода сокращения и недописанные окончания слов восстанавливаются по машинописному экземпляру с выделением курсивом отдельных букв (при допущении иного написания слова) или (при необходимости) с соответствующим пояснением в комментариях. Без каких-либо дополнительных оговорок допускается публикация именно по машинописи описания самого магического действия, если это описание отличается от зафиксированного в полевой тетради (иногда — в разных местах ее) лишь выстроенностью фраз, употреблением полных предложений вместо односоставных назывных (что, безусловно, явилось результатом редактирования А. М. Астаховой полевой обрывочной записи при ее копировании для последующей перепечатки).

При подготовке текстов к публикации мы проводили необходимую синтаксическую правку, хотя она и не соответствует интонационным особенностям традиционного произнесения заговора: быстрым шепотом и монотонно (разумеется, если текст не диктовался собирателю). Все проставленные собирательницей ударения сохранены. Особенности морфологии, в том числе старые формы падежных окончаний, по-своему отразившие консервативность жанра, также сохранены без каких-либо изменений. Фонетической правке подверглись лишь единичные случаи фиксации ассимиляции согласных и оглушения согласного в конце слова, поскольку диалектное произношение здесь соответствует литературной норме. В окончаниях глаголов 2-го лица ед. числа проставляется «ь» — как чисто орфографический момент. Дополнительные указания на твердость «ж» и «ш» («жыла»), а также мягкость «ч» («восточней») снимаются. Однако в случае замены какой-либо буквы в записях А. М. Астаховой соответствующая литера подчеркивается. Фрикативное «г» обозначено «г̣». Кавычками отмечены заглавия, принадлежащие самим исполнителям. Заключенные в угловые скобки слова принадлежат публикатору. Для удобства восприятия сведения справочного характера, а также текстологические примечания приводятся непосредственно под каждым текстом.

В заключение отметим, что за последние десятилетия появилось немало работ, посвященных исследованию заговора. Что же касается фактов введения в научный оборот новых записей, то они единичны,¹² а потому полнота изученности жанра остается весьма относительной.

¹² См.: Заговорные тексты в рукописных материалах П. Г. Богатырева / Публикация К. К. Богатырева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 227—231; *Разумовская Е. Н.* Современная заговорная традиция некоторых районов русского Северо-Запада (по полевым материалам 1973—1988 гг.) // Русский фольклор. Том XXVII. (Межэтнические фольклорные связи). СПб., 1992. С. 257—273; *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв. М., 2005.

ЗАГОВОРЫ ОБЩЕИСЦЕЛЯЮЩЕГО ДЕЙСТВИЯ (В ТОМ ЧИСЛЕ СНИМАЮЩИЕ ПОРЧУ)

1. «Призорные слова».

Стану благословесь, по́йду перекрестесь, из дверей дверьми́, из двора воротами — под восток, под восточную сторону. Под восточней стороны стоит океан-море. В океани-мори — златой камень. В златом камне — Божья церковь. Стоит стол, на престоле сидит Матушка Пресвета Богородица, дёржит блюдо медно, нож укладной. То́гда срежу у́рци и порци, и уроки, прикосы — и с костей и из ушей, и из ясных оцей, из белых рук, из резвых ног, из подпятных жил, из ёдной жилы, из ёдной кости, из ёдного сустава, от девки от простоволоски, от жонки-беловолоски, от мужика от цернека́. Как пришли черно́, так же и пойдите черно, как пришли бело, так же и пойдите бело́ — к старому хозяину, к старому атаману! На утренней зори, и на вечерней, и на полуночной — и во всяк день, и во всяк час! Аминь.

(В воду — хоть скотине, и человеку, хошь ребенку, хошь¹ кому — и обкатить. Воды в посудину налить, нож в руки возьми, в воду опустить и говорить. Трою² поговорить.)

П. з. (здесь и далее — полевая запись) — п. 14, ед. хр. 1, л. 5—6; маш. (здесь и далее — машинопись) — п. 12, ед. хр. 4.

Зап. 20 июня в д. Вожгоры — от Лешуковой Татьяны Михайловны, 63 лет.

Примечания: ¹В ркп. наложение «хоть» и «хошь». ²В ркп. перед этим словом: «3 раза», «раза» зачеркнуто.

2. «Призорные».

Господи, благослови! Буди, Господи, милостив ко мне, грешной!¹

Стану благословесь, по́йду перекрестесь из дверей дверьми́, из ворóт ворóтми — выйду в цисто поле, стану под восточну сторону́. Под восточной сторонойё есь океан-морё. В этом океани-мори есь златый камень. На златом камне стоит Божья церковь. В этой Божьей церкви стоит стол-престол. За этим столом сидит Прециста Мати Божья Богородица, в руках дёржит ножик булатной,² черен укладной. Вырезывает у рабой Божьей Анны урци-порци, велики прикосы — из семидесети жил, из семидесети сустав, из единой жилы, из единого сустава на утренней зори и на вечерной, на полуденной, на полуночной, на новцю́ и на ветху, на ущербе и на́ полнее, и на всех на межонных днях! Пришло от девки-простоволоски и от жонки-беловолоски, от мужика от цернека́. И сколь пришло серо́, столь поиди серо́, и сколь пришло бело, столь поиди бело́, и сколь пришло черно́, столь поиди черно́ — к старому хозяину, ко старому отаману в пятую́ и на отворóт! Т(ь)фу! (плюнуть).

(В воду, на гарно масло — всех спользительнее. Ножиком перекрестить. Пить, или мажу.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 87 об.—88 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 160.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Настасьи Федоровны, 62 лет (родом из Ущелья).

Заговоры переняла от старушек.

Примечания: ¹ По свидетельству Н. Ф. Грибановой, это говорится перед началом «слов». ² В п. з. скорее окончание «-ой», чем «-ый» (как в машинописи).

3. «Призорные».

Дунь, Христос, выдунь, Христос, — из девети костей, из три кости, из деветь жил, из три жилы у рабицы Божьей Олександры, из ясных оцей, из могущих плечей, из становой жилы, из цорной максы у рабицы Божьей Олександры — урци-порци, уроки-призоры, призоры-прикосы, цепоты-ломоты, болезны-скорботы! Пойдите к старому хозяину, старой хозяйюшки — на корень, на пету, на отмашку, на отворот — жонке-белоголовке, девке-простошолоске, к мужику-еретику!

(Хошь в воду, хошь в соль, хошь во что! Попьют, либо вымоются, либо обкатятся.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 25; маш. — п. 12, ед. хр. 108.

Зап. 3 июля в д. Палошелье — от Онусьи, 56 лет, жены сапожника (других сведений об исполнительнице нет: возможно, она не захотела их дать).

По словам исполнительницы, «матери призор снимали покойной».

4. «Призорны».

Царь денской, а дедушко водяной! Дай мне воды ключевой смыть и сполоскать с раба Божия младенца (имя) все уроки, и прикосы, и переполохи — с белого тела, и с ретивого сердца, из ясных оцей, и с могущих плечей, и со всех печеней!

(Наговорю в воду и обкачиваю. Хошь сама больна — наговорю и моюсь.)

(В руцей копейку или две спустишь — как парень; как девка — хошь застёжечку.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 119—119 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 131.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — предположительно от Семеновы Натальи Федоровны, 47 лет.

5. «Призорны».

Встану благословесь, пойду перекрестесь, из избы дверьми, из двора воротами во цистое полё. Во цистом поле — окиан-море. В том окиан-мори — тихая заводь. На той на тихой на заводи плавает серый гоголь. На том на сером гоголю не держитса не вода и не роса. Так же на рабой Божьей Дарьи не держались не уроки, не прикосы, и не лихие оговоры, и не ветренны

прострѣлы, и не ночные переполохи — на ветху́ и на новьцѣ, на перекрой месецѣ!

(Боле всё. В воду <наговорить> — и вымыться или обкатиться!)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 82 об.—83; маш. — п. 12, ед. хр. 153.

Зап. 10 июля в д. Малые Нисогоры — от Поздяковой Дарьи Михайловны, лет 60-ти.

6. «Призорные слова».

Стану я, пойду из избе¹ дверьми, по улице — ветром, на сине море. На синем море есть самосветлый² камень. Под тым камнем есть рыба щука. У рыбы у щуки — зубы железны, щѣки булатны. На рабу Божью (Федосью) никто бы не мог подумать, никто бы не мог помыслить!

(Всѣ тут. Проговоришь 3 раза в воду, — водой помыться, обкатить, полить.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 37 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 23.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Салковой Матрены Максимовны, 48 лет, неграмотной.

Примечания: ¹ Так в п. з. В маш. — «из избы». ² Испорченное от «самоцветный» (возможно, впрочем, что слово было произнесено неотчетливо и оказалось нерасслышанным собирательницей).

7. «Призорные слова».

Стану благословесь, пойду перекрестесь из дверей в двери, из ворот в ворота — выйду на широкую улицу, стану в подвосточную сторону. В подвосточной стороны стоит престол, на тим престолы — тридеветь птиц. У тридеветь птиц — коhti железны: клюйте-хватайте у рабы Божьей (имя большого) из ретивого сердца, из ушей и из оцей — на новцю месецу, на перекрой месецю!

Будьте слова ярки и крепки!

(В воду <наговорить>, — обкатить, три глотка дать выпить.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 60.

Зап. 25 июня в д. Лебское — от Гольчиковой Матрены Фотеевны, 36 лет.

8. «Призор».

Шла щука из озера, волокла щука хвост. У щуки хвост синий, глаза — семиглавы, двоеглавы. Она шла и прикосы сымала у рабой Божьей (имя).

(В воду <наговорить> — дать пить, вымытьца, и все.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 190.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Ивановой Степаниды Федоровны, 63 л.

9. «Снимать призор».

Выпали мелкие руцейки, всякие истоцины в Мезень-кормилицу. Выпала Мезень-кормилица во синее море. Во синем мори есть Латырь-камень. Из-под камня из-под Латыря, из-под земли из-под матушки бьёт пучина, здымает и пашет.

Дедушка водяной, дай мне воды — на уроки, на призоры, на переполохи рабы Божьей (имя)!

(Итти по воду. Поварешецкой поцёрпнуть в туюсок, наговорить.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 18.

Зап. 2 июля в д. Засулье — от Бобрецовоы Офимьи Артемьевны, 66 лет.

10. «На разны болезни»

Во имя Отця и Сына и Светаго Духа!

Сходит Исус Христос с небеси из-за темного оболока к рабу Божию (имя) на пособь, на помощь: пособлеть-помогать, все скорби-болезни все вон выживать, уроки-прикосы, икоты-ломоты, килы-грыжи, трёсти-кумохилы, куходы, всякие человеческие невзгоды, баенну нечисть — и отсылает он старого¹ хозяину, хозяйке отворотом, на петы. Он с миром, с маслом, с нетленными ризами: да он миром-маслом раба Божия (имя) помазывает, нетленными ризами покрывает, с головы до ног поливает, с головы на плеча, с плеч на поес, с поеса на резвые ноги. Есь под резвыма ногами сер-горюч камень. Под серым-горючим камнем живёт злая змея огненная со тридевети трема подзмейками. Выходила зла змея лбта огненная к рабу Божию (имя) на пособь, на помощь: пособлеть-помогать, все скорби-болезни вон выживать, все уроки-прикосы, икоты-ломоты, трёсти-[кумохилы, куходы],² всякие человеческие невзгоды, баенны неч(исти),³ человеческую зависть — и отсылает-прогоняет нечистого духа на дню, на ветху, на перекрой месецу, на всех сумёжных днех! Аминь.

(3 раза <проговорить> в деревянно масло. Маслом — крестом на грудь и на ноги, потом выпить. В воду наговорить — и обливать. Добры слова те!)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 23—24 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 147.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — от Никифора Калиныча (фамилия не указана), 75 лет.

Примечания: ¹ Вместо «к старому». ² В п. з. вместо слов, заключенных в скобки, помета: «и т. д.». Печ. по маш. ³ В п. з. слово не дописано. В маш. — «нечистоты», что считаем неточным (ср. текст выше).

ЗАГОВОРЫ, ОСТАНАВЛИВАЮЩИЕ КРОВОТЕЧЕНИЕ (ЗАЛЕЧИВАЮЩИЕ РАНЫ)

11. «Ураз и кровь».

Едет Егорий Храбрый на белом коне, на белом, на сером, едет с вострым копьём. Едет — подъезжает к серому камню, тыщет серый камень вострым копьём. У серого камня — не раны, не крови, не синей опухоли, не рдит, не болит. Так же у раба Божия (имя) нету не раны, не крови, не синей опухоли, не рдит, не болит, не шепит, не ломит, вперед не идёт — не на утренней зори, не на вечерней!

Этим словам — замок в роте, ключь в море.

(Кто урежется в кровь, ушибется в кровь. Чертить межумянным¹ пальцем и говорить. Можно на маслицко, потереть).

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 96; маш. — п. 12, ед. хр. 172.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Онисьи Ларионовны, 67 лет, грамотной.

По словам О. Л. Грибановой, заговорам она «от старушек здешних научилась» (л. 95 об.). «Ко мне много ходят», — свидетельствовала знахарка (л. 96). «Ко мне мужики ходят: „Онисья, сойми ураз!“» (л. 98 об.).

Примечание: ¹ Так в п. з. и маш.: вместо «безумянным».

12. «Ураз сымать».

Легу благословесь, пойду перекрестесь из избы дверьми, из двора воротми — под восток, под восточную сторону. Идёт навстрету Пресвета Мати Божья Богородица. В правой руки несёт пречечного младеня, а в левой руки несёт железный посох. Тем же бьет железным посохом по каменному мосту. У того же каменного моста не было ни боли, и ни ломоты, и не¹ щепоты, не опухоли и не оттеколи.² И там же у рабицы Божьей не болело и не щепело!

(В воду <наговорить>, в маслице — помазать, помочить.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 47 — 47 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 40.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитишны, 66 лет.

Примечания: ¹ В п. з. «и» исправлено на «е». ² Так в п. з. и маш.: возможно, испорченное от «отёка» или же результат слуховой ошибки собирателя и следует воспроизвести иначе — «не отёка ли».

13. «Целовек усекется, кровь пойдёт — ураз сымать».

Во имя Отца и Сына и Светого Духа, присно и во веки веков. Аминь.

⟨У⟩¹ раба Божия Адама ничего век не болело — так же у рабицы Анны нет ни щепоты, ни опухоли. Рабы Божья Анны жива кровь вышла; живой крови нет, нет ни теци, ни реци, ни говори; и ⟨у⟩ рабы Божьей Анны нет ни крови и ни раны, и не синей опухоли и не щепоты.

(В рану говорить; дуй, а слюной не плюй! Вередишь место — так сметанкой помажи.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 52—52 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 49.

Зап. 22 июня в д. Вожгоры. — от Ольги Захаровны (фамилия не указана), 63 лет.

Примечание: ¹ В п. з. просматривается наложение «У» на «Р» в слове «Раба». В маш. предлог «У» отсутствует.

14. «Кровь заговаривать».

Во имя Отца и Сына и Светого Духа. Аминь.

Стану я, рабица Божия Анна, благословесь, по́йду перерестесь из избé дверьми, из двора воротми — выйду я в цистое полё под восточну сторону. Под восточной стороны стоит крест Господен. На кресте роспят Исус Христос. Как у Исуса Христа не было на белом теле не крови, не раны, не щепоты, не ломоты, не синей опухоли — так же у рабице Божьей (имя) не было на белом теле не крови, не раны, не щепоты, не ломоты, не синей опухоли! Аминь.

(В рану и говоришь. Три раза.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 20 об. — 21; маш. — п. 12, ед. хр. 143.

Зап. 6 июля в д. Белощелье — от Никифора Калиныча (фамилия не указана), 75 лет.

15. «На ураз, на кровь».

У мертвого мертвеца нет ни крови, ни раны, ни синей синеви́цы, ни щепоты, ни ломоты и ни опухоли — и так же у рабой Божьей Анны не было ни крови, ни раны, ни синей синеви́цы, ни щепоты, ни ломоты и ни опухоли!

(3 раза в деревянное маслицько на ураз; в кровь, когда кровь бежит, — дуй да говори!)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 17—17 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 17.

Зап. 2 июня в д. Пустынька — от Ляпуновой Анны Мордарьевны, 43 лет.

16. «Кровь заговаривать».

Был-жил на земли на матери цярь Давид. Он перед собой не имел топорьнего посёку, ни ножового порезу — у рабицы Божьей Анны не было бы ни пены, ни крови, ни щепоты, ни ломоты, ни синей опухоли.

(Плюнешь в ранку!)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 40 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 32.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Кармановой Устиньи Прокопьевны, 38 лет.

17. «Кровь заговаривают».

Засекаю ранку у раба Божия (имя) железным топориком, зашиваю ранку булатной иголкой, шóлковой ниткой — зашиваю,

затегаю: чтобы не были ни крови, ни гною, ни синей опухоли, не брали ни прикосы, ни призоры, ни уразы!

(На ранку плюнуть или помазать — и говорит <ь>!)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 40—40 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 31.

Зап. 22 июня в д. Родома — от старухи Оксеньи, 66 лет, «проходящей» (из Засулья выше Койнаса).

ЗАГОВОРЫ «НА РОДИМЫ»

18. «На родимы».

Выйду я на светлую улочку,¹ на проезжую дорожецьку: вижу бабушку Соломонею. Едет бабаушка Соломонея на соловоном коне — на тысяннй узды, на шолкóвом поводу. «Ох ты бабушка Соломонея! Ездишь по деревням, по селам, да по мужым по жонам,² по отецким дощерям. Привороти-ко, бабушка Соломонея, на пособь и на помощь к рабице Божьей (имя). Возьми-ко золоты ключи, отомкни-ко костенý замкí, отвори меснý ворóта — выпусти-ко отрока или отроцицу на бéлой свет, на Божью вóлнушку!

(Когда станет мотаться — трешь родимицу и говоришь. Или наговоришь на воду — и дать выпить!)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 55 об. — 56; маш. — п. 12, ед. хр. 51.

Зап. 22 июня в д. Вожгоры — от Ирины Олимпьевны (иных сведений об исполнительнице нет).

Примечания: ¹ В п. з. над окончанием надписано другое: «-ицу». ² Далее зачеркнуто, но не очень отчетливо, «да».

19. «На родимы».¹

Бабушка Соломида Микитишьна! Спускайся со небес со небесною силой, пойдí и поспешай на ти дни и на ти цясы,² и на ти минуты к рабицы Божией Анны. Бери ты свои золоты ключи, отмыкай мясну гору, выпускай костяну́ голову́ — раба Божия младенецка на Божий свет!

(Когда мотаетця, долго не родить — в молоко парное наговорить!)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 6; маш. — п. 12, ед. хр. 5.

Зап. 20 июня в д. Вожгоры — от Лешуковой Татьяны Михайловны, 63 лет.

Примечания: ¹ В п. з. первоначально «На родимци». ² «ц» из «ч».

20. «На родимы».

Стану благословясь, помолось, покрещусь — Петру и Павлу, Пресветой Богородицы.

Бабушка Соломония! Сойди с престола, возьми золотые ключи, отомкни райцкие двери: райцкими дверьми ходят молодцы и девицы.

Так же Пресвета Богородица! Сойди с престола, возьми золотые ключи, отомкни у рабицы Божьей Анны месные воротá. Месными воротами ходят молодцы и девицы — живые и мёртвые. Ставь не в гнев, не в каред! Выпусти у рабицы Божией Анны младенца на свет! По всяк день, по всяк час!

(В масло или во что — и спину помажут.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 32 об. — 33 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 115.

Зап. 4 июля в д. Конещелье — от Новиковой Анны Михайловны, 79 лет.

21. «На родимы».

Помолось и поклонось, и призываю бабушку Соломонеюшку. Бабушка Соломонеюшка! Приеждя с небеси на вóроном конé; бери серебряну тарелку, на серебряной тарелке вези зóлоты ключи: и отмыкай и отпирай от рабой Божьей Матрены костеные ворота — и выпускай младеня на Божий вольный свет!

(В воду наговоришь — брызнешь да дашь выпить.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 114; маш. — п. 12, ед. хр. 179.

Зап. 12 июля в д. Малые Нисогоры — от Мартыновой Матрены Александровны, 63 лет.

ЗАГОВОРЫ ОТ ГРЫЖИ

22. «Загрызные слова».

Во имя Отця и Сына, и Светого Духа! Аминь.

Рабица Анна рабу Божию младенцу (имя) сердечнюю грыжу заедаю-загрызаю и закусываю, становую грыжу заедаю-загрызаю и закусываю, пуповую грыжу заедаю-загрызаю, закусываю и перекусываю, и паховую грыжу заедаю-загрызаю, закусываю и перекусываю, подтечную грыжу заедаю-загрызаю, закусываю и перекусываю — двенадцать гржж я заедаю, закусываю, перекусываю.

Грыжи вы грыжи, сердечные грыжи, родимы грыжи, не ешьте вы, грыжи, не грызите вы, грыжи, раба Божия младенца (имя). Ешьте вы, грыжи, грызите вы, грыжи, во синем мори Латырь-камень — тот вам покорён грызть и загрызатъ во всяк день, во всяк час — на ветху, на новцю, на перекрой месецу!

(Загрызатъ те места, про которые говоришь. У парня и киловою грыжу, и тоже говоритъ: «Заедаю-загрызаю» и т. д.

Сперва родится ребенок — на родимом месте и загрызёшь.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5., л. 32 об.—33; маш. — п. 12, ед. хр. 150.

Зап. 8 июля в д. Конечщелье — от Новиковой Раисы Гавриловны, 60 с лишним лет.

23. «Загрызаты».

Грыжа ты грыжа, родима ты грыжа, не ешь ты, грыжа, рабу Божию Анну! Поди-тко ты, грыжа, во синее море, во цистое поле, за горы высоки, за леса за темны, за рады седуци, за болота дыбуци — там тебе, грыженька, дело и место! Там поeday и там поживай.

(До 3-х раз <говорить>.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 94 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 167.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Настасьи Федоровны, 62 лет. «Эти хороши слова, пользительны!» (п. з., л. 95).

24. «Грыжные слова».

Стану, раба Божья Анна, благословесь, пойду перекрестесь из избы дверьми, из двора воротми, выйду на крылечушко, на широку улицу — под восток, под восточную сторону. Под востоком, под восточной стороной есть океан-морё. В океани-мори есть Кипрые горы. На Кипрых горах есь апостольска церковь. В апостольской церкви стоит стол-престол. На престоле Христовом сидит два апостола Христовых.

Помолось и попрошу апостолов Христовых, раба Божья Анна: как служили Христу и царю, так послужите рабой Божьей Анны и отнимите у рабы Божьей (имя, кому служить будешь) уроки и прикосы, ветренны напушонные грыжи, ходецю, едецю, воротову, красну грыжу, желтую грыжу, надымну грыжу, подпятную, хребетну, станову!

Апостолы Христовы услышали — не отрекались, на сырую землю опускались: отнимали-отгоняли от рабы Божьей (имя) уроки-прикосы, ветренны напушонные грыжи, едецю, ходецю, воротову, закладну, хребетну, подпятну, станову — все двенадцеть грыж. Днём пришли — днём подите, утром-вечером пришли — утром-вечером подите, зеленё пришли — зеленё того подите, чернó пришли — чернё того подите <к> старому хозяину, кровь его пейте, моёк¹ его ешьте!

Этим словам — замок в роте, ключь в море.

(Плюнуть маленько на сторону. Прочитать до трёх раз. В вино всех лучше <наговорить>. Если не можот <пить вино> — в молоцко <наговорить>, можно в воду. <Дать> выпить; обкатитьця.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 97—98; маш. — п. 12, ед. хр. 175.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Онисьи Ларионовны, 67 лет.

Примечание: ¹ В п. з. слово под вопросом.

КОГДА РЕБЁНОК БЕСПОКОИТСЯ, НЕ СПИТ

25. «Когда ребёнок беспокоитца».

Ночьняя полуночьница, денная полуночьница, ветренная полуночьница, призорная полуночьница, родима полуночьница! Не щепайте ясные очи, не дерите белого лица! Нате вам помелó, огонь горячий, смола кипящая — по всяк день, по всяк час, по утру по рану, по вечеру поздно, на новыцю, на ветху, на перекрой месецу́.

(Прикрою рубахой ребенка и щепáю помелом три раза. Помело в печке грею, чтобы искорка была.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 32—32 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 114.

Зап. 4 июля в д. Конещелье — от Новиковой Анны Михайловны, 79 лет.

26. «Кумухá».

Кумухá, кумухá, не муць, не позорь раба Божья младеня (имя) — и тебе до ей дела нет! На тебе стрелки и луцок, третий — ножицок (парню; если женщина — «на тебе прялочку и веретешецко»). Днём коли (парню; если женщина — «приди») <т. е. «пряди»>, а ночью со спокойем спи!

(Над зыбкой, над робёнком, ножиком — будто режешь луцину; переломишь, под изголовье положишь. <Если> девушка — луцинку переломишь (будто прялочка) и тоже под изголовье положишь.)

П. з. — п. 14, ед. хр., л. 115—115 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 182.

Зап. 12 июля в д. Малые Нисогоры — от Мартыновой Матрены Александровны, 63 лет.

«Верит в заговоры очень. Ей я дала загов(оры) на ячмень и советы о (далее неразборчиво)» (помета Астаховой в п. з., л. 115 об.).

27. «На дэвиц. Если девка не спит».

Зеленá зеленíца, красная девица, не позорь, не муць рабу Божью Оксеню — на утренней зори и на вечерней!

(На крыльце завертишь и говорить.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 189.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Ивановой Степаниды Федоровны, 63 лет.

28. «Ребёнок беспокоитця, не спит».

Зоря-зорница, красная девица, есь у вас жоних сонливый — у нас невеста бессонна. Возьмите светую полуночьницу, дайте нам сну и покою!

(Из байни выйдешь — на третьем приступке на крыльце и говоришь.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 96.

Зап. 2 июля в д. Засулье — от Бобрецово́й Офимьи Артемьевны, 66 лет.

29. «Когда <ребенок> не спит, назад ломится».

Кому́ха, кому́ха, ты не май и не по́зорь раба Божья младеня (как зовут), май и позорь стрелку и луцок, третий — ножицок!

(До 3-х раз. Ножиком в матицу ткнуть, луцинку и ножицек под изголовье. До трех раз, утром и вечером.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 84; маш. — п. 12, ед. хр. 155.

Зап. 10 июля в д. Малые Нисогоры — от Поздяковой Дарьи Михайловны, лет 60-ти.

30. «Полунощница».

Зоря Да́рия и зоря Ма́рия, возьми полунощницу утренней зорёй, но́чною порой и денною луной!

(Из бани понесёшь или дома. Держа ребенка на руках, кланя́тьца.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 199.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

31. «Когда не спит ребенок».

Святая полунощница, не май моего младеня, не май, не мотай! Сама я, мати, маюся, сама, мать, мотаюся.

(На зорях, ночью или вечером. Можно в избе и на крыльце. Поговоришь на младеничка, поплюешь, по головы погладишь.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 47 об.—48; маш. — п. 12, ед. хр. 41.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитичны.

32. «Беспокоится ребенок».

До мытья есь прикос (имя), после мытья — нет прикоса у младенця Ивана.

(Из рукомойни́цька помоешь.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 98 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 176.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Онисьи Ларионовны, 67 лет.

ЗАГОВОРЫ «ОТ ТОСКИ»

33. «Тоску сымать».

(Приде́шь к реке, перекрести́шься):

Во имя Отца и Сына, и Светого Духа!

Здравствуй, Мезень-матушка, река-кормилиця! Теце́шь ты со ручьями со пото́цными, со мелкими рецками — не тужи́шь ты ни

о батюшке, не о матушке, не о братце, не о родной сестры, не об родимой стороны, не об лугах зелёных, не об травах шолковых. Так же бы раба Божья (имя) не тужила бы ни о батюшке, ни о матушке, ни о братце, ни об родной сестры, ни о своей родимой стороны, не об лугах зелёных, не об травах шолковых!

(Тыльной стороной руки моешь ту, которую приведёшь <к реке>; плескаешь и говоришь. Потом дунешь и плюнешь. Три раза.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 27—28; маш. — п. 12, ед. хр. 107.

Зап. 3 июля в д. Палощелье — от Федотовой М. А. (по п. з.). В маш. указана Федотова Олександра Архиповна.

34. «На тоску, чтобы не тосковать».

Сокатись, тоска-кручинушка, с белого лица, с ретива сердца — с рабицы Божьей (имя)!

(До 3-х раз. Тыльной стороной рук водой плеснуть.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 38; маш. — п. 12, ед. хр. 25.

Зап. 22 июня в д. Родома — от старушки Тиминой Настасьи Ивановны.

Исполнительница связывала этот заговор с жизнью на чужой стороне, с выходом замуж на чужую сторону: «На чужой стороне поживёшь — всяко припадёт!» (п. з., л. 8).

35. «На тоску».

Скатись, тоска-кручина, с рабицы Божьей с Анны, пойдя, тоска-кручина, в цисто поле и в сине море, под пенье и под коренье!

(До 3-х раз. В воду наговорить, обмыть лицо. В шаньгу, в хлеб, хошь в чай, в чашку <наговорить>.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 38 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 26.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Кармановой Устины Прокопьевны, 38 лет.

По свидетельству исполнительницы, заговор выучила «у бабки покойной». «Соседке, молодке, помогла» (п. з., л. 38 об.).

36. «Тоску сымать».

Прихожу я к тебе (название реки) — ты течёшь с быстрыма ручьями, с желтыма песками, с крутыма берегами, с серыма камешками: смываешь-споласкиваешь с желтых песков, с крутых берегов, с серых камешков всю грязь и неряшливость. Так же смой-сполощи с меня, раба Божия (имя), тоску и кручину!

(Говорить у реки и мыться.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 39 об.—40; маш. — п. 12, ед. хр. 119.

Зап. 4 июля в д. Конечселье. — от Семеновой Маланы Михайловны, 36 лет (родом из Черной Горы, как указано у собирательницы. Вероятно, имелась в виду д. Ценогоры).

По словам исполнительницы, «у хозяина было записано в тетради, где разные записи» (п. з., л. 39 об.).

37. «Тоску сымать».

Река-речица, вода-царица! Как ты смываешь желты пески, мелки камешки — так же смой-сполощи с рабицы Божьей (имя) тоску и кручину. Унеси тоску и кручину в синее море, в морскую пучину! Аминь.

(Три раза <проговорить>. У реки или рўчьа плещи и говори.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 21—21 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 144.

Зап. 6 июля в д. Белошцелье Лешуконской вол. — от Никифора Калиныча (фамилия не указана), 75 лет.

По свидетельству исполнителя, «помогает много».

Сразу после текста — запись, сделанная, судя по всему, от того же исполнителя, но при этом употреблены глаголы женского рода: «Если я которо слово позабыла или на землю обронила, или ученьем не обучена — и кажное слово вставай на свое место! Заднее — назад, а переднее — наперед!» Далее следует помета: «После каждого» (вероятно, каждого заговора).

38. «Тоску сымать».

Идёт река быстра из-под Лата из-под камешка, из-под сырой земли из-под матери, из-под жолтых песков сыпучих, из серых камешков горящих — не тоскует, не горюет. Так же раба Божья Анна не тоскуй, не горюй!¹

(В воду наговорить и затылком рук плескай на себя, мойся.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 93—93 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 164.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Настасьи Федоровны, 62 лет.

На вопрос собирательницы, спускают ли при этом деньги в воду, исполнительница ответила отрицательно. Вопрос А. М. Астаховой был вызван более ранним свидетельством о действе, снимающем тоску: «Деньгу спускают в колодец или в речку. Как будто воду купишь. (Когда об своей стороны, об родителях, об матери — спускашь). Кто 3 копейки, кто может — серебряные деньги спускает. Слов не говорят». «Об этом говорила старуха с Ценой Горы» (д. Ценогоры) (см. п. з., л. 118).

Не совсем ясно, от кого записаны эти сведения. Скорее всего, от Филиппа Григорьевича Семенова или его жены, «лет 60». В маш. — видимо, ошибочно (см. примеч. к № 39) указана Семенова Наталья Федоровна, 47 лет (п. 12, ед. хр. 128).

Примечание: ¹ Далее в п. з. неразборчиво написанная фраза в круглых скобках и знак вопроса. В маш. фраза отсутствует.

39. «На тоску».

Как на этих на затылоцьках воды не дёржится, так и у рабой Божией (имя) — не тоска и не кручина чтобы не долила. Укатись, тоска и кручина, в сине море и в быстру реку!

(У рецки, у руцейка — штобы проходна вода <была>.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 120 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 135.

Зап. 6 июля в д. Белошцелье — от Семеновой Натальи Федоровны, 47 лет.

На вопрос А. М. Астаховой, спускают ли при этом деньги в воду, исп. ответила отрицательно.

40. «Тоску сымать (Хошь женщине, хошь скотине)».

Вода-водиця, земна царйця, возьми тоску-кручинушку, вынеси в синее море и во цистое поле!

(У реки плескать затылком <т.е. тыльной частью> рук.

Скотине в тусок наговорить и тоже этими местами поплескать.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 210.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

41. «От тоски».

(Придешь к реки. Придешь — так говоришь):

Рак морской, дедушка водяной, дай мне воды ключевой смыть-сполоскать с Карюшка тоску-кручину!

(Копейку или две медные спустишь. Это впереди — как придёшь по воду: все равно как купишь водичку. Зимой — так в пролубь. Черпать водичку поваренной ложечкой или ковшичком. Потом в водицу):

Текёт быстра реценька со быстрыма со руцьями и со мелкима со истоцинами. Нет у быстрой реценьки ни отца, ни матери и ни родимой стороны — не об ком ей тоскнуть! И так же бы от Карюшки (человека, хоть кого) не было бы ни отца, ни матери, ни родимой стороны — не об ком бы ему тоскнуть!

Маш. — п. 12, ед. хр. 86.

Зап. 29 июня в д. Засулье — от Прелой Овдотьи Филатовны, 43 лет.

ЗАГОВОРЫ ОТ КОНКРЕТНЫХ БОЛЕЗНЕЙ

Когда болит горло

42. «На жабу».

Во имя Отца и Сына, Светого духа!

Стану я, раба Божья Олександра, на жабу слова говорить. Подите, жабы, по вдовам, по вдовицам, отрокам, отрочицам — зайдите, жабы, из рабы Божьей Онусьи; пойдите, жабы, по лесам дремуцим, по болотам зыбуцим, по радам седуцим. (3 раза).

Я вас, жабы, огнём спалю, огнём спалю, огнём спалю, ножом сколю, ножом сколю, ножом сколю!

(Взять огниво и кремень — и высекать; ножиком воду колешь: крестить... На воду дунешь — а через плечо наотмашь плюнешь!)

Ключь — замок: ключь — в воду, замок — в гору.

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 26—26 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 105.

Зап. 3 июля в д. Палощелье — от М. А. Федотовой (в маш. ошибочно указана Федотова Олександра Архиповна), 57 лет.

43. «На жабу».

Аминь, аминь, аминь. [Призываю Господа Бога к рабицы Божией Анны, уроки, призоры снимаю].¹

Ходит жаба по морям, по водам. Ходит жаба по мужам, по женам. Ходит жаба по девицам, по вдовам.

Спустился с небес Егорей-свет, копьём колёт. Илья Пророк будет громом бить, молонья будет огнём палить. Тут тебе, жаба-от жива не будет отныне и до веку. Во славу и во веки, и во веки веков, аминь.

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 14 об.—15; маш. — п. 12, ед. хр. 14.

Зап. 2 июня в д. Пустынька — от Ляпуновой Анны Мордарьевны, 43 лет.

Примечание: ¹ В п. з. на месте слова, заключенных в скобки, — запись на л. 14 об.: «Начало — как раньше, до рожи». А. М. Астахова имела в виду начало заговора «от рожи» (до слов: «от черной рожи»), записанного непосредственно перед этим текстом. Печ. по маш.

44. «Жабу засекают».

Нет жабы имя и нет жабы звания, и тут жабы имя и тут жабы звание: на белом мелу и на красной трепицы.

(Красную трепицу <взять>, вату; на вату засекаешь — огнём и кремнем — и привяжешь.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 121 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 138.

Зап. 5 июля в д. Белощелье — от Семеновой Натальи Федоровны, 47 лет.

45. «На жабу».

Начало премудрости — страх Господень. Гос[поди, благо-слови! Буди, Господи, милостив ко мне, грешной!]¹

Ходит жаба по горам, ходит жаба по лесам, ходит жаба по мужним жонам, ходит жаба по вдовицам, по вдовам и по малым младеньцам. Приключилась жаба работой Божьей Анны. Хочет Егорий жабу водой стопить. Изойди, жаба, изойди, жаба, изойди, жаба!

(До 3-х раз. Эти слова на воду идут. Можно на гэрно масло — пользительно; в человека это масло спускать.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 92; маш. — п. 12, ед. хр. 161.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Настасьи Федоровны, 62 лет.

Примечание: ¹ В п. з. вместо слов, заключенных в скобки, — «и т. д.».

Заговоры от чахотки

46. «На чахоту».

Лётит-летит тридцетъ три ворона. Несут-несут тридцетъ три каменя. Садилась под ёлку, под со́сонку, на поло́цек в уголо́цек

в парну баенку — и оттирают и отсысают у рабой Божьей (имя) цехоту, и велоту, и сухоту из белого тела, от ретивого сердца, из лёхких, пеценей, из ясных оцей, из буйной головы, из рук и из ног.

И полетите тридцать три ворона, и понесите тридцать три камня в чистое полё, спускайте-бросайте с рабы Божьей (имя) цехоту, и велоту, и сухоту — и в синее морё, и ключь ко дну.

(В байне моём. В молоко, в воду говорят.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 114 об.—115.

Зап. 12 июля в д. Малые Нисогоры — от Мартыновой Матрены Александровны, 63 лет.

47. «Цехоточные слова».

(В байне моют. В воду — и моют. Мою и говорю, мою и говорю):

Лётят-лётят тридцать три ворона и нёсут-нёсут тридцать три камня; и садётца на горку под ёлку и под лисвенку в парну байну. В парной байне бёрут-бёрут у раба Божия (имя) цяхоту и цяхотку — и лётят-лётят в чисто поле, в синем море. И в синем мори — камень в воду, камень в воду и ключь ко дну.

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 120 об.—121; маш. — п. 12, ед. хр. 136.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — от Семеновой Натальи Федоровны, 47 лет.

48. «На цехотку».

Лётит-лётит тридцать три ворона, несут тридцать три камня. Залетели в жарку баенку, сели на каменку. Долетели дверьми — улетели трубой. Принесли тридцать три камня и тридцать три здоровья младенцу (имя), унесли — цехоту и сухоту.

(В воду, обкатываешь кожды.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 48; маш. — п. 12, ед. хр. 42.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитишны, 66 лет.

49. «Цехотка».

Беру я под вересеничком, под корешоцком корешки и в цисту байну несу. Собираю я на байне камешки, спускаю тридцать три камешка в синее море — у раба Божия младенца цехотку и ломоту.

В синем мори щука ходит. У этой щуки семиглавые глаза. Она цехотку собирает и проглатывает у раба Божия младенца — из буйной головы, из ретива сердца, из могучих плеч.

Маш. — п. 12, ед. хр. 192.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Ивановой Степаниды Федоровны, 63 лет.

ЗАГОВОРЫ ОТ РОЖИСТЫХ ВОСПАЛЕНИЙ

50. «Засекать рожу».

Во имя Отця и Сына, и Светаго Духа, аминь!

А рабой Божьей Нины на ноге нет рожки места, нет рожки звания. Тут рожки место и тут рожки звание: на красный кумач и на белые белила. На всяк день, на всяк цяс, по утру по рану, по вечеру поздно.

(На утренней зори или вечером — на зорях. На серёдку днях не засекаем.

На красный кумач и белила засекаешь огниво и кремь и потом прикладываешь к больному месту. От зори до зори и дёржись. До шести зорь и от шести до двенадцети. Кому на шесть пристават, а кому и на двенадцать.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 34—35; маш. — п. 12, ед. хр. 118.

Зап. 4 июля в д. Конещелье — от Новиковой Нины Никифоровны, 30 лет.

51. «На рожу».

(Поплевать на безымянный палец, чертить пальцем больное место):

Безымянному пёрсту звания нет; у рабы Божией (имя) нету на белом теле, на ретивом сердце, на ясных очах, на белых бровях — тут, аминь, рожки нет, тут, аминь, рожки нет у рабы Божией Анны. Егорий-свет водой топйт,¹ Никола-свет крестом крестит, Илья Пророк огнем палит. Тут, аминь, рожки нет; тут, аминь, рожки нет. На ветху, на новьцу, на перекрой месяцу, на тых же безымянных днях. Во всяк день, во всяк час.

(Потом поплевать на сук в лавке или на окне):

Тут рожа есть, тут рожа есть. В лавке — суку, в лавке — суку дано и покорено, дано — покорено.² Есть за синем морем, за цистым полем булатный³ камень: ешьте и загрызайте — рабу Божью Анны⁴ не загрызайте [на]⁵ ветху, на новьцу, на перекрой месяцу. В чистом поле замok.⁶

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 10—10 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 10.

Зап. 21 июня в д. Вожгоры — от Онисьи Миколаевны (фамилия не указана), 67 лет.

Примечания: ¹ В п. з. первоначально: «Егорий-свет крестом крестит», затем исправлено на: «...водой топит». Далее следовал стих об Илье Пророке, потом — о Миколe. Но цифрами указано на обратный порядок следования строк. Т. е. исполнительница нетвёрдо помнила порядок следования стихов с упоминанием святых, что и отразилось на записи. В п. з. нет ударений в словах «топит», «крестит», проставленных в машинописи, — видимо, по аналогии с ударением в слове «палит». Печ. по маш. ² Далее в п. з. наполовину зачеркнутое «В чистом поле». ³ В п. з. неясно: «ь» или «о» в окончании сло-

ва. Печ. по маш. ⁴ Так четко в п. з. Но, возможно, несогласование окончаний «рабу Божью Анны» — результат некоторой сбивчивости исп. или описки соб. В маш. «Анну». ⁵ В п.з. «на» не зафиксировано. Печ. по маш. ⁶ Эта строка — на л. 10 об. п. з. Там же дано и описание действий, размещенное нами, как и в ряде других случаев (№ 52 и др.), непосредственно перед соответствующими заговорными словами.

52. «Рожу засекачь».

(Сперва огнивом и кремнем засекачь, чертить больное место и говорить):

Отче Микола крестом градит, Егорий Храбрый огнём палит, Илья Пророк водой стопит. Отстань, рожа, и пройди, рожа, от рабой Божьей Дарьи — красна, и бела, и косянѧ, и жилянѧ, и споевѧ, и верховѧ! И тут тебе, рожа, не место и не местище!

(До 3-х раз <...> Как будешь засекачь — против солнца водить: солнце назад не идет, вперед идет. Потом — на красную тряпку взатпят. Красную тряпочку <взять>, кудельки или ваты; на вату усыпать крупицатой муки. На эту тряпку взатпят поговори):

Не деветь, не восемь, не семь, не шесть, не пять, не цотыре, не три, не два, ни один!

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 82—82 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 152.

Зап. 10 июля в д. Малые Нисогоры — от Поздяковой Дарьи Михайловны, лет 50-ти.

53. «Рожа».

(Взять кремешок, огниво, обчертить по солнцу до 3-х раз, засекая):

Аминь, аминь, аминь. Призываю Господа Бога к рабицы Божией Анны! Уроки-призѧры снимаю — от цѧрной рожи. Белая рожа, синяя рожа, красная рожа — тут рожи имени нет!

(До трех раз.)

И тут еще рожа имени есть: на востром ножу, на ножу укладном, на черену булатном, на белые белила, на мяхких¹ поцесѧх и на красном кумачу.

(<Взять> кумацок, на кумацок — ватку, на ватку — мел; наговорить, засекешь на том месте. Приложить.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 14—14 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 13.

Зап. 2 июня в д. Пустынька — от Ляпуновой Анны Мордарьевны, 43 лет.

Примечание: ¹ «х» из «г», скорее всего, произношение не отличалось от литературного, что и было сначала автоматически зафиксировано А. М. Астаховой.

Заговоры от зубной боли

54. «На зубы».

Лазарь ты Лазарь, сходи в Рим, спроси у мёртвых: зубы не болят ли, щёки не щепят ли, цервьи зубов не едят ли?

Как у мёртвых зубы не болят, щёки не щепят, цервьи зубов не едят — так же бы у меня, раба Божия Федора, зубы не болели, щёки не щепели, цервьи зубов не ели.

Во имя Отца и Сына, во веки веков, аминь!

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 84 об.—85; маш. — п. 12, ед. хр. 158.

Зап. 10 июля в д. Малые Нисогоры — от Поздыковых Дарьи Михайловны, лет 60-ти, и Федора Степановича, 70 лет.

В п. з. (л. 85) зафиксирована уточняющая реплика: «По крови — так пристанет».

55. «На зубы».

Во имя Отца и Сына, и Светаго Духа!

Свят Божий Антип! Встань, Божий Антипа, на помощь, на пособь рабы Божией Александры зубным цервям, зубным кореньям. Не ешьте, церви, зубные коренья у рабы Божией Клавдеи — ешьте, церви, и грызите, церви, горькую черемуху по самые корни!

Клюц, замок. Клюц — в воду, замок — на гору.

(Весною вожу к кусту черемухи. Ножиком срежу корку (не до конца), добываю оцевёночик: все зубы перекопам, которые болят. Оцевёночек положеш под корку, травинкой завяжеш. К тому кусту снова не води, а то не пристанет, польги <пользы> не будет. К другому води...

Зимой в соль <наговоришь>, до крови дёсна натрёшь, потом в тряпочку — в зуб прикусить, чтобы он там заныл, потом заспишь. А кто не потерпит, тому польги не будет.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 24—25; маш. — п. 12, ед. хр. 103.

Зап. 3 июля в д. Палошелье — от М. А. Федотовой, 57 лет (в маш. указана Федотова Олександра Архиповна).

56. «На зубы».

Цервьи вы цервьи, не ешьте, не точите коренные зубы у рабы Божьей (имя)! Натe, ешьте-точите сладкий сахарок!

(Наговорить сахар, 3 раза сказать и на зуб положить.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 37 об.—38; маш. — п. 12, ед. хр. 24.

Зап. 22 июня в д. Родома — от старушки Тиминой Настасьи Ивановны.

По свидетельству Н. И. Тиминой, заговору «от старушки училась, когда зубы болели. Себя заговаривала» (п. з., л. 38).

Когда болят уши

57. *(Когда уши болят, подуть и сказать).*

Церви вы церви, неусыпающие церви! Подите, церви, в цисто поле, в широкое роздолье, где люди не ходят, трава не растёт, солнце не бывает, луна не падат — то дерево тоците, то дерево вертите на утренней зори и на вецорной, сэреди белá дня, сэреди темной ноци.

(Говорить три разá и дуть.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 31; маш. — п. 12, ед. хр. 111.

Зап. 4 июля в д. Конечщелье — вероятно, от Новиковой Анны Михайловны.

58. «Ушные».

Михайло Архангел, дунь в ухо, дунь в ухо, дунь в ухо рабу Божию младенцу (имя). Слух в ухо, а глухота вон из уха!

(В ухо ребёнку дуют и шопчут.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 72.

Зап. 26 июня в д. Лебское — от женщины средних лет (другие сведения отсутствуют).

59. «Ушные слова — ухо ломит».

Пресветая Мати Богородица! Дунь и плюнь всякие уроки, всякие щепоты, всякие ломоты!

(В байне <говорить>, подуть в ухо.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 58.

Зап. 25 июня в д. Лебская — от старухи Тимофеевны (других сведений нет).

Заговоры от чирьев

60. «На цирье и на золотуху».

Как ручьи-реки текут-перетекают, в поли трава растёт-перерастат и сохнет-посыхат — у рабой Божьей Анны цирья привалица: теки-перетеки и сохни-пересохни. На новыцю, на ветоху, на перекрой месецу и по всем по сумёжным дням; ныне и присно, и во веки веков, аминь.

(Оцертить безымянным перстом до трёх раз; перекрестишь, плюнешь до трёх раз.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 18; маш. — п. 12, ед. хр. 19.

Зап. 2 июня в д. Пустынька — от Ляпуновой Анны Мордарьевны, 43 лет.

61. «На цирей».

(Обцертить кругом пальцем и сказать):

Цирей Василей, без корня ростёшь, без глазу гледишь, без крылья летишь, — нет тебе, цирей Василей, у рабой Божьей Анны места сидеть. Есть тебе место в дереве, в еловом суку — дано и покорено.

(Дунуть и плюнуть.)¹

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 117—117 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 126.

Зап. 5 июля в д. Белошцелье — от женщины лет 60-ти, жены Семенова Филиппа Григорьевича.

Примечание: ¹ В маш. эти слова поданы как часть текста, а не описание действия.

62. «На цирья».

У раба Божья Василия нет цирью места и нет цирью званья на цистом теле! И тут цирью место, и тут цирью званье — на белом свете и на лехком воздухе.

(Безымянным пёрстом чертишь. Раз проведёшь, надавишь перстиком, и так 3 раза.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 35; маш. — п. 12, ед. хр. 117.

Зап. 4 июля в д. Конеццелье — от Новиковой Анны Михайловны, 79 лет.

По свидетельству А. М. Новиковой, «Не по крови — так и не пристанут!» (заговорные слова).

63. «На цирей».

Как этот суцёк посухат и помират, так же и циреёк посухат и помират, и век не бывает!

(Обцерживаешь междумянным <т. е. безымянным> пальцем, суцок обцртишь и цирей придавишь. Он боле вперед не идёт — посохнет.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 121 об.—122; маш. — п. 12, ед. хр. 139.

Зап. 5 июля в д. Белошцелье — от Семеновой Натальи Федоровны, 47 лет.

Заговоры от ячменя

64. «Сúцей суцёк».

Песёк, песёк, песёк! На тебе топорок: рассеки сúцей суцёк вдоль и поперек у рабой Божьей (имя).

(Поцрти кругом междуменным пальцем.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 96 об. — 97; маш. — п. 12, ед. хр. 174.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Онисьи Ларионовны, 67 лет.

По словам О. Л. Грибановой, «В Петрограде в больнице (...) научила посетительница» (п. з., л. 96 об.).

Заговоры от ожога

65. «На ужоґ».

На доло-долё озёро пришлѣ, усье до порог — у раба Божья (имя) ужоґ отойдѣт.

(Три раза <проговорить>. Подуть на это место.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 98 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 177.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Онисьи Ларионовны, 67 лет.

66. «На ужоґ».

Ёда на дороґи, ёда на долони, ёда на десеті верстах, ёда на десяти столбах, ёда на озёри.

(В мыло и в студѣную воду; куделю намылишь и приложишь <к обожженному месту>.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 17 об.—18; маш. — п. 12, ед. хр. 18.

Зап. 2 июня в д. Пустынька — от Ляпуновой Анны Мордарьевны, 43 лет.
«Смешные словца», — прокомментировала А. М. Ляпунова (л. 17 об.).

67. «На обжоґ или на овар».

Лѣда на реки, и лѣда на пороґи, и, лѣда, плюнь, и, лѣда, дунь — и у раба Божия (имя) запливаю и задуваю. Лѣда, плюнь, и, лѣда, дунь.

(Можно в конопляно масло, олифу, маза́ли медвежьим салом <обожженного ребенка>.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 120—120 об.; маш. — п. 12, л. 134.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — от Семеновой Натальи Федоровны, 47 лет.

68. «На овар».

Во имя Отца и Сына, Света<го> Духа!

На озери — льди, да на пороґи — льди, да на долони — льди, на рабой Божьей Анне — льди.

(3 раза проговори и плюнь, да всё.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 117 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 127.

Зап. 5 июля в д. Белошелье — от женщины 60 лет, жены Семенова Филиппа Григорьевича.

Заговоры от «волоса»

69. «На вóлос».

Зло корѣнье и лихó поведенье, а зло поді и лихó поді, волос поді, и matka поді, и всяка гáведь поді — у рабой Божьей из белого тела, из красного мяса, и из белых костей, и из сладких мозгов.

И идите на сладку воду, на тонкий щёлк; и не бойтесь ни стуку, ни юку, и не грому, не лому, и не собацёй лаи.

(На зоре на вецорней и на утренней камешки нагреть (в пещке), в щёлочёк ольховый спускаешь, по одному спускаешь и говоришь. Пока пар пойдёт. Как лени́тця¹ будет — так парь. А как не лихо будет, не будет спать — до трех зорь попарь и отказывайся: не будет пользы.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 85.

Зап. 29 июня в д. Засулье — от Прелой Овдотьи Филатовны, 43 лет.

Примечание: ¹хотеть спать (примеч. Астаховой).

70. «На волос или на нырбк».¹

Зло поди́ и лихо пойдí, волос пойдí и матка́ поди́, и нырок поди́ — у раба Божья (имя)! Не бойся и не страшися ни стуку, ни бряку, ни шуму, ни гаму, ни собацёй лаи!

Как сука со щенятами стади́лась-плоди́лась — так же у рабицы Божьей (имя) шол бы и волос, стади́лся и плоди́лся, и назад не воротился.

(Золу просеять решетом, серебряную деньгу, меду немного. Больного посадить — покуда терпеть может<...> Чтобы кругом не шумели, больше в ночное время или в особой комнате<...> Недели 3—4, месяц парить. Щелок простынет — в ситец взять комочком, сжать, смотреть: есть или нет.)

П.з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 46 об.—47; маш. — п. 12, ед. хр. 39.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитичны, 66 лет.

Примечание: ¹«нырок», по словам Т. Н. Грязной, «как ячменное зернышко» (п. з., л. 47).

Заговоры при болях в пояснице

71. «Ути́н¹ засека́ть».

[Больной]² на локтях, на коленках, чтобы носкам не касаться, 3 раза [переползает]² через порог. На спину [кладут]² доску, слегка ударяют топором. Больной спрашивает:³ «Что секе́шь?» — «Утин секу́!» — «Секи, секи пуще, чтобы веку не было, отродясь не было!»

(Секут первый или последний в (семье) рожденный.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 10 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 12.

Зап. 21 июня в д. Вожгоры — от невестки Онусьи Николаевны, женщины лет 29 (другие сведения отсутствуют).

Примечания: ¹«Утин» — поясница, — по объяснению информанта. ²В п. з. слова, заключенные в скобки, отсутствуют. Печ. по машинописному экземпляру

текста, в котором описание действия «выстроено» Астаховой.³ В п. 3. вместо слов «Больной спрашивает» — «Отвечает больной», над словом «отвечает» надписано: «спрашивает?» Печ. по маш.

Заговоры «на родимец»

72. «Родимець» («Старуший обряд»).

(Наперед нó воду сходитъ. Берешь воду и говоришь):

Цярь морской, дедушка воденой, цярица воденица, дай водичи рабой Божьей Анне на прикосы, на уроки, на переполохи и на родимци!

(3 раза проговорить. <...>Затопила байну, положила в байну три веника под лавку комелькáми¹ к двери. Из этих веников выдернуть три вицьки. Этими вицьками стегай человека, как вымоешь, и приговаривай слова):

Высекаю-выгоняю из белого тела, из ретивого сердца, из лехких печеней, из горещей крови, из буйной головы, из ясных очей, из чёрных бровей, из ушей, из ноздрей, из рук, из ног — из рабой Божьей Анны прикосы-уроки, переполохи-родимци.

(До тридеветь раз. Секешь по тому месту, о котором говоришь. Через 12 баен тогда он придёт в цювсво.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 92 об.—93; маш. — п. 12, ед. хр. 163.

Зап. 11 июля в д. Березник — от Грибановой Настасьи Федоровны, 62 лет.

Примечание: ¹ «корешками» (примеч. Аст.).

73. «На родимец».

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную! От матери родился раб Божий младенецк (рабица Божия, раб Божий — имя). Дай тебе Господи лёготы и здоровья, и хорошего здравия. Отойди, дьявол, ото всех хоромин, от четырёх углов! В той хоромине есть престол. За престолом есть четыре Евангелья: Марк, Матвей и Иван Богослов. Мать Пресвета Божья Богородица, пособи и помоги рабице Божьей Анны (или как) со ангелами, со архангелами, со всей небесной силой. Во имя Отца и Сына, и Светаго духа, аминь!

(Поговорить в туюсок, в воду, — в байне обкатить.

Домой придешь — в молоко теплое поговорить. Можно на повети или в избу над порогом.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 15—16; маш. — п. 12, ед. хр. 15.

Зап. 2 июня в д. Пустынька — от Ляпуновой Анны Мордарьевны, 43 лет.

Заговор «на стрелу»

74. «Спустить стрелы».¹

На утренней зори,² и на вечерней зари, на полунощнице, на середке дни пойдите, рабы Божией Анны стрелы, в змеиный глаз! Пойдите, рабы Божией Анны стрелы, в лошадиная³ шерсть! Пойдите, рабы Божией Анны стрелы,⁴ в коровья⁵ шерсть! Пойдите, рабы Божией Анны стрелы,⁴ в оленья⁵ шерсть! Пойдите, раба Бож(ьего) стрелы, в волос! Пойдите, рабы Божией Анны стрелы,⁴ в баличья⁵ шерсть! Пойдите, рабы Божией Анны стрелы,⁴ в заячья⁵ шерсть! Пойдите, рабы Божией Анны стрелы], в белоцья шерсть! Пойдите, рабы Божией Анны стрелы), в собацья шерсть! Пойдите⁶ — в волцья шерсть! Пойдите, рабы Божией Анны стрелы,⁴ в медвежья шерсть! Пойдите, [рабы Божией Анны стрелы]⁴, в хрусталь! Пойдите, стрелы, в стекло! Пойдите, стрелы, в рыбий клёс! Пойдите, стрелы, в ось!⁷ Пойдите, стрелы, в грезь! Пойдите, стрелы, в песок! Пойдите, стрелы, в дресва!

Пойдите, раба Бож(ьего) стрелы, — не бойтесь, не шарашьтесь — из каждого сустава, из каждого споя, из каждой кости, из каждой жилы, из белого тела, из ретива сердца, из резвых ног, из белых рук! Пойдите, раба Бож(ьего) Анны стрелы, — не шарашьтесь, не бойтесь не стукотни, не хропотни, не шуму, не рёву, не собацье лаи. И все пойдите, все стрелы, — не бойтесь, не шарашьтесь! *(Три раза плюнуть.)*

(На сметанку говори. Сметанку розбей пёрстышком и человека три — спину <...>. На печке трешь, чтобы тепло было.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 49—50 об., л. 53; маш. — п. 12, ед. хр. 44.

Зап. 22 июня в д. Вожгоры — от Ольги Захаровны, 63 лет (других сведений нет).

По словам знахарки, заговор «от родителей узнала». От нее же зафиксировано уточнение: «Трать < т. е., вероятно, «тереть», «натирать»> надо на листопаде, зимой можно в теплой фатере. Весной, когда реки пойдут, трава идет вперед — все идет вперед. Летом нельзя» (п. з., л. 53).

Примечания: ¹ «Стрелы» узнавать: как мездриновато тело, как напёрсток чеканный — пояснение информанта (п. з., л. 53). ² В п. з. первоначально «а», исправленное на «о». ³ Окончание «-ую» исправлено на «-ая». ⁴ В п. з. на месте части строк, взятых в прямые скобки, — помета «и т. д.» (или знак повтора). Печ. по маш. ⁵ Окончание «-ью» исправлено на «-ья». ⁶ Возможно, собирательницей ошибочно не указана необходимость повтора и здесь полной «формулы»: «рабы Божьей Анны стрелы». ⁷ «На хлебе», — примечание знахарки.

Эти же слова, по свидетельству той же знахарки, но с добавлением концовки: «Прогоняю я духов и нечистых ангелов и закрываю раба Божия золотыми ризами», — говорятся, «если кому прикоселится нечистый дух». Наговаривать в воду, потом «обкатишь (водой), перекрестишь и повалишь» (п. з., л. 51).

ЗАГОВОР «НА КРАСОТУ»

75. Схожо красно солнышко! Как ты бело и красно — так же раба Божия Акулина будь бела, красна и румяна; и все бы добры люди смотрели: женский пола и мужицкий, стары и малы, и холосты и женаты, и весь мир крещонный.

Как на церкви кресты стоят, ходят добрые люди — зорят и смотрят, и кланяютца — так же рабу Божию Анну зорели и смотрели, и кланелись, оцей ясных бы не сводили!

(Как идти, как помоешься, — в плат проговори, оботрись: быдто защипит личишко.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 197.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

ЗАГОВОРЫ ПРИВОРОТНЫЕ

76. «Присуха».

Раба Божия Матрена, выйду из парной баенки, стану на шолок веник, не зеленые листья, на кудрявые прутья. Помолюсь и покорюсь двенадцати ветрѡв. Двенадцать ветрѡв и двенадцат вехорѡв, сходите к рабу Божию (имя) и снесите от рабицы (имя) тоску тоскящую и стрепетѹ стрепетящую! Пушай раб Божий, где бы он меня завидел и где бы он меня слышал, не мог на месте усидеть, на постеле улежать!

Цего переговорю и цего не доворю, пристаньте мои слова; будьте, мои слова, крепки, и ёмки, и быстры.

(В рукомоюку <наговорить>, штобы умывалса. В пищу <наговорить>, штобы кормить.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 196.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

77. «Присуха».

Как на работой Божьей Анны пот горит и сохнет, так же раб Божий Иван горит и сохни! Как шерстѣна от шерстины не отстават, и волосѣна от волосѣны не отстават — так же и раб Божий от рабицы Божьей не отставай!

(Возьми из-под мышки и с <других> частей волосья; как гниды, насеки; скорми в молоко, в квасу, только не в чаю — паром выйде.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 215.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

ЗАГОВОР «ОТВОРОТНЫЙ»

78. «Остуда».

Как собака кошку не любит — так бы и (имя) не любил бы (имя)!

(Кошацью шерсть и собацью, и соль Великого четверга бросить под крыльцо, под баню — шобы шагнул.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 216.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

«КОГДА ДОМОВОЙ НЕ ЛЮБИТ СКОТИНУ»

79. Дедушка Доможирушко, пойді во сырой бор, в хороший дом: есть там тебе пусто место, покоренó — а не тронь мою скотинку!

(В кусок <наговорить>, скормить той скотине, которую не любит <домовой>.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 45 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 37.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитичны, 66 лет.

«ЧТОБЫ ДЕДКА НЕ ДАВИЛ КОНЕЙ ИЛИ КОРОВ»

80. Микита-екомученик¹ построил храм не цетыре угла. На серёдке — крест, у креста — таз; в таз дедка водяной — дьявол зашел и буркается. Микита-екомученик взял дьявола за волоса и бьет своим жезлём, и говорит: «Нет тебе, дьявол, ни на воды, ни на земли!» Прогоняет дьявола на двенадцать пропусков и закрывает свою Серушку золотыми ризами.

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 50 об.—51; маш. — п. 12, ед. хр. 45.

Зап. 22 июня в д. Вожгоры — от Ольги Захаровны, 63 лет.

Примечание: ¹ Испорченное от «Великомученик». В п. з. первоначально «еликомученик», но «ли» зачёркнуто.

КОГДА У КОРОВ ТЕРЯЕТСЯ МОЛОКО

81. «Молоко утеряетця».

Холмогорьска Боґородиця, вытегорьска Боґородиця, сама Пресвета Боґородиця! Сойди с престола, возьми золотые ключи, отомкни руцьи и реки! Как реки и руцьи текут, всякий руцеёцек, всякая истоцинка бежят в быструю реценьку — так же, Пресвета

Боґородица, сойди с престола, возьми золотые ключи, отомкни и пропусти у рабы Божьей Белонюшки пресно́ молоко́ из всякой жилочки, из всякой косточки, по всяк день, по всяк час, по утру по рану, по вечеру поздну!

(Говорить — в кою пору доишь. По крестя́м, по переду и по заду перекрестить.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 33 об. — 34; маш. — п. 12, ед. хр. 116.

Зап. 4 июля в д. Конещелье — от Новиковой Анны Михайловны, 79 лет.

82. «У коров молоко потеряется».

Идёт зима, и пойдёт весна, и потекут руцьи и реки из-под пёнья, из-под корёнья, из каждой жи́линки в синё морё. В синем море нет воды убыли — и так же пар Божией коровушки не было молоку убыли не на утренной зори, ни на вецорной, не на новцю, не на перекрой месяцу.

(Вымя вспухнет — мою титки и говорю.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 119 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 132.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — от Семеновой Натальи Федоровны, 47 лет.

83. «Когда молоко скрадывают, когда теряется».

Идёт зима, настанет весна, реки пойдут, руцьи потекут из-под пёны, из-под корёны, из-под самого истоцника. Сине море глубоко́, не убывьциво — так же у рабы Божией Белонюшки будь молоцко́ во всех цетырех титоцьках не убывьциво!

(Сперва призор соймём; потом, когда доишь, — приговаривать.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 62.

Зап. 25 июня в д. Лебское — от Гольчиковой Матрены Фотеевны, 36 лет.

ЧТОБЫ КОРОВА НЕ ЛЕГАЛАСЬ

84. «Когда корова легаетца».

Стоит Егорий в полуугоре, шатром покрылся, копьём подперся — так же и моя Белонюшка стояла, молоком соткнулась, копытом не била, хвостом не молола и головой не вертела на рабицу Божью Татьяну (кто будет доить).

(С головы к хвосту гладить и приговаривать или в воду наговорить и обкатить.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 44 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 33.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитичны, 66 лет. От нее А. М. Астаховой записаны, кроме заговоров, духовные стихи: «Про Алексея» и «Про Егория».

85. «Когда порáту легаеця».

Стану благословесь, пойду перекрестесь из избé дверьми, из ворот ворóтми... Под восточной стороны есь сине море. В синем мори есь Лазурьев камень. Этот Лазурьев камень стоит — не трéхнется и не ворóхнется. И так же пар Божий коровушка, стой — не трéхнись и стой — не ворохнись, и головой не верти́, и хвостом не маши́, и ногами не топци, и рабу Божию хозеюшку не пугай.

(Доить приду, проговорю до трёх раз, и титки мою и дою. По хребтам глажу и говорю.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 122—122 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 140.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — от Семеновой Натальи Федоровны, 47 лет.

86. «Чтоб корова не легалась».

Рабица Божия Пестронюшка, стой горой, дой рекой, на стены не бросайсе, ногами не легайсе, хвостом не стегайсе, головой не кивай, хозяйку не пугай!

(До трою проговоришь; доишь — и говори.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 6 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 7.

Зап. 20 июня в д. Вожгоры — от Лешуковой Татьяны Михайловны, 63 лет.

87. «Когда легаеця».

Стой, кормилиця, горбй, дой рекой, не топой ногóй, не кацёй головой! Стой, кормилиця, подо мной!

(Хошь раньше доения, хошь перед доением: плюнь в руку, тяпни по этому месту,¹ поклонься и говори.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 68.

Зап. 26 июня в д. Лебское — от Ефимовны, на 8-м десятке (других сведений нет).

Примечание: ¹ «по хресям», — примеч. собирательницы, рядом знак вопроса.

88. «Корова легаеця».

Раба Божья Пестронюшка (или Белонюшка)! Как матица стоит — так же, раба Божья Пестронюшка, стой, ножкой не топци, головкой не верти, рогами не верти, хвостом не маши! Стой благословесь!

(К матице проговорить.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 185.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Ивановой Степаниды Федоровны, 63 лет.

ПРОСТРЕЛ (У СКОТИНЫ)

90. «Прострел».

Как река текёт-перебегает, как ручьи бежат, пересыхают — так же у скотины (имя) бы прострел посох и поблѣк, вдруг с ключевой водой истѣк.

(В воду <наговоришь>, обкачиваешь и поишь.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 44 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 34.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитичны, 66 лет.

90. «Прострел возьмёт корову: всю роздует, и она стонет».

Реки бежат-перебегают, перетекают, пересыхают — у рабицы Божьей Цѣрнохи (или Пестрохи) нутренной прострел перебегай, перетекай, пересыхай!

(В воду, хошь в кусок, в питьѣ, хошь в соль. 6 раз проговорить. Если совсем не ест, то водой обкатить — в уши, в ноздри.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 38 об.—39; маш. — п. 12, ед. хр. 27.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Кармановой Устины Прокопьевны, 38 лет.

ЧТОБЫ СКОТ ВМЕСТЕ ХОДИЛ

91. «Штобы корова с коровой ходили».

(Шерсть с лобу выдерну и другой <корове> скормлю. И у другой — так же):

Как шерсть с шерстью сходится — так же и вы, пар Божий коровушка, ходите и друг от дружке не отставайте, и дом свой почитайте!

(Выпускать первый раз на волю будешь — так сделаешь.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 122 об.—123; маш. — п. 12, ед. хр. 141.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — от Семеновой Натальи Федоровны, 47 лет.

92. «Корову к корове присушить».

(Взять у домово́й коровы шерсть со лба с двух клубков и с репья. Говорить):

Как шерстіна от шерстіны не отстава́т и волосіна от волосіны не отстава́т — так же и раба Божия от рабицы Божьей не отставай!

(В хлеб запахать шерсть и скормить новой скотине.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 213.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

ЧТОБЫ КОРОВА НЕ ТЕРЯЛАСЬ

93. Как поес с себя не теряетця — так раба Божия Пестронюшка не терялась бы!

(Когда первый раз выпускаешь; снимаешь поес, три узла навязать, к порогу положить — чтобы она через порог шагнула.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 214.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

КОГДА СКОТИНА НЕ МОЖЕТ ЖЕВАТЬ

94. «На жевóк».

(От сенця вересинки две-три и кусоцек хлеба, немножко посолить, скормить. Наговаривать у жёрнова):

Как этот камешек серый ухвátыват и углátыват — так же бы Пестронька или Балька (или кто) ухватывала и углатывала!

Маш. — п. 12, ед. хр. 205.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрены Федоровны, 48 лет.

95. «Жевок потеряет».

(Разрушить хлеб, из среднего ломтя взять кусочек, свернуть катышок, подложить под язык — «жевок положить».)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 45—45 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 36.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитишны, 66 лет.

«ОВЦЯМ»

96. Дедушко домовой, атаманушко боровой! Сходи во сырой бор и во большой дом. Нарезь и наломай себе шаста¹ на кафтан. А ты будь, сук, свидетелем (*сук-то ножиком ткнешь*): до моей овцы дела нет!

(Когда овцы оголéют, очапывают. В водыцку наговоришь, ножиком перекрестишь, в сук ножиком ткнешь — попрыщешь.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 82.

Зап. 29 июня в д. Засулье — от Прелой Овдотьи Филатовны, 43 лет.

Примечание: ¹ «сучья» — по объяснению О. Ф. Прелой.

ЗАГОВОРЫ «НА НОКОТЬ»

97. «Хоть и лошадь, хоть у овцы или теленка».

(*Стану перед Богом и говорю*):

Господи, благослови!

Стану благословесь, пойду перекрестесь, — из избы дверьми, из двора воротами, посмотрю и поглежу на праву руку, на восточную сторону. На восточной стороны — океан-море. В океан-мори стоит золотой престол. На золотом престоле сидит жилин муж с железным прутьём: бьёт-секёт скотину (имя) по тучным местам — гонит нокоть из-за ноктя, из-за кожи, из всякой щетины, из всякой шерстины, из всякой кости, из всякого сустава: нутреной, травеной, воденой, закопытной и закожной, хребтовой, хвостовой, сузой, томной, жиленой.

Поди, нокоть, на пустой лес, на дыбуци болота, на сухие вершины; ключь и замок.

(Наперёд сойму прикос в воду. потом на соль, на кусок хлеба нашептать и скормить. Соль понемножко в уши и ноздри положить. Брусом по ём гладить и говорить. Ножом соль чертит (как железный прут упоминается). Три раза кругом его (лошадь) пройдешь.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 217.

Зап. 13 июля в д. Малые Нисогоры — от Прасковьи Степановны Антонихи.

98. «Нокоть (у лошади)».

Покорюсь, помолюсь трем Пресветым Богородицам: Мать Огорьская, и Вытегорьская, и Мелогорьская, пособите и помогите выгнать у Карюхи нокоть из буйной главы, из ушей, из ноздрей, из пёчени, из лехкого, из нутроби! Пусть моя Карюха прочиститця нутробой, профорскаетця ноздрями, и пусть она кушат, что ей надо!

(В воду — поить и обкачивать.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 45; маш. — п. 12, ед. хр. 35.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Грязной Татьяны Никитичны, 66 лет.

99. «Нокоть».

Фролу и Лавру, светым угодникам, помолюся. Выживите ноктища у раба Божия Корюхи из ясных очей, из белого тела, из ретивого сердца, из цёрных пёченей, из всякой жилы, из всякой шерстины!

Есть в цистом поле стоит дуб-дубище — тут ноктищу еда и кушанье. Просвищи, дубище, по синему морю, по цистому полю.

(3 раза лошадь дугой по спине перевернуть (хлопнуть).)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 39—39 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 28.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Кармановой Устиньи Прокопьевны, 38 лет.

100. «Нокоть».

Нокоть-нокоть, синий нокоть, подпятный нокоть, жильный нокоть, подкопытный нокоть у рабы Божьей Белонюшка. Выходи, нокоть, у рабы Божьей Белонюшка! В цистом поле стоит белая береза — там тебе место и местище.

(В воду слова проговоришь — скотинку обольешь; уши ульешь, глаза поплещешь и всё.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 183.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Ивановой Степаниды Федоровны, 63 лет.

«ПОПРАВИТЬ СОБАКУ»

102. *(Когда у собаки сохнет кончик носа, обоняние пропадает — щучьим зубом прокалывают мырк,¹ чтобы кровь показалась. Слов никаких.)*

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 57 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 55.

Зап. 22 июня в д. Возгоры — от Ирины Олимпьевны (другие сведения отсутствуют).

Примечание: ¹ «кончик носа» — по объяснению информанта.

ЕСЛИ МЫШИ ЕДЯТ ХЛЕБ

102. Мыши-мышцы, меньшие сестрицы, я над вами — большая сестра. Не секите, не рубите! Будете сэкци и рубить — назову щенят и котят: вас всех заедят. Пойдите в цисто поле, рубите серой камень!

(На жито камешок положить и проговорить три раза.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 28; маш. — п. 12, ед. хр. 109.

Зап. 3 июля в д. Палощелье — от «молодки, жены Якова» (другие сведения отсутствуют).

«НА ОСЫ»

103. Осы-осицы, красные девицы! Не жгите меня, рабу Божью Олександрю, не жальте, не палите! Жгите и палите своих малых детоцек!

(Три раз проговоришь, на себя дуешь, наотмашишь плюнешь.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 27; маш. — п. 12, ед. хр. 106.

Зап. 3 июля в д. Палощелье. Не совсем ясно, от кого сделана запись. Судя по заметкам в полевой тетради — от М. А. Федотовой. Но в маш. указана Федотова Олександра Архиповна, 57 лет. Имя «Олександра» употреблено и в заговоре.

В п. з. помета: «От отца всё знает».

«НА КЛОПА»

104. Клопу, клопу — малина, я клопу — осина. Клоп клопа́ ешь, а третий сам пропади! (3 раза)

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 31; маш. — п. 12, ед. хр. 110.

Зап. 4 июля в д. Конещелье — от Новиковой Анны Михайловны.

В п. з. помета: «от старых слышал(а)».

«КОГДА КАПУСТУ ЦЕРЬВЬ ЕДЯТ»

105. Ездит Егорий на сивом кони, копьём подпираёт, церьвей убираёт. Пойдите, церьви, на пустое пустоплёсенье — мою овоще не еште, не пейте!

(Возьмешь осинку, поедшишь кругом гряд и говорить.)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 51 об.—52; маш. — п. 12, ед. хр. 48.

Зап. 22 июня в д. Вожгоры — от Ольги Захаровны (фамилия не указана), 63 лет.

ЧТОБЫ ВОРОН НЕ КЛЕВАЛ ПТИЦ В СИЛКАХ

106. Во имя Отца и Сына, Светаго духа!

Стану я, раб Божий (имя рек) благословесь, пойду перекрестесь — по ухожьям своим, займищам, пастьям, сільям, грядочкам. Иду и вижу: летит черный ворон и черная вороница с малыми воронятами. Бьют и клюют своими костяными носами попавших в моих пастях, сільях и грядочках птиц, чухарей, пеструх, рябчиков и куропаток. О, святой Боже, славной всехвальной Илья Пророк! стань мне, рабу Божию (имя), на помощь: пособи и помоги прогнать черного ворона и черную вороницу с малыми воронятами! Устрой тын железной и реку огненну от востока и до запада. Если полетит черный ворон, черная вороница с малыми воронятами — залетят в тын железный, сломят свои костеные носы, упадут в реку огненну, сгорят у них крылья-перья, сердце, лехки, пёчени. Дабы им не бывать не на ветху, не на новьцу и не на перекрой месяцу! Замок в море, ключ в роте сим словам. Аминь.

(Когда идёшь по селу, в концах проговори: в одном, посередине, в конце — как молитву.) (п. з., л. 58)

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 56 об.—57; маш. — п. 12, ед. хр. 54.

Зап. 22 июня в д. Вожгоры — от Ириньи Олимпьевны (другие сведения отсутствуют). Заговор выучила от заезжего старика.

107. «На ворона».

Ах ты, чёрный ворон, не летай по моим путикам, по моим слопесникам! Нет тебе, чёрному ворону на моём слопеснике питинья, еденья и кушанья. Полетай, чёрный ворон, за семь морей, за семь земёл — на океан-остров! На океане-острове есть убит бык семигодовалый. Там тебе, чёрному ворону, много есь питинья и кушанья!

(Три раза <проговорить>. Ставишь путик — в начале, на середке, на конце; каждый раз по 3 раза <говорить>. После):

Если ты, чёрный ворон этому не поверишь, полетишь по моёму путику, по моёму слопеснику — на моём путике, на моём слопеснике есь река огненна: от востоку до западу, от земли до нёбу. Полетишь ты, чёрный ворон, через реку огненну с молодой женой, с милыма детми — тут тебе, чёрному ворону смерть случится! Аминь.¹

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 22 об.—23; маш. — п. 12, ед. хр. 146.

Зап. 6 июля в д. Белощелье — от Никифора Калиныча, 75 лет. «У меня слов много!» — свидетельствовал он (ед. хр. 5, л. 22).

Примечание: ¹ Далее в п. з.: «Которы и т. д.». См. примеч. к № 37.

НА РУЖЬЁ, ЧТОБЫ ИСПОРТИТЬ

108. *(Охотники, если кто ненависть чует на другого: отыскать дерево, которое громом разбило. Взять от него, от дерева, утипоцек (спичку вроде), положить ему в ружье тайно, чтобы не знал.)*

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 36 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 21.

Зап. 22 июня в д. Родома — от Карманова Константина Демьяновича, охотника, на 6-м десятке. По его словам, «самоедин рассказывал». Рыбу можно отвадить тем же самым.

ПОРТИТЬ СВАДЬБУ

109. *(От бито дерева¹ сделают лучок и стрелки и перестреливают через дороги. Кони и остановятся. Приговору никакого нет.)*

П. з. — п. 14, ед. хр. 5, л. 31; маш. — п. 12, ед. хр. 124.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — от Семенова Филиппа Григорьевича, 80 лет.
Примечание: ¹ «„бито дерево“ — громом» — пояснение информанта.

ОБЕРЕГИ

110. «Обережь» (*Везде идёт, куда бы ни пошла, и на свадьбу*).

Станет раба Божия Анна благословесь, пойдёт перекрестесь из избы дверьми, из двора воротами. Выйду, раба Божия Анна, на сей белый свет, стану на подвосток лицом, на запад тылом, под восточну сторону; солнышком покроюсь, зорёй подпояшусь, облаком подмошусь, звездами подтычусь. Под востоком, под восточной стороной есть пресвета соборная апостольская церковь. В этой церкви есть престол, на этом престоли сидит Пресвета Божья Матушка Богородица. Нихто не может ни оприкосить, ни опорочить! Помолюсь и покорюсь Петру и Павлу, Ильи Пророку, Миколаю Цудотворцу, всем светителям, всем Христовым служителям. Нихто меня, рабу Божию (имя), и всей свадьбе общей не мог оприкосить и опозорить ни в хлебе, и ни в пиве, и ни в вине, и ни в сладком питьи, и ни в чем!

(От свечи воску, наговорить, дать жениху и невесте. Топором токнуть в порог носком, в щёлку воск забить — в три порога.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 203.

Зап. 13 июля в д. Большие Нисогоры — от Авдушевой Матрёны Фёдоровны, 48 лет.

111. «Обережь».

Светой Боже Власий, Светой Боже Медосий! Украшуся красным солнышком и опояшуся алыма ручиянами зорями и осыплюся частыми мелкими звездами со своим скотиком — никому бы не оприкосить: не злодею, ни лиходею и некакому злomu чародею!

(Когда свечи раньше ставили Богу, так в воск наговоришь, на крест к вязне и налепишь.)

Маш. — п. 12, ед. хр. 91.

Зап. 29 июня в д. Засулье — от Прелой Овдотьи Филатовны, 43 лет.

112. «Обережь от медведя».

(Когда идешь на берлогу медведя промышлять, три раза <сказать>):

Дай мне, Господи, мудрость царя Соломона, а дай, Господи, зверю — кротость царя Давыда!

(Когда засовываешь анипуз¹ — чтобы медведь спокойный был, так как он язык понимает):

Нету никого, ребята, — зря мы пришли!

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 58 об.; маш. — п. 12, ед. хр. 56.

Зап. 22 июня в д. Вожгоры — от Ириньи Олимпьевны.

Примечание: ¹ «жердь березовая» — пояснила Иринья.

113. «Чтоб ружьё направилось (когда кто прикосит)».

(Как убьешь птицю — правой ногой наступить):

Ступлю-заступлю, правой ногой — левой петой.

Свои думы, чужи думы, товарищевы думы, все уроки-прикосы выстреливаю огнём-пламенем по восточную сторону. Аминь.

П. з. — п. 14, ед. хр. 4, л. 24 об.—25; маш. — п. 12, ед. хр. 148.

Зап. 6 июля в д. Белошелье — от Никифора Калиныча, 75 лет.

114. «Обрежь».

Пресвета мати Обережь, сохрани, соблюди рабу Божью Анну от пурги, от падеры, от частой мелкой заметелицы, от злых людей, от злого чеовека, от чародея, от лиходея, от ветренных людей, от своей думы!

Красным месецем урасишься, частыми звездами растычишься, алыми любимыми зорями запояшешься. На ветху, [на новьцу, на перекрой месецу].¹

П. з. — п. 14, ед. хр. 1, л. 10; маш. — п. 12, ед. хр. 11.

Зап. 21 июня в д. Вожгоры — от Онисьи Николаевны (фамилия не указана), 67 лет.

Примечание: ¹ В п.з. на месте слов, заключенных в скобки, — помета: «и т. д.». Печ. по маш.

ОБРАЗЦЫ ПЕЧОРСКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В ЗАПИСЯХ 1929 ГОДА

Публикация и комментарии Ю. И. Марченко

Основным источником при изучении русских песен Республики Коми является собрание «Песни Печоры» — хорошо известный том академической серии «Памятники русского фольклора».¹ Книга включила 383 образца в записях 1929, 1955—1956 гг. Несмотря на обилие нотировок (323), вошедших в издание на правах иллюстративного материала,² работа выполнена все же с уклоном в сторону филологической фольклористики. Чисто музыковедческие замечания немногочисленны и осторожны. Не отрицая своеобразия местной песенной культуры, музыковеды склоняются к наделению ее умеренными характеристиками. И если это не проявляется при анализе репертуара (который все-таки весьма богат), то определенно улавливается в тех замечаниях, которые тесно связаны со сферой певческого искусства (отсутствие слаженных исполнительских коллективов, случайные сочетания исполнителей и т. п.).³

Серьезные коррективы в такую позицию вносят материалы, записанные в 1929 г. Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд.⁴ Их коллекция отражает

¹ Песни Печоры / Изд. подг. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.

² В нотировках представлены лишь образцы, записанные экспедициями ИРЛИ (Пушкинский Дом) в 1955—1956 гг. (фонограммы 1955 г. нотированы М. П. Дьяченко, записи 1956 г. — В. В. Коргузаловым). Подробнее см.: Песни Печоры. С. 8.

³ «В печорской исполнительской традиции нет развитого многоголосия. Это обусловлено отсутствием слаженных, спевшихся, устойчивых хоровых коллективов. В деревнях поют все, и потому в подобных коллективах нет надобности. Однако случайное сочетание исполнителей (...) обуславливает и случайный характер многоголосия, сводящийся, как правило, к двухголосному исполнению». (Песни Печоры. С. 12—13).

⁴ Материалы хранятся в Фонограммархиве. Колл. № 8. ФВ 569—679. Всего записано 249 образцов в пяти населенных пунктах (с. Усть-Цильма, с. Щельяюрское, с. Замежное, д. Аврамовская, с. Ижма).

очень высокий уровень певческого мастерства местных исполнителей, указывает на наличие мощных семейных ансамблей и в целом фиксирует совершенно иное состояние печорской песенности, нежели то, которое пришлось наблюдать сотрудникам Института русской литературы четверть века спустя.

В настоящей публикации предлагаются пять лирических песен из числа тех, которые были записаны Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд от семейного ансамбля певцов Чупровых (д. Аврамовская).

Как известно, два эпических напева, исполненные этим коллективом, в нотировках Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд были включены в собрание «Былины Севера». Эти образцы оказались настолько важными, что затем неоднократно перепечатывались в разных изданиях.⁵

Пение Чупровых произвело весьма сильное впечатление и на А. М. Астахову, которая в экспедиции выполняла работу по записи образцов местного эпоса. Не случайно в ее обобщающем собрании находим следующие строки: «Еремей, вместе со своими двумя братьями Яковом и Климентием, сыном Ларионом, 17-ти лет, и двоюродным братом Малафеем Ивановичем Чупровым, составляли замечательный певческий коллектив, исполнявший с исключительным мастерством печорские песни. От них записан ряд номеров. (...) Песни эти и их исполнение — настоящее высокое искусство».⁶

Судя по сведениям, представленным на вкладышах к восковым цилиндрам, работа по звукозаписи исполнителей протекала довольно интенсивно и была осуществлена всего лишь за один день (14 июля

⁵ Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Несколько замечаний о напевах мезенских и печорских былин // Былины Севера. Т. 1. Мезень и Печора / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Нотный раздел, № 9 (перепечатано: Красовская Ю. Е. Сказители Печоры. М., 1969. С. 51—52; Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. № 59а. С. 305; Марченко Ю. И. Некоторые вопросы изучения музыкальной стилистики эпических напевов архангельской традиции (по материалам, записанным на Кулое, Мезени и Печоре) // Русский фольклор: Эпические традиции. Материалы и исследования. СПб., 1995. Т. 28. С. 127. № 3; Свод русского фольклора. Былины. В 25 т. Т. 1. Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; отв. ред. тома А. А. Горелов. СПб.; М., 2001. С. 701); № 10 (перепечатано: Былины: Русский музыкальный эпос. № 57а. С. 298; Марченко Ю. И. Некоторые вопросы... С. 129. № 5).

⁶ Былины Севера. Т. 1. С. 366—367. Замечания А. М. Астаховой уместно дополнить характеристикой, которую дала Еремею Чупрову Н. П. Колпакова много лет спустя: «Исключительно одаренный певец, исполняющий свой небольшой былинный репертуар с необычайно тонкой артистичностью и огромным эмоциональным подъемом. (...) Кроме былин знает много песен и охотно поет их. Он остался единственным певцом в прежде большой семье: старшие братья, Яков и Климентий, с которыми он раньше пел, очень стары и дряхлы, сын Ларион Еремеевич живет в Карелии, служит на военной службе и, по словам отца, продолжает петь былины в кругу семьи. В Аврамовской с Е. П. Чупровым поют его двоюродные братья Малафей Иванович и Семен Иванович Чупровы». (См.: Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи / Изд. подг. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961. С. 164).

1929 г.).⁷ В результате на 11 фоноваликах собиратели зафиксировали 18 фрагментов.⁸

Материалы, записанные от семейного ансамбля Чупровых, интересны прежде всего тем, что расширяют возможность анализа печорской песенности с позиций соотношения локального песенного стиля с местной певческой традицией.

Исключительную актуальность такого направления для музыкальной фольклористики, с одной стороны, и его слабо разработанную методическую базу — с другой, лучше всех понимал, пожалуй, уже упомянутый Е. В. Гиппиус. Не случайно в одной из своих последних работ (в основу которой легли опять же, материалы Фонограммархива Института русской литературы) он вновь возвратился к ранним звукозаписям, избрав предметом изучения протяжную форму лирической песни — наиболее сложное явление русского песенного фольклора.

В результате в свет вышло издание, в котором наряду с важными текстологическими рекомендациями (заложенными, кстати, в самом принципе публикации музыкально-поэтических текстов с использованием методов графического отражения аналитической нотировки) предлагаются некоторые итоговые выводы, не только полезные, но даже определенно необходимые для формирования у фольклористов реалистических взглядов как на проблемы соотношения песенного стиля с певческой традицией, так и на вопросы классификации необрядовой лирической песни в целом.⁹

Е. В. Гиппиус указал на четыре «стилевых вида» протяжной песни: первый — связанный с творчеством мужских дуэтов и трио северных певцов-умельцев (или так называемых «замкнутых» ансамблей, не допускающих сторонних участников), «культивировавших (...) традицию „инвенционного“ полифонического стиля протяжной песни»; вто-

⁷ Возможно, эти формальные сведения не во всем точны. Во всяком случае предыдущий сеанс звукозаписи осуществлялся в с. Замежное 13 июля 1929 г., последующий же, в с. Ижма, датирован 17 июля 1929 г.

⁸ ФВ 646—656. Впятером Чупровы исполнили лирические песни «Ай, дак во бору, ой, сосна стояла», «Ай, да не една ле, една, э-ой, да ле в поле да дороженька» (песня записана двумя фрагментами на двух фонографических цилиндрах), «Ох, невесела-то ли компаньюшка», «Что ты, Машонька, сделала», «Ай, да не ясэн-то ли да сокол», «Ай, калинушка да со малинушкой», «За Невагою», «Ай, дак нам-то не дорого ли было золото да чисто серебро», «Все люди живут да как цветы цветут», «Разосённые комарочки да пискуны»; втроем (родные братья Еремей, Климентий и Яков) — лирические песни «Ой, из палаты-то было белокаменной», «Питер-Москву да проезжали»; вчетвером (без Малафея Чупрова) — историческую песню «Отправлялся Олександра, ой, свою армию смотреть», две былины — «Как про белого сказать царя» («Бутман»), «Ай, да не близко от города, не далёко уж, не» («Илья Муромец и сын»). Кроме того, от Еремея Чупрова были зафиксированы еще два былинных фрагмента: «Бутман», «Василий Игнатъевич и Батыга» («Вниз по матушке с-по Волге, по Неве-реке») — публикацию расшифровки см.: Свод русского фольклора. Былины. В 25 т. Т. 2. Былины Печоры. СПб.; М., 2001. № 205. С. 155—156.

⁹ Двадцать русских народных песен в ранних звукозаписях (в звукозаписях Е. Линевой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гиппиуса. 1897—1935) / Сост., нотирование и общ. ред. Е. В. Гиппиуса. В подг. изд. принимал участие А. С. Кабанов. М., 1979.

рой — основанный на сочетании виртуозных распевов с общинными, обиходными; третий — ограниченный местными общинными стилями «преимущественно однородных женских ансамблей»; к четвертому, по его мнению, «относятся индивидуализированные виртуозные стили мужской одиночной песни».¹⁰

С учетом позиций, изложенных Е. В. Гиппиусом, характеристики коллектива Чупровых оказываются достаточно сложными. Это чисто мужской семейный ансамбль,¹¹ который тем не менее не может считаться «замкнутым» в том строгом значении, которое вкладывает в это понятие Е. В. Гиппиус. Что же касается музыкальной стилистики публикуемых напевов, то она оказывается различной: в одних случаях (№ 2, 3) следует, по-видимому, указать на признаки сочетания виртуозных распевов с общинными, в других же (№ 1, 4, 5) — сделать акцент на ограничении нормами обиходного пения, но с признаками мастерского варьирования напевов, с достаточно широким использованием исполнителями возможностей трехголосной фактуры.

В связи с затронутой проблематикой нельзя обойти еще одно направление, связанное со сравнительным изучением традиций мужского и женского пения. В отечественной фольклористике на материале необрядовой лирики этот вопрос активно разрабатывается после выхода в свет в 1889 г. хорошо известного сборника Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина.¹²

Не обошел проблемы, разумеется, и Е. В. Гиппиус. Но если принцип изучения лирических песен по контрастным вариантам различного местного происхождения, предложенный Н. М. Лопатиным и

¹⁰ Двадцать русских народных песен в ранних звукозаписях... С. 6—7. Необходимость достаточно подробного изложения позиции Е. В. Гиппиуса вызвана тем, что его сборник, вышедший в свет в 1979 г. тиражом в 2000 экз., уже лет через 10 (если не раньше!) стал библиографической редкостью. По существу, основная масса тиража благополучно «разошлась по рукам» музыковедов-фольклористов Москвы, Ленинграда и некоторых зарубежных специалистов, прямо или косвенно связанных с самим Е. В. Гиппиусом. Особая ценность работы заключается в стремлении Е. В. Гиппиуса указать на индивидуализацию местных мелодических и многоголосных стилей протяжных песен при исполнении их наиболее искусными мастерами, подчеркнуть это как характерную особенность; одновременно — обратить внимание специалистов на те стили русской лирики, которые, по его мнению, либо вовсе отсутствуют (первый), либо почти не сохранились в фольклорной традиции на ее современном этапе. А это, в свою очередь, предполагает более детальное изучение фондов ранних звукозаписей, вызывает необходимость постоянной корректировки научных представлений, сложившихся в результате изучения народно-песенной культуры за последние десятилетия.

¹¹ Особенно следует подчеркнуть, что никто из собирателей, непосредственно осуществлявших записи от какого-либо из старейших участников ансамбля (в первую очередь от родных братьев — Еремея, Климентия и Якова), никогда не указывал на склонность кого-либо из них к пению в смешанных группах (т. е. с женщинами). Соисполнителями оказывались всегда только мужчины и, как правило, родственники.

¹² Н. М. Лопатин и В. П. Прокунин. Русские народные лирические песни: Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву / Под ред. и с вступ. ст. В. Беляева. М., 1956.

В. П. Прокуниным, давно признан и широко используется фольклористами, то Е. В. Гиппиус со всей серьезностью подчеркнул исключительную важность параллельных записей песни от мужского и женского коллективов, он же, в конце концов, указал и на необходимость прямого сопоставления таких материалов.¹³

Таким образом, записи ансамбля Чупровых должны быть осмыслены еще с одной позиции — как одно из звеньев в той цепи источников, на которые опирался в своих научных разысканиях Е. В. Гиппиус, как часть его личного собирательского опыта (не говоря уже о том значении, которое эти записи могут иметь для изучения севернорусской фольклорной традиции в целом и печорской песенности — в частности).

1. Ай, дак во бору, ой, сосна стояла

♩ = 40 – 44

1. Ай, дак во бо — ру, а — ой, со — сна сто — я...

...сна сто — я...

...а — эй, со — сна сто — я... да

со — сен — ка не, эй, не про — ста... ой, да

со — сен... не, эй, не про — ста...

со... не, не про — ста... да

¹³ Двадцать русских народных песен в ранних звукозаписях... С. 7. Ср. № 15 (с. 51—52), 16 (с. 53—55).

не про ста... ой, не про
не про ста... ой, да не про
не про ста... ой, да не про

_ ста _ я.
_ ста _ я.
_ ста _ я.

2. Не про ста (о) _ я со сен(ы)ка,
со сен(ы)ка,
...а (о) _ я со сен(ы)ка,

со сен_ка за... ай, за_ня та... э - ой, да
со сен_ка за... ай, за_ня та...
со сен_ка за... за_ня та... ой, да

тё _ пло гне... а - ой, да тё _ пло

тё _ пло гне... а - ой, да тё _ пло

тё _ пло гне... а - ой, да тё _ пло

гне _ здышко.

гне _ здышко.

гне _ зды_шко.

4. Тё _ пло гне... а - ой, да рас _ цве_та...

4. Тё _ пло гне... э - ой, да всё расцве_та...

4. Тё _ пло гне... а - ой, да рас _ цве_та...

ме _ сто да со... ой, со _ ло вьи... ой, да

ме _ сто да со... ой, со _ ло вьи... э - ой,

ме _ сто да со... ой, со _ ло _ вьи... ой,

со _ ло _ вьи... а - ой, да со...ой,со,ло _
 со _ ло _ вьи... а - ой, да со _ ло _
 со _ ло _ вьи... а - ой, да со _ ло _

_ вьи _ но_б.
 _ вьи _ но_б.
 _ вьи _ но_б.

5. Ай, да,к(ы) не со _ ло _ (а _ э) _ вьё - то гне_здо,
 ...о _ (э) _ вьё - то гне_здо,
 5. Не со _ ло _ (а _ э) _ вьё - то гне_здо,

гне _ зды_шко ор _ ли...
 гне _ зды_шко - то ор _ ли... эй, да
 гне _ зды_шко - то ор _ ли... эй, да

вот ор — ли... а — ой, да вот ор —
 вот ор — ли... а — ой, да вот ор —
 вот ор — ли... а — ой, да вот ор —

— ли — но_ё.
 — ли — но_ё.
 — ли — но_ё.

Ай, дак во бору, а-ой, сосна стоя... да сосенка не, эй, не проста... ой,
 да не проста... ой, не простая.
 Не проста(о)я сосен(ы)ка, сосенка за... ай, занята... э-ой,
 да занята... э-ой, да за... занятая.
 Занята(о)я сосенка, свито да тё... тёпло гне... э-ой,
 тёпло гне... а-ой, да тёпло гнездышко.
 Тёпло гне... а-ой, да расцвета... место да со... ой, соловьи... э-ой,
 да соловьи... а-ой, да со... ой, соловьиноё.
 Ай, дак(ы) не соло(а-э)вьё-то гнездо, гнездышко-то орли... эй,
 да вот орли... а-ой, да вот орлиноё.

2. За Невагою

♩ = 60 - 64

1. За Невагою...

ой, да за... за вто_рой...

ой, да за... за вто_рой

Э (а) - ой, да за... за вто_рой

Э (а) - ой, да за... за вто_рой

ой, за реч_кой бы_ло Пе_ре_бра...

реч_ко_ю, ой, за реч_кой бы_ло Пе_ре_бра...

реч_ко_ю, за реч_кой бы_ло Пе_ре_бра...

реч_ко_ю, реч_кой бы_ло Пе_ре_бра...

о — ой...
о — ой,
о — ой,
о — ой,

Пе_ре_б(ы)_ра _ (о) _ го _ ю.
...о _ го _ ю.
да за реч_кой Пе_ре _ бра _ (о) _ го _ ю.
да за реч_кой Пе_ре _ бра _ (о) _ го _ ю.

2. Ой, дак Пе_ре_бра _ го _ ю...
...ре_бра _ го _ ю...
...ре_бра _ го _ ю.

ой, да ли не... не по_лынь...

Э - ой, да ли не... не по_лынь -

Э - ой, да ли не... не по_лынь, да ли не по_лынь-

Э - ой, да ли не... не по_лынь -

ой, да во по_ле ша_та...

трав_ка во по_ле ша_та...

трав_ка, во по_ле тра_ва ша_та...

трав_ка, ой, да во по_ле ша_та...

о - о (э - о) ой...

о - о (э) ой,

ой,

о - о (э - о) ой,

за_ша_та — ла_ся.
 да в по_ле...
 да в по_ле_(я) за_ша_та — ла_ся.
 да в по_ле_(я) за_ша_та — ла_ся.

3. Ой, дак(ы)рос_ша_та — ла_ся...
 ...ша_та — ла_ся...
 ...ся...

ой, да ли за... ай, за ша_та...
 ой, да ли за... ай, за ша_та —
 Э - о... ой, да ли за... за_ша_та —
 Э - о... ой, да ли за... за_ша_та —

ой, да в по — ле за — ду — ша,
 ла — се, ой, да в по — ле за — ду — ша,
 ла — се, ой, да в по — ле за — ду — ша,
 ла — се, ой, да в по — ле за — ду — ша,

о — ой, да
 о — ой, да
 о — ой, да
 о — ой, да

за ду — ша мо — я.
 за — ду ша(я), за ду ша...
 за — ду ша(я), за ду ша мо — я.
 за — ду ша(я), за ду ша мо — я.

За Невагою...
 Э(а)-ой, да за... за второй речкою, ой, за речкой было Перебра... о-ой,
 да за речкой Переб(ы)ра(о)гою.

Ой, дак Перебрагою...
 Э-ой, да ли не... не полынь,
 да ли не полынь-травка, ой, да во поле трава шата... о(э-о)-ой,
 да в поле(я) зашаталася.

Ой, дак(ы) росшаталася...
 Э-ой, да ли за... ай, зашаталасе, ой, да в поле задуша, о-ой,
 да задуша(я), задуша моя.

3. Что ты, Машонька, сделала

♩ = 60 - 64

...шонь_ка, сде _ ла _ ла... Да

1. Что ты, Ма_(о)_шонь_ка, сде _ ла _ ла... Да

...э о -

мать - то, от_ца Ма_ша про_гне... о -

ма_ти - то, от_ца Ма_ша про_гне... о -

э (о а) - о

й(и), да ли ма ти - то-й, от ца...

й(и), да ли ма ти - то, от ца да про

...да ли ма ти - то-й, от ца, от ца Ма ша про

да ли ма ти - то-й, от ца, от ца про

гне... ой, уж да ли мать, от ца про гне...

гне... ой, уж да ли мать, от ца...

гне... ой, уж да ли мать, от ца про гне ва ла.

гне... э - ой, уж да ли мать, от ца про гне ва ла.

...гне ва ла... Да

2. Ах, да мать, от ца про гне ва ла... Да

...ца про гне ва ла... Да

...гне ва ла... Да

ми ло го Ма ша-й у те... о -

ми ло го Ма ша-й у те... о -

ми ло го Ма ша-й у те... о -

ми ло го Ма ша-й у те... о -

э (а э а о а) - о

э (а э а о а) - о

а (э а)...

эй, а (э а) - о

— й(и), да ле ми — ло го, ой, да-й у —

— й(и), да ле ми — ло го, ой...

...да ле ми — ло го, ой, да-й у —

— й(и)...

— те... э й(и), да ли ми_ло_го-й у — те — ши_ла.

— те... э й(и), да ли ми_ло_го-й у — те — ши_ла.

...те... эй, да ли ми_ло_го-й у — те — ши_ла.

ми_ло_го-й у — те — ши — ла...

3. Ах, ну ми_ло_го-й у — те — ши — ла... Да

...го-й у — те — ши — ла...

шёл - то ми_ло_й(и) да по-й у... о (а) -

шёл - то ми_ло_й(и) да по-й у... о...

о (а)...

шёл - то ми_ло_й(и) да по-й у... о (а) -

о (э о)

о

о

о

о...

_й(и), да шё_л(ы)-то ми лой да ле по-й

_й(и), да ле шё_л(ы)-то ми лой да ле по-й

_й(и), да ле шё_л(ы)-то ми ло_й(и) да ле по-й

да ле шё_л(ы)-то ми_лой...

у... ой, да то ли шёл ми_лой по-й у _ ло_чке.

у... то ли шёл ми_лой по-й у...

у... ой, то ли шёл ми_лой по-й у _ ло_чке.

у... ой, да то ли шёл ми_лой по-й у _ ло_чке.

4. Ай, ну шёл ми_лой по-й у _ ло_ч(и)_чке...

(й)у _ ло_чке...

...лой по-й у _ ло_чке... Да

шёл - то ми...

шёл - то ми_лой да не по ши... э -

шёл - то ми_лой да не по ши... э _ (а) -

о (а_о_э) а - о

о (а_о_э) а - о

о (а_о_э) а - о

о (а_о_э) а - ой,

й(и), да ле шё_л(ы) - то ми ло й(и) вдоль по

й(и), да ле шё_л(ы) ми лой...

й(и), да ле шё_л(ы) - то ми ло й(и) да вдоль по

да ле шё_л(ы) - то ми ло й(и) вдоль по

ши... да вдоль да шёл ми_лой по ши _ ро_кой.

ши... шёл ми_лой по ши...

ши... ай, да вдоль да шёл ми_лой по ши _ ро_кой.

ши... да вдоль да шёл ми_лой по ши _ ро_кой.

5. Ай, ну шёл ми_лой по ши _ ро _ кой...

ми_лой по ши _ ро _ кой... Да

пел о _н(ы) пе _ сен_ку но... э -

пел о _н(ы) пе _ сен_ку но... э -

но... э - (а) -

пел о _н(ы) пе _ сен_ку но...

о _ (э _ а _ э) - а) - э -

о _ (э _ а _ э) - э -

о _ (э _ а _ э) - а) - э -

о _ (э _ о _ а) - э -

_й(и), да ле пел - то ён пе _ се _н(ы)_ку да
 _й(и), да ле пел - то ён пе _ се _н(ы)_ку да
 _й(и), да ле пел - то ён пе _ се _н(ы)_ку да
 _й(и), да ле пел - то он пе _ сен _ ку

но... о_й(и), да ли пел он пес_ню но...
 но... ой...
 но... ой, да ли пел он пес_ню но _ ву_ю.
 но... о _ й(и), да ли пел он пес_ню но _ ву_ю.

...сен_ку но _ ву _ ю... Да
 6. Пел он пе _ сен_ку но _ ву _ ю... Да
 ...ю... Да
 но _ ву _ ю... Да

Ма _ шу - то чер _ но бро... э _ (а) -

Ма _ шу - то че...

э -

Ма _ шу - то чер _ но бро... э _ (а) -

Ма _ шу - то че... да чер_но_бро... эй,

о _ (э _ а_о_э _ а)...

о _ (э _ а_о_э)...

э

ой, э _ (а_о_э _ а) - эй,

э _ (а_о_э _ а) - э _

че... ой, да че... чер_но _

_й(и), да_к(ы) Ма _ шу да че... ой, да...

да_к(ы) Ма _ шу да че... ой, да че... чер_но _

_й(и), да_к(ы) Ма _ шу да че... ой, да че... чер_но _

бро... ой(и), да Ма шу чер но бро ву ю.

бро... Ма шу чер но бро...

бро... ой(и), да(ы) Ма шу чер но бро ву ю.

ой(и), да(ы) Ма шу чер но бро ву ю.

[ч]ер но бро ву ю... Дак

7. Ах, да чер но бро ву ю... Дак

[ч]ер но бро ву ю... Дак

Ма ша да се... ой(а)

Ма ша да се... ой(а)

Ма ша да се... эй, се но ко... ой(а)

Ма ша да се... эй, се но ко... ой(а)

э (а_о) а) - о

э (а_о) а) - о

э (а_о) а) - о

э (а_о) а) - о

— й(и)... се... се — но - то

— й(и) - то, да Ма — ша да се... се — но - то

— й(и) - то, да Ма — ша да се... се — но - то

— й(и) - то, да Ма — ша да се...

ко... ой, да то ли Ма_ша се_но ко — си_ла.

ко... ой, то ли Ма_ша се_но ко — си_ла.

ко... ой, да то ли Ма_ша се_но ко — си_ла.

ко... ой, то ли Ма_ша се_но ко — си_ла.

Что ты, Ма(о)шонька, сделала...
 Да мати-то, отца Маша прогне... о-э(о-а)-ой(и), да ли мати-то-й, отца,
 отца Маша прогне... э-ой, уж да ли мать, отца прогневала.
 Ах, да мать, отца прогневала...
 Да милого Маша-й уте... о-э(а-э-а-о-а)-ой(и), да ле милого, ой,
 да-й уте... эй(и), да ли милого-й утешила.
 Ах, ну милого-й утешила...
 Да шёл-то милой(и) да по-й у... о(а)-о(э-о)-ой(и), да ле шёл(ы)-то
 милой(и) да ле по-й у... ой, да то ли шёл милой по-й улочке.
 Ай, ну шёл милой по-й улоч(и)ке...
 Да шёл-то милой да не по ши... э(а)-о(а-о-э-а)-ой(и), да ле шёл(ы)-то
 милой(и) да вдоль по ши... ай, да вдоль да шёл милой по широкой.
 Ай, ну шёл милой по широкой...
 Да пел он(ы) песенку но... э(а)-о(э-а-э-а)-эй(и), да ле пел-то ён
 песен(ы)ку да но... ой(и), да ли пел он песню новую.
 Пел он песенку новую...
 Да Машу-то че... да чернобро... э(а)-о(э-а-о-э-а)-эй(и), дак(ы)
 Машу да че... ой, да че... чернобро... ой(и), дак(ы) Машу чернобровую.
 Ах, да чернобровую...
 Дак Маша да се... эй, сено ко... о(а)-э(а-о-а)-ой(и)-то, да Маша да
 се... сено-то ко... ой, да то ли Маша сено косила.

4. Ой, из палаты-то было белокаменной

♩ = 48 – 52

1. Ой, из па ла ты - то бы ло бе ло

...по бе ло

...ты - то бы ло да бе ло

— ка — мен ной, дак ой, из се —
 — ка — мен ной, дак из... из се —
 — ка — мен — ной, дак из... из се —

— но — ту-то бы_ло Е_ру сла(э_о) — в(ы)_ско — го.
 — но — ту-то бы_ло Е_ру сла_(о) — в(ы)_ско — го.
 — но — ту-то бы_ло Е_ру сла(э_о) — в(ы)_ско — го.

2. Ой, из се — но — ту бы_ло Е_ру —
 из се — но — та_(у) бы_ло Е_ру —
 из се — но — ту бы_ло Е_ру —

— слав — ско — го, дак ой, вы_ез —
 — слав — ско — го, дак ой, вы_ез —
 — сла — (а)... ...го, дак ой, вы_ез —

— жа_л(ы)-то май_о_р(ы) да пол_ко — в(ы)_ни — чок.

— жа_л(ы)-то май_о_р(ы) да пол_ко — в(ы)_ни — чок.

— жа_л(ы)-то май_о_р(ы) да пол_ко — в(ы)_ни — чок.

3. Ой, вы — ез — жа_л(ы) - то май_о_р(ы) да пол_

...ез — жа_л(ы) - то май_о_р(ы) да...

...(э) — ез — жа_л(ы) - то май_о_р(ы) да пол_

— ков — ни — чок, да-й вы... ой, вы_но_

...ов_ни — чок, да-й вы... ой, вы_но_

— ков — ни — чок, да-й вы... ой, вы_но_

— си_л(ы)-то-й у_ка_з(ы) да не_ми... ...ми_лост_лив.

— си_л(ы)-то-й у_ка_з(ы) да не_ми(э)... не.ми_лост_лив.

— си_л(ы)-то-й у_ка_з(ы) да не_ми(э)... не.ми_лост_лив.

4. Ой, вы — но — си_л(ы) - то-й у — ка — з(ы) да не —

...но — си_л(ы) - то-й у — ка — з(ы) да не —

...(ы) — но — си_л(ы) - то-й у — ка — з(ы) да не —

— ми — лост — лив, ох, да что — то не —

— ми — лост — лив, ох, да что — то не —

— ми — (э — и)_лост — лив, э — ох, да что — то не —

— ми — ло_с(и)лив у_каз, не_жа... ой, нежа_лост_лив.

— ми — ло_с(и)лив у_каз, не_жа... э — ой, нежа_лост_лив.

— ми — ло_с(и)лив... _каз, не_жа... э — ой, нежа_лост_лив.

5. Ой, что-й не — ми — лост — лив...

...ой(и) не — ми — лост — лив у — каз, не —

...о не — ми — лост — лив у — каз, не —

э - ой, не_жа_лостлив: да что-й - то из
 _жа... ой, не_жа_лостлив: да что-й - то из
 _жа... не_жа_лостлив: да что - то из

трёх - то братьей, ой, в(ы)сол_да (о) - ты братъ.
 трё_х(а)то братьей, ой, в(ы)сол_да(э) - ты братъ.
 трё_х(а)то братьей в(ы)сол_да... э - ой, ...да_ты братъ.

Ой, из палаты-то было белокаменной,
 Дак ой, из сеноту-то было Ерусла(э-о)в(ы)ского.
 Ой, из сеноту было Еруславского,
 Дак ой, выезжал(ы)-то майор(ы) да полков(ы)ничок.
 Ой, выезжал(ы)-то майор(ы) да полковничок,
 Да-й вы... ой, выносил(ы)-то-й указ(ы) да неми(э)... немилостлив.
 Ой, выносил(ы)-то-й указ(ы) да неми(э-и)лостлив,
 Э-ох, да что-то немилос(и)лив указ, нежа... э-ой, нежалостлив.
 Ой, что-й немилостлив указ, нежа... ой, нежалостлив:
 Да что-й-то из трёх(а)-то братьей, ой, в(ы)солда... э-ой, ...даты братъ.

5. Ай, да не ясён-то ли да сокол

♩ = 52 - 56

не я - сё - н(ы) - то ли да со -

1. Ай, да не я - сё - н(ы) - то ли да со -

- то ли да со -

- ко - (э а)... ой, да со... со_кол по... ой, по го -

- ко - (а)... ой, да со... со_кол по... ой, по го -

ой, да со... со_кол по... ой, по го -

- ко - (э а)... ой, да со... со_кол по... ой, по го -

- ра - м(ы) ле - тал, ой, да

- ра - м(ы) ле - тал, ой, да

- ра - м(ы) ле - тал, ой, да

- ра - м(ы) ле - тал, ой, да

по... по го — ра_м(ы) ли со_ко_л(ы) да ле_тал.
 по... по го — ра_м ли со_ко_л(ы) да ле_тал.
 по... по го — рам ли со_ко_л(ы) да ле_тал.
 по... по го — рам ли со_ко_л(ы) да ле_тал.

о ле_та — л(ы)-то, ле... да ле_
 2. Ай, дак он(ы)ле_та — л(ы)-то, ле... да ле_
 он(ы)ле_та — л(ы)-то, ле... да ле_
 он ле_та — л(ы)-то, ле... да ле_

_тал, ой, да всё ле ле_бё_ду_
 _тал, ой, да всё ле ле_бё_ду_
 _тал, ой, да всё...
 та (о)л, ой, да всё ле ле_бё_ду_

— шо — к(ы) и — с(ы) — кал, ой, да

— шо — к(ы) и — с(ы) — кал, ой, да

...о — к(ы) и — с(ы) — кал, ой, да

— шо — к(ы) и — с(ы) — кал, ой, да

всё - то ле ле — бё — (о) — ду — шок - то ли...

всё - то ле ле — бё — ду — шок - то ли ис — кал.

всё - то ле ле — бё — ду — шок - то ли ис — кал.

всё - то ле ле — бё — (о) — ду — шок - то ли ис — кал.

дак он на — шё — л(ы) — то ли, да на —

3. Ай, дак он на — шё — л(ы) — то ли, да на —

ли, да на —

на — шё(а)... — то ли, да на —

_ шёл, ой, да на... на_шёл на... на кру_
 _ шёл, ой, да на... на_шёл на... на кру_
 _ шёл, ой, да на... эй, на_шёл на кру_
 _ шёл, ой, да на _ шёл на... на кру_

_ то_(а_э) _ й(и) го _ ре, ой, да
 _ то _ й(и) го _ ре, ой, да
 _ то _ й(и) го _ ре, ой, да
 _ то _ й(и) го _ ре, ой, да

на... эй, на кру _ тень _ кой - то бы_ло на го _ ре.
 на... эй, на кру _ тень _ кой - то бы_ло на го _ ре.
 на... на кру _ тень _ кой - то бы_ло на го _ ре.
 на... эй, на кру _ тень... бы_ло на го _ ре.

на го - ре - то ли да си _

4. Ай, дак на го - ре - то ли да си _

-то ли да си _

ли да си _

— дят, ой, да всё - то да три - то ле _

— дят, ой, да всё - то да три - то ле _

— дят, ой, ой, да всё - то да три - то ле _

— дят, ой, ой, да всё - то да три - то ле _

— бё — душ — ки, ой, да

— бё — душ — ки, ой, да

— бё — душ — ки, ой, да

— бё — душ — ки, ой, да

три ле ле — бё — душ_ки - то ли си — дят.

три... ...о — душ_ки - то ли си — дят.

три ле ле — бё — (о) — душ_ки - то ли си — дят.

три ле ле — бё... ...ки - то ли си — дят.

как од — на — (о) - то ле... да ле —

5, Ай, да как од — на — (о) - то ле... да ле —

...о - то ле... да ле —

ле... да ле —

— бё... ой, да ле — бёда-йпо... по_бе —

— бё... ой, да ле — бёдь по...ой, по...

— бё... ой, да ле — бёдь по... по_бе —

— бё... ой, да ле — бёдь по... по_бе —

_ле _ е всех, ой, дак

...[л]е _ е всех, ой, дак

_ле _ е всех, ой, дак

_ле _ е всех, ой, дак

по... по_бе _ ле _ е ле _ бе_д(и) всех.

по... по... ...ле _ е ле _ бе_д(и) всех.

по... по_бе _ ле _ е ле _ бе_д(и) всех.

по... по_бе _ ле _ е ле _ бе_д(и) всех.

...у - то ли во

6. Ай, да из са - ду - то ли во

...у - то ли...

...у - то ли - то во

сад, э - ой, да ле... ле_бедь пе... пе_ре _

сад, ой, да ле... ле_бедь пе... пе_ре _

сад, ой, да ле... ле_бедь пе... пе_ре _

сад, ой, да ле... ле_бедь пе...

_ ле _ (о) _ ты _ ва_ла, ой, да

_ ле _ (о) _ ты _ ва_ла, ой, да

_ ле _ (о) _ ты _ ва_ла, ой, да

...(о) _ ты _ ва_ла, ой, да

пе... пе_ре _ ле _ ты _ ва_ла.

пе... ой, пе_ре _ ле _ ты _ ва_ла.

пе... пе_ре _ ле _ ты _ ва_ла.

пе... пе_ре _ ле _ ты _ ва_ла.

на ми - ла - то ли да друж

7. Ай, дак на ми - ла - то ли...

-то ли да друж

...ка, ой, да ле... ле_бедь по _ гля _

ой, да ле... ле_бедь по _ гля _

...ка, ой, ой, да ле... ле_бедь по _ гля _

ой, да ле... ле_бедь по...

...ды _ ва _ ла, ой, да

...ды _ (о) _ ва _ ла, ой, да

...ды _ ва _ ла, ой, да

...ды _ ва _ ла, ой, да

ле... ле_бедь взгля_ды_ва_ла.
 ле... ле_бедь взгля_ (о) _ды_ва_ла.
 ле... ле_бедь взгля_ды_ва_ла.
 ле... ле_бедь взгля_ды_ва_ла.

Ай, да не ясён(ы)-то ли да соко(э-а)... ой,
 да со... сокол по... ой, по горам(ы) летал,
 Ой, да по... по горам(ы) ли сокол(ы) да летал.
 Ай, дак он(ы) летал(ы)-то, ле... да ле тал, ой,
 да всё ле лебедушок(ы) ис(ы)кал,
 Ой, да всё-то ле лебедушок-то ли искал.
 Ай, дак он нашёл(ы)-то ли, да нашёл, ой,
 да на... нашёл на... на круто(а-э)й(и) горе,
 Ой, да на... эй, на крутенькой-то было на горе.
 Ай, дак на горе-то ли да сидят, ой,
 да все-то да три-то лебедушки,
 Ой, да три ле лебедушки-то ли сидят.
 Ай, да как одна(о)-то ле... да лебё... ой,
 да лебедь да-й по... ой, побелее всех,
 Ой, дак по... побелее лебед(и) всех.
 Ай, да из саду-то ли во сад, э-ой,
 да ле... лебедь пе... переле(о)тывала,
 Ой, да пе... ой, перелетывала.
 Ай, дак на мила-то ли да дружка, ой,
 да ле... лебедь погляды(о)вала,
 Ой, да ле... лебедь взгля(о)дывала.

КОММЕНТАРИИ

Записи хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Буквенное обозначение (ФВ) указывает на вид хранения (фонд фонографических валиков), трехзначное число — номер валика, двузначное число через дефис — порядковый номер записи на нем. Нотировки выполнены Ю. И. Марченко.¹⁴

¹⁴ Расшифровки материалов осуществлялись после предварительной реставрации фонограмм с учетом неустраняемых механических дефектов. При проработке фактуры за основу был взят опыт Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд по нотировке былинных напевов, записанных от квартета Чупуровых (трехголосный склад).

1. ФВ 646-01. «Ай, дак во бору, ой, сосна стояла». Исп.: Чупров Еремей Прович (1890 г. р.), Чупров Климентий Прович (1873 г. р.), Чупров Яков Прович (1882 г. р.), Чупров Малафей Иванович (1887 г. р.), Чупров Ларион Еремеевич (1912 г. р.). Зап. 14 июля 1929 г. Гишпиус Е. В. и Эвальд З. В. в д. Аврамовской Пижемской волости Печорского уезда Северного края (Пижемский с/с, Усть-Цилемский р-н, Республика Коми).

Текст песни, записанный З. В. Эвальд от Е. П. Чупрова, см.: Песни Печоры. № 330. С. 356. Образец в записи 1955 г. см.: Там же. № 57. С. 94—95.

2. ФВ 651-02. «За Невагою» Сведения об исполнителях и о записи см. коммент. № 1.

Текст песни, записанный З. В. Эвальд от В. Т. Поздеевой и хора женщин, см.: Песни Печоры. № 335. С. 358—359. Образец в записи 1955 г. см.: Там же. № 45. С. 81—82. Ср.: Песенный фольклор Мезени / Изд. подг. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. № 22. С. 63—65; Двадцать русских народных песен в ранних звукозаписях... № 1. С. 10—13.

3. ФВ 648-01. «Что ты, Машонька, сделала». Сведения об исполнителях и о записи см. коммент. № 1.

Текст песни, записанный З. В. Эвальд от Е. П. Чупрова, см.: Песни Печоры. № 332. С. 356—357.

4. ФВ 653-01. «Ой, из палаты-то было белокаменной». Исп.: Чупров Е. П., Чупров К. П., Чупров Я. П. Сведения о записи см. коммент. № 1.

Приводим текст песни, записанный Н. П. Колпаковой от Е. П. Чупрова 14 июля 1929 г.¹⁵

Ох, из полаты-то было да белокаменной,
Ой, да из... из сеноту было Еруславского.
Ой, из сената-то было Еруславского,
Ой, да вы... ой, выезжал(ы)-то майор да полковничок.
Ой, выезжал-то майор да полковничок,
Да вы... ой, вывозил-то-й указ да неми... ой, немилослив.
Ой, вывозил-то указ(ы) да неми... ой, ... милослив,
Ой, да што... што немилослив указ, нежалослив.
Ой, што немилослив указ, нежа... ой, нежалослив,
Да што-то из трех-то братьей во те солдаты брать...¹⁶
(РО ИРЛИ, колл. 6, п. 4, л. 10).

Варианты в записях 1955—1956 гг. см.: Песни Печоры. № 2. С. 34—35; № 196. С. 237—238. Ср.: Песенный фольклор Мезени. № 52—53. С. 99—101.

5. ФВ 649-01. «Ай, да не ясен-то ли да сокол». Сведения об исполнителях и о записи см. коммент. № 1.

Текст песни, записанный З. В. Эвальд от Е. П. Чупрова, см.: Песни Печоры. № 329. С. 355—356. Ср.: Песенный фольклор Мезени. № 66—66а. С. 119—121; Устьянские песни. Вып. 1 / Сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Л., 1983. № 7. С. 17—18.

¹⁵ В архивных материалах при паспортизации записи ошибочно указано число 14 июня 1929 г.

¹⁶ Текст публикуется в синтаксической редакции с сохранением фонетических особенностей записи Н. П. Колпаковой.

МЕЗЕНСКИЕ ПЕСНИ ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЕГО И ЗИМНЕГО ЦИКЛОВ В ЗАПИСИ М. Н. МЯКУШИНА

Подготовка и комментарии Е. И. Якубовской

Собрание мезенских весенне-летних и зимних песен продолжает знакомить читателей с рукописным сборником известного знатока традиционной народной культуры, создателя народного хора Лешуконского землячества в г. Архангельске Михаила Николаевича Мякушина. Ранее были опубликованы его записи традиционной свадьбы.¹

Уроженец деревни Пылема Лешуконского района Архангельской области, М. Н. Мякушин, одаренный прекрасным голосом (красивый тенор с широким диапазоном), слухом и исключительной памятью, еще в юности освоил огромный песенный репертуар родной деревни. Немалую роль в этом сыграла и его мать Фекла Никифоровна, которая слыла знаменитой песенницей на всю округу. Славу и известность в качестве запевалы в весенних «кругах», на зимних «игрищах» и деревенских свадьбах у нее переняли ее дети. Михаил Николаевич в своей автобиографии вспоминает о своей младшей сестре-песеннице, которая в молодости была в числе «певиц» — главных исполнителей ходовых хороводных песен на весенних гуляньях и знала множество песен.²

М. Н. Мякушин обладал огромным репертуаром. В нем было более двух сотен песен: лирических, хороводных, плясовых, игровых, свадебных, а также святочные винограды, сотни частушек. На протяжении всей жизни он любовно собирал пословицы, загадки, присказки, остроумные присловья.

В начале 60-х гг. М. Н. Мякушин, которому в то время уже было более семидесяти лет, записывает песни, известные ему, в толстую тетрадь и 20 февраля 1962 г. посылает эту тетрадь писателю К. И. Коничеву, а

¹ Мезенская традиционная свадьба в записи М. Н. Мякушина / Подг. и коммент. Е. И. Якубовской // Из истории русской фольклористики. СПб., 2006. Вып. VI. С. 335—419.

² Там же. С. 392. Автобиография М. Н. Мякушина опубликована в приложении к материалам по свадебному обряду (С. 390—392).

тот в мае того же года передает ее в Пушкинский Дом. В течение 1962—1963 гг. собиратель посылает в ИРЛИ свои записи старинной свадьбы, описание края, обычаев, народных примет и поверий, собрание частушек, пословиц, загадок.

В конце декабря 1962 г. М. Н. Мякушин по приглашению фольклористов Пушкинского Дома приезжает в Ленинград. 24—25 декабря в лаборатории звукозаписи Фонограммархива ИРЛИ состоялась запись, которую проводил В. В. Коргузалов. Таким образом складывается коллекция М. Н. Мякушина, которая состоит из рукописной и звуковой частей.

Рукописная часть представлена четырьмя тетрадями:

1. Мои песни. Песни которые я умею петь и знаю всем им есаки (мотивы).³ РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3. 123 л.

2. Северная свадьба. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 4. 49 л.

3. Записи Мякушина Михаила Николаевича. Лешуконье. Старинные лирические частушки. Пословицы, поговорки, присказки. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 5. 28 л.

4. Мякушин Михаил Николаевич. Пословицы, поговорки, загадки и присказки. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 6. 24 л.

5. Автобиография М. Н. Мякушина, газетные публикации о нем, материалы по истории создания коллекции.

Звуковая часть коллекции хранится в Фонограммархиве ИРЛИ. К. 298, № МФ 00747—00752.

В настоящую публикацию вошли хороводные (круговые и игровые) и плясовые песни, звучавшие во время весенне-летних гуляний («Петровские круги», «Петровщина»), святочных вечеров и игр, а также — колядки и винограда, величально-игровые припевки, характерные для зимних святок. Они составляют часть рукописного песенного собрания М. Н. Мякушина, озаглавленного «Мои песни». Немало сведений об исполнении песен, построении и порядке хороводного действия находится в описании Лешуконского края, сделанного им позже, по просьбе тогдашней сотрудницы Пушкинского Дома Г. Г. Шаповаловой, завязавшей с ним, после получения тетради песен, переписку.⁴ Эти материалы дополняются напевами песен, записанными М. Н. Мякушиным в 1962 г. на магнитную ленту.

Песенные тексты из тетради «Мои песни», сгруппированные собирателем в разделы по времени их исполнения (весенние песни, зимние песни), а внутри разделов — по песенным циклам, с жанровыми подразделениями (Песни круговые, игровые, плясовые, святочные винограда и припевки), являются конструктивной основой предлагаемой публикации.

Тексты песен, которые исполняются на один напев, в рукописи следуют друг за другом. Это впоследствии пригодились при записи напевов на магнитную пленку и позволило в сравнительно короткий срок

³ Слово «есаки» (ясаки), обозначающее напевы, распевы песен, часто встречается на Русском Севере, в частности на Мезени. См.: Песенный фольклор Мезени / Изд. подг. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. С. 28, примеч. 30: «Песня „Цвели-то, цвели цветики“ на ясаках больно баска».

⁴ Архивные данные упомянутых тетрадей см. выше.

записи (два дня) составить представление о напевах большинства песен, вошедших в сборник.

Хороводные и плясовые песни сопровождаются лаконичными описаниями хореографического движения, которые мы приводим в своем месте, согласно рукописному тексту. Такая форма подачи текста позволяет представить сборник не только как этнографический источник, но и как оригинальное литературное произведение.

М. Н. Мякушин стремился как можно более точно передать местное диалектное произношение, таким, каким оно было в пору его молодости, в 1-й четверти XX в., что особенно интересно при сравнении его собственного произношения при записи напевов песен.

Рукописный текст собирателя приводится нами в его оригинальной орфографии. В случае, если оригинальное написание слова или словосочетания затрудняет его понимание (например: моёт — мой-от), оно приводится в основном тексте в общепринятой транскрипции, авторское же написание — в сноске.

Обладая высоким тенором, М. Н. Мякушин на протяжении всей своей исполнительской жизни пел в унисон с женскими голосами, свободно достигая верхних «соль» и «ля». Записывая свой репертуар на магнитную ленту, уже старым человеком, он все же пел в привычной ему тесситуре, хотя голос уже не всегда вполне подчинялся ему. Мы нашли необходимым изложить нотации фонограмм, записанных от него, в более спокойной тесситуре, приблизительно на полтора тона ниже зафиксированного при записи звучания. К тому же в этом случае значительно облегчается чтение нот, поскольку отпадает необходимость в большом количестве дополнительных линеек. В каждом таком случае это оговаривается в соответствующем примечании. Звездочка в тексте песен означает окончание фонограммы.

Напевы лешуконских хороводных песен в исполнении М. Н. Мякушина ранее были записаны П. Кольцовым в 1940 г.⁵ Через пять лет в Московской консерватории В. Аксеновым были сделаны записи пяти песен в исполнении Лешуконского народного хора на целлулоидные диски.⁶ В Лаборатории народной музыки Московской консерватории хранятся также полные записи текстов песен, предварительно сделанные от участников коллектива, и в том числе от руководителя хора М. Н. Мякушина.⁷ Этот материал, благодаря содействию проф. Н. Н. Гиляровой, зав. лабораторией Е. Г. Богиной и Е. В. Кривцовой, был любезно предоставлен нам для публикации, за что мы выражаем им глубокую признательность. Он помещен в Приложении.

После выхода в свет сборника «Лешуконские песни» напевы мензенинских хороводных и плясовых песен появлялись в печати неоднократно. В 1959 г. несколько образцов, и в том числе из родной деревни М. Н. Мякушина Пылемы, опубликовал А. С. Абрамский.⁸ С 1958 по

⁵ Песни Лешуконья. Собрал М. Н. Мякушин. Музыкальная запись и запись текстов Петра Кольцова / Предисл. П. Аравина. Архангельск, 1940. Далее: *Песни Лешуконья*.

⁶ КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Диск Ф-1093—1098, и 356—361.

⁷ Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7.

⁸ *Абрамский А. С.* Песни Русского Севера. М., 1959. № 7, 8, 38, 41, 42. Далее: *Абрамский*.

1976 г. Сектором народного творчества Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) проводилось систематическое экспедиционное обследование Мезенского района, результатом которого стали публикации сборника «Песенный фольклор Мезени»⁹ и альбома грампластинок с приложением текстов и нотаций напевов песен.¹⁰ В обоих изданиях хороводно-игровые и плясовые песни, а также святочные виноградья, колядки и вечерочные припевки занимают значительное место. Наиболее ранней записью мезенского хороводно-игрового фольклора является недавно обнаруженный в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) и публикуемый в настоящем издании рукописный сборник мезенских песен 1834 года.¹¹ Ссылки на эти публикации приводятся в примечаниях к рукописи и фонограммам М. Н. Мякушина.

Фрагменты рукописи М. Н. Мякушина размещаются в следующем порядке: вначале приводится очерк «Лешуконье», в котором имеется немало сведений об исполнении песен зимнего и весенне-летнего календарных циклов, а затем следуют два раздела сборника «Мои песни» — «Весенние круговые, игровые и хороводные» и «Зимние песни». Нотации фонограмм, записанных от Мякушина в 1962 г., помещены вслед за рукописными вариантами их текста, под литерой «а». В Приложении публикуются нотации записей Лешуконского народного хора, сделанных 1945 г. в Московской консерватории. Комментарии к песням расположены в подстрочных сносках, по ходу изложения.

ЛЕШУКОНЬЕ

*Записи Мякушина Михаила Николаевича*¹²

Лешуконье находится на Крайнем Севере, на реке Мезени, при впадении с левой стороны большого притока — реки Вашки, а поетому местное название Лешуконскому: «Усьвяшка» («Усть-Вашка»).

Лешуконское находится на середине течения реки Мезени, в прошлом — Лешуконская волость, а сейчас — Лешуконский район. Около Лешуконска расположены большие деревни: Кельемгора, Большая и Малая Нисогоры, Верхний Березник, Смоленец, Пылема и Ценогора; в прошлом, как и весь Лешуконский район, [здесь] занимались сельск[им] хозяйством, т. к. были около тех

⁹ Песенный фольклор Мезени / Изд. подг. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967 Далее: *ПФМ*.

¹⁰ Традиционные песни Мезени. М20-44641-4. Далее: *ТПМ*.

¹¹ Мезенский рукописный песенник 1834 года / Публ. и коммент. А. Ю. Кастрова // Наст. изд. С. 127—162. Далее: *Песенник-1834*.

¹² РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, л. 1—12. Орфография автора сохраняется. Пунктуация в целях лучшего восприятия текста приведена к современным нормам. Пословицы и поговорки, встречающиеся в тексте и никак не отмеченные автором, заключены в кавычки.

деревень большие заливные луга, особенно около Пылемы и Ценогоры, а также охота и лесозаготовки. Рыболовством занимались только для себя, т. к. у каждого были рыбо-ловушки.

Жили сытно, хорошо. Хлеб сеяли — только ячмень и немного озимой ржи. Большинство населения хлеб не покупали. Скот был породистый — холмогорской породы, лошади — известной мезенской породы («мезёнки»). Помногу держали овец: смотря по мощности хозяйства — от десяти до двадцати штук, особенно в Пылеме, т. к. здесь хорошая летняя поскотина и много сенокосных лугов. Обувь — ни валяную, ни кожаную — почти не покупали; чулки, носки, варежки вязали из своей шерсти. Валенки валяли местные катавалы. Кожаную обувь местные чеботари-сапожники шили из своих кож. О лаптях знали понаслышке и рисункам.

Праздники справляли очень богато и весело, т. к. народу съезжалось очень много. Но самые многолюдные праздники были: в Лешуконском — Крещение, в Пылеме — Петровдень, в Верх. Березнике — Иваньдень. Только в этих двух последних деревнях проводились традиционные весенние **круги** (здесь и далее выделено мною. — *Е. Я.*). Это был своего рода смотр девиц-невест — как их называли, «полозовых», и тех, которы сряжены и ходят первую весну. И ходят в кругах так: первыми идут за певичами дочери зажиточных отцей, у которых и сряда лучше; их называют «хваленками». В таких кругах песни пелись один раз в году, таких песен было четыре. Такая гулянья назывались «Петровщина» по Пылемской Петровщине, — пусть это праздник Егорей, Троица или Никола, но гулянье называлось «Петровщина». В каждой деревне в году праздновалось два праздника, например, в Лешуконске — Крещение (6/1) и Ильиндень (20/VII), в Пылеме — Петровдень (29/VI) и Фроловдень (18/VIII), в Верх-Березнике — Ивановдень (24/VI) и Иван Постный (29/VIII) (все числа по старому стилю).

Народ в Лешуконье рослый, здоровый, сильный — как мужчины, так и женщины. Женщины мало отставали от мужчин в работе — и косить, сгребать сено, копнить, съездить за сеном, за дровами, рыбачить и др.

Народ — хотя и считали себя религиозными — но настолько же и суеверный. Верили во всевозможные наговоры и заговоры. Черт имел такую же силу, как и Бог. По их понятиям, везде был свой хозяин: в лесу — леший, в воде — водянной, в доме — домовой, в бане — баенник, в овине — овинник и т. д. Болезни лечили деревенские знахари и знахарки.

Например, если у человека радикулит — это, говорят, «утин потянул». Лечение: ложат человека через порог избы, на спину кладут березово полено, рубят топором, приговаривая: «Не полено рублю, а утин засекаю!» Если ребенок не спит по ночам, то бабки «полуносницу чапают». Делают так: если ребенок в люльки

или на постелке, его укрывают, и бабка нажигает помело и вокруг него окуриват-очапыват, нашептывая слова. Такой ритуал нужно провести три дня.

А грыжу у детей бабки «загрызают», тоже со словами, и на больное место привязывают большую старую медную монету. Если ребенок что-либо испугается, то бабки «снимают переполох», а «родимчик» лечат так: мать накрывает своего сына или дочь чистой скатертью с головой и присаживается на него своим рожальным голым местом, приговаривая: «Сама мати носила, сама приносила (рожала), сама мати сосила, сама и от родимца освободила!» Произнести три раза и проделат[ь] три дня.

А когда вскочит где-нибудь чирей, его нужно «очертить». Бабка берет уголь, чертит вокруг чирья со словами: «Не от камня плоду, не от мертвого крови, не от угля дров, не от чирья едра!» — и после трех раз как рукой снимет! Но больше всего [людей] болеет «с глазу» (т. е. «опризорят»). «Надсада» — что-нибудь через силу поднимут. Этих тоже лечат бабки-гладильщицы — т. е. «поправляют пуп». А также «икоты» — эта болезнь только у женщин. Им садят знахари и знахарки за какую-нибудь провинность, т. е. «по насердки», и такие же знахари вылечивают.

Если бы все эти чудачества и случаи описывать, то, пожалуй, не уместилось бы в эту тетрадь. Или — человек знает, что с ним случится в ближайшие дни, если у него чешется: лоб — придется с кем-нибудь здороваться, если правая бровь — кто-то хвалит, если левая — хулит, если правый глаз — на приятного человека смотреть, если левый — неприятного, если переносье — кто-то умрет, если конец носа — к выпивке, если лицо — к слезам. Если в правом ухе звон — приятные вести слушат[ь], в левом — неприятные. Если ухо чешется, верхняя часть, раковина — к хорошей погоде; если нижня, мочька — летом к дождю, зимой — к снегу. Если усы чешутся — кто-то гостинци привезет, если борода — с пожилым здороваться, если грудь — к печали. Правая ладонь — деньги получать, левая — отдавать. Если живот — к радости, если задняя часть — то масло будет дешево, если подколенки — к свадьбе. Если правая подошва — в любую дорогу идти, левая — не в любую.

Вот как узнавали, что случится в будущем. А если хозяйка пойдет, бывало, сеят[ь] лён и ей первый встречный человек попадет не большого роста, не обиходный, то она, не доходя, вернется назад. Потому что — какой человек попал навстречу, такой будет и лён. Вот видите, как хозяйки избегали плохого урожая: не плохая земля и не удобрение, а встреча человека! А когда садит на огород редьку или капусту, то сначала опустит в лунку не семя, а кусочек земли, приговаривая: «На, цервоцка, еш[ь] земельку, а не ретецку и капусту!» и т. п. Причем в каждой деревне свои приметы, заговоры и приговоры.

Река Мезень в пределах Лешуконского района течет среди высоких холмов, гор и обрывов, которые по-местному называются «щели». Они высятся над рекой по 40—50 метров высоты отвесно, сложены как из красного кирпича. Большинство деревень называются по имени гор и щели, например: Вожгора, Ценогора, Колмогора, Нисогора, Кельчемгора и Защелье, Ущелье, Карашелья, Белашелья, Конешелье, Палашелья.

А всех деревень в Лешуконском районе от границы Мезенского района: 1. Палуга, 2. Кеслома, 3. Екатерина, 4. Защелье, 5. Некрасово, 6. Юрома, 7. Бугава, 8. Копылиха, 9. Тиглява, 10. Парыгина Едома, 11. Мал[ая] Нисогора, 12. Бол[ь]ш[ая] Нисогора, 13. Верх[ний] Березник, 14. Ущелье, 15. Лешуконье, 16. Смоленец, 17. Пылема, 18. Колмогора, 19. Селище, 20. Ценогора, 21. Белашелья, 22. Конешелье, 23. Палашелья, 24. Чучепала, 25. Устькылье, 26. Якшины, 27. Чухари, 28. Житель, 29. Койнас, 30. Засулье, 31. Устьниземье, 32. Петухово, 33. Кыса, 34. Борово, 35. Лебское, 36. Вожгора, 37. Пустыня, 38. Родома, на границе с Коми ССР. По притоку Пижма: 39. Ларкино, 40. Шегмас, и по притоку реке Вашке, на границе с Коми ССР: 41. Кеба, 42. Олема, 43. Резя, 44. Чулома, 45. Русома, 46. Карашелья, 47. Едома. Всех 52 деревни, которые входят в 6 сель/советов, пропущены: 48. Шилява, 49. Зазерье, 50. Макшев, 51. Бор, 52. Кольшин. Вот это все населенные пункты Лешуконского района.

Жизнь деревни, т. е. год свой начинали не с первого января, а с первого октября, когда закончат все осенние работы, соберут урожай, подведут итоги запасам: сену, соломы, хлебу, овощам — сколько можно попустить на зиму скота, овец, — и сразу же с наступлением морозов лишних животных забивают, чтобы сберечь лишний корм. По пословице, что «не по корму скота — тоже беда». Говорят, легче пережить, когда не хватит хлеба, чем корму. Да и работа подходит тяжёлая — вывозка навоза, накопленного за год. Навоз у нас вывозят, когда нападёт первый снег.

Но я сделаю отступление и описание жизни с 1-го января.

1-е января — середина святок. У молодежи каждый день игрища. С Рождества и до Крещения днем ребята куда-нибудь съездают, а вечер — гулять. Ходят ряжеными, гадают-кудесят: льют олово, воск, ребята у девушек, а девушки — у ребят делают что-нибудь на покасть, и за это не серчают, т. к. это святки. После Крещения всё это прекратится. Начинаются святки, а девицы из деревни в деревню ездят гостить, вплоть до заговенья.

С Крещения уже «цыган шубу променивает на пальто», и говорят: «вылезайте, голи, из-под розогы — прошли крещенский морозы!» 18 января — Афанасьев день, уж на дорогах кычи нет, и полоз не визжит, а легко катится. 24 января — Ксения-

полузимница — корму надо еще половина, а хлеба — две доли. 2-е февраля — Сретение. Если в этот день на дорогах перенос, то «объедь от коней и скота носи на повесть!»: весна будет протяжная и недокормица.

Приближается 1-е марта — Овдокея: бабы готовятся к тканью холстов, варят, белят пряжу, напреденную за зиму. Хотя пряжа может быть и готова, но до Овдокей ткать не охота, ведь «до Овдокей ткут наготеи». Через неделю — сорока святым, а еще через неделю — Алексеев день. Уже с этого дня оживают ключи и начинает таять снег от земли, а лёд от воды, а еще через неделю — Благовещение, 25 марта. Праздник считался большим: в этот день «птица гнезда не вьет, девица косы не плетет, а хороша хозяйка решета в руки не берет». Кукушка в этот день себе свила гнездо и навсегда его потеряла. Если в этот день снег сойдет весь с крыш, то на Егорей — с земли.

1-е апреля — Марьи-Вральи. 23 апреля — Егорей. «На Егорей — вода, то на Николу — трава» (9 мая). Но не всегда это бывает. Много поговорок было о мае: «Месяц-май — коням сена дай, а сам на печку полезай!» и «Помни май, последние числа!» Считали старики, что «После Николы в неделю — красной сев» и «Не моли весны ранней, а моли лета теплого», — и все в порядке. Хлеб у нас доходил «за семь недель из засека в засека», т. е. за время семь недель со дня сева и до жатвы, т. к. во время лета у нас ночи нет — солнышко греет в сутки 20 часов.

Сев окончен, изгороди исправлены — время выгонять на волю лошадей, скот и овцы. И вот, хозяйка, когда выпускает первый раз овец, отвязывает от себя пояс, разстилает под порог, чтобы овцы выбежали через пояс, в то же время приговаривая: «Как пояс всегда находится около хозяйки, так и овечки чтобы были около хозяйки!» Так и хозяин выводит лошадей через пояс. А коров — если они выпускаются упитанными, и чтобы не сглазили, — то на всех четырех лопатках ставят смолой кресты.

Июнь-месяц — уже летний м[есяц]. 5-го июня бывает Дорофей. Он считается «Дорофей-распрягальник», а 3-го сентября — «Дорофей-запрягальник». 29-го июня — Петров день, начиналась летняя страда (слово-то какое — «страда»). Действительно, «страда»: спали не более 5-6 часов, вставали до солнышка и косили, пока не станет припекать солнышко. И вот такая страда продолжается все лето. Но с 20-го июля, с Ильина дня, станет полегче — тут уж ночи длиннее, говорят: «Конь наедается, и казак высыпается».

29-го июля. В этот день Калинник, и всегда бывает первый мороз, нанося вред хлебу. Старушки, бывало, просят: «Пронеси, Бог, Калинника мороком и туманом, а не ясной погодой!» 1-го августа Первый Спас — «на воде». 6-го августа 2-й Спас — «на горе». 16-го августа Третий Спас — «на полотне».

1-е сентября Семенов день. С этого дня уже «жито не зорят, а сено не сушат», а снег нападёт — уже за колодами не тает. 8-го сентября — праздник Пречиста: «На Пречисту нужно с земли все очистить». 14-го сентября — Воздвиженье: «Воздвиженье жди, дак и репу рви!» — самая последняя уборка, уже глубокая осень. С этого праздника уже собирают молодеж[ь] егрища.

Стали листики валит[ь]ся,
Стала осень проходить,
Лекрута стали с тальяночкой
По улице ходить.

Настала пора обмолота хлеба — продолжается до Покрова (1/X) и дальше, а женщины возьмётся с льном: сушат, чешут, трепают. Девушки собираются в одно место и поют песни, и обсуждают свои девичьи дела. 26-го октября — Митриев день. Лекрута едут к призыву в гор[од] Мезень. Провожают всей деревней, особенно девушки. Кто знает, может он вернется новобранцем со сбритыми волосами, и его молодость уже кончилась. Вернется домой через три года, а солдату уже не та честь от девушек. Они же поют так:

Еду-еду по реки —
Лодоцька не с места.
Я у батюшка живу —
Солдату не невеста!

Вы, солдатики, — не люди,
Вас и девушки не любят.
Послужите годов шесть —
Назовут вас «кисла шерсть»!

1-е ноября. В этот день лекрута вынимают жеребья. Всем хотелось вынуть жеребей как можно с большим номером, так как «По жеребью и в солдаты идут». «Жеребья-ти вынимали — отци-матери рыдали». После призыва новобранцев на две недели отпускали домой. Приехав домой, новобранец чувствовал себя каким-то обреченным: все жалели, родня плакала, все в чем-то сочувствовали, как будто готовили заживо похоронить. Ведь он идет не куда-нибудь, а в солдаты, «на чужую сторону», а «чужая сторонашка без ветру сушит-крушит, а строгия начальники без вины журят-бранят». А причитают так:

Ты идеш[ь] да добрый молодец,
На чужу да дальну сторону,
На злодейку незнакомую,
По конец да свету белого,
По вопи да роду-племени!

Какое сердце не дрогнет от такого приговора!

8-е ноября — Михайлов день. Новобранцей провожают в солдаты. Сколько горя, сколько слез! Проводы продолжаются 2-3 дня. Вся родня участвует в проводах, и все хотят новобранца к себе сводить в гости, и в конце концов новобранец перепьётся, его без чувств укладывают в сани и увозят из дому как покойника.

21-го ноября — Вединёв-день. Ребята начинают готовить к Рождеству звёзды и учит[ь]ся славить Христа. 3-е декабря — Варварин день, считается самый короткий день. Говорят: «Саввы и Варвары совсем день обокрали». 12-е декабря — Спиридона-солнцеворота. День начнется прибывать. Говорят: «Солнце на лето — зима на мороз». 25-е декабря — Рождество. Праздник для всех: пожилые празднуют три дня, а молодеж[ь] гулят до Крещенья. Вечорки. Игрища. Маскарады. Ряженные. Затеям нет конца.

ТЕКСТЫ ПЕСЕН ИЗ ТЕТРАДИ «МОИ ПЕСЬНИ. ПЕСНИ, КОТОРЫ Я УМЕЮ ПЕТЬ И ЗНАЮ ВСЕМ ИМ ЕСАКИ (МОТИВЫ)»¹³

Весенняя круговые, игровые и хороводные

Эти [первые] четыре песни поются один раз в год в престольный праздник, в который съезжается много людей, и в них участвуют приезжая девицы. Впереди идут свои девицы и поют эти песни — их называют «певицы». За ними ставят госьей по рангам, т. е. по бога[т]ству отца, а самые бедные «зад волокут».

Поются эти песни и идут девицы очень медленно. Идут в таком порядке: первые десять — свои девицы, и называют «певицы», и последние две — тоже свои девицы. Эта ходьба называется «калины водят», и она происходила только в двух деревнях по всему Лешуконью: в Верх-Березнике — «Иванские калины» и в Пылеме — «Петровские калины».

1¹⁴

Начиная с припева «Калина ле моя, малина ле моя»:

Да во саду девки гуляли.

Калина ле моя, малина ле моя — *припев после каждой строки.*

Да по светоцуку срывали,

Да по веноцку свивали.

¹³ РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 51—102об.

¹⁴ В *рпк* эта песня под номером 75. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 51об.—52. Напев — № 1а, вар. напева — Приложение, № 1.

Да они на реку ходили,
 Да по веночку спускали,
 Да тут венку приговорили:
 — Да ище хто реку перейдет,
 Да ище хто венки переймет,
 Да ище хто же перехватит,
 За того я взамуж пойду,
 За того я пожелаю!
 Да тут кидалсе-бросалсе
 Да ище старой старицище,
 Да ище старой-неудалой:
 — Да ище я реку перейду,
 Да ище я венки перейму,
 Да ище я их перехвацю!
 Да тут девици испугались,
 Да на круту гору здымались.
 Да на горы цясовня стояла.
 Да они в цясовню заходили,
 Да они Богу-ту молились,
 Да они молебны-ти служили,
 Да они свещи становили,
 Да они Бога-та просили,
 Да щобы ветер-от роздулсе,
 Да щобы стружок повернулсе,
 Да щобы старик захлебнулсе!

1а¹⁵

♩ = 72

1. Ка - ли - на ли мо - я,
 э - ой, ма - ли - на ли мо - я! Да
 В са - ду де - ви - цы гу - ля - ли.

¹⁵ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.05. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 25 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича, 1889 г. р. Вар. напева: Приложение, № 1. Вариант, напетый М. Н. Мякушиным, отличается от общераспространенного на Мезени своей усеченной структурой (ср. хоровой вариант, представленный в Приложении, №1). Это легко объяснить тем, что данная и три последующие песни в традиционном быту исполнялись исключительно девушками-«певицами», и Михаил Николаевич усвоил ее напев по памяти от матери и сестры, которые как раз и были в свое время «певицами» — исполнительницами весенних хороводных песен.

2. Э - эй, ка - (а) - ли - на ли мо - я! Да

По съве - то - ци - ку сры - ва - ли. 3. Э -

(э) - эй, ка - ли - на ли мо - я! Да

по ве - но - ци - ку съви - ва - ли.

Калина ли моя,
Э-ой, малина ли моя!
Да в саду девицы гуляли.

Э-эй, калина ли моя!
Да по съветоцику срывали.

Э-эй, калина ли моя!
Да по веноцику съвивали.

2¹⁶

За рекой было, за реценькой,
Да эхи! — *привет*
За рекой, на другой стороне
Да на ракивовом кустышке.
Да эхи!
На ракивовом кустышке
Да на калиновом прутичке.
Да эхи! — *и т. д.*
На калиновом прутике
Да соловей-птица песни поёт,
Да молодой-от насвистывает,
Да холостой выговаривает:
Да погуляйте вы, девушки,
Да на своей воле у батюшка,
Да во неге у матушки,

¹⁶ В *рпк* эта песня под номером 76. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 52 об.— 54. Напев — № 2а, вар. напева — Приложение, № 2; Песни Лешуконья, с. 57—59; ПФМ, № 107.

Да во снареди у брателков,
Да во убори у сестриценок,
Да во замены у молодушек!
Да скоро, скоро девуку взамуж отдают,
Да скоро волошка минуитце,
Да красота с лица стеряице,
Да черной грезью замараице,
Да черной грезью подорожною,
Да подорожной-подтележною!
Да не ровно взамуж выйдике,
Да не ровен черт навернице,
Да не ровен накаеице:
Да не ровен муж достанице —
Да ле бы старо одушливое,
Да ле бы мало незросливое,
Да ле бы ровнюша спесь-горда.
Да во полночь с кабака прибредет,
Да поперек по постели лежит,
Да попересьнюю рець говорит,
Да розувать-розьедавать завелит,
Да крючки-петелки ростягивати,
Да камизолы роздергивати,
Да сапоги-ти с ног стегивати,
Да опояску роспоясывати,
Да назади узол розвязывати!
Да не того я поля кустышок,
Да не того я куста прутьицек,
Да не того я прута ягода —
Да не того я отца-матери,
Да не на то миня мать родила,
Да не на то миня споростила.
Да не на то взамуж выдала,
Да що роздевать-розувать мужика!
Да я пойду, блада, в торг торговать,
Да не любого товару закупать,
Да не любого, не надобного:
Да я куплю, блада, цепь тяжелоу,
Да старому мужу на шеецку,
Да его вывезу на реку,
Да его выброшу на воду,
Да сама выеду на берег,
Да посмотрю, блада, на реку —
Да какво там стар купанце,
Да какво проклаждаице?
Да ище черт ето — не купаньё,
Да водянной — не проклаженье:
Да где рука, где нога вверху,
Да где буйна голова ко дну!
— Да уж ты служка-жонушка моя,
Да перейми ты миня, старика:
Да по три утра толку и мелю,
Да по цётыре не завтракаю,
Да по пети — не обедаю!

Да поминальня суббота идет,
 Да поминальня-родительска,
 Да поминать надо родителей.
 Да как у мяя, у бладешенькой,
 Да у самой молодешенькой
 Да нет не крупки, не заспицы,
 Да нету беленькой муцошки —
 Да помянуть стара не над цем.
 Да помяну, блада, я стара
 Да над горящим серым камешком,
 Да над холодной ключевой водой!

2а¹⁷

♩ = 100

1. А, да

за ре - кой бы-ло, за ре - цень - кой.

Да е - хи!

2. В-за ре - кой, на дру - гой сто - ро - не, да

На ро - ки - то - вом ку - сты - шке.

Да е - (э) - хи!

3. На ро - ки - то - вом ку - сты - шки, да

¹⁷ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.06. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 25 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на 1 тон ниже. Вар. напева: Приложение, № 2; Песни Лешуконья, с. 57—59; ПФМ, № 107.

Со - ло - вей - пти - ця пе - сни по - ёт.

Да е - (э) - хи!

4. Со - ло - вей - пти - ця пе - сни по - ёт, да

Мо - ло - дой - от на - сьви - сты - ва - ёт.

Да е - хи!

5. Мо - ло - дой - от на - сьви - сты - ва - ёт, да

Хо - ло - стой вы - го - ва - ри - ва - ёт.

Да е - хи!

А, да за рекой было, за реченькой.

Да ехи!

В-за рекой, на другой стороне, да

На рокивовом кустышке.

Да ехи!

На рокивовом кустышки, да

Соловей-птиця песни поёт.

Да ехи!

Соловей-птиця песни поёт, да

Молодой-от насвистываёт.

Да ехи!

Молодой-от насвистываёт, да

Холостой выговариваёт.

Да ехи!

Растворю я кисель на болотней воды.

Гай-гай, гай люли! — *привев*
 На болотней воды, не из сеянной муки.
 (*привев*)

Я поставлю кисель на песьней¹⁹ столбышок,
 На песней столбышок, во пустую избу,
 Во пустую избу, не в топлену горницу.
 Я неделю не смотрю и другу не гляжу.
 Я на третью неделю кисель посмотрю:
 Уж как мой-от²⁰ кисель не живал — не бывал, не воращивалсе.
 Процижу я кисель сквозь синесней подол,²¹
 Сквозь синесней подол, ск[в]ось костисьней²² другой,
 Я поставлю кисель против пецки над целом!
 Уж как у мужа, у мужишка худы были дровишка,
 Как худыя дрова — все осиновыя:
 Они плят — не горят, только тышкаюце.
 Розолью я кисель по судам — по горшкам,
 По судам — по горшкам, по церепишкам:
 У мя по полу кисель и по лавкам кисель,
 В башмаках кисели, в сапогах кисели,
 Среди середи все стоят кисели!
 Ище мой муж идет, с собой гостя ведет,
 Он такого гостя — свекра-багюшка:
 — Ну-ка, слушка-жонушка, примай нас, гостей,
 Дай попить нам, поисть, молока похлебать,
 Молока похлебать, киселя пощелкать!
 — За такия дрова тебе нет киселя!
 Уж как мой муж пошол побивало искать.
 По повети прошол — побивало нашол,
 А как в избу зашол — он другое нашол.
 Как перво побивало — соломинка,
 А друго побивало — была ниточка.
 Привязал он нитку за соломинку
 И он стал миня бить-охобацивати,
 Охобацивати стал, поворащивати.
 Я со етих со побоев три недели пролежала,
 На четверту неделю справлеце стала:
 Стала пить-попивать, стала ись-поедать,
 Стала ись-поедать, стала людей признавать.
 Два ушата молока стоя выхлебала,
 Три сметанницы сметаны пальцем вылакала,
 Уж я три пеци пеценья, семь пецей колацей!

¹⁸ В *ркп* эта песня под номером 77. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 54 об.— 55 об. Напев — № 3а, вар. напева — Приложение, № 3; ПФМ, № 126.

¹⁹ *Песьней, песней* столбышок — печной.

²⁰ В *ркп* словосочетание «мой-от» передано как «моет».

²¹ *Синесней* (синячный) подол — подол сарафана-«синяка» из домотканого холста, окрашенного синей кубовой краской.

²² *Костисьней* (костычный) — здесь имеется в виду другой вид традиционного сарафана — «костыч».

3а²³

$\text{♩} = 120$

1. Рос - тво - рю я ки - сель
на бо - ло - тней во - ды.
Га - (а)й - гай, га - й(и) лю!

2. На бу - ло - тней во - ды,
не из се - ян - ой му - ки.
Га - (а)й - гай, га - й(и) лю!

3. Я по - ста - влю ки - сель
на пе - сней стол - бы - шок.
Га - (а)й - гай, га - й(и) лю!

4. На пу - сту - ю и - збу,

²³ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.07. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 25 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на полтора тона ниже. Вар. напева: Приложение, № 3; ПФМ, № 126.

не в то - плё - ну го - рни - цю.

Га - (а)й - гай, га - й(и) лю!

5. Я не - де - лю не смо - трю,

и дру - гу не гля - жу.

Га - (а)й - гай, га - й(и) лю!

6. А на тре - тью не - де -

- лю ки - сель по - смо - трю.

Гай!

Ростворю я кисель на болотней воды.

Гай-гай, гай(и) лю!

На булотней воды, не из сеяной муки.

Гай-гай, гай(и) лю!

Я поставлю кисель на песьней столбышок.

Гай-гай, гай(и) лю!

На пустую избу, не в топлёну горницу.

Гай-гай, гай(и) лю!

Я неделю не смотрю, и другу не гляжу.

Гай-гай, гай(и) лю!

А на третью неделю кисель посмотрю.

Гай!

По окончания предыдущей песни девицы перестраиваются парами и следующую песню поют и ходят быстро.

Против терема-та батюшкова,
Против висока-та матушкина
Не булынь-трава шолковая росла,
Свели светики лазурёвья,
Всё лазурёвы прекрасные светы.
Да потеряла девка золоты ключи
Со новым шолковым поясом,
Со застёжечко[й] серебряною,
Со пристяшко[й] позолощёною.
— Кто бы, кто бы эти ключики нашол,
За того бы я взамуш пошла —
Хош старого, за малого,
Хош за ровнюшу спесь-горду!
Сосказали: старо ключики нашол,
Сосказали, — золотыя подынул.
— Пропадайте, мои золоты ключи —
Не пойду взамуш за старого!

4a²⁵

$\text{♩} = 120$

1. Про - тив те - ре - ма - та ба - тю - шко - ва, да
 Про - тив вы - со - ка - та ма - ту - шки - на, да
 2. Не бу - лынь - тра - ва шел - ко - ва - я ро - сла, да
 Цве - ли цве - ти - ки ла - зу - р(и) - ё - вы - [е].

²⁴ В *ркп* эта песня под номером 78. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 55 об.— 56. Напев — № 4а, вар. напева — Приложение, № 4.

²⁵ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.08. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 25 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на полтора тона ниже. Вар. напева: Приложение, № 4.

3. Всѣ ла - зу - рьѣ - вы приж(ы) - ра - сны - е цве - ты, да.

По - те - ря - ла де - вка зо - ло - ты клю - ци, дак

4. По - те - ря - ла де - вка зо - ло - ты клю - ци, дак

Зо - ло - ты клю - ци, се - ре - б(ы) - ря - ны - е,

5. Зо - ло - ты клю - ци, се - ре - б(ы) - ря - ны - е.

Против терема-та батюшкова, да
Против высока-та матушкина, да

Не бульнь-травя шелковая росла, да
Цвели цветики лазур(и)ёвые,

Всѣ лазурьёвы приж(ы)расные цветы, да.
Потеряла девка золоты клюци, дак

Потеряла девка золоты клюци, дак
Золоты клюци, сереб(ы)ряные,

Золоты клюци, сереб(ы)ряные.

Круговыя песни

Когда девицы следующие песни поют, то ходят кругом и по содержанию песни проводят действия.

5²⁶

Вдоль по морю, вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему — 2 раза.

²⁶ В *ркп* эта песня под номером 79. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 56—57об. Напев: Песни Лешуконья, с. 63.

По синему, по синему,
По синю морю Хвальнскому — 2 раза, [и т. д.]
Плават лебедь, плават лебедь,
Плават лебедь с лебедятами.
Со малыми, со малыми,
Со малыма со детятами.
Плывет лебедь, плывет лебедь,
Плывет лебедь-та, не стрепитце.
Под ней вода, под ней вода,
Под ней вода не сколыблице.
Надлетает, надлетает,
Надлетает тут ясён сокол.
Ушил-губил, ушил-губил,
Ушил-губил лебедушку белую.
Он кровь пустил, он кровь пустил,
Кровь он пустил по синему по морю.
Сизо перье, сизо перье,
Сизо перье по цистому по полю.
Розвевал пух, розвевал пух,
Розвевал пух по поднебесью.
Сбирает девка пух, собирает девка пух,
Сбираёт пух, приговаривает:
— Кому же этот пух, кому же этот пух,
Кому этот пух достанится?
Достанитце, достани[т]це,
Да достаетце милому друшку.
Сердесьнему, сердесьнему,
Сердесьнему на подушецку.
Любезному, любезному,
Любезному на зголовецо.
Откуль взялся, откуль взялся,
Откуль взялся, добрый молодец идет.
Бог на помощь, Бог на помощь,
«Бог на помощь» красной девицы дает.
Ему девка, ему девка,
Ему девушка не склоннице,
Ему красна не поклоннице.
Грозил парень, грозил парень,
Грозил парень красну девицу-душу:
— Смотри, девка, смотри, девка,
Смотри, девка, смотри, красная —
Будеш[ь], девка, будеш[ь], девка,
Будешь, девка, во моих белых руках.
В моих руках, в моих руках,
В моих руках, в моей волюшки, —
Стоеть будеш[ь], стоеть будеш[ь],
Стоеть будеш[ь] у кровати тисовой.
Держать будеш[ь], держать будеш[ь],
Держать будеш[ь] шолковую плеть в руках.
Ронить будеш[ь], ронить будеш[ь],
Ронить будеш[ь] горяючи слезы из глаз!
Тут я, девка, тут я, девка,
Тут я, девушка, дозналасе,

Тут я, красна, догадаласе.
За молодцом, за молодцом,
За молодцом погониласе:
— Прости, милой, прости, милой,
Прости, милой, виновата пред тобой!
Я думала, я думала,
Я думала, не мой милой идет.
Не мой милой, не мой милой,
Не мой миленькой — чужой идет, иной.
Я думала, я думала,
Уж я думала, не буду за тобой!
Смерилсе милой, смерилсе милой,
Мил смерилсе, во гуляньецо пошел.

6²⁷

Я капустоцьку полола — приговаривала.

После каждой строки — припев:

Ой, люли, с-по люли, да приговаривала.
— Кому надобно капусты — приходите покупать!
Приходите покупать, да буду сходно отдавать.
Как откуль взялся детина — с саду ягода-малина.
Отворил парень ворота, зашел к девки в огород.
Зашол к девушки в огород — сам почтенье воздаст:
— Тебе Бог ле помощь, девица, капустоньку полоть!
Он капусты-то не торгует — красну девицу целует.
Он капусты-то не купил — красну девку полюбил.
На улице свет-зоря, да ступай, милой, со двора! —
и девушка парня выталкивает из круга —
Под окошечком белый свет, да я за милым пойду вслед! —
и сама возвращается. Наконец, возвращаются
оба, заходя в круг, ходят туда и обратно.
Поется песня в быстром темпе.

Ой, да я за миленьким бежала — свету алого искала.
Не нашла свету алого, кроме своего милого.
Уж как мой-от²⁸ любезной не домой пошел — к иной,
Не домой пошел, к иной, да ко Дуняши вдовыной.
А Дуняша вдовына цем же лучше миня?
Она лицом бела, да цорным глазом весела.

7²⁹

Ой, да как по славной по Питерской дорожки
Там и шли-прошли солдаты молодья.

²⁷ В *ркп* эта песня под номером 80. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 58—58 об.

²⁸ В *ркп* это словосочетание передано как «моёт».

²⁹ В *ркп* эта песня под номером 81. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 58 об.—59. Напев — № 7а. Вар. напева: Песни Лешуконья, с. 62.

Впереди-то идут матери родня,
 Позади-то идут жоны молодья —
 Во слезах пути-дорожечки не видят.
 Говорят-то им солдаты молодья:
 — Вы не плацьте-ко, матери родня,
 Не рыдайте-ко, жоны молодья:
 Не ходите вам по всему свету за нами,
 Не смочить вам сыра земля слезами,
 Не наполнить сине море горящими! —
 Наполняице синё море реками,
 Наливаюце быстры реки руцьями.
 Да не ясен сокол по воздуху летает —
 Молодой солдат с фатерушки съезжает.
 Не отец его, не мати провожают —
 Спровожают-отряжают цюжи люди,
 Цюжи люди — порядовные суседи,
 Порядовны-задушевные красны девки.
 Одна девица подальше проводила,
 На ростанюшках платочик подарила,
 На дорожечку здоровья помолила:
 — Дай ты, Господи, солдату воротитце
 Да на нашу на фатеру становице,
 Да на мне, на красной девушки, жонице!

7а³⁰

♩ = 120

1. Э-ой, да

как по слав-ной - то по пи - тер-ской до - ро - жке да

(в)уж там шли-про-шли сол-да - ты мо - ло - ды - я. 2. Да

уж там шли-про-шли сол - да - ты мо - ло - ды - я,

³⁰ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.09. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 25 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на полтона тона ниже. Вар. напева: Песни Лешуконья, с. 62.

Впе - ре - ди и - дут(ы) ма - те - ри род - ны - я. 3. Да

впе - ре - ди и - дут ма - те - ри род - ны - я,

По - за - ди и - дут(ы) жё - ны мо - ло - ды - я. 4. Да

по - за - ди и - дут(ы) жё - ны мо - ло - ды - я,

Во слё - зах пу - ти - до - ро - же - цьки не ви - дят. 5. Да

во слё - зах пу - ти - до - ро - же - цьки не ви - дят.

Го - во - рят им сол(ы)-да - ты мо - ло - ды - я.

Э-ой, да как по славной-то по Питерской дорожке
Да (в)уж там шли-прошли сол(ы)даты молодья.

Да уж там шли-прошли солдаты молодья,
Впереди идут(ы) матери родня.

Да впереди идут матери родня,
Позади идут(ы) жёны молодья.

Да позади идут(ы) жёны молодья,
Во слёзах пути-дорожецьки не видят.

Да во слёзах пути-дорожецьки не видят.
Говорят им сол(ы)даты молодья.*

Да говорят им сол(ы)даты молодья:
— Вы не плацте-ко, матери родня!

Да вы не плацьте-ко, матери родныя,
Не рыдайте-ко, жёны молодья!
Не рыдайте-ко, жёны молодья!

8³¹

Ой, да как у всех-то мужья молодья,
Быдто ягодки наливныя.
Как у мня ле мужицищо — старицищо,
Не спускает старицищо на егрищо!
Да я у старого уходом уходила,
Под полой светло платьё уносила.
Я белильца-руменца — в кармашки,
Цисто зеркальцо — за цолоцком.
Я у ближнего суседа снаряжалась.
Я не долго на бесёды просидела:
Только с утренной зори до вецорной!
Я не знаю, как к старому подъевица —
Стукну-брякну я в медное колецко.
Уж как злы наши собаки услыхали —
Моего старика розбужали.
Слезываёт старицищо со пецишы
И берёт старицищо за плетищо,
И он бьёт моё тело, сколь угодно!
Уж я тут старику покорилась,
В праву ножецку поклонилась:
— Я вперед такова больше не буду,
Я тебя, старика, не забуду!

9³²

Ой, да я поеду в нов Китай-город гуляти,
Цего надобно хозяйки, закупати.
Я куплю молодой жоны поупку:
Самолучшу шолковую юбку.
— Ты примай-ко, жона моя, не чванься,
Душа-сердце мое, не ломайся!
Посмотрите-ко, добрыя люди,
Как жона-та миня, молодца, не любит,
Душа-сердце мое, не целует
И подарков моих не принимает!

³¹ В *ркп* эта песня под номером 82. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 59—59 об. Напев — № 7а.

³² В *ркп* эта песня под номером 83. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 59 об.—60 об. Напев — № 7а.

Я поеду в нов Китай-город гуляти,
Цего надобно хозяйки, закупати.
Я куплю ле молодой жоны покупку:
Я перву-ту покупку — калинкору,
Я другу-ту покупку — дородору.
— Ты примай-ко, жона моя, не чванься,
Душа-сердце мое, не ломайся!
Посмотрите-ко, добрыя люди,
Как жона-та миня, молодца, не любит,
Душа-сердце мое, не целует
И подарков моих не принимает!

Я поеду в нов Китай-город гуляти,
Цего не надобно хозяйки, закупати.
Я куплю ле молодой жоны покупку:
Саму лучшу пеньковую плетку.
— Ты примай-ко, жона моя, не чванься,
Душа-сердце мое, не ломайся!
Посмотрите-ко, добрыя люди,
Как жона-та миня, молодца, любит,
Душа-сердце мое, поцелует
И подарки мои принимает!

10³³

Не во нов монастырь становился,
Молодой чернець провострился:
Захотелось чернецу погуляти,
По заулкам-переулкам польятати.
Как навстречу чернецу еду[т] девки —
Чернецицо колпацицо сонимаёт:
— Не мое теперь дело — молитце,
А мое теперь дело — жонитце!

Не во нов монастырь становился,
Молодой чернець провострился:
Захотелось чернецу погуляти,
По заулкам-переулкам польятати.
Как навстрету чернецу едут жонки —
Чернецицо колпацицо натягает:
— Не моё теперь дело — жонитца,
А моё теперь дело — молитце!

³³ В *Ркп* эта песня под номером 84. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 60 об.—
61. Напев — № 7а.

Ой, да я вчерасе на рыноцёк ходила,
 На три копейки кудельки купила,
 За алтын веретешко подхватила.
 Пришла — на полоцку положила:
 Да уж ты стой, моя куделька, недельку,
 У заботливой хозяйюшки другую!
 В понеделник я баёнку топила,
 А во вторничек парице ходила,
 Всю среду-ту с угару пролежала,
 Я в четверг-от буйну голову цёсала.
 Как по пятницею добры жоны не прели,
 Во субботу — по родителям ходила,
 В воскресенье на беседы просидела.
 В понеделник ранёшенько вставала —
 Вдоль по прялоцки куделецку вязала.
 Три сажоночки тонехонько тянула —
 До крова-та мозоли набивала! —
 Своёму друшку показала.
 — Не преди-ко, моя милая, не майся,
 Всю зиму на печи нагишом проваляйся!
 Как придет весна-красна, лето тепло,
 Наростет трава шолковая, лапушка.
 Мы сошьем ле с тобой по сарафанцю,
 По сарафанцю с тобой, по роздуванцю.
 Нашьем пуговки с тобой медныя,
 Нашьем петелки шолковыя.
 Как поповы-ти козы увидали, —
 Сарафанчики наши розорвали!

Я хожу-хожу гругом города,
 Я шиблю-рублю мецем ворота,
 Да я ищу себе товарища.
 — Где бы, где бы красна девица найти,
 Где бы, где бы розкрасавица найти?
 Я ею бы златы[м] перснем подарил.
 Да я возьму ею за праву за руку,
 Да обведу ею кругом города,
 Я поставлю на середоцку,
 Да на единую полостоцку!
 Да уж мы сойдемсе-содвинимсе,
 Да мы содвинимся близехонько,
 Да розойдемся широкёхонько,
 Да мы поклонимся низехонько!

³⁴ В *ркп* эта песня под номером 85. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 61—61 об. Напев — № 7а.

³⁵ В *ркп* эта песня под номером 86. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 61 об.—62. Напев — № 12а.

12а³⁶

1. Ой, да

я хо - жу - хо - жу кру - го - м(ы) го - ро - да,

Я хо - жу - хо - жу кру - го - м(ы) го - ро - да.

2. Я сшиб - лю - руб-лю ме - цё - м(ы) во - ро - та,

Я сшиб - лю - ру-б(ы)-лю ме - цё - м(ы) во - ро - та!

3. Я и - шчу се - бе то - ва - ри - ща,

Я и - шчу се - бе то - ва - ри - ща.

4. - Где бы мне, где бы кра-сна де - ви - ця на - йти, да

Где бы, где бы рос-кра - са - ви - ця на - йти? 5. Дак

я е - ю бы з(ы)-ла-тым пер-стнём по - да - рил,

³⁶ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.10. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 25 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на полтора тона ниже.

Ой, да я хожу-хожу кругом(ы) города,
Я хожу-хожу кругом(ы) города.

Я сшиблю-руб(ы)лю мецём(ы) ворота,
Я сшиблю-руб(ы)лю мецём(ы) ворота!

Я ишчу себе товарища,
Я ишчу себе товарища.

— Где бы мне, где бы красна девица найти, да
Где бы, где бы розкрасавица найти?

Дак я ею бы з(ы)латым перстнём подарил,
Я ею бы з(ы)латым перстнём подарил!

13³⁷

Да ище круг столба ле я хожу,
Да ище круг дубова гуляю.
Да ище цем столба будем дарить,
Да ище цем дубова подарить?
Да подарю столба животом,
Да животом-животоциком —
Да душу красную девицею,
Да тут и Марью Ивановну
Да Окулиной Степановной!

Девушки всего круга дарят парней, находящихся в кругу по очереди, кого назовут в песне. Когда всех обойдут, круг останавливается. Девушки по двое ходят в кругу туда-обратно перед парнями, и все поют песню в быстром темпе.

Да выкупай-ко се, Марья, платок,
Да выруцей-ко, Окулина, другой!
Я не дам платка без выкупа,
Да без ста рублей, без тысячи,
Да без дородна добра молодца,
Да без такого, без сякого,
Не знаю, без какого!
Девки, ступайте ногами,
Кацейте головами!
Ище хто ногой не топнет —
У того нога отсохнет,

³⁷ В *ркп* эта песня под номером 87. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 62—62 об.

По костоцки, по ладышецки!
 Хто повыступит повыше,
 Поклонитце пониже,
 Обоймет столба, поцелуице!

14³⁸

На улице диво — варит чернец пиво!

Привев: Чернецок ты мой, чернец молодой!

Я пиво сливала — миня рознимало:

Спускалась наливка во руцки, во ношки,

Во руцки, во ношки, во буйну головку,

Во буйну головку, в ретиво сердечко —

Не могу встряхнутце, нельзя сворохнутце!

Вот пойду встряхнуся, пойду сворохнусе,

Пойду сворохнусе, ниско поклонюся!

14a³⁹

$\text{♩} = 128$

1. На у - ле - це ди - во, да ва - рил цер - нец пи - во!

Цер-и)-не - цёк ты мой, цер - нець мо - ло - дой!

2. Я пи - во съли - ва - ла - ми - ня розь - ни - ма - ло.

Цер - не - цёк ты мой, це-р(ы)-нець мо - ло - дой!

3. Спуш-ча - лась на - лив - ка во ру - чки, во но - жки, да.

³⁸ В *рпк* эта песня под номером 88. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 62 об.—63. Напев — № 14а. Вар.: Песенник-1834, № 14.

³⁹ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.11. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 25 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на полтона ниже. Вар. напева: Песенник-1834, № 14.

Це-р(и)-не - цёк ты мой, це-р(и)нецъ мо - ло - дой!

4. Во ру - чки, во но - жки, во буй - ну го - ло - ву.

Це-р(и)-не - цёк ты мой, це-р(и)нецъ мо - ло - дой!

5. Не - лязм(ы)-не встря - хнуть - це, да нель - зя сво - ро - хнуть - це.

Це-р(и)-не - цёк ты мой, це-р(ы)нецъ мо - ло - дой!

6. Вот по - йду встря - хнусь я, по - йду сво - ро - хнусь я.

Це-р(и)-не - цёк ты мой, це-р(ы)нецъ мо - ло - дой!

7. По - йду сво - ро - хну - се, да ни - ско по - кло - ню - се.

Це-р(и)-не - цёк ты мой, це-р(и)нецъ мо - ло - дой!

На улеце диво, да варил чернец пиво!
Цер(и)нецёк ты мой, чернецъ молодой!
Я пиво съливала — миня розьнимало.

Цер(и)нецёк ты мой, цер(ы)нецъ молодой!
Спушчалась наливка во ручки, во ножки, да.

Цер(и)нецёк ты мой, цер(и)нецъ молодой!
Во ручки, во ножки, во буйну головку.

Цер(и)нецёк ты мой, цер(и)нецъ молодой!

Нельзя м(ы)не встряхнутьце, нельзя сворохнутьце!
Цер(и)нецёк ты мой, цер(ы)нець молодой!
Вот пойду встряхнусь я, пойду сворохнусь я!
Цер(и)нецёк ты мой, цер(ы)нець молодой!
Пойду сворохнусе, да ниско поклонюсе!
Цер(и)нецёк ты мой, цер(и)нець молодой!

15⁴⁰

Игровыя девицы становятца в две шеренги, лицами друг к другу.

Одне:

Мы просо сеели, сеели!
Припев: Един ладо, сеели, сеели!

Вторыя:

А мы просо вытопцем, вытопцем!
— Нецим вам вытоптать, вытоптать!
— А мы коней напускам, напускам!
— А мы коней выимаю, выимаю.
— Нецим вам выимать, выимать!
— Шолковым повадом, повадом.
— А мы коней выкупим, выкупим!
— Нецим вам выкупить, выкупить!
— А мы даим сто рублей, сто рублей.
— Не надо нам сто рублей, сто рублей!
— А мы даим тысяцу, тысяцу.
— Не надо нам тысяца, тысяца!
— Цего же вам надобно, надобно?
— Надо крайня девица, девица!
— Ну, откройте ворота, ворота!
— Вот открыли ворота, ворота.

Две крайние девушки поднимают руки, в эти ворота проходит вторая шеренга. Девушки, поднявшие руки, перед крайней девушкой опускают руки, и последняя девушка остается у первой шеренги.

— У нас полку убыло, убыло!
— У нас полку прибыло, прибыло!
— Мы вецор плакали, плакали!
— А мы вецор скакали, скакали!
— Мы дали непряху, неткаху, не шолковицу,
Не пиры пировать, не стаканы наливать,
Не боярам подавать!
— У нас будет пряха, и ткаха, и шолковица,
И пиры пировать, и столы столовать,
И стаканы наливать, и боярам подавать!

⁴⁰ В *рпк* эта песня под номером 89. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 63—63 об.

16⁴¹

Вдоль было по травоньки, вдоль по муравки.

Привет: Ай, люли-люлюшки, вдоль по муравки.
Тут ходит-гуляет удалой молодчик.
Совет-вызывает он красную девицу:
— Поди-выйди, девица, за ворота
Со мной, с добрым мо[ло]дцом, постояти,
Со мной, со удаленьким, речи говорити!

Тут девица к молодцу выходила,
Красавица с молодцом речи говорила:
— Я ле тебя, молодец, избещесью!
Пуховую шляпоцку сонимала,
Русья кудерышка растрепала,
Синюю сибироцку замарала,
Смазныя сапожецки затоптала.

Пошел-пошел молодец, сам заплакал:
— Не спасибо, маменька, на свет спородила —
На бесёды девушка невзлюбила!

И снова поется песня сначала до строки: «Красавица с молодцом речи говорила»:

Красавица с молодцом речи говорила:
— Прости, прости, молодец, я ле виновата —
Я ле тебя, молодец, не узнала!
Русья кудерышка зацесала,
Пуховую шляпоцку накладала,
Синюю сибироцку выщисала,
Смазныя сапожецки вытирала.
Пошел-пошел молодец, зрадовалсе:
— Те спасибо, маменька, на свет спородила —
На бесёды девушка полюбила!

16a⁴²

♩ = 120

1. А - ой,

Вдоль бы-ло по тра - во - ньке, вдо-л(и) по му - ра - вке.

⁴¹ В *ркп* эта песня под номером 90. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 64—64 об. Напев — № 16а.

⁴² ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.12. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 25 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на один тон ниже.

А - й(и), лю - ли - лю - лю - шки, вдо-л(и) по му - ра - вке.

2. Тут хо - дит(ы)-гу - ля - ёт свет у - да - лой мо - лод - цик.

А - й(и), лю - ли - лю - лю - шки, у - да - лой мо - лод - цик.

3. Зо - вет - вы - зы - ва - ёт он кра - сну - ю де - ви - цу.

А - й(и), лю - ли - лю - лю - шки, кра - сну - ю де - ви - цу.

4. - По - йди - выйди, де - ви - ця, за во - ро - та

А - й(и), лю - ли - лю - лю - шки, за во - ро - та.

А-ай, вдоль было по травоньке,
Вдол(и) по муравке.
Ай(и), люли-люлюшки,
Вдол(и) по муравке.

Тут ходит(ы)-гуляёт свет
Удалой молодчик.
Ай(и), люли-люлюшки,
Удалой молодчик.

Зовет-вызывает он
Красную девицу.
Ай(и), люли-люлюшки,
Красную девицу.

— Пойди-выйди, девица,
За ворота!
Ай(и), люли-люлюшки,
За ворота!

Ой, да во саду девки гуляли.

Привет: Калина да малина!

Да по светоцку срывали,
 Да по веноцку свивали.
 Да девки на реку ходили,
 Да по веноцку спускали,
 Да тут венку приговорили:
 — Да ище хто реку перейдет,
 Да ище хто венки переймет,
 Да ище хто их перехватит,
 Да за того я взамуж пойду,
 Да за того я пожелаю!
 Да тут кидался-бросался
 Да ище старой старищицо,
 Да ище старой-неудалой:
 — Да ище я реку перейду,
 Да ище я венки перейму!
 Он спереду не красовидой,
 Да со боков не плашовидой,
 Да со заду-ту — сотулой:
 — Да откажи, мати, пожалуй, —
 Да за того я взамуж нейду,
 Да за того я не желаю!

И снова начинают сначала, поют до строки:

Да тут кидался-бросался
 Да ище молодец удалой:
 — Да ище я реку перейду,
 Да ище я венки перейму,
 Да ище я их перехвацу!
 Да спереду он красовидой,
 Да со боков он плашовидой,
 Да со заду — не сотулой:
 — Да прикажи, мати, пожалуй, —
 Да за того я взамуж пойду,
 Да за того я пожелаю!

17a⁴⁴

♩ = 100

1. Ай, да во са - ду де - вки гу - ля - ли.

⁴³ В *ркп* эта песня под номером 91. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 64 об.—65 об. Напев — № 17а. Вар. напева: Песни Лешуконья, с. 60—61.

⁴⁴ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.13. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на два тона ниже. Вар. напева: Песни Лешуконья, с. 60—61.

Да ка - ли - на,

да ма - ли - на!

2. Да по цве - то - чку сры - ва - ли.

Да ка - ли - на,

да ма - ли - на!

3. Да по ве - но - чку съви - ва - ли.

Да ка - ли - на,

да ма - ли - на!

4. Дак де - вки на ре - ку хо - ди - ли.

Да ка - ли - на,

да ма - ли - на!

5. Да по ве - но - чку спу - шша - ли
 Да ка - ли - на,
 да ма - ли - на!

Ай, да во саду девки гуляли.
 Да калина, да малина!
 Да по цветочку срывали.
 Да калина, да малина!
 Да по веночку съвивали.
 Да калина, да малина!
 Дак девки на реку ходили.
 Да калина, да малина!
 Да по веночку спушшали.
 Да калина, да малина!

18⁴⁵

Круговая

Хожу я гуляю вдоль по караводу.
Припев: Заюшко беленькой!
 Вдоль по караводу, по всему народу.
 Ищу-выбираю богатого тестя.
 Нашол я, выбрал богатого тестя:
 — Пусть ты мне-ка тесть, да я ле тебе зять,
 Я ле тебе зять — лажу доцерь взамуж взять!
 Хожу я, гуляю вдоль по караводу,
 Вдоль по караводу, по всему народу.
 Ищу-выбираю богатую тещу.
 Нашол я, выбрал богатую тещу:
 — Пусть ты мне-ка теща, я ле тебе зять,
 Я ле тебе зять — лажу доцерь взамуж взять!
 Хожу я, гуляю вдоль по караводу,
 Вдоль по караводу, по всему народу.
 Ищу-выбираю молодого шурина.
 Нашол я, выбрал молодого шурина:
 — Пусть ты мне-ка шурин, я ле тебе зять,

⁴⁵ В *ркп* эта песня под номером 92. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 65 об.— 66 об. Напев — № 18а. Вар. напева: ПФМ, № 113.

Я ле тебе зять — лажу сестру взамуж взять!
 Хожу я, гуляю вдоль по караводу,
 Вдоль по караводу, по всему народу.
 Ищу-выбираю молодую свойку.
 Нашол я, выбрал молодую свойку:
 — Пусть ты мне-ка свойка, я ле тебе зять,
 Я ле тебе зять — лажу сестру взамуж взять!
 Хожу я, гуляю вдоль по караводу,
 Вдоль по караводу, по всему народу.
 Ищу-выбираю хорошу невесту.
 Нашол я, выбрал хорошу невесту:
 — Пусть ты мне-ка невеста, я тебе жених!
 — Покажи-ко, зятелко, свои русы кудри!
 — Вот мои русы, вот мои кудри.
 — Покажи-ко, зятелко, свои руки белы!
 — Вот мои руки, вот мои белы.
 — Покажи-ко, зятелко, свое тело бело!
 — Вот мое тело, вот мое бело.
 — Покажи-ко, зятелко, свои ноги резвы!
 — Вот мои ноги, вот мои резвы.
 — Покажи-ко, зятелко, хорошу невесту!
 — Вот моя невеста, вот моя хороша.
 — Пожалуйте, гости, все ко мне на свадьбу:
 Пиво наварёно, вино накурёно,
 Хлебы напечёны, рыбы нажарёны!
 Пиво-вино выпили — тестя-та выбили.
 Съели блиночки — тещи пиночки.
 — Запрягай, шурин, коня и убирайсе со двора!
 Свадьбу отыграли — свойку напинали.

18a⁴⁶

♩ = 100

1. А - ой,

хо - жу я гу - ля - ю вдоль по ка - ра - во - ду.

Вдоль по ка - ра - во - ду, по всё - му на - ро - ду.

⁴⁶ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.14. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на два тона ниже.

За - ю - шко бе - лень - кой!

2. Вдоль по ка - ра - во - ду хо - жу, по всё - му на - ро - ду.

За - ю - шко бе - лень - кой!

3. Иш-чу - вы - би - ра - ю бо - га - то - го те - стя.

За - ю - шко бе - лень - кий!

4. На - шёл я, вы - брал бо - га - то - го те - стя.

За - ю - шко бе - лень - кий!

- Путь ты (ы)-не - ка тесь, а я ле ти - бе зять. Да

за - ю - шко бе - лень - кой!

5. Я ли ти - бе зять - ла - жу до - черь вза - муж взять! Да

за - ю - шко бе - лень - кий!

А-ой, хожу я гуляю вдоль по караводу.
Вдоль по караводу, по всёму народу.
 Заюшко беленькой!
Вдоль по караводу хожу, по всёму народу.
 Заюшко беленькой!
Ишчу-выбираю богатого тестя.
 Заюшко беленький!
Нашёл я, выбрал богатого тестя.
 Заюшко беленький!
Пусть ты м(ы)не-ка тесь, а я ле тебе зять.
 Да заюшко беленькой!
Я ли тебе зять — лажу дочерь взамуж взять!
 Да заюшко беленький!

Зимние песни Святочные виноградья и припевки

19⁴⁷

Для холостых

На угоре, во соборе Петропавловском,
 Припев: Да виноградье краснозелёное!
Да звонили цесну ранну заутренью,
Да цесну ранну обедню воскресенскую.
Да ото сну ле тут Иван да пробужаетце,
Да сын Ивановиць сокол да пошевеливаице,
Да со тисовой со кроватоцьки спускаице,
Да во козловы сапоги да обувайтце,
Да ключевой свежой водой да умываице,
Да тонким белым полотенцем утирайтце.
Да он умылся, снаредился — во Божью церьков пошол.
Да во Божью церьковь зашол, да на правую руку стал,
Да стал ко крыласу, да стал ко правому,
Да сказал: «Здраствуйте попы-дечки, духовници!»
— Да это цей, это цей, да это цей он, молодец?
— Да що по имени Иван-от Ивановиц сокол.
— Да ище хто тебе, Иван, да светло платье заводил?
— Да это сам я, это сам, да золота моя казна,
Да золота моя казна да всё уцетная.
— Да ище хто тебя, Иван, да изнасеял, молодца?
— Да изнасеял молодца да родной батюшко его,
Да що с-по имени Иван-от Васильевиц.
— Да ище хто тебя, Иван, да сей свет спородил?
— Да на сей свет спородила родна маменька,
Да що с-по имени-то Дарья Степановна.
— Да ище хто тебе, Иван, да русы волосы цёсал?

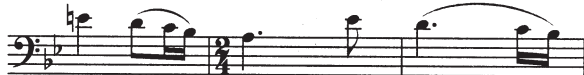
⁴⁷ В *ркп* эта песня под номером 93. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 67 об.— 68. Напев — № 19а. Вар. напева: Приложение, № 5; ТГМ, № 23, напев 13; ПФМ, № 183 (вар. текста: № 183г).

— Да русы волосы цёсала больша моя сестра,
 Да как больша моя сестра — да Степанида хороша,
 Да Степанида хороша да доць Ивановна-душа.
 — Да ище хто тебе, Иван, да русы кудри завивал?
 — Да русы кудри завивала богосужона моя,
 Да богосужона моя — тут есь Марья хороша,
 Да ту[т] и Марья хороша да доць Ивановна-душа.

19a⁴⁸

1. На у - го-ре, во со - бо - ре Пе - тро - па-в(ы)-лов - ском, да

Ви - но - гра - ди - ё

кра - сно-зе - лё - но - ё!

2. Да за-зво-ни - ли цёс - ну ран - ну за - у-т(ы)-ре-н(и) - ю, да

Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно-зе - лё - (о) - но - ё!

3. Да о-то сну ле мо-ло - дец да про-бу - жа - е - тце, да

⁴⁸ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.01. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: Приложение, № 5; ТПМ, № 23, напев 13; ПФМ, № 183 (вар. текста: № 183г).

Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно-зе - лё - но - ё!

4. Да со ти - со-вой со кро - ва - то - чки спу - шча - и - тце, да

Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно-зе - лё - но - ё!

5. Да во ко - зло-вы са - по - ги да о - бу - ва - е - тце, да

Ви - но-г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно-зе - лё - но - ё!

На угоре, во соборе Петропав(ы)ловском, да
Виноградие краснозелёное!
Да зазвонили цёсну ранну заут(ы)рен(и)ю, да
Виноградие краснозелёное!
Да ото сну ле молодец да пробужаетце, да
Виноградие краснозелёное!
Да со тисовой со кроваточки спущчаитце, да
Виноградие краснозелёное!
Да во козловы сапоги да обуваетце, да
Виноградие краснозелёное!

Для холостых

Как во дали, во дали, на другой стороны.

*Притев тот же.*⁵⁰

Да на другой стороны нашей Мезени-реки,
 Да как ище того подале — во роздольеци
 Да там стояла берёза белокудревая,
 Да белокудревая да верхокудревая.
 Да как под той белой берёзой бел-полотенной шатер,
 Да как во том белом шатри да красна девица сидит.
 Да она шила-вышивала скатерьт[ь] бранную:
 Да первой угол вышивала — красно солнце с маревами,
 Да другой угол вышивала — светел месяц со звездами,
 Да третьей угол вышивала — синё море со волнами,
 Да сине море со волнами, со черныма кораблями,
 Четвертой угол вышивала — сыру землю со горами,
 Да сыру землю со горами, со темныма со лесами,
 Да со темныма со лесами, со страшныма со зверями,
 А на середку вышивала Божью церков со звонами,
 Божью церьков со звонами, со крестами-кумпалами,
 Со крестами-кумпалами, со святыма образами,
 Со попами, со дьяками, со духовниками.
 Уж там ходит-гуляет удалой молодец
 Да що по имени Иван-от Иванович сокол.
 Да он куницеми-лисицеми обвесился,
 Да он черныма соболями опоясался,
 Да серыма заюшками подтыкался,
 Да горносталюшками поддегался.
 — Кабы был я, кабы был да я на той стороне,
 Я на той стороне нашей Мезени-реки,
 Да я разбил бы, разрушил да весь полотняннй шатер,
 Да уж я ту бы скатероцку в корман положил,
 Да уж я ту бы красну девицу за себя бы взамуж взял,
 Да как с-по имени-то Анну Ивановну!

Для женатых

Да во святы вецора да во рожесвенцкия

Притев: Да виноградье краснозелёное!

Они ходили, искали господинов новый двор.

⁴⁹ В *ркп* эта песня под номером 94. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 68.— 69. Напев — № 19а. Вар. текста: Приложение, № 5; ПФМ, № 183д. Вар. напева: Приложение, № 5; ПФМ, № 183; ТПМ, № 23, напев 13.

⁵⁰ См. № 19.

⁵¹ В *ркп* эта песня под номером 95. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 69.—70. Напев — № 19а. Вар. текста: ПФМ, № 183д. Вар. напева: Приложение, № 5; ТПМ, № 23, напев 13; ПФМ, № 183.

У господина новый двор да высоким-высоко,
Высоким он высоко да далеким он далеко —
Да на петидесети верстах, да на семидесети столбах.
Да как на каждом на столбышке по свецки светит.
Да ты позволь, сударь-хозяин, ко двору прийти,
Да ко двору прийти, да на красно крыльцо зайти,
Да на красно крыльцо зайти, да кольцо признать,
Да за кольцо призьнет/ь/, да по новым сеням пройти,
Да по новым сеням пройти, да скобу признать,
Да скобу признать, да в нову горницу зайти,
Да в нову горницу зайти, да преч матици стать!
Да ты позволь, сударь-хозяин, винограде спеть,
Да винограде спеть — да господина велицеть!
Да тут стояла кроватоцка тисовенькая,
Да на кроватоцки периноцка пуховенькая,
Да на перины простыня да не простого полотна.
Тут лежало зголовьецо шолковенькое.
Да во ногах-то одияло цёрна соболя лёжит.
Да как под этим одиялом лежат кум со кумой,
Да лежат кум со кумой — лежат хозяин со женой.
Да ище рус-от кум — да хозяин-господин
Да що с-по имени Иван-от Ивановиць.
Да ище руса-та кума — да тут хозяйка-госпожа
Да що с-по имени-то Марья Ивановна.
Да как между има катаице злоцян перстень —
То не злоцян перстень, а дума крепкая,
Дума крепкая да слово тайноё.
Да они думали-гадали — черна выжога срежали,
Церна выжога срежали, во цисто поле спущали.
Да они думали-гадали — ясна сокола срежали,
Ясна сокола срежали — по поднебесью спущали.
Да они думали-гадали — черна карабля срежали,
Церна карабля срежали — во сине море спущали.
Да они думали-гадали — черна выжога встретали:
Черной выжог-от бежит, да кунью шубу тащит —
Как на Марьины плеча да на могуция.
Да они думали-гадали — ясна сокола встретали:
Как ясен сокол летит, да лебедь белую тащит —
Да на поцесен пир, да на дубовой стол.
Да они думали-гадали — черна карабля встретали:
Черной карабель бежит, да живота много тащит,
Красна золота, циста серебра —
На житьё да на бытьё, да на богатесьво!

22⁵²

*Обход (колядка). Рождественское «секанье» (секодревы — дровосеки).
Поют мальчишки и девчонки-подростки.*

⁵² ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.15. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде
26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: ПФМ,
№ 186.

♩ = 136

Ай, се - ки - те вы дре - во, да ва - ли - те вы дре - во

О си - нё - ё мо - рё, да о бы - стру - ю ре - ку!

Мо - сты вы, мо - сты, кла - ня - лись по - д(ы) мо - сты,

Все зо - ло - ты - я, да все се - ре - б(ы) - ря - на!

Ко - му ид - ти - е - хать? Хри - сту да Ро - же - сьву,

С сы - ром да с ма - слом, с ве - ли - ким бо - гать - ством!

Ша - нёг сто - па, пи - ро - гов ко - стёр,

На - ве - р(и)х - ту ко - зу - л(и) - ка, се - ре - б(ы) - ря - на день - га!

Бо - га - ты му - жи - ки, (в)от - во - рей - те сон - ду - ки,

По - да - вай - те пе - та - ки!

А нет пе - та - ков - да - вай гри - ве - ни - ков!

Ай, секите вы древо, да
 Валите вы древо
 О синёе морё, да
 О быструю реку!
 Мосты вы, мосты, —
 Кланялись под(ы) мосты, —
 Все золотья, да
 Все сереб(ы)ряна!
 Кому идти-ехать?
 Христу да Рожесьву,
 С сыром да с маслом,
 С великим богатством!
 Шанёг стопа,
 Пирогов костёр,
 Навер(и)х-ту козул(и)ка,
 Сереб(ы)ряна деньга!
 Богаты мужики,
 (В)отворейте сондуки,
 Подавайте петаки!
 А нет петаков —
 Давай гривеников!

23⁵³

Обход (колядка). Если не подадут

♩=128

Двор - от по - те - шон: хо - зя - ин - от под - ве - шон
 За за - дней жо - лоб, за пизь - ей во - лос!
 Во - лос - от сор(ы)-вал - се, хо - зя - ин о - бо-р(ы)-вал - се:
 О ка - мень зу - ба - ми, о тын го - ло - вой,

⁵³ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0750.16. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар.: ПФМ, № 186.

О ши - пи - цю бо - ро - дой!

О-д(ы) - на бы - ла ко - ро - ва, да по дво - ру хо - ди - ла,

Глы - зки сци - та - ла, пе - ре - сци - ты - ва - ла,

Кро - вью dri - ста - ла, пе - ре - dri - сты - ва - ла,

И та о - ко - ле - ла!

Двор-от потешон,
Хозяин-от подвешон
За задней жолоб,
За пизьей волос!
Волос-от сор(ы)валсе,
Хозяин обор(ы)валсе:
О камень зубами,
О тын головой,
О щипицю бородой!
Од(ы)на была корова,
Да по двору ходила,
Глызки⁵⁴ считала,
Пересцитывала,
Кровью дристала,
Передриствывала,
И та околела!

24⁵⁵

Новогодняя припевка для холостых

Поётся один раз в год.

А как со вецера васильевцкого
Да со полуноци рожесвеньцкой,

⁵⁴ «Глызки — говно это», — коммент. исполнителя.

⁵⁵ В *ркп* эта песня под номером 96. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 70 об. Напев — № 24а. Вар.: ТПМ, № 24 (напев 14); ПФМ, № 184.

Да тут сидели красны девицы,
 Они пололи злоцянны персни:
 Да кому выпадет злоцян перстень,
 Да та и ты, девка, за тем жонихом —
 Да свет и Марья Ивановна
 Да за Иваном Ивановичем!

24а⁵⁶

$\text{♩} = 100$

Ой, дак как со ве - щё - ра Ва - си - л(и) - ев - сько - го

Да со по - лу - но - ци рож - же - съвень - ской,

Да там си - де - ли кра - сны де - ви - цы,

О - ни по - ло - ли зло - цён - ны пе - р(ы) - сьни:

Да ко - му вы - па - дёт зло - ця - н(ы) пе - р(и) - стень,

Дак та и ты, дев - ка, за те - м(ы) жо - ни - хом -

Да съвет и Ма - р(и) - я И - ва - но - в(ы) - на

Да за И - ва - ном (й)И - ва - но - ви - цём!

⁵⁶ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.02. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на полтора тона ниже. Вар.: ТПМ, № 24 (напев 14); ПФМ, № 184.

Ой, дак как до вецёра Васил(и)евського
 Да со полуноци рожжесьвеньской,
 Да там сидели красны девицы,
 Они пололи злоцённы пер(ы)сьни:
 Да кому выпадёт злоцян(ы) пер(и)стень,
 Дак та и ты, девка, за тем(ы) жонихом —
 Да сьвет и Мар(и)я Иванов(ы)на
 Да за Иваном (й)Ивановицём!

25⁵⁷

*Для женатых
 Поётся всегда.*

А, да сковородоцька в печи,
 Сковородник на печи,
 Да не много хлопоци:
 Да дисятоцька два-три блинков испекци!
 Двое ходит, двое бродит,
 Двое сойдутце,
 Двое обоймуце, поцелуюце.
 Пришел такой указ:
 Целоваце двадцать раз —
 Не одинава не дас!
 А по старому закону — цетыре раза:
 Нынцце нет поста — целовать в уста!
 Нонцце заговенье, пора-масленица!

25a⁵⁸

При любой пляске поется женатому в присутствии жены. Если ее нет — поют «Во лузях».

♩ = 136

Ой, дак ско - во - ро - до - цка в пе - ци, дак

Ско - во - род - ни - к(ы) на пе - ци - (и), не м(ы) - но - го хло - по - ци,

⁵⁷ В *ркп* эта песня под номером 97. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 70 об.— 71. Напев — № 25а. Вар. напева: Песенник-1834, № 4; Песни Лешуконья, с. 75; ПФМ, № 143.

⁵⁸ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.03. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на полтора тона ниже. Вар. напева: Песенник-1834, № 4; Песни Лешуконья, с. 75; ПФМ, № 143.

А де - ся - то - цка два - три блин - ков ис - пек - ци!

Дво - ё хо - дит, дво - ё б(ы) - ро - дит,

Дво - е со - йду - тце, дво - е о - бо - йму - тце,

По - це - лу - ю - тце - (э). При - шёл та - кой у - каз:

Цё - ло - ва - тце д(ы) - вад - цеть раз - не о - ди - но - ва не дас(т)!

По - ста - ро - му за - ко - ну - цё - ты - ре ра - за:

Нын - це нет по - ста - цё - ло - вать в у - ста!

Нын - це за - го - ве - н(и) - ё, да по - ра - ма - сле - ни - ця!

Ой, дак сковородоцка в печи, дак
Сковородник(ы) на печи,
Не м(ы)ного хлопоци,
А десятоцка два-три блинков испекци!
Двоё ходит, двоё б(ы)родит,
Двое сойдутце,
Двое обоймутце,
Поцелуютце.
Пришёл такой указ:
Цёловатце д(ы)вадцеть раз —
Не одинова не дас[т]!
По старому закону — цётыре раза:
Нынце нет поста — цёловать в уста!
Нынце заговен(и)ё, да пора-маслениця!

26⁵⁹

Сокол ты, сокол молодой!
 Не летай ты, сокол, высоко,
 Не ширь перья широко,
 Не машись крыльём далеко!
 У нас много бояр в Москвы,
 Того боле все христьян на Руси —
 Да ище нет такова молодца,
 Как Ивана Ивановича:
 Он на горы-то соболя убил,
 Под горой-то лисицню задавил,
 В тихой заводи — утку,
 На песоцку лебедушку —
 В терему-ту — красну девицу-душу,
 Да тут и Марью Ивановну!

26а⁶⁰

На игрищах — с кем ходит парень, ту и припевают ему.

$\text{♩} = 160$

1. Ой, со - кол ты, со - ко - л(ы) мо - ло - дой!
 Не ле - та - й(и) ты, со - ко - л(ы), вы - со - ко,
 Не ма - ши - с(и) кры - л(и) - ё - м(ы) да - лё - ко!

2. У нас мно - го бо - я - р(ы) в Мо - сквы,
 То - го бо - ле всё хри - сья - н(ы) на Ру - си -

⁵⁹ В *ркл* эта песня под номером 98. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 71. Напев — № 26а. Вар. напева: Песни Лешуко́нъя, с. 78; ПФМ, № 145.

⁶⁰ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.04. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на полтора тона ниже. Вар. напева: Песни Лешуко́нъя, с. 78; ПФМ, № 145.

3. Иш - че нет та - ко - ва мо - ло - дця,

Как (й)И - ва - на (й)И - ва - но - ви - ца:

4. Да он на го - ры - то со - бо - ля у - бил,

Под го - ро - й(и) - то ли - си - цю за - да - вил.

5. Дак в ти - хой за - во - ди - у - то - цьку,

На пе - со - цьку - ле - бё - ду - шку,

6. В те - ре - му - ту - кра - сну де - ви - цю - ду - шу,

Тут и Ма - р(и) - ю И - ва - но - вну!

Ой, сокол ты, сокол(ы) молодой!
Не летай(и) ты, сокол(ы), высоко,
Не машис(и) крыл(и)ём(ы) далеко!
У нас много бояр(ы) в Москвы,
Того боле всё хрисьян(ы) на Руси —
Ишче нет такова молодця,
Как (й)Ивана (й)Ивановица:
Да он на горы-то соболя убил,
Под горой(и)-то лисицю задавил.
Дак в тихой заводи — утоцьку,
На песоцку — лебёдушку,
В терему-ту — красну девицю-душу,
Тут и Мар(и)ю Ивановну!

27⁶¹

Да и саночки скопки,
 Пошавеночки с Москвы.
 Кого будем на санки садить,
 Кого ле на запятки становит[ь]?
 Посадил бы красну девицу-душу
 Да и Марью Ивановну,
 Со удалым добрым молодцом
 Да с Иваном Ивановичом.

28⁶²

Как у столбышка точенного,
 У колодецка студеного,
 У колецка серебрянного
 Золотая была церпальница.
 Тут и Марья воду церпала,
 Доць Ивановна поцерпывала.
 Она смотрит: коницок бежит,
 Она смотрит: сивой-вороной —
 На узды конь изгибайтце,
 Шолков повада заступайтце.
 Вот упал, упал Иванушко с коня,
 Упал, упал Ивановичь с добра
 Среди двора на камешок,
 Спомянул свою любушку
 Да и Марью-голубушку:
 У мя есь така любушка,
 Да и Марья-голубушка —
 Без белил она белешенька,
 Без румян руменешенька,
 Да без платья — толстешенька,
 Без подносу — высокешенька!

29⁶³

Да и струнка лебедку гонила —
 Да и Марья Ивана любила,
 Да Ивановича почитала:
 Да ище как его, света, не любити,
 Да и, душецку, не дарити?
 Да и он же, свет, да беленек,
 Да и он же, свет, хорошенек —
 Ровно ягодка, наливненёк!

⁶¹ В *ркп* эта песня под номером 99. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 71 об. Напев — № 26а (?).

⁶² В *ркп* эта песня под номером 100. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3. л. 71 об.—72. Напев — № 26а (?).

⁶³ В *ркп* эта песня под номером 101. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 72.

Да ище по полу кувшин-таки, кувшин,
 По-под лавицу другой-таки, другой.
 Кувшиночка полна-таки, полна —
 У нас Марьюшка умна-таки, умна:
 Пропила своего жониха —
 Да тут Ивана Ивановица!
 — Не бела-та лебедь — кушанье мое,
 А бела лебедь — забава моя:
 Да и Марья — невеста моя!
 Да и Марья, лебедь бела,
 За окошечко гледела,
 За его взамуж хотела.
 Да и Марья шла, тяжело нёсла:
 Каток да валец,
 Друшку милому платок —
 На воздержанье молодцу,
 Сыну Ивановицу.

Зимные игровые

Играет весь круг.

Ой, да ночь ты, ночь моя!
Припев: Ой, люшеньки-люли, ночь осенняя!⁶⁶
 Ночька темная, ночь осённая!
 Молода молодка молоденькая, —
 Голова твоя спобеденькая:
 Не с ким те, моя молодка,
 Ночь спать-нацевать, осённа коротать!
 — Легу спать одна да без мила друшка!
 Без мила друшка да берет грусть-тоска.
 Грусь-тоска, горё берёт —
 Да далёко милой живёт,
 Далёко-далеце — на той стороне,
 На той стороне, не близко ко мне!
 Ходит милой мой тою стороной,
 Машот милой мой правою рукой,
 Рукой правою, да шляпой черною:
 — Перейди, сударушка, да мою сторонущку!
 — Рада-рада перейти, да переходу не найти!
 По берешку шла, да переход не нашла.
 Переход нашла, а перейти нельзя:

⁶⁴ В *ркп* эта песня под номером 102. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 72 об.

⁶⁵ В *ркп* эта песня под номером 103. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 73—73 об. Напев — № 31а. Вар.: Песни Лешуконья, с. 67—68; ПФМ, № 104.

⁶⁶ В дальнейшем, с припевом «Ой, люшеньки-люли» повторяется вторая половина каждого стиха.

Жордоцка тонока, а рецька глибока!
 Во ейой во рецьки купался бобер.
 Купался-купался — не выкупался,
 На гору зашол — отрехивался,
 Отрехивался, сам спободривался.
 Охвотницки свищут — черного бобра ищут,
 Ладят бобра бить — черного подстрелить,
 Черного подстрелить, да Маши шубу шить!
 Маши шубу шили — бобром опушили,
 Бобром опушили, лентой обложили.
 Шубоцка боброва — Маша черноброва.

31a⁶⁷

♩ = 100

1. Ой, да

ноць ты, ноць мо - я, ноць ка тём - на - я,

Ай, лю - шень - ки - лю - ли, ноць о - сён - на - я!

2. Мо - ло - да мо - лод - ка мо - ло - день - ка - я,

Ай, лю - шень - ки - лю - ли, мо - ло - день - ка - я!

3. Го - ло - ва тво - я спо - бед - нень - ка - я,

Ай. лю - шень - ки - лю - ли. спо - бед - нень - ка - я!

⁶⁷ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.05. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар.: Песни Лешуконья, с. 67—68; ПФМ, № 104.

4. Не с ким те, мо-я мо-лод - ка, ночь спатъ - на - цё - ва[тъ],

Ай, лю - шень - ки - лю - ли, ночь спатъ - на - цё - вать,

5. Ночь спатъ - на - цё - вать, о - сён - на ко - ро - тать,

Ай, лю - шень - ки - лю, о - сён - на ко - ро - та[тъ]!

Ой, да ночь ты, ночь моя, ночька тёмная,
Ай, люшеньки-люли, ночь осённая!
Молода молодка молоденькая,
Ай, люшеньки-люли, молоденькая,
Голова твоя спобеднённая,
Ай, люшеньки-люли, спобеднённая!
Не с ким те, моя молодка, ночь спатъ-нацёва[тъ],
Ай, люшеньки-люли, ночь спатъ-нацёвать,
Ночь спатъ-нацёвать, осённа коротать,
Ай, люшеньки-лю, осённа корота[тъ]!*
— Легу спатъ одна я, без мила дружка,
Ай, люшеньки-люли, без мила дружка!

32⁶⁸

Ой, да науци, милой, как идти домой!

Припев: Ой, люшеньки-люли, как идти домой!⁶⁹

— Поди, умница, поди, разумница,
Вдоль по улицы да серой утицей,
Под окошечко да серой кошецкой,
На крылецошко да цястым дождицком,
По новым сеням иди девицею,
А в нову горницу да молодежию!
— А уж как мой-от⁷⁰ муж да за столом сидит,
За столом сидит, да хлеба кушает,
Хлеба кушает да гуся рушает,

⁶⁸ В *ркп* эта песня под номером 104. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 73 об.—74. Напев — № 31а.

⁶⁹ В дальнейшем, с припевом «Ой, люшеньки-люли» повторяется вторая половина каждого стиха.

⁷⁰ В *ркп* это словосочетание записано как «моёт».

Подвигаитце да вдоль по лавицы,
 Да за шолкову плеть да принимаице.
 Плетка свистнула, да кровь пробрызнула —
 Куда плетка свиснет — тут и кровь пробрызнет!
 Свёкор-батюшко — да не родной отець,
 Свёкрова-матушка — да не родная мать:
 Свёкор-батюшко велит пуще бить,
 Свёкрова-матушка — кожу до пят спустить!
 Гулять хочитце — кожа волоцитце!
 Я украдусе да нагуляюсе,
 Уворуюсе да натонцююсе —
 Хоть на локтях ползу, но всё своё веду!

33⁷¹

*Играют 6 человек: три парня и три девушки.*⁷²

А, да у Егорья на горе, да у Егорья на горе.
Припев: Да рано, рано, на горе!
 На фабрисьнем на дворе, на фабрисьнем на дворе
 Играл мастер во скрипицу, парень милой во скрипицу —
 Утешал меня, девицу — утешал, а я уснула
 У милого на коленях, у его же под гуслеми!
 Мой милой в гусли играет — миня, бладу, розбужает:
 — Стань, девушка-розлапушка, белая лебедушка —
 Отец-от, мати едут, отец-от, мати едут!
 Отец едет, едет — скоро будет, не забудет — бранить будет!
 — Я отца-та ле боюсь, своей родимой — несколько!
 Мне отец-от волю дал, мне родима спотакала,
 Гулять поздно отпускал, поздно вечером спускал:
 — Гуляй, доци, до полноци, играй, доци, до полноци,
 С полуноци — до зори, с той полуноци — до зори!
 Как зорюшка занялась, наша утрянна занялась,
 Я, бладенька, поднялась, девка не востра, поднялась,
 Со милым ле гулять пошла, да со любим гулять пошла,
 С того гуляньца пошла, с того играньца пошла —
 Да ей навстречу, настречу, настречу деверёк.
 — Да деверёчик, деверёчик, деверёчик, братец мой,
 Спроводи ты, спроводи ты, спроводи миня домой,
 Не дорогой, не дорогой, не дорого[й] — стороной,
 Миня под шубой, под шубой, по[д] шубой, под полой,
 Миня под правой, под правой, под правой под рукой!
 Не далёко, не далёко, не далёко — до двора,
 Да до висока, до висока, до висока терема.

⁷¹ В *рки* эта песня под номером 105. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 74 об.—75. Напев — № 33а. Вар. напева: Абрамский, № 42; ПФМ, № 123.

⁷² Уточнение о парнях и девушках сделано автором *рки* во время записи мелодии песни на магнитофон (см. № 33а).

1. Ой, да

у Е - го - р(и) - я да на го - ре, да

Ра - но - ра - но, ра - но, на го - ре, да

2. На фа - б(ы) - ри - сьнём на дво - ре, да

у ё - го же во дво - ре, да

Ра - но - ра - но, ра - но, во д(ы) - во - ре, да

3. И - г(ы) - рал маль - цик во скры - пи - цю,

Па - ре - н(и) - ма - лой во скры - пи - цю,

Ра - но - ра - но, ра - но, во скры - пи - цю,

⁷³ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.06. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на два тона ниже. Вар. напева: Абрамский, № 42; ПФМ, № 123.

4. У - те - шал е - ю де - ви - цю,

У - те - шал е - ю де - ви - цю,

Ра - но - ра - но, ра - но, во - т(ы) де - ви - цю. //

5. У - те - шал - о - на у - сну - ла,

У - те - шал - о - на у - сну - ла,

Ра - но - ра - но, ра - но, вот у - сну - ла, //

6. У ми - ло - го на ко - ле - нях,

У лю - бо - го на ко - ле - нях,

Ра - но - ра - но, ра - но, на ко - ле - нях, //

7. На ко - ле - нях, под гу - сле - ми,

У е - го же под гу - сле - ми! //

Ой, да у Егор(и)я да на горе, да
 Рано-рано, рано, на горе, да
На фаб(ы)рисьнём на дворе, да
У ёго же во дворе, да
 Рано-рано, рано, во д(ы)воре, да
Иг(ы)рал мальчик во скрыпицю,
Парен(и)-малой во скрыпицю,
 Рано-рано, рано, во скрыпицю,
Утешал ею девицю,
Утешал ею девицю,
 Рано-рано, рано, вот(ы) девицю.
Утешал — она уснула,
Утешал — она уснула,
 Рано-рано, рано, вот уснула,
У милого на коленях,
У любого на коленях,
 Рано-рано, рано, на коленях,
На коленях, под гуслеми,
У его же под гуслеми!

34⁷⁴

Поется и играется так же — 6 человек.

Ой, да я посею конопелко, посею конопелко
 Привев: Да рано, рано, конопелко!
Не на пахотну земелку, не на пахотну земелку.
Рости-рости, конопелко, не на пахотной земелки,
Ты не долго — не коротко, только листиком широко!
Листом землю покрывает, листом землю покрывает —
Горносталько подбегает, конопелко подъедает,
Соловей гнездо свивает, соловей гнездо свивает.
Недоносоцок родился, недоростоцок жонился,
Он взял жону угрюму, взял угрюму и спесливу.
Жона мужа не любила, со кроватоцки сбросила,
Руцку-ношку извихнула, ретиво сердце стряхнула.
Отпущу жону на Волгу, на Волгу — рецку долгу,
Ненадолго — лет на двадцать, лет на двадцать — на пятнадцать!
Я отрощу ей русы кудри до шолкова поясоцка,
Я обрежу ей русы кудри возле самой корешоцик,
Я завяжу русы кудри, я завяжу русы кудри
Во тальянцкой во платоцик, во немецкой узолоцик,
И спущу эти русы кудри вниз по матушки по Волги:
— Вы плывите, русы кудри, вы плывите, русы кудри!
Не пристаньте, русы кудри, не пристаньте, русы кудри,
Не к камешку, не к берешку, не к песоцку, не к носоцку!
Вы пристаньте, русы кудри, вы пристаньте, русы кудри,

⁷⁴ В *Ркп* эта песня под номером 106. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 75—75 об. Напев — № 33а. Вар. напева: Абрамский, № 42; с данным текстом: ПФМ, № 123.

Ко калинову мостоцку, ко ракитову кустоцку!
Тут девица платье мыла, молодица полоскала —
Они платоцик признавали, платоцик признавали!

35⁷⁵

Играют 8 человек.

Ты, луготка луговая, луготка луговая,
 Луговая, луговая —
Молодица молодая, молодица молодая,
 Молодая, молодая!
Где ты была-побывала, где ты была-побывала,
 Побывала, побывала,
Где ты ноцку нацевала, где ты ноцку нацевала,
 Нацевала, нацевала?
— Нацевала в цистом поли, нацевала в цистом поли,
 В цистом поли, в цистом поли,
В цистом поли под кустоцком, [в цистом поли под кустоцком],
 Под кустоцком, под кустоцком,
Под малиновым листоцком, под малиновым листоцком,
 Под листоцком, под листоцком!
Две девици станцевали, две девици станцевали,
 Станцевали, станцевали —
Два молодца выбегали, два молодца выбегали,
 Выбегали, выбегали,
Два молодца молодья, два молодца молодья,
 Молодья, молодья,
Нежонаты-холостья, нежонаты-холостья,
 Холостья, холостья.
Они ссекли по прutoцку, они ссекли по прutoцку,
 По прutoцку, по прutoцку,
Зделали ле по гудоцку, зделали ле по гудоцку,
 По гудоцку, по гудоцку.
— Вы, гудоцки, не гудите, гудоцки, не гудите,
 Не гудите, не гудите,
Вы батюшка не будите, батюшка не будите,
 Не будите, не будите:
Мой батюшка со похмелья, мой батюшка со похмелья,
 Со похмелья, со похмелья,
С великого перепою, с великого перепою,
 Перепою, перепою!
Родна мати за рекою, родна мати за рекою
 За рекою, за рекою
За рекой вино курила, за рекой вино курила,
 Вот курила, вот курила,
Свово зятя напоила, свово зятя напоила,
 Напоила, напоила,

⁷⁵ В *рпк* эта песня под номером 107. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 75 об.—76 об. Напев — № 35а, вар. напева — № 39а; Песни Лешуконья, с. 69—70; Абрамский, № 38.

За дубовыма столами, за дубовыма столами,
 За столами, за столами,
 За сахарныма ясвами, за сахарныма ясвами,
 Вот ясвами, вот ясвами.
 Молодец девицу брал, молодец девицу брал
 За правую руку, за правую руку:
 — Ты пойдем-ко, девка, с нами, ты пойдет-ко, девка, с нами,
 С нами, с ребятами, с нами, с ребятами,
 Зайдём в тихую беседу, зайдём в тихую беседу,
 В тиху и веселу, в тиху и веселу!
 На беседы сидит ровня, на беседы сидит ровня,
 Ровнюша хороша, ровнюша хороша,
 На коленях держит гусли, на коленях держит гусли —
 Гусли не простыя, гусли не простыя:
 По гусям бежали струны, по гусям бежали струны —
 Струны золотыя, струны золотыя.
 Как у меня, у молодой, как у меня, у молодой
 Серце зрадовалось, сердце зрадовалось,
 Головушка звеселилась, головушка звеселилась,
 Звеселилась, звеселилась,
 Резвы ноги заплясали, резвы ноги заплясали,
 Заплясали, заплясали,
 Руки белы замахали, руки белы замахали,
 Замахали, замахали!

35a⁷⁶

♩ = 144

1. Ты лу - го - тка лу - го - ва - я, лу - го - тка лу - го - ва - я.

Лу - го - ва - я, лу - го - ва - я -

2. Мо - ло - ди - ца мо - ло - да - я, мо - ло - ди - ца мо - ло - да - я,

⁷⁶ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.07. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на один тон ниже. Вар. напева — № 39а; Песенник-1834, № 9; Песни Лешуконья, с. 69—70; Абрамский, № 38.

Мо - ло - да - я, мо - ло - да - я!

3. Где ты бы - ла - по - бы - ва - ла, (гы)-де ты бы - ла - по - бы - ва - ла,

По - бы - ва - ла, по - бы - ва - ла,

4. Где ты но - чку на - чё - ва - ла, где но - чку на - чё - ва - ла,

На - цё - ва - ла, на - цё - ва - ла?

5. - На - цё - ва - ла в ци - стом по - ли, на - цё - ва - ла в ци - стом по - ле,

В ци - стом по - ле, в ци - стом по - ле,

6. В ци - стом по - ли под ку - сто - цьком, в ци - стом по - ли под ку - стацьком

Под ку - сто - цьком, под ку - сто - цьком!

Ты луготка луговая,
Луготка луговая.
Луговая,
Луговая —
Молодица молодая,
Молодица молодая,
Молодая,
Молодая!

Где ты была-побывала,
Г(ы)де ты была-побывала,
 Побывала,
 Побывала,
Где ты ночку начёвала,
Где ночку начёвала,
 Нацёвала,
 Нацёвала?
— Нацёвала в цистом поли,
Нацёвала в цистом поле,
 В цистом поле,
 В цистом поле,
В цистом поли под кустоцьком,
В цистом поли под кустоцьком,
 Под кустоцьком.
 Под кустоцьком!

36⁷⁷

Каждая строка поётся два раза.

Шили девици ковер,
 Шили-вышивали.
Вышиваюци ковер,
 Сами говорили:
Що кому етот ковер
 Достаёца?
Доставаице ковер
 Старому мужу —
Стару мужу-негодяю,
 Негодяю!
Я могу ковра
 Приубавить:
Со все стороны цетыре
 По узору,
Шиту-браному узору,
 Узору золотому!
Шили девици ковер,
 Шили-вышивали.
Вышиваюци ковер,
 Сами говорили:
Що кому етот ковер
 Достаёце?
Доставаице ковер
 Ровни-мужу —

⁷⁷ В *ркп* эта песня под номером 108. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 76 об.—77 об. Напев — № 35а, вар. напева — № 39а. Вар.: Песенник-1834, № 9.

Ровни-мужу молодому,
 Молодому!
 Я могу ковра
 Принаставить:
 Со все стороны цетыре
 По узору,
 Шиту-браному узору,
 Узору золотому!

37⁷⁸

Ой, да уж ты прялица-кокориця моя — 2 р[аза]
 С горя выброшу на улицу тебя!
 Я не стану пресь-удергивати,
 По бесёдушкам побегивати.
 На бесёды нет весельица —
 Моя мила не осердитце!
 Моя мила по дорожки шла,
 Церброва барабан нашла —
 Колотила-барабанила:
 Из-за лесу друшка манила,
 Из-за лесу, лесу тёмненького,
 Из-за садику зелёненького.
 Не велики перелесоцки — да
 От милого нету вестоцки,
 Не письма нету, не грамотки,
 Пословесного словецюшка.
 — Расхорошой Олëshенька,
 Щеголѣк-Миколаюшко!
 Погуляй-ко, Олëshенька,
 Пока я ле молодѣшенька!

37а⁷⁹

1. Ой, да уж тып(ы) - ря - ли - ца - ко - ри - ця мо - я,

⁷⁸ В *ркп* эта песня под номером 109. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 77 об.—78. Напев — № 37а. Вар. напева: Песни Лешуконья, с. 73 (вар. текста), 76; ПФМ, № 84, 85, 86, 94, 95, 98, 108, 109, 112, 130. Более далекие вар. напева: Абрамский, № 41; ПФМ, № 87, 99.

⁷⁹ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.08. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на два тона ниже. Вар. напева: Песни Лешуконья, с. 73 (вар. текста), 76; ПФМ, № 84, 85, 86, 94, 95, 98, 108, 109, 112, 130. Более далекие вар. напева: Абрамский, № 41; ПФМ, № 87, 99.

Уж ты п(ы) - ря - ли - ца - ко - ко - ри - ця мо - я, ды

С го - ря вы - бро - шу на у - ли - цю те - бя!

Я не бу - ду пресь - от - де - р(и) - ги - ва - ти, да

По би - сё - ду - шкам по - бе - ги - ва - ти, да

По би - сё - ду - шкам по - бе - ги - ва - ти, да.

На би - сё - ды нет ве - се - л(и) - (й)и - ця -

Мо - я ми - ла не о - се - рьди - тце!

Ой, да уж ты п(ы)рялица-кокорица моя,
Уж ты п(ы)рялица-кокорица моя, ды
С горя выброшу на улицу тебя,
С горя выброшу на улицу тебя!

Я не буду пресь-отдер(и)гивати,
Я не буду пресь-отдер(и)гивати, да
По бисёдушкам побегивати, да
По бисёдушкам побегивати, да.

На бисёды нет весельица,
На бисёды нет весел(и)(й)ица —
Моя мила не осер(и)дитце,
Моя мила не осерьдитце!

Песни плясовы, поющия на «егрищи»

Игрище — когда играют «улку».

Поются не очень быстро, и каждая строка поётся два раза.

38⁸⁰

Ой, да уж ты улка, ты улка моя,
Широка улка, нетоптаная —
Красна девица несмотрёная,
Помоложе — нецелованая!
Уж как-то люди во людях живут:
На людей люди улаживают,
Свекровкам унаравливают,
Золовушкам уготавливают! —
У меня была свекровушка лиха,
Сколь лиха-лиха, неласкова,
Росканалья, не приятливая:
Посылает туда миня, сюда —
В темной погреб и за пивом, за вином,
Во новы сени за ситом-решатом!
В погрёбу блада замешкаласе:
Зелена вина натрескаласе,
Пива пьяного допьяна напилась!
Холостому стакан меду подала,
А жонатому — зеленого вина!
Холостой стакан меду не примал —
Ко стакану правой ручкой прижимал,
Золото мое колецко изломал,
Золото мое, серебряное.
— Пособи Бог, вецёрка мне-ка дождать,

⁸⁰ В *Ркп* эта песня под номером 110. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 78—79. Напев — № 37а. Вар. напева: Песни Лешуконья, с. 73, 76 (вар. текста); ПФМ, № 84, 85, 86, 94, 95, 98 (вар. текста), 108, 109, 112, 130. Более далекие вар. напева: Абрамский, № 41; ПФМ, № 87, 99.

Вещёрка ле, — сынка-пасынка!
Ты сходи-ко, сынок-пасынок,
Сходи-съезди во Новой городок
Ты купи-ко шолковую нову плеть,
Поуци-ко молоду свою жону!
— Не диковина — в Новой город сходить,
Не убыток — шолковая плеть купить,
Но срам-бесцесё — молода жона уцить:
Не можно ле, мати, так отложить?

39⁸¹

Ходит Ваня по угору, по угору,
Носит гусли под полою, под полою,
Звонцятыя под другою, под другою.
Кебяна-ти рыболовы, рыболовы,
Были олемци хороши, вот они хороши,
Рещала были пригожи, вот пригожи.
Цюлащола — коневалы, коневалы,
Были русомци бахвалы, вот бахвалы.
Каращола — шольваны, шольваны,
Были едомци зубаны, вот они зубаны.
Трубку курить, вино пить,
На царев кабак ходить — усъежана,
А застрелили ворону наместо тетёры,
А когда нос ей ощипали, тогда ее узнали — климокона!
Самовары воровать — верхнекона,
А из Питера сибирка: девяносто одна дырка — мелоспола!
Не поцетна молодеж — монастырци,
Попересьни кушаки — больше-нисогора,
Мастера-ти песьни петь — мало-нисогора,
Мастера-столяра — кельцемгора.
На сараи сидеть, по-вороньи реветь — то бугавци,
А как боцьки ломать, да сиги воровать — юромцяна!
Красноноса молодеж — березьяна,
Цернотропа молодеж — то смольяна.
Огороду городили, они праз[д]ник не редили — пылемцяна.
Большоноса молодеж — колмогора,
Вся прокисла молодеж — то сильяна,
Со скрыпами сапоги — стельки выехали: ценогора!
Полтора-та без одного — белащола,
А где нету не одного — конешола,
А как прялки писать, да свалы колупать — палащола.
С горы на гору ходили, коробами грезь носили — чуцепала!

⁸¹ В *ркп* эта песня под номером 111. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 79—79 об. Напев — № 39а. Вар. напева — № 35а; Песни Лешукоњья, с. 69—70; Абрамский, № 38. Вар. текста: Песни Лешукоњья, с. 71—72; ПФМ, № 133.

$\text{♩} = 160$

1. Хо - дит Ва - ня по у - го - ру, хо - ди - т(ы) Ва - ня по у - го - ру,
 По у - го - ру, по у - го - ру,

2. Но - си - т(ы) гу - сли под по - ло - ю, но - си - т(ы) гу - сли под по - ло - ю,
 Под по - ло - ю, под по - ло - ю,

3. Звон - ця - ты - я под дру - го - ю, звон - ця - ты - я под дру - го - ю,
 Под дру - го - ю, под дру - го - ю.

4. Ке - бя - на - ти ры - бо - ло - вы, ке - бя - на - ти ры - бо - ло - вы,
 Ры - бо - ло - вы, ры - бо - ло - вы.

5. Бы - ли (в)о - ле - мци хо - ро - ши, бы - ли (в)о - ле - мци хо - ро - ши,

⁸² ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.09. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева — № 35а; Песенник-1834, № 9; Песни Лешуконья, с. 69—70; Абрамский, № 38. Вар. текста: Песни Лешуконья, с. 71—72; ПФМ, № 133.

Вот о - ни хо - ро - ши, вот о - ни хо - ро - ши.

6. Ке - бя - на бы - ли при - го - жи, ке - бя - на бы - ли при - го - жи,

Вот о - не при - го - жи, вот о - не при - го - жи.

7. Цю - ла - шчо - ла - ко - нё - ва - лы, цю - ла - шчо - ла - ко - нё - ва - лы,

Ко - нё - ва - лы, ко - нё - ва - лы.

8. Бы - ли ру - со - мци ба - хва - лы, бы - ли ру - со - мци ба - хва - лы,

Вот о - ни ба - хва - лы, вот о - ни ба - хва - лы.

9. Ка - ра - шчо - ла - шчо - лы - ва - ны, ка - ра - шчо - ла - шчо - лы - ва - ны,

Шчо - лы - ва - ны, шчо - лы - ва - ны.

10. Бы - ли е - до - мци зу - ба - ны, бы - ли е - до - мци зу - ба - ны,

Вот о - ни зу - ба - [ны], вот о - ни зу - ба - ны.

11. Тру - бку ку - рить, ви - но пить, на ця - рев ко - бак хо - дить -

Усь - ве - жа - на, усь - ве - жа - на.

12. А за - стре - ли - ли во - ро - ну на - ме - сто те - тё - ры,

Ко - гда нос - от о - шчы - па - ли, то - гда о - не у - зна - ли -

Ме - ло - спо - ла, ме - ло - спо - ла!

13. Са - мо - ва - ры во - ро - вать, са - мо - ва - ры во - ро - вать -

Вер - хнё - ко - на, вер - хнё - ко - на.

14. А из Пи - тё - ра си - би - рка: де - вя - но - сто о - дна ды - рка,

Ме - ло - спо - ла, ме - ло - спо - ла!

15. Не - по - цёт - на мо - ло - дежь, не - по - цёт - на мо - ло - дежь -

Ма - на - сты - рци, ма - на - сты - рци.

16. По - пе - ресь-ни ку - ша - ки, по - пе - ресь-ни ку - ша - ки -

Боль-ше-ни-со - го - ра, боль-ше-ни-со - го - ра.

17. Мас - тѣ - ра - ти пе - сни петь, мас - тѣ - ра - ти пе - сни петь -

Ма - ло - ни - со - го - ра, ма - ло - ни - со - го - ра.

18. Мас - тѣ - ра - ку - по - ра, мас - тѣ - ра - ку - по - ра -

Ке - л(и) - цѣ - м(ы) - го - ра, кель - цѣ - м(ы) - го - ра.

19. На са - ра - е си - деть, по - во - ро - ныи не - реть -

То бы - ли бу - га - вци, то бу - га - вци.

20. А как боць - ки ло - мать, да си - ги во - ро - вать -

Ю - ро-м(ы) - ця - на, ю - ро-м(ы) - ця - на!

21. Кра - сно - но - са мо - ло - дѣжь, кра - сно - но - са мо - ло - дѣжь -

Бе - ре - зья - на, бе - ре - з(и) - я - на.

22. Чёр - но - тро - па мо - ло - дёжь, чёр - но - тро - па мо - ло - дёжь -

То смо - л(и) - я - на, то смо - л(и) - я - на.

23. (в)О - го - ро - ду го - ро - ди - ли, да празд - ник не ря - ди - ли -

Пы - лем - ця - на, пы - ле - м(ы) - ця - на.

24. Боль - шо - но - са мо - ло - дёжь, боль - шо - но - са мо - ло - дёжь -

Ко - л(ы) - мо - го - ра, ко - л(ы) - мо - го - ра.

25. Вся про - ки - сла мо - ло - дёжь, вся про - ки - сла мо - ло - дёжь -

То си - л(и) - я - на, то си - л(и) - я - на.

26. Со скры - па - ми са - по - ги - стель - ки вы - е - ха - ли:

Цё - но - го - ра, цё - но - го - ра!

27. Пол - то - ра - та без о - дно - го, пол - то - ра - та без о - дно - го -

Бе - ла - шчо - ла, бе - ла - шчо - ла.

28. А где не - ту не (во) - дно - во, где не - ту не (во) - дно - во -

Ко - не - шчо - ла, ко - не - шчо - ла.

29. Уж как пря - лки пи - сать, да сва - лы ко - лу - пать -

Па - ла - шчо - ла, па - ла - шчо - ла.

30. С го - ры на го - ру хо - ди - ли, ко - ро - ба - ми г(ы) - рязь но - си - ли -

Цю - цё - па - ла, цю - цё - па - ла!

Ходит Ваня по угору,
 Ходит(ы) Ваня по угору,
 По угору,
 По угору,
 Носит(ы) гусли под полою,
 Носит(ы) гусли под полою,
 Под полою,
 Под полою,
 Звонцятыя под другою,
 Звонцятыя под другою,
 Под другою,
 Под другою.
 Кебяна-ти рыболовы,
 Кебяна-ти рыболовы,
 Рыболовы,

Рыболовы.
Были (в)олемци хороши,
Были (в)олемци хороши,
Вот они хороши,
Вот они хороши.
Кебяна были пригожи,
Кебяна были пригожи,
Вот оне пригожи,
Вот оне пригожи.
Цюлашчола — конёвалы,
Цюлашчола — конёвалы,
Конёвалы,
Конёвалы.
Были русомци бахвалы,
Были русомци бахвалы,
Вот они бахвалы,
Вот они бахвалы.
Карашчола — шчолываны,
Карашчола — шчолываны,
Шчолываны,
Шчолываны.
Были едомци зубаны,
Были едомци зубаны,
Вот они зубаны
Вот они зубаны.
Трубку курить, вино пить,
На цярев кобак ходить —
Усьвежана,
Усьвежана,
А застрелили ворону
Наместо тетёры,
Когда нос-от ошчыпали,
Тогда оне узнали —
Мелоспола,
Мелоспола!
Самовары воровать,
Самовары воровать —
Верхнёкона,
Верхнёкона,
А из Питёра сибирка:
Девяносто одна дырка —
Мелоспола,
Мелоспола!
Не поцётна молодежь,
Не поцётна молодежь —
Манастырци,
Манастырци.
Попересьни кушаки,
Попересьни кушаки —
Больше-нисогора,
Больше-нисогора.
Мастёра-ти песни петь,
Мастёра-ти песни петь —

Мало-нисогора,
Мало-нисогора.
Мастёра-купора,
Мастёра-купора —
Кел(и)цём(ы)гора,
Кел(и)цём(ы)гора.
На сарае сидеть,
По-вороньи нереть —
То были бугавци,
То были бугавци.
А как боцьки ломать,
Да сиги воровать —
Юром(ы)цяна,
Юром(ы)цяна!
Красноноса молодёжь,
Красноноса молодёжь —
Березьяна,
Берез(и)яна.
Чёрнотропа молодёжь,
Чёрнотропа молодёжь —
То смол(и)яна,
То смол(и)яна.
(В)огороду городили,
Да праздник не рядили —
Пылемцяна,
Пылем(ы)цяна.
Большоноса молодёжь,
Большоноса молодёжь —
Кол(ы)могора,
Кол(ы)могора.
Вся прокисла молодёжь,
Вся прокисла молодёжь —
То сил(и)яна,
То сил(и)яна.
Со скрыпами сапоги —
Стельки выехали:
Цёногора,
Цёногора!
Полтора-та без одного,
Полтора-та без одного —
Белашчола,
Белашчола.
А где нету не (в)одново,
Где нету не (в)одново —
Конешчола,
Конешчола.
Уж как прялки писать,
Да свалы колупать —
Палашчола,
Палашчола.
С горы на гору ходили,
Коробами г(ы)рязь носили —
Цюёпала,
Цюёпала!

Ой, да уж ты Танюша-Ванюша моя!
 Кабы ты, Таня, на сватья была,
 Взял бы Танюшу взамуж за себя,
 Изукрасил Прасковью для себя!
 Скажут люди: «Прасковья баска —
 Полну избу молодежи навела!»
 Пылемска-та молодеж[ь] баска —
 Сотолкали кузнеца с крыльца,
 Улетело двоё, пало под крыльцо!
 У ворот стоит — колотитце,
 Отворотитце — поклонитце,
 Сиротиной называется.
 Сиротинушка-детинушка,
 Кудревата головушка,
 Кудреватенька, гладенька!
 Кто бы, кто бы сиротинушку пустил,
 Кто бы, кто бы нацевать пустил,
 Тонку белу рубашку сошил,
 Тонку белу-полотняну,
 Однозубисьню конопляну!

Ой, да как за тыном было, тыницком,
 За зелёным новым садицком,
 За кудрявою березонькой —
 Девка мылась-умываласе,
 Хорошо снаряжаласе,
 В цистом зеркале смотреласе,
 Красоты своей дивиласе:
 — Красота ле моя, красота,
 Красота — лица дороднесво!
 Жонихов мне дома не было,
 И отдать-то миня не за кого.
 Миня сватались посадския,
 Из Сената ярославския,
 Богаты купци из Питера,
 Из деревни добры молодци —
 Отдали ле, поневолили
 Миня за вора, за разбойника,
 За денного бездорожника,
 За носьнёго полуносьника!
 Он со вечера коня седлал,
 Со полуноци с двора съезжал,

⁸³ В *ркп* эта песня под номером 112. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 80. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

⁸⁴ В *ркп* эта песня под номером 113. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 80 об.—90. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

К утру-свету домой приезжал
И будил жону немилую,
Розбудил он нелюбимую:
— Ты вставай, жона немилая,
Ты вставай, да нелюбимая!
Обойму я двое жён, трое жён,
По любви себе выберу,
И за собой девицу выведу!

42⁸⁵

Ой, да уж ты що ле не маёр ле душа мой,
Поживем-ко се до верности со мной!
Накундили добры люди на миня:
Я, конешно, сама ле от себя,
Полюбила жонатого мужика —
Холостого по уму я не нашла!
У милого жона — лютая змея,
Ладит девицу, бесчестить миня,
Русу косу приобрезать у миня,
Алы ленты прибить-притоптать,
Миня, девицу, навеки осмеять!
Мне сказали: «Васи в оци не видать,
Мне в оци Васю не видывати,
Голосоцику не слышивати!» —
Ево! — Васенька по улице идет,
Возыгры-возыгрывает,
Про гулянье высказывает:
Ты гулянье-игранье мое,
До цего миня гулянье довело!
Довело миня гулянье до конца:
Записали в трои книги молодца,
За то отдали в солдаты молодца.
Горё-горько солдацко житьё:
Не велико ёму жалованьё —
По три денешки на суточки дают,
Ковда здумают — молодца увезут!

43⁸⁶

Ой, да отдавают нашу Катеньку,
Отдавают нашу маленьку,
Молодым ей молодешеньку,
В ту деревню за Олëshеньку.
У Олёши головушка гладка,

⁸⁵ В *рпк* эта песня под номером 114. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 81—81 об. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

⁸⁶ В *рпк* эта песня под номером 115. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 81 об.—82 об. Напев — №37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

Гладка-баска, уцёсана.
 Уцёсала его мамушка,
 Завила кудри божацоцька,
 Из колецка в колецюшко —
 Заныват мое сердцеюшко!
 Пойду-выйду на крылецюшко,
 Стану спрашивать у малых у ребят:
 — Вы ребята-ребятушка,
 Не видали ле мила друшка,
 Вы мила друшка — Иванушка?
 Я Иванушка насмерть не люблю,
 На походацьку гледеть не хочу:
 Не баска его походацька,
 Не весёла рець-говороцька!
 Пашет пашню — запинаице,
 За сохой идет — ругаице,
 Ваню дома дожидаюце!
 Вецеренька-вецеренецька —
 Вецеренька — у ворот долшо стоять!
 Ворота были заложонья,
 На зашолоцку положонья.
 К воротам приехал парень молодой.
 Кличет: «Девица, напой миня водой!»
 Напоила — правой руцкой подала,
 За обедом парню выговор дала,
 Дала выговор немаленькой:
 — Не ходи-ко, парень, по мосту-мосту,
 Не жонись, покуда я не вырасту!
 Хош[ь] и вырасту — миня не отдают,
 Много горюшка-беда наделают.
 Это горюшко-беда — не денёшки:
 Отбивают паренька от девушки!

44⁸⁷

Показался о Крешеньи долгой день:
 Молотила сударушка во весь день,
 Молотила поздно, веяла,
 Розносила — дружка видела,
 Увидала — слезно плакала,
 На гармошку слезы капали.
 — Дай-ко, любушка, платоцка подержать:
 От погодушки гармошка завязать,
 От погоды — от великого дождя!
 Пожалела я платоцка — не дала,
 Нелюбому парню пояс отдала.

⁸⁷ В *ркп* эта песня под номером 116. Перед ней, на л. 82 об. под тем же номером — перечеркнутый отрывок: «Ой, да козациха полём ехала. Полём ехала — сломалось колесо». РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 83—83 об. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

Нелюбой парень понашивает,
Миня, девушку, подразниваёт.
Мне не нашивать платка с кружком,
Мне не сиживать с милым дружкой!
Посидела вецeroцик, ле бы два —
Не могла у парня вывести ума!
Сертуцёк-от был одинакого сукна,
А жалетоцка отласненькая,
А рубашецка с каймой-таки, с каймой,
Мой-от⁸⁸ миленькой форсистенькой такой!
Мой-от⁸⁹ миленькой ницем не дорожит —
Хоть последнюю гармошку заложит!

45⁹⁰

Ой, да я сёгодня угорела — не могу,
Прележала всю неделю в пологу!
Люди бают, про милого говорят —
Я милого в уме не вожу!
По говенью, по Великому посту
Работала на заводи, на мосту.
На заводи есь перила высоки,
Наши пылемци — ребята хороши.
Они строили цетыре угла — дом:
Уважаите, пылемцяночки, ладом!
Если вы же не уважите —
Не одного не приманите!

46⁹¹

Ой, да не тропоцка тропице,
Конопельшко ломитце —
Идет донцкой казак,
Незнай-от⁹² Незнаемиц —
Розудалой доброй молодец,
Несёт жоны подароцки:
Семисладкия преницки,
Ярославския ягодки —
Не рубль с полтиною,
С полтиною, с гривною,
С трема-ти копейками,

⁸⁸ В *ркп* это словосочетание записано как «моёт».

⁸⁹ То же.

⁹⁰ В *ркп* эта песня под номером 117. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 83 об. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

⁹¹ В *ркп* эта песня под номером 118. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 83 об—84об. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

⁹² В *ркп* это словосочетание записано как «незнает».

С цетырема-ти деньгами.
— Ты на шо, мати, хорошу родила,
Хорошу миня — несчастливую,
Пригожу, да неталанистую:
Мне нельзя стало к обедни ходить,
Мне нельзя стало молебны служить,
Мне нельзя ле Бюогу кланетце!
Поклонюсь — все люди зареця,
Попы поют — мешаютьце,
Дьякона-ти заплетаютце,
Подомарь-от⁹³ сзади путаитце,
Молодые парни взглядывають —
По полтиночки складывают!

47⁹⁴

Ой, да уж как все мужья до жен добры,
Накупили жонам бобры —
У миня мужик не добр до миня:
Не купил мне-ка церного соболя —
Он купил мне-ка коровушку,
Загубил мою головушку,
Со головки буйной шляпоцку,
Хазову девью повястоцку!
Погонила я корову на росу —
Мне-ка стретился медведь во лесу.
Я медведя испугаласе —
За рокитов куст бросаласе,
У мня ноги подломилисe,
Руки белы опустилисе,
Оци ясны помутилисе,
Слёзы горки покатилисe.
Тут медведю я взмолиласе:
— Уж ты дедушко-медведушко,
Задави мою коровушку,
Звесели мою головушку!

48⁹⁵

Ой, да по загувенью тропинка лежит,
По тропинке детинка бежит,
Он и всю-ту мураву-траву стоптал,
Все лазурьевы светоцки приобмял.

⁹³ В *ркп* это словосочетание записано как «подомарёт».

⁹⁴ В *ркп* эта песня под номером 119. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л.84 об. — 85. Напев — №37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

⁹⁵ В *ркп* эта песня под номером 120. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 85—86. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

Он повадился к вдовушки ходить,
Да он повадился вдовушку любить.
— Уж ты вдовка, ты вдовка моя,
Сирота-вдова, спобедна голова,
Зацем, вдовушка, спобраниваш[ь] миня:
При моей братьи голытбой назвала!
— Ты голытба, голытба моя,
У голытбы — не скота, не живота,
У голытбы одна липова изба!
У избы-то столбы тоцёнья,
Передвижоцки золоцёнья,
Ворота были хрустального стекла,
Подворотенка цистого серебра.
Подворотёнка на камешках лежит,
Из-под камешков быстра река бежит.
Эта реценька посадиком идет.
В посадике немножко людей:
По моёму сцету — сем[ь] целовек.
Первой водолей, водолей.
Девятой — кашавар, кашу варил,
Десятой — удалой молодец.
Он калену стрелу натягивает,
Ко стрелы приговаривает:
— Полетай, моя калёная стрела,
Выше лесу, по поднебесью,
Далеко ле по цистому по полю,
Пострелей, моя калёная стрела,
Цёрна ворона, под туцей летуци,
Белу лебедь на заводи,
Серу утоцку под кустышком,
Красну девицу — в высоком терему!
Ты бери-ко, девка, золоты клюци,
Отмыкай-ко окованныя ларци,
Выбирай-ко единцовое сукно,
Ты сошей-ко, девка, молодцу кафтан,
Ты не долог, не короток по пятам,
Ты по плецкам — ужимистой,
Посередки — пережимистой!

49⁹⁶

Ой, да я повешу ету люлюшку
Среди двор на жордоцку,
Сама седу на колодоцку,
Стану байкать-убайкивати,
Стану люлькать-улюлкивати.
Скажу: «Спи-ко, семибатьков сын,
У тя нету законного отца,

⁹⁶ В *ркп* эта песня под номером 121. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 86.
Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

У тя мати-та — девушка,
Холмогорска манашина:
Записаласе в такой монастырь,
Где-ка много ребят холостых!
Перепишусе в другой монастырь —
Где-ка нету ребят холостых!

50⁹⁷

Ой, да одинако было дитятко,
Одинако было рощёное.
Мать родила — приговаривала,
Вдоль по бережку похаживала,
Лебедей-гусей соганивала:
— Не пора ле вам, гуси, домой,
Не пора ле вам, лебедушки?
Серы гуси спорхонулисе —
В волны рецка сколыбаласе,
В мори рыба испугаласе.
И как ловци были михайловци,
Испроведали шолковы невода.
Роздила были серебрянныя,
Проволоки подзолоченыя.
Изловили свежу рыбоцку,
Свежу рыбоцку-белужинку.
В неводу рыбка выскакивала —
В терему девка выплакивала:
— Каково быть свежей рыбы без воды,
Таково быть без мила друшка!

51⁹⁸

В славном городе Череповце,
При большой широкой улицы,
При полаты белокаменной,
Против цистого заморцкого стекла,
Как стоял да доброй молодец-душа.
Он стоял — кудри росцясывал,
Своим русым наговаривал:
— Прилегайте, русья волоса,
Ко моему лицу белому,
К молодецкому характеру!

⁹⁷ В *ркп* эта песня под номером 122. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 86 об. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

⁹⁸ В *ркп* эта песня под номером 123. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 87 Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

Уж как девушка вила кудерышки —
 На реки оставила ведерышки.
 — Що ты, мила, не нарядная,
 Ты пощо не наредиласе?
 — Я за водой поторопиласе!
 За водой идти за верстоцку —
 Приняла орехов горстоцку.
 Миня батюшко-то: «Бить да убить!»,
 Но я задумала молодчика любить.
 Полюбила не за ум, не за красу,
 Полюбила за приглядку хорошу.
 Хороша его приглядючка —
 Из солдатов вышла картоцка,
 Пришла карта — наресованой пагрет:
 — Опиши, миляша, любиш[ь], але нет?

Ой, да уж вы, девушки, дайте совет,
 Пылемляночки, дайте совет:
 Сами знаите — у мня дружоцка нет.
 Больше годика любила одного —
 В солдаты взяли, — я не стала некого!
 Суковатое девятое бревно,
 Суковатое девятое в лесу —
 Про милого худу славу пронесут!
 Пронесут, но делать нечего:
 Без милого жить невесело.
 Тошно-тошно: мил в Архальнецко ушол,
 Ростошнешенек, без голоса пришол,
 Руки-ноги обморожены!
 Лицо бело принадуло ветерком —
 Приходи, мил, в воскресенье вецерком,
 Напою тебя горячим кофейком!
 Напою я травой-мятою,
 Обложу сердечко ватою.

Полюбили все попы-подомари,
 Полюбили с колокольни звонари,
 Государевы чиновники!

⁹⁹ В *ркп* эта песня под номером 124. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 87—87 об. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

¹⁰⁰ В *ркп* эта песня под номером 125. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 87 об.—88. Напев — № 37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

¹⁰¹ В *ркп* эта песня под номером 126. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 88—88 об. Напев — №37а. Сведения о вар. напева см. сноску 79.

У чиновника чин невелик —
Мне-ка маменька гулять не велит.
Не велела, не приказывала,
На вецёрку не проваживала.
Для меня ле батька доброй был —
На вецёрку с погонялоцкой гонял!
Я на то не осердиласе,
Батьку в ноги поклониласе:
— Не отдай миня, батюшко,
Не в Селище, не в Ценогору,
Не в Смоленец, не в Едому,
А отдай миня, батюшко,
На свою деревню Пылему!

55¹⁰²

Каждая строка повторяется 2 раза.

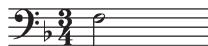
Вецор девки, вецор девки,
Вецор девки вецереньку сидели. — 2 раза
Пришол к девкам, — 2р.
Пришол к девушкам незваной гостенёк. — 2 р.
Стали девки,
Стали девки перешаптываться.
Одна девка,
Одна девушка смелешенька была:
Взяла парня,
Взяла парня за русыя волоса,
Через скамью,
Через скамью перебрасывала,
По полику,
По полику его валиком катит!
По сеницкам,
По сеницкам его — веничком,
По лесенки,
По лесенки — как овес толкет,
По улици,
По улици — мимо кузници!
Во той кузьни,
Во той кузьни молодые кузьнеци.
Они куют,
Они куют — принаваривают.
К себе Дуню,
К себе Дуню приговаривают:
Пойдем, Дуня,
Пойдем, Дуня, во лесок, на цясок,
Сорвем, Дуня,
Сорвем, Дуня, лапушок, лапушок!
Сошьем, Дуня,

¹⁰² В *ркп* эта песня под номером 126а. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 88 об.—89 об. Напев — № 55а. Вар. текста: ПФМ, № 100.

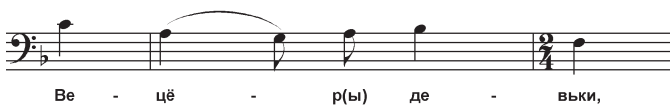
Сошьем, Дуня, сарафан, сарафан,
 По-питерцки,
 По-питерцки — с рукавам, с рукавам!
 Носи, Дуня,
 Носи, Дуня, не марай, не марай,
 По праздникам,
 По праздникам одевай, одевай!
 Под лавоцку,
 Под лавоцку не бросай, не бросай —
 В коробоцку,
 В коробоцку запирай, запирай!

55a¹⁰³

♩ = 160

1. Эй,

¹⁰³ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.10. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. текста: ПФМ, № 100.

При-шёл к де - ву - шкам не - зва - ной го - сте - нёк,

При-шёл к де - ву - шкам не - зва - ной го - сте - нёк.

3. Ста - ли де - вьки,

Ста - ли де - вьки,

Ста - ли де - вьки пе - ре - шап - ты - ва - тце,

Ста - ли де - вьки пе - ре - шап - ты - ва - тце.

Эй, вецёр(ы) девьки,
Вецёр(ы) девьки,
Вецёр девки вецереньку сидели,
Вецёр девки вецереньку сидели.

Пришёл(ы) к девкам,
Пришёл(ы) к девкам,
Пришёл к девушкам незваной гостенёк,
Пришёл к девушкам незваной гостенёк.

Стали девьки,
Стали девьки,
Стали девьки перешаптыватце,
Стали девьки перешаптыватце.*

Одна девка,
Одна девка,
Одна девушка смелёшенька была,
Одна девушка смелёшенька была:

Взяла парня,
Взяла парня,
Взяла парня за русыя волоса,
Взяла парня за русыя волоса,

Через стол(ы) ташчыт,
Через стол(ы) ташчыт,
Через стол ташчыт — волосьице трешчыт,
Через стол ташчыт — волосьице трешчыт!

По полику,
По полику,
По полику ево шариком катит,
По полику ево шариком катит!

56¹⁰⁴

Мотив тот же.

У Гурьевых,
У Гурьевых у ворот, у ворот
Стоял девок,
Стоял девок каравод, каравод,
Молодушек, молодушек табунок, табунок.
Все девушки,
Все девушки хороши-пригожи, —
Одна девка,
Одна девушка лучше, лучше всех:
Коса руса,
Коса русонька доле, доле всех,
В косы лента,
В косы лента голуба и дорога.
Девцёнышко,
Девцёнышко молода и зелена
По садику,
По садоцьку ходила и гуляла.

57¹⁰⁵

Как у наших, у наших, у наших у ворот,
Приве: Ай, люли, у ворот, да люли, у ворот,
Стоял девок, стоял девок, стоял девок каравод,
Молодушек, молодушек, молодушек табунок.
Миня девки, миня девки, миня девки кликали,
Молодици, молодици, молодици манили:
— Выйди с нами, выйди с нами, выйди с нами погулять,
С молодцами, с молодцами, с молодцами поплясать!
Меня свекор, миня свекор, миня свекор не пустил.
Хотя пустил, хотя пустил, хотя пустил — пригрозил:

¹⁰⁴ В *ркп* эта песня под номером 127. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 89 об.—90. Напев — № 55а.

¹⁰⁵ В *ркп* эта песня под номером 128. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 90. Напев — № 57а. Вар.: Песенник-1834, № 25.

— Гуляй, сноха, гуляй, сноха, гуляй, сноха, до поры —
 До вечерной, до вечерной, до вечерной до зори!
 Я, младенька, я, младенька, я, младенька-молода
 Прогуляла, прогуляла, прогуляла до утра!

57a¹⁰⁶

$\text{♩} = 160$

1. Как у на - ших, у на - ших, у на - ших у во - рот,
 Ай, лю - ли, у во - рот, да лю - ли - лю - ли, у во - рот,

2. Сто - ял де - вок, сто - ял де - вок, сто - ял де - вок ка - ра - вод,
 Ай, лю - ли, ка - ра - вод, да лю - ли - лю - ли, ка - ра - вод,

3. Мо - ло - ду - ше - к(ы), мо - ло - ду - ше - к(ы), мо - ло - ду - шек та - бу - но[к],
 Ай, лю - ли, та - бу - нок, да лю - ли - лю - ли, та - бу - нок.

4. Ме - ня дев - ки, ме - ня дев - ки, ме - ня дев - кик(ы) - ли - ка - ли,
 Эй(и), лю - ли, кли - ка - ли, да лю - ли - лю - ли, кли - ка - ли,

¹⁰⁶ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.11. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: Песенник-1834, № 25.

5. Мо - ло - ду - шки, мо - ло - ду - шки, мо - ло - ду - шки ма - ни - ли,

Эй, лю - ли, ма - ни - ли, да лю - ли - лю - ли, ма - ни - ли.

6. Ме - ня съвѣ-ко-р(ы), ме - ня съвѣ-ко-р(ы), ме - ня съвѣ-ко-р(ы) не спу - стил,

Эй(и), лю - ли, не спу - стил, да лю - ли - лю - ли, не спу - стил!

Как у наших, у наших, у наших у ворот,
Ай, люли, у ворот, да люли-люли, у ворот,

Стоял девок, стоял девок, стоял девок каравод,
Ай, люли, каравод, да люли-люли, каравод,

Молодушек(ы), молодושек(ы), молодושек табуно[к],
Ай, люли, табунок, да люли-люли, табунок.

Меня девки, меня девки, меня девки к(ы)ликали,
Эй(и), люли, кликали, да люли-люли, кликали,

Молодушки, молодושки, молодושки манили,
Эй, люли, манили, да люли-люли, манили.

Меня съвекор(ы), меня съвекор(ы), меня съвекор(ы) не спустил,
Эй(и), люли, не спустил, да люли-люли, не спустил!

58¹⁰⁷

Ой, ты кудряш, ты кудряш, ты кудрява голова,
Припев: Ай, люля-люли, да кудрява голова!¹⁰⁸
Ты, кудрява голова, не садись возле миня:
Уж я сроду кудрявого не любливала,
За калиной, за малиной в лес не хаживала,

¹⁰⁷ В *рпк* эта песня под номером 129. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 90 об. Напев — № 58а. Вар.: Песни Лешукоњя, с. 77.

¹⁰⁸ В варианте, напевом автором *рпк* позднее (см. № 58а), припев отсутствует. Его место в структуре напева занимает следующая строка текста. Очевидно, исполнитель сбился во время записи, и песенная строфа деформировалась. Верным вариантом следует считать рукописный.

Я калинушу-малинушу не ламливала,
 Я калинушой-малинушой не кармливала!
 Я возьму петушка-самоседушка,
 Я ударю петушка по головушки:
 — Вот те раз, петушок, за вчерашной смешок!
 Зацем рано встаеш[ь], голосисто поеш[ь],
 Голосисто поёш[ь] — кудрявому спать не даеш[ь]?
 Для щего кудри кудрились — щобы девушки любили.
 Парню кудри не пристали — любить девушки не стали!

58a¹⁰⁹

$\text{♩} = 160$

1. Ты ку-д(ы)-ряш, ты ку-д(ы)-ряш, ты ку-д(ы)-ря - ва го - ло - ва!
 Ты, ку-д(ы)-ря - ва го - ло - ва, не са - дись во - зле ме - ня!

2. Уж я сро - ду ку-д(ы) - ря - во - го не лю - б(ы) - ли - ва - ла,
 За ка - ли - ной, за ма - ли - ной в(ы) лес не ха - жи - ва - ла,
 Я ка - ли - ну - шой - ма - ли - ну - шой не ка - р(ы) - мли - ва - ла!

3. Я во - зьму пе - ту - шка - са - мо - се - ду - шка,
 Я у - да - рю пе - ту - шка по го - ло - ву - шке!

¹⁰⁹ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.12. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар.: Песни Лешуконья, с. 77.

Ты куд(ы)ряш, ты куд(ы)ряш, ты куд(ы)рява голова,
Ты, куд(ы)рява голова, не садись возле меня!

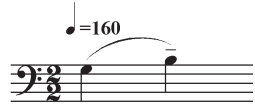
Уж я сроду куд(ы)рявого не люб(ы)ливала,
За калиной, за малиной в(ы) лес не хаживала,
Я калинушой-малинушой не кар(ы)мливала!

Я возьму петушка-самоседушка,
Я ударю петушка по головушке!

59¹¹⁰

Как на Шириши, да на лужоцки
Летал голуб да со голубочкой,
Своей ласковой подружкой.
Собрались там девки-бабы,
Все до малого ребёнка,
Да до большого да целовека.
Там не госьюшка гостила,
Да Селивоньтевна Параня.
Я из-за утра поеду в Москву,
Куплю платьёцо рублей о сту,
Шаль двойную да роздерную,
Куплю зонтик со кистями!
Едет миленькой со вестями,
Да со злоцянными перснями:
— Носи, мила, да украшайся,
Да на миня не обижайся!
Нам сегодня да день маленек,
День маленёк да коротенёк —
Можно, можно да нам дознаться,
Да по всёму можно дога[да]ться,
Он котору да пуще любит:
Издалеца да в гости ходит,
Да на биседушку заходит,
Возле девици садился,
Он садился да веселился.
Реци баят — сами гаят,
Об розлуки да воспоминаёт,
Об розлуки да сердце ноёт.
Цюёт сердце — да не нажитья,
Не нажитья, да розостаться,
И больше веки да не видаться!

¹¹⁰ В *ркп* эта песня под номером 130. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 90 об.—91 об. Напев — № 59а. *Шириша* — деревня около Архангельска (коммент. исполнителя). Вар. напева: № 64а; ТФМ, № 25 (напев 15).

1. Ай,

¹¹¹ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.13. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: № 64а; ТФМ, № 25 (напев 15).

5. Все до ма - ло - го ро - бё - н(ы) - ка - (э),

Все до ма - ло - го ро - бё - н(ы) - ка, да

6. До боль - шо - го да це́ - ло - ве - ка - (а),

До боль - шо - го да це́ - ло - ве - ка!

Ай, как на Шир(ы)ши, да на лужоцке,
Как на Шир(ы)ши, да на лужоцки,

Летал голуб да со голубоцькой,
Летал голуб да со голубоцькой,

Своей ласковой подружкой.
Своей ласковой подружкой.

Собирались да девки-бабы, ой,
Собирались да девки-бабы,

Все до малого робён(ы)ка,
Все до малого робён(ы)ка, да

До большого да цёловека,
До большого да цёловека!

60¹¹²

Нападала пороша, да нападала молода
Да как на зе[м]лю на талу,
Да на траву-ту на мураву.
Да как по той по пороши,
Да как по той по молодой
Да белый заюшко скацёт,
Да горносталношко плащёт.
Да ище скок-поскок зайко,

¹¹² В *ркп* эта песня под номером 131. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 91об.—92. Напев — № 60а. Вар.: Песенник-1834, № 11.

Скок по цистому полю
 Да по широкому роздолью!
 Да ище к Пани, ко Панюши
 Собиралисе подружки,
 Соберу[т] стол-общей
 Красотою девицей!

60a¹¹³

♩=128

1. Ой, да

на - па - да - ла по - ро - ша,

На - па - да - ла мо - ло - да

2. Как на зе - м(ы) - лю на та - лу,

Как на зе - м(ы) - лю на та - лу, да

3. На тра - ву - ту на му - ра - ву,

На тра - ву - ту на му - ра - ву, да

4. Што по то - й(и) по по - ро - ше,

¹¹³ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.14. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на один тон ниже. Вар. напева: Песенник-1834, № 11.

Што по то - й(и) по мо - ло - дой, да

5. Не бел за - ю - шко ска - цёт, да

Го-р(ы)но - ста - лю - шко пла - шчо[т].

6. Иш - чо скок - по - скок за - й(и) - ко, да

Скок по ци - сто - му по - лю, да

По ши - ро - ко - му - (у) ро - здо - ли(и) - ю, да

7. Иш - че к Па - ни, ко Па - ню - шки, да

Со - би - ра - ли - се по - дру - жки, да

8. Со - бе - рут стол - о - бы - цей

Кра - со - то - ю де - ви - цей!

Ой, да нападала пороша,
Нападала молода

Как на зем(ы)лю на талу,
Как на зем(ы)лю на талу, да

На траву-ту на мураву,
На траву-ту на мураву, да

Што по той(и) по пороше,
Што по той(и) по молодой, да

Не бел заюшко скацёт, да
Гор(ы)носталюшко плашчо[т].

Ишчо скок-поскок зай(и)ко, да
Скок по цистому полю, да
По широкому роздол(и)ю, да

Ишче к Пани, ко Панюшки, да
Собиралисе подружки, да

Соберут стол-обыщей
Красотою девицей!

61¹¹⁴

Каждая строка повторяется 2 раза.

Не нападывай, пороша,
На талую землю,
Как на талую землю,
На траву-мураву!
Как по той белой пороши
Шёл Ваня хорошей.
Шёл Иванушко хорошей,
Белой кудреватой.
Ваня белой кудреватой,
Холост — нежонатой.
Зажимает Ваня ком,
Ком белого снегу,
Он кидает-бросает
Во заднюю стену,
Он во заднюю стену,
Парани в окошко:
— Поди-выйди вон, Параня,
Выйди, Парасковья!
— Мне нельзя идти, Парани,

¹¹⁴ В *рки* эта песня под номером 132. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 92—93 об. Напев — № 61а. Вар. напева: ПФМ, № 97.

Нельзя Парасковьи:
Есь у батюшка гости,
У матушки госьи,
У сестрици есть девици,
У братца — молодци!
Я шутя Вани сказала —
Взаболъ заказала.
Пошел Ванюша невесел,
Голову повесил,
Пошел Ванюша печален,
Головкой качает,
Себе розмышляет:
— Уж я как-то буду жить,
Кого мне любити?
Красна девица любить —
Щогольно ходити,
Молода вдова любить —
Много нагь дарити,
Жона мужья полюбить —
Опасно ходити.
Как за рецкой, за рекой
Косарь сено косит,
На другой стороне
Паня воду носит.
Воду носит — Бога просит:
— Создай, ну-ко, Боже,
Ты создай, создай, Боже,
Великого дождя,
Щобы травоньку смоцил,
Косы не тупило,
Молодого косаря
Со поля согнало!
На горы — комары,
Под горою мошка —
Поклонилась красна девка
Полковнику в ношку:
— Государь ле батюшко,
Господин полковник,
Смени, смени караул —
Сердесняго друшка!
Все приплели-пригорели
Солдацки фатеры,
Остаецце-оставался
Один зелен садик.
Во саду ле, в огороде
Росла трава-мята —
Любил, любил мой сердесьней,
Хошь я не богата!
Не богата — торовата,
С людьми вожевата!

1. Ой, да не на - па - ды - вай, по - ро - ша,

Не на - па - ды - вай, по - ро - ша,

На та - лу - ю зе - млю, на та - лу - ю зе - м(ы) - лю,

2. Как на зе - м(ы) - лю на та - лу,

На зе - м(ы) - лю на та - лу,

На тра - ву - му - ра - ву, на тра - ву - му - ра - ву!

3. Как по той бе - лой по - ро - ши,

По той бе - лой по - ро - ши

Шёл Ва - ня хо - ро - шой, шёл Ва - ня хо - ро - шой.

¹¹⁵ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.14а. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: ПФМ, № 97.

4. Шёл И - ва - ну - шко хо - ро - шой,

И - ва - ну - шко хо - ро - шой,

Бе - лой ку - дрё - ва - той, бе - лой ку - дрё - ва - той.

Ой, да не нападывай, пороша,
Не нападывай, пороша,
На талую землю,
На талую зем(ы)лю,

Как на зем(ы)лю на талу,
На зем(ы)лю на талу,
На траву-мураву,
На траву-мураву!

Как по той белой пороши,
По той белой пороши
Шёл Ваня хорошей,
Шёл Ваня хорошей.

Шёл Иванушко хорошей,
Иванушко хорошей,
Белой кудрёватой
Белой кудрёватой.*

Ваня белой кудрёватой,
Ваня белой кудрёватой,
Холост — нежонатой
Холост — нежонатой.

62¹¹⁶

Хто у нас хороший, хто у нас пригожий?

Приве: Розан мой, розан, виноград зеленый!

Иванушко хорош, Ивановиц пригожий —

По горницы ходит — он нежно ступает,

¹¹⁶ В *ркп* эта песня под номером 133. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 93 об.—94. Напев — № 62а.

Он нежно ступает, каблук не ломает,
 Каблук не ломает, цулок не мараёт.
 На крыльцо выходит — конь к нему подходит.
 На коня садилсе — конь-от¹¹⁷ весели[л]се,
 Плетоцкой он машет — конь-от под ним пляшет,
 Плетоцкой взмахнулсе — конь-от встрепехнулсе.
 К морю подъезжает — море колыбаёт,
 К садику подъезжает — садик рассветает.
 По деревни едет — вся деревня смотрит:
 — Цей ето хороший, цей ето пригожий?
 К дому подъезжает — маменька встречает,
 Маменька встречает — сыном называет:
 — Сын ты мой, сыночик, ясной соколочик,
 Где ты, сын, гуляеш[ь], дома не бываеш[ь]?
 — Маменька, гуляю, дома не бываю,
 Дома не бываю — невест выбираю!
 — Вот тебе, сын, невеста, вот тебе хороша,
 МARYЮШКА — невеста, Ивановна хороша!

62a¹¹⁸

$\text{♩} = 140$

1. Кто у нас хо - ро - шой,
 кто у нас при - го - жой?
 Ро - за - н(ы) мой, ро - за - н(ы),
 ви - но - град зе - лё - ной! 2. И -
 - ва - ну - шко хо - рош, И -

¹¹⁷ В *ркп* это словосочетание здесь и далее передано как «конет».

¹¹⁸ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0751.15. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Напев транспонирован на один тон ниже.

- ва - но - вич при - го - жой.

Ро - за - н(ы) мой, ро - за - н(ы),

ви - но - град зе - ле - ной!

3. По го - р(и) - ни - цы хо - ди - т(ы),

он не - жно сту - па - е - т(ы).

Ро - зан мой, ро - за - н(ы),

ви - но - град зе - лё - но - й(и)!

4. Каб - лук не ло - ма - ет,

чу - лок не па - тра - ё - т(ы).

Ро - за - н(ы) мой, ро - за - н(ы),

ви - но - град зе - лё - но - й(и)!

Кто у нас хорошей, кто у нас пригожий?
Розан(ы) мой, розан(ы), виноград зелёной!

Иванушко хорош, Иванович пригожий.
Розан(ы) мой, розан(ы), виноград зеленой!

По гор(и)ницы ходит(ы), он нежно ступает(ы).
Розан мой, розан(ы), виноград зелёной(и)!

Каблук не ломает, чулок не патраёт(ы).
Розан(ы) мой, розан(ы), виноград зелёной(и)!*

На крыльцо выходит(ы), конь к нему подходит(ы).
Розан мой, розан(ы), виноград зелёной!

63¹¹⁹

Ой, да из-под дождика трава —
То солдацка голова.

Привев: Ой, люли, да ой, люли,
То солдацка голова.

Не растёт трава, не венёт —

Служба царская не гленёт.

Не за деньги, не за плату

Не пойдет Ваня в солдаты.

Не пойдет Ваня в солдаты,

Не заменит Ваня брата!

Пальцы рубит, зубы рвет,

Но в солдаты жить нейдет,

Ой, люли, да ой, люли,

Во солдаты жить нейдет!

63а¹²⁰

♩ = 140

1. Ай, из-по-д(ы)дож-жи-цька тра-ва, да то со-л(ы)-да-цка го-ло-ва.

Ай, лю-ли, да ай, лю-ли, да то со-л(ы)-да-цка го-ло-ва.

¹¹⁹ В *ркп* эта песня под номером 134. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 94—94 об. Напев — № 63а. Вар. напева: ТФМ, № 28 (напев 18); ПФМ, № 106, 120, 128 (вар. текста).

¹²⁰ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0752.01. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: ТФМ, № 28 (напев 18); ПФМ, № 106, 120, 128 (вар. текста).

2. Не ро - сьгёт тра - ва, не ве - нёт - слу - жба цар - ска - я не г(ы) - ле - нёт.

Ай, лю - ли, да ай, лю - ли, дак слу - жба цар - ска - я не г(ы) - ле - нёт.

3. Не за день - ги, не за п(ы) - ла - ту не по - йдёт Ва - ня в со - л(ы) - да - ты.

Ай, лю - ли, да ай, лю - ли, да не по - йдёт Ва - ня в со - л(ы) - да - ты.

4. Не по - йдёт Ва - ня в со - л(ы) - да - ты, не за - ме - нит Ва - ня бра - та.

Ай, лю - ли, да ай, лю - ли, да не за - ме - нит Ва - ня бра - та.

5. Паль - ци ру - бит, зу - бы рвё - т(ы) - во со - л(ы) - да - ты жить не - йдёт!

Ай, лю - ли, да ай, лю - ли, да во со - л(ы) - да - ты жить не - йдёт.

Ай, из-под(ы) дождицька трава, да
То сол(ы)дацка голова.
Ай, люли, да ай, люли, да
То сол(ы)дацка голова.

Не росьгёт трава, не венёт —
Служба царская не г(ы)ленёт.
Ай, люли, да ай, люли, дак
Служба царская не г(ы)ленёт.

Не за деньги, не за п(ы)лату
Не пойдёт Ваня в сол(ы)даты.
Ай, люли, да ай, люли, да
Не пойдёт Ваня в сол(ы)даты.

Не пойдет Ваня в сол(ы)даты,
 Не заменит Ваня брата.
 Ай, люли, да ай, люли, да
 Не заменит Ваня брата.

Пальцы рубит, зубы рвёт(ы) —
 Во сол(ы)даты жить нейдёт!
 Ай, люли, да ай, люли, да
 Во сол(ы)даты жить нейдет.

64¹²¹

Ой, да как за речкой за Невашкой,
 Да за второю да Перевашкой
 Генеральцкой сын гуляет,
 Да за собою да коня водит,
 Да он первого да вороного,
 Да он другого да голубого.
 Приводил ле коня-концека
 Да ко рокитову кустоцку,
 Да ко малинову листоцку.
 — Ты покушай, конь, малинки!
 Какова ле в кусту малинка,
 Таково ле девкам замужье.
 Отдавают ле девку взамуж,
 На цюжу ле дальню сторонку,
 Да не в согласну да большу семью.
 Нет не свёкра да не свекровки,
 Нет не деверя, не золовки,
 Муж — победная головка.
 Да поутру ле рано вставаает,
 Да миня бладу да розбужаает:
 Да встан[ь], женушка, да голубушка,
 Да встань, белая да лебедушка!

64a¹²²

♩ = 164

1. Ой, дак

как за реч - кой, за Не - ва - жкой,

¹²¹ В *рпк* эта песня под номером 135. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 95. Напев — № 64а. Вар. напева: № 59а; ТФМ, № 25 (напев 15).

¹²² ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0752.02. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: № 59а; ТФМ, № 25 (напев 15).

За вто - ро - ю, да Пе - ре - вра - жкой,

За вто - ро - ю, да Пе - ре - вра - жкой. 2. Там

ге - не - раль - ской сын гу - ля - ёт,

Ге - не - раль - ской сын гу - ля - ё - (о)т. 3. Он

за со - бо - ю, да ко - ня во - дит,

За со - бо - ю, да ко - ня во - дит. 4. А

о - н(ы) пе - р(ы) - во - го да во - ро - но - го,

Он вты - ро - го да во - ро - но - го,

5. Он дру - го - во да го - лу - бо - го, А

о - н(ы) дру - го - во да го - лу - бо - го.

6. При - во - ди - л(ы) ле ко - ня - ко - нё - чка,

При - во - ди - л(ы) ле ко - ня - ко - нё - цька 7. Да
ко ро - ки - то - ву ку - сто - цьку,
Ко ро - ки - то - ву ку - сто - цьку.

Ой, дак как за речкой за Неважкой,
За второю да Перевражкой,
За второю да Перевражкой.

Там генеральской сын гуляёт,
Генеральской сын гуляёт.

Он за собою коня водит,
За собою да коня водит.

А он(ы) пер(ы)вого да вороного,
Он втырого да вороного,

Он другово да голубого,
А он(ы) другово да голубого.

Приводил(ы) ле коня-конёчка,
Приводил(ы) ле коня-конёцька,

Да ко рокитову кустоцьку,
Ко рокитову кустоцьку.

65¹²³

Мимо садику дорожецка торна,
Торна, торна, убита до-гала!
Ище хто ету дорожецку торил? —
Молодой парень ко девушки ходил,
Много злата, много серебра сносил,
Полушубоцёк на нем и[з]волоцил,
Трой котики с иголок истоптал,
Ну, а все себе хорошу доступал!
— Ты, хороша, ты, пригожа, ты моя!

¹²³ В *ркп* эта песня под номером 136. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 95 об.

Ну, пойдеш[ь] ле, девка, взамуж за миня?
— Нет, нейду, нейду, не здумала ийти:
Цюю-слышу, про тебя слава худа,
Про тебя слава не очень хороша:
На кабак ты ходиш[ь]-шляисе,
С кабака идеш[ь] — валяйшсе!
Уж ты ходиш[ь] по целым ноцям,
Всё гуляеш[ь] по цяревым кабакам,
Всё ты пьеш[ь] и пивцо и винцо,
Табацок, сударь, покуриваеш[ь],
Сладкой водоцкой закусываеш[ь]!
— Право, любушка, негде я не бывал,
Окроме тебя, некого не видал!

Песни плясовы

Поются быстро, называются «кружальныя», т.к. под их пение пляшут и кружатся. Каждая строка, начиная со второй, поется 2 раза.

66¹²⁴

Ой, да у зеленого сада была укатана гора,
Она укатана-уваляна, водой улита,
Она водой улита, каблуками убита.
Скок девушка на ледок: у мня новой башмацек,
Новой, новой башмацёк, окованой каблуцек!
Подвернулся каблуцёк — Маша пала на боцёк.
Не слыхала, когда пала — поглежу, блада: лёжу,
Поглежу, блада, лёжу, сама на правом на боку,
Я на правом и на левом, на кисейном рукаву,
На кисейном рукаву, да помираю со смеху!
Я туда-сюда поглядь — вижу: некому поднять!
Из улечи из одной шел детинка молодой,
Шел детинка молодой, нежонатой-холостой,
Нежонатой, вожоватой, роздуша-голубчик мой.
Скажу: «Миленькой мой, подними, радость, миня!
Подними за руценьку, да подними за правую,
Подними за правую, да миня, девку бравую!»
— Рад бы, рад бы я поднять, но стороной люди глядят,
Стороной люди глядят, да замечают, говорят,
Замечают, говорят, да всё имать миня хотят!
Всё имать-сохватать, да во солдатушки о[т]дать,
Во солдатушки отдать, да сухари с водой хлебать!
Хорошо жить в солдатах — они подати не платят,

¹²⁴ В *ркл* эта песня под номером 137. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 96 об. Напев — № 66а. Вар. напева: № 67а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110 (вариант текста), 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

Они подати не платят, хлеба-соли не купят!
 Завтра праздни́чек настанет, попроси́це погулять,
 Попроси́це — не отпус́тят, без спро́са уйти́ нельзя.
 Мы дожде́мся веце́роцку — убереме́ся на всю но́чку,
 А хозя́ину со́врем: ненадо́льшко по́йдем!
 Ненадо́льшко по́йдем — на веце́роцку за́йдем,
 Мы ко де́вушкам, да ко мо́лодушкам,
 Ко мо́лоденьки́м да ко хороше́ньки́м!

66a¹²⁵

$\text{♩} = 172$

1. Ой, да у зе - лё - но - го са - да

Бы - ла у - ка - та - на го - ра,

Есь у - ка - та - на - у - ва - лё - на, во - дой у - ли - та. //

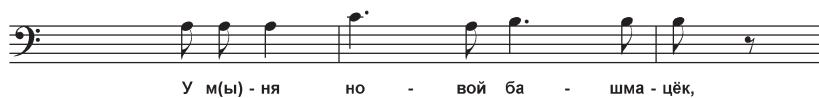
2. О - на у - ка - та - на - у - ва - лё -

на, во - дой у - ли - та,

Есь во - дой у - ли - та, каб - лу - ка - ми у - би - та, да. //

3. Есь во - дой у - ли - та,

¹²⁵ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0752.03. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: № 67а, 80а; Песни Лешуко́нья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110 (вариант текста), 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

7. Не слы - ха - ла, как у - па - ла -

По - гля - жу, бла - да: ле - жу!

Ой, да у зелёного сада
Была укатана гора,
Есь укатана-увалёна, водой улита.

Она укатана-увалёна,
Водой улита,
Есь водой улита, каблуками убита, да.

Есь водой улита,
Каб(ы)луками убита,
Скок девушка на лёдок: у мяя новой башмацёк, да.

Скок девушка на лёдок, да
У м(ы)ня новой башмацёк,
Новой, новой башмацёк, окованой каблущёк!

Новой, новой(и) башмацёк,
Окованой каблущёк.
Овернулся каблущёк — Маша пала на боцёк!

Под(ы)вернулса каб(ы)лущёк —
Маша пала на боцёк.
Не слыхала, когда пала — погляжу: сама: лежу, ой!

Не слыхала, как упала —
Погляжу, блада: лежу!

67¹²⁶

Ой, да загопила Паня печь, сама по воду пошла,
Она по воду-воду, на Конаву на реку.
На Конавы на реки гуси серья сидят,
Гуси серенькия, лебедки беленькия.
Серы гуси спорхонули, свежу воду сомутили —

¹²⁶ В *ркп* эта песня под номером 138. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 97—97 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

Не могла того дожидаться, чтобы воды остоят[ь]ся!
 Розмахнула широко да поцерпнула глубоко,
 На плечушко подняла, да росшаталасе-пошла,
 Росшаталасе-пошла, да — загорела слобода!
 Слободушка-слобода, слобода немецкая,
 Слобода немецкая, я девка деревеньская!

67а¹²⁷

$\text{♩} = 172$

1. Ой, да за - то - пи - ла Па - ня печь,
 Са - ма по во - дв по - шла.
 По - шла по во - ду - во - ду, да на Ко - на - ву на ре - ку, ой!

2. По - шла по во - ду - во - ду
 На Ко - на - ву на ре - ку;
 На Ко - на - вы на ре - ке гу - си се - ры - е си - дят, ай!

3. На Ко - на - вы на ре - ке
 Гу - си се - ры - я си - дят,

127 ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0752.04. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

Гу - си се - рень - ки - я, ле - бёд - ки бе - лень - ки - я, да.

4. Гу - си се - рень - ки - я,

Ле - бёд - ки бе - лень - ки - я;

Се - ры гу - си спор - хо - ну - ли, све - жу во - ду со - му - ти - ли. [...]

9. Рос - ша - та - ла - се - по - шла, дак

Ско - лы - ба - ла - се во - да.

Ско - лы - ба - ла - се во - да, за - го - ре - ла сло - бо - да!

10. Ско - лы - ба - ла - се во - да,

За - го - ре - ла сло - бо - да,

Сло - бо - душ - ка - сло - бо - да, сло - бо - да Не - мец - ка - я.

11. Сло - бо - душ - ка да сло - бо - да, да

Сло - бо - да Не - мец - ка - я,

Сло - бо - да Не - мец - ка - я, дев - ка де - ре - вен - ска - я!

12. Сло - бо - да Не - мец - ка - я, да

Дев - ка де - ре - вен - ска - я.

Ой, да загопила Паня печь,
Сама по воду пошла,
Пошла по воду-воду да на Конаву на рёку, ой!

Пошла по воду-воду
На Конаву на реку;
На Конавы на реке гуси серые сидят, ай!

На Конавы на реке
Гуси серья сидят,
Гуси серенькия, лебёдки беленькия, да.

Гуси серенькия,
Лебёдки беленькия;
Серы гуси спорхонули, свежу воду сомутили.*

Серы гуси спорхонули,
Свежу воду сомутили —
Не могла того дождатьце, штёбы воды остоятьце!

Не могла того дождатьце,
Штёбы воды остоятьце:
Розмахнула широко почёрпнула глубоко.

Розмахнула широко, да
Почёрпнула глубоко,
На плечушко вызняла, росшаталасе-пошла.

На плечушко выз(и)няла, да
Росшаталасе-пошла.
Росшаталасе-пошла — сколыбаласе вода.

*Росшаталасе-пошла, дак
Сколыбаласе вода.
Сколыбаласе вода, загорела слобода!

Сколыбаласе вода,
Загорела слобода,
Слободушка-слобода, слобода Немецкая.

Слободушка да слобода, да
Слобода Немецкая,
Слобода Немецкая, девка деревенская.

Слобода Немецкая, да
Девка деревенская.

68¹²⁸

Ой, да где-ка люди, где народ, да мил здороваце-идет,
Мил здороваце-идет, да широку гармонь несет.
Широку тальяночку, да проступилсе в ямоцку,
Проступился в ямоцку, сломал гармонь-тальяночку!
У гармошки, у тальянки поломаласе доска —
На мою-ту на любезну навалиласе тоска,
Навалиласе тоска да без милого без дружка.
Без милого без дружка да полюбил девку циган.
Циган девки не родня — цигана бойся как огня!
Сколько он раз говаривал, колацей наваливал!
— Колацей я не хоцю, конфетов — не подумаю,
Отвяжись, циганьска рожа, на милого не похожа!
У моего-то милого розвеселыя глаза,
Розвеселыя глаза, да наведены литаса.

69¹²⁹

Ой, да первы пятахи запели, зоря взошла,
А как зоря взошла, дак я домой пошла.
Я подхожу ко двору, да свёкор ходит по двору.
Свёкор ходит по двору, свекрова носит коробью.
Скажу: «Батюшко свекор, запусти миня домой!»
Ты поди, поди, молодушка, не бойся некого,
Ты не бойся некого, не опасайся нечего!
— Катя маленькая — гулять удаленькая,
Малехотянная — гулять охотянная!
Поди, Катя, в горенку, топни правой ноженькой!
— Рада-рада бы ийти, да рада ножкой топнути,
Но боюсь батюшка, родимой матушки!

¹²⁸ В *рпк* эта песня под номером 139. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 97 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

¹²⁹ В *рпк* эта песня под номером 140. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 98—98 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

Я сказала: «Не могу, да платом голову свяжу!
Платом голову свяжу, да по горёнки похожу,
По горёнки похожу, сама в окошко погляжу.
Я в окошко погляжу — сама про ялицу скажу:
Ой, на улице ялица да во двори метелица!
То не ялица вьёт, да не метелица метет,
Не метелица метет, да холодная роса вьёт.
Всё холодна роса вьёт, да по росы милой идет.
По росы милой идет да каравод девок ведет.
На нем нанкова сибирочка пошумливает,
Он сапог о сапог поколачивает,
Сам к Дуняши на кровать приворачивает.

70¹³⁰

Ой, да не расти, верба во ржи, да расти, верба, на межи!
Вербу ветер не берет, да кинарейка не поёт.
Кинарейка — Сашенька, а соловейко — Васенька.
Вася по терему ходит, при жалетки, при цясах,
При жалетки, при цясах, да при козловых сапогах.
Сапоги козловыя, да из Москвы везеныя,
Из Москвы везеныя, да девкам подареныя,
Девкам подаренныя, а жонкам посуленыя!

71¹³¹

Ой, шла по жордоцки, да шла по тоненькой,
Шла по тоненькой, да по еловенькой.
Тонка жордоцка гнетце — не ломитце,
Хорошо с милым водит[ь]ся — не стоскнися!
Хотя сто[с]книся на цяс, дак розгуляисе сицяс.
Пойду-выйду молода да за новые ворота,
За новыя-кленовыя, за решотцятыя,
За решотцятыя да стекольцятыя!
Що из тех же из ворот да шла девица за водой,
Шла девица за водой, да за холодной ключевой.
За холодной ключевой, да сзади парень молодой.
Сзади парень молодой, да кличет: «Девица, постой!»
Кличет: «Девица, постой, да молодича, обожди,
Молодича, обожди, да миня, парня, подожди!»

¹³⁰ В *ркп* эта песня под номером 141. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 98—98 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

¹³¹ В *ркп* эта песня под номером 142. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 98 об.—99. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

Выходила молода за новыя ворота,
 Выпускала сокола да из правого рукава,
 Из правого, из левого, из полотянного.
 На полетику соколику наказывала,
 Я наказывала, да наговаривала:
 — Ты лети-лети, соколик, высоко и далеко!
 Сколь высоко и далёко — на родиму сторону.
 На родимой на стооронке родной багюшко живет,
 Он роден-роден, да он не милосливой,
 Он не милосливой, да он не жалосливой:
 Не спускаёт молоду да поздно вечером одну.
 Я не верила отца, да утешала молодца.
 Я за то его утешала, що один сын у отца,
 Що один сын у отца, да у богатого купца.
 Зовут Ванюшею да пивоварушею.
 Пивовар пиво варил, да к себе девушек манил:
 — Вы пожалуйста, девицы, на поварню на мою!
 На поварню на мою, да пивом — пьяных напою,
 Напою я вас, девицы, пивом до пьяна,
 А да пивом до пьяна, да вином до хмелья!

Ой, да подговаривал Иван да к себе Дуню нацёвать:
 — Ты нацией, нацией, Дуняша, погости, голубушка!
 Ты нацюёш[ь] — не уцюёш[ь], подарю, Дуня, тебе,
 Подарю, Дуня, серешки серебрянныя,
 Я вторыя золотыя со подвястоцками!
 На то Дуня соглашалась — нацёвать с Ваней осталась.
 Ложилась Дуня спать ко Ивану на кровать.
 — Нет, не буду с тобой спать — пойду милого искать!
 Я вчерасе с милым да прироссориласе,
 Прироссориласе-прироссоветиласе:
 Я притопнула ногой, да прикацнула головой,
 Прикацнула головой, пошла из терема домой.
 Пошла из терема домой, да оставайсе, черт с тобой!
 — Оставайсе, черт с тобой и не ходи больше со мной!
 И не ходи, и не броди — я не любовница твоя!
 — Отцего, моя милая, очень грубо поступаеш[ь]?
 — Поступаю для того — от просмеху твоего!

¹³² В *ркп* эта песня под номером 143. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 99—99 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

¹³³ В *ркп* эта песня под номером 144. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 99 об.—100. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

Ты зацем, дурак, смиялсе, при канпаньи похвалялсе?
При канпаньи при такой: при подружках при моих,
При подружках при моих, да при товарищах своих!

74¹³⁴

Куреуха-курева да закутила-завела,
Закутила-завела все дороги и пути,
Все дороги и пути, да нельзя к милому идти!
Я пошла по дрова — с милым свиделасе,
А на клюць по воду пошла — поздороваласе:
— Уж ты здравствуеш[ь], миленькой, в гóсти гостí!
Уж ты в гости гости, да неподалеку садись,
Ты не подле, не с краю, не насупротив!
Не про нас ле с тобой, Яшенька, люди говорят?
Про нас люди с тобой судят, все суседушки бранят,
Все суседушки бранят, да любить Яшу не велят.
Уж я смолода-та Яшеньку не любливала,
За калиной, за малиной в лес не хаживала,
Я калинушу-малинушу не ламливала,
Я калинушей-малинушой не кармливала!

75¹³⁵

Ой, да во лужку робят имали, руки-ножецки вязали,
Руки-ножецки вязали, во телёжоцки бросали,
Во телёжоцки бросали, в Мезень-город отсылали.
Во Мезень-город [в]возили, во приемну заводили,
Во приемну заводили, под меру становили.
Медны меры забренцали, камандеры закрицали,
Камандеры закрицали — Вани лоб забревали.
Ваня плакал и рыдал, русы волосы сбирал,
Русы волосы сбирал, да в карабельней плат вязал,
В карабельней плат вязал да отцу-матери послал.
Отцу-матери на горе, молодцам — на похвальбу,
Молодцам на похвальбу, да вsem девицам на тоску.
Рознеси горё-тоску да по зеленому лушку,
По зеленому лушку, да ко крутому берешку!

¹³⁴ В *рки* эта песня под номером 145. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 100—100 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105 (вариант текста), 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

¹³⁵ В *рки* эта песня под номером 146. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 100 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110 (вар. текста), 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8. В фондах Фонограммархива ИРЛИ имеется запись этой песни от М.Н.Мякушина, сделанная тогда же, когда и остальные фонограммы, публикуемые здесь. ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0752.05. Напев — вар. № 67а, 80а.

Ой, да Дуня в тереме ходила, мужа верного будила:
 — Ты вставай, муж Иван, розудала голова!
 Розудала голова, к [нам] приехала родня!
 Вот у широких у ворот да дороги гости стоят,
 Дорогия — не простыя: шурь[я]-братья холостыя.
 — Ты, постылая жена, — то мне немилая родня!
 Одеьяльшком закрыла, — сама проць пошла, завыла,
 Сама проць пошла, завыла, на крылецко выходила.
 На крылецко выходила, своим братьям говорила:
 — Уж вы братья, вы братья, поезжайте-ко домой!
 Поезжайте, не поздайте, путь-дорожку коротайте!
 Как доедите до дому — всему роду по поклону,
 Всему роду по поклону, дома — батюшку одному.
 Вы батюшки-то поклон, а матушки — нечего.
 Вы за то ей — нечего: отдала миня пощо!
 Отдала миня не к месту — родни нету приезду.
 Вишь, обзарилась она на высокия дома,
 На высокия дома, на окошка больши,
 На окошка больши, да окольници цясты,
 На окольници цясты, на самовары на светлы!

Ой, да не будите молоду ставать рано поутру, —
 Вы тогда ей розбудите, когда солнышко взойдет,
 Когда солнышко взойдет, да роса на землю падет,
 Пастух выйдет на лужок, заиграет во рожок!
 Хорошо пастух играет, выговаривает:
 — Встаньте, девки, встаньте, бабы,
 Станьте, малыя ребята, станьте, стары старики!
 Станьте, стары старики, да мироеды-мужики,
 Станьте, старые старушки — мироедовы женушки!
 Выгоняйте-ко скотину на широку на долину,
 На широкую долину, на зеленя луга,
 На зеленя луга, на прикруты берега!

¹³⁶ В *рпк* эта песня под номером 147. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 101. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

¹³⁷ В *рпк* эта песня под номером 148. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 101 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 66а, 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

Ой, да как на гороцки на той, на высокой, на крутой,
 На высокой, на крутой, да стоял фабричек новой.
 Как на фабрике ребята, холостые-нежонаты,
 Всё холосты-нежонаты, сами белы кудреваты.
 Белы-белы кудреваты, розохвоци баловать,
 Розохвоци баловать, да всё во скрыпоцьку играть.
 Всё во скрыпоцьку играли, душу-Катю утешали:
 — Уж ты, Катя-Катерина, наресована картина!
 Говорила Кати мать: «Полно, Катя, баловать!
 Перестань, Катя, уймись, с фабрисьнима не вяжись!
 Фабрисьनिया — не простыя, пронесут славу худу,
 Пронесут славу худу про Катюшу молоду!»
 — Не боюсь я етих слав, да здесь не город Ярослав!
 Не боюсь я некого, да полюблю я одного!
 Одного если любить, дак на белила не нажить,
 А семерых полюбить, дак головушка не сносить!

Ой, да тихо по морю караблицёк бежал-таки, бежал,
 По караблицку Васильюшко гулял-таки, гулял.
 Ему мати говорила, да Васильюшка бранила:
 «Полно, Вася, перестань, проць от девушёк отстань!»
 «Родимая моя мать, тебе миня не унять,
 Тебе миня не унять, да за реку в гости гулять,
 За реку в гости гулять, да у вдовушки побыват[ь]!»
 У вдовушки есь девушка — он любил её, любил,
 А миня, горьку-несчасну, покинул-позабыл!
 Остаетце стаюци, да на светочки глядюци,
 Плакуци-рыдаюци, да слезы утираюци!
 Эти слезы — не помога, розговор не веселит,
 Розговор не веселит, да мне жонице велит.
 Мне жонице — розорице, полтораоста издержать,
 Полтораоста издержать, да велит Дуню взамуж взять!

¹³⁸ В *рпк* эта песня под номером 149. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 101 об.—102. Напев — № 67а. Вар. напева: № 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

¹³⁹ В *рпк* эта песня под номером 150. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 102—102 об. Напев — № 67а. Вар. напева: № 80а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

Ой, да уж как я блада-бладешенька, догадлива была,
 Я догадлива была, да догадаласе сама:
 Уж я прялочку — на лавоцку, башмацки под кровать,
 Я башмацки — под кровать, да сама скок на кровать!
 Сама скок на кровать, да за старого мужа — спать!
 Уж как стар-от муж розбужаице,
 Как седа-та борода, да пошевеливаице:
 «Это що же ты, жона, да не теперече пришла?»
 «Не давным-давно пришла — я давно выспаласе!
 Уж лажу ставать, лажу огонь жобывать,
 Лажу пецьку топить, да лажу щи-кашу варить,
 Лажу щи-кашу варить, да старого мужа кормить!»
 «Ну, спасибо те, жона, да не забыла ты миня!»
 «Ну-ко, как тебя забудеш[ь] — тебя цёрт мне надавал,
 Тебя церт надавал, да водянной накацл!»

80а¹⁴¹

$\text{♩} = 172$

1. А, да уж ка-к(ы) я, бла - да - бла - дё - шень -

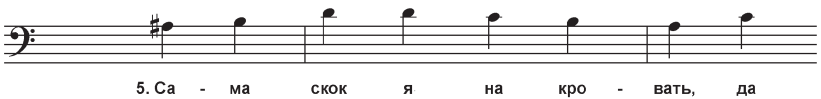
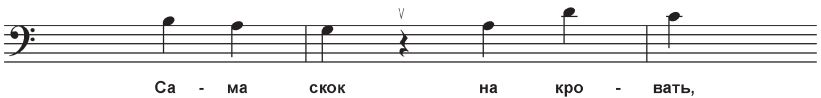
- ка, до - га - дли - ва бы - ла:

Я до - га - дли - ва бы - ла, до - га - да - ла - се са - ма, да.

2. Я до - га - д(ы) - ли - ва бы - ла,

¹⁴⁰ В *рпк* эта песня под номером 151. РО ИРЛИ. Р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 102 об. Напев — № 80а. Вар. напева: № 66а, 67а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

¹⁴¹ ФА ИРЛИ. К. 298. МФ 0752.06. Зап. В. В. Коргузаловым в Ленинграде 26 декабря 1962 г. от Мякушина Михаила Николаевича. Вар. напева: № 66а, 67а; Песни Лешуконья, с. 74; ПФМ, № 82, 88, 90, 110, 116, 136, более далекие вар.: № 103, 105, 114, 121, 127; Абрамский, № 8.

6. Уж как стар - о - т(ы) муж, да

Роз - бу - жа - и - тце,

Как се - да - та бо - ро - да да рос - ше - ве - ли - ва - и - це!

7. Как се - да - та бо - ро - да, да

Рос - ше - ве - ли - ва - и - це!

А, да уж как(ы) я блада-бладёшенька,
Догадлива была:
Я догадлива была, догадаласе сама, да.

Я догад(ы)лива была,
Догадаласе сама:
Уж я прялоцьку — на лавоцьку, башмацьки под кровать.

Уж я прялоцьку — на ла[во]цьку,
Башмацьки под кровать,
Я башмацки — под кровать, сама скок на кровать!

Я башмацки — под кровать, да
Сама скок на кровать,
Сама скок на кровать, за старого мужа — спать!

Сама скок я на кровать, да
За старого мужа — спать:
Ещче старой-от муж розбужаитце!

Уж как стар-от(ы) муж да
Розбужаитце,
Как седа-та борода да росшевеливаице!

Как седа-та борода да
Росшевеливаице!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Песни в исполнении Лешуконского народного хора под руководством М. Н. Мякушина (гор. Архангельск)¹⁴²

Во время записи хора в кабинете народной музыки Московской государственной консерватории были сделаны рукописные заметки об исполнении песен на традиционных гуляньях и праздниках (Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7, л. 7—11). Записи были сделаны бегло, частично карандашом, частично чернилами на случайно оказавшихся под рукой листах бумаги. Здесь они приводятся в отрывках. Сокращения, по возможности, раскрываются в косых скобках. Слова, поясняющие речь рассказчиков, приводятся в угловых скобках.

Круговые песни (у нас) начинают водить с Благовещенья. На Пинеге — с Пасхи, со второго дня. Первый день — вешают качели. (Почему круговые?) Кругом ходят: круговые (песни).

Начинают гулять после обеда — в 12 часов /.../ Отдохнут — соберутся в гости, в избу, потом выходят на улицу и ходят кругом. Запевают чаще всего в Лешуконьи — «Вдоль по морю». Где соберутся в гости, там и играют: ходят «по солнцу».¹⁴³

В хороводе гуляют и молодки, и девушки — парни где-нибудь сидят по стороне. В посл[еднее] время парни мало участвовали — «Ну, Ванька, иди в круг-от!» Девушка запекает ходовая, постарше, помелее. Выходила сама, к[оторая] больше сидит в девках. Круговые песни поют всю весну и лето.

«**Хождение застенки**» — парами идут. (Гуляли) по больш[им] праздникам, до осени. На Пре[чи]стую, на Сдвиженьё — счит[ает-ся] посл[едний] осенн[ий] праздник. После уж зимние.¹⁴⁴

Качели — на Благов[ещенье]; если оно приходится в пост, то не было качелей. (Тогда) начинали качаться с Пасхи, со 2-го дня. Особых песен нет. Качели кончаются в Вознесенев день — 6 недель.

«В чем, девки, подём на луг играть?» — В сатиновых, в берлитиновых, в канифасовых ходят (сарафанах). Штофники, гарнитурники. В застенке — в Петровщину — в повязках. Коротеньки

¹⁴² Состав хора: Мякушин Михаил Николаевич, 1889 г. р., родом из Пылемы; Антуфьева Анастасия Никитична, 1893 г. р., из Усть-Вашки; Уткина Анна Степановна, 1897 г. р., из Юromы; Уткина Манефа Алексеевна, 1900 г. р., из Юromы; Малышева Анна Константиновна, 1906 г. р., из Ущелья; Одоева Матрена Алексеевна, 1905 г. р., из Усть-Вашки; Клокотова Анастасия Васильевна, 1907 г. р., из Нисогоры; Мякушина Таисия Калинична, 1895 г. р., из Едомы; Климцева Мария Ивановна, 1903 г. р., из Пылемы; Васильева Евдокия Гавриловна, 1900 г. р., из Смоленцев. КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Рукоп. фонд, инв. № 7, л. 1—2 об.

¹⁴³ Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7, л. 8.

¹⁴⁴ Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7, л. 9.

(на лямках) носят и девушки, и молодки. <...> В «застенке» ходят и молодки.¹⁴⁵

Начинаются гулянья — Петровщина, и т. д. с **застенка**. Под пенье протяжных песен — («Веселая беседушка») — девушки идут парами, расходятся в стороны и становятся ряд против ряда. Затем кто-либо из парней идет, выбирая девушку, и идут парой под правую руку. Выбранная выходит и кланяется, и (затем) идет парой. Затем, когда все снова встали в пары, продолжается хождение.

Застенок начинается: «Э, лазоревый цвет... вес[елая] бе[се-душка]». Идут, расх[одятся], стоят, плат[ки] (держат в руках). Приглашают — кланяются дев[ушки] перед собой, опять расход — поклон. Д[евушки] клан[яются] — расх[одятся].

⟨Стоят парами:⟩ девки и молодки, с правой (стороны). Молодки заменяют парней.

Троица и Ивань-день — (празднуют) по 2 дня, все съезжие (прест[ольные]) (праздники).¹⁴⁶

Цикл весенних хороводно-игровых песен

Круги: Троица, Петров-день, Ивань-день. Малая Петровщина — ночью, играют круговые и хороводные. 1-й день — после паужины. Большая — день праздн[ика]. 29-го июня¹⁴⁷ ночь — Малая. 30-го — Большая Петровщина. В Большую Петровщину водят круги. Первая круговая — «Калина», 2-я — «За рекой было, за реченькой», 3-я — «Растворю я кисель», 4-я — «Потеряла девка золоты ключи». ¹⁴⁸

В престольные большие праздники — «круги»: впереди идут две девки из молодых, которые первый год гуляют, которые «петь не умеют», — они кланяются, приглашая «госей» становиться в круги. От них зависит направление движения всех. Они ходят, меняя направление, поворачиваясь¹⁴⁹ то в одну, то в другую сторону, то возвращаясь назад (*неск. букв нрзб*). За ними следуют девки местные; все они держатся руками за полушалки, образуя цепь, и поют. Запевала — обычно самая умелая девица,¹⁵⁰ — идет в середине, чтоб и на том, и на другом конце ее слышно было. Отступая на два шага (и не держась между собой за платки), выступают «госьи».

¹⁴⁵ Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7, л. 10.

¹⁴⁶ Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7, л. 11.

¹⁴⁷ В *ркп.* ошибочно: *июля*. Даты рассказчицы приводят по старому стилю.

¹⁴⁸ Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7, л. 10.

¹⁴⁹ Зачеркнуто: *изгибаясь*. Рассказчицы имеют в виду рисунок хоровода, образующий «змейку».

¹⁵⁰ Очевидно, здесь имеется в виду, скорее всего, слово «певица», следующее из контекста и имеющееся в рукописях М. Н. Мякушина в качестве типового местного названия исполнительницы песен.

Первая за местными девушками идет «самая богатуха, самая хваленка» — обычно дочь какого-нибудь торговца, лавочника. «Госьи» не поют. Становятся строго по достатку. Зрители активно вмешиваются. Если замечается несоответствие в расстановке девиц, то обычно женщины¹⁵¹ постарше <...> берут девушку за косу (в начале ее, у затылка) и довольно энергично ставят на место. <...> При этом доходят до ссор, криков — бранятся. Ставят, сопровождая соответствующими репликами: «Наташа — вперед Маньки должна идти: у нас своя торговля, а у ей — занял 50 р[ублей], да и расторговался» и пр. <...> Пока всех не установят так, что все довольны, не успокоятся.

Замыкают шествие свои девушки, также из первогодок; они держатся за платок и не поют. Две последние «госьи» — наименее почетные, по месту. О них говорят: «они зад волочат». На последней песне «Потеряла девка золоты ключи» все девушки — и госьи, и свои¹⁵² становятся в пары, беря друг друга за руки¹⁵³, и ходят кругом быстро, стараясь почти в темп песне.¹⁵⁴

«Ходят (в кругах) — не обя[зательно] кругом. Змейкой: „Ой, калина, ой, малина моя, да“».

«В кругах — куда нужно девушек ставят родные (этих) девушки, передвигают только вперед, назад никого не ставят. Замужние девок ставят: „Девки-девки! Ставьте, не спровожайте время! Она ходит выше, девкой ниже. С чего наша ходит ниже на три девки — отец у ней на чужи деньги торгует, а гли! — поставили куды! Двору скота, тищениц (чищениц — полей, очищенных от леса) сколько! А тут чего — тут с чего ходит: прости Господи, кого-то перетьяка, третья горемыка, под домом земля, и та не своя!“».¹⁵⁵

1¹⁵⁶

¹⁵¹ Над этим словом вписано одно слово нрзб. (*только ли - ?*)

¹⁵² Под словом «свои» стоит «перед».

¹⁵³ Далее зачеркнуто: *под гору*.

¹⁵⁴ Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7, л. 8.

¹⁵⁵ Рукоп. фонд КНМ МГК. Инв. № 7, л. 10.

¹⁵⁶ КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Диск Ф-1093, и. 356. Зап. А. Н. Аксенов в кабинете народной музыки Московской государственной консерватории в 1945 г. Поют: Клокотова А. В. (запевает), Ангуфьева А. Н., Уткина А. С., Уткина М. А., Малышева А. К., Одоева М. А., Климцева М. И., Васильева Е. Г., Мякушина Т. К. Рук. текст: Инв. № 7, л. 2, № 2. Вар.: наст. публ., №1, 1а.

О - ой, ма - ли - на ле мо - я! Да

в са - ду де - ви - цы гу - ля - ли.

2. О - ой, ка - ли - на ле мо - я,

О - ой, ма - ли - на ле мо - я! Да

по съве - то - ци - ку сры - ва - ли.

3. О - ой, ка - ли - на ле мо - я,

О - ой, ма - ли - на ле мо - я! Да

по ве - но - ци - ку съви - ва - ли.

4. О - ой, ка - ли - на ле мо - я,

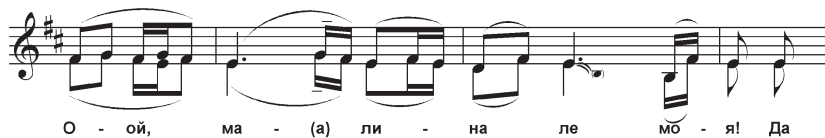
О - ой, ма - ли - на ле мо - я! Да

де - вки на ре - ку хо - ди - ли.

5. О - ой, ка - ли - на ле мо - я,

О - ой, ма - (а) ли - на ле мо - я! Да

все ве - но - ци - ки спу - ска - ли.

Калина ле моя,
О-ой, малина ле моя!
Да в саду девицы гуляли.

О-ой, калина ле моя,
О-ой, малина ле моя!
Да по съветоцику срывали.

О-ой, калина ле моя,
О-ой, малина ле моя!
Да по веноцику съвивали.

О-ой, калина ле моя,
О-ой, малина ле моя!
Да девки на реку ходили.

О-ой, калина ле моя,
О-ой, малина ле моя!
Да все веноцики спускали.*

Тут венки приговорили:
Ишче кто реку перейдет,

Ишче кто венки переймет,
 За того взамуж пойду!
 Тут кидался-бросался
 Еще старый старичище,
 Еще старой-неудалой.
 Сказал: «Я реку перейду,
 Еще я венки перейму!»
 Тут девицы испугались,
 По круту гору здымались.
 На горе часовня стояла.
 Во часовню заходили,
 Они Богу-ту молились,
 Они свечи становили,
 Они Бога-то просили,
 Чтобы ветер-от роздулся,
 Чтoб челнок-от повернулся,
 Чтoбы старoй захлебнулся!

2¹⁵⁷

♩ = 96-100

1. За ре - кой бы - ло, за ре - це - н(и) - кой.

Да е - хи!

2. За ре - кой, на дру - гой сто - ро - не, да

На ра - ки - то - вом ку - сты - шки.

157 КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Диск Ф-1095, и. 358. Зап. А. Н. Аксенов в 1945 г. Вар. зап.: Диск Ф-1096, и. 359. Поют: Клоктова А. В. (запевает), Антуфьева А. Н., Уткина А. С., Уткина М. А., Малышева А. К., Одоева М. А., Климецва М. И., Мякушина Т. К. Оригинал звучит на полтона ниже. Рук. текст: Инв. № 7, л. 3—3 об. Вар.: наст. публ., № 2, 2а; Песни Лешуконья, с. 57—59; ПФМ, № 107.

Да е - хи!

3. На ро - ки - то - вом ку - сты - шки, да

На ка - ли - но - вом пру - ти - ки.

Да е - хи!

4. На ка - ли - но - вом пру - ти - цки, да

Со - ло - вей - пти - ця пе - сню по - ёт.

Да е - хи!

5. Со - ло - вей - пти - ця пе - сню по - ёт, да

Мо - ло - дой - от на - сви - сты - ва - ёт.

Да е - хи!

6. Мо - ло - дой - от на - сви - сты - ва - ёт, да

Хо - ло - стой вы - го - ва - ри - ва - ёт.

Да е - хи!

7. Хо - ло - стой вы - го - ва - ри - ва - ёт, да

По - (й)и - грай - те - тко, де - ву - шки!

Да е - хи!

8. По - и - грай - те - тко, де - ву - шки, да
 На сво - ей во - ле у ба - тю - шка!
 Да е - хи!

За рекой было, за рецен(и)кой.

Да ехи!

За рекой, на другой стороне, да

На ракивовом кустышки.

Да ехи!

На рокивовом кустышки, да

На калиновом прутики.

Да ехи!

На калиновом прутички, да

Соловей-птица песню поёт.

Да ехи!

Соловей-птица песню поёт, да

Молодой-от насвистываёт.

Да ехи!

Молодой-от насвистываёт, да

Холостой выговариваёт.

Да ехи!

Холостой выговариваёт, да

По(й)играйте-тко, девушки!

Да ехи!

Поиграйте-тко, девушки, да

На своей воле у батюшка!

Да ехи!*

На своей воле у батюшка, да

У онеги у матушки.

Да ехи!

У онеги у матушки, да

Во снареди у братёл(ы)ков.

Да ехи!

Во снареди у братёлков, да.

Во замене у молодухек, да ехи.¹⁵⁸

¹⁵⁸ Далее сохраняется орфография и строфика в записи собирателя.

Скоро, скоро девку взамуж отдадут, да ехи,
 Скоро волюшка минуется, да ехи,
 Красота в лице стеряется, да ехи,
 Черной грязью замарается, да ехи,
 Черной грязью подорожною, да ехи,
 Подорожной-подтележною, да ехи.
 Неровно взамуж выйдетця, да ехи,
 Неровён чорт навернется, да ехи,
 Неровён накачается, да ехи,
 Неровён муж достанется, да ехи:
 Либо старо одушливоё, да ехи,
 Либо мало невзрословоё, да ехи,
 Либо ровнюша спесь-горда, да ехи.
 Во полноц с кабака прибредёт, да ехи,
 Поперёк по постеле лежит, да ехи,
 Попересную рець говорит, да ехи,
 Разувать, раздевать завелит, да ехи,
 Часты пуговки состегивати, да ехи,
 Камизолы роздергивати, да ехи,
 Сапоги-те с ня стегивати, да ехи,
 Опояску распоясывати да ехи.

3159

$\text{♩} = 100$

1. Рос - тво - рю я ки - сель

на бо - ло - тней во - ды.

Га - (а)й - гай, га - ю лю - ли!

159 КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Диск Ф-1097, и. 360. Зап. А. Н. Аксенов в 1945 г. Поют: Клокотова А. В. (запевает), Антуфьева А. Н., Уткина А. С., Уткина М. А., Малышева А. К., Одоева М. А., Климцева М. И., Васильева Е. Г., Мякушина Т. К. Рук. текст: Инв. № 7, л.4—4 об. Оригинал звучит на полтона ниже. Вар.: наст. публ., № 3, За; ПФМ, № 126.

2. Да на бо - ло - тней во - ды,

не из се - я - ной му - ки.

Га - (а)й - гай, га - ю лю - ли!

3. Да я по - ста - влю ки - сель

во пу - сту - ю и - збу.

Га - (а)й - гай, га - (а) - ю лю - ли!

4. Да во пу - сту - ю и - збу,

не в топ - лё - ну го - рни - цу.

Га - (а)й - гай, га - (а) - ю лю - ли! //

5. Да я са - ма ки - се - лю

при - го - ва - ри - ва - ю.

Га - (а)й - гай, га - (а) - ю лю - ли! //

6. Да уж ты кис - ни, ки - сель,

пе - ре - кис - ни, ки - сель!

Га - (а)й - гай, га - (а) - ю, лю - ли!

7. Да я не - де - лю не смо - трю,

и дру - гу не гля - жу.

Га - (а)й - гай, га - (а) - ю, лю - ли!

Ростворю я кисель на болотней воды.
Гай-гай, гаю, люли!
Да на болотней воды, не из сеяной муки.
Гай-гай, гаю, люли!
Да я поставлю кисель во пустую избу.
Гай-гай, гаю, люли!
Да во пустую избу, не в топлёну горьницу.
Гай-гай, гаю, люли!
Да я сама кисельно приговариваю.
Гай-гай, гаю, люли!
Да уж ты кисни, кисель, перекисни, кисель!
Гай-гай, гаю, люли!
Да я неделю не смотрю, на другу не глежу.
Гай-гай, гаю, люли!*Да я на третью неделю кисел(и) посмотрю.
Гай-гай, гаю, люли!
Да ишче мой-от кисель не живал(ы) — не бывал(ы).
Гай-гай, гаю, люли!
Да не живал(ы) — не бывал, не воращивалсе.
Гай-гай, гаю, люли!

Я поставлю кисель против-над целом!¹⁶⁰
У моего мужика худы были дровишка,
Как худые дрова, все осиновые.
Они не плят,¹⁶¹ не горят, только тышкаются.
Разолью я кисель по судам, по горшкам,
По судам, по горшкам, по черепишкам.
У мя по полу кисель, и по лавкам кисель,
Среди середи все стоят кисели,
В сапогах кисели, в башмаках кисели!
Еще мой-от муж идёт, за собой гостей ведёт,
За собой гостей ведёт — родна батюшка.
— Уж ты слушь-ка, женушка, дай попить, дай поись,
Дай попить, дай поись, молока похлебать,
Молока похлебать, киселя пощелкать!
— За твои за дрова тебе нет киселя!
Еще мой-от муж пошел побивало искать.
По повети пошел, побивало нашел,
А как в избу зашел, он другое нашел.
Уж как перво побивало — соломинка,
А второе побивало было — нитоцька.
Привезал он нитку за соломинку,
Уж и стал он меня бить, охобачивати,
Охобачивати да поворачивати.
Охобачивати да поворачивати.
Я со этих со побоев три недели пролежала,
На четверту неделю справляться стала —
Стала пить-попивать, стала ись-поедать,
Стала ись-поедать, стала людей признавать.

¹⁶⁰ Здесь и далее в записи собирателя отсутствует припев.

¹⁶¹ Плят — тлеют (примеч. собирателя).

Три ушата молока стое выхлебала,
Три сметанницы сметаны пальцем вымазала,
Уж я три печи пеценья, семь пецей колацей!

4162

$\text{♩} = 112$

1. По - те - ря - ла де - вка зо - ло - ты клю - ци, да

По - те - ря - ла де - вка зо - ло - ты клю - ци, да

2. Зо - ло - ты клю - ци, се - ре - б(ы) - ре - ны - я, да

Зо - ло - ты клю - ци, се - ре - б(ы) - ре - ны - я, да

3. Со но - вым шел - ко - вым по - е - сом, да

Со но - вым шел - ко - вым по - е - сом, да

4. Со за - стё - же - цкой се - ре - б(ы) - ре - но - ю, да

162 КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Диск Ф-1098, и. 361. Зап. А. Н. Аксенов в 1945 г. Поют: Клоктова А. В. (запевает), Антуфьева А. Н., Уткина А. С., Мякушина Т. К. Рук. текст отсутствует. К л. 4 об. подклеен листок: «Текст к 5-й песне „Потеряла девка золоты ключи“ в черновиках не обнаружен». Вар.: наст. публ., № 4, 4а.

Со за - стё - же - цкой се - ре - б(ы) - ре - но - ю, да

5. Со при - стя - жкой по - зо - ло - цё - но - ю, да

Со при - стя - жкой по - зо - ло - цё - но - ю, да

6. - Кто бы, кто бы е - ти клю - ци - ки на - шёл, да

Кто бы, кто бы зо - ло - ты - е по - ды - нул, да

7. За то - го бы я вза - муж по - шла, да

За то - го бы я вза - муж по - шла, да

8. Я за ста - ро - го, за ма - ло - го, да

Я за ста - го, за ма - ло - го, да

9. Я за ро - вню - шу спе - с(и) - го - р(ы) - да, да

Я за ро - вню - шу спесь - го - р(ы) - да, да //

10. Мне ска - за - ли: ста - рой клю - ци - ки на - шёл, да

Мне ска - за - ли: зо - ло - ты - е по - ды - нул, да //

11. - Про - па - дай - те, мо - и зо - ло - ты клю - ци, да

Про - па - дай - те, мо - и зо - ло - ты клю - ци!

Потеряла девка золоты ключи, да
Потеряла девка золоты ключи, да

Золоты ключи, сереб(ы)ренныя, да
Золоты ключи, сереб(ы)ренныя, да

Со новым шелковым поесом, да
Со новым шелковым поесом, да

Со застёжкой сереб(ы)реною, да
Со застёжкой сереб(ы)реною, да

Со пристяжкой позолощёною, да
Со пристяжкой позолощёною, да.

Хто бы, хто бы ети ключики нашёл, да
Хто бы, хто бы золотые подынул, да

За того бы я взамуж пошла, да
За того бы я взамуж пошла, да

Я за старого, за малого, да
Я за старого, за малого, да

Я за ровнюшу спес(и)-гор(ы)да, да
Я за ровнюшу спесь-гор(ы)да, да.

Мне сказали: старой ключики нашёл, да
Мне сказали: золотые подынул, да.

Пропадайте, мои золоты ключи, да
Пропадайте, мои золоты ключи!

Святочное «виноградье»

Рассказывает Анастасия Никитична Антуфьева: «〈У нас было〉 4 околотка. На 1[-й] день по дворам идут **виноградья** — «шаньги славят». Собирались в каждом околотке отдельно — по 2 околотка. Сначала виноградье, славить — позднее к вечеру. 〈Делились〉 на 2 гр[уппы]: один по 1 ряду, а другой по другому — для скорости.

Шаньги 〈подавали〉 за славленье. За виноградье — деньги, сушку, конфетки, закуску, леденцы. Шаньги — в корзину (одна) — корзину набираем — оставим золотарь (18 кг). Кто-нибудь зайдет, спросят, 〈можно ли припеть виноградье. Разрешали:〉 Хочется, чтоб ему припели невесту! Когда пьяным поют — дак слова выкинут».¹⁶³

¹⁶³ Рукоп. фонд КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Инв. № 7, л. 10.

$\text{♩} = 100$

1. Как во да - ле - ци - да - ле - ци, во ци - сто - м(ы) во по - ли, да
Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё
кра - сно - зе - ле - но - ё!

2. Да там сто - я - ла бе - рё - за бе - ло - ку - д(ы) - ре - ва - я, да
Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё
кра - сно - зе - ле - но - ё!

3. Да штё под той бе - лой бе - рё - зой бел - по - лот - не - ной ша - тёр, да

164 КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Диск Ф-1094, и. 357. Зап. А. Н. Аксенов в 1945 г. Поют: Антуфьева А. Н., Уткина А. С., Уткина М. А., Малышева А. К., Одова М. А. Вар. напева: наст. публ., № 19а, текста — № 20. Вар. напева: ТПМ, № 23, напев 13; ПФМ, № 183 (вар. текста: № 183д).

Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно - зе - ле - но - ё!

4. Да штё во том бе - лом ша - тре да кра - сна де - ви - ця си - дит, да

Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно - зе - ле - но - ё!

5. Да о - на ши - ла - вы - ши - ва - ла ши - ри - но - чку си - бе, да

Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно - зе - ле - но - ё!

6. Да я бы е - ту кра - сну де - ви - цу за пра - ву ру - ку взял, да

Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно - зе - ле - но - ё!

7. Да я б за пра - ву ру - ку взял да я б за - ко - н(ы) Бо - жий при - нял, да

Ви - но - г(ы) - ра - ди - ё

кра - сно - зе - ле - но - ё!

Как во далеци-далеци, во цистом(ы) во поли, да
 Виног(ы)радиё краснозеленоё!
 Да там стояла берёза белокуд(ы)ревая, да
 Виног(ы)радиё краснозеленоё!
 Да штё под той белой берёзой бел-полотненной шатёр, да
 Виног(ы)радиё краснозеленоё!
 Да штё во том белом шатре да красна девица сидит, да
 Виног(ы)радиё краснозеленоё!
 Да она шила-вышивала шириночку себе, да
 Виног(ы)радиё краснозеленоё!
 Да я бы ету красну девицу за праву руку взял, да
 Виног(ы)радиё краснозеленоё!
 Да я б за праву руку взял да я б закон(ы) Божий принял, да
 Виног(ы)радиё краснозеленоё!

Во дале, во дале, во другой стороне,
 Виноградье краснозелёное.¹⁶⁶
 Там стояла береза белокудрова,
 Белокудровая да белорусовая.
 Как по той белой березе бел полотняный шатер,
 Как во етом во шатре стоял столик дубовой.
 Как у етого стола да ножки тоценые,
 Ножки тоценые да подзолоченые.
 Как за етим за столом красна девица сидит.
 Она шила-вышивала шириноцку себе.
 Первой угол вышивала — сыру землю со лесами,
 Со темныма со лесама, со страшныма со зверяма.
 Второй угол вышивала — сине море со волнами,
 Сине море со волнами, со черныма кораблями.
 Третий угол вышивала — красно солнце с маревами.
 Четвертой угол вышивала — светел месяц со звездами.
 На середке вышивала церковь Божью со крестами,
 Со попами, со дьячками, со причетниками.
 Как бы был, кабы был я на той стороне,
 Я разбил, растоптал бел полотняной шатер,
 А уж ету я шириночку в карман положил,
 А уж ету красну девицу за праву руку взял,
 А за праву руку взял да я законной брак принял.

¹⁶⁵ Здесь приводится запись полного текста песни, сделанная тогда же, от тех же исполнителей. Рукоп. фонд КНМ МГК им. П. И. Чайковского. Инв. № 7, л. 3—3 об.

¹⁶⁶ Припев после каждой строки — *примеч. собирателя.*

Г. Н. ЩУПАК

ЛЮБОВЬ К НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

Вклад И. В. Ефремова в дело собирания и изучения музыкального фольклора Пермского края

«Хороши их песни! Звучные, красивые, содержательные, вся жизнь народа передана в них, как в ярких картинах».¹

И. В. Ефремов

«Собирание и изучение фольклора — дело моей жизни...» — этими словами открывается один из многочисленных газетных очерков И. В. Ефремова (1909—1982), посвященных народной песне и ее хранителям — жителям сел и деревень.

Наша публикация посвящена замечательному ленинградскому ученому-филологу, собирателю и пропагандисту фольклора Ивану Васильевичу Ефремову. Для нее отобраны лирические песни, записанные собирателем в ходе его поездок в Очёрский и Большесосновский районы Пермской области в 1969—1970-х гг. В настоящее время копии магнитофонных записей, выполненных И. В. Ефремовым, хранятся в фондах Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории.²

¹ *Ефремов И.* Любовь к народной песне // *Знамя труда* (г. Очёр). 1970. 11 авг., № 96.

² Коллекция звукозаписей, выполненных И. В. Ефремовым, состоит исключительно из образцов музыкального фольклора. И. В. Ефремову довелось работать с певческими коллективами различного состава. Особую ценность представляет ансамблевое исполнение, которое редко можно услышать в современной деревне. Часть входящих в экспедиционную коллекцию записей произведена от коллективов и отдельных участников художественной самодеятельности, что объясняется методикой работы и специальным научным интересом собирателя.

В середине 1970-х гг. И. В. Ефремов познакомил с прикамскими напевами членов Фольклорной секции Ленинградского отделения Союза композиторов.

Эти материалы представляют большую научную ценность на современном этапе развития этномузыкологии в связи с исследованием музыкальной стилистики пермского фольклора.

Характер материалов, собранных И. В. Ефремовым, обуславливает особое направление в их атрибуции и изучении, в рамках которого наиболее важным становится ретроспективный подход, связанный с обращением к наследию фольклористов-предшественников. В свое время Б. Н. Путилов определил значимость такого обращения, которое становится наиболее актуальным при современном состоянии традиции, не позволяющем осуществлять полноценных наблюдений. Состояние народно-певческих традиций в настоящее время требует от исследователей фольклора усиленного внимания и ответственного отношения к записям раннего времени. Особую ценность представляют архивные магнитофонные записи, выполненные в то время, когда собирателям удалось зафиксировать фольклорную музыкальную традицию в достаточно хорошем состоянии. При этом особенности фольклорных звукозаписей, отсутствие этнографических комментариев,

В конце 1970-х гг. (предположительно в 1979 г.) копии-монтажи данной коллекции были переданы в Лабораторию народного музыкального творчества Ленинградской государственной консерватории, где были учтены в составе основного аудиофонда. Копирование и монтаж записей, а также составление реестров к магнитофонным катушкам осуществлялись в 1970-х гг. сотрудниками Лаборатории народного музыкального творчества ЛОЛГК А. М. Мехнецовым, Е. И. Мельник (Якубовской). В 1991 г. записи И. В. Ефремова были переданы в фонд Фольклорно-этнографического центра СПбГК, где и хранятся в настоящее время, составляя коллекцию № 031 (ОАФ ФЭЦ № 833—843; журн. 23; всего 385 единиц записи). К сожалению, на магнитофонной пленке не зафиксировано каких-либо комментариев к песням. Собиратель, как правило, объявляет место записи, данные исполнителей, название песни (по первой строке) и, в некоторых случаях, ее жанр. Записи носят достаточно фрагментарный характер (объем записанных песен редко превышает 2—4 строфы); многие из них отличаются довольно низким качеством технического исполнения. В ходе предварительной систематизации материалов были уточнены паспортные данные большинства песенных образцов из коллекции И. В. Ефремова. При помощи косвенных источников были установлены имена исполнителей и их принадлежность к тому или иному населенному пункту. Этими источниками стали в первую очередь статьи самого собирателя в периодических печатных изданиях Пермской области, посвященные исполнителям народных песен, — жителям пермских деревень и участникам сельской самодеятельности.

Поистине счастливой находкой стали рукописные материалы И. В. Ефремова, обнаруженные среди неатрибутированных фондов Рукописного отдела ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в мае 2006 г. Основной массив данных материалов составляют черновики готовившейся И. В. Ефремовым публикации народных песен, записанных в Очёрском и Большесосновском районах Пермской области, а также статьи, отзывы, рецензии, переписка с Пермским домом народного творчества и Пермским книжным издательством по вопросам издания сборника. Главная ценность данных материалов — достаточно полная и точная паспортная запись к звуковым образцам, хранящимся в ФЭЦ, примечания собирателя к песням и, что наиболее важно, полные тексты песен, на фонограммах, представленных в ограниченном объеме звучания.

с одной стороны, заставляют проявлять осторожность в плане определения специфики местной традиции, с другой — предоставляют простор для научного поиска в установлении закономерностей исследуемых явлений.

Сегодня фигура И. В. Ефремова известна только очень узкому кругу фольклористов, преимущественно тех, кому пришлось общаться с ним в течение его жизни. Некоторые весьма разрозненные факты из биографии И. В. Ефремова нам удалось установить, работая с материалами, хранящимися в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский дом).³ В Рукописном отделе ИРЛИ РАН хранятся также письма Ивана Васильевича Ефремова, адресованные его тезке, другу и коллеге Ивану Васильевичу Зырянову.⁴ Письма эти вкпе с газетными статьями и другими публикациями И. В. Ефремова вскрывают перед нами весьма любопытные стороны исследовательских интересов ученого, среди которых достойное место занял и музыкальный фольклор Пермской области.

Первые попытки собирания фольклора И. В. Ефремов осуществил в 1935—1936 гг., когда записывал народные песни и частушки на своей родине — в д. Коробово Смоленской области.⁵ Интерес к фольклору Смоленщины не угасал и в последующие годы фольклористической деятельности И. В. Ефремова, о чем свидетельствуют его статьи. Как пишет сам исследователь, серьезно сбором фольклора он начал заниматься в 1939 г., после окончания института, когда работал преподавателем средней школы в Рязанской области. Осенью 1942 г., будучи участником боевых действий на Калининском фронте, И. В. Ефремов начал систематический сбор фольклора Великой Отечественной войны; ему пришлось воевать и на Западном фронте: в Белоруссии — под Оршей, а также на Смоленщине — под Ельней, где он продолжал записывать песни. О собирании образцов народного творчества на фронте Ефремов пишет: «За время войны, особенно во время военных походов, страсть к сбору фольклора у меня мало-помалу превратилась в привычку, а потом стала потребностью повседневной жизни. Где бы ни был, что бы ни делал, всегда со мною записная книжка, которая ежедневно пополнялась новыми песнями, частушками, пословицами, отражавшими многообразие нашего великого времени».⁶

³ Собрание И. В. Ефремова «Фольклор периода Великой Отечественной войны». РО ИРЛИ. Р. V, к. 201, оп. 1, ед. хр. 1.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 850. Архив И. В. Зырянова. Оп. 3., ед. хр. 24. (04.01.1971.— 01.01.1982.)

⁵ Сведения о месте рождения, а также годы жизни И. В. Ефремова подчерпнуты из биографической справки, составленной подругой жены ученого Г. П. Матвиевской. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

⁶ РО ИРЛИ. Р. V, к. 201, оп. 1, ед. хр. 1, л. 8 об.

В 1955 г. И. В. Ефремов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Послевоенная „Правда“ в борьбе за народность советской литературы (1945—1953 гг.)». ⁷ По оценке рецензентов, в данной диссертации вскрывается «проблема народной литературы как одна из главных проблем в эстетике социального реализма». ⁸

В сфере интересов И. В. Ефремова в разные годы находился фольклор Вологодской, Новгородской и Ленинградской областей. Так, в начале 1970-х гг. собиратель записал на Вологодчине свадебный обряд Чучковского и Воробьевского сельсоветов Сокольского района Вологодской области. Народно-песенной культуре Сокольского района Вологодской области он посвятил несколько газетных и журнальных статей, а также объемную публикацию материалов в сборнике «Вологодский фольклор. Народное творчество Сокольского района» (Вологда, 1975). В 1970—1971 гг. в составе фольклорных экспедиций Института русской литературы АН СССР И. В. Ефремовым были обследованы Быковский и Семьтинский сельсоветы Пестовского района Новгородской области, а также проведены записи фольклора в Ленинградской области. В этот же период состоялись его фольклористические поездки в Пермскую область в 1969—начале 1970-х гг.

Объединяющим началом экспедиционной деятельности И. В. Ефремова стал интерес к сохранению народной песни в сфере художественной самодеятельности. Еще во время войны он «приметил» основной способ, с помощью которого шло распространение фольклора на фронте — «через красноармейскую самодеятельность». ⁹ В связи с повышенным вниманием к самодеятельному творчеству формировались и взгляды, и сам характер его работы как собирателя, исследователя, пропагандиста фольклора. Зачастую первоначальным знакомством ученого с какой-либо региональной фольклорной традицией становились различного рода смотры самодеятельности и фольклорные праздники, на которых И. В. Ефремов вел культурно-просветительскую работу. Интерес к услышанным песням, увиденным обрядам вызывал у него желание более тщательно изучить фольклор определенной местности.

Собиратель считал метод сплошной записи «наиболее приемлемым и оправдавшим себя». ¹⁰ При записях он рекомендовал «уделять особое внимание творчеству участников художественной самодеятельности — наиболее яркому и квалифицированному

⁷ Ефремов И. В. Послевоенная «Правда» в борьбе за народность советской литературы. (1945—1953 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

⁸ РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

⁹ РО ИРЛИ. Р. V, к. 201, оп. 1, ед. хр. 1, л. 35.

¹⁰ Ефремов И. Новгородская встреча фольклористов // Новгородская правда. 1970. 29 дек., № 304.

творчеству миллионов».¹¹ Ефремов был глубоко убежден в том, что «фольклорист должен быть неустанным пропагандистом народного творчества: в экспедициях выступать в клубах среди населения, иметь постоянную связь со школами и учителями, организовывать в школах конкурсы на лучшее исполнение народных песен, показывать работу хоров народной песни и фольклорных коллективов, (...) устраивать праздники фольклора, вечера и праздники народной песни, чаще обмениваться выступлениями фольклорных коллективов в районах и областях».¹²

В контексте столь пристального внимания к художественной самодеятельности проявился интерес ученого и к личности одного из зачинателей народно-хорового дела в Пермской губернии А. Д. Городцову, с архивом которого И. В. Ефремову довелось работать в 1970-х гг.¹³ К 1977 г. рукопись книги «Подвижник народной культуры А. Д. Городцов» была завершена, и в декабре этого же года И. В. Зырянов составил о ней отзыв,¹⁴ в котором представил весьма жесткую критику исследования, назвав его априорным и бездоказательным. И. В. Зырянов упрекал коллегу в первую очередь в слабой научной аргументации исследования и малой опоре на достоверные факты. Автор отзыва не рекомендовал рукопись к печати, советуя Ефремову писать работу заново, основываясь на документальных материалах. Критика Зырянова была связана также и с неточностью географических названий в работе. Только шесть лет спустя книга И. В. Ефремова об А. Д. Городцове (вероятно, с соответствующими поправками) все же была опубликована в Пермском книжном издательстве.¹⁵

Представляется, что интерес Ефремова к деятельности А. Д. Городцова побудил его отправиться в самостоятельную поездку в Пермскую область и осуществить ряд магнитофонных записей. Для 1960—1980-х гг. использование магнитофона в экспедиции и последующее долговременное хранение этих записей было достаточно редким явлением. Магнитофонные записи давали более полное представление о народной песне, характере звучания, исполнительском стиле и т. д. и открывали новые перспективы публикации материалов. Известен, например, замысел И. В. Зырянова опубликовать сборник уральских хороводных песен с нотным приложением, однако так и не во-

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Архив А. Д. Городцова хранится в г. Перми, в Государственном архиве Пермской области. Часть документов, касающаяся деятельности А. Д. Городцова, хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН.

¹⁴ Отзыв И. В. Зырянова (машинопись) хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 850, оп. 1, ед. хр. 111, л. 1—4).

¹⁵ *Ефремов И. В. Подвижник народной культуры А. Д. Городцов*. Пермь, 1983. 104 с. (серия «Замечательные люди Прикамья»).

плотившийся в жизнь. Подобная же судьба постигла и рукопись сборника «Хороводные песни Пермской области», составленного И. В. Ефремовым совместно с А. М. Мехнецовым при участии Е. И. Мельник (Якубовской). Идея выпустить сборник песен Пермской области возникла у собирателя в середине 1970-х гг. В 1975 г. Ефремов пишет в письме к И. В. Зырянову: «Песни Очёрского и Большесосновского районов я подготовил к изданию. Отобрал я их 280 песен. Назвал я этот сборник „Прикамские напевы“¹⁶ и хочу издать их с нотами. Часть песен уже переложены на ноты, другие, большая часть, в процессе работы. (Делает очень занятый человек, очень медленно, но хорошо). (...) Мне очень хочется издать с напевами, т. к. напевы песен яркие и красивы. Это заметил и товарищ, который включился в работу над песнями (наш, ленинградский)».¹⁶ Эти строки свидетельствуют о том, что И. В. Ефремов прекрасно осознавал, какая «громкая сила воздействия этих песен заложена не только в содержании, но и в напеве».¹⁷ В 1970-е гг. была подготовлена только одна часть планируемого сборника, включающая в себя напевы и поэтические тексты хороводных песен, которые, к сожалению, пока еще не увидели свет.

Отчитываясь о результатах своих фольклористических поездок в Пермскую область, И. В. Ефремов проводил скрупулезный подсчет записанных им песен. Так выглядит его отчет в выпуске «Русского фольклора» за 1972 г.:

«Записано около 300 песен и свыше 400 частушек. 205 записей произведено на магнитофон. Из общего числа записанных песен 20 хороводных, 53 свадебные, 31 игровая, 65 лирических, 23 шуточные и плясовые, 9 солдатских (из них 4 казачьи), 15 романсов, 11 календарных и трудовых, 28 бытовых, 6 исторических, 1 песня рабочих, 4 о разбойниках и узниках, 4 о гражданской войне, 2 об Отечественной войне, 1 об империалистической войне, 5 патриотических песен, 5 песен своего сочинения».¹⁸ Несомненно, что собиратель дорожил буквально каждой песней, записанной от народных исполнителей, во всей полноте ощущая их непреходящую ценность.

Несмотря на большой интерес к условиям жизни народной песни в условиях современности, И. В. Ефремов уделял значительное внимание формам музыкального фольклора в его тра-

¹⁶ По всей видимости, И. В. Ефремов имеет в виду А. М. Мехнецова, который принял участие в разработке материалов коллекции И. В. Ефремова.

¹⁷ *Ефремов И. В.* Современное состояние народного творчества в Очёрском и Большесосновском районах Пермской области // Фольклор и литература Урала. Мат.-лы науч. конф. 18—22 мая 1971 г. / Отв. ред. И. В. Зырянов. Пермь, 1971. С. 66.

¹⁸ *Ефремов И. В.* Результаты экспедиций 1969 г. Пермская область // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 274—275.

диционном бытовании. Этим объясняется пафос его письменного обращения к И. В. Зырянову, в котором он выказывает свое уважение к коллеге, к общему делу собирателей-фольклористов. Так, в адрес И. В. Зырянова направлены следующие слова: «Желаю вам больших успехов в благородном и бескорыстном деле собирания народного творчества и пропаганды его! Это всегда было великим делом, во все времена. И все истинные патриоты собирали народное творчество. Сейчас это приобретает особое значение, так как мы живем в такое время, когда традиционное народное творчество сохраняется в памяти только престарелых людей и доживает свои последние десятилетия. Красивейшая величественная народная культура прошлого останется только в записях. Вот почему я с особым уважением отношусь к Вам и к Вам подобным».¹⁹

В сентябре 1975 г. И. В. Ефремов, представляя свой труд директору Пермского книжного издательства Ю. П. Ушакову, писал в одном из писем: «Пермские песни меня поразили своим музыкальным богатством, оригинальностью и красотой исполнения. Только в этих районах я услышал во всей красоте многоголосное исполнение песен в быту, запросто, в обычной обстановке. Это и хочется мне передать людям будущего, молодому поколению участников художественной самодеятельности. (...) Некоторые песни не блещут гражданственностью по содержанию, но блещут напевом, сильным и красивым. (...) Без них не была бы полной коллекция народной лирики Пермской области — так они значительны. Хочется мне сохранить многоголосное исполнение песен, которое сейчас очень редко и очень ценно, а в пермских песнях оно хорошо проявилось в целом ряде записей моих. Думаю, что значение этого музыкального литературного сборника будет больше, если он включит в себя все эти песни и напевы в одной книжке. И интерес к нему будет больше. Ценность и значение этого издания будет очень велико не только для Пермской области и даже не только в нашей республике. Такого обилия и многообразия напевов одной области никто никогда не издавал. По существу — это антология народной музыкальной культуры за много десятилетий и веков ее развития».²⁰

Записи прикамского музыкального фольклора, осуществленные И. В. Ефремовым, важны для нас тем, что они предоставляют возможность увидеть активно существующую в 1960—1970-е гг. песенную культуру Прикамья, включенную в традиционную систему бытования, вместе с тем претерпевающую сложный ряд из-

¹⁹ Письмо от 04.01.1971. Архив И. В. Зырянова. РО ИРЛИ. Ф. 850, оп. 3, ед. хр. 24, л. 1.

²⁰ РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

менений извне и сохраняющую при этом внутреннюю целостность и стиливое своеобразие.

Традиции народной культуры Пермского края тесно связаны с историей развития Уральского региона в целом, который в историческом процессе обеспечивал связи между Европейской частью России и Сибирью. Во многом формированию культурного облика Пермского края, специфики его фольклорных традиций способствовала этническая и социальная многосоставность населения, представленного выходцами из различных губерний России — как с Русского Севера, так и из центральных регионов России. Строительство на Урале заводов, развернувшееся в XVIII в., создание крупных промышленных центров в конце XIX в. неизменно требовали притока рабочей силы. Наконец, Урал долгие годы был местом политических ссылок и каторги.

Все эти факторы, безусловно, повлияли на облик фольклорных традиций Пермского края. Музыкальная стилистика рассматриваемых песенных форм свидетельствует о сложном взаимодействии этнокультурных процессов, протекавших на данной территории на протяжении нескольких столетий. Сложившиеся стиливые особенности фольклорной традиции представляют собой целостный конгломерат элементов, изначально возникших в различных культурных традициях в разные периоды формирования русской песенности.

Лирические песни занимают значительное положение в музыкально-песенной культуре Прикамья, обозначая один из ее наиболее представительных в стиливом отношении жанровых пластов. Область лирических песен тесно взаимосвязана с другими жанрами местной песенной традиции, что обусловлено целым рядом факторов, среди которых ведущее место принадлежит особенностям культурно-исторического развития региона. Немаловажным является и тот факт, что основной период формирования местных фольклорных традиций приходится на время расцвета традиционной крестьянской лирической песни. Наиболее показательной для Прикамья является область молодецких песен, музыкально-стиливые особенности которых определили своеобразие лирической песенности данной традиции. Несмотря на значительную долю в репертуаре женских и балладных по тематике песен, многие из них по музыкальному складу обнаруживают черты стиля, восходящие к мужской песенной лирике.

Особенности организации многоголосного склада и приемы голосоведения, свойственные напевам прикамской традиции, принадлежат к числу важнейших диалектно-стиливых характеристик. Именно фактурные закономерности являются наиболее выразительным и «узнаваемым» элементом музыкального стиля прикамской традиции. Яркой особенностью фактуры отдельных напевов является присутствие второго «яруса» звучания — мелодической

линии так называемого «тонкого голоса». Эта закономерность, на наш взгляд, в большой степени обусловлена генетическими взаимосвязями с севернорусскими и поволжскими традициями. Кроме того, для прикамской традиции характерно и однорегистровое «тонкое пение», проявляющееся в первую очередь как яркая исполнительская особенность, особое тембровое качество звучания, также характерное для ряда севернорусских песенных традиций.

И. В. Ефремов по-своему ощущал стиль прикамских лирических песен и стремился передать их своеобразие в своих высказываниях. Он глубоко проникся внутренней философской сущностью лирики. «В этих песнях нет безысходной тоски. Они мужественны»,²¹ — писал Ефремов. Богатство поэтических образов и характер отражения в них жизненной действительности, особенности исполнения песен в быту, свойство диалогичности, присущее песенной лирике, наконец, глубина и выразительность музыкального языка лирической песни — все это было полно прочувствовано И. В. Ефремовым и отражено им в характеристике лирических песен.

О лирических песнях собиратель писал: «Эти песни отличаются тем, что не связаны ни с обрядами, ни с играми, ни с каким определенным временем года. В них выражаются большие человеческие чувства, они являются разговором сердца, точнее сердец. Поются они всегда и везде: на беседах, посиделках, за работой, на людях и в одиночестве, где застало хорошее песенное настроение или злая грусть-тоска. Очень велико разнообразие этих песен. Но их роднит выражение больших человеческих чувств и переживаний, которые выражаются не только в словах, но и в напеве, берущем за душу, доходящем до глубины сердца. Этим и объясняется их популярность и долголетие, их большая эстетическая ценность. Они волнуют людей сегодня так же, как и много лет тому назад».²²

Согласно традиции, которая сложилась в науке, изучающей устное народно-поэтическое творчество, И. В. Ефремов выделял помимо лирических и бытовые песни. Последним он давал следующую характеристику: «Есть в некоторых из них элемент лирики, в которой отражена одна из существенных сторон повседневной жизни людей. Но этот элемент оттеснен на второй план в бытовых песнях. Отличаются эти песни и тем, что поются они преимущественно в быту, в повседневной жизни и чаще всего людьми зрелого и преклонного возраста, много видевшими, пережившими и передумавшими, а потому в этих песнях нет той солнечности, веселости, какая характеризует игровые, хоровод-

²¹ РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

²² В качестве цитат приводятся выдержки из замечаний И. В. Ефремова к материалам готовившегося им сборника «Прикамские напевы». РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

ные и лучшие лирические песни. В этих песнях сконцентрирован большой жизненный опыт людей». ²³

В настоящей публикации мы предлагаем вниманию читателей лишь небольшую часть из богатого песенного собрания И. В. Ефремова. Это песни, записанные собирателем в городе Очёре, поселке Павловском, деревнях Верещагино, Ромаши Очёрского района, а также в селе Петропавловском, деревнях Кленовке, Левино, Малые Кизели Большесосновского района Пермской области. Рукописи и газетные публикации собирателя донесли до нас высказывания об отдельных народных исполнителях, которым, необходимо отметить, И. В. Ефремов уделял самое пристальное внимание. Так, вспоминая о песенниках села Большая Соснова, исполнявших песню «Полюшко чистое турецкое» (см. № 1), он писал: «Они долго, строка за строкой, вспоминали, а я записывал старинную песню про солдат, ушедших на войну „с турком“»:

Полюшко чистое,
Ой, да мы когда тебя, поле, пройдем,
Когда, чистое, прокатимся,
Все бугры наши, дороженьки,
Все места наши прекрасные,
На том поле, на том широком
Мы сойдемся с неприятелем.

В этот вечер в доме Вдовиных долго звенела народная песня, то задорная и хлесткая — „Захотелось девчонке старичонка просмеять“, то раздольная — „На плоту было, плоточке, девка мыла чеботочки“, то опять полная удали и веселья...

Позже мне снова посчастливилось увидеться с этими милыми песенницами в доме гармониста Ивана Григорьевича Вахрушева. А свела меня туда А. А. Дерюшева, которая, ко всему прочему, и рассказчицей оказалась удивительной. Вспомнила она детство, своих отца и мать.

— Я еще была так мала, что по жнивью не могла ходить. Отец посадит меня на сноп и скажет: „Пой, Сашка!“ А сам пойдет жать. И я пою его любимые песни, а они с матерью жнут, слушают, улыбаются. Отожнут далеко, отец снова поднесет меня и снова на сноп посадит. А когда уморятся от работы, присядут на межу, и тогда я пою им что-нибудь тихое и ласковое. Отец говаривал, что поле наше, песнями сдобренное, хорошо родит. И сам он певец был. А уж песню любил...» ²⁴

Напеву песни «Как по Питерской-Московской по дорожке», записанной в д. Малые Кизели Большесосновского района (см.

²³ Там же.

²⁴ Ефремов И. Песня в наследство // Звезда (г. Пермь). 1976. 11 мая. № 111.

№ 3), И. В. Ефремов дал яркую характеристику в своих заметках к готовившейся им публикации «Прикамские напевы»: «Эта песня хорошо известна в Большесосновском и Очёрском районах, напев ее является классическим примером старой народно-песенной манеры исполнения протяжных песен, которая сохранилась только в этих местах и при исполнении очень немногих песен. Протяжный напев подчеркивает, словно это движется похоронная процессия, а не новобранцы вместе с провожающими родственниками».²⁵

Все представленные в публикации образцы записаны И. В. Ефремовым в Очёрском и Большесосновском районах Пермской области в 1969—1970-х гг. и расшифрованы с фонограмм Г. Н. Щупак.

Все записи хранятся в архиве Фольклорно-этнографического центра СПбГК. Четырехзначное число в номере фонограммы означает номер пленки по основному аудиофонду ФЭЦ (ОАФ), двузначное — порядковый номер записи на пленке.

В комментариях полные сведения об исполнителях приводятся только при первом упоминании о них.

В большинстве случаев поэтические тексты удалось восстановить по рукописным материалам к сборнику «Прикамские напевы» (РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова). По ходу публикации они приводятся вслед за расшифровкой фонограммы под литерой «а». В рукописных материалах И. В. Ефремова к сборнику встречаются также варианты поэтических текстов из других деревень — они приводятся под литерами «б» и «в».

Фольклорное наследие И. В. Ефремова постигла нелегкая судьба: фрагментарность, разбросанность материалов собирателя по различным архивам не дают пока возможности оценить в полной мере его вклад в становление отечественной фольклористики. Тем не менее ценность дошедших до нас записей имеет непреходящее значение.

²⁵ РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

126

♩=84

По - лю - шко чи - сто - ё ту - ре - цка - ё, ой, да
мы ко - гда те - бя, по - лё, прой - дём?
Ой, ко... ко - гда те - бя, по - лё, пройдем, ой, да
ко - гда чи - ста - я про - ка - - - ти - мся?

Полюшко чистоё турецкаё,
Ой, мы когда тебя, полё, пройдем,

Ой, ко... когда тибя, полё, пройдем,
Ой, да когда чистаё прокатимся,

Ой, когда чистоё прокатимся,
Ой, да всё бугры наши дарожиньки,

²⁶ Записано в 1969 г. в с. Большая Соснова Большесосновского р-на от Александры Александровны Дерюшевой (65 лет), Анастасии Андреевны Вдовиной (59 лет), Григория Андреевича Вахрушева (68 лет), Антонины Андреевны Вахрушевой (58 лет). Архив ФЭЦ, № ОАФ 841-14. Напев транспонирован на 1.5 тона вниз.

Ой, все-то бугры наши дарожиньки,
Ой, да все места наши прекрасныё,

Ой, все-то места наши прекрасные?
Ой, да на том поле, на том широком.

Ой, на том поле, на том широком,
Ой, да мы сойдёмся с неприятелём.

Ох, мы-та сойдёмся с неприятелём,
Ой, со такой ордой неверною.

Ох, со такой ордой неверною,
Ох, да со неверной, со турецкою.

Ой, со неверной, со турецкаю,
Ой, да наши турки напивались.

Ох, наши турки напивались,
Ой, да во хмелю да похвалялися.

Ох, во хмелю-ж то похвалялися,
Ой, да мы Россиюшку насквозь пройдем.

Ох, мы-та Россиюшку насквозь пройдем,
Ой, да царя белова в полон возьмём.

227

♩ = 84

По мо - рю бы - ло с по мо - рюш - ку

о - х(ы), по Хва - лын - ско - му, ой да

плы - ли толь - ко вы - плы - ва - ли жо

²⁷ Записано в июле 1970 г. в д. Верещагино Верещагинского с/с Очёрского р-на от Таисии Максимовны Носовой (71 год), Прасковьи Григорьевны Носковой (62 года). Архив ФЭЦ, № ОАФ 835-32.

ой, дак три - ста ка... ох, ка - раб - лей.

Плы - ли, вы-плы - ва - ли жо

ой, дак три - ста ка... ох, ка - раб - лей, о

три те ста бы - ло ка... ра - бли - чков

ой, дак дон - ских ка... ой, ка - за - ков.

Три - те ста ка - ра - бли - чков

ой, дак дон - ских ка... ой ка - за - ков ой дак

дон - ски ё на - ши ка... за - че - нки

ой дак за - по - ру... чён - ны - ё.

С-по морю было, с-по морюшку, ох(ы), по Хвалынскому,
Ой, да плыли, только, выплывали жо,
ой, дак триста ка... ох, караблей.

Плыли, выплывали жо, ой, да триста ка... ой, караблей,
Ох да, три-те ста было карабличков,
ой, дак донских ка... ой, казаков.

Три-те ста карабличков, ой, да донских ка... ой, казаков,
Ой, дак донскийе наши казаченки,
ой, дак запоручённые.

2a²⁸

С-по морю, морю синему,
С-по синему, по Хвалынскому
Плыли только, выплывали
Триста восемь кораблей.
Три-те ста было корабличков
Донских казаков,
Донские казаченьки
Запорожские.
Хороши наши ребятушки
Подневольные.
Провожала родна маменька,
Мать сыночка своего,
Спрашивала родна маменька
У сыночка своего:
«Будешь ли, не будешь ли
Через три года домой?»
— Буду ли, не буду ль я
Через двадцать девять лет.
«На что, мое родное дитятко,
Распрогневался?»
— Не дала мне, родна матушка,
С братом жеребий метать.

2b²⁹

По морю, по моречку,
Морю синему,
По синему было моречку,
По Хвалынскому

²⁸ Сведения о записи см. коммент. к № 2. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова. В примечании к тексту имеется комментарий собирателя: «В старые времена в солдаты шли по жребию».

²⁹ Записано в августе 1969 г. в г. Очёре от Марии Дмитриевны Сальниковой (59 лет). РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

Туго плыли, выплывали
Триста кораблей,
Три-те ста было корабликов
Донских казаков.

Донские были, заморские
Да запорожские.
Натягали тонки паруса
Да полотняные.

Натягали полотняные,
Да во поход пошли.
Во поход пошли наши ребятушки
Да во иную во землю.

Во иную во землюшку
Во турецкую.

330

$\text{♩} = 78$

По до - ро - жке... э - а,
ох, да ту - та шли - та, пра-шли сал - да - ты, ой, да ма - ла - ды (э - а) - ё.
Ма - ла - ды - е... э - а,
ой, да за (йе - мя - то и - (э) - дут ма - мо... ньки, от - цы род - ны (э - а) - ё.

³⁰ Записано в октябре 1969 г. в д. Малые Кизели Кленовского с/с Большесосновского р-на от Ксении Михайловны Матвеевой (60 лет), Кузнецовой Анны Федоровны (58 лет). Архив ФЭЦ, № ОАФ 840-09.

Ой, род - ны - е... э - о а,

ох, да за (й)е - мя - то и - (э)дут жё - ны, жё - ны мо - ло - ды - (э - а) - ё.

Ма - ла - ды - (а - й) - е... э - а,
...ки всё за на - (э - а) - ми.

ох, да не (й)у - гна... тса вам, ма - ма - шень... ки да всё за на - ми.

По дорожке...

Э-а-ой, да тута шли-та, прашли салдаты, ой, да малады(э-а)ё.

Маладые...

Э-а-ой, да за (й)емя-то идут мамо... ньки, отцы родныё.

Ой, родные...

Э-а-ой, да за (й)емя-то идут жёны, жёны молодые.

Маладые,

Э-а-ох, да не (й)угна... тса вам, мамашень... ки да всё за нами.

Ой, за нами...

Э-а-ой, да не наполнить мать сыру землю да всё слезами.

Ой, слезами...

Э-а-ой, да не наполнить синё морё, ой, да горячими.

Горячими...

Э-а-ой, да горячи... мя, горячими, только п(ы)лакучимя.

3а³¹

Вдоль по Питерской-Московской по дорожке,
Туто шли, прошли солдаты молодые,
За ния-то едут матери, отцы родные,
За отцами идут жены молодые,
За женами идут сестренки родные.
Сколь вам знаться, расставаться,
Не смочить вам сыру землюшку слезами
Не заполнить сине море горючими.
Не ясен сокол по воздуху летает,
Молодой солдат с квартиры съезжает.

3б³²

По Питерской дорожке,
Ой, да туто шли-то, прошли солдаты молодья,
Ох, да молодые.
Э-ой, да за солдатами идут, только едут мате... матери родные,
За матушкам идут жены молодья.
Ой, они едут, едут, слезно плачут,
Во слезах пути-дороженьки не видят.
«Не бывать вам, матушки, за нами,
Не улить вам мать-сыру землю да слезами,
Не наполнить сине море да горючими.
Не ясен соколичек на воздухе летает,
Ни отец, ни мать сыночка провожают,
Провожают красныя девицы.
«Вам-то девки, вам-то красны, бел денечек,
А мне-то солдатке, темна ночка.
Всю я ноченьку молоденька не спала.
У колыбельной у кроваточки простояла.
Спи, мой младенец, спи мой прекрасный,
Баюшки-баю в колыбель твою».

³¹ Сведения о месте и времени записи см. коммент. к № 3. Записано от А. Ф. Кузнецовой и К. М. Матвеевой.

В примечании к тексту имеются комментарии собирателя: «Песня пелась, когда провожали солдат. <...> Песня известна старшему поколению жителей Очёрского и Большесосновского районов. Напев ее является образцом старой народно-песенной традиции исполнения протяжных песен, сохранившихся только в этих местах и при исполнении очень немногих песен. Протяжный напев подчеркивает, словно это движется похоронная процессия, а не новобранцы вместе с провожающими родственниками». РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

³² Сведения об исполнителях, месте и времени записи данного текста в рукописных материалах к сборнику отсутствуют. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

Ой, да как по Питерской было Московской по дороженьке,
 По дорожке,
 Ой, да тудо шли-прошли солдаты молодые,
 Ой, да молодые.
 Ой, да за имя-то едут матери-отцы родные,
 Ой, да родные.
 Ой, да они едут, они едут, слезно плачут,
 Ой, слезно плачут.
 Во слезах пути-дороженьки не видят,
 Ой, не видят,
 Во рыданьице словечушка не молвят,
 Ой, не молвят.
 Что промолвили солдаты молодые,
 Ой, молодые:
 «Вы не плачьте, наши мамоньки родные,
 Ой, родные.
 Не уйти вам по белу свету за нами,
 Ой, за нами,
 Не смочить вам мать-сыру землю слезами,
 Ой, слезами,
 Не наполнить сине море горячими,
 Ой, горячими,
 Горячими, горячими, плакучими,
 Ой, плакучими.
 Еще смочит мать-сыру землю дождями,
 Ой, дождями,
 Наполнит сине море да реками,
 Ой, реками.

4³⁴

$\text{♩} = 80$

мо - я да ра - ди...

Ма(й)... ма - монь - ка мо - я ли да ра - ди - (а - э) - ма,

э - (а) - ой, да па - што на(й)... па - што на...

³³ Сведения об исполнителях, месте и времени записи данного текста в рукописных материалах к сборнику отсутствуют. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

³⁴ Сведения о записи см. коммент. к № 3. Архив ФЭЦ, № ОАФ 840-17.

на го - рё
эй, на га - ря ме-ня ли да ра - ди... ой ра-ди - (я) - ла.

На што на(й)... ой, на га - ря ме-ня да ра - ди... ди - ла,

э - (а)-ой, да где ра - ди(й)... где ра - ди - (я)... эй,

эй, где ра-ди-ла, толь - ко ме-ня за-ра-зи(й)...за-ра-зи - ла.

Ма(й)... ох, мамонька моя ли да радима,
Э-а-ой, да пашто на(й)... пашто на...
Эй, на горё³⁵ меня ли да ради... ой, радила.

На што на... ой, на горё меня да ради... дила,
Э-ой, да где ради(й)... где ради(я)... эй,
Ой, где радила, только меня зарази(й)... заразила.³⁶

4а³⁷

Мамонька родимая,
Зачем на горе меня солдатом родила,
Где родила, тут и заразила,
На белой-то свет не пустила.
На белом-то светочке было несчастье,
Поголовное было солдатство.
Я солдатства, братцы, не боюся,
Пойду к миру, низко поклонюся:

³⁵ Здесь и при повторе в одном из голосов звучит: «на горя».

³⁶ Согласно толкованию, приведенному В. И. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка», слово «заразить»/«заражать» в его старинном употреблении соответствовало значению «поражать, убивать, разить на смерть». См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2003. Т. 1. С. 626.

³⁷ Сведения о записи см. коммент. к № 3а. В примечании к данному тексту имеется комментарий собирателя: «Песня пелась, когда провожали солдат». РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

«Посоветуйте, братцы-миряне,
 Нам кого теперь отдать в солдаты?
 Отдадим вдовы сына Ивана,
 Про Иванушка была худая слава».

538

$\text{♩} = 66$

Ты раз - вей - ся - ко, сы - ре - ни(и) - ко - й(и) да ду - бо(а - о) - чик,
 ох, да зав - тра у нас мо - роз бу - (а - у) - дёт. (о).
 Ох, мо - роз бу - дёт,
 ох, я мо - ро(а - о) - зич - ку, о - х(ы), не бо - ю(о - у) - ся,
 ох, да во по - ход - та со - бе - ру - (а - у) - ся.
 Во по - ход себе - ру - ся,
 ох, со - би - ра[л] - ся - (ко), ох(ы), от - прав - ля - л(ы) - са,

³⁸ Записано в п. Павловский Очёрского р-на от Ирины Архиповны Басалгиной (68 лет), Анны Ивановны Савиной (62 года), Ираиды Михайловны Таракановой (53 года). Архив ФЭЦ, № ОАФ 843-09.

Ты развейся-ко, сырен(и)кой да дубочик,
Ох, да завтра у нас мороз будёт.

Ох, мороз будёт...
Ох, я морозичку, ох(ы), не боюся,
Ох, да во поход-та соберуся.

Во поход сберуся...
Ох, собира[л]ся-ко, ох(ы), отправляя(ы)са,
Ох(ы), со всемя людьми прощалса.

6³⁹

♩ = 76

Ой, да с кем хо - ди - ла, с кем о... на ли да гу - ля ла,
а-ей, да су-да - ру - (а - у)ш-ка мо - я лю...ой, лю-бе - зна.
О-х(ы),лю-бе-зна,

не за то ли ме - ня, (и)до - бро-ва мо... ох, мо - лод - ца,
ме - ня ли да ве - зут.
а-ой, да во сол - да - ту - шки ме - ня да ве - зут.

³⁹ Сведения о записи см. коммент. к №5. Архив ФЭЦ, № ОАФ 843-08.

Ой, да с кем ходила, с кем она ли да гуляла,
А-ей, да сударушка моя лю... ой, любезна.

Ох(ы), любезна...
Не за то ли меня, (и)добрава мо... ох, молодца,
А-ой, да во солдатушки меня ли да везут.

ба⁴⁰

Ой, да с кем ходила,
С кем она ль да гуляла
Сударушка моя любезна.

Ох, любезна...
Не за то ли меня, (и)добрého молодца,
Ой, да во солдатушки ли то меня везут.

7⁴¹

♩ = 84

Не ко - куй - ко ты, мо - я ко - ку - шка, да

Не го... рюй - ко ты, мо - я ре - ба - я.

⁴⁰ Сведения об исполнителях, месте и времени записи текста в рукописных материалах к сборнику отсутствуют. Текст записан на отдельном листе, находящемся за пределами сборника (вероятно, изъят автором). Ниже надпись карандашом чужим почерком: «Зачем давать такие тексты? Это уже какое-то искаженное эхо подлинного текста». РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

⁴¹ Записано в 1969 г. в г. Очѣре Очѣрского р-на от от Ивана Павловича Вахрушева (81 год), Анны Васильевны Бушуевой (61 год), Евлампии Васильевны Бушуевой (63 года). Архив ФЭЦ, № ОАФ 839-14.

Не го - рюй - ко ты, мо - я ре - ба - я, да

Во сы... ром - то во(й)... во бо - ро - чке.

Во сы - ром - то во бо - ро - чке, да

На су... хом - то на... на пе - нё - чке.

Не кокуй-ко ты, моя кокушка,
Да не го...рюй-ко ты, моя ребая.

Не горюй-ко ты, моя ребая,
Да во сы...ром-то во(й)... во борочке.

Во сыром-то во борочке,
Да на су...хом-то на... на пенёчке.

7a⁴²

Не кукуй-ка ты, моя кукушечка,
Не горюй-ка ты, моя рябая,
Во сыром-то темном борочке.

⁴² Сведения о месте и времени записи см. коммент. к № 7. Зап. от И. П. Вахрушева и А. В. Бушуевой.

Во сыром-то темном во борочке
На сухом-то на пенечке,
На малиновом кусточке.

Не пой тонко, не пой звонко,
Не давай солдатакам скуки.

Без того солдатам скучно,
Без того бедняжкам бедно.

Зимой частые ли то походы,
Все крещенские ли да морозы.

Во сапожках ножки зябнут,
От ружейца ручки щиплет.

Ты не плачь, моя ли да мамаша,
Я скоро домой да вернуся,

Через двадцать пять годочков
Прилечу я соколочком,
Сяду в сад перед окошком
Да запою я звонко громко.

843

♩=110

Мо - ло - дос[т]ь ли ты мо - я,

ой, да мо - я мо - ло - де(и)...

мо - ло - де - ца - я,

⁴³ Записано в 1969 г. в г. Очёре Очёрского р-на от Ивана Павловича Вахрушева (81 год), Марии Дмитриевны Сальниковой (58 лет), Агнии Дмитриевны Бурдиной (63 года). Архив ФЭЦ, № ОАФ 840-07.

мо... ох, мо - я толь - ко мо - ло - де...

ой, да, мо - ло - де - цка - я.

Ко - гда мо... ох, мо - ло - дос[т]ь да ты про - шла,

ой, да про - шла - про - ка - ти...

про - ка - ти - ла - ся,

про - шла толь - ко про - ка - ти...

ай, да про - ка - ти - ла - ся.

Молодос[т]ь ли ты моя,
Ой, да моя молоде(й)... молодецкая,
Мо... ох, моя только молоде... ай, да молодецкая.

Когда мо... ох, молодос[т]ь да ты прошла,
Ой, да прошла-прокати... прокатилася,
Прошла, только прокати... ай, да прокатилася.

♩=60

Го - луб си - зинь - кий,
вор - ку - но... (о) - чик
си - зой вор - ку - но - чик,
ой, да-к(ы), ты - то за - че... за - чем, го - луб,
в го - сти
в го - сти не ле - та... не ле - та - ёшь?
♩=84
Ты за - чем, го - луб,
♩=60
в го - сти не ле - та - ёшь,
раз - ве
ой, да ра(й)... раз-ве до... раз-ве до - ми чка
мо - е - во , не зна... вот не зна - ёшь?

⁴⁴ Записано в июле 1970 г. в д. Ромаша Верещагинского с/с Очёрского р-на от Екатерины Ивановны Пирожковой (64 года), Ираиды Михайловны Таракановой (53 года). Архив ФЭЦ, № ОАФ 836-12.

♩ = 72

Ра - зве до - ми - чка

♩ = 66

мо - е - во не зна... (а) - ёшь,

ой, да-к(ы) го(й)... го - ло - со... го - ло - со - чи - ка

мо - е - во не слы... вот не слы - шишь?

Голубь сизынький, си` зай воркуночик,
 Ой, дак(ы), ты-то заче... зачем, голубь,
 в гости не лета... не летаёшь?

Ты зачем, голубь, в гости не летаёшь,
 Ой, да разве до... разве домичка
 моиво не зна... вот не знаёшь?

Разве домичка моиво не зна... (а)ёшь,
 Ой, дак(ы) го(й)... голосо... голосочика
 моиво не слы... вот, не слышишь?

9а⁴⁵

Голубь сизенький, сизый воркуночек,
 Ой, да ты зачем, зачем, голубь,
 В гости не лета... не летаешь.

Ты зачем, голубь, в гости не летаешь,
 Разве домичку моего не знаешь?
 Разве домичку моего не знаешь,
 Ой, да голосочика моего не слы...
 Вот не слышишь.

⁴⁵ Сведения об исполнителях, месте и времени записи текста в рукописных материалах к сборнику отсутствуют. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

Голосочку моего не слышишь,
 Разве мой голос ветерком относит?
 Вот относит.
 Крылышки твои дождём мочит,
 Разсизенькие насквозь проливает,
 Частым дождичком разосенним мочит.
 Что не ласточка во поле летала,
 Не касаточка к земле припадала,
 Мне про милого весточку сказала.

96⁴⁶

Голубочек, ой, да голубь сизенький,
 Сизенький только воркуночек.
 Ой, да воркуночек, ты зачем, ты зачем, голубь,
 Ой, да в гости ко мне не лета, не летаешь,
 Не летаешь, ой, да разве до, домичку моего
 Только не зна, вот не знаешь.
 Вот не знаешь, ой, да голосочку,
 Ой, да моего не слышишь.
 Голосочек мой ветерочиком относит,
 Чисты крылышки частым дождём мочит,
 Рассизенькие насквозь проливает.

10⁴⁷

♩ = 66

Ох, но-чки тёмн-ё, да но-чки тём...

♩ = 72

ой, но-чки тём - мны - ё, тём - мны,

⁴⁶ Сведения об исполнителях, месте и времени записи текста в рукописных материалах к сборнику отсутствуют. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

⁴⁷ Сведения о записи см. коммент. к № 8. Архив ФЭЦ, № ОАФ 840-08.

тё - мны ро - зо - сё - (а)... ой, да

ро - зо - сён - ны - ё... ой,

ро - зо... сё(й)... о - сён - ны - ё.

Ох, ро - зо - сён - ны; ё, да на - до - е...

ой, да на - до - е - ли
ой, на - до - е - ли жо но - чки,

но - чки на - до - ску... ой, да

на - до - ску - чи - ли, ой,

на - до... ску(й)... до-ску - чи - ли.

Ох, на-до-ску-чи-ли да нас со ми...

ой, нас со ми - лись - ким дру...

же - чи-ком роз - лу... ой, да

нас роз лу - чи - ли, ой,

нас ро... злу(й)... роз - лу - чи - ли.

Ох, ночки тёмныё...
 Да ночки тё... ой, ночки тёмныё, тёмны, тёмны розосё...
 Ой, да розосённыё, ой, розо...сё(й)... осённыё.

Ох, розосённыё...
 Да надое... ой, да надоели жо ночки, ночки надоску...
 Ой, да надоскучили, ой, надо...ску(й)... доску`чили.

Ох, надоскучили...
 Да нас со ми... ой, нас со милюнким дружечиком розлу...
 Ой, да нас розлучили, ой, нас ро...злу(й)... розлучили.

Ох, нас розлучили...
 Да розлучи... ой, розлучила жо нас с милым дружком нево...
 Ой, да нас неволюшка, ой, нас не...во(й)... неволюшка

11⁴⁸

По до - ро - жке Тань-ка шла,

ой, да на о - ко - шко где... ой, да где - де - ла.

Ой, где - де - ла, да гна - ла-де, гна...

⁴⁸ Записано в августе 1969 г. в с. Петропавловское Петропавловского с/с Большесосновского р-на от Феклы Ивановны Жужговой (59 лет). Архив ФЭЦ, № ОАФ 834-20. Напев транспонирован на 2 тона вверх.

$\bullet = 90$

гна - ла де, гна - ла Та - ню - ше... (э) - не - чка г(ы) - на...

ой, да г(ы) - на - ла ста - до ле... ой, дак ле - бе - дей.

$\bullet = 120$

Ох, ле - бе - дей, да всем - то ле - бе(й)...

$\bullet = 96$

все - м(ы) - то ле - бе - душкам по па... (а) - ро - чке есть,

о - х(ы), мне ле - бе - дке па... о - х(ы), па - ры нет.

Па дарожке Танька шла,
Ой, да на окошка гле... ой, да гледела.

Ой, гледела...
Да гнала - де, гна... гнала де, гнала Танюше... (э)нечка,
Г(ы)на... ой, да г(ы)нала стадо ле... ой, дак лебедей.

Ох, лебедей...
Да всем - то лебе(й)... всем(ы) - то лебедушкам по па... (а)рочке есть,
Ох(ы), мне лебедке па... ох(ы), пары нет.

12⁴⁹

♩=132

У - ни - ма - ла друж - ка ноч - ку на - че - вать:

- Ой, да ты на... чу - (ой) - ка, дру - же - чок лю - без - ной,

ой, да на - чуй но - (а)ч - ку (й)у... ой, да (й)у ми - ня.

На - чуй ноч - ку (й)у ми - ня.

- Ох, я бы рад бы ноч - ку на - че - ва... ой, на - че - вать,

ой, дак бо - юсь, до све - ту, ой, бо - юсь, про - сплю.

Бо - юсь, до све - ту про - сплю.

- Ох, ты - то не... бой - ся, дру - же - чок лю - без - ной,

ой, да я за - бо - ту со... ой, дак со - дер - жу.

⁴⁹ Записано в п. Павловский Очёрского р-на от Александры Егоровны Плотниковой (63 года), Марии Георгиевны Кремлевой (68 лет), Анны Ивановны Савиной (62 года). Архив ФЭЦ, № ОАФ 842-34.

Я за - бо - ту, друж-ка, со-дер - жу,
 ой, што за... бо - ту, друж - ка, со - дер - жу, со - дер - жу,
 ой, дак я по - рань - ше ра... ой, да раз - бу - жу.

Унимала дружка ночку начевать,
 Ой, да ты на... чуй-ка, дружечёк любезной,
 Ой, да начуй ночку (й)у... ой, да (й)у миня.

Начуй ночку (й)у миня...
 Ох, я бы рад бы ночку начева... ой, начевать,
 Ой, дак боюсь до свету, ой, боюсь, просплю.

Боюсь, до свету просплю...
 Ох, ты-то не бойся, дружечёк любезной,
 Ой, да я заботу со... ой, дак содержу.

Я заботу, дружка, содержу...
 Ой, што за... боту, дружка, содержу, ой, содер(ы)жу,
 Ой, да я пораньше ра... ай, да разбуджу.

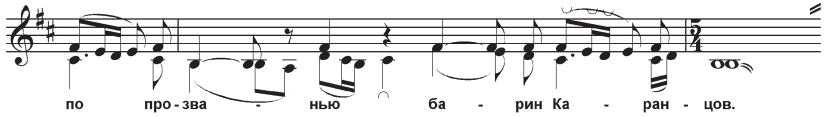
13⁵⁰

На-верь - ху бы-ло кру-той го - ре
 ой, дак зна-ме - ни - тай - ат был та - кой-от да бо - я(й)... да

⁵⁰ Сведения о записи см. коммент. к № 3. Архив ФЭЦ, № ОАФ 840-19.

вот бо - я - рин

по про - зва нью ба - рин Ка - ран - цов.

По про - звань - ю ба - рин Ка - ран - цов да

не во те(й)... (й)е - ри - ме бы - ло - от во вы - со(й)... да

вот вы - со - ком

слав - на - я пта - шеч - ка си - дит вза - пер - ти.

Наверху было крутой горе,
Ой, да знаменитай-ат был такой-от да боя(й)... да вот боярин,
По прозванью барин Каранцов.

По прозванью барин Каранцов,
Да не во те(й)... (й)ериме было-от во висо(й)... да вот высококом,
Славная пташечка сидит взаперти.

13a⁵¹

На верху было крутой горы,
 Знаменитый жил там боярин,
 По прозванью бара Каранцов.
 А во тереме было высоком,
 Словно пташка сидит взаперти,
 Сиротинушка сидит она Любашенька,
 Призадумавшись, сидит она.
 Она горьки слезы ронит,
 Как с потока сильный громкий дождь.
 Сидит, смотрит в ту сторонку,
 Где мой миленький живет.
 Живет он, дружок, за речкой,
 За Дунаем, скажем, за рекой.
 Он женился на второй,
 Он женился, да разженился,
 Ста четыре издержал,
 Не по мысли жену взял.

14⁵²

♩ = 78

Уж ты, Са - шенька - раз - ла - пуш - ка мо - я,

Да сыз - ма - лё - шень - ка, ой, ба - сё - хонь - ко рос - ла.

Сыз - ма - лё - шень - ка ба - сё - хонь - ко рос - ла,

⁵¹ Записано в октябре 1969 г. в д. Малые Кизели Кленовского с/с Больше-сосновского р-на от А. Ф. Кузнецовой. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

⁵² Сведения о записи см. коммент. к № 8. Архив ФЭЦ, № ОАФ 839-16.

кра - са - ви - ца бы - ла.

Да все - му го - ро - ду, ох, кра - са - ви - ца о - на бы - ла.

Все - му го - ро - ду кра - са - ви - ца бы - ла,

О - на не слу - ша - ла - ся, ай, не ма - те - ри, не от - ца.

Уж ты, Сашенька-розлапушка моя,
Да сызмалёшенька, ой, басёхонько росла.

Сызмалёшенька басёхонько росла,
Да всему городу, ох, красавица она была.

Всему городу, ох, красавица была,
Она не слушалась, ай, не матери, не отца.

14a⁵³

Ох ты, Сашенька, разлапушка моя,
С измалёшенько басёшенька росла,
Всему городу красавица была.
Она не слушала ни матери, ни отца,
Не глядела ни на братьев, на сестёр.
Поглядела на чужие на умы,
Со чужих умов на ласковы слова.
Не любила холосту дрянь молодёжь,
Полубила женатого бравого.
А у женатого зубатая жена.
Где мы сойдемся, журить, бранит меня,
При добрых людях соперницей зовёт.
Ты соперница, разлучница моя,
Разлучила с молодым мужем меня,
Не дала нам тепло гнездышко совить,
Не дала нам малых детонек вскормить.

⁵³ Сведения об исполнителях, месте и времени записи текста в рукописных материалах к сборнику отсутствуют. РО ИРЛИ. Р. В. Архив И. В. Ефремова.

$\text{♩} = 84$

Ко - ку - ёт ко - ку - ше - чка во сы - ром о - на бо - ру

(и)эй, го - рю - ёт - т(ы) - то дев - чо - но - чка

да видь в зе... ой, в зе - ле - ном о - на ли ну са - ду.

Го - рю - ёт дев - чо - но - чка да ведь в зе - ле - ном о - на в са - ду

эй, гру - дью не здо - ро... (о) - ва - (и)я

да са... ой, сэ(ы - а)ма чуть о - на ли ну жи - ва.

Грудь - ю не здо - ро - ва - я да сэ - (а) - ма чуть о - на жи - ва (э)

(и)эй, го... во - ри - ла ба - - тю - шке

да за ой, зэ - (а) - пре - ги - ко мне ко - ня.

⁵⁴ Записано в 1969 г. в д. Левино Левинского с/с Большесосновского р-на от Евдокии Федоровны Серебряковой (63 года). Архив ФЭЦ, № ОАФ 833-21.

Кокуёт кокушечка во сыром она бору,
Эй, горюёт(ы)-то девчоночка да видь в зе...
ой, в зеленом она ли ну саду.

Горюёт девчоночка да ведь в зеленом она в саду,
Эй, грудью не здоровая да са...
ой, сама чуть она ли ну жива.

Грудью не здоровая да сама чуть она жива,
Эй, говорила батюшке: да за...
ой, запреги-ко мне коня.

15a⁵⁵

Кукует кукушечка во темном лесу,
Гуляет девчоночка в зеленом саду.

Грудью нездоровая, сама чуть она жива,
Молвила словечушко тятеньке она в глаза:

Тятенька родименький, запряги коня,
Коника воронова съездить до села.
До села Дубровушки, привези попа.

Поп живет за реченькой, дьякон за второй,
Повадился к Маничке фельдшер молодой.

15b⁵⁶

Кукует кукушечка во сыром она бору,
Горюет наша горюшечка в зеленом саду.
Ездил-гулял добрый молодец
На своем добром коне,
Он сронил с руки перчаточку
Белолайковую,
Шелковую мелку плеточку
Ее дома позабыл.
Вы постойте-ка, добры молодцы,
Я назад-то ворочусь,
С родной мамонькой прошусь.

⁵⁵ Записано в октябре 1969 г. в д. Кленовке Кленовского с/с Большесосновского р-на. Текст записан на отдельном листе, находящемся за пределами сборника (вероятно, изъят автором). РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

⁵⁶ Сведения об исполнителях, месте и времени записи данного текста в рукописных материалах к сборнику отсутствуют. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

—Ты прощай-ка, родна мамонька,
 Прощай сына своего.
 Остается родима мамонька
 Она плакать-горевать,
 Остаются братцы-соколы
 Черну пашенку пахать,
 Остаются сестры-голубушки
 Они по рыночкам гулять.

16⁵⁷

♩ = 84

Ой, дев-чи - но - чка глу - па - я,

ой, да по - лю - би - ла,

ой, маль-чу - же... ой, маль-чу-же - чка бра - во - ва.

Ох, по - лю - би - ла,

⁵⁷ Сведения о записи см. коммент. к № 8. Архив ФЭЦ, № ОАФ 839-21.

ой, мальчу - же(й)... ой, мальчу - же - чка бра - во - ва, о -

ой, да бра - ла дру - жка
бра - ла

ой, за ру - че... ой, за ручень - ку пра - ву - ю.

Ой, девчиночка глупая,
Ой, да полюбила, ой, мальчуже... ой, мальчужечка бравова.

Ох, полюбила, ой, мальчуже... ой, мальчужечка бравова,
Ой, да брала дружка ой, за руче... ой, за рученьку правую.

17⁵⁸

Ой, да кто по - ве - рит мо... ой, мо - ей ску ке, да
ми... ох, да мил по - ту - жит,

58 Сведения о записи см. коммент. к № 8. Архив ФЭЦ, № ОАФ 840-06.

ой, да о - бо мне.

Ох, о - бо мне,

ми - лой ту - жит, ту - жит и го - рю ёт, да

ох, да об у - да - (э) - лой

го... ох, да го - ло - ве.

Ой, да кто поверит мо... ой, моёй скуке, да
Ми... ох, да мил поту... (у)жит, ой, да обо мне.

Ох, обо мне...
Милой тужит, тужит и горюёт, да
Ох, да об удалой го... ох, да голове.

18⁵⁹

За - кле - та - я - та сто - ро - нуш - ка у нас, здесь тра - вонь - ка не рос - тёт.

Зде - ся тра - во - н(и) - ка о - на ж, о - на не ро... ох, не ро - стёт,

⁵⁹ Записано в октябре 1969 г. в д. Кленовке Кленовского с/с Большесосновского р-на от Ирины Степановны Дробининой (60 лет), Анны Степановны Калашниковой (57 лет). Архив ФЭЦ, № ОАФ 840-38.

ой, дак му - ра - ва - я в по - ле не(й)... не цве - тёт.

Му - ра - ва - я в по - ле не цве - тёт,

на лис - точ - ках бы - ло на пру - то... (э - а)ч - ках,

ой, дак мел - ки пта - шеч - ки с го - ря не(й)... не по - ют.

Заклетая-та сторонушка у нас,
Здесь травонька не растёт,
Здесь травонька она, она не ро... ох, не растёт,
Ой, дак муравая в поле не(й)... не цветёт.

Муравая в поле не цветёт...
На листочках было на(й)... на пруто... на пруточках,
Ой, да мелки пташечки с горя не(й)... не поют.

18a⁶⁰

Заклятая сторонушка у нас,
Здесь травонька не растёт,
Здесь травонька не растёт,
Муровая в поле не цветет.

Муровая в поле не цветет,
На листочках, было на пруточках,
Ой, да мелки пташечки с горя не поют.

⁶⁰ Записано в октябре 1969 г. в д. Кленовке Кленовского с/с Большесосновского р-на. Сведения об исполнителях в рукописных материалах к сборнику не указаны. РО ИРЛИ. Р. V. Архив И. В. Ефремова.

Ой, да мелки пташечки с горя не поют.
Отчего так пташечки не пели,
Скучно было, горько сироте.

Мне еще того было горче:
От мила дружечка не отстать.

Чуть заснула, вздохнула,
Дружка видела во сне.

Нво сне ли, наяву ли,
Милый в гостечки пришел.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

М. Н. ВЛАСОВА

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ» И НЕКОТОРЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ СУЕВЕРИЯ XVIII—XIX вв.

(По материалам прозаического фольклора)

Одно из обликов Петербурга, таящееся за официально-блестящим, стройно-величественным фасадом, — туманно, сумрачно, изобилует призрачными видениями.

Подобный взгляд на затерянную среди болот и туманов, проклятую еще при начале строительства северную столицу России распространен. Он отражен и в многочисленных слухах, мифологических повествованиях, толкованиях снов и в литературных произведениях.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что значительная часть ставших расхожими «демонических» сюжетов, образов, поверий (в особенности относящихся к XVIII—XIX вв.) сочинена по известным полуфольклорным-полулитературным клише. Таковы, например, легенды о «колокольных привидениях», о призраках Павла I, двойниках императриц, ряд других.

Петербургские бытописатели, литераторы, краеведы опирались в своем творчестве на городскую фольклорную традицию, но о самой этой традиции в ее непосредственном бытовании мы знаем сравнительно мало. В отличие от крестьянских верований и фольклора поверья и — шире — менталитет российских горожан так и не привлекли серьезного внимания собирателей и исследователей вплоть до революции 1917 г., после которой вся подобная тематика оказалась под запретом и как бы «несуществующей». Начиная с 90-х гг. XX в., вслед за отменой диктуемых идеологией ограничений, публикации, посвященные демонологии, мифологии

Петербурга, лавинообразно хлынули на читателей. Однако далеко не все они научны, тем более — основаны на систематическом (выходящем за рамки архивов и библиотек) собирании «живых» записей современного фольклора горожан. Собственно говоря, систематическим и системным (т. е. многолетним, охватывающим разные жанры, формы бытования) изучением петербургского фольклора до сих пор никто не занимается. Поэтому любые экскурсии на темы мифологии или демонологии Петербурга могут быть лишь весьма приблизительными.

Прежде всего подчеркнем, что комплекс петербургских суеверий (отраженных в поверьях, обычаях, прозаических повествованиях) неоднoplanов: един, но и вариативен, не вполне одинаков для разных групп населения; устойчив в основных чертах — и в то же время изменяем на протяжении столетий.

Столь же неоднородны и сравнительно немногочисленные источники, по которым мы можем достоверно судить об особенностях суеверий северной столицы. Для первых веков истории города это чаще всего опубликованные и неопубликованные воспоминания петербуржцев, дневники, письма; для современности — сведения о поверьях, обычаях, собранные на протяжении последних десятилетий; устные рассказы горожан. Есть и специфические документальные источники.

К числу их относятся материалы Тайной Канцелярии (преимущественно первой половины XVIII в.), усердно преследовавшей инакомыслие даже в иррациональных сферах.

Петербургская мифология сложилась в основных своих чертах еще в первой половине XVIII в., впитав и трансформировав народные, и главным образом крестьянские, поверья.

«Подавляющее большинство первых петербуржцев да и последующих деревенских переселенцев, воспитано было на традиционной деревенской культуре, смотрело на мир и на все, в нем происходящее, глазами фольклорно мыслящего человека, потому новое, необычное и осмыслялось на основе устоявшегося веками и апробированного поколениями, исходя из прежней системы ценностей.

Фольклорное сознание, столкнувшись с таким нетрадиционным явлением, как Петербург, породило специфический городской фольклор, неизвестную старой России урбаническую мифологию, которые уходили корнями в традиционное мировоззрение, питаясь традиционной поэтикой, но и преодолевали их, трансформировали, создавая собственную систему образов, собственный набор сюжетов, мотивов, формул, штампов. <...> Это привело к появлению петербургской демонологии, мало похожей на нечисть крестьянской Руси и тем не менее кровно с ней связанной».¹

¹ Некрылова А. Ф. Петербургский постскрипtum // Русские суеверия. СПб., 2001. С. 643—644.

Согласно поверьям и мифологическим рассказам, которые так или иначе удалось зафиксировать в Петербурге, различные по происхождению, местообитанию и предназначению призраки, таинственные видения, прочие сверхъестественные существа искони составляли как бы «второе», обычно невидимое, население северной столицы. Появляясь в сумерках и ночью, выскальзывая из туманно-снежной мороси, они стали для Петербурга (и в устных преданиях, и в литературе) такой же достопримечательностью, как привидения старинных английских замков.²

В нынешнем Петербурге (утверждает современный автор) «есть немало мест, где можно увидеть призраков». Традиционно прославлен своими сверхъестественными обитателями Инженерный замок. «Призрак Распутина неоднократно видели в Юсуповском дворце. А по ночным цехам Путиловского завода до сих пор разгуливает его основатель, сожженный в одной из заводских котельных».³

Сей перечень несложно продолжить и расширить, представив историю Петербурга (не отделимую от истории России) в, так сказать, «призрачных видениях»: от тени Петра Великого, будто бы явившейся Павлу I, и многочисленных призраков убитых, казненных и замурованных — до гротескной Пиковой дамы детских страшилок и модернизированного «экстрасенсорного» Пушкина.

В начале 90-х гг. XX в. призрак Пушкина (доселе как будто бы не замечавшийся в Петербурге) избрал местом своего явления фирму, помещавшуюся на Фонтанке, в бывшем доме Олениных. Целительница Н. А. Розманова, практиковавшая в фирме, «заметила один интересный факт»: «...если во время сеанса ее пациентом был человек искусства, личность творческая, то в помещении, где происходил прием, в воздухе, точнее сказать в эфире, выплывали облики известных людей, которые бывали гостями Олениных, и среди них — А. С. Пушкин».⁴

Целительница не только явственно ощущала «энергетическое присутствие» классика русской литературы, но и отчетливо его видела. Поэта отличал необычный разрез глаз («верхние веки как бы вздернуты») и «большие пушистые бакенбарды», до которых, казалось, «можно было дотронуться». Очевидица уверяла: призрачное присутствие Александра Сергеевича не озадачивало ее и не смущало. Напротив, оно приносило целительнице «прилив творческой энергии и уверенность в работе».⁵

Если не считать современной обстановки и терминологии, а также сугубо прагматического отношения к потустороннему пришельцу, сюжет изложен в духе традиционных представлений

² Там же. С. 646.

³ Петров В. Путешествие в Зазеркалье // Аномалия. 1995. № 14. С. 4.

⁴ Розманова Н. А. Поэт и гражданин // Там же. 1994. № 18. С. 4.

⁵ Там же. С. 4.

о сходных необычайных видениях (явлениях умерших), занимавших в XIX в. и умы простонародья, и образованных классов общества и составивших основу целого раздела фольклорной прозы, постоянно пополнявшегося и анализирувавшегося в работах С. В. Осокина, М. М. Зиминой, В. И. Смирнова, Д. К. Зеленина, Г. С. Виноградова, И. В. Карнауковой, В. П. Зиновьева, О. А. Черепановой,⁶ многих других.

О семантике «городских» потусторонних видений размышлял в XIX в. В. И. Даль: «Под словом *видение* разумеем мы такое явление, такой видимый предмет, который предстал глазам нашим необыкновенным, сверхъестественным образом... Подразумевается, что человек видит явившееся не во сне, а наяву; что, сверх того, видение это, по крайности, большею частью не вещественно, не осязаемо для рук, хотя и видимо для глаз; словом, что оно занимает какую-то неопределенную средину между плотским и бесплотным миром. Видения эти большею частью основаны на явлении тени или духа, как выражаются, т. е. человека, уже отошедшего в вечность и снова принявшего плотский, видимый образ, и в этом-то смысле видение получает более точное определительное название *привидения*. Впрочем, есть и видения другого рода, бесконечно разнообразные, как самое воображение человека.

Ум, разум и рассудок наш решительно противится тому, чтобы допустить возможность или быточность видений».⁷

Оставив вопрос о «реальности видений», заметим, что фольклор, связанный с петербургскими призраками, разнопланов. Это и отдельные, более или менее распространенные поверья (например, широко и повсеместно бытующие в XVIII—XX вв. представления о посмертном пребывании убитого в месте своей гибели); и прозаические повествования — фабулаты, созданные на основе «ходячих сюжетов» (такие, как рассказы о явлении белой женщины — предвестницы несчастья, повторяющиеся на протяжении XVIII—XX вв. в разных версиях и вариантах и в городской, и в сельской среде); и повествования менее стереотипные, но использующие традиционные мотивы, образы (чаще всего — о призраках «домашних», «семейных» — см. ниже).

⁶ Осокин С. В. Народный быт в северо-восточной России // Современник. 1856. Т. 59, 60; Зимин М. М. Ковернинский край // Тр. Костромского научного общ-ва по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 17; Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Кострома, 1920; Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири. Иркутск, 1923; Карнаукова И. В. Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. Ч. 2; Зиновьев В. П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987; Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

⁷ Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994. С. 112.

Поверья, образы, ставшие неотъемлемой частью «мифологии призрачного Петербурга», заимствованы в значительной части из традиционных народных верований — почти неизменных либо трансформированных городской средой, массовым сознанием. Такова вера в возможность «посмертного явления» умершего; представление о вечной неуспокоенности тех, кто умер неестественной или скоростижной смертью; о духах жилища, в которых могут обратиться некогда жившие либо погибшие там люди, и т. п.

Наиболее распространенные «демонически-мифические» образы петербургских суеверий (развивающих самые общие традиционные представления о возможности проявления сверхъестественных сил, существ в обыденной жизни) — призраки и двойники, духи зданий, «ожившие мертвецы». Понятия о них своеобразно преломлены городской средой (бытом, историей Петербурга), различно взаимодействуют с литературной традицией, со складывающимся «петербургским мифом».

Отсутствующие среди «городских» духи природы (водяной, леший) заменяются разнородными духами зданий. В то же время к доминирующим в петербургской демонологии призракам можно — по способу проявления — отнести и домовых духов, и «живых покойников». Эта обширная «группа привидений» подразделяется, очень условно, на «привидения исторические, политические и домашние», то есть порождаемые различными историческими событиями и социальными институтами.

Наименее изменены временем и городской средой, пожалуй, поверья, повествования, связанные с «духами дома» и отождествляемыми с ними призраками, «теньями», являющимися покойниками; а на рубеже XX и XXI вв. — барабашками, полтергейстами и пр.

«Домашние суеверия», чаще всего объясняющие неожиданные, нежелательные происшествия влиянием сверхъестественных сил и существ или трактующие их как предсказания, — на протяжении трех столетий пронизывают все слои столичного общества: от дворян⁸ и благородных воспитанниц Смольного монастыря, спасавшихся от призраков под одеялами,⁹ до простых петербурженок, оборонявшихся от сверхъестественных пришельцев не только святой водой, молитвами, но и булавками и сохранивших вплоть до конца XX в. веру в пророческие способности домовых духов.

⁸ Один из известных столичных генералов первой половины XIX в. «был суеверен до невозможного. У всех его дверей были прибиты найденные им подковы... В его спальне сидел в клетке петух для отогнания домового» (*Пыляев М. И.* Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898. С. 22—24).

⁹ *Белюсов А. Ф.* Институтка // Школьный быт и фольклор. Таллин, 1992. С. 138.

«Перед войной лежала я на кровати, — повествует семидесятилетняя ленинградка, — а ребенок спал. Ну, и я заснула. Тут дядя на меня какой-то сел и хотел меня придавить. А потом я выехала совсем из этого дома, война началась» (архив соб. М. Н. Власовой, Ленинград, май 1990, зап. М. Е. Теркиной). Подобные рассказы о начале Великой Отечественной войны неоднократно записывались в Петербурге в разных версиях.

Вера в домового издавна была общераспространенной на Руси. Порою благожелательный, а чаще капризный и непредсказуемый, домовый традиционных поверий — не только «хозяин» скота, двора, дома, но и «старший» в семье — предок, и персонифицированная судьба, и «душа-двойник» человека, и универсальное объяснение неурядиц, странностей, и участник мистификаций.

Домовой дух традиционных русских поверий мог бы «переселиться» в северную столицу вместе с рабочими-строителями из разных регионов России. Видоизменяясь под влиянием городской и книжной культур, приспосабливаясь к специфическому «многоквартирному» быту, поддерживаясь рассказами все новых и новых переселенцев, поверья и сюжеты, связанные с домовыми, обнаруживают порой удивительную преемственность, устойчивость. Некоторые современные петербургские домовые весьма похожи на своих «крестьянских» собратьев: это обычно незримые, своенравные, но необходимые, одушевляющие и оберегающие жильё существа.

Ср.: «Есть дом в Мельничных Ручьях. Дом старый, он давно-давно у нас, и там постоянно кто-то ходит. В доме имя „его“ проносить нельзя, а то обидится и уйдет. А если уйдет, то весь дом рухнет. Он ходит по ночам и начинает по лестнице бегать, издает жуткие звуки, а в кухне порядок наводит, когда спать ложатся.

В кладовке в куче тряпок возится и анатомическим скелетом играет. Когда кто-то уйдет, он по лестнице тяжелыми шагами ходит. С вороной домашней разговаривает и пугает ее. Он живет только на чердаке» (архив соб. М. Н. Власовой, Полина Соловьева, 15 л., Ленинград, лето 1991, зап. М. Е. Теркиной).

Такие записи, однако, единичны. Из-за особенностей «типового и кочевого» петербургского житья, городские домовые редко отождествляются со сверхъестественными «хозяевами» квартиры, тем более — с «предками». Утратив, что естественно, традиционность пребывания возле печи и функцию покровительства скоту, домовые духи Петербурга (смешиваемые с покойниками и призраками; чаще антропоморфные, когда они видимы) устойчиво сохраняют функцию предсказания будущего.

Вещая грядущие перемены, домовый может «пугать» (шуметь, стучать, голосить), «наваливаться» на спящего и «давить» его, выживая из дома.

Для современных городских поверий (соотносимых с традиционными общерусскими) характерна неопределенно-таинственная ипостась домового духа — изумляющего, тревожащего либо устрашающего. Ср.: «Появился высокий мужчина из-за шкафа. Подошел к моей кровати, взялся за ноги и держит: не крикнуть, не пошевелиться. Одет в черное. Несколько раз приходил. А воткнула булавки в дверь, так больше не появлялся» (архив соб. М. Н. Власовой, М. Т., 60 л., Ленинград, весна 1990, зап. М. Е. Теркиной).

Согласно другому современному повествованию, в квартире на Гражданском проспекте сама собою двигалась мебель (это продолжалось около полутора лет). «Из ниоткуда» возникал человек среднего роста — «с курчавыми волосами и очень большой головой, в светло-коричневой куртке и брюках до колен, но босой». Повернувшись вокруг своей оси, он исчезал.¹⁰

Нечто похожее происходило и в Петербурге XIX в. «В городе говорят о странном происшествии, — писал Пушкин в дневнике 1838 г. — В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н. Сказал, что мебель придворная и просится в Аничков».¹¹

Причудливость подобных внезапных явлений в доме предполагала — на протяжении последних трех столетий — самые разные трактовки: от упомянутых выше предзнаменований до бессмысленных и злых «шалостей» сверхъестественных сил.

Более или менее традиционные «действия» домовых духов постоянно дополняются и переосмысливаются, неуклонно трансформируясь в суетном городском быту: от добродушно-патриархальных — к однозначно обременительным и разрушительным.

В современных петербургских сюжетах о сверхъестественных явлениях в доме на первый план выдвигается полтергейст (или барабашка) — «шумный дух» неясной природы, иногда именуемый по-прежнему: домовый, домовушка.

Петербургский полтергейст (безусловно, не тождественный домовому духу традиционных поверий) «обнаруживает все же ряд черт, очень для домового характерных. Ср. следующие проявления полтергейста: беспричинные, не имеющие источников звуки, стуки в окна, двери и стены, пол и потолок; скрип, царапанье, грохот, звуки пилы или стирки, падения, пляски; звуки шагов и голосов

¹⁰ Аномалия. 1990. № 6. С. 1.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 8. С. 33.

(монологи и даже осмысленные диалоги с присутствующими); движение и полет предметов», и пр.¹²

Обнаруживающийся в петербургской квартире полтергейст (чаще всего — некая незримая сила) бьет посуду, лампочки и оконные стекла, зеркала; передвигает, прячет и портит предметы; шелкает, топает и рычит. Сугубо современное, роковое свойство петербургского полтергейста — неукротимое стремление подобраться к кранам, открыть их и устроить обширную протечку, удручив и перессорив хозяев квартиры, их соседей и коммунальные службы. Соответствующая деятельность «полтергейста Васи» из Веселого поселка спровоцировала в 1991 г. длительное разбирательство в суде Невского района.¹³

Несмотря на видимую анекдотичность эпизода с «полтергейстом Васей», он достаточно традиционен и органично продолжает длинный ряд российских судебных разбирательств XVIII—XX вв., в которых «участвует» нечистая сила либо расследуется «деятельность» нечисти (ср. описываемое ниже «следствие о кикиморе»).

В петербургском фольклоре XX—XXI вв. отчетливо выделяются сюжеты двух типов: о «коммунальном полтергейсте» и о «полтергейсте-инопланетянине». Наиболее агрессивны полтергейсты, которые обосновываются в коммуналках, т. е. проявляются на фоне напряженных социально-бытовых ситуаций. Нередко горожане именуют их «наведёнными» — вызванными или поддерживаемыми (нечаянно либо сознательно) посредством магии, спиритизма, экстрасенсорного воздействия.¹⁴

Зимой 1991/94 г. полтергейст, называемый по старинке домовушкой, обнаружился в коммунальной квартире на 4-й Советской улице. Здесь раздавались непонятные стуки, загорались вещи, летала по воздуху и билась посуда. Помимо того полтергейст разбрасывал по квартире ругательные записки в адрес одной из жилищ. Оскорбленная пожилая дама переехала к своей знакомой. Поселившись у нее, она сообщила, что в домовушку не верит. По мнению дамы, ее действительно выживали, но не таинственный дух, а соседи по квартире. Вскоре в пустующей комнате изгнанной жилицы возник пожар, виновником которого вновь объявили «домового-полтергейста».

Дальнейшие события развивались в духе частных и судебных разбирательств «под сенью сверхъестественного». В появлении «наведённого полтергейста» заподозрили сестер-соседа. Одна из них занималась спиритизмом (впрочем, сразу трое из квартирантов посещали курсы парапсихологии).

¹² Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 2001. С. 159.

¹³ Аномалия. 1990. № 7. С. 7; 1991. № 9. С. 1, 4.

¹⁴ Плескач В. Полтергейст на 4-й Советской // Аномалия. 1990. № 9. С. 4.

В целях самозащиты, с сохраняемыми в тайне приговорами прочие жильцы начали кропить квартиру святой водой из православного храма.

В результате на почве коммунального житья столкнулись два подхода к сверхреальному и сверхъестественному: новаторский, сопровождаемый вызовом на дом уфолога и экстрасенса, и традиционный, предполагающий обращение к святыням Православия. Разгоревшиеся страсти отодвинули на второй план вопрос о том, полтергейст ли был виновником пожара и автором письменных поношений. Маловероятно, что подобная проблема в принципе разрешима. Бытие в коммунальной квартире способно породить и еще более аномальные явления. О них и повествуют множасьиися в Петербурге, а, в общем-то, типичные, сходные по семантике и структуре, хотя и адаптированные к специфической социальной реальности нарративы.

«Полтергейстов-инопланетян» в городских повествованиях нередко привлекают дети. В сюжетах этой категории дети могут быть друзьями полтергейстов, жертвами, носителями — в последнем случае экстраординарные события происходят исключительно в присутствии ребенка.¹⁵

Очевидно, как и столетиями ранее, петербуржцы (используя расщепленные современными деталями традиционные клише, сюжеты) стремятся объяснить вмешательством сверхъестественных существ и сил нежданные, нежелательные, беспричинные происшествия. Вероятно, велика здесь и доля мистификаций, даже махинаций (что было отмечено еще в XIX в. В. И. Далем).

Столь же «всесословна», почти не изменяема на протяжении столетий и вера в неуспокоенность тех, кто умер неестественной, скоропостижной смертью, — она отражена в многочисленных городских легендах о призраках убитых, замученных, казненных, которые появляются либо пребывают на месте своей гибели.

«Народная молва пронесла через столетия напоминание о том, что призраки замученных Бироном людей появлялись в самом начале набережной Фонтанки, у Прачечного моста, где когда-то находились тайные службы герцога. Впрочем... исторические адреса даже привидениям не удавалось установить достаточно точно, поскольку тени жертв бироновщины появлялись и на берегах речки Ждановки. Молва опять же приписывала их появление находившимся здесь этим же тайным службам».¹⁶

Позже, адаптируя представления о вечной связанности призрака убитого или казненного с местом гибели все к новым и новым историческим обстоятельствам, народная молва наполнилась слухами и повествованиями о призраках убиенного императора Павла

¹⁵ Аномалия. 1995. № 9. С. 6; 1992. № 8. С. 1.

¹⁶ *Tonne Г.* Твое открытие Петербурга. СПб., 1995. С. 8.

Петровича, повешенных народовольцев, казненного Путилова: «Страна питала и никогда не могла досыта напитать кровью своею петербургские призраки» (А.Толстой).

Обилие «исторических призраков» — или неких «запредельных преломлений» официальной истории — характерная черта туманного и двоящегося столичного бытия. Преобладают здесь, правда, не славные и благополучные тени, но видения мрачные и трагические.

Существенную часть петербургской демонологии формируют и «суеверия высших слоев общества», воплощенные в легендах и преданиях о «сугубо благородных призраках». Таковы легенды о пророческой тени Петра Великого, посетившей императора Павла Петровича;¹⁷ о призрачных двойниках, предвестивших кончины императриц Анны Иоанновны и Екатерины II; о «замковых призраках» — привидениях убиенных монархов, родовитых воителей и владетелей, кои, подобно призракам Павла I, «обязаны» населять примечательные постройки и местности.

Правда, и эти поверья, сюжеты соотносимы с традиционными народными — но в специфическом преломлении истории дворянского рода, правящей династии, столичных и государственных учреждений, зданий.

По уверению одного из наших современников, «каждый год в день и час своего убийства призрак Павла I проходит по Инженерному замку».¹⁸ Еще один (или тот же?) призрак императора обитает в Гатчинском дворце, другой будто бы являлся в Зимнем.¹⁹

Несомненно, что педантично соблюдающий время и место появления призрак убиенного императора обратился в классическое, по образцу английских, дворцовое или «замковое» привидение. Наличие такого — хотя бы одного на весь город — «исторического призрака» насущно необходимо. Оно придает основательность и занимательность архитектурному убранству, свидетельствует о весомости государственной истории и традиций — пусть и не привлекательных, но соответствующих европейским стандартам (ср., например, сюжет, широко известный по шекспировскому «Гамлету»: убиенный государь лишен посмертного успокоения и бродит по своему замку).

Подобная посмертная участь предопределена и многими чертами характера императора Павла — рыцарственностью и пристрастием к замкам, склонностью к мистицизму, насильственной, окруженной страшными слухами кончиной; трагичностью и недо-

¹⁷ Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. СПб., 1901. С. 36—39.

¹⁸ *Петров В.* Путешествие в Зазеркалье. С. 4.

¹⁹ Несколько недель при русском дворе в 1846 г. // Русская старина. 1879. Т. 24. С. 340.

сказанностью судьбы, в которой переплелись косная российская обыденность и мистика, жертвенность и педантизм. «Уход за младенцем Павлом сопровождался разными суеверными обрядами, в роде нашептываний, дуновений „от призору очес“ и т. д.» (при дворе изобиловали в то время странницы, сказочницы, богомолки). Эти бредни и сказки «расстроили воображение ребенка, развили в нем склонность к сверхъестественному» — то верование в приметы, сны, призраки, которое сохранилось в нем и в зрелом возрасте». ²⁰ Павел Петрович был, по легенде, едва ли не единственным россиянином, удостоившимся увидеть загробную тень Петра Великого. Сны и предчувствия сопровождали восшествие Павла I на престол и его безвременную кончину.

С другой стороны, краткое и бурное царствование Павла Петровича, по выражению его современника, «сорвало маску с прежнего фантазмагорического мира»: «... все пышное государственное здание Екатерины было потрясено, когда с мундиров сорвали золото, потребовали трудолюбивой службы...» ²¹ Впрочем, крутые, а иногда и странные меры, предпринимаемые Павлом I, в сущности, не представляли ничего необычного для России, где — традиционно — с одними фантазмагориями боролись посредством других фантазмагорий.

Усвоив роль рыцаря, ополчившегося на борьбу со злом, но разочаровавшись в подданных, император ощущал себя едва ли не осажденным в собственном замке. «Графиня С. Д. Строганова рассказывала П. А. Плетневу, что Павел I, приехав в Михайловский замок, считал себя уехавшим из Петербурга, с которым сносился через почту, как бы живя в Гатчине или в Павловске». ²² Да и само явление новопостроенного замка (с надписью на фасаде, пророчески возвестившей о сроке жизни императора) вновь оттенило некую обреченность «мятежного венценосца», предопределенность его судьбы, исполненной странных и символических совпадений. Горожане рассказывали, что Павел, намереваясь короноваться, прибыл в Москву в день входа Христа в Иерусалим; венчался на царство в день Светлого Воскресения; он умер там же, где и родился, через сорок дней после переезда в новое жилье. Михайловский замок стал посмертным прибежищем убитого императора.

Однако обезличенная роль «замкового привидения» не требует серьезного исторического контекста, утруждающего массовое сознание. Драматические перипетии судьбы Павла I сводятся здесь к простейшей триаде: замок—цареубийство—призрак. В обличье идеально-обобщенного привидения нет избыточных черт, неархе-

²⁰ Цесаревич Павел Петрович // Русская старина. 1874. Т. 9. С. 667—668.

²¹ Записки де Санглена // Там же. 1882. Т. 36. С. 486.

²² *Божерянов Н. И.* Невский проспект. СПб., 1903. Т. 2. С. 322.

типических подробностей. Явление призрачного Павла Петровича описывается в самых общих чертах: возникая из мистически-расплывчатой дымки, император «ходит», «проходит» по своим владениям.

На первый план выдвигается увлекательная обстановка видений: громада Михайловского дворца, по замечанию архитектора Коцебу, — «истинного лабиринта темных лестниц и мраморных коридоров». Коцебу уточняет: ему понадобилось более двух недель, «чтобы обойтись без провожатого и чтобы научиться одному, не заблуждаясь, ходить по этому лабиринту».²³ Загадочно притягательны и окрестные подземелья — потаенный подземный ход будто бы пролегает под Михайловским замком.²⁴ Видимо, не случайно и призрак Павла I, обретающийся в Гатчине, любит прогуливаться по тамошнему подземному ходу, открытому и для обычных посетителей. «Экскурсоводческие легенды» предупреждают: столкнувшись с императором, нужно немедленно, не раздражая его, уступить дорогу.

Дворцовые и замковые лабиринты современного Петербурга стали «ареной призракоискательства», которое обогащает петербургские «призрачные сюжеты». Поиски привидений в 90-х гг. XX в. шли и в Гатчинском дворце. Оснащенные специальной аппаратурой уфологи пытались обнаружить здесь группу привидений. Одно из них материализовалось за ближайшей дверью в обличье «объемного энергетического сгустка вытянутой формы». Передвигаясь далее, поисковики, с целью привлечения привидений, попытались создать энергетическую воронку в Арсенальном каре Гатчинского дворца. «Арсенальное каре, как и весь дворец, производило впечатление огромной залы, едва заполненной тусклым свечением огромных окон. Винтовые лестницы, анфилады комнат — все это навевало приятную ностальгию по временам минувшим». В притягательной для «замковых призраков» обстановке исследователи ожидали увидеть одно из привидений, систематически, по рассказам очевидцев, выходившее из стенной ниши в час полнолуния. Придерживая левой рукой конец железной цепи и сжимая в правой руке эфес заржавленной шпаги, призрак направлялся мстить неведомым обидчикам.

Однако вместо классического «замкового призрака» в Арсенальной зале удалось заметить лишь человекообразную фигуру: «Она словно сопротивлялась, вибрируя и изгибаясь, какой-то внешней силой».²⁵

К счастью или к несчастью, избежал «энергетической воронки» и призрачный Павел I.

²³ Павел I. С. 285.

²⁴ Петров В. Путешествие в Зазеркалье. С. 4.

²⁵ Аномалия. 1994. № 21. С. 4.

Круг современных петербургских поверий и повествований, связанный с «замковыми призраками», сравнительно разнообразен, однако стремление создать новаторские методики научного поиска и классификации привидений продолжает соседствовать с расхожими представлениями о загробных явлениях воителей в цепях и убиенных монархов. Поэтому можно предположить: легенды о «замковых призраках», объединяясь в циклы, и в дальнейшем будут звучать в традиционных, пусть несколько осовремененных версиях. А контрастный и призрачный, ночной и сумеречный Петербург, противостоящий своему же дневному парадному фасаду, останется не только городом энергично-победительного, чуждого мистики Петра Великого, но и убиенного Павла Петровича и его печальной, недопонятой, но многократно запечатленной в городском фольклоре судьбы.

Петербургские легенды о двойниках императриц более «придворны и парадны». Первый из двойников явился Анне Иоанновне (он посетил ее дворец, находившийся в Летнем саду и снесенный впоследствии при воцарении Елизаветы Петровны).

«...Караул стоял в комнате, возле тронной залы, часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои; было уже за полночь...

Вдруг часовой зовет на караул, солдаты выстроились, офицер вынул шпагу, чтобы отдать честь. Все видят — императрица ходит по тронной зале взад и вперед, склоня задумчиво голову, не обращая ни на кого внимания».

Бирон удостоверил: государыня в спальне. «Это что-нибудь не так, здесь или заговор, или обман, чтобы действовать на солдат», — сказал он, побежал к Анне Иоанновне и уговорил ее выйти.

«Императрица решается выйти как была, в пудермантеле, — повествует далее легенда. — Бирон идет с нею. Они видят женщину, поразительно похожую на императрицу, которая нимало не смущается. <...> Императрица, постояв минуту в удивлении, подходит к ней, говоря: „Кто ты? Зачем пришла?“ Не отвечая ни слова, привидение пятится, не сводя глаз с императрицы, к трону, всходит на него и на ступенях, глаза обращая еще раз на императрицу, исчезает. Императрица обращается к Бирону и произносит: „Это моя смерть“».²⁶

Видение оказалось пророческим: через несколько дней Анна Иоанновна скончалась.

Вера в то, что перед смертью человек может повстречать своего двойника (или белую женщину, Белую Даму), вестника неизбежного несчастья, в России XVIII—XIX вв. была распространена

²⁶ Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1887. С. 57—58.

не только среди простонародья,²⁷ но и среди образованных сословий. «Если двойника застанешь у себя в комнате или вообще, если он предшествует человеку, идет наперед, — писал, перечисляя соответствующие поверья, В. И. Даль, — то это означает близкую кончину; если же двойник идет следом за хозяином, то обыкновенно намерен только предостеречь его».

Констатируя распространенность подобных суеверий «по всей Европе, особенно северной», Даль резюмировал: «Есть люди, кои, по их уверению, почти беспрестанно видят своего двойника и уже к этому привыкли».²⁸

В Петербурге рассказывали и о том, будто незадолго до кончины «двойника, сидящего на престоле», видела и Екатерина Великая.

Повествования о зловеще величественных двойниках Анны и Екатерины возникли, скорее всего, на перекрестье сословных и «собственно придворных» (возможно, заимствованных из Германии) суеверий. Появление Белой Дамы — *Weisse Frau*, *La Dame Blanche* — «было всегда исключительно принадлежностью дворцов владетельных особ и считалось предвестием кончины кого-либо из них. Кончина таких особ могла иметь важное политическое значение. Поэтому подобного рода призрак считался всегда привидением аристократическим» (распространяя слухи о собственных *Weisse Frauen*, мелкие владетельные роды Германии подчеркивали этим свою значительность).²⁹

В полном соответствии с иноземной традицией, то есть в мистически торжественных тонах, интерпретирует возникновение венценосного двойника рассказ, внесенный в «Записки» короля Франции Людовика XVIII. Екатерине Великой «будто бы пришлось увидеть самое себя сидящей на троне при каком-то странном зеленоватом освещении всей залы».

Легенды прибавляли обычно: проявляя царственную неустрашимость, и Анна, и Екатерина приказывали стрелять в дерзкое видение, которое вело себя тоже «стереотипно величественно». Невзирая на гром выстрелов и разлетающиеся осколки зеркал и оконных стекол, двойник медленно и невозмутимо сходил с трона, грозил пальцем и — бесшумно и бесследно — исчезал, после чего зала мгновенно погружалась в непроницаемый мрак.³⁰

Трудно сказать, слагались ли петербургские версии сюжета о венценосном двойнике по каким-то «политическим заказам». Вполне вероятно, что сама Екатерина II, весьма пекшаяся о славе своего царствования, либо ее сподвижники-почитатели, либо суетная молва не преминули придать окончанию трудов и дней

²⁷ Власова М. Н. Русские суеверия. С. 36—38, 151.

²⁸ Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках... С. 115.

²⁹ Карнович Е. П. Белая Дама // Исторический вестник. 1886. Т. 24. С. 166.

³⁰ Там же. С. 165.

великой императрицы архетипически повторяющиеся величавые черты.

«При этом, — полагает Г. Гоппе, — рассказчики не утруждали себя поисками каких-то новых деталей, твердо придерживаясь рамок прежнего сценария... Впрочем, придворные дамы отметили и много других символических примет, указывавших на завершение жизни просвещенной царицы. Тут и падающий метеорит, и разряд молнии, повредивший любимые Екатериной драгоценности в Эрмитаже, и часы, остановившиеся в ее спальне. И всякий раз, как отмечали фрейлины, императрица связывала их со своей близкой кончиной. {...} Любящая придавать каждому жесту особую многозначность, хозяйка империи позволяла себе кокетничать и со смертью».³¹

XIX в., не столь приверженный парадным придворным легендам подобного склада, едва не стал, однако, эпохой венценосных двойников и привидений «мужского рода» (утративших в Николаевское время большую часть зловещего блеска).

Тем не менее облаченные в белое дамы продолжали являться и далее — преимущественно в старинных столичных зданиях, и в особенности там, где жили подростки и дети.³²

Несмотря на внешнюю парадность, петербургская «придворная мифология» начиная с XVIII в. была пестрым смешением заимствованных за рубежом и отечественных «благородных», а также исконно народных суеверий, которые с малых лет усваивала и взращенная «няньками-мамками» институтка, и окруженная многочисленным штатом приживалок, сиделиц, богомолок, баб-сказочниц императрица. Болтая, вся эта «челядь весьма низкого звания», «напоминавшая разнохарактерную барскую дворню крепостных холопов», сообщала самодержицам «всякие дразги».³³

Менталитет высших сфер столичного общества нередко мало отличался от простонародного: те же слухи, толки, поверья. Суеверная императрица Елизавета боялась привидений и покойников; стремясь обезопасить себя от нечисти, граф Н. И. Салтыков носил на шею множество маленьких финифтяных образков, носил их даже во всех карманах, и т. п.

Повествования о *Weisse Frau*, Белой Даме, почтенного немецкого рода, вещающей скорую смерть самодержицы, и о белой даме — привидении старинного здания — постоянно смешивались с распространенными народными рассказами о явлении белых женщин — вестниц перемен и бед. А слух о подпрыги-

³¹ *Gonne Г.* Твое открытие Петербурга. С. 79.

³² «Весьма подходящим местом для бытования таких рассказов являлись старинные здания Смольного монастыря...» (*Белюсов А. Ф.* Институтка. С. 137).

³³ *Семевский М. И.* Екатерина Алексеевна и Анна и Вилли Монс. СПб., 1884. С. 197.

вающей дворцовой мебели во многом повторял сюжет о проделках домового духа, известный в России с XVII в. (пожалуй, и ранее).

Созвучные народным поверьям, легендам, преданиям «придворные» суеверия и легенды легко усваивались массой городского населения. Их неоднократно удачно использовали в политических целях. Так, во время правления Анны Леопольдовны по городу упорно ходила молва, будто в соборе Петропавловской крепости встает из гроба призрак Петра Великого и требует вернуть трон своей дочери.

Сей чудесной истории верило не только простонародье, но и (неважно, искренне или нет) немалое число знатных горожан. Повествования об «исторических и политических призраках» — вероятно, кем-то сочиняемые по заказу или по вдохновению, не без литературных влияний и стереотипов, повторяемые в разных интерпретациях, и с глубокой верой, и с насмешкой, — быстро расходились по городу.

«Призрачный петербургский пиар» XVIII—XIX вв. был, таким образом, взаимообращающимся. Питаемое повествованиями о привидениях, чудесах и прочих смутных образах российского и петербургского бытия народное сознание вновь и вновь складывало архетипически повторяющиеся сюжеты о призраках скончавшихся и погубленных, о двойниках скрывающихся государей.

«Рассказы эти, появлявшиеся всегда после кончины венценосцев или особ, близких к престолу, из столиц распространялись по всем концам России или, наоборот — из отдаленных окраин империи достигали до Петербурга и до Москвы, проникая даже и в образованные классы общества».³⁴

Специфическое развитие получили в северной столице традиционные представления о двойниках-оборотнях, «обосновавшихся» не только в частной, но и в общественной жизни. Оборотнический двойник Петра I («немецкий оборотень»), фигурирующий преимущественно в легендах раскольников, персонифицировал в начале XVIII в. враждебность «подмененной дворянскими силами власти», которая множит зло и обманы.

Впечатление, производимое на россиян колоссальной личностью Петра, всегда было контрастным: от безоговорочного восхищения до столь же безоговорочного неприятия.

Вдохновленное, но и подавленное масштабом деяний первого российского императора народное воображение старалось «примерить» к Петру более или менее привычные мотивы, ситуации, обличья (часто не выходя за рамки мифотворчества).

³⁴ Император Иоанн Антонович // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 511—512.

Петр Великий — всемогущий царь, способный воздвигать на воздухе города, смирять стихию волн.³⁵ Он же — Антихрист, «природу и людей истязующий», на коем «сидит церковь нестароверческая».³⁶ Так — противоположно — могли интерпретироваться, например, рассказы об усмирении кнутом Ладоги, прочие легендарные эпизоды из жизни самодержца.

Опасливо-двойственное восприятие (или неприятие) нововведений, непрестанных перемен, чуждых и ежеминутно грозящих повернуться еще какой-то неизведанной, но наверняка неприятной стороной, породило двуплановый образ Петра-подменьша, оборотня.

В соответствии с извечной российской традицией приписывать беды «иноземным проискам» сей подменьш обычно оказывается «немецким» (то есть сотворенным немцами либо шведами), но — независимо от конкретной национальности — враждебным и сверхъестественно могущественным существом.

Согласно одному из слухов, ходившему по Петербургу в первые десятилетия его строительства, Петр-подменьш объявился на Руси из-за того, что царица Наталья Кирилловна разрешилась от бремени не долгожданным сыном, а дочерью. Убоявшись мужнина гнева, она заменила новорожденную мальчиком, «подменьшем из Немецкой слободы». Утверждали также: подменьш Лже-Петр — сын Лефорта.³⁷

Упорны были и толки о том, будто царя Петра подменили во время его очередного пребывания за границей.

Царь жив, но скрывается: «Ходил царь Петр в турецкую землю послом, а из той земли пошел в город Стекгольм. А тот город держит царица, и к той царице отписал турок: „Пошел к тебе посол русский царь“. А та царица его не отпустила, посадила под караул, а вместо его избрала такого ж молодца и послала его в Россию на царство.

И по приезде своем начал бороды брить и платья резать по своему и жаловал своих неверных в высокие чины. И никто его не познал, токмо познала царица, и он ее от себя отринул и взял себе иную. А сам пошел на службу, а царевич остался на царстве (...). А по отъезде его на службу царевич начал неверных гнать, чтоб их не было на царстве. И, услыша, он (мнимый царь. — М. В.),

³⁵ Петр Великий укротил плетью бушующую Ладогу; заклал сорок в Петербурге; «знал все на свете, только не умел лаптей плетть» (*Белов Д.* Русская история в народных поговорках и сказаниях // Исторический вестник. 1884. Т. 17. С. 262).

³⁶ «Что про зверя, из моря исходяща, тут написано (трактовал Апокалипсис предсказатель времен Анны Иоанновны. — М. В.), так это царь Петр (...) что море паче всего любил» (*Костомаров Н. И.* Тайновидец // Исторический вестник. 1886. Т. 26. С. 11—12).

³⁷ *Семевский М. И.* Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1884. С. 66.

возвратился назад и царевича уходил сам, а потом и сам умер. А ее (ложную царицу. — *М. В.*) пожаловал на царство».

Легенда прибавляла: Петр истинный непременно должен объявиться, но почему-то медлит.³⁸

Так, применительно к новым социально-историческим реалиям, трансформировались распространенные народные представления о возможности подмены оборотнем новорожденного ребенка или взрослого человека, оказавшегося во власти нечисти.³⁹

В повествованиях о царе-подменыше, излюбленных раскольниками и охотно подхватываемых широкими массами населения, развивалась тема «подмены-измены», вторжения губительных «нечистых» влияний в привычный ход российской жизни: взамен похищенного и погубленного царя на престол восходит Лже-Петр, сотворенный нечистью иноземный двойник самодержца. Обманная суть такого двойника (по-народному, «обмена», «подменыша», «оборотня») очевидна немногим и может быть разоблачена лишь чудом, ценой огромных усилий, граничащих с волшебством.⁴⁰

После безвременной кончины Петра Великого к толкам и легендам «об оборотне на престоле» прибавились толки об оборотничестве всей царской семьи. Уверяли, что Петра «испортила» царица Екатерина, а от царицы-иноземки повелся в России «иноземный народ».⁴¹

Опасны и восковые куклы — дьявольские создания, прижизненные, но в основном «посмертные копии» самодержцев. На протяжении двух столетий по Петербургу неоднократно расползались слухи о рукотворных двойниках государственных деятелей. Рассказывали, будто кукла была казнена вместо опального кабинет-министра Волынского. О восковых масках, накладках, фигурах толковали и после внезапной кончины Александра I (в гробу был привезен и погребен не царь, а труп «какого-то солдата» либо кукла), и после смерти цесаревича Константина Павловича (погребена кукла, а цесаревич жив).⁴²

Популярные в XVIII и в особенности в XIX в. легенды о «загробных подменышах» — «несомненные произведения народной фантазии», старавшейся по-своему объяснить события русской

³⁸ *Михневич В.* Женское правление и его противники // Исторический вестник. 1882. Т. 7. С. 266—267.

³⁹ *Власова М. Н.* Русские суеверия. С. 367—371.

⁴⁰ Ср., например, легендарное повествование, опубликованное П. Басниным, где Петр, сожженный, но преобразующийся, белым голубем взмывает над пылающим срубом (*Баснин П.* Раскольничьи легенды о Петре Великом // Исторический вестник. 1903. Т. 92. С. 517—539).

⁴¹ *Михневич В.* Женское правление... С. 267—268.

⁴² *Шильдер Н.* Похоронный год // Русская старина. 1897. Т. 90. С. 16—23; Народные толки о цесаревиче Константине Павловиче // Там же. 1878. Т. 23. С. 135—142; Император Иоанн Антонович. С. 511—512.

истории⁴³ (истории «смутной» и потому особенно притягательной для двойничества и самозванства).

На протяжении трех столетий бытование петербургской демонологии не было единообразной: неизменно, подспудно сохраняющаяся вера в чудеса и привидения вступала в неоднозначное взаимодействие с историческими и социально-политическими реалиями: иногда — преследовалась, иногда — культивировалась, даже поощрялась. При Петре I, чуждавшемся суеверий, даже и благороднейшие призраки не решались предстать пред царскими очами, но посещали потихонечку обычных горожан, образуя нечто в роде «призрачного антиреформенного фронта», упорно искореняемого Тайной Канцелярией (см. ниже).

«Темное царствование» Анны Иоанновны породило массу привидений, которые частично рассеялись при воцарении Елизаветы Петровны (хотя этому воцарению, как упоминалось, способствовали слухи о призраке). Прагматичная и трезвомыслящая Екатерина II, в принципе суеверие осуждавшая, все же использовала «наследственные легенды о сверхъестественном» для утверждения славы своего царствования. После этого потусторонние видения неофициально «утвердились» в высших столичных сферах и лишь с воцарением государя Николая Павловича почти оставили царскую семью.

Впрочем, начало XIX в. (как и XX и XXI) было отмечено в Петербурге повышенным интересом к сверхъестественному. «По духу времени» многие горожане (помимо привычных суеверий и видений) увлеклись месмеризмом, магнетизмом, вызыванием духов и прочими изысками, причудливо сочетавшимися с православной практикой.

Так, в конце 1816 г. «кадету 2-го кадетского корпуса Волотскому, мальчику лет 15, начало каждый день являться видение в белой монашеской мантии, в клобуке и с деревянным крестом в руках». Оно уговаривало его идти в монахи (событие породило длительную переписку между директором кадетского корпуса, министром Голицыным и великим князем Константином Павловичем, главным начальником Пажеского и всех кадетских корпусов).⁴⁴

Что же до более широких масс петербуржцев, то из века в век они пребывали в более или менее традиционном кругу историй и слухов о «домашних привидениях», нарушавшемся порою бурным проникновением «призраков исторических и политических».

Вплетаясь в неофициальную и полуофициальную историю города, мотивы, образы народных поверий участвовали иногда в формировании особо знаковых для северной столицы сюжетов.

⁴³ Шильдер Н. Похоронный год. С. 21.

⁴⁴ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 77—78.

Таков эпизод с кикиморой, которая — вполне в соответствии с пространенной верой в существование кладбищенских, колокольных, церковных привидений⁴⁵ — возникла зимой 1722/23 г. на колокольне церкви во имя Животворящей Троицы (на Петербургской стороне). Впоследствии этот знаменательный в столичной истории дух обрел «вторую жизнь» не только в слухах и толках, но и в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (дьячок, спускаясь с колокольни, впотьмах «увидел кикимору — худую бабу и простоволосую — сильно испугался и затем кричал в кабаке: „Петербург, мол, быть пусту“, — за что был схвачен, пытан в Тайной Канцелярии и бит кнутом нещадно»).

А. Н. Толстой пересказал эпизод с явлением кикиморы по-своему. Сведения о нем, сохранившиеся в материалах Тайной Канцелярии, и прозаичней, и оригинальней.

Согласно свидетельским показаниям, 8 декабря 1722 г. солдат Данилов «не без страха» стал на караул к соборной церкви. В городе ходили слухи, будто недели три назад в церковной трапезе неоднократно стучал и бегал невидимый дух. И действительно, вскоре после полуночи на деревянной лестнице колокольни послышался страшный шум: явственно различались стук, беготня, шаги.

Солдат не посмел оставить свой пост, а дождался псаломщика, пришедшего благовестить. Поднявшись на колокольню, псаломщик «скоро усмотрел»: лестница-стремянка, «по которой карабкались обыкновенно для осмотра к самым верхним колоколам, оторвана и брошена наземь, «порозжий канат перенесен с одного места на другое, наконец, веревка, спущенная для благовесту в церковь с нижнего конца в трапезе, на прикладе обернута вчетверо».

Наутро соборный причт стал заинтересованно обсуждать происшествие. «„Никто другой, как кикимора“, — говорил поп Герасим Титов, относясь к дьякону Федосееву. Тот расходился во мнениях по этому предмету. „Не кикимора, — говорил он, — а возится в той трапезе черт“».⁴⁶

Подобная противоречивость толкований не случайна: образ кикиморы в русских поверьях — один из самых неодноплановых и «неуловимых». Кикиморой (шишиморой) нередко именуются самые разные сверхъестественные существа — от лешачихи до вызывающего кликушество беса и черта (нечистого духа). В петербургской легенде XVIII в. существо, называемое кикиморой,

⁴⁵ АРЭМ. Ф. 7, оп. 1. № 868, л. 21—22; № 159, л. 2—4 (Волог. губ.); № 836, л. 5—6 (Новг. губ.). Ср. также поверья о скрюченной фигуре в белой шапке, в белом или красном колпаке (Волог., Онеж., Тамб.); в золотой шапочке (Костр.), возникающей на колокольне в полночь (*Власова М. Н.* Русские суеверия. С. 259—260).

⁴⁶ *Семевский М. И.* Очерки и рассказы... С. 87—89.

напоминает колокольного мана (в верованиях ряда районов России ман — привидение, а чаще — покойник, обитающий на колокольне), но отождествляется при этом с чертом.

Почти повсеместно верили, что свое присутствие кикимора обнаруживает чаще всего ночью, оставаясь невидимой. Если она водворяется в доме, там «становится нечисто», «чудится или блазнит»: кикимора топает, бегаёт, стонет, стучит и пр. Ее проделки не только грозят бедой, но могут буквально изгнать хозяев из дома.⁴⁷

Суеверия значительной части столичных жителей XVIII в., видимо, несильно отличались от традиционных крестьянских, что подтверждается всеми деталями сюжета о кикиморе либо черте на соборной петербургской колокольне. Нечистый дух появляется ночью, невидим, грохочет и буйствует, вселяя страх и недобрые предчувствия в присутствующих (примечательно, что документальная версия необычайного события гораздо ближе к бытующим народным верованиям, нежели художественная интерпретация А. Н. Толстого).

Спустя три века невозможно установить, какие реальные происшествия в Троицкой церкви (озорство, злой умысел, нечто и впрямь сверхъестественное) послужили основой для разговоров ее причта. Ясно одно: причт принял в них слишком горячее участие, неосмотрительно истолковав не только во вполне народном духе, но и с привнесением опасного «петербургского колорита». «Что ж, с чего возиться-то черту в трапезе? — рассуждают псаломщик и дьякон. — Да вот с чего возиться в ней черту... Санкт-Петербурх пустеть будет».

Дело получает огласку. «Что у вас за черти возятся?» — спрашивает протопоп Симеонов попа Титова. «Не знаю, — отвечает тот, — не знаю, сам не слышал а вот рассказывает псаломщик...». «Пожалуй, что и впрямь кикимора», — замечает протопоп. «Петербурху, Питербурху пустеть будет!» — вмешивается отец дьякон.

Все, что касалось печально известного пророчества Лопухиной (предрекшей городу гибель) или «иных вымыслов на запустение тем или иным способом любимого создания монарха», расследовали с пристрастием. Ввиду стремительного умножения слухов участники «истории с кикиморой» поспешили донести друг на друга в Тайную Канцелярию. Болтунов-толкователей привлекли к ответу. Спустя четыре месяца дело дьякона, «чающего запустения Петербурга», было вершено самим государем, и «вершено сурово»: «... чтоб, на то смотря, впредь другим таких непотребных слов говорить было неповадно».⁴⁸

⁴⁷ Власова М. Н. Русские суеверия. С. 215—224.

⁴⁸ Семевский М. И. Очерки и рассказы... С. 88—100.

Основной вывод, сделанный и уцелевшими, и пострадавшими участниками дознания, был несомненно следующим: всегда, даже в минуты «пьянственного веселья», надо быть начеку и говорить с оглядкой, опасаясь «изветчиков».⁴⁹

Явление столичной кикиморы, переосмысленное городской молвой как подтверждение ужасающего пророчества Лопухиной о «запустении» Петербурга и породившее длительное разбирательство в недрах Тайной Канцелярии, стало одним из свидетельств несмываемой печати проклятия, легшей на Петербург, — символом, многократно поминаемым и в фольклоре, и в литературных экскурсах.

«Так с тех пор, должно быть, и повелось думать, что с Петербургом нечисто. То видели очевидцы, как по улице Васильевского острова ехал на извозчике чорт. То в полночь, в бурю и высокую воду, сорвался с гранитной скалы и скакал по камням медный император. То к проезжему в карете тайному советнику липнул к стеклу и приставал мертвец — мертвый чиновник. <...> С унынием и страхом внимали русские люди бреду столицы» (А. Н. Толстой).

Представления о нечистоте и обреченности, «бесчеловечности», «нерусскости» северной столицы (наряду с парадно-оптимистическими) бытовали в устной культуре, «раскольничьей, крепостной, солдатской, мастеровой, впрочем, и в дворянской», формируя постепенно столь прославленный ныне «петербургский миф».⁵⁰

Явившийся то ли наперекор природе и истинно российским традициям (по мнению славянофилов, перенесение столицы на север «нарушило правильное кровообращение России»), то ли, напротив, возникший на исконно русских землях (как наследник «великих начал древнего вечевых Новгорода») Петербург, безусловно, стал и «сам себе памятником» (В. Г. Белинский), и «воплощенным мифом»

Вполне мифологизированы не только история возникновения города, но и само пространство Петербурга — «города-чиновника», «города-немца», «города-Гамлета», «города-брёда».

На протяжении долгих лет «миф обреченного (либо избранного) города» на разные лады культивировался и простыми горожанами, и столичными литераторами, музыкантами, художниками.

⁴⁹ История колокольных, церковных, кладбищенских привидений Санкт-Петербурга этим не исчерпывается. В 40-х гг. XIX в., например, среди воспитанниц Смольного института был популярен рассказ о девице, рискнувшей ночью пойти на колокольню и столкнувшейся там со сверхъестественным существом в саване, за оскорбление которого она жестоко поплатилась (Угличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря 40-х годов. М., 1901. С. 18).

⁵⁰ Некрылова А. Ф. Петербургский постскрипtum. С. 644.

«...Считаю петербургское утро, казалось бы самое прозаическое на всем земном шаре, — чуть ли не самым фантастическим в мире. Это мое личное воззрение или, лучше сказать, впечатление, но я за него стою, — писал Ф. М. Достоевский. — В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из „Пиковой дамы“ (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепит⁵¹ся.

Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: „А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымет⁵²ся туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?“».

Переполненный странными и призрачными видениями, город предстал в полуфольклорном-полулитературном мифе как город-мираж, проклятый и двоящийся. «Идея двойничества, предопределенная природой и климатом Петербурга, сознательно или бессознательно поддерживалась и актуализировалась самими петербуржцами. Мало того, что город весной, летом и осенью существует как бы в двух измерениях, причудливо отражаясь в глади или ряби Невы, бесчисленных речек, каналов, прудов, фонтанов и столь характерных для Петербурга лужах, отчего получает фантастическое (изломанное, сдвинутое) „обратное“ продолжение; это подобие, в отличие от реальных неподвижных домов, решеток, памятников, кажется живым, наделенным настроением, изменчивым и капризным. Человек, находящийся на пересечении реального пространства и его отраженного „двойника“ поневоле видит и чувствует себя раздвоенным. (...) Неоднократные зеркальные повторения стирают различия между человеком и его двойником, выступающим в виде маски, куклы, призрака, тени, второго „я“ или даже части человека».⁵¹

Доминирующие в петербургской демонологии темы призраков, привидений и «призрачности»; двойников-оборотней и двойничества на протяжении столетий бытуют во взаимосвязанных, взаимоперетекающих версиях: массовой — тиражируемой в городских слухах, толках, суевериях, легендах; и элитарной — развиваемой в художественных произведениях, публицистических экскурсах.

Навеянные и традиционными поверьями, и сугубо петербургскими впечатлениями сюжеты, образы литературных произведений (от бульварных до классически безупречных) распространяются среди петербуржцев и, вновь соприкасаясь с бытующими

⁵¹ Там же. С. 646.

суевериями, порождают очередные трансформации городских «демонических персонажей и сюжетов». Таковы, в частности, многократные метаморфозы Пиковой дамы: в конце XX в. она становится героиней детских страшилок-вызываний, а «дикая мечта» пушкинского Германна, «колоссального лица петербургского периода», оказывается сюжетом игры-гадания, источником современного мифотворчества.⁵²

⁵² Об этом см.: *Топорков А. Л.* Пиковая дама в детском фольклоре начала 1980-х гг. // Школьный быт и фольклор. Таллин, 1992. С. 3—41.

РАЗДЕЛ IV. АРХИВЫ. БИБЛИОГРАФИЯ

Р. Б. ЗАБОРОВА

ОБ АРХИВЕ Н. П. АНДРЕЕВА

Николай Петрович Андреев родился 23 ноября 1892 г. в Казани, в семье приказчика мануфактурного магазина. Окончив реальное училище, в 1914 г. поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Казанского университета. Уже будучи студентом, Н. П. Андреев проявил незаурядные способности как филолог — его реферат «Некоторые черты Зографского Евангелия» (1915 г.) и статьи «Опыт экспериментально-фонетического исследования отдельных гласных и некоторых простейших звуко сочетаний в общерусском произношении» (1916 г.), «Цикл легенд о великом грешнике-разбойнике» (1918 г.) получили высокую оценку профессора Е. Ф. Будде, две же последние работы были награждены золотыми медалями. После окончания университета в 1918 г. Н. П. Андреев был зачислен профессорским стипендиатом по кафедре истории западноевропейских литератур. В это же время он начал свою преподавательскую деятельность. Н. П. Андреев читает курс словесности на рабочем факультете Казанского университета, лекции по истории западноевропейской литературы на Мусульманских преподавательских курсах, лекции по истории западноевропейской драмы в Высшем институте народного образования, преподает в военных школах. В 1922 г. Николай Петрович был приглашен в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, сначала на должность доцента кафедры русской литературы, а с 1928 г. — профессора. Он читает различные курсы лекций не только по фольклору, но и по русской литературе, проводит семинарские занятия, руководит аспирантами. С чтением лекций и докладов по фольклору Н. П. Андреев выступает в университетах Киева, Харькова, дру-

гих городов. Выполняет он и организационно-административные обязанности, будучи в течение ряда лет заместителем декана факультета языка и литературы, заведует кафедрой русской литературы.

Кроме преподавания в вузе Н. П. Андреев занимается и научно-исследовательской деятельностью в Фольклорной комиссии АН СССР, которая вначале входила в состав Института по изучению народов СССР, затем Института антропологии, археологии и этнографии и, наконец, Института русской литературы (Пушкинский Дом), где ученый работает в качестве старшего научного сотрудника. Со второй половины 1920-х гг. он член Сказочной комиссии при Этнографическом отделении Русского географического общества, в начале 1930-х Н. П. Андреев возглавляет фольклорную группу в Институте речевой культуры. С конца 1930-х гг. он член Союза советских писателей (Фольклорной секции Ленинградского отделения Союза). Н. П. Андреев состоял членом ученых советов ряда научно-исследовательских институтов и вузов, на общественных началах читал лекции в воинских частях Северного Кавказа, Дальнего Востока, Ленинградского военного округа. Наконец, он переводил труды специалистов в области сказковедения: А. Аарне, Д. Базиля, В. Клаутона,¹ в 1924—1928 гг. активно сотрудничал с международными фольклористическими периодическими изданиями.

Широк и разнообразен круг научных интересов ученого и педагога: теоретические проблемы фольклора, его история, специфика отдельных фольклорных жанров (в первую очередь — сказки), проблемы взаимоотношения литературы и устного народного творчества, методика преподавания фольклора и русской литературы в школах и вузах. Об этой широте и разнообразии свидетельствуют труды Н. П. Андреева. Он не только пишет научные статьи, но и выступает в роли издателя, комментатора, рецензента.

Многолетняя научная деятельность Н. П. Андреева, совпавшая с периодом становления советской фольклористики, описана в энциклопедиях,² получила свою оценку в обстоятельных статьях А. М. Астаховой,³ В. П. Аникина,⁴ полностью отражена в библио-

¹ Эти переводы содержатся в V разделе архива ученого.

² Померанцева Э. В. Н. П. Андреев // Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. Стлб. 231; Большая советская энциклопедия. Т. 3. Изд. 3-е. М., 1970. С. 18; Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 397—398.

³ Астахова А. М. Николай Петрович Андреев в истории советской фольклористики 20—30-х гг. / Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971. С. 181—200.

⁴ Аникин В. П. Становление советской фольклористики и историческая концепция Н. П. Андреева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1987. № 5. С. 31—37.

графии по русскому фольклору.⁵ О роли ученого в изучении абхазских сказок писал И. Г. Левин.⁶ При этом все авторы не раз ссылаются на архив Н. П. Андреева, хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 20, оп. 13, № 1—300).

Материалы ученого хранятся и в других архивах. Так, В. М. Гацак⁷ опубликовал статью Н. П. Андреева «Проблема тождества сюжета» из архива Русского географического общества. Е. Б. Вирсаладзе дала краткую характеристику работ Н. П. Андреева, находящихся в Тбилисском государственном литературном музее.⁸ Опубликовано пять писем Н. П. Андреева М. Я. Чиковани из того же архива.⁹

Одной из главных задач, стоящей перед фольклористами начала XXI в., является создание истории отечественной фольклористики XX столетия. Следует выяснить, какие ее направления сохраняют свою актуальность в новом столетии, а какие отражают лишь слепое следование тупиковой марксистско-ленинской методологии. В этом плане предстоит еще дать оценку научной деятельности наиболее известных исследователей советского периода, среди которых в 1920—1930-х гг. был Н. П. Андреев. Поэтому цель данной публикации — познакомить фольклористов с архивом ученого, хранящимся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, ибо до сегодняшнего дня существует лишь «Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ (Фонды русских деятелей XVII—XX вв.)» (Л., 1981. Вып. 1), в котором фонду Н. П. Андреева посвящено лишь две страницы.

После смерти ученого в осажденном Ленинграде 15 января 1942 г. его архив спустя несколько дней поступил как выморочный в Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки. С риском для жизни, в лютый мороз, под угрозой обстрела его доставила сотрудница библиотеки Евгения Эдуардовна Гранстрем. В 1944 г. архив был обработан автором данного обзора.

Фонд Н. П. Андреева (ф. 20, оп. 13) состоит из следующих разделов:

I. Рукописи трудов Андреева. Сборники, хрестоматии, обзоры циклов легенд (№ 1—31);

II. Статьи, заметки, предисловия, комментарии (№ 32—77);

⁵ Русский фольклор. Библиографический указатель. 1917—1944 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1966.

⁶ Левин И. Г. Н. П. Андреев и сказки Абхазии // Абхазские народные сказки. М., 1975. С. 425—430.

⁷ В кн.: Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 230—243.

⁸ Вирсаладзе Е. Б. Фольклористическое наследие Н. П. Андреева. (По архивным материалам Тбилисского гос. литературного музея им. Георгия Леонидзе) // Современное состояние народного творчества. Программа конф. и тез. докл. Л., 1970. С. 24.

⁹ Мегрелидзе И. В. Письма русских фольклористов грузинскому фольклористу // Фольклор и современность. Тбилиси, 1982. С. 152 и след.

- III. Лекционные курсы (№ 78—86);
 IV. Рецензии и отзывы (№ 87—88);
 V. Переводы (№ 89—92);
 VI. Рефераты, конспекты, отчеты и проч. (№ 93—121);
 VII. Работы других лиц с пометами Андреева и записи фольклорного материала (№ 122 — 168);
 VIII. Рецензии и отзывы о работах Андреева с его пометами (№ 169—175);
 IX. Письма Андреева (№ 176—185);
 X. Письма Андрееву (№ 186—252);
 XI. Библиографические материалы, деловые бумаги, фотографии (№ 253—257);
 XII. Печатные материалы Андреева с его пометами (№ 258—259);
 XIII. Статьи и книги разных лиц с дарительными надписями Андрееву (№ 259-а—273);
 XIV. Материалы К. В. Чирковой (жены Андреева, филолога) (№ 274—285);
 XV. Материалы других лиц (№ 286—297).

К первому разделу относятся корректуры, машинописи с авторской правкой таких изданий, как: Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929 (№ 13—16; 1927/1929; 250 л., 231 л., 133 л., 180 л.);¹⁰ Былины. Русский героический эпос / Вст. статья, ред. и предисл. Н. П. Андреева. Л., 1938 [«Библиотека поэта»] (№ 1¹¹—2, 101 л. и 291 л.); Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. М.; Л., 1936; 2-е изд. 1938 (№ 5—7); вступительная статья к сборнику «Русская баллада» (Л., 1936 [«Библиотека поэта»]) (№ 3—4, 9 л. и 14 л.). В особый ряд можно выделить неопубликованную работу ученого о сказках: «Сказка»¹² (№ 8; 2-я половина 1930-х гг.; 96 л.). В этот же раздел входят разнообразны материалы (различные выписки, черновики, наброски, рукописные дополнения), относящиеся к ранним работам Н. П. Андреева, посвященным проблемам взаимоотношения литературы и фольклора: «„Сказание о гордом Аггее“ Гаршина и несколько параллелей к нему» (№ 9; 1919/1924; 123 л.);¹³ «Легенда

¹⁰ Под № 17 хранится «Указатель украинских сказок» (без даты; 66 л.). Любопытно бы было сравнить с подобным Указателем, хранящимся в Тбилиском гос. литературном музее.

¹¹ Здесь помещены два варианта вступительной статьи, проспект сборника и примечания.

¹² Данная работа должна была стать главой в коллективном трехтомном труде «Русский фольклор» (см.: *Астахова А. М.* Николай Петрович Андреев... С. 190). Для этого издания была написана статья «Фольклор как народное творчество» (№ 24; 2-я пол. 1930-х гг.; 168 л.).

¹³ Доклады и материалы к ним; здесь же отдельные выписки, сделанные не рукой Н. А. Андреева.

о гордом царе»¹⁴ (№ 9; 1920/1926; 251 л.), «Три старца» Л. Толстого и родственные легенды»¹⁵ (№ 10—11;¹⁶ 1921/1923; 49 л. и 23 л.), «Легенда о праведнике, не умеющем молиться»¹⁷ (№ 12; 1926; 142 л.), «Цикл легенд о великом грешнике-разбойнике» (№ 25, 26, 28, 29; 1918/1928; 165 л., 304 л., 482 л., 61 л.),¹⁸ «Легенда о двух великих грешниках» (№ 27, 30; 1922/1928; 50 л., 18 л.).¹⁹

Те же проблемы интересовали ученого и в последующие годы. Об этом свидетельствуют материалы, находящиеся во втором разделе архива. Это и обобщающая работа — авторизованная машинопись «Фольклор и литература» (№ 70; 1935; 27 л.),²⁰ а также исследования по творчеству отдельных писателей: «Пушкин и народное творчество» (№ 58; [1937]; 15 л.),²¹ «Великий русский поэт» (№ 59; 1937, 6 л.), «Произведения Пушкина в фольклоре» (№ 57; 1936; 33 л.),²² «Сказка о попе и о работнике его Балде» (№ 64; 1940; 18 л.),²³ «Народные мотивы в творчестве Лермонтова»²⁴ (№ 48; 1941; 19 л.), «Фольклор в поэзии Некрасова» (№ 68; 1936; 44 л.).²⁵

Кроме того, в разделе *Статьи, заметки, предисловия, комментарии* имеются машинописи с авторской правкой, черновики статей по общим проблемам фольклористики: «К методологии и технике изучения народной словесности» (№ 43; 1922; 16 л.),²⁶ «Устное народное творчество» (№ 68; б. г.; 39 л.), «Русская устная поэзия» (№ 75; [1938]; 17 л.); по истории русского фолькло-

¹⁴ Материалы к неизданной монографии. Среди них имеются списки текстов, сделанные разными почерками.

¹⁵ Опубликовано в журнале: Новое дело. Научно-педагогический вестн. Казанского гос. ун-та. 1922. Кн. 2. С. 25—38.

¹⁶ Два печатных оттиска с пометами и дополнениями Н. П. Андреева.

¹⁷ Статья и материалы к ней, в частности копии легенд, сделанных университетским учителем Андреева проф. В. Н. Андерсоном.

¹⁸ Статья «Легенда о разбойнике Мадее» опубликована В. Н. Андерсоном в немецком переводе в Хельсинки в «FF Communications».

¹⁹ Также опубликована В. Н. Андерсоном в том же издании. Ср.: Изв. ЛГПИ. 1928. Вып. 1. С. 185—198.

²⁰ Ср. публикации: Фольклор и литература // Литературная учеба. 1936. № 2. С. 67—99; Фольклор и литература. (Из курса лекций по фольклору) // Учен. зап. ЛГПИ и Гос. НИИ научной педагогики. 1936. Т. 2. Факультет языка и литературы. Вып. 1. С. 103—136.

²¹ См.: Учен. зап. ЛГПИ. 1938. Т. 14. Кафедра рус. лит-ры. С. 39—69.

²² См.: Литературный критик. 1937. № 1. С. 151—168.

²³ Ср.: Сказка Пушкина «О попе и о работнике его Балде» // Акад. Малый оперный театр. «Сказка о попе и о работнике его Балде». Балет. Л., 1940. С. 12—32.

²⁴ Это текст для радиопередачи к лермонтовскому юбилею.

²⁵ Опубликовано: Литературная учеба. 1936. № 7. С. 60—85. Ср.: Некрасов в русской критике. М., 1944. С. 158—182.

²⁶ Новое дело. Научно-педагогический вестн. рабочего фак-та Казанского гос. ун-та. 1922. Кн. III. С. 17—45.

ра: «Фольклор домонгольского периода» (№ 72; [1939]; 30 л.), «Фольклор XIX века» (№ 71; [1939]; 16 л.).

Н. П. Андреев занимался исследованием жанровой специфики отдельных видов фольклора, в первую очередь сказки. Здесь следует отметить статьи по русской сказке: «Каталогизация сказочных сюжетов и система Аарне»,²⁷ «К характеристике русского сказочного материала» (№ 42; 1934; 15 л.), «О принципах издания сказок» (№ 53; б. г.; 23 л.), «О сказках» (№ 55; [1936]; 16 л.), «Справки о типах в русском фольклоре» (№ 67; [1935]; 29 л.). Как известно, Н. П. Андреев участвовал в подготовке к изданию или переизданию целого ряда сказочных сборников: А.Н. Афанасьева (№ 50; 1936/1937; 145 л.), В. И. Чернышева (№ 60; 1926/1927; 7 л.), А. Н. Нечаева (№ 61; б. г.; 3 л.), писал к ним вступительные статьи, составлял комментарии.²⁸ В том же разделе находится обзор новых изданий сказок на русском языке (№ 51; [1940], 116 л.).

Об интересе Н. П. Андреева к сказкам других народов свидетельствуют следующие работы: машинописные примечания к абхазским сказкам (№ 32; 1936; 105 л.) и машинописные же предисловия к сборникам «Сказки Карелии» (№ 62, 63 — оттиск; [1939]; 186 л., 19 л.), «Сказки народностей Сибири» (№ 65; [1932], 13 л.), «Сказки Зулу» (№ 66; [1938]; 23 л.). Наряду с анализом сказок в данном разделе имеются статьи по легендам (№ 44; б. г.; 7 л.), загадкам: «Загадки северных народов» (№ 35; 1937; 17 л.).

Ряд статей посвящен анализу советского фольклора: «Великая Социалистическая Октябрьская революция и фольклор» (№ 34; 1937; 21 л.), «Ленин и Сталин в народном творчестве» (№ 45; [1938]; 8 л.).

А. Н. Андреевым были созданы учебно-методические разработки: «Методические указания к проработке темы „Фольклор“ (V год обучения)» (№ 74; 1937; 1932; 25 л.), «„Фольклор“. (К постановке темы в средней школе)» (№ 73; [1939]; 15 л.).

В разделе *Лекционные курсы* содержатся циклы лекций по истории театра, истории и теории русской литературы.

Много материалов находится в разделе *Рецензии*. В основном это отзывы на наиболее значимые труды и сборники 1930-х гг.²⁹

В разделе *Рефераты, конспекты, отчеты и проч.* хранятся замечания на диссертации, доклады, сообщения как солидных ученых (М. К. Азадовского, Е. Г. Кагарова, А. И. Никифорова), так и на выступления, рефераты аспирантов и студентов.

²⁷ Ср.: Система Аарне и каталогизация русских сказок // Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. Л., 1926. С. 7—12.

²⁸ Он же участвовал в комментировании отдельных томов сочинений Н. В. Гоголя (№ 40; 1937; 28 л.), А. Н. Веселовского (№ 41; [1938]; 27 л.).

²⁹ См. их перечень в уже упомянутом библиографическом указателе «Русский фольклор».

Особо следует рассказать о разделе *Работы других лиц с пометами Андреева и записи фольклорного материала*. Здесь помещены записи, сделанные опытными собирателями, а в большей степени студентами и аспирантами.³⁰ Они представляют большой интерес, во-первых, из-за количества обследованных регионов, а во-вторых, из-за разнообразия зафиксированных фольклорных жанров. Поскольку в нашей фольклористике в последнее время стала актуальной тема изучения и издания фольклора по регионам, то считаю необходимым подробнее познакомить читателей с этими материалами. № 122: *Артюхов*. Характеристика народной словесности по личным наблюдениям (Псков. губ., Себежск. у.) (Зап. в 1928/1929; 11 л.); № 123: *Веретенникова А.* Сказки, записанные ею ([1928]; 69 л.); № 124: *Галанина Е.* Свадебные песни и обряды (Костром. губ., Буйск. у.) (б. г.; 8 л.); № 126: *Глаголев В. Н.* Сказания и предания Новосильского края (1928; 29 л.); № 127: *Голубева А.* «Как Пушкин солдата во дворец водил». Сказка (б. г.; 5 л.); № 129: *Десятникова Е.* 1) Ленинградской области дер. Домкино свадебный обряд (1928/1929; 8 л.); № 130: 2) Пензенского округа с. Князевка причитания и песни (1928/1929; 7 л.); № 131: *Доброхотова А. И.* Сказки «Об Иванушкиной свадьбе», «О Федоре и жене его Маше» и др. (1937; 18 л.); № 133: *Егорова М.* Местный говор по сказке, записанной в 1923 г. в Тверск. губ. (1923; 8 л.); № 134: *Зайцева З.* Деревенский свадебный обряд в Великолуцк. у., Псковск. губ. (1925; 8 л.); № 135: *Иванов А.* Запись сказок «Ванька-пузырь», «Про Лутошеньку» и др. ([1925]; 6 л.); № 136: *Касторский С. В.* Приметы, поверья, предания о колдовстве и кладах в Галичск. у., Костромск. губ. ([1925]; 6 л.); № 137: *Комовская Н. Д.* Сказки М. А. Сказкина ([1941]; 509 л.); № 138: *Ленина В. В.* 1) Кадрельные песни (1929; 155 л.); № 139: 2) Фольклор, собранный летом 1927 г. в Щекинск. (Воскресенск.) районе Пролетарск. вол. Ярославск. губ., Пошехонско-Володарского у. (1927; 47 л.); № 140: *Леонтьева А. И.* Записи сказок «Мельникова дочка и разбойники», «Царь и диакон», «Сказка про серебряное блюдечко и наливное яблочко» (1937; 15 л.); № 141: *Маркова М. Д.* Заговоры и песни, записанные в Гомельск. губ. Чериковск. у. (1924; 2 л.); № 142: *Митькина А.* Молитвы и песни. Фольклорные записи (1925; 8 л.); № 145: *Невзоров В. Ф.* Этнографический сборник Пензенского края (1924; 461 л.); № 146: *Мошкин В. Н.* Запись фольклора в с. Железный Борок Буйск. у., Костромск. губ. Песни, частушки, свадебные обряды и песни (1926; 92 л.); № 147: *Никитина Л. А.* Записи сказок «Как солдат показал деревенской старухе войну», «Как мужик с неба свалился» (1937; 17 л.); № 148: *Новикова Н.* Частушки свадебного характера Новгородск. губ., Валдайск. у., Дворицкой вол.,

³⁰ На большинстве работ имеются замечания и пометы Н. П. Андреева.

дер. Моисеевка (1924/1925; 13 л.); № 149: *Огородников И.* Сказки и песни Костовского у., Ярославской губ. (б. г.; 10 л.); № 150: *Павлович Т.* «Отражение быта и местных условий в сказках»; «О поэтическом элементе сказок» (студенческие доклады) (1937; 66 л.); № 151: *Петрова О. Ф.* 1) Свадьба в деревнях Борисовской вол. Белозерск. у., Череповецк. губ. (1923; 9 л.); № 152: 2) Сказки Шкловской вол., Могилевск. у., Гомельск. губ. (1924; 43 л.); № 153: 3) Сказки Вологодск. губ., дер. Ратновская (1926; 14 л.); № 154: 4) Частушки Вологодск. губ. (б. г.; 16 л.); № 155: 5) Сказки Кадниковск. у., Вологодск. губ. (1927; 36 л.); № 156: *Пименова З.* Частушки в ее записи (б. г.; 18 л.); № 157: *Раевский Ф.* Сказки и песни Верхнего Дона. Сборник (1936; 168 л.); № 164: *Успенский А.* Народная поэзия и обряды Тверской губ. по личным наблюдениям (б. г.; 17 л.); № 166: Былины, песни, частушки, заговоры в записи разных лиц (1910/1934; 84 л.); *Неустановленное лицо.* Народные сказки о мачехе и падчерице. Статья (б. г.; 12 л.).

В том же разделе хранятся сборники и исследования фольклора народов СССР с пометами и замечаниями Н. П. Андреева: № 125: *Гатуев Д.* Осетинские сказки (б. г.; 445 л.); № 132: *Дураков П., Убрятова и др.* Загадки северных народов (1937; 331 л.); № 144: *Морина З. М.* «Герои абхазских сказок» и «Описание сюжетов абхазских сказок» (1939; 91 л.); № 158: *Ремсу М. А., Хотеева М. М. и др.* Карельские сказки (1936; 117 л.); № 159: *Белова, Кормуев, Липкина и др.* Карельские сказки в их записи (б. г.; 166 л.); № 162: *Торгашин Я. Т.* Фольклор народов Севера (1934; 285 л.),³¹ № 165: *Хашба А., Кукба В.* Абхазские сказки (1935; 141 л.).

В разделе *Рецензии и отзывы о работах Н. П. Андреева* находятся отзыв М. К. Азадовского о хрестоматии Андреева «Русский фольклор» с пометами и возражениями Н. П. Андреева (№ 169; 1938; 8 л.); отзыв А. Л. Дымщица о работах «Былины» и «Русский фольклор» (№ 170; 1937—1938; 2 л.); автограф М. В. Нечкиной «Беглые заметки, сделанные во время чтения работы Н. П. Андреева «Цикл легенд о великом грешнике-разбойнике» (№ 171; 1919; 5 л.); отзыв А. И. Никифорова на хрестоматию «Русский фольклор» (№ 172; 1936; 5 л.); рецензии Б. Л. Розенфельда и А. А. Шилова на ту же работу (№ 173; 1936; 16 л.; № 174; 1937; 5 л.); отзыв неустановленного лица о рукописи Н. П. Андреева «Былины» (№ 175; б. г.; 13 л.).

В разделе *Письма Н. П. Андрееву* среди прочих содержатся письма В. Н. Андерсона, Н. Д. Комовской, З. Н. Куприяновой, И. А. Мохирева, А. Д. Соймонова, Ф. В. Тумилевича, а в разделе *Статьи и книги разных лиц с дарительными надписями Н. П. Андрееву* имеются автографы А. Гвоздева, Е. Н. Елеонской,

³¹ Здесь же рецензия А. И. Никифорова на книгу Я. Т. Торгашина «Образцы устного народного творчества народов Севера».

В. А. Закруткина, О. И. Капицы, В. А. Келтуалы, М. С. Крюковой, Н. К. Пиксанова, Ф. В. Тумилевича, В. Ф. Шишмарева.

Можно констатировать, что архив Н. П. Андреева представляет собой огромный массив историко-фольклористических трудов и научно-методических изысканий по анализу текстов, собиранию, отбору, систематизации и классификации фольклорных жанров. В целом — это очень интересный, поучительный и важный материал для изучения истории отечественной фольклористики 1920—1930-х гг. Кроме того, знакомство с архивом Андреева позволяет войти в творческую лабораторию ученого, познакомиться с методикой его научных исследований, многие из которых до сих пор не утратили своего значения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д. К. Мотольская

Воспоминания о профессоре Николае Петровиче Андрееве

Впервые мой курс увидел Николая Петровича в начале 1926/27 учебного года на втором курсе факультета языка и литературы. Это было фактически начало процесса подготовки к будущей профессии, потому что на первом курсе мы занимались педагогикой, политпросветом, анатомией и физиологией, а с языковыми и литературными дисциплинами мы еще не сталкивались. Мы одновременно познакомились с Н. П. Андреевым и с Василием Алексеевичем Десницким, и впоследствии эти два имени были для нас нерасторжимы. В. А. Десницкий был деканом факультета, а Н. П. Андреев его заместителем. Что нас поразило в том и другом — очень серьезное, уважительное к нам отношение. Николай Петрович преподавал фольклор, и мы сразу в нем почувствовали крупного ученого и одаренного преподавателя, что ощущалось не только в его курсе лекций, но и в семинарских занятиях, которые были удивительной школой для будущего учителя, для будущего филолога. Николай Петрович наметил такие темы наших докладов, которые свидетельствовали о вере в студенческие возможности и, главное, о вере в повышенный интерес начинающих филологов к науке. Он предупреждал, что докладчикам все почти придется «открывать» самим, так как в те годы очень многие проблемы филологии не только не были решены наукой, но еще ждали своих исследователей. Следовало вдуматься, взглядеться в материал, и, отгалкиваясь от него, прийти к каким-то самостоятельным выводам.

Среди намеченных им тем были такие, которые предполагали сравнительный анализ классических фольклорных сборников Н. Е. Ончукова, А. В. Маркова, А. Ф. Гильфердинга. Целый цикл тем предполагал рассмотрение, анализ художественных принципов использования фольклора русскими писателями, и не только XIX, но и XX века. Кроме Пушкина, Некрасова появились имена Есенина и Клюева.

Одна тема — «Литературные произведения в фольклорной обработке» — поразила меня своей неожиданностью, ею я и занялась. Надо отметить, что Николай Петрович не давал студентам никакой библиографии, считая, что они должны делать все сами.

Расскажу об одном эпизоде. Работая уже довольно долго над выбранной темой, я столкнулась с тем, что не знаю основ ритмики народной песни, и, дрожа от волнения, спросила у Николая Петровича, что я могу прочитать по этому поводу (курса поэтики у нас на факультете в то время еще не было). На мой вопрос Николай Петрович неожиданно для меня не ответил, а достаточно строго сказал: «Это что Вам будет угодно, товарищ Мотольская!» Много лет спустя, когда мы уже были коллегами на кафедре русской литературы, он сказал, что ему было интересно выяснить уровень возможностей студента в самостоятельных разысканиях, уровень самостоятельного движения в исследовании темы.

Он был удивительным слушателем наших докладов и приучал нас слушать друг друга. Он не только слушал, но и записывал услышанное, видимо тут же делая свои замечания. После выступления каждого из нас Николай Петрович давал скрупулезный анализ того, что сделал студент, выбирая из доклада крохи студенческих открытий. Одновременно он был очень суров в оценках наших работ. Ему было очень важно, насколько студент был усерден в работе, насколько добросовестно он трудился. Н. П. Андреев был очень резок, если сталкивался с поверхностным рассмотрением материала, с легковесным отношением к сложным проблемам и, наоборот, радостно приветствовал всякое проявление повышенного уровня исследования, пылливость, труд, вложенный в работу, самостоятельность в разысканиях. В докладе о народных источниках поэзии Есенина ему не понравилась поверхностность, неумение показать то особенное, что характеризует именно есенинский принцип использования и претворения народной поэзии в своей плавильне слов.

Поразили нас и лекции Николая Петровича: обилие материала, введение в собственную научно-творческую лабораторию и в лаборатории других ученых, раскрытие научного подхода к изучению материала. В его лекциях большое место занимала демонстрация вариантов народных песен, сказок, сюжетов, то есть того, что характеризует жизнь фольклорных текстов. Николай Петрович был настоящим мастером лекционного жанра: лекции его отличались

строгой логичностью, строгим обоснованием выводов и вместе с тем удивительной живостью.

На III курсе Николай Петрович читал курс поэтики. Очень большое место в нем, так же как и в семинаре по поэтике, занимали вопросы стиховедения. Для того времени это было совершенно ново. Запомнился один доклад о ритмике Фета. Студентка Сильва Куница дала анализ ритмики всех стихов в собрании сочинений поэта, изобразив все это в таблицах, прикрепленных к доске. Через несколько лет, попав на лекцию Н. П. Андреева в Институте усовершенствования учителей, я увидела, как он использует сделанные Куницей выводы, ссылаясь на нее. Подобные обязательные ссылки были и в других случаях использования профессором студенческих работ.

Николай Петрович пристально следил за ростом научных возможностей студента и всячески стремился поощрить их развитие. Он давал возможность самим определить тему своей работы, при этом она могла выходить за рамки его собственных интересов. Так случилось и со мной. В качестве семинарской работы по поэтике я предложила тему «Сравнительный анализ композиции новелл Чехова и Мопассана». Эту работу я сдала Н. П. Андрееву в письменном виде. И его удивительное уважение к студенческому труду, удивительная скромность побудили профессора произнести неожиданную фразу, вначале напугавшую меня: «Я не могу быть больше Вашим руководителем, ибо не знаю материал так, как знаете его Вы». Тем не менее спустя некоторое время он сделал строгий научный анализ студенческой работы третьекурсницы.

Грозным явлением были тогда в институте собрания студентов с острым политическим накалом, посвященные борьбе с проникновением в студенческую среду антисоветских настроений, и Николай Петрович присутствовал на подобных собраниях как заместитель декана. На одном из таких собраний никто не защитил меня от недоброго пристрастного обвинения, что я не разговариваю с какой-то студенткой только потому, что она комсомолка. Я крикнула: «Ложь!» Николай Петрович не мог выступить на собрании, но на следующий день косвенно выразил свое отношение. Встретив меня на лестнице, ведущей к аудитории, он остановил меня и долго разговаривал, как бы демонстрируя проходящим мимо студентам, насколько дружелюбно и сочувственно ко мне относится.

Из поля зрения Николая Петровича не уходило и то, как распределяют студентов IV курса на работу в Сибирь и другие отдаленные места. Хотя он не был уже тогда заместителем декана, но содействовал тому, чтобы студентов, обладавших творческими способностями, оставили в Ленинграде и они тем самым получили бы возможность приобщиться к научной деятельности.

Очень интересен был аспирантский семинар в 1934 г., в котором я вновь столкнулась с Николаем Петровичем. Атмосфера, которая царилa на этом семинаре, была удивительной. Здесь не было учителя и руководителя и пестуемых учеников. Это было научное содружество. Все вместе решали сложные проблемы русского историко-литературного процесса XIX в. Изучали век по десятилетиям, погружались в мир журналистики, знакомились с историей библиографических разысканий и в духе того времени старались открыть для себя, как протекала борьба передовых и реакционных тенденций на протяжении всего столетия.

В годы войны и блокады Николай Петрович был в основном сотрудником Пушкинского Дома Академии наук, в ЛГПИ же он продолжал читать курс фольклора, не прекращая этого чтения и в дни блокады. В Пушкинском Доме он был на казарменном положении, а в Герценовский институт приходил пешком. Николай Петрович, бывало, очень сердился, если во время обстрела или бомбежки мы все отправлялись в бомбоубежище, и он был вынужден прекращать чтение лекции. Он ненавидел бомбоубежище и требовал, чтобы его пустили на крышу, на чердак, так как в Пушкинском Доме он во время тревог всегда находился на «боевом посту» — на крыше. В конце 1941 г. IV курс литфака должны были выпустить досрочно, чтобы иметь возможность эту группу студентов вывезти из блокадного Ленинграда на «Большую землю». Николай Петрович дочитывал им свой курс. В какой-то раз я спросила его, как он себя чувствует. Он ответил: «Ничего, только вот ноги плохо ходят». И тут же добавил, что как ученый он получил направление в стационар, в котором ученых немножко подкармливали и подлечивали. Еще Николай Петрович сказал, что ляжет в стационар, когда кончит читать лекции. «Может быть, надо воспользоваться этим предложением сразу, не откладывая», — предложила я. Он очень строго посмотрел на меня и ответил: «Как я сказал, так и будет, Дина Клементьевна!»

Это был его последний приход в институт для чтения предпоследней лекции. На последнюю же лекцию и на сдачу зачета он вызвал студентов в Пушкинский Дом. Вскоре после этого Николай Петрович умер, так и не успев воспользоваться стационаром.³²

³² О смерти Н. П. Андреева см.: *Лихачев Д. С.* Книга беспокойств. М., 1991. С. 178—179.

Н. Д. СВЕТОЗАРОВА

ИНОЭТНИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ИНСТИТУТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах)

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится большое количество рукописных и звуковых материалов, относящихся к разным языкам и этносам России, Советского Союза и зарубежных стран. Наличие в академическом институте, предназначением которого является изучение и сохранение русской литературы, прежде всего в его Фонограммархиве, а также в Рукописном отделе, богатейших иноязычных и инокультурных собраний объясняется историей этого научного заведения, в ходе которой в его собрания вливались коллекции Государственного института истории искусств, Музея антропологии и этнографии Академии наук, Ленинградской государственной консерватории, Государственного института музыкальной науки, Института востоковедения Академии наук и др. Таким образом, Фонограммархив стал обладателем обширного и разнообразного фонда фольклорных звукозаписей от более чем ста народностей.¹

Фольклорные коллекции Фонограммархива, уникальный фонд звукозаписей и рукописей, сохранивших редчайшие образцы уст-

¹ Об истории Фонограммархива ИРЛИ см.: *Горелов А. А., Марченко Ю. И.* Отдел народнопоэтического творчества // Пушкинский Дом. Материалы к истории 1905—2005. СПб., 2005. С. 227—229; а также: *Гинтис Е. В.* Фонограммархив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР // Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 405—413; *Магид С. Д.* Список собраний Фонограмм-архива Фольклорной секции ИАЭА Академии наук СССР // Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 415—428; *Korguzalov V. V., Troitskaya A. D.* The Phonogram Archive of the Institute for Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg // The world of music. 1993. 35 (1). P. 115—120.

ного народного творчества, представляют огромную ценность для истории мировой культуры. Об этом также говорит тот факт, что ЮНЕСКО включила коллекцию Фонограммархива Пушкинского Дома в программу «Память Мира» (Memory of the World).

Тем не менее богатейшие звуковые и рукописные собрания Фонограммархива недостаточно известны специалистам, поскольку его каталоги полностью не опубликованы. Первое описание собраний, сделанное на основе предварительной разборки, было опубликовано в журнале «Советская этнография» за 1931 г. (№ 3—4). В 1936 г. в журнале «Советский фольклор» появилась статья Е. В. Гиппиуса,² в которой излагалась история коллекций Фонограммархива Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР, их структура и принципы описания. Непосредственно за статьей Гиппиуса следовал составленный сотрудницей Фольклорной секции Софьей Давыдовной Магид (1892—1954) «Список собраний Фонограммархива» — опись коллекций, отражавшая состояние на 1 января 1936 г.³ В списке Магид содержатся данные о времени и месте записи коллекции, ее собирателе, этносе (народе), количестве единиц хранения. Опись состоит из пяти разделов. В первом в хронологическом порядке, начиная со старейшей коллекции Е. Э. Линевой (1897—1901), описаны собрания, состоящие из архивных оригиналов, всего здесь 125 коллекций и 4054 фоновалика (восковых цилиндра). Далее перечислены временные рабочие оригиналы (534), копии с оригиналов других фонохранилищ (109), ретор-диски (323) и грамофонные пластинки (126). К описи приложены географический указатель и алфавитный список народов и народностей (всего — 63), а также алфавитный список собирателей коллекций (61).⁴

Данный список многие годы оставался практически единственной публикацией, которая давала представление о содержании и объеме коллекций Фонограммархива. Между тем шло постоянное пополнение фондов, прежде всего за счет новых экспедиционных материалов, но процесс этот не получал систематического отражения в печати. Существенное пополнение касалось как русских, так и иноэтнических материалов. Так, в опубликованной в 1975 г. статье М. А. Лобанова приведены данные о более чем 3000 фольклорных произведений различных народов Российской Федерации (помимо русских).⁵ В Фонограммархиве, наряду с другими мате-

² Гиппиус Е. В. Фонограмм-архив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР. С. 405—413.

³ Магид С. Д. Список собраний Фонограмм-архива... С. 415—428.

⁴ При составлении указателей учитывались только оригиналы.

⁵ Лобанов М. А. Фольклор народов РСФСР в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР // Фольклористика Российской Федерации. Мат-лы конф., посвященной итогам и проблемам изучения народного

риалами, хранятся многочисленные записи, а также расшифровки текстов и напевов, подготовленные для задуманной перед войной серии «Песни народов СССР».⁶

Популяризации уникальных фондовых записей Фонограмм-архива способствует начатое с 1983 г. издание альбомов,⁷ а с 2000 г. и серий компакт-дисков.⁸ Не менее важную роль в систематизации и изучении коллекций сыграла серия международных проектов, о которых и пойдет речь в данной статье. Инициатором, организатором и душой большинства из них стал Тьерд де Грааф, замечательный ученый и удивительный человек, щедро отдающий свое время и свою энергию изучению и сохранению вымирающих языков и находящихся под угрозой исчезновения коллекций.⁹

* * *

В 1995 г. сотрудники Фонограмм-архива обратили внимание Тьерда де Граафа на старые восковые пластинки, которые предположительно относились к экспедициям выдающегося отечественного филолога Виктора Максимовича Жирмунского в немецкие колонии на территории СССР. Всего в собрании содержалась 321 пластинка, некоторые из которых были разложены по номерам, другие же находились в полном беспорядке. Номера на пластинках повторялись. Было очевидно, что в разных частях коллекции проводилась своя нумерация записей.

Хотя упоминание о 323 восковых пластинках с записями песен немцев-колонистов, собранных в 1927—1930 гг. Жирмунским, содержалось в упоминавшейся ранее «Описи» С. Д. Магид,¹⁰ они не были каталогизированы, будучи отнесенными к группе «Временные рабочие оригиналы», и пролежали в забвении почти 60 лет.

творчества автономных республик (областей) РСФСР. Ленинград, ноябрь 1972. Л., 1975. С. 175—184.

⁶ Первый и единственный том серии «Белорусские народные песни», составленный З. В. Эвальд, вышел в 1941 г.

⁷ См.: *Korguzalov V. V., Troitskaya A. D.* The Phonogram Archive of the Institute for Russian Literature (Pushkin House)... P. 119.

⁸ Так, в 2000 г. музыковедами Ю. И. Марченко и А. Ю. Кастровым и инженерами звукозаписи В. П. Шиффом и Г. В. Матвеевым были созданы диски «Non-Russian Traditions», «Russian Folk Traditions».

⁹ См., например: *Грааф Т. де.* Лингвистические базы данных и языковые меньшинства по обеим сторонам Северного Тихоокеанского пояса // Язык и речевая деятельность. СПб., 1999. Т. 2. С. 8—17; *Graaf Tjeerd de.* Voices from the past: the use of sound archives for the study of endangered languages // International Symposium on Preservation of the Intangible Cultural Heritage. Beijing. 16—18 November 2004.

¹⁰ *Magid C. D.* Список собраний Фонограмм-архива... С. 415—428.

Изучение их стало составной частью международного проекта «Использование акустических баз данных для изучения языковых изменений».¹¹

Работа началась с расшифровки карандашных надписей на оборотной стороне картонных дисков и их сортировке по месту и дате записей. Эти данные, а также названия и первые слова немецких народных песен и имена исполнителей повторялись в других материалах, хранящихся в ФА: нескольких рукописных экспедиционных тетрадах и двух картотеках (в одной из них песни были сгруппированы по месту записей, в другой — по алфавиту начальных слов).

Сопоставление этих данных с публикациями Жирмунского не оставляло сомнений в том, что пластинки составляют часть «Ленинградского архива немецкой народной песни», созданного Жирмунским в 1920-е гг. в результате серии экспедиций в немецкие колонии на территории СССР. Наряду с восковыми пластинками системы Retor Жирмунский использовал для записи мелодий также фонограф. Фонографические валики с записями немецких песен (всего сохранилось 93 фоновалика), поступившие в ФА позднее 1936 г., в отличие от пластинок были описаны и входили в состав коллекций Фонограммархива. К ленинградскому центральному архиву относятся также нотные расшифровки мелодий, хранящиеся в папках под № 50. Что же касается полных текстов песен, то местом их хранения оказался Рукописный отдел ИРЛИ. В нем имеется:

«Коллекция акад. В. М. Жирмунского (немцы-колонисты). Собрание Жирмунского (коллекция № 104). 1926—1930 гг.».

Согласно записи в инвентарной книге, коллекция № 104 содержит результаты экспедиционной работы Государственного института истории искусств и Ленинградского отделения государственной академии искусствоведения и передана в ИРЛИ самим В. М. Жирмунским в период с 1939 по 1940 г. (точная дата передачи отсутствует). По словам Т. Г. Ивановой, «в первые месяцы войны многие люди из пушкинодомского окружения, видимо предвидя эвакуацию, передали в РО ИРЛИ на временное хранение, которое чаще всего становилось постоянным, свои архивные материалы».¹² Так поступил и В. М. Жирмунский, поместив на хранение в Пушкинский Дом результаты огромной по своему объему и значимости работы по собиранию и изучению песенного фольклора российских немцев.

Коллекция состоит из 49 папок, включающих 9597 документов и 10 325 листов. Большая часть собрания содержит машинописные

¹¹ INTAS project nr 94-4758 The Use of Acoustic Databases in the Study of Language Change 1995—1996.

¹² *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел // Пушкинский Дом. Материалы к истории 1905—2005. СПб., 2005. С. 343.

тексты немецких песен, записанных на Украине, в Ленинградской области, Закавказье и Крыму, расклассифицированных по жанрам и сюжетам, а также по колониям. Одна из папок содержит песни Поволжья (полученные по обмену). В остальных папках находятся рукописные тексты, авторские и запасные экземпляры, черновики и другие материалы. Особый интерес представляет папка № 43, содержащая несколько вариантов систематического каталога архива.¹³

Так постепенно становилось ясно, что материалы, хранящиеся в Фонограммархиве и Рукописном отделе ИРЛИ, составляют единое целое и представляют собой тот самый «Ленинградский архив немецкой народной песни», о котором неоднократно упоминал В. М. Жирмунский в своих работах, или по крайней мере большую его часть. Некоторые важные материалы, связанные с архивом, например отчеты В. М. Жирмунского об экспедициях, а также дубликаты части текстов и каталогов, хранятся в личном фонде Жирмунского в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук (фонд №1001).¹⁴

«Ленинградский архив немецкой песни» представляет собой систематизированное собрание машинописных текстов песен, записей мелодий (на фоноваликах, пластинках или в нотировках) и каталоги. Тексты снабжены следующей информацией: шифр, состоящий из обозначения жанра (заглавные буквы от А до О), номера сюжета и номера варианта, инвентарный номер, сведения об исполнителе и его возрасте, времени и месте записи (колонии), а также об авторе записи (исследователе). Фоновалики и пластинки снабжены сведениями о месте и времени записи и исполнителе песни.

Основу этого собрания составляют тексты и мелодии немецких баллад и песен разных жанров, которые были записаны В. М. Жирмунским, его коллегами и учениками¹⁵ в немецких колониях на территории СССР в период с 1926 по 1930 г. Хорошо продуманные экспедиции¹⁶ носили комплексный характер, их це-

¹³ Подробнее о составе и структуре коллекции см.: *Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 84—112; Светозарова Н. Д. 1) «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского: история и современное состояние // Язык и речевая деятельность. СПб., 1999. Т. 2. С. 212—221; 2) В. М. Жирмунский и его «Ленинградский Архив Немецкой Народной Песни» // Мат-лы конф., посвященной 110-летию со дня рождения В. М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 83—88.*

¹⁴ Краткое описание фонда см. в книге: Академик Виктор Максимович Жирмунский. Библиографический очерк. Изд. третье, испр. и доп. СПб., 2001.

¹⁵ Среди учеников Жирмунского, принимавших самое активное участие в экспедициях, были выдающиеся отечественные ученые Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева, германисты С. А. Акулянец, А. М. Леонова, В. П. Погорельская и др.

¹⁶ Подробнее о поездках Жирмунского и его учеников в немецкие колонии см.: *Светозарова Н. Д. Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская герма-*

лью было изучение немецких колоний с точки зрения их истории, диалектологии, фольклора и этнографии.

В 1929—1933 гг. Жирмунский публикует целый ряд статей по материалам экспедиций, преимущественно на немецком языке, частично за границей, в Германии, однако эти публикации отражают лишь малую долю поистине гигантской работы. Значительная часть собранного материала была, очевидно, практически готова к публикации. Так, в статье 1930 г. сообщается о предстоящей публикации обширного собрания «Deutsche Volkslieder aus dem Nawa-Gebiet». Однако найти эту публикацию пока не удалось. Эллинор Иогансон готовила к печати собрание крымских немецких песен, которое с нетерпением ожидали в Архиве немецкой народной песни во Фрейбурге. В начале 30-х гг. в связи с политической ситуацией в стране В. М. Жирмунский полностью прекратил все исследования по немецким колониям в СССР и не упоминал о них в своих последующих публикациях. Ближайшие сотрудники Жирмунского по экспедициям, Эллинор Иогансон и Альфред Штрём были репрессированы и погибли.¹⁷

Результатом первого проекта по изучению собрания Жирмунского, проведенного в 1995—1997 гг. под руководством Л. В. Бондарко, при участии сотрудников кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета и сотрудников Фонограммархива ИРЛИ Ю. И. Марченко, А. Ю. Кастрова и В. П. Шиффа, при общей координации работ со стороны профессора Гронингского университета (Нидерланды) Т. де Граафа, стало не только описание содержания и структуры «Ленинградского архива немецкой народной песни». В рамках проекта в Венском фонограммархиве была произведена перезапись всех восковых пластинок на магнитную ленту, а часть из них была представлена в звуковой базе данных, разработанной на кафедре фонетики СПбГУ, что позволило сделать небольшую часть «Ленинградского архива немецкой народной песни» доступной для исследователей и всех интересующихся немецким фольклором. Разработка базы данных была осуществлена П. А. Скределиным, ее заполнение — Н. Д. Светозаровой.

В базу данных вошли 176 записей с 88 пластинок, которые были отобраны по принципу лучшей их сохранности и более высокого качества звучания. Звук был оцифрован и введен в компьютер. База данных на компакт-диске позволяет прослушивать записи (целиком и по частям), обращаться к акустическим данным

нистика. Ежегодник Российского союза германистов. М., 2006. Т. 2. С. 137—147; *Смирницкая С. В.* В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61—70.

¹⁷ О судьбе Э. Г. Иогансон-Гегель см.: *Светозарова Н. Д.* Забытое имя — фольклорист Эллинор Иогансон (в печати).

(осциллограмме звукового сигнала), в ней представлен в орфографической записи с элементами транскрипции (распевы гласных, выпадения слогов и звуков) звучащий фрагмент, а в большинстве случаев также и полный текст песни. В базе данных объединена вся информация, содержащаяся в надписях на пластинках, найденных тетрадах, списках, каталогах, машинописном архиве, публикациях Жирмунского. Форма подачи информации максимально приближена к тому виду, который она имела в материалах Жирмунского.

Первая краткая публикация о коллекции Жирмунского в итоговом отчете по проекту¹⁸ привлекла внимание специалистов по немецкому песенному фольклору, в частности Л. Э. Найдич, автора книги о языке и фольклоре петербургских немцев-колонистов.¹⁹ Она познакомила с нашими исследованиями Экхарда Йона, научного сотрудника крупнейшего хранилища немецкой народной песни — «Немецкого архива народной песни» (Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg im Breisgau), и это привело к новым международным проектам, в ходе которых была продолжена работа над изучением материалов Жирмунского. Сотрудничество с немецкими коллегами было особенно интересным в связи с тем, что Жирмунский вел переписку с основателем Фрейбургского архива Джоном Мейером, неоднократно бывал там и передавал во Фрейбург копии записанных в России немецких баллад.

В 2001—2002 гг. в рамках проекта «Популярные песни российских немцев»²⁰ было проведено подробное описание всех материалов, связанных с «Архивом» Жирмунского,²¹ и составлен сводный каталог текстов и мелодий. Особенно детально был исследован один из самых своеобразных жанров островного песенного фольклора — колонистские песни.²²

¹⁸ Svetozarova N. D. Zhirmunsky's Collection of German Folk Songs in the Sound Archives of the Pushkinsky Dom // Archives of the Languages of Russia. S. Petersburg—Groningen, 1996. P. 33—38.

¹⁹ Najdič L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg—Leningrad. Dialekte — Brauchtum — Folklore. Stuttgart, 1997 (ZDL Beihefte 94).

²⁰ Проект Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Немецкого архива народной песни (Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg im Breisgau) «Populäre Lieder der Russlanddeutschen. Quellen-Erschließung und Edition der Volksliedsammlung von Viktor M. Schirmunski (St. Petersburg)». 2001—2002.

²¹ Deutsches Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Victor M. Schirmunski). Eine Bestandübersicht von Eckhard John und Natalia D. Swetosarowa. Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg i. Br. 2001.

²² Kolonistische Lieder. Bestandkatalog einer Liedgattung aus dem Deutschen Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Victor Schirmunski) von Eckhard John und Natalia D. Swetosarowa. Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg i.Br. 2001. По материалам колонистских песен опубликованы статьи: John E. 1) Russlanddeutsches «Volkslied». Geschichte und Analyse seiner Konstruktion // Lied und populäre Kultur / Hrsg. von Max Matter und Nils Grosch. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs, 48. Jahrgang. Waxmann: Münster—New York—München—Berlin, 2003. S. 133—161.

В 2002—2003 гг. между «Немецким архивом народной песни» и ИРЛИ был заключен договор о сотрудничестве, цель которого состояла в том, чтобы сделать доступными для исследователей звуковые и текстовые материалы созданного В. М. Жирмунским «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» (1927—1931).

Сотрудниками Фонограммархива была осуществлена полная перезапись в цифровой форме (на компакт-дисках) и частичная реставрация всех сохранившихся звуковых материалов (90 фоноваликов и 321 восковая пластинка). В рамках этого проекта был также создан полный каталог валиков и пластинок, составленный Л. Н. Пузейкиной и Н. Д. Светозаровой.

В результате этой работы «Немецкий архив народной песни» получил полный комплект компакт-дисков с переписанными звуковыми документами, а также относящийся к ним каталог. Еще один набор компакт-дисков и экземпляр каталога получил Фонограммархив.

Параллельно с этим было осуществлено сканирование всех текстов песен из коллекции Жирмунского, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ.

Сразу же после завершения копирования и составления каталогов и протоколов перезаписи во Фрейбурге началась работа по изучению коллекции Жирмунского. Около 4000 текстов и более 1000 мелодий немецких песен, которые когда-то пели российские немцы, пополнили 250-тысячное собрание Фрейбургского архива. Таким образом, было осуществлено то, что в силу исторических причин не мог выполнить Жирмунский.

* * *

В 1999 г. объектом исследования в новом международном проекте, также инициированном Тьердом де Граафом при финансовой поддержке Нидерландского фонда научных исследований NWO, стала коллекция еврейского фольклора С. Д. Магид и ее диссертация «Баллада в еврейском фольклоре». Именно последняя, рукопись которой чудом сохранилась в Фонограммархиве, привлекла пристальное внимание Т. де Граафа. Изучение этой рукописи и лежащих в ее основе уникальных записей еврейских

2) Da amüsiert der Nemez sich. Die «kolonistischen Lieder» der Russlanddeutschen // Ibid. S. 163—205; *Светозарова Н. Д.* Типы языковых контактов в фольклоре немецких колонистов (на материале «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского) // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения-2003. СПб., 2004. С. 127—135; *Swetosarova N.* Spuren der Interkulturalität in Sprache und Lied am Beispiel der Volksliedsammlung Viktor Schirmunski // *Russlanddeutsche Kultur: eine Fiktion?* Freiburg, 2006, 143—157.

народных баллад привело к многолетнему исследованию жизни и творчества выдающегося отечественного фольклориста Софьи Давидовны Магид.²³

Софья Магид родилась в 1892 г. Петербурге.²⁴ Ее отец — Давид Гилелевич (Гилларионович) Маггид (род. 1862, Вильна — ум. 1942, Ленинград), литератор и музыковед, известный исследователь истории еврейского народа, еврейского языка, литературы, искусства и музыки, в 1920-е гг. работал в Публичной библиотеке, где заведовал еврейским отделом рукописного отдела, и в Институте истории искусств. В 1912 г. Софья Магид поступила в Петербургскую консерваторию. Окончив ее в 1917 г. по классу рояля, она занималась музыкально-педагогической и исполнительской работой, а в 1922 г. поступила на высшие курсы искусствознания при Государственном институте истории искусств, по отделу «Музо». После окончания курсов в 1926 г. была зачислена внештатным научным сотрудником ГИИИ по Фольклорной секции, а с 1927 г. начала работать в фонотеке ГИИИ. В 1928 и 1930 гг. С. Магид проводит фольклорные экспедиции на Вольнь с целью записи еврейских народных песен и инструментальной музыки.

В 1931 г. Фольклорная секция ГИИИ была ликвидирована, и С. Д. Магид начала работать в Фонограммархиве Фольклорной секции Академии наук СССР в качестве научного сотрудника и и.о. хранителя. С 1931 по 1941 г. она занималась собиранием и изучением музыкального фольклора народов СССР, провела более 10 экспедиций на Украину, в Белоруссию, Азербайджан, Карелию и записала около 2000 напевов и большое количество текстов. В 1931 г. по приглашению ИПИН'а (Институт по изучению народов) она принимала участие в Белорусской экспедиции (Могилевский район), проводя там запись белорусских и еврейских народных песен и инструментальной музыки.

В 1931 г. С. Д. Магид подготовила к печати том «Народные песни и инструментальная музыка евреев Украины», содержащий 300 песен с текстами и примечаниями. О собирательской активности С. Д. Магид свидетельствует ее участие в 1932 г. в Азербайджанской фольклорной экспедиции по приглашению

²³ Подробнее о жизни и творчестве С. Д. Магид см.: *Swetosarova N. D. Sofia Magid und ihre Sammlung jiddischer Folklore* // Karl E. Grözinger (Hg.) *Klezmer, Klassik, jiddisches Lied. Jüdische Musikkultur in Osteuropa*. Wiesbaden, 2004. S. 73—80; *Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954) // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2006. Вып. 2. С. 309—334; *Гуральник Л. Ю.* Музыкальное оформление народных баллад на идише (по материалам неопубликованного исследования Софьи Магид) // Там же. С. 335—352.

²⁴ Сведения для биографии С. Д. Магид получены из двух личных дел, хранящихся в Архиве Академии наук (1-е — ф. 150, оп. 2, № 564, 99 л., 2-е — ф. 150, оп. 2, № 720, 46 л.), и личного архива С. Д. Магид, хранящегося в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, фонд 1000.1978.9.

Наркомпроса АССР (районы Нагорного Карабаха и Курдистана), во время которой были проведены записи тюркских, армянских и курдских крестьянских песен и профессиональной музыки.

В 1932—1933 гг. С. Д. Магид ведет работу по собиранию еврейского революционного фольклора в Обществе политкаторжан в Ленинграде.

В 1933—1934 гг. она была приглашена на работу по договору для описания и инвентаризации валиков Фонограммархива ИАЭ (Института антропологии и этнографии), который в это время приступил к подготовке научного описания своих коллекций. В качестве предварительной работы необходимо было паспортизировать 3175 фоноваликов с приблизительным количеством записей около 10 000. Из них «в порядке производственного плана и ударных обязательств» 1175 валиков должны были быть обработаны сотрудниками Фольклорной секции, для обработки же оставшихся 2000 предполагалось пригласить специального работника по договору.

В следующем году, будучи уже старшим научным сотрудником 2-го разряда Фольклорной секции, Магид занимается исследованием по теме: «Народные песни евреев Белоруссии и Волыни и их социальное расслоение». Ею был подготовлен к печати том «Собрание русских революционных песен 1890—1905 гг.», содержащий 200 песен, записанных автором в 1935 г. от членов Общества старых большевиков и Общества политкаторжан. В 1936 г. в журнале «Советская этнография» (№ 2—3) выходит ее статья «Еврейский революционный фольклор». В этом же году ею был составлен и опубликован «Список собрания Фонограммархива Фольклорной секции ИАЭ АН СССР с приложением алфавитных списков народностей и собирателей» (Советский фольклор. 1937. № 4—5).

В 1938 г. С. Д. Магид завершает работу над кандидатской диссертацией «Баллада в еврейском фольклоре», в основу которой легли сделанные ею на Украине и в Белоруссии записи еврейских баллад. Защита прошла 1 июля 1939 г. в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра. Официальными оппонентами выступили кандидат искусствоведческих наук З. В. Эвальд и доктор этнографических наук Е. Г. Кагаров. Отзывы на диссертацию были представлены также членом-корреспондентом Академии наук СССР языковедом и литературоведом В. М. Жирмунским, доктором филологических наук, фольклористом М. К. Азадовским и кандидатом искусствоведческих наук Е. В. Гиппиусом. 19 декабря 1939 г. С. Д. Магид была утверждена в ученой степени кандидата филологических наук. Текст диссертации объемом 428 машинописных страниц не был опубликован (что обычно для наших кандидатских диссертаций), но сохранился в

Фонограммархиве Пушкинского Дома, а также в Публичной библиотеке.

Софья Магид занимается организационной, лабораторной и редакторской работой, готовя к изданию ряд сборников для серии «800 песен народов СССР». В 1941 г. для этой серии ею был подготовлен к печати сборник «Песни карелов и вепсов», включавший в себя напевы, национальные тексты и их эквиритмические переводы, и сборник «Песни белорусских евреев», содержащий 200 нотных расшифровок с текстами, комментариями и вступительной статьей. Напечатаны эти материалы не были, лишь статья «Эвенкийский песенный фольклор» была опубликована в 1940 г. в журнале «Советский фольклор», № 6 (в соавторстве с Г. М. Василевич).

В 1941 г. происходит консервация Фонограммархива Фольклорной секции Академии наук СССР, и в сентябре 1941 г. С. Д. Магид была уволена в связи с сокращением штатов. Первые 18 месяцев блокады она провела в осажденном городе, участвуя в обороне Ленинграда и работая в музыковедческой секции Союза ленинградских композиторов, где она занимается собиранием и изучением фольклора Великой Отечественной войны.

С 1943 по 1944 г., находясь в эвакуации, С. Д. Магид работает в Казахской ССР, собирая и изучая казахский песенный фольклор. На базе этих работ в 1944 г. была написана статья «Эпические песни казахского народа» и зачитаны научные доклады в Алма-Ате в бывшем Институте языка и мышления и на конференции по фольклору Средней Азии, организованной ИВАН (Институт востоковедения Академии наук) и ИАЭ в Ташкенте, в апреле 1944 г.

В 1944 г. С. Д. Магид возвращается в Ленинград. Она продолжает заниматься изучением фольклора Великой Отечественной войны и выступает с рядом научных докладов на эту тему. За это время ею был написан ряд статей и выполнен ряд библиографических работ по советской песне. В конце 1946 г. в связи с деконсервацией Фонограммархива С. Д. Магид была восстановлена в прежней должности старшего научного сотрудника Фольклорного сектора и с 1 ноября 1946 г. приступила к работе, включившись в пятилетний план музыкальных публикаций сектора по разделу русской народной песни. В 1948 г. ей было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Русский фольклор». К 1948 г. С. Д. Магид подготовила к печати сборник «Песни Псковщины», содержащий 120 русских народных песен (с нотами, текстами, развернутым комментарием и вступительной статьей), который являлся частью пятилетнего плана музыкальных публикаций Сектора фольклора ИРЛИ, статью «Современная народнопесенная традиция Псковщины», которая была включена в план Псковгосиздата на 1949 г.

Эти рукописи — последние в списке трудов С. Д. Магид.²⁵ Они свидетельствуют о достаточно активной научной работе уже немолодой и не очень здоровой исследовательницы. Тем не менее 13 апреля 1950 г. она была отчислена из штата Института «как не выполнившая план 1949 г. и представившая работы, выполнявшиеся в 1949 г., на низком теоретическом уровне».²⁶ Истинной причиной увольнения, скорее всего, было недовольство руководства Института направлением исследований С. Магид, в частности ее занятия еврейским фольклором.

Можно предположить, что увольнение готовилось заранее и что коллеги Софьи Давыдовны предпринимали попытки воспрепятствовать этому. Именно к этому периоду, видимо, относится сохранившийся в архиве большой отзыв о научной деятельности С. Д. Магид, написанный М. Азадовским (дата отсутствует). В этом отзыве дается чрезвычайно высокая оценка С. Д. Магид как уникального специалиста. М. К. Азадовский пишет: «Накопленный С. Д. Магид за 20 лет работы богатейший слуховой опыт по песням и инструментальной музыке различных народов, владение современными научными методами исследования сделали ее одним из крупнейших специалистов в области научной обработки фонозаписей (так называемых «расшифровок»), т. е. искусства слышания и максимально точного и наглядного изложения в нотных знаках тончайшей интонационной специфики данного музыкального явления». Азадовский говорит также о большой роли исследовательницы в становлении коллекций Фонограммархива: «С фонограммархивом С. Д. Магид связана с момента его зарождения еще в 1927 году в виде маленькой ячейки, бывшей фонотеки ГИИИ. Со времени перехода фонограммархива в систему Академии наук СССР она непрерывно продолжала в нем работать в качестве научного сотрудника и и. о. хранителя, своими трудами немало способствуя превращению фонограммархива в одно из крупнейших хранилищ мира. Фонограммархив в значительной степени обязан пополнением своих коллекций энергии и собирательскому таланту С. Д. Магид. Ею сделано около 2000 звукозаписей народных песен: русских, белорусских, курдских, тюркских, армянских, грузинских, еврейских, карельских, вепских и различных народов Севера. Среди этих звукозаписей находятся коллекции, имеющие огромное историческое значение: песни различных народов о Ленине и Сталине (частично опубликованные в сборнике «Песни о Ленине и Сталине») и др.». К сожалению, даже собирание и

²⁵ Список печатных трудов С. Д. Магид опубликован в статье: *Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954) // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2006. Вып. 2.

²⁶ Выписка из приказа от 13 апреля 1950 г. за подписью директора Института Н. Ф. Бельчикова на основании протокола научного заседания сектора фольклора от 13 марта 1950 г.

публикация песен о Ленине и Сталине не спасли С. Д. Магид от увольнения. Софья Давыдовна Магид скончалась в 1954 г., через 3 года после увольнения из Института, работе в котором она посвятила большую часть своей жизни.

Изучение жизни и творчества С. Д. Магид и еврейской фольклорной коллекции, собранной ею в экспедициях на Волынь и в Белоруссию, было частью международного проекта «Voices from the Shtetl: The Past and Present of the Yiddish Language in Russia» (NWO Russian-Dutch Research Cooperation. Project nr. 047-007-012, 1999—2002). За это время Ю. И. Марчеко, А. Ю. Кастровым при участии Н. Д. Светозаровой было составлено полное описание сохранившихся фоноваликов (141), на которых записано более 500 образцов балладного и песенного фольклора, инструментальной музыки и пуримшпили. Была изучена диссертация «Баллада в еврейском фольклоре», первое исследование по этой теме, безусловно несущее отпечаток своего времени и отражающее уровень фольклористики 1930-х гг., но тем не менее представляющее большой научный и историко-культурный интерес. Записи 25 баллад были отреставрированы и представлены в звуковой базе данных (см. выше, в разделе о коллекции Жирмунского) вместе с относящимися к ним описаниями из диссертации Магид и ее нотными расшифровками.

В 2000 г. Т. де Грааф и Н. Д. Светозарова выступали с докладами о Софье Магид и ее коллекции еврейского фольклора в Иерусалиме, по приглашению профессора Иерусалимского университета этномузыковеда Эдвина Серусси. Информация вызвала живой интерес израильских музыковедов.

В том же году по инициативе профессора Карла Грецингера был заключен договор между Пушкинским Домом, Российским институтом истории искусств и Кафедрой религиозных наук (Университет Потсдам, Германия), целью которого было копирование материалов еврейской коллекции С. Магид. Благодаря этому изучение уникального собрания ведется не только в Петербурге, но и в Германии.

* * *

В 2003 г. по инициативе Тьерда де Граафа был начат новый проект, получивший название «Голоса тундры и тайги».²⁷ Одно из направлений этого проекта состояло в изучении звуковых и рукописных материалов Фонограммархива по языкам и фольклору

²⁷ Voices from Tundra and Taiga: A National Sound Archive of Endangered Languages and Cultures in Russian Federation. NWO. Subsidiennummer 047. 014.020. 2003—2005.

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. В рамках этого проекта сотрудники Фонограммархива Ю. А. Марченко и А. Ю. Кастров и ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований А. А. Бурыкин провели огромную работу по модернизации значительной части каталога фонозаписей Фонограммархива, а также по описанию имеющихся в нем рукописных материалов. В результате была издана книга,²⁸ содержащая сведения о хранящихся в Фонограммархиве коллекциях, которые были собраны на протяжении XX в. известными исследователями этнографии, языка и фольклора народов России, Центральной Азии, Дальнего Востока и Северной Америки (В. И. Иохельсон, С. М. Широкогоров, Л. Я. Штернберг, В. К. Штейниц и др.) или записаны сотрудниками Фонограммархива в 1920—1930-е гг. от студентов Ленинградского Института живых восточных языков и Института народов Севера. Среди последних встречаются имена известных поэтов, писателей и общественных деятелей народов Севера РФ. Публикация снабжена списком этносов и списком собирателей. К книге прилагается компакт-диск, который содержит электронный каталог иноэтнических северных коллекций, описание сопутствующих рукописных материалов и образцы звукозаписей. После «Описи» 1936 г. это самая значительная публикация части сводного каталога Фонограммархива ИРЛИ. Работа ставит своей целью привлечь внимание широкого круга исследователей — историков, этнографов, лингвистов, музыковедов — к этим уникальным материалам. Своевременность и важность такой публикации можно продемонстрировать на одном примере.

Среди многочисленных коллекций фольклора малочисленных народов Русского Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома хранятся 30 фонографических валиков, записанных известным финно-угроведом, германистом и фольклористом Вольфгангом Штейницем. Согласно записи в каталоге ФА это:

Коллекция № 127. Собиратель Штейниц Вольфганг (Вольфганг Карлович). Записи выполнены на восковых валиках (фонографических цилиндрах) в Сибири от **хантов** Остяко-вогульского национального округа (Березовский район) в 1935 г. Материалы переданы из Института народов Севера в 1930-х гг. В рукописном фонде Фонограммархива имеется предварительное описание экспедиции (ФА РФ п. 61, л. 36—37).

Всего на 30-ти валиках имеются 44 записи: инструментальная музыка (игра на национальном инструменте *paŋəs-juŋ*, песни, «медвежьи песни», шаманское камлание, сказки).²⁹

²⁸ Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. СПб., 2005. 120 с. +CD (А. А. Бурыкин, А. Х. Гирфанова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Н. Д. Светозарова, В. П. Шифф).

²⁹ Подробнее см.: *Swetosarowa N. Verschollen geglaubte Feldforschungsaufnahmen. Zur Sammlung Wolfgang Steinitz im Phonogrammarchiv St. Petersburg // Die*

Качество записей, хотя и не очень высокое,³⁰ позволяет тем не менее проводить исследование как музыкальной, так и языковой стороны фольклорных произведений. Однако такое исследование, по всей видимости, до сих пор не предпринималось ни отечественными, ни зарубежными хантоведами.

Как выяснилось в результате публикации весной 2005 г. книги «Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома»,³¹ эти валики считались утерянными. О том, что Штейниц не имел возможности взять с собой фоновалики, записанные им во время экспедиции в Сибирь, при его вынужденном отъезде из Советского Союза в 1937 г., говорят Розе-Луизе Винклер³² и автор книги о В. Штейнице Аннет Лео.³³ Оказалось, что и сам Вольфганг Штейниц (по словам его дочери Ренаты Штейниц), и его ученики (например, Герд Зауер), и режиссер фильма об экспедиции на Обь Карлхайнц Мунд были убеждены в том, что сделанные ученым записи погибли (или были уничтожены) во время блокады Ленинграда.

По счастливой случайности в книге в качестве иллюстраций на компакт-диске были приведены 4 записи именно из этой считавшейся утерянной коллекции, а также факсимиле описи, сделанной рукой В. Штейница.

Было проведено сравнение этой описи и данных каталога ФА. Полное совпадение времени и места фонографических записей со всей очевидностью говорит о том, что в ФА ИРЛИ хранятся 30 фоноваликов из 31, которые упоминает Штейниц в своем «Отчете об экспедиционной поездке в Сибирь», написанном для Института народов Севера.³⁴ Дополнительные подтверждения мы находим в дневнике, который Вольфганг Штейниц вел во время своей сибирской экспедиции к осякам (хантам).³⁵ В этом

Entdeckung des Sozialkritischen Liedes. Zum 100. Geburtstag von Wolfgang Steinitz / Hrsg. von Eckhard John. Waxmann: Münster—Berlin—New York, 2006. S. 49—60.

³⁰ По принятой в ФА ИРЛИ 5-балльной шкале оно варьирует от 2 до 4, большая часть валиков имеет оценку 3, т.е. качество звучания — среднее.

³¹ Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома / Сост. А. А. Бурькин, А. Х. Гирфанова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Н. Д. Светозарова, В. П. Шифф. СПб., 2005.

³² *Винклер Р.-Л.* Вольфганг Штейниц — немецкий хантовед, славист, филолог, этнограф, фольклорист. (Из переписки В. Штейница и Ю. Н. Русской) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 327—338; *Winkler R.-L.* Wolfgang Steinitz' Expedition im Ob-Gebiet im Jahre 1935. Eine wissenschaftshistorische Betrachtung // Wolfgang Steinitz und die westsibirischen Völker der Chanti und Mansi. DAMU. Heft 2/2000. S. 9—23.

³³ *Leo A.* Leben als Balance-Akt: Wolfgang Steinitz. Kommunist, Jude, Wissenschaftler. Berlin, 2005. S. 141.

³⁴ Bericht an das Institut für Nordvölker (INS) über eine Studienreise in den Kreis der Ostjaken und Wogulen im Jahre 1935 // *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Band 4: Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Den Haag, 1980. S. 433—435.

замечательном историческом документе автор фиксирует среди прочего даты, содержание и условия производимых им собственноручно записей на фонограф. Дневник не только убеждает нас в полной идентичности упоминаемых Штейницем записей и петербургских фоноваликов, но и позволяет сделать некоторые уточнения.³⁶ Штейниц начал записи на фонограф на следующий день после приезда в Лохтоткurt, 31 июля 1935 г. Последние песни были зафиксированы им там же в день его вынужденного отъезда, 22-го октября того же года. Таким образом, запись на фонограф как бы обрамляет историю пребывания замечательно-го исследователя хантыйского языка на Сибирской земле.

* * *

Новый этап международного сотрудничества связан с начавшимся в 2006 г. по инициативе Тьерда де Граафа и директора Венского Фонограммархива Дитриха Шюллера проектом,³⁷ целью которого является сохранение и консервация звуковых материалов по языкам Российской Федерации, находящихся в частных коллекциях. Это совместный российско-австрийско-нидерландский проект при финансовой поддержке программы Британской библиотеки «Endangered Archives». Необходимость такой работы очевидна. В России многие старые звукозаписи находятся в личных архивах, где не могут быть гарантированы необходимые условия их хранения. Важнейшая задача проекта заключается в перезаписи материалов с использованием самой современной техники и в создании условий хранения, которые будут способствовать модернизации архивной работы в Российской Федерации в соответствии с мировыми стандартами.

³⁵ В сокращенном варианте дневник опубликован в книге: *Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Band 4: Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie.* S. 397—432.

³⁶ Подробнее см. в статье: *Swetosarowa N. Verschollen geglaubte Feldforschungs-aufnahmen.* S. 49—60.

³⁷ Safeguarding and preservation of sound materials of endangered languages in the Russian Federation for sound archives in St.Petersburg. A joint Austrian-Dutch-Russian project, financially supported by a grant from the Endangered Archives Programme at the British Library (2006—2007).

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ ЗАГАДОК (XIX—XX вв.)

Составила М. В. Рейли

Данный указатель охватывает основные материалы по исследованию и публикациям загадок на русском языке в отечественной печати с 1800 по 2000 г. Материал делится на две части: «Исследования, статьи, заметки» и «Тексты и материалы». Внутри рубрик материал расположен в хронологическом порядке; в пределах одного года — по алфавиту.

Исследования, статьи, заметки

1. О загадке, логогрифе, шараде и омониме: (Из Словаря Древней и Новой Поэзии Н. Ф. Остолопова) // *Благонамеренный*. 1820. Ч. 9. № 2. С. 95—104. [О загадке как литературном жанре].

2. *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. СПб.: Тип. Имп. АН, 1821. Ч. 2.

С. 1—5: Загадка.

3. *Д-в Н.* Изба // *Вед. моск. гор. полиции*. 1850. 31 янв. № 25. [С использованием загадок о различных частях рус. избы].

4. [*Афанасьев А. Н.*] [Р е ц . на к н.: Малорусские и галицкие загадки, изданные А. Семеновским. Киев, 1851] // *Отеч. зап.* 1851. № 4. Новые сочинения. С. 17—22. [Рец. рассматривает мифол. основы славянских загадок].

5. Филологические заметки // *Москвитянин*. 1852. № 2. Смесь. С. 52—53. [О загадке «Мать толста, дочь красна...»].

6. [Из Воронеж. губ. вед.] // *Москвитянин*. 1852. № 19. Современ. изв. С. 100—101. [О нар. загадках, собр. А. фон Кремером].

7. [Из Тул. губ. вед.] // *Москвитянин*. 1852. № 19. Современ. изв. С. 101—102. [О нар. загадках, зап. Зеленецким].

8. *А-ъ*. О русских загадках // Лучи. 1854. Год 5. Т. 10. № 8. С. 128—135.

9. Русский солдат, его загадки и песни // Рус. инвалид. 1855. 25 июня, № 139. С. 669—670.

10. Памятники старинной русской литературы, издаваемые Григорием Кушелевым-Безбородько. Вып. III. СПб., 1862. С. 175.

11. *Бобыкин В.* О собирании памятников народной математики // Математический листок. 1882. № 7—9. С. 166—168. Программа собирания. [Автор предлагает собирать народные задачи, пословицы, загадки, относящиеся к математическим знаниям].

12. *Барсов А. В.* Методика русского языка // Филол. зап. 1889. Вып. 3—4. С. 1—90 (отд. пагинация).

С. 50—51, 55—56, 59—62, 64—65, 67—69, 71—73, 75, 76, 87—90. [Анализ сказок, былин, пословиц и загадок].

13. Настольный энциклопедический словарь. Т. 1—8. 1891—1895. Т. 3. (Вып. 29—42). 1892. С. 1341—2012.

С. 1740: Загадка.

14. *Галахов А. Д.* История русской словесности, древней и новой. Рекомендовано Ученым ком. нар. просвещения как пособие для гимназий и прогимназий. 3-е изд. М.: Изд. кн. маг. В. В. Думнова, 1894. 517 с.

Т. 1. Отд. 1. С. 1—159: Народная словесность. [Обзор обрядовой поэзии, былин и исторических песен, сказок, пословиц, заговоров, загадок].

15. Загадка // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1894. Т. 12. Кн. 23. С. 115.

16. *Дикарев М. А.* О царских загадках // Этнографическое обозрение. 1896. Кн. 31. № 4. С. 1—64. На сказочно-песенном рус. и иноязычном материале. То же. Отд. отд. М., 1897.

17. *Добровольский В. Н.* Пословица и загадка // Живая старина. 1898. Вып. 3—4. С. 494—497.

18. *Житецкий П. И.* Теория поэзии. Киев: Тип. окр. штаба, 1898. 292 с.

С. 22—36: Отголоски первобытных верований и понятий в народных загадках, пословицах, заговорах и сказках.

19. *Симони П. К.* Программа для собирания русских пословиц, поговорок, острог, прозвищ, загадок и т.д. // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 118—121. То же. Отд. отд. СПб., 1898.

20. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собр. и приг. к печати П. К. Симони. Вып. I. СПб., 1899.

21. Загадка // Малый энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1900. Т. 2. С. 641.

22. *Полевой П. Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Вып. 1—3. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1900. (Ил. б-ка «Нивы»). Т. 1. Вып. 1. 160 с.

С. 34—38: Загадки, пословицы.

23. *Булгаковский Д. Г.* Вино на Руси по памятникам народного творчества, литературным и художественным. СПб.: Тип. сенатская, 1902. 58 с.

С.50: Загадки.

24. Загадка // Большая энциклопедия. Т. 9 / Под ред. С. Н. Южакова. СПб.: Изд. т-ва «Просвещение», 1902. С. 450—451.

25. *Зеленин Д. К.* Этимологические заметки // Филологич. зап. 1902. Вып. 2. С. 1—32 (4-я пагинация).

С. 19—31: О личных собственных именах в функции нарицательных в русском народном языке. [Рассмотрение загадок, пословиц и сказок].

26. Описание рукописей Тверского музея. Вып. 2 / Сост. М. Н. Сперанский. Тверь: Изд. Твер. учен. арх. комис. 1903. 107 с.

С. 26, 66—67, 72—74: Загадки и заговоры.

27. *Житецкий П. И.* Теория поэзии. Изд. 4-е. Киев: Тип. ун-та св. Владимира, 1904. 294 с.

С. 22—36: Отголоски первобытных верований и понятий в народных загадках, пословицах, заговорах и сказках.

28. *Керенский С.* Пособие к изучению истории русской словесности. Вып. 1. Введение. Нар. словесность. М.: Тип. М. Борисенко. 1904. 89 с.

С. 41—44: Загадка.

29. *Виноградов Н. Н.* И. П. Сахаров и его «Русские народные загадки и притчи» // Журн. м-ва нар. просвещения. 1905. № 6. Отд. 2. С. 229—265.

30. *Петров К. П.* Курс истории русской литературы. Учеб. пособие. Изд. 2-е. СПб.: Тип. А. Э. Винеке, 1905. XV. 390 с. С. 3—18. [В т. ч. загадки].

31. *Воскресенский Е.* Теория словесности. Изд. 5-е. М.: Изд. К. И. Тихомирова, 1906. 159 с.

С. 66—67: Пословицы и загадки.

32. *Сиповский В. В.* История русской словесности. Ч. 1. Вып. 1. (Нар. словесность). СПб.: Тип. т-ва печатн. и изд. дела «Труд». 1906. 122 с.

С. 105—107: Загадки.

33. *Елеонская Е. Н.* Некоторые замечания о роли загадки в сказке // Этнографическое обозрение. 1907. Кн. 75. № 4. С. 78—90.

34. *Вознесенский И. И.* О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа: пословиц, поговорок, загадок, при- сказок и др. Посвящается IV обл. ист.- археол. съезду в Костроме. Кострома, 1908. 23 с.

35. *Ельницкий К. В.* Из уроков по теории словесности (сист. изложение) // Филол. зап. 1908. Вып. 1. С. 89—128. С. 101—116. [В т. ч. загадки].

36. *Марков А.* О методе изучения загадок // Этнографическое обозрение. 1909. Кн. 83. № 4. С. 84—88.

37. *Сиповский В. В.* Сокращенный курс истории русской словесности в двух частях. Ч. 1. Нар. словесность. История рус. письменности от начала до XVIII в. СПб.: Изд. Я.Башмаков и К, 1911. VII. 203 с.

С. 94—98: Пословицы, поговорки и загадки.

38. *Потанин Г. Н.* Сага о Соломоне. Вост. материалы к вопросу о происхождении саги. Томск: Изд. Сиб. т-ва печатн. дела, 1912. 186 с. С. 3, 24, 50, 52—56, 59—62, 65, 70, 130, 143, 158, 167. [Рассмотрение рус. загадок и сказок].

39. Библиографический указатель русской этнографической литературы по народной словесности на русском языке. Вып. 1. 1911 год. М., 1913. 32 с. (Комиссия по нар. словесности при Этнограф. отд. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии).

С. 11: Загадки.

40. *Бороздин А. К.* Русская народная словесность и древняя русская письменность. СПб.: книгоизд. «Сотрудник», 1913. 268 с. (Очерки по истории рус. лит.). С. 19—46. [В т. ч. загадки].

41. *Григорьев А. Д.* Повесть об Акире Премудром как художественное произведение // Варшав. унив. изв. 1913. № 4. С. 1—60. С. 36, 38—39, 55. [Загадки и пословицы в «Повести»].

42. *Марков А.* Загадка // Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К». Т. 20. Изд. 7-е. М., 1913. Стлб. 397—398.

43. *Мочульский В. Н.* К истории журналистики XVIII в. // Рус. филол. вестник. 1913. № 1. С. 114—129.

С. 119: Загадки в журн. М. Д. Чулкова «Парнасский Щепетильник» (1770 г.).

44. *Саводник В.* Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII в. Изд. 2-е. М.: Тип. лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1913. 474 с., с нот.

С. 46—47: Загадки.

45. *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб.: Тип. Имп. АН, 1913. 688 с.

С. 192—195: Перечень рукописей изречений, пословиц и загадок.

46. *Хирьяков А. М.* Очерки истории русской литературы. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1913. 223 с.

С. 48—58: Народная мудрость. [Заговоры, загадки, пословицы].

47. *Шляпкин И. А.* Лекции по истории русской литературы. Ч. 1. Вып. 1 (Введение. Нар. словесность). Изд. 3-е. СПб.: Изд. студенч. изд. ком-та при ист.-филол. фак-те СПб. ун-та, 1913. 348 с.

- С. 268—280: Колдовство, заговоры, пословицы и загадки.
48. Библиографический указатель литературы по народной словесности на русском языке. Вып. 2. 1912 год. М., 1914. 46 с. (Комиссия по нар. словесности при Этнограф. отд. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии).
- С. 16: Загадки.
49. Сказки, загадки, пословицы. Одесса: книгоизд. «Наука», 1914. 36 с. (Классн. б-ка И. М. Гринцера. Вып. 25).
- С. 18—27: Загадки и пословицы.
50. *Соколов М.* Теория словесности с присоединением образцов. (Опыт аналитико-ист. курса). Вып. 1, 2. Изд. 4-е. Сергиев Посад: Тип. Троицко-Серг. лавры, 1914—1915. Вып. 2. Общая теория поэзии и теория эпоса и лирики. 318 с.
- С. 63—64: Загадки.
51. *Чарушин А. А.* Народный язык // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. Севера. 1914. № 16. С. 493—502.
- С. 495—498: Анализ пословиц, загадок, прозвищ, шуток. То же. Отд. изд. Архангельск, 1914. 12 с.
52. Библиографический указатель литературы по народной словесности на русском языке. Вып. 3. 1913 год. М., 1915. 64 с. (Комиссия по нар. словесности при Этнограф. отд. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии).
- С. 27: Загадки.
53. *Аргентов Г.* Особенности народных загадок как вида народного умственного развлечения // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 3. С. 33—36.
54. *Соколов Ю.* Загадки // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Стлб. 245.
55. Загадка // Новейший энциклопедический словарь. Т. 1 / Под общ. ред. «Вестник знания». Л.: изд-во «П. П. Сойкин», 1926—1927. Стлб. 919.
56. Загадка // МСЭ. Т. 3. М., 1929. Стлб. 199.
57. *Рыбникова М., Случевская Л.* Избьяная поэзия в загадках. (Поэтика на экскурсии) // Рус. яз. в сов. школе. 1929. № 1. С. 90—102. [Методика использования загадок во время школьных экскурсий по музеям и выставкам старого крестьянского быта].
58. *Соколов Ю.* Загадка // Лит. энциклопедия. М., 1930. Т. 4. Стлб. 264—270.
59. *Соколов Ю.* Загадка // БСЭ. Т. 25. М., 1932. Стлб. 757—758.
60. *Гудков И.* Народные загадки, частушки и пословицы о попах // Безбожник. 1934. № 7. С. 13—15. [Обзор традиц. и совр. текстов].
61. *Адрианова-Перетц В. П.* Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок // Академику Н. Я. Марру. XLV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 497—505.

62. *Колпакова Н.* Северная загадка. (Из записей фольклориста) // Звезда Севера. 1935. № 6. С. 64—70.
63. Загадка / МСЭ. Т. 4. Изд-е 2-е. М., 1936. Стлб. 378.
64. Загадка // Словарь поэтических терминов / Сост. А. П. Квятковский; под ред. С. М. Бонди. М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1940. С. 79.
65. *Колесницкая И. М.* Загадка в сказке // Учен. зап. ЛГУ. 1941. № 81. Сер. филол. наук. Вып. 12. С. 98—142.
66. *Кайев А. А.* Русская литература. Учебник для учительских институтов. Т. 1. Фольклор. Древнерусская литература. Литература XVIII века. М.: Учпедгиз, 1949. 503 с.
С. 54—61: Загадки, пословицы, поговорки.
67. Загадка // БСЭ. Т. 16. Изд. 2-е. М., 1952. С. 291.
68. *Беседина Т. А.* Народные пословицы и загадки в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Учен. зап. Вологодского пед. ин-та. 1953. Т. 12. С. 101—124.
69. Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов / Общ. ред. П. Г. Богатырева. М.: Учпедгиз, 1954. 536 с.
С. 207 — 219: *Колесницкая И. М.* Загадки.
70. Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов / Общ. ред. П. Г. Богатырева. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Учпедгиз, 1956. 620 с.
С. 283—294: *Колесницкая И. М.* Народные загадки.
71. *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
72. *Аникин В. П.* Об историческом приурочении пословиц, поговорок и загадок // Сов. этнография. 1960. № 4. С. 44—52.
73. *Милиц С.* Загадки русского народа // Вопр. литературы. 1961. № 3. С. 226—228.
74. *Митрофанова В. В.* Загадки в песнях // Специфика жанров русского фольклора. Науч. конф. Горьк. гос. ун-т; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. Тез. докл. / Ред. В. М. Потявин. Горький, 1961. С. 84.
75. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков / Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова; отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 289 с. (Памятники русского фольклора).
76. *Постникова И. И.* Субстантивированные прилагательные в русских народных загадках // Учен. зап. Кызыльского гос. пед. ин-та. 1961. Вып. II. С. 100—109.
77. *Бендерли Т. С.* О происхождении пословиц // Учен. зап. Дальневосточного гос. ун-та. 1962. Вып. IV. Сер. филол. (англ. яз.). Владивосток, 1962. С. 115—128. С. 125—126. [Связь пословиц и загадок].

78. *Митрофанова В. В.* О сходстве русских и болгарских загадок // Русский фольклор. VIII. Народная поэзия славян. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 160—174.

79. *Аникин В. П.* Загадка // Краткая лит. энциклопедия. М., 1964. Т. 2. Стлб. 970—971.

80. *Домановский Л. В.* Пословицы, поговорки, загадки, прозвища и меткие слова // Русский фольклор Великой Отечественной войны / Отв. ред. В. Е. Гусев. М.; Л.: Наука, 1964. С. 240—266.

81. Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов (Ин-т лит. яз. и лит. АН Лит. ССР) / Отв. ред. В. Я. Пропп. Вильнюс, 1964. 105 с. (Ротопринт).

С. 87—97: *Норманн Э.* Систематизация загадок, пословиц и поговорок.

82. *Митрофанова В. В.* Историческая действительность в загадках // Славянский фольклор и историческая действительность / Отв. ред. А. М. Астахова и др. М.; Л.: Наука, 1965. С. 284—299.

83. Фольклор Воронежского края. Библиографический указатель (Воронеж. гос. ун-т, Фундамент. б-ка) / Сост. В. А. Павлова; под ред. В. А. Тонкова. Воронеж, 1965. 108 с.

С. 52—54: Пословицы и поговорки. Загадки.

84. *Штокмар М.* Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок и прибауток // Звезда Востока. 1965. № 11. С. 149—163.

85. *Богатырев П. Г., Гусев В. Е., Колесницкая И. М.* и др. Русское народное творчество. Учеб. пособие для студентов гос. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1966. 359 с.

С. 128—136: *Колесницкая И. М.* Загадки.

86. *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 375 с.

С. 111: Загадка.

87. *Митрофанова В. В.* Вопросы публикации и текстологического изучения русских народных загадок // Принципы текстологического изучения фольклора / Отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л.: Наука, 1966. С. 102—123.

88. *Митрофанова В. В.* Современное состояние русских загадок // Современный русский фольклор / Отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1966. С. 199—208.

89. *Митрофанова В. В.* Специфика русских народных загадок и их связь с другими жанрами фольклора // Русский фольклор. X. Специфика фольклорных жанров / Отв. ред. В. Е. Гусев. М.; Л.: Наука, 1966. С. 79—102.

90. *Щетинин Л. М.* Слова, имена, вещи. Очерки об именах. Ростов н./Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1966. 222 с.

С. 184—186: Имена в загадках и сказках.

91. *Василенко В. А.* К изучению «взрослых» загадок // Усть-Каменогорский государственный педагогический институт. IX науч. конф. профес.-препод. состава (тез. докл.). Усть-Каменогорск, 1968. С. 19—22.

92. *Герbstман А. И.* О звуковом строении народной загадки // Русский фольклор. XI. Исторические связи в славянском фольклоре / Ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Наука, 1968. С. 185—197.

93. *Грибанов Н. И.* «Загадочные» традиции в поэмах С. Есенина 1916—1919 гг. // Проблемы изучения художественного произведения (методология, поэтика, методика). XI науч.-теорет. и метод. конф., организуемая каф. рус. лит. (23—25 мая 1968 г.). Тез. докл. Ч. II (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина). М., 1968. С. 55—56.

94. *Митрофанова В. В.* Художественный образ в русских народных загадках // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе. Метод и мастерство. Тез. докл. II Межвуз. науч. конф. литературоведов. Май, 1969 г. (Вологод. гос. пед. ин-т). Вологда, 1969. С. 11—12.

95. Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А. М. Новиковой, А. В. Кокорева. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1969. 519 с.

С. 140—154: *Василенко В. А.* Загадки.

96. *Рыленков Н. И.* Душа поэзии. Портреты и раздумья. М.: Сов. писатель, 1969. 271 с.

С. 214—222: *Н. И. Рыленков* в своем интересе к образной нар. речи, пословицам и загадкам.

97. *Рыленков Н.* Песня о березе // Лит. Россия. 1969. 1 мая. № 18. С. 7: Береза в рус. нар. загадках и песнях Троицына дня.

98. *Левин Ю. И.* Русская загадка: синтез, структура, отгадывание // IV летняя школа по вторичным моделирующим системам. 17—24 авг. 1970 г. (тез. докл.) (Тарт. гос. ун-т). Тарту, 1970. С. 36—39.

99. *Наровчатов С. С.* Необычное литературоведение. М.: Молодая гвардия, 1970. 336 с. С. 138—169. [В т. ч. загадки: их содержание, поэтика].

100. *Самойлов Д.* Наблюдения над рифмой // Вопр. лит. 1970. № 6. С. 160—177. [Анализ пословиц и загадок].

101. *Митрофанова В. В.* Ритмическое строение русских загадок // Русский фольклор. XII. Из истории русской народной поэзии / Отв. ред. В. Е. Гусев. Л.: Наука, 1971. С. 147—161.

102. *Митрофанова В. В.* Художественный образ в загадках // Современные проблемы фольклора. (Вологод. гос. пед. ин-т) / Ред. В. В. Гура. Вологда, 1971. С. 141—151.

103. Русское народное поэтическое творчество. Учеб. пособие для филолог. фак-тов пед. ин-тов / Под ред. Н. И. Кравцова. М.: Просвещение, 1971. 384 с.

С. 75—90: Загадки.

104. *Федотов О. И.* Рифма и фольклор // Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1971. Вып. 72. Вопр. теории и истории лит. Казань, 1971. С. 28—44. [Анализ загадок, пословиц, песен].

105. Фольклор нижегородского края. Библиографический указатель (Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского) / Сост. М. Н. Андреева, А. Н. Донин, К. Е. Корепова. Горький, 1971. 145 с.

С. 40—45: Пословицы. Поговорки. Загадки.

106. *Шарашова М. К.* К вопросу о переходе собственных имен в нарицательные в русском языке // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. Мориса Тореза. 1971. Т. 58. Тр. каф. рус. яз. М., 1971. С. 191—197. С. 194—195. [Имена в пословицах и загадках].

107. *Шустов А. Н.* Из жизни одной метафоры. Эскиз к будущему «Словарию метафор» // Рус. речь. 1971. № 3. С. 18—28. С. 18—19, 22, 26. [Метафоры в загадках и сказках].

108. Загадка // БСЭ. Т. 9. Изд. 3-е. М.: Сов. энциклопедия, 1972. С. 270.

109. *Лавонен Н. А.* Карельская загадка в свете этнографии // Сов. этногр. 1973. № 6. С. 90—99. [Взаимосвязь рус. и карел. загадок].

110. *Левин Ю. И.* Семантическая структура русской загадки // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 308. Тр. по знаковым системам. VI. Сб. науч. ст. в честь М. М. Бахтина. (К 75-летию со дня рождения). Тарту, 1973. С. 166—190.

111. *Огольцев В. М.* Загадка как образная основа сравнений в поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Сб. науч. тр. Ярослав. гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского. 1973. Вып. 111. Мат-лы науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Ярославль, 1973. С. 26—32.

112. *Самойлов Д. С.* Книга о русской рифме. М.: Худож. лит., 1973. 278 с.

С. 29—72: Рифма в малых жанрах фольклора (пословицы и загадки).

113. *Аникин В. П.* Загадка // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 85—86.

114. *Выходцев П. С.* С думой о Родине. (Советская литература и воспитание современника). М.: Современник, 1974. 285 с. С. 73—74. [Н. Н. Асеев об обращении А. С. Пушкина к пословицам, загадкам, прибауткам].

115. *Митропольская Н. К.* Новые записи загадок и фольклорная традиция в русских поселениях на территории Литовской ССР // Науч. тр. вузов ЛитССР. Литература. 1974. № XIV (2). С. 59—89.

116. *Померанцева Э. В.* Пословицы и загадки А. Н. Корольковой // Рус. речь. 1974. № 2. С. 44—49.

117. Поэтика, стилистика и лексика русского фольклора. (Мат-лы к библиографии) / Сост. М. Я. Мельц // Русский фольклор. XIV.

Проблемы художественной формы / Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1974. С. 311—326.

С. 315: Загадки.

118. *Цивьян Т. В.* К семантике *дома* в балканских загадках // Мат-лы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам. I (5) (Тарт. гос. ун-т). Тарту, 1974. С. 45—48. [Сравнит. рассмотрение рус. загадок].

119. *Кодратов Н.* Отгадай загадку. Мир ваших увлечений // Урал. Рабочий. 1975. 30 янв. № 25. [Собиратели урал. загадок Л. Н. и К. Ф. Васановы].

120. *Колпакова Н. П.* У золотых родников. Записки фольклориста. Л.: Наука, 1975. 199 с. (АН СССР. Из истории мировой культуры). [Обзор былин, духовных стихов, лирич. и свадеб. песен, дет. фольклора, заговоров, загадок и т.д., зап. в 1926—1929 гг. в Заонежье и Пинежье комплексн. экспедицией Гос. ин-та истории искусств].

121. *Багизбаева М. М.* О загадке в фольклоре семиреченских казаков // Филологический сб. Казах. гос. ун-та. Алма-Ата, 1976. Вып. 18. С. 50—57.

122. *Лазутин С. Г.* Метафора в загадках (принципы их создания, виды и идейно-эстетические функции) // Вопр. поэтики литературы и фольклора. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. С. 34—49.

123. *Ройзензон Л. И.* К лингвистической интерпретации загадки в связи с некоторыми проблемами фразеологии // Вопр. фразеологии. (Тр. Самарканд. гос. ун-та. Нов. сер.). Самарканд, 1976. Т. 7. С. 18—34.

124. *Митрофанова В. В.* К вопросу о нарушении единства в некоторых жанрах фольклора // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора» / Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1977. Т. 17.

С. 35—44: Анализ загадок и духовных стихов.

125. *Орел В. Э.* К объяснению некоторых «вырожденных» славянских текстов // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР). М., 1977. С. 318—324. [Лингвист. объяснение дет. считалок, некоторых терминов в загадках, заговорах].

126. *Левин Ю. И.* Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. Пословица, загадка. (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978.

С. 283—314: Исследования по фольклору и мифологии Востока.

127. Русское народное поэтическое творчество. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. А. М. Новиковой. 2-е изд. М.: Наука, Высш. шк., 1978. 440 с.

С. 120—131: Загадки.

128. *Журавлев А. Ф.* Об одном мотиве восточнославянских загадок. (К статье Д. К. Зеленина «Из быта и поэзии крестьян Новгородской губ.») // Проблемы славянской этнографии. (К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленина) / Отв. ред. А. К. Байбурин, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. С. 130—132.

129. *Капорулина Л. В.* К вопросу о дистрибуции имени существительного в языке русской загадки // Язык жанров русского фольклора. Межвуз. науч. сб. (Петрозавод. гос. ун-т) / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск, 1979. С. 86—98.

130. *Митрофанова В. В.* Загадка, разгадка, да семь верст правды (в ней) // Рус. речь. 1979. № 4. С. 46—51.

131. *Аникин В. П.* Эпитет в загадках // Эпитет в русском народном творчестве. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. С. 104—119. (Фольклор как искусство слова; Вып. 4).

132. *Аникин В. П.* Метафора в загадках // Художественные средства русского народного поэтического творчества: Символ. Метафора. Параллелизм / Отв. ред. Н. И. Кравцов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1981. С. 53—66 (Фольклор как искусство слова; 5).

133. *Лазутин С. Г.* Поэтика русского фольклора. Учеб. пособие для студентов филол. спец. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 222 с. С. 94—110: Метафоры в загадках.

134. *Багизбаева М. М., Латыева Е. В.* Загадки казаков Семиречья. (На материале Алма-Атинской обл.) // Рус. речь. 1983. № 2. С. 115—120.

135. *Гин Я. И.* О функции категории рода в загадке // Язык жанров русского фольклора. Межвуз. науч. сб. (Петрозавод. гос. ун-т). Петрозаводск, 1983. Вып. 3. С. 119—122.

136. *Волоцкая З. М.* Заметки о функционировании глагола в загадках // Русский глагол в сопоставительном освещении. Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 122—129.

137. *Гридина Т. А.* Народная этимология в диалектной речи. (К вопросу об основаниях народно-этимологической мотивировки) // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Сб. науч. тр. (Свердловск. гос. пед. ин-т). Свердловск, 1984. С. 67—75. [Привлекается материал преданий, загадок, поговорок].

138. О логической структуре некоторых русских загадок: К вопросу об основной функции народных загадок и их научной классификации / Сообщ. Н. В. Барабановой; вступ. текст Г. Л. Пермякова // Паремнологические исследования. Сб. статей / Сост. и ред. Г. Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 96—104.

139. *Филатова-Хельберг Е.* Дерево времени. (О русских календарных загадках) // Scando-Slavica. 1984. Вып. 30. С. 145—163.

140. *Волоцкая З. М.* Структура и семантика загадок предметного поля «похороны—смерть» // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд» (тез. докл.) / Отв. ред. В. И. Иванов. М.: Наука, 1985. С. 26—28.

141. *Рыбникова М. А.* Избранные труды. К 100-летию со дня рождения / Сост. и авт. коммент. И. Е. Каплин. М.: Педагогика, 1985. 247 с.

С. 180—185: Загадка как элементарная поэтическая форма.

142. *Чернышев В. В.* Из истории изучения русской загадки // Язык русского фольклора. Межвуз. сб. (Петрозавод. гос. ун-т) / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск, 1985. С. 23—29.

143. *Волоцкая З. М.* Опыт описания структуры и семантики загадок одного тематического поля // Сов. славяноведение. 1986. № 4. С. 76—84.

144. *Волоцкая З. М.* Наблюдения над славянскими загадками с окказиональными номинациями // Сов. славяноведение. 1989. № 1. С. 55—64.

145. *Журинский А. Н.* Свертывание и развертывание ситуации при синтезе загадки // Вопр. кибернетики. Вып. 159. Семиотические исследования. М.: Наука, 1989. С. 90—108.

146. *Журинский А. Н.* Семантическая структура загадки: Немегафорические преобразования смысла. (Ин-т языкознания АН СССР) / Отв. ред. Н. В. Охотина. М., 1989. 127 с.

147. *Бентцин У., Байбурин А. К.* Загадка // Народные знания. Фольклор. Народное искусство (Ин-т этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая). М., 1991. С. 42—43.

148. *Дейкина А. Д.* Художественное своеобразие малого жанра // Народное творчество в эстетическом и нравственном воспитании учащихся (М-во образования РФСФР. Ин-т общего образования) / Сост. В. Л. Коровина, Н. И. Кучер. М., 1991. С. 43—55. [На материале загадок].

149. Загадка // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М.: СП «Терра», 1991. Т. 12. Кн. 23. С. 115. — Репринт. изд.: СПб., 1894. Т. 12. Кн. 23.

150. *Мартыненко Л. Б.* Свообразие кубанских загадок // Русский фольклор: проблемы изучения и преподавания. Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. 24—27 сент. 1991 (Тамбов. гос. пед. ин-т, Тамбов. отд. Сов. фонда культуры и др.) / Отв. ред. Л. В. Полякова. Тамбов, 1991. Ч. 3. С. 72—75.

151. *Боровков М.* Загадки Вязниковского Заречья // Встреча: Культ.-просвет. работа. 1992. № 2. С. 57—58.

152. *Чернышев В. В.* Функционально-смысловые типы речи в загадке // Язык русского фольклора. Сб. науч. статей / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1992. С. 29—35.

153. *Александров В. Ю.* Загадка в поэтической структуре поэмы М. Цветаевой «Молодец» // Анализ художественного произведения. Сб. науч. тр. Киров: Изд-во Киров. гос. пед. ин-та, 1993. С. 144—152.

154. *Волоцкая З. М.* Элементы неживой природы в загадках славянского региона // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов (Ин-т славяноведения и балканистики РАН) / Отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1993. С. 183—196.

155. *Дмитренко Н. К.* Загадка // Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии / Отв. ред. К. П. Кабашников. Минск: Навука і тэхніка, 1993. С. 77—78.

156. *Липатов В.* Вверх дном. На чем основана природа эротических загадок // Родина. 1993. № 7. С. 104—106.

157. *Однoboкoвa Л.* Русские народные загадки в архивных материалах А. Н. Белослюдова // Вопр. литературы и фольклора. Содержательность художественных форм. Сб. науч. трудов (Казах. гос. ун-т) / Отв. ред. М. М. Багизбаева. Алматы, 1993. С. 23—28.

158. *Владимирцев В. П.* Ф. М. Достоевский и народная загадка // Рус. речь. 1994. № 5. С. 104—107.

159. *Головачева А. В.* К вопросу о прагматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1 / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1994. С. 195—213.

160. *Гуржий Т. Г.* Загадка в свадебном обряде и волшебной сказке. К проблеме фольклорно-этнографических связей (по материалам Кировской области) // История и культура Волго-Вятского края. (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. Киров, 18—20 октября 1994 г. / Отв. ред. В. В. Низов. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1994. С. 415—417.

161. *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов / Сост. и вступ. статья Л. Н. Виноградовой; подгот. текстов и коммент. Л. Н. Виноградовой, Н. А. Пшеницыной. М.: Индрик, 1994. 272 с. (Традиц. духовная культура славян. Из истории изучения).

С. 79—89: Роль загадок в сказке.

162. *Лекомцева М. И.* Семиотические аспекты «индексальной» загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 214—225.

163. *Молошная Т. Н.* Заметки по синтаксису простого предложения в загадках (сопоставительный русско-болгарский анализ) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 226—247.

164. *Николаева Т. М.* Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской ду-

ховной культуры. Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 143—177.

165. *Сатыренко А. С.* Подблюдные гадания и загадки // История и культура Волго-Вятского края. (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. Киров, 18—20 окт. 1994 г. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1994. С. 412—414.

166. *Топоров В. Н.* Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 10—117.

167. *Цивьян Т. В.* Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 178—194.

168. *Волоцкая З. М.* Тема смерти и похорон в загадках (на славянском материале) // Малые формы фольклора. Сб. памяти Г. Л. Пермякова. М., 1995. С. 245—255.

169. *Волоцкая З. М., Головачева А. В.* Языковая картина мира и картина мира в текстах загадок // Малые формы фольклора. Сб. статей памяти Г. Л. Пермякова / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). С. 218—243: [На слав. материале].

170. *Гинзбург Е. Л.* Не-загадки. Этюд 1: Загадка и отгадка как конструкция введения имени // Язык—система. Язык—текст. Язык—способность. К 60-летию чл.-кор. РАН Ю. Н. Караулова (Ин-т рус. яз. РАН). М., 1995. С. 145—154.

* 171. *Дунин П. М.* Малый фольклор и энтомология: русские народные пословицы, поговорки, загадки, приметы, и суеверия о насекомых // Фольклор как основа гуманитарного и экологического образования. Научная методология и проблемы. Мат-лы семинара. 13—14 апреля 1995 г. М., 1995. С. 29—30.

172. *Ефременков М. С.* Устное народное творчество Смоленщины // Смоленский край в литературе и фольклоре. Учеб. пособие по литературному краеведению (Комитет по образованию администрации Смолен. обл.) / Отв. ред. В. В. Ильин. Смоленск: Траст-Имаком, 1995. С. 20—61.

С. 22—24: Загадки.

173. *Журинский А. Н.* Подмена в основе загадки и поступка // Малые формы фольклора. Сб. статей памяти Г. Л. Пермякова. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. С. 256—269. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

174. *Константинова С. К.* Олицетворение в русской загадке // Фольклорная лексикография (Курск. гос. пед. ун-т) / Отв. ред. А. Т. Хроленко. Курск, 1995. Вып. 4. С. 13—16.

* Звездочкой здесь и далее отмечены библиографические данные, взятые из вторичных источников, которые не удалось проверить и уточнить.

175. *Подюков И. А.* Русская эротическая загадка // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Нар. театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995.

С. 371—373: (Русская потаенная литература).

176. *Хеллберг-Хирн Е.* «Свое» и «чужое» в загадочном языке // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Tartu, 1995. С. 45—51. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia; Т. 4.)

177. *Шиндин С. Г.* О некоторых формульных конструкциях в русских загадках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии (тез. докл.) (Ин-т славяноведения и балканистики РАН, Науч. центр общеслав. исследований). М., 1995. С. 148—152.

178. *Чернышов В. В.* Символика русской загадки // Проблемы поэтики языка и литературы. Мат-лы межвуз. науч. конф. Карельск. гос. пед ун-та. 22—24 мая 1996 года / Отв. ред. Л. В. Савельева. Петрозаводск, 1996. С. 71—73.

* 179. *Головачева А. В.* К вопросу о прагматике загадки // Из работ московского семиотического круга. М., 1997. С. 396—416.

* 180. *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* О ведийской загадке типа brahmodya // Из работ московского семиотического круга. М., 1997. С. 303—338.

181. *Волков Г. Н.* Этнопедагогика. Учеб. пособие для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 1999.

С.79—87: Загадки.

* 182. *Чиркова О. А.* Современный народный анекдот и загадка: взаимодействие жанров // Филологический поиск. Сб. науч. тр. Вып. 3. Волгоград, 1999. С. 185—190.

Тексты, материалы, научные публикации

1. Русские святки, или Забавные и приятные увеселения с 25-го декабря по 6-е января для любезных девушек, милых молодушек и холостых мужчин. М.: Тип. А. Решетникова, 1814—1815. Ч. 1—2. 107 с., 132 с.

Ч. 2: Содержащая разные игры в фанты, жидовскую кабалу, кофейницу, способ ворожить бобами и увеселительные загадки.

2. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. П. Сахаровым. СПб.: Гуттенбергова тип., 1836—1837. Ч. 1—3. Ч. 2. С. 119—182: Сказания об играх святочных. (Обряды святочных игр. Русские святочные песни. Русские народные загадки).

3. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. П. Сахаровым. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841—1849.

Т. 1—2. Кн. 1—8. Т. 2. Кн. 7: Русская народная годовщина. 1849. 112 с. С. 104—112. [В т. ч. русские народные загадки].

4. *Луганский В.* Солдатские досуги // Современник. 1842. Т. 25. № 1. С. 1—66 (2-я паг.). Авт.: В. И. Даль.

С. 40—41: Загадки.

5. *Парихин Г.* Русские народные загадки // Маяк. 1842. Т. 6. Кн. 11. Материалы. С. 47—78.

6. *Казак Владимир Луганский.* Солдатские досуги. СПб.: У издателя Ю. А. Юнгмейстера, 1843. 204 с. Авт. В. И. Даль. С. 55—56, 90—91, 102—103, 138—139, 169—170, 184—186. [Загадки].

7. Воскресные посиделки. Книжка для доброго народа русско-го. Третий пяток. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. 160 с.

С. 128: Загадки.

8. Загадки // Чтение для солдат. 1847. Кн.1. С. 139. Разгадки в кн. 2. С.185.

9. Загадки // Чтение для солдат. 1847. Кн. 2. С. 185—186. Разгадки в кн. 3. С. 180.

10. Загадки // Чтение для солдат. 1848. Кн.1. С. 142. Разгадки в кн. 2. С.142.

11. Загадки // Чтение для солдат. 1848. Кн. 2. С. 142. Разгадки в кн. 3. С. 126.

12. Загадки // Чтение для солдат. 1848 (год первый). Кн. 3. С.180—181. Разгадки в кн. 4. С. 181.

13. Загадки // Чтение для солдат. 1848 (год первый). Кн. 4. С.181—182. Разгадки в кн. 5. С. 208.

14. Загадки // Чтение для солдат. 1848 (год первый). Кн. 5. С. 209. Разгадки в кн. 6. С. 149.

15. Загадки // Чтение для солдат. 1848 (год первый). Кн. 6. С. 148. Разгадки в кн. 1 за 1849 г. С.141.

16. Загадки // Чтение для солдат. 1849 (год второй). Кн. 3. С.126. Разгадки в кн. 4. С.149.

17. Загадки // Чтение для солдат. 1849 (год второй). Кн. 4. С.149. Разгадки в кн. 5. С.134.

18. Загадки // Чтение для солдат. 1849 (год второй). Кн. 5. С.134. Разгадки в кн. 6. С.150.

19. Загадки // Чтение для солдат. 1849 (год второй). Кн. 6. С.150. Разгадки в кн. 1 за 1849 г. (год третий). С.133.

20. Загадки // Чтение для солдат. 1849 (год третий). Кн. 1. С.132. Разгадки в кн. 2. С.119.

21. *Волков Н. Н.* Верейский уезд // Моск. губ. вед. Ч. неофиц. 1850. (9 сент.), № 36. С. 411—418; (16 сент.), № 37. С. 420—426; (23 сент.), № 38. С. 431—432. [Материалы по календар. обрядам, свадьбе, загадкам, приметам].

22. *Волков Н. Н.* Описание Волокаламского уезда Московской губернии // Моск. губ. вед. Ч. неофиц. 1851. 15 сент, № 37. С. 43—436; 22 сент., № 38. С. 443—450; 29 сент., № 39. С.

455—462; 6 окт., № 40. С. 470 — 473. [Материал по календар. и свадеб. обрядам, загадки].

23. *Волков Н. Н.* Описание Коломенского уезда Московской губернии // Моск. губ. вед. Ч. неофиц. 1851. 24 марта, № 12. С. 129—132; 31 марта, № 13. С. 141—146; 7 апр., № 14. С. 149—157; 14 апр., № 15. С. 161—165. [Материал по календар. и свадеб. обрядам, загадки, пословицы].

24. *Волков Н. Н.* Описание Рузского уезда Московской губернии // Моск. губ. вед. Ч. неофиц. 1851. 26 мая, № 21. С. 225—231; 2 июня, № 22. С. 237—247; 23 июня, № 25. С. 277—282. [Материал по календар. обрядам, свадьбе, играм, загадкам].

25. Материалы для описания Курской губернии. Статья VII: Загадки // Кур. губ. вед. Ч. неофиц. 1851. 8 сент., № 36. С. 357—359.

26. *Волков Н. Н.* Богородский уезд Московской губернии // Моск. губ. вед. Ч. неофиц. 1852. 20 сент., № 38. С. 349—352; 27 сент., № 39. С. 365—366; 4 окт., № 40. С. 369—375. [Материал по календар. и свадеб. обрядам, играм, загадкам, пословицам].

27. *Волков Н. Н.* Описание Бронницкого уезда Московской губернии // Моск. губ. вед. Ч. неофиц. 1852. 12 июля, № 28. С. 265—268; 19 июля, № 29. С. 273—278; 26 июля, № 30. С. 281—285. [Материал по календар. и свадеб. обрядам, играм, загадкам].

28. Загадки великороссийские // Нижегород. губ. вед. Ч. неофиц. 1852. 18 окт., № 42. С. 167—168.

29. *Зеленецкий А. Г.* // Тул. губ. вед. Ч. неофиц. 1852. (14 июня), № 24. С. 279—280. [Тексты из Чернского у.].

30. *Терещенко А. В.* Заметки об Арзамасе // Москвитянин. 1852. № 22, Соврем. изв. С. 63 — 88; № 23. С. 99—132. С. 99—123. [Тексты загадок и пословиц].

31. *Архангельский А.* Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда // Вестн. Имп. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1853. Ч. 7. Кн. 1. Отд. 3. С. 1—80.

С. 75—80: Простонародные загадки.

32. *Дмитрюков А.* Народные игры, загадки, анекдоты и приключения жителей Суджанского и Рыльского уездов // Кур. губ. вед. Ч. неофиц. 1853. 7 февр., № 6. С. 51—55; 14 февр., № 7. С. 61—65; № 8. С. 71—75; 14 марта, № 11. С. 102—105; 21 марта, № 12. С. 111—114; 28 марта, № 13. С. 124—125.

33. Образцы вытегорского говора (Олонецкой губ.). Доставлены И. И. Лабардиным // Памятники и образцы народного языка и словесности: Прибавления к Изв. Имп. Акад. наук по отд-нию рус. яз. и словесности. СПб., 1853. Тетр. 2. С. 225—234. [Тексты баллад, загадок, пословиц].

34. *Преображенский А.* Приход Станиловский на Сити Ярославской губернии Моложского уезда // Этнографический

сборник, издаваемый Рус. геогр. о-вом. СПб., 1853. Вып. 1. С. 125—173.

С. 170—173: Загадки с отгадками.

35. *Архангельский А.* Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Рус. геогр. о-вом. СПб., 1854. Вып. 2. С. 1—80.

С. 75—79: Простонародные загадки.

36. *Кремер А.* Русские и малороссийские народные загадки Воронежской губернии // Воронеж. губ. вед. Ч. неофиц. 1854. 23 янв., № 4. С. 23—25; 30 янв., № 5. С. 30—31; 6 февр., № 6. С. 38—39.

37. *П. П.* Загадки // Тамбов. губ. вед. Ч. неофиц. 1854. (14 авг.), № 33. С. 139—141.

38. *Широков К.* Смоленский говор // Смолен. губ. вед. Ч. неофиц. 1854. (9 янв.), № 2. С. 11—15. [Тексты пословиц, причитаний, песен, загадок].

39. Село Большие Березники // Симбир. губ. вед. Ч. неофиц. 1855. 7 мая, № 19. С. 64—66; 14 мая, № 20. С. 67—68; 21 мая, № 21. С. 69—71; 28 мая, № 22. С. 72—73. [Материал по календар. и свадеб. обрядам, приметам и поверьям; игры, загадки, пословицы].

40. Народные русские сказки и загадки, собранные сельскими учителями Тульской губ. в 1862 и 1863 годах / Ред. А. А. Эрленвейна. 2-е изд. М.: изд. учеб. маг. «Нач. школа», 1882. 192 с.

41. Загадки, собранные по Вологодской губернии Н. Иваницким. (Этногр. материал) // Статистический сборник, издаваемый Вологод. губ. стат. ком. Вологда: Тип. Вологод. губ. правл., 1883. Т. 3. С. 307—313.

42. *Иваницкий Н. А.* Загадки [Вологод. у.] // Вологод. губ. вед. 1883. 5 мая, № 18. С. 9; 13 мая, № 19. С. 7—8.

43. *Панаев Ф. Н.* Сборник пословиц, поговорок, загадок, песен и былин, собранных в Соликамском уезде // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. 1883. Т. 7. Вып. 3. С. 114—139.

С. 120—122: Загадки.

44. *Износков И. А.* О памятниках народной математики: сообщение, читанное 27 октября 1884 года на заседании физико-математической секции Общества естествоиспытателей при Имп. Казанском университете. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1884. 6 с. С. 5. [Приведены народные задачи, пословицы, поговорки, загадки, имеющие отношение к математическим знаниям].

45. *Сахаров И. П.* Сказания русского народа: Кн. 1—2. СПб.: А. С. Суворин, 1885. Кн. 1: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб., 1885. X, 298 с.

46. *Белоруссов Н.* Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии // Рус. филолог. вестн. 1887. Т. 18, № 4. С. 193—289.

С. 253—278. [Тексты сказок, бывальщин, пословиц, загадок, ист. песен, лирики].

47. *Горбунов Г.* Загадки и сказки, записанные в селе Казгулаке Ставропольской губернии Новогригорьевского уезда // Сб. мат-лов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Изд. упр. Кавказ. учеб. окр., 1888. Вып. 6. Отд. 2. С. 186—225.

48. *Горбунов Г.* Сказки, приметы, поговорки и загадки, записанные в Ставропольской губернии, Новогригорьевском уезде // Сб. мат-лов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Изд. упр. Кавказ. учеб. окр., 1889. Вып. 7. Отд. 2. С. 51—63.

49. *Магницкий В. К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этногр. сборник // Казан. губ. вед. 1889. 5 янв., № 2; 17 янв., № 6. [Загадки].

50. *Минх А. Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888 годах. СПб.: В. Безобразов, 1890. 152 с. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 19. Вып. 2).

51. *И. С.* Загадки Слободского уезда Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1892 год. Изд. губ. стат. ком. Вятка: губ. тип., 1891. Отд. 4. С. 168—226.

52. [Некрасов П. А.] Народное творчество в деревне Косой брод Северной волости Екатеринбургского уезда / Под ред. А. А. Дмитриева // Екатеринбург. неделя. 1891. 2 июня, № 21. С. 35—36 (2-я паг.); 9 июня, № 22. С. 37—40 (2-я паг.); 23 июня, № 24. С. 41—44 (2-я паг.); 7 июля, № 26. С. 45—48 (2-я паг.); 21 июля, № 28. С. 49 — 52 (2-я паг.); 4 авг., № 30. С. 53 (2-я паг.). [Тексты загадок, свадеб., лирических песен, наговоров, пословиц из Перм. губ.].

53. То же // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. 1891—1892. Т. 13. Вып. 1. С. 35—53.

54. Русское красное словцо: Народные пословицы, поговорки, присловья, шутки, прибаутки и загадки. М.: П. Е. Астафьев, 1891. 36 с.

55. *Гусев А.* Поверья, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской Терской области // Сб. мат-лов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Изд. упр. Кавказ. учеб. окр., 1893. Вып. 16. С. 317—366. [Материал по поверьям, загадкам, свадебному обряду, календарю и сказкам].

56. *Кикоть В.* Сказки, предрассудки, пословицы, поговорки и загадки, записанные в ст. Умахан-Юртовской // Сб. мат-лов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Изд. упр. Кавказ. учеб. окр., 1893. Вып. 15. Отд. 2. С. 147—178.

С. 191—192: Загадки.

57. *Антипов В.* Очерк Уломского края Череповецкого уезда // Новгор. губ. вед. Ч. неофиц. 1895. 4 мая, № 33. С. 2—3. [Суеверия, приметы, загадки, пословицы].

58. *Ильинский Я.* Свадебные причеты, детские песни и пр., записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волостях Пошехонского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 2. С. 226—241. [Тексты свадеб. причитаний, детского фольклора, игр, песен, загадок, суеверий из Ярослав. губ.].

59. *Добровольский В. Н.* Образцы говора Жиздринского уезда Калужской губ. // Живая старина. 1898. Вып. 3—4. С. 387—392. [Тексты загадок, свадебных, масленичных песен, ист. и необрядовых песен].

60. Народный быт великого Севера: его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловья, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания. Т. 2 / Сост. А. Е. Бурцев. СПб.: И. Ефрон, 1898.

С. 177—258: Загадки.

61. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Вып. 1—2 / Собр. и приготовил к печати П. Симони. СПб.: Тип. Имп. АН, 1899. 216, 8, XII с. (Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН; Т. 66, № 7).

62. *Лященко А.* Из старых журналов // Живая старина. 1900. Вып. 3. С. 447—449.

С. 447—449: Перепечатка текстов «Древних русских простонародных загадок» из журнала «Парнасский Щепетильник» 1770 г.

63. Песни и загадки / Зап. Я. И. Петровой // Изв. Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1900. Вып. 14. С. 106—196, нот. вклейка.

С. 188—196: Загадки. Материал Красноуфим. у. Перм. губ.

64. *Балов А.* Народные загадки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 114—116.

65. Загадки русского народа. Сб. загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1901. X, 295 с.

66. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда / Сообщил В. Чернышев // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН. 1901. Т. 70. № 7. С. 1—XV, 1—216.

С. 103—104: Загадки.

67. Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии в 1890 и 1891 гг. П. А. Некрасовым // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. 1901. Т. 22. С. 118—223.

С. 218—223: Загадки.

68. Областной словарь колымского русского наречия / Собр. на месте и сост. В. Г. Богораз // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН. 1901. Т. 68. № 4. С. 1—346.

С. 325—346: Загадки.

69. *Плотников А.* Лижемский приход Петрозаводского уезда. (Краткий очерк) // Олонец. губ. ведомости. 1901. № 32, 20 ноября; № 133, 24 ноября; № 134, 27 ноября. [Тексты обрядов, обычаев, загадок].

70. *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии / Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1902. Т. 32. № 1. Вып. 1 / 2. С. 65—140.

С. 108—117: Загадки.

71. *Воскресенский В. А.* Русская народная поэзия. Сб. сказок, былин, ист. и быт. песен, обрядов, пословиц, загадок / Под ред. В. Яковлева. Изд. 2-е. СПб.: Изд. Н. П. Карбасникова, 1902. VIII, 303 с.

С. 293—303: Загадки.

72. Побывальщинки, заговоры, поговорки, пословицы, присказки, загадки и т.п. // Зап. Краснояр. подотд. вост.-сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. По этнографии. 1902. Т. 1. Вып. 1. С. 131—140.

С. 136: Загадки.

73. Загадки, приветствия при встрече, шутки и остроты крестьян Вологодской губернии // Живая старина. 1903. Вып. 4. С. 482—488.

74. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 8 // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН. 1903. Т. 73. № 5. С. 1—246.

С. 5—11: Сказки, песни и загадки Вятской губ., сообщение Е. А. Костровой.

75. Материалы по этнографии Курской губернии / Подгот. к печати В. И. Резанов. Ч. 3. Сборники А. С. Машкина // Курск. сб. 1903. Вып. 4. С. 1—115.

С. 47—50: Загадки, зап. в г. Обояни и его уезде учителем Машкиным.

76. *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. (Из путевого журнала 1857 г.) // Живая старина. 1903. Вып. 3. С. 297—357. С. 355—357. [Тексты загадок].

77. *Попов Н.* Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда. (Этногр. материал собран в 1857 г.) // Живая старина. 1903. Вып. 1 / 2. Отд. 2. С. 188—224.

С. 199—201: Загадки.

78. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов / Сообщил В. Чернышев // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН. 1903. Т. 75. № 2. С. 1—191.

С. 116: Загадки.

79. *Шайжин Н. С.* К материалам по народной словесности. Петрозаводск: Губ. тип., 1903. 174 с.

С. 9—13: Загадки, записанные в Нигижме Пудожского уезда.

80. *Шайжин Н. К.* К материалам по народной словесности. Загадки, зап. в Нигижме Пудож. у. // Олонец. губ. ведомости. 1903. № 113, 28 окт.

81. *Даль В.* Пословицы русского народа. Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1—8. Изд. 3-е. СПб.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1904—1905. Т. 1. 1905. XXXI. 276 с. Т. 2. 1905. 263 с. Т. 3. 1905. 257 с. Т. 4. 1905. 248 с. Т. 5. 1904. 134 с. Т. 6. 1904. С. 135—257. Т. 7. 1904. 124 с. Т. 8. 1904. С. 125—248, VI.

82. Загадки, записанные в Смоленском уезде членом сотрудником ИРГО В. Н. Добровольским // Живая старина. 1905. Вып. 1 / 2. С. 77—96.

83. Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии. (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) / Сообщ. Д. К. Зеленым // Живая старина. 1905. Вып. 1/2. С. 1—56.

С. 48—49: Загадки.

84. Свадебные причеты // Зап. крестьянином И. В. Волковым (Вологод. губ., Грязов. у.), часто бывшим сватом // Живая старина. 1905. Вып. 1/2. С. 203—225.

С. 224—225: Загадки.

85. *Едемский М. Б.* Загадки в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. 1906. Вып. 1. Отд. 2. С. 62—68.

86. *Востриков П. А.* Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1907. Вып. 37. Отд. 2. С. 1—93.

С. 71—74: Загадки.

87. *Неуступов А.* Этнографические мелочи из Кадниковского уезда // Живая старина. 1907. Вып. 4. Отд. 5.

С. 42—43: Загадки.

88. *Водарский В. А.* Слова великорусского наречия, записанные в станице Михайловской Кубанской области // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып. 38. Отд. 3. С. 43—49. [Тексты загадок].

89. *Максимов С. В.* Собрание соч. Т. 1—20. Изд. 4-е. СПб., изд. т-ва «Просвещение», 1908—1913. Т. 7. Куль хлеба и его похождения. 1910. 348 с. С. 1, 2, 13, 17, 22, 26, 27, 54, 55, 71, 78, 92, 93, 113, 115, 131, 168, 170, 171, 221, 233, 288 [В т. ч. тексты загадок о земледелии и хлебе].

90. *Бурцев А. Е.* Полн. собр. этногр. тр. Мой досуг // Худож.-этнограф. сб. Т. 1—11. СПб.: Тип. А. К. Вейерман, 1910—1911. Т. 9. Вып. 41—42: Загадки русского народа. С. 73—162.

91. *Дурново Н., Ушаков Д.* Хрестоматия по великорусской диалектологии. Пособие при преподавании рус. яз. в высш. учеб. заведениях. М., 1910. 216 с.

С. 60—79: Вологодская губерния (свадеб. причеты, сказки, пословицы, загадки и т. п.). С. 80—91: Вятская губерния. [В т. ч. загадки].

92. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 9 // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН. 1910. Т. 87. № 5. С. 1—272. С. 152—155. [В т. ч. загадки].

93. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 3. Изд. 2-е / Под ред. А. Е. Грузинского. М.: изд. фирмы «Сотрудник школ», 1910. VI, 432 с.

С. 209—210: Загадки.

94. *Попов В. П.* Пчеловодная хрестоматия. (Сб. стихотворений, очерков, рассказов, легенд, пословиц, поговорок, загадок и т. п., относящихся до пчелы и пчеловодства). Пенза: Губ. тип., 1911. 112 с.

С. 67—78: Пчела в загадках, пословицах, поговорках и присказках.

95. Материалы для изучения народного творчества Рязанской губернии / Сообщ. Д. Д. Солодовников // Тр. Рязан. учен. арх. комиссии. 1912. Т. 25. Вып. 1. Отд. 1. С. 80—95.

С. 93: Загадка и поговорка.

96. *Станиловский А. М.* Записки. С биограф. его очерком. Посмертное изд. / Под ред. Я. В. Азлецкого. Иркутск: Тип. Т-ва печатн. дела, 1912. 191 с. (Труды вост-сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. № 7). С. 118—121.

97. *Чеканинский И. А.* Несколько народных загадок // Сиб. Архив. 1913. № 9/11.

С. 421—423: Тексты, зап. в Краснояр. и Енис. у.

98. Материалы по русской диалектологии / Под ред. Е. Ф. Карского // Варшав. унив. изв. 1914. № 9.

С. 17—121: Материалы, собр. А. Д. Нечаевым летом 1912 г. в Стародубском уезде. С. 56—57: Загадки, зап. в селе Гарцове.

99. *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVIII ст. Ч. 2. Посмертн. изд. М.: Синод. тип., 1915. 900 с. (Домашн. быт рус. народа в XVI и XVIII ст. Т. 1. Ч. 2).

С. 159—161, 622—623: Изречения и загадки в скорописн. азбуках.

100. Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М.: Изд. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН, 1915. VII, СХVIII, 666 с.

С. 518: Загадки.

101. *Серебрянников В. Н.* Загадки как народное развлечение. (Загадки крестьян Оханского уезда Пермской губернии). Пермь, 1918. 36 с.

102. *Серебрянников В. Н.* Загадки народные, записанные в Оханском уезде Пермской губернии // Трудовая коммуна. 1918. № 11. С. 9—12; № 12. С. 17—18; № 14—15. С. 9—16.

103. *Аргентов Г.* Загадки как народное развлечение // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 11—12. С. 31—37.

104. *Попов В. А.* Из народного творчества Кунгурского края // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 8—10. С. 32—33. [Тексты загадок, пословиц, примет и скороговорок, зап. в Ачинском р-не].

105. *Рыбникова М. А.* Загадки. М.; Л.: Academia, 1932. 488 с.

106. Новые загадки колхозной деревни. Записано в с. Людинове // Наступление. 1935. № 6. С. 65—66.

107. Фольклор Саратовской области. Кн. 1 / Сост. и вступ. ст. Т. М. Акимовой; ред. А. П. Скафтымов. Саратов: Обл. кн. изд-во, 1946. 536 с. С. 212—225.

108. Советский фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин; ред. Н. И. Рождественская. Чкалов: ОГИЗ, 1947. 168 с. С. 73—151. [В т. ч. загадки].

109. Уральский фольклор / Ред. М. Г. Китайник. Свердловск: ОГИЗ, 1949. 235 с.

С. 150: Загадки.

110. Рыбацкие песни и сказы / Зап. текстов, статьи и примеч. Р. Липец. М.: Госкультпросветиздат, 1950. 218 с. (Гос. лит. музей).

С. 145—154: Загадки, пословицы, поговорки.

111. Песни и сказки Пензенской области / Сост. А. П. Анисимова; ред. Э. В. Померанцева. Пенза: Кн. изд-во, 1953. 280 с.

С. 99—112: Загадки.

112. Народное поэтическое творчество Смоленской области. Из Смоленского этнографического сборника В. Н. Добровольского / Ред. В. М. Сидельников. Смоленск: Кн. изд-во, 1954. 133 с.

С. 81—86: Пословицы, поговорки, загадки.

113. Частишки, пословицы, загадки / Сб. сост. К. Коничевым. Архангельск: Кн. изд-во, 1954. 123 с.

С. 76—91: Загадки.

114. То же. Изд. 2-е. Песни Севера. Частишки, пословицы, загадки. Архангельск: Кн. изд-во, 1955. 168 с.

115. Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР / Сост. В. Ф. Павлова; ред. В. И. Чичеров. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 303 с.

С. 217—224: Пословицы, поговорки и загадки.

116. Сказки, пословицы, загадки. Сборник устного народного творчества Омской области / Ред., подгот. текста и сост. В. А. Василенко. Омск: Кн. изд-во, 1955. 179 с.

С. 163—167: Загадки.

117. Народное творчество послевоенных лет / Собр. и сост. В. П. Бирюков. (Частишки. Пословицы и поговорки. Загадки) // На земле Курганской. Альманах. 1956. № 4. С. 287—293.

118. *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.

119. Диалектологические материалы Куйбышевской обл. (Тексты песен, сказок, рассказов, побасенок, загадок, пословиц и поговорок; плач невесты; частушки) // Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. им. В. В. Куйбышева. 1957. Вып. 17. С. 29—150.

120. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Н. Садовников; вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина. М.: Изд-во Моск. унив., 1959. 335 с.

121. Народные загадки / Сост. Д. Анкирская и В. Смирнов. Кострома: Кн. изд-во, 1959. 32 с.

122. Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Учебн. пособие для вузов / Сост. Э. В. Померанцева и С. И. Минц. М.: Учпедгиз, 1959. 578 с.

С. 177—180: Загадки.

123. Старинные и современные загадки русского народа / Сост. В. Н. Блохина. Горький, 1959. 157 с. (Горьковский гос. пед. ин-т).

124. Крылатые слова на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков; под ред. П. А. Вовчка. Свердловск: Кн. изд-во, 1960. 117 с.

С. 87—113: Шутки, загадки, скороговорки, дразнилки.

125. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. (Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР) / Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова; Отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 289 с. (Памятники рус. фольклора).

С. 186—246: Загадки.

126. Песни, сказки / Сб. сост. А. П. Анисимова. Пенза: Кн. изд-во, 1962. 203 с.

С. 110—124: Народные загадки.

127. Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собр. В. Н. Серебренников; сост. и автор вступ. статьи Т. И. Вершинин; ред. послесл. и примеч. Г. И. Бромштейна. Пермь: Кн. изд-во, 1964.

С. 51—82: Загадки.

128. *Акчурина Р. К.* Секреты солнечной ягоды. Пословицы, поговорки, присловия. Легенды о виноградной лозе и вине. Симферополь: изд-во «Крым», 1965. 111 с.

С. 69—78: Пожелания, присловия, шутки, загадки.

129. Крупицы фольклора // Уральский рабочий. 1965. 19 марта, № 65. (Загадки, зап. в 70-х гг. XIX в. Н. П. Булычевым в Ирбитском уезде).

130. Сказки. Песни. Частушки / Под ред. В. В. Гура. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. 332 с. (Нар. устно-поэтич. творчество Вологодского края).

С. 184—189: Загадки.

131. Народное творчество Сев. Двины. Старинные песни. Прибаутки. Детские песенки. Считалки. Байки. Загадки. Сказки. Свадебные обряды (Арханг. гос. пед. ин-т) / Сост. сб. и авт. вступ. ст. В. В. Митрофанова, Л. В. Федорова. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1966. 171 с.

С. 92—103: Загадки.

132. Октябрь в творчестве народном // Рабоч. край. 1967. 26 авг., № 200. [Рабоч. песни, совр. песни, частушки пословицы и загадки, зап. в Иванов. обл.].

133. Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим) / Сост., автор статьи и примеч. В. П. Кругляшова; отв. ред. В. В. Кусков. Свердловск, 1967. 303 с. (Учен. зап. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. № 60. Сер. филол. Вып. 5).

С. 215—230: Загадки.

134. Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова; отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1968. 255 с.

С. 18—164: Загадки; с. 245—254: Указатель отгадок.

Рец.: *Чернятевич К.* Живое лукавство ума // В мире книг. 1969. № 2. С. 38.

135. *Кругляшова В.* Самоцветы живого слова // Урал. 1968. № 7. С. 168—172. [Традиц. частушки, пословицы и поговорки, прибаутки, загадки и лирич. песни, зап. на среднем горнозавод. Урале].

136. Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья / Сост. Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969. 347 с. С. 197—213.

137. Фольклор казаков Сибири (АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил., Бурят. ин-т обществ. наук) / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1969. 364 с.

С. 280—285: Загадки.

138. *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки. (Заметки по общей теории клише) (АН СССР. Ин-т востоковедения). М.: Наука, 1970. 240 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). С. 131—207. [Тексты (пословицы, анекдоты, сказки, загадки)].

139. *Рыбаков Б. А.* Просвещение // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 2. Дух, культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 158—205.

С. 169: Загадка и лирич. песня, обнаруженные на берестяных грамотах Новгорода.

140. *Пермяков Г.* Паремнологический эксперимент. Материалы для паремнологического минимума. Полторы тысячи русских пословиц, поговорок, загадок, примет и др. народных изречений, наиболее распространенных в живой разговорной речи. М.: Наука, 1971. VI, 48 с.

С. 33—36: Загадки и загадочные вопросы.

141. *Биркенгоф А. Л.* Потомки землепроходцев. Воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты реки Индигирки. М.: Мысль, 1972. 222 с.

С. 175: Загадки.

142. *Митропольская Н. К.* Русские загадки, записанные в Зарасайском, Аникшийском, Игналинском и других районах Литовской ССР от местного русского старожильского населения // Науч. тр. вузов ЛитССР. Литература. 1974. № XIV (2). С. 131—155.

143. Русский фольклор в Литве (Вильнюс. гос. ун-т им. В. Капсукаса) / Исслед. и публ. Н.К.Митропольской. Вильнюс, 1975. 431 с.

С. 106—117: Загадки.

144. *Багизбаева М. М.* Фольклор семиреченских казаков. Ч. 1, 2. Алма-Ата: Мектеп, 1977—1979. Ч. 1. 1977. 280 с.

С. 213—221: Загадки.

145. *Науменко Г. М.* Русские народные сказки, скороговорки и загадки с напевами. М.: Сов. композитор, 1977. 104 с., нот.

С. 78—92: Загадки.

146. *Митрофанова В. В.* Русские народные загадки / Отв. ред. В. И. Еремина. Л.: Наука, 1978. 180 с.

147. *Перевозчикова Т. Г.* Записи загадок в публикациях и рукописных коллекциях Г. Е. Верещагина // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора. (Науч.-исслед. ин-т при Совете министров Удм. АССР). Ижевск, 1978. С. 121—124.

148. Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой; отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1983. Т. 1. 342 с. (Сер.: «Памятники рус. фольклора»).

149. Антология педагогической мысли Древней Руси и русского государства XIV—XVII вв. (АПН СССР) / Сост., коммент. С. Д. Бабишина, Б. Н. Митюрлова. М.: Педагогика, 1985. 366 с.

С. 31—150: Народная педагогика о воспитании [в т. ч. тексты загадок].

150. Живой родник. Донские загадки, пословицы и поговорки, собранные С. Н. Земцовым. Волгоград: Ниж.-волж. кн. изд-во, 1985. 128 с.

151. Русский фольклор. Песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки, причитания, пословицы и присловья / Сост. и примеч. В. П. Аникина. М.: Худож. лит., 1985. 367 с. (Классики и современники. Рус. классич. лит.).

152. Частушки. Присказки, припевки, досады, стишки / Сост., авт. статей и примеч. В. С. Дзядок. Петрозаводск: Карелия, 1991. 232 с. [С текстами загадок].

153. С миру по нитке. Собрал Леонид Клюкин лучшую в мире коллекцию юмористических загадок и любопытных слов, а рисунок сделал Сергей Тюнин. Для всех, кому от 10 до 100. М.: СП «Квинс», 1992. 48 с.

154. Фольклор Ижморского района / Сост., авт. предисловия Е. Лутовинаова. Кемерово: Камея, 1993. 160 с., нот. [В т. ч. загадки].

155. Детский гостинец // Губернский дом. 1994. № 5. С. 80. [Тексты загадок из книги 1794 г.].

156. *Кивотов С. А.* Загадки о растениях // Мир человека: теорет., научно-поп. и художественно-публицист. журнал: Философия. Образование. Культура. 1994. № 4. С. 32—36.

157. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре: В 10 вып. М.: Худож. лит., 1991. Вып. 2: Детство. Отрочество: Сказки о животных, волшебные, бытовые, балагурные, докучные, небылицы, загадки / Послесловие В. Жигулевой. 1994. 525 с.

158. Русский смехоэротический фольклор / Сост., вступ. статья и примеч. С. Б. Борисова. СПб.: АО «Атос», изд-во «Б-ка Звезды», 1994. 192 с. [В т. ч. загадки].

159. Сны, приметы, загадки, поговорки / Сост. И. А. Подюков. Пермь: Перм. обл. творч. центр, 1994. 75 с. (Сер. «Народные традиции и фольклор Прикамья»).

160. Загадки из фольклорного архива МГУ / Публ. Е. В. Миненок, при участии Ф. С. Капицы // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Нар. театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 374—425. (Русская потаенная литература).

161. Загадки русского народа. Сб. загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. М.: Современ. писатель, 1995. 398 с. (Славянский мир: СМ).

162. Загадки русского народа, собранные Л. Н. Федосеевой-Шукшиной. М.: ассоц. «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. 223 с.

163. *Низовцева С. Г.* Загадки // Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986—1991 гг.). Исследования и материалы (Сыктывкар. гос. ун-т) / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1995. С. 145—154.

164. Пермские загадки / Публ. И. А. Подюкова // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Нар. театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1995. С. 426—431.

165. Песни и загадки ряженных («наряженок») на святочных игрищах / Публ. Т. В. Кирюшиной // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Нар. театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков.

М.: Ладомир, 1995. С. 228—229. [Материал Костромской обл.].

166. Русская эротическая загадка / Собр. С. Моряков, М. Бурьяк // Рус. провинция. 1995. № 1. С. 88—89.

167. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. редактирование А. Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1995. 640 с. (Русская потаенная литература).

168. Сказки, песни, загадки. Рус. фольклор в Туве (Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории) / Сост., подгот. текстов, примеч. М. П. Татаринцевой. Кызыл, 1995. 176 с.

169. Тверские загадки (Твер. обл. гос. дом нар. Творчества) / Авт.-сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь, 1995. 112 с. («Тверской фольклор»).

170. Две тысячи русских народных загадок / Сост. П. Ф. Лебедев. Балашов: Изд-во Балашов. пед. ин-та, 1996. 88 с.

171. Загадки русского народа. Сб. загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников; вступ. ст. (с. 3—30), и примеч. В. П. Аникина. М., 1996. 335 с. (Русский дом).

172. Старинные вятские загадки. Загадки Слободского уезда Вятской губернии (собрание И. М. Софийского) / Вступ. ст., ред., примеч. Т. Николаевой. Вятка (Киров), 1996. 80 с.

173. 1000 загадок. Популярное пособие для родителей и педагогов / Сост. Н. В. Елкина, Т. И. Тарабарина. Ярославль, 1996. 220 с. (Вместе учимся, играем).

174. *Козак О. Н.* Загадки и скороговорки. СПб.: Союз, 1997. 270 с. (Азбука развлечений).

175. Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост., послесл., коммент. А. Н. Мартыновой, В. В. Митрофановой. М.: Современник, 1997. 509 с.

176. Народная мудрость / Сост. В. Воскобойников. СПб.: ТОО «Респекс», 1997. 442 с. (Русь Великая). [Пословицы, поговорки, загадки и др.].

177. Загадки бабушки Федоры. [Учеб. пособие по курсу «Родная словесность» / Сост. Е. Н. Леонович]. М.: Финансы и статистика, 1998. 64 с.

178. Загадки народов России. (Для шк. возраста) / Сост. Т. Климова. М.: Изд. дом «Ростэн», 1998. 94 с.

179. Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX—начала XX в. Вып. 2. Необрядовая поэзия. (Духовные стихи, песни, сказки, предания, загадки, пословицы, поговорки и др.) / Сост., подгот. текстов, предисл. и примеч. Н. М. Ведерниковой. М.: Родникъ, 1998. 250 с. (Русская традиц. культура. Вып. 3—4).

180. *Коротин Е. И.* Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков (Антология). Ч. 2. Свадебный обряд. Сказки. Предания. Байки. Пословицы. Поговорки. Приметы. Загадки.

Детский фольклор. Самара; Уральск: Самар. Дом печати, 1999. 224 с.

181. Жемчужины народной мудрости: Пословицы. Загадки. Поговорки. Скороговорки. Дразнилки. Колядки. Потешки. Считалки / Сост. Г. Н. Тубельская, Е. Н. Новикова, А. Э. Лебедева; предисл. А. Э. Лебедевой. М.: АСТ, 2000. 552 с.

182. Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост. послесл. коммент. А. Н. Мартыновой, В. В. Митрофановой. М.: Современник, 2000. 509 с.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
----------------------	---

РАЗДЕЛ I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

А. Н. Р о з о в. Из истории создания первого Свода русских народных песен	5
Т. Г. И в а н о в а. Русская фольклористика в стенах Российской академии истории материальной культуры	10
Е. А. К о с т ю х и н. 1920-е годы: становление отечественного сказко-ведения	33
Н. Е. О н ч у к о в. Устная словесность нашего времени. Публикация В. И. Жекулиной	43
С. П. С о р о к и н а. История одного неудавшегося приобретения	55
Н. Г. К о м е л и н а. Из переписки Э. Г. Бородиной-Морозовой и М. С. Крюковой	62
О. В. Н и к и т и н. А. А. Реформатский — собиратель и исследователь русского фольклора	88
А. Н. Р о з о в. Русский фольклор в трудах Д. С. Лихачева. (Из доклада к столетию выдающегося ученого)	95
Д. М. Б а л а ш о в. Устарел ли Гомер? (По поводу статьи А. Горелова «Соединяя времена»). Публикация и комментарии А. А. Горелова	102
Ф. В. С о к о л о в. «Воспоминания». Публикация и комментарии А. А. Горелова	108

РАЗДЕЛ II. ФОЛЬКЛОР. НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Мезенский рукописный песенник 1834 года. Публикация и комментарии А. Ю. Кастрова	127
Духовные стихи в записи А. А. Шахматова. Публикация и комментарии В. И. Ереминой	162
Народная проза из архива В. И. Смирнова. Публикация и комментарии С. В. Гаврилиной	172
Из полевых записей А. М. Астаховой 1928 года. (Заговоры на Мезени). Публикация и комментарии Л. И. Петровой ..	184
Образцы печорского песенного фольклора в записях 1929 года. Публикация и комментарии Ю. И. Марченко	224
Мезенские песни весенне-летнего и зимнего циклов в записи М. Н. Мякушина. Подготовка и комментарии Е. И. Якубовской	267
Г. Н. Щупак. Любовь к народной песне. Вклад И. В. Ефремова в дело собирания и изучения музыкального фольклора Пермского края	412

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

М. Н. Власова. «Петербургский миф» и некоторые петербургские суеверия XVIII—XIX вв. (По материалам прозаического фольклора)	457
---	-----

РАЗДЕЛ IV. АРХИВЫ. БИБЛИОГРАФИЯ

Р. Б. Заборова. Об архиве Н. П. Андреева	481
Н. Д. Светозарова. Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы. (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах)	493
Библиография основных исследований и публикаций загадок (XIX—XX вв.). Сост. М. В. Рейли	509

Научное издание

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Выпуск 7

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Ф. Я. Петрова и Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Егоровой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 30.08.07. Подписано к печати 00.00.08.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34. Уч.-изд. л. 35.4.
Тираж 800 экз. Тип. зак. 0000. С 000

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-026515-8

9 785020 265158